

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V.V. Vinogradov Russian Language Institute

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

X

**Материалы международной научной конференции
«Грамматические процессы и системы
в синхронии и диахронии»
(30 мая — 1 июня 2016 г.)**

Главный редактор А.М. Молдован

МОСКВА
2016

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 16-04-14109

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.). — М., 2016. 556 с.
ISSN 2311-150X

Издание основано в 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плуныян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

А. М. Молдован, академик РАН (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Г. И. Кустова, доктор филол. наук (Москва, Россия);
А. А. Пичхадзе, доктор филол. наук (Москва, Россия)

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

Издательство зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

**Proceedings
of the V.V. Vinogradov
Russian Language Institute**

X

**Materials of International Scientific Conference
«Grammatical Processes and Systems
in Synchrony and in Diachrony»
(May 30 – June 1, 2016)**

Editor-in-Chief Alexander M. Moldovan

MOSCOW
2016

Published with financial support
of the Russian Humanitarian Science Foundation.
Project N 16-04-14109

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2016, No. 10. Materials of International Scientific Conference «Grammatical Processes and Systems in Synchrony and in Diachrony» (May 30 — June 1, 2016). — M., 2016. 556 p.
ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS, (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nettet, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE

Alexander M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

Galina I. Kustova, D.Sc. (Moscow, Russia);
Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Moscow, Russia).

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-57258.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В СИНХРОНИИ

<i>В. А. Архипова (Латыпова)</i> (Москва). Дативно-предикативные конструкции в языке М. Ю. Лермонтова и А. С. Грибоедова	13
<i>Я. Э. Ахапкина</i> (Москва). Системные ошибки в нестандартных текстах: <i>кто пришли</i> — мн. ч. предиката при подлежащем «кто»	25
<i>А. В. Величко</i> (Москва). Предложения фразеологизированной структуры в грамматической системе языка	37
<i>М. Д. Воейкова, К. А. Иванова</i> (Санкт-Петербург). Семантические функции и особенности употребления отглагольных частиц <i>дай / давай</i>	44
<i>А. А. Герасимова</i> (Москва). Категориальный и аргументный статус актантных инфинитивных оборотов в русском языке	57
<i>П. В. Гращенков</i> (Москва). К вопросу о синтаксической структуре обособленных атрибутов	72
<i>М. Я. Дымарский</i> (Санкт-Петербург). Контроль, пресуппозиции и семантика контропативных инфинитивных высказываний	84
<i>Н. В. Ивлиева</i> (Москва). Особенности семантики разделительного союза <i>то ли ... то ли</i>	96
<i>В. В. Казаковская</i> (Санкт-Петербург). Эпистемическая модальность в русской детской речи	104
<i>И. М. Кобозева</i> (Москва). Когнитивно-семантический подход к описанию средств связи предложений (на примере коннекторов со значением непосредственного следования).	120
<i>Г. И. Кустова</i> (Москва). Синтаксические зависимые прилагательных (конструкция «А для Род S»).	134
<i>Е. М. Лазуткина</i> (Москва). О новой модели глагольного предложения в современном русском языке	152
<i>И. Б. Левонтина</i> (Москва). <i>Иду это я...</i> О дискурсивных употреблениях дейктических слов.	160

<i>А. Б. Летучий</i> (Москва). Модели управления сентенциальными актантами в русском языке: центр и периферия.	172
<i>Е. А. Лютикова</i> (Москва). Стратегии оформления аргументов в русской событийной номинализации и теория падежа.	201
<i>Н. К. Ониненко, О. С. Биккулова</i> (Москва). Проблема деепричастной нормы и категория субъекта	220
<i>А. В. Подобряев</i> (Москва). Семантическое связывание местоимений 1 и 2 лица в русском языке	232
<i>Е. В. Рахилина</i> (Москва), <i>Т. И. Резникова, М. А. Бородина</i> (Москва). «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века.	242
<i>С. С. Сай</i> (Санкт-Петербург). Время в русских финитных сентенциальных актантах: нейтрализация и точка отсчета	256
<i>Н. В. Сердобольская</i> (Москва). Явления синтаксической неподчинимости в актантных предложениях с глаголом <i>думать</i>	275
<i>Н. М. Стойнова</i> (Москва). Конструкция <i>(не) стать</i> + инфинитив: корпусные свидетельства микродиахронических изменений	296
<i>С. Г. Татевосов</i> (Москва). Заметки о незаметном отрицании	312
<i>Ronald F. Feldstein</i> (<i>Рональд Ф. Фельдштейн</i>) (США, Блумингтон). On Russian Concessive-Adversative Constructions with Pronominal Reduplication of the Type “Уж чем-чем, а этим его не удивишь” (Русские уступительные / противительные конструкции с повторами местоимений <i>Уж чем-чем, а этим его не удивишь</i>)	329
<i>М. А. Холодилова</i> (Санкт-Петербург). Словоизменительная одушевленность местоимения <i>который</i>	344
<i>А. В. Циммерлинг</i> (Москва). Предикативы параметрического признака в русском языке.	358
<i>О. В. Чагина</i> (Москва). Лингвистическое описание конструкций статального пассива в аспекте изучения русского языка как неродного	370

II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В ДИАХРОНИИ

<i>Оливье Азам</i> (Франция, Париж). Диахрония в помощь синхронии. О пользе диахронического подхода для объяснения некоторых сложных грамматических процессов в современном русском языке	378
<i>И. В. Вернер</i> (Москва). К предыстории кодификации творительного падежа в церковнославянской грамматике	394

<i>Е. А. Галинская</i> (Москва). Некоторые формы притяжательных местоимений в древнерусских текстах XIV–XV вв.	409
<i>Е. А. Мишина</i> (Москва). Об особых употреблениях форм аориста и действительного причастия прошедшего времени в древнерусских летописях.	420
<i>А. М. Молдован</i> (Москва). Грамматические архаизмы в списках «Слова о законе и благодати» Илариона . .	439
<i>Г. А. Мольков</i> (Санкт-Петербург). Употребление частицы <i>было</i> в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в.	454
<i>М. О. Новак</i> (Казань). О формах имен существительных в Толстовском Апостоле XIV в. (РНБ, Q.п.1.5)	465
<i>Я. А. Пенькова</i> (Москва). Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели.	475
<i>П. В. Петрухин</i> (Москва). Конструкция ‘ <i>быти</i> с причастием настоящего времени’ в житиях Бориса и Глеба (к вопросу о соотношении «Сказания» и «Чтения») . . .	489
<i>А. А. Пичхадзе</i> (Москва). Об предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия	499
<i>Е. Г. Сосновцева</i> (Санкт-Петербург). « <i>Бывает</i> + страдательное причастие»: семантика конструкции и ее употребление в памятниках русской агиографии. . .	516
<i>М. Н. Шевелева</i> (Москва). К истории древнерусского глагола <i>бывати</i> (аспектуальная семантика).	526
<i>И. С. Юрьева</i> (Москва). Место инфинитивных конструкций с начинательными глаголами в системе прошедших времён древнерусских и церковнославянских текстов . . .	544

CONTENTS

I. GRAMMATICAL PROCESSES AND SYSTEMS IN SYNCHRONY

<i>Victoria A. Arkhipova (Latypova)</i> (Moscow). Predicative Dative Constructions in the Language of M. Lermontov and A. Griboedov	13
<i>Yana E. Akhapkina</i> (Moscow). System Mistakes in Non-standart Texts: <i>Kto Prishli</i> – Plural Form of Predicate with Subject <i>Kto</i>	25
<i>Alla V. Velichko</i> (Moscow). Sentences of Phraseologized structure in Language Grammar System	37
<i>Maria D. Voeykova, Kira A. Ivanova</i> (St. Petersburg). Semantic functions and the Use of Deverbal Particles <i>daj / davaj</i>	44
<i>Anastasia A. Gerasimova</i> (Moscow). Syntactic Category and Argument Status of Russian Infinitival Complements	57
<i>Pavel V. Grashchenkov</i> (Moscow). On the Syntactic Structure of Shifted Attributives	72
<i>Mikhail Ya. Dymarsky</i> (St. Petersburg). Control, presuppositions, and the Semantics of Counter-Optative Infinitive Utterances.	84
<i>Natalia V. Ivliyeva</i> (Moscow). Semantics of <i>to li... to li...</i> Disjunction in Russian	96
<i>Victoria V. Kazakovskaya</i> (St. Petersburg). Epistemic Modality in Russian Child Speech.	104
<i>Irina M. Kobozeva</i> (Moscow). Cognitive-semantic Approach towards the Description of Connectors (Connectors of Immediate Precedence)	120
<i>Galina I. Kustova</i> (Moscow). Syntactic Dependencies of Adjectives (Construction «A dlya Gen S»)	134
<i>Elena M. Lazutkina</i> (Moscow). About the New Model the Simple Verbal Sentence in the Modern Russian Language	152
<i>Irina B. Levontina</i> (Moscow). <i>Idu eto ya...</i> On Some Discourse Functions of the Demonstrative Words	160
<i>Alexander B. Letuchiy</i> (Moscow, Russia) Patterns of Complementation in Russian: Core and Periphery	172
<i>Ekaterina A. Lyutikova</i> (Moscow). Argument Encoding in Russian Event Nominals and Case Theory	201

<i>Nadezhda K. Onipenko, Olga S. Bikkulova</i> (Moscow). Russian Adverbial Participle – Grammatical Rule and Category of Subject.	220
<i>Alexander V. Podobrjaev</i> (Moscow). Semantic Binding of 1 st and 2 nd Person Pronouns in Russian	232
<i>Ekaterina V. Rakhilina, Tatiana I. Reznikova, Marina A. Borodina</i> (Moscow). «Taman Today»: Corpus Research of XIX th Century’s Russian Language	242
<i>Sergey S. Say</i> (St. Petersburg). Tense in Russian Finite Complement Clauses: Neutralization and Point of Reference	256
<i>Natalia V. Serdobolskaya</i> (Moscow). Main Clause Phenomena in Complement Clauses Headed by the Verb <i>dumat</i> ‘think’	275
<i>Natalia M. Stoynova</i> (Moscow). (<i>ne</i>) <i>stat</i> ’ + Infinitive in Russian: Corpus Evidence for Microdiachronic Semantic Changes	296
<i>Sergei G. Tatevosov</i> (Moscow). Notes on Unnoticeable Negation.	312
<i>Ronald F. Feldstein</i> (USA, Bloomington). On Russian Concessive-Adversative Constructions with Pronominal Reduplication of the Type « <i>Uzh chem-chem, a etim ego ne udivish</i> ’»	329
<i>Maria A. Kholodilova</i> (St. Petersburg). The Animate Accusative Form of the Pronoun <i>kotoryj</i> ‘which’.	344
<i>Anton V. Zimmerling</i> (Moscow). Parametric Predicatives in Russian	358
<i>Olga V. Chagina</i> (Moscow). Constructions of a Statal Passive in a Linguistic Description of Russian for Foreigners	370
II. GRAMMATICAL PROCESSES AND SYSTEMS IN DIACHRONY	
<i>Olivier Azam</i> (France, Paris). <i>Prodajutsja dva bol’six stola</i> . Synchrony Assisted by Diachrony. About the usefulness of the diachronic approach to explain some difficult grammatical processes in contemporary Russian	378
<i>Inna V. Verner</i> (Moscow). On Prehistory of the Instrumental Case Codification in Church Slavonic	394
<i>Elena A. Galinskaya</i> Some Forms of Possessive Pronouns in Old Russian Texts in the 14 th and 15 th Centuries.	409
<i>Ekaterina A. Mishina</i> (Moscow). On the Special Usages of the Forms of Aorist and Active Past Participle in Old Russian Chronicles.	420
<i>Alexander M. Moldovan</i> (Moscow). Grammatical Archaisms in the Synodal Manuscript of Hilarion’s <i>SERMON ON LAW AND GRACE</i>	439

Georgy A. Molkov (St Petersburg).
The Use of the Particle *bylo* in the Translation of Ovid's
the *Metamorphoses* at the Beginning of the 18th Century. 454

Maria O. Novak (Kazan).
On Noun Forms in Tolstovskii Apostolus from the 14th Century (NLR, Q.n.I.5) 465

Yana A. Pen'kova (Moscow).
Semantics of the Slavic Future Perfect and Several Typological Parallels. 475

Pavel V. Petrukhin (Moscow).
The construction 'byti with the Present Participle' in the *Vitae* of Boris and Gleb
(on the problem of the relationship between the *Narration* and the *Lectio*). 489

Anna A. Pichkhadze (Moscow).
On Predicative vs. Attributive Participles in Old Russian: Indeclinable Participles . . . 499

Elizaveta G. Sosnovtseva (St Petersburg).
The Grammatical Analysis of Constructions *byvaet* with Passive Participles
in Russian Hagiography 516

Maria N. Sheveleva (Moscow).
On the History of the Old Russian Verb *byvati* (Aspectual Semantics). 526

Irina S. Yurjeva (Moscow).
The Place of Infinitive Constructions with Inchoative Verbs in the System
of Past Tenses in Old Russian and Church Slavonic Texts. 544

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В СИНХРОНИИ

В. А. Архипова (Латыпова)

Московский педагогический государственный университет

ИСЛИ

(Россия, Москва)

vic_1793@mail.ru

ДАТИВНО-ПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯЗЫКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И А. С. ГРИБОЕДОВА*

Целью данной работы является изучение дативно-предикативных конструкций в языке М. Ю. Лермонтова. Материалом исследования послужили прозаические тексты писателя, представленные в НКРЯ, а также все поэтические произведения, включая их разные редакции, опубликованные в собрании сочинений М. Ю. Лермонтова в 4-х томах [Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. Л., 1981].

1. Общие результаты исследования.

В ходе работы мы учитывали только предикативы в сочетании с дательным падежом лица, в предложениях без согласования. Всего было выявлено 67 предикативов и 346 случаев их употребления в искомым конструкциях.

2. Частотный анализ материала.

Наиболее частотным в идиолекте М. Ю. Лермонтова оказался предикатив *надо*, зафиксированный в 36 употреблениях, что составило 10,4% от всех случаев использования писателем дативно-предикативных конструкций. Второе место занял предикатив *удобно*, встретившийся 26 раз, что равно 7,5% от общего количества употреблений. Третье место разделили предикативы *жаль* и *надобно*, использованные М. Ю. Лермонтовым с дательным падежом лица по 18 раз (по 5,2% на каждый от всех зафиксированных случаев).

3. Семантический анализ материала.

Выявленные в ходе исследования предикативы можно классифицировать по семантическому признаку, опираясь на анкету словаря русских предикативов,

* Работа над статьей осуществлялась при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 16–18–02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

составленную А. В. Циммерлингом. Наибольшими группами в идиолекте М. Ю. Лермонтова являются: группа модальных предикативов, включающая 14 единиц; группа предикативов, обозначающих эмоциональное состояние (также 14 единиц); группа параметрических предикативов (11 единиц).

Ключевые слова: семантика, корпусная грамматика, категория состояния, дативно-предикативные конструкции, идиолект.

Вводные замечания

Сегодня изучение предикативных конструкций с дативным субъектом является актуальной научной задачей, решению которой посвящены работы А. В. Циммерлинга, А. А. Бонч-Осмоловской, С. С. Сая и др. [Бонч-Осмоловская 2009: 157–183; Бонч-Осмоловская 2015: 80–95; Сай 2011; Циммерлинг 1996; Циммерлинг 2010; Циммерлинг 2016]. Известно, что валентность на дательный падеж лица — это особое свойство, формирующее в русском языке класс предикативов внутреннего состояния [Циммерлинг 1996]. Таким образом, данный класс слов можно определить как лексико-семантический разряд, представители которого, во-первых, указывают на пребывание субъекта в течение некоторого отрезка времени в некотором неизменном состоянии, не являющемся результатом чьего-либо непосредственного воздействия, во-вторых, способны формировать дативно-безличную конструкцию, в которой семантический субъект выражается именной группой в дательном падеже, а предикат не согласуется с ним. Например, *Мне скучно в день, мне скучно в ночь, / Надежды нету в утешенье (М. Ю. Лермонтов); Блажен, кто верует, тепло ему на свете! (А. С. Грибоедов).*

По данным А. В. Циммерлинга, такому определению в современном русском литературном языке удовлетворяют не менее 150–200 единиц, что отражено в анкете словаря русских предикативов, составленной исследователем [Циммерлинг 2014: 52–59]. При этом важно помнить, что рассматриваемый класс является открытым и реально не все предикативы, сочетающиеся с дательным падежом, могут храниться в словаре литературного русского языка — окончательное заполнение тематических классов (анкеты) происходит в идиолекте каждого носителя. В целом, дативно-предикативные конструкции весьма частотны в употреблении носителями языка: согласно исследованию А. А. Бонч-Осмоловской, предикативы на –о, составляющие основу данного класса, занимают третье место по частотности среди всех конструкций с дативным субъектом [Бонч-Осмоловская 2003]. Заметим, что, помимо лексем на –о (*стыдно, грустно, муторно* и т. д.), в рассматриваемую группу также входят и застывшие предложно-падежные группы (*не с руки, не к спеху* и т. д.).

Для полноценного понимания категории предикативов состояния данные единицы целесообразно изучать не только в синхронии, но и в диахронии, так как это позволит проследить значимые изменения в классе слов. Так, в частности, известно, что общий список предикативов русских писателей XIX в. включает 312 форм, а по текстам писателей 1800–1850 гг. выявлена 201 форма предикативов. Как

фрагмент подобного анализа может рассматриваться и наша работа, поскольку ее целью является изучение дативно-предикативных конструкций в языке М. Ю. Лермонтова и А. С. Грибоедова — писателей, чье творчество пришлось на один и тот же исторический период: между 1800 и 1850 гг. Материалом исследования послужили прозаические тексты писателей, представленные в НКРЯ, а также все поэтические произведения М. Ю. Лермонтова, включая их разные редакции, и комедия «Горе от ума» А. С. Грибоедова. В ходе работы мы учитывали только предикативы в сочетании с дательным падежом лица, в предложениях без согласования.

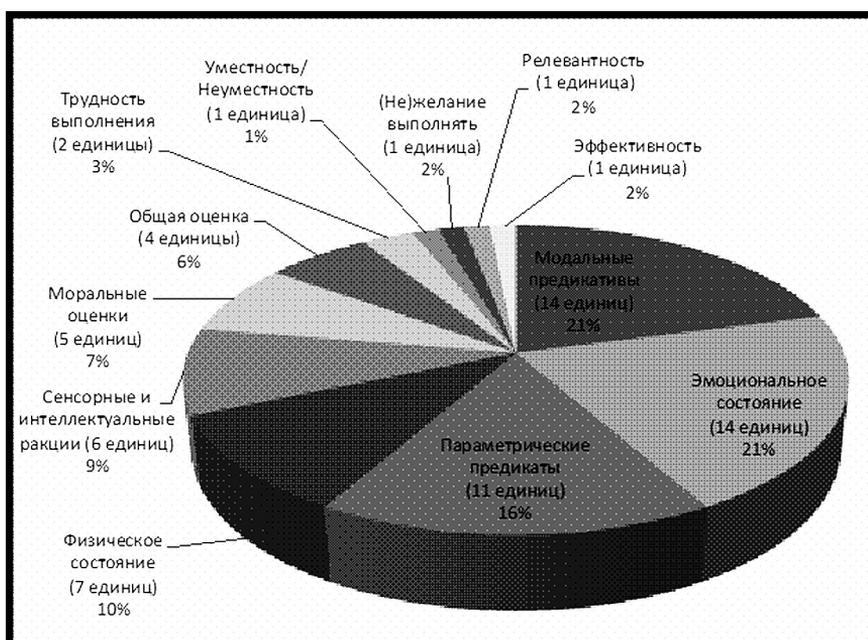
Дативно-предикативные конструкции в идиолекте М. Ю. Лермонтова

В ходе работы в текстах Лермонтова было выявлено 67 предикативов в искомым конструкциях. Если учитывать, что на данный момент известно о 201 форме предикативов, используемых русскими писателями в текстах 1800–1850 гг., то, получается, что идиолект Лермонтова включает 33,3% форм от «общего словаря». Наиболее частотным в идиолекте писателя оказался предикатив *надо*, зафиксированный в 36 употреблениях, что составило 10,4% от всех случаев использования писателем дативно-предикативных конструкций: *Мне надо поговорить о важном деле...* («Вадим»). Второе место занял предикатив *удовно*, встретившийся 26 раз, что равно 7,5% от общего количества употреблений: *Да не удовно ль вам / Позавтракать, отец Соррини? («Испанцы»)*. Третье место разделили предикативы *жаль* и *надобно*, использованные Лермонтовым с дательным падежом лица по 18 раз (по 5,2% на каждый от всех зафиксированных случаев): *Но с жизнью жаль расстаться мне («Исповедь»); Я так утомился, мне надобно отдохнуть...* («Menschen und Leidenschaften»). Все обнаруженные в текстах Лермонтова предикативы и частотность их употребления представлены в таблице.

Предикатив	Частотность	Предикатив	Частотность
НАДО	36	МОЖНО	7
УДОВНО	26	БОЛЬНО	6
ЖАЛЬ	18	ЖАЛКО	6
НАДОБНО	18	ЛЕГКО	6
ДОЛЖНО	13	ПРИЯТНО	6
НУЖНО	13	СТРАШНО	6
НЕЛЬЗЯ	12	ВСЕ РАВНО	5
ПОРА	12	МАЛО	5
ГРУСТНО	11	ОХОТА	5
СКУЧНО	11	ХУДО	5
ИЗВЕСТНО	10	ДОСАДНО	4
СТЫДНО	10	ДУШНО	4
ВЕСЕЛО	9	ЛЮБОПЫТНО	4
ДУРНО	9	СТРАННО	4
НЕВОЗМОЖНО	8	ДОВОЛЬНО	3
ТРУДНО	8	ПОЗДНО	3

Предикатив	Частотность	Предикатив	Частотность
ВИДНО	2	НЕОБХОДИМО	1
ГРЕХ	2	НОВО	1
НЕЛОВКО	2	ОПАСНО	1
РАНО	2	П'ОЛНО	1
СМЕШНО	2	ПОДЕЛОМ	1
ХОРОШО	2	ПОЛЕЗНО	1
ВОЗМОЖНО	1	ПРИЛИЧНО	1
ДОЛГО	1	ПРОСТИТЕЛЬНО	1
ЖАРКО	1	ПРОСТОРНО	1
ЖЕСТКО	1	ПРОХЛАДНО	1
ИНТЕРЕСНО	1	СЛАВНО	1
КСТАТИ	1	ТЕПЛО	1
МИЛО	1	ТЕСНО	1
МНОГО	1	ТЯЖКО	1
НЕДАЛЕКО	1	УДИВИТЕЛЬНО	1
НЕДОЛГО	1	УЖАСНО	1
НЕКОГДА	1	ХОЛОДНО	1

Выявленные в текстах Лермонтова предикативы можно классифицировать по семантическому признаку, опираясь на анкету словаря русских предикативов, составленную А. В. Циммерлингом. Результаты представлены в виде диаграммы.

Семантические группы предикативов в текстах Лермонтова

Как видно, наибольшими в идиолекте писателя являются две группы. Во-первых, это группа модальных предикативов, включающая 14 единиц (21 % от общего количества): *надо, угодно, надобно, нужно, должно, пора, нельзя, невозможно, можно, некогда, прилично, простительно, необходимо, возможно*. Показательно, что некоторые частотные формы из данной группы в современных словарях русского языка имеют помету *устаревшее*. В частности, в Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова такой пометой сопровождается предикатив *надобно*, употребленный Лермонтовым 18 раз: *Рискнуть быть узанной, — вам надобно стыдиться / Отречься от подобных слов («Маскарад»)*. Заметим, что, вероятно, в идиолекте Лермонтова можно наблюдать конкуренцию форм *надобно* и *надо*. Последняя встречается ровно в два раза чаще (в 36 случаях) и является самой употребительной как среди модальных предикативов, так и в целом в текстах писателя: *Вам надо кинуть всё: родных, друзей и честь, / Вам надо испытать, оцунуть беспристрастно / Свои способности и душу... («Арбенин»)*. Кроме того, помету *устаревшее* в Толковом словаре С. И. Ожегова имеет предикатив *д'олжно*, зафиксированный у Лермонтова в 13 конструкциях: *Мне должно его умастить, уговорить («Странный человек»)*.

Во-вторых, наибольшее количество предикативов в языке Лермонтова (также 14 единиц, или 21 %) объединяет группа эмоционального состояния: *жаль, грустно, скучно, весело, жалко, страшно, странно, досадно, смешно, опасно, ужасно, удивительно, приятно, мило*. Например, *Мне грустно... потому что весело тебе («Отчего»)*. Самым частотным в данной группе является предикатив *жаль*, выявленный в 18 случаях: *Мне жаль, но я не люблю тебя («Два брата»)*.

Третье место по количественному составу занимает группа параметрических предикативов (11 единиц, или 16,4%): *мало, довольно, поздно, рано, много, тесно, просторно, жестко, недалеко, недолго, долго*. Наиболее употребительный из них — *мало*, выявленный в 5 случаях: *Теперь вам мало сердца Нины, / Теперь вам хочется всего! («Арбенин»)*.

Далее семантические группы предикативов в идиолекте Лермонтова по количественному признаку располагаются следующим образом: предикативы физического состояния (*дурно, больно, душно, жарко, холодно, прохладно, тепло* — 7 единиц, или 10,4%); предикативы сенсорной и интеллектуальной реакции (*ново, видно, интересно, любопытно, лестно, известно* — 6 единиц, или 9%); предикативы моральной оценки (*стыдно, неловко, поделом, н'олно, грех* — 5 единиц, или 7,4%); предикативы общей оценки (*худо, хорошо, тяжело, славно* — 4 единицы, или 6%); предикативы трудности выполнения (*трудно, легко* — 2 единицы, или 3%); предикативы уместности / неуместности (*кстати* — 1 единица, или 1,5%); предикативы (не)желания выполнять (*охота* — 1 единица, или 1,5%); предикативы эффективности (*полезно* — 1 единица, или 1,5%); предикативы релевантности (*все равно* — 1 единица, или 1,5%).

Рассмотрим сочетаемость предикативов с личным местоимением *мне* в текстах Лермонтова. Сравним для примера соотношение дативно-предикативных конструкций, выраженных сочетанием местоимения *мне* с предикативом меры, сочетанием местоимения *мне* со всеми предикативами, и предикативных конструкций с любым дативным субъектом. Итак, в ходе исследования было обнаружено лишь

два случая употребления Лермонтовым местоимения *мне* с предикативом меры: *Во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению...* («Герой нашего времени»); *Оставь страдальца! – будь покойна: / Где б ни был этот мир святой, Двух жизнью сердцем ты достойна! / А мне довольно и одной* («Слова разлуки повторяя...»). Однако значительно выше число случаев выражения семантического субъекта личным местоимением *мне* в сочетании со всеми отмеченными предикативами — 83 употребления. Представим описанное в виде таблицы.

Мне с предикативом меры	2 случая, или 0,6% от всех употреблений
Мне с любым предикативом	83 случая, или 24% от всех употреблений
Предикатив с любым дативным субъектом	346 употреблений

Дативно-предикативные конструкции в идиолекте А. С. Грибоедова

В ходе исследования в текстах А. С. Грибоедова было обнаружено 47 предикативов и 118 случаев их употребления в искомым дативных конструкциях. Следовательно, писатель использовал 23,3% предикативных форм от «общего словаря» русских писателей 1800–1850 гг. Наиболее частотным в идиолекте А. С. Грибоедова оказался предикатив *надобно*, выявленный в 11 случаях, что составило 9,3% от общего количества дативно-предикативных конструкций в текстах писателя: *Простите, надобно идти мне поскорей* («Горе от ума»). Вторым по частотности употребления является предикатив *нельзя*, встретившийся 8 раз (6,7%): *Мне нельзя здесь ждать утра* («О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора»). Третьим — *удобно* (7 случаев, или 5,9%): *Может быть, вам удобно нас послушать?* («Кто брат, кто сестра, или обман за обманом»). Все обнаруженные в текстах Грибоедова предикативы и частотность их употребления представлены в таблице.

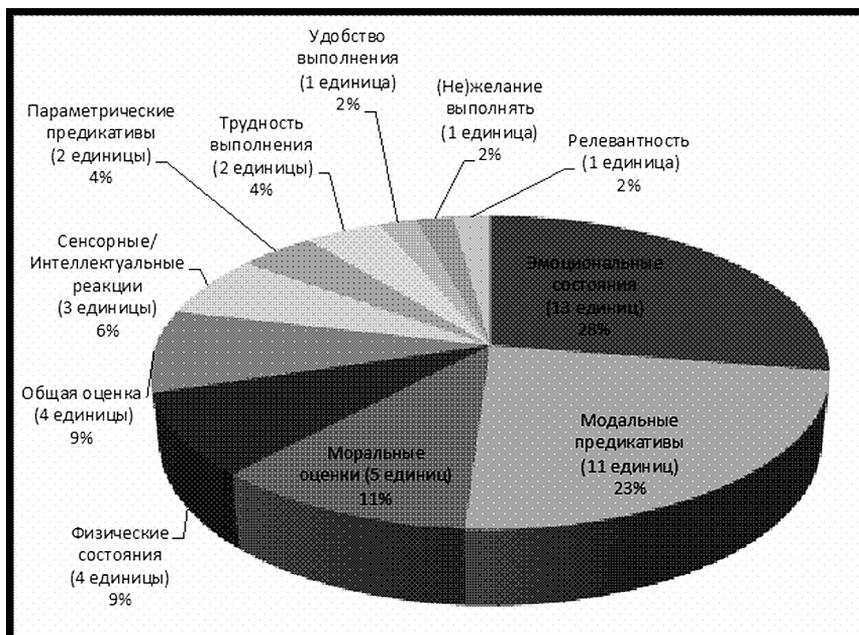
Предикатив	Частотность	Предикатив	Частотность
НАДОБНО	11	ПРОТИВНО	3
НЕЛЬЗЯ	8	СТЫДНО	3
УГОДНО	7	СОВЕСТНО	3
ИЗВЕСТНО	6	ОХОТА	3
НУЖНО	5	БОЛЬНО	2
ЖАЛЬ	5	НАДО	2
ХОРОШО	5	НЕВОЗМОЖНО	2
ПОРА	4	ДОСАДНО	2
ПРОСТИТЕЛЬНО	4	П'ОЛНО	2
СМЕШНО	4	ТРУДНО	2
ВСЕ РАВНО	4	ТЯЖЕЛО	2
ВЕСЕЛО	3	ДУРНО	1
СКУЧНО	3	ТЕПЛО	1

Предикатив	Частотность
<i>ДУШНО</i>	1
<i>МОЖНО</i>	1
<i>ДОЛЖНО</i>	1
<i>ПОЗВОЛИТЕЛЬНО</i>	1
<i>ЗАБАВНО</i>	1
<i>СТРАШНО</i>	1
<i>ОТВРАТИТЕЛЬНО</i>	1
<i>ПОКОЙНО</i>	1
<i>ПРИЯТНО</i>	1
<i>НЕПРИЯТНО</i>	1
<i>ПОДЕЛОМ</i>	1

Предикатив	Частотность
<i>С РУКИ</i>	1
<i>ЛЕГКО₁</i>	1
<i>ЛЕГКО₂</i>	1
<i>ВОЛЬНО</i>	1
<i>КАКОВО</i>	1
<i>НЕПОНЯТНО</i>	1
<i>СОМНИТЕЛЬНО</i>	1
<i>МНОГО</i>	1
<i>ДОВОЛЬНО</i>	1
<i>НЕВЕСЕЛО</i>	1

Выявленные в текстах Грибоедова предикативы мы также распределили в группы по семантическому признаку. Результаты представлены в виде диаграммы.

Как видно, наибольшей группой предикативов в идиолекте Грибоедова являются предикативы эмоционального состояния (13 единиц, или 27,6% от общего количества): *жаль, весело, оскорбительно, противно, досадно, невесело, смешно, забавно, страшно, отвратительно, покойно, приятно, неприятно*. Самый частотный из данной группы — предикатив *жаль*, зафиксированный 5 раз: *А Чацкого мне жаль («Горе от ума»)*. Вторую по численности группу образуют модальные предикативы (11 единиц, или 23,5%): *надобно, нельзя, угодно, надо, нужно, можно,*

Семантические группы предикативов в текстах Грибоедова

должно, пора, позволительно, простительно, невозможно. Самый распространенный — предикатив *надобно*, употребленный Грибоедовым в 11 случаях: **Мне непременно надобно сюда воротиться** (из письма). Третья по численности группа представлена предикативами моральной оценки (5 единиц, или 10,7%): *стыдно, совестно, поделом, вольн’о, п’олно*. Предикативы *стыдно* и *совестно* встретились чаще других — по 3 раза: **Стыдно тебе, коли меня забудешь** (из письма); **Зачем же лазить, например, / самим!... Мне совестно, как честный офицер** («Горе от ума»). Далее по количественному составу в идиолекте Грибоедова следуют: предикативы физического состояния (4 единицы, или 8,5%): *дурно, тепло, душно, больно*; предикативы общей оценки (4 единицы, или 8,5%): *хорошо, легко, тяжело, каково*; предикативы сенсорных и интеллектуальных реакций (3 единицы, или 6,4%): *непонятно, сомнительно, известно*; параметрические предикативы (2 единицы, или 4,3%): *мало, довольно*; предикативы трудности выполнения (2 единицы, или 4,3%): *трудно, легко*; предикативы удобства выполнения (1 единица, или 2,1%): *с руки*; предикативы (не)желания выполнять (1 единица, или 2,1%): *охота*; предикативы релевантности (1 единица, или 2,1%): *все равно*.

Рассмотрим сочетаемость предикативов с личным местоимением *мне* в текстах Грибоедова. Сравним соотношение в текстах писателя тех же дативно-предикативных конструкций, что и в текстах Лермонтова. В данном случае был обнаружен лишь один случай употребления местоимения *мне* с предикативом меры: **Мне досугу много** (из письма). В 47 случаях личное местоимение *мне* сочетается со всеми отмеченными предикативами, а в целом дативно-предикативные конструкции образуют 118 употреблений. Представим данные в виде таблицы.

Мне с предикативом меры	1 случай, или 0,8% от всех употреблений
Мне с любым предикативом	47 случаев, или 40% от всех употреблений
Предикатив с любым дативным субъектом	употреблений

Сравнительный анализ материала

Итак, прежде всего заметим, что словарь предикативов Лермонтова шире, чем словарь Грибоедова: первый включает 67 единиц, второй — 47 единиц. Однако при этом наиболее частотные предикативы в идиолектах писателей совпадают. Так, форма *надобно* является одной из самых употребительных и у Лермонтова, и Грибоедова, составляя 5,2% от всех выявленных дативно-предикативных конструкций в первом случае и 9,3% во втором. Однако, как было замечено ранее, в текстах Лермонтова предикатив *надобно* конкурирует с предикативом *надо*, и преобладает последний (36 употреблений против 18). В языке Грибоедова, наоборот, *надо* встречается крайне редко: всего 2 употребления (1,7%) на весь корпус текстов. Форма *удовно* востребована в идиолектах обоих авторов, являясь одной из наиболее частотных: 7,5% от всех дативно-предикативных конструкций Лермонтова и 5,9% от конструкций Грибоедова. Общими для писателей предикативами с высокой частотностью являются также *жаль, нельзя, пора, нужно*.

В целом словари предикативов писателей имеют значительное совпадение: общим для них является 31 предикатив, что составляет 66% от всех форм Грибоедова и 46% от всех форм Лермонтова.

Предикатив	Лермонтов (частотность)	Грибоедов (частотность)
БОЛЬНО	6	2
ВЕСЕЛО	9	3
ВСЕ РАВНО	5	4
ДОВОЛЬНО	3	1
ДОЛЖНО	13	1
ДОСАДНО	4	2
ДУРНО	9	1
ДУШНО	4	1
ЖАЛЬ	18	5
ИЗВЕСТНО	10	6
ЛЕГКО (ТРУДНОСТЬ ВЫПОЛНЕНИЯ)	6	1
МНОГО	1	1
МОЖНО	7	1
НАДО	36	2
НАДОБНО	18	11
НЕВОЗМОЖНО	8	2
НЕЛЬЗЯ	12	8
НУЖНО	13	5
ОХОТА	5	3
П'ОЛНО	1	2
ПОДЕЛОМ	1	1
ПОРА	12	4
ПРИЯТНО	6	1
ПРОСТИТЕЛЬНО	1	4
СКУЧНО	11	3
СМЕШНО	2	4
СТРАШНО	6	1
СТЫДНО	10	3
ТЕПЛО	1	1
ТРУДНО	8	2
ХОРОШО	2	5

Между тем для идиолекта Грибоедова характерно 13 форм предикативов, не встречающихся у Лермонтова: *вольн'о, забавно, позволительно, сомнительно, отвратительно, покойно, противно, совестно, с руки, легко* (общая оценка), *тяжело, какво, непонятно*. В текстах Лермонтова зафиксировано 29 форм предикативов, не использовавшихся Грибоедовым: *видно, возможно, грех, грустно, долго, жалко, жарко, жестко, худо, тяжело, славно, полезно, рано, поздно, холодно, прохладно, необходимо, некогда, прилично, опасно, мило, неловко, кстати, интересно, любопытно, лестно, мало, тесно, просторно*.

Отметим, что среди семантических групп предикативов у обоих писателей наиболее обширными являются группы модальных предикативов и предикативов эмоционального состояния, занимая схожие доли общего количества форм. Так, на модальные предикативы в идиолекте Лермонтова приходится 21 %, в идиолекте Грибоедова — 23,5 %; на предикативы эмоционального состояния в идиолекте Лермонтова — 21 %, в идиолекте Грибоедова — 27,6 %.

Таким образом, можно сделать вывод, что язык двух писателей, чье творчество относится к одному и тому же временному промежутку, обладает значительным сходством в отношении грамматики русских предикативов, но между тем, разумеется, имеет и индивидуальные особенности, в частности, нельзя не заметить большее разнообразие форм в идиолекте Лермонтова.

Литература

Бонч-Осмоловская А. А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. — М.: 2003.

Бонч-Осмоловская А. А. Дативные субъектные конструкции с предикативами на -о/-е // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К. Л. Киселевой, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, С. Г. Татевосова. — М.: 2009. С. 157–183.

Бонч-Осмоловская А. А. Квантитативные методы в диахронических корпусных исследованиях: конструкции с предикативами и дативным субъектом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2015. Т. 1. № 14(21). С. 80–95.

Маркова В. Р. Предикативы состояния с финалью -о в современном русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. — М.: МПГУ, 2015, С. 266–278.

Сай С. С. «Дативный субъект» в конструкциях с предикативами на -о: присловная зависимость или компонент конструкции? // Конференция, посвященная 50-летию Санкт-Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. — СПб.: 2011.

Циммерлинг А. В. Defining Statives in Russian: Semantics and Syntax (Рус. Предикаты состояния: семантика и синтаксис) // [Электронный ресурс] URL: http://www.academia.edu/20368022/Defining_Statives_in_Russian_Semantics_and_Syntax_Rus_ Предикаты_состояния_семантика_и_синтаксис_

Циммерлинг А. В. Внутри и снаружи: к типологии предикатов состояния // [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/18138229/Внутри_и_снаружи_к_типологии_предикатов_состояния_Inwards_vs_outwards_approaching_a_typology_of_stative_predicates_

Циммерлинг А. В. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, вып. 9 (16) по материалам международной конференции «Диалог 2010». — М.: Изд. РГГУ, 2010. С. 549–558.

Циммерлинг А. В. Предикативы и качественные наречия: классы слов и направления деривации // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 2003. С. 54–59.

Циммерлинг А. В. Предикаты состояния и фактивность // Вопросы филологии. 2014. № 3/4. С. 52–59.

Циммерлинг А. В. Семантика русских предикативов с финалью -о // The First International Conference on Formal Description of Slavic Languages. Leipzig, 1996.

Victoria A. Arkhipova (Latypova)
*Institute for Modern Linguistic Research,
Moscow Pedagogical State University
(Russia, Moscow)
vic_1793@mail.ru*

PREDICATIVE DATIVE CONSTRUCTIONS IN THE LANGUAGE OF M. LERMONTOV AND A. GRIBOEDOV*

The aim of this work is to study the predicative dative constructions in the language of Lermontov. The material of the study is based on the writer's prose texts which are presented in RNC and all poetic works, including their different edition, published in the collected works of Mikhail Lermontov in 4 volumes [Lermontov M. Works in 4 volumes. L., 1981].

1.1. The overall results of the study.

During our work we take into account only predicative expressions in combination with the Dative case in the sentences without agreement. In total, 67 predicatives were identified and 346 cases of their usage in the above mentioned constructions.

1.2. Frequency analysis of the material.

The most frequent predicative expression in M. Lermontov's idiolect proved to be the predicative expression "nado" ("there is a need"), recorded in 36 usages, that is 10.4% of all cases of the usage of predicative constructions by the author. The second place is occupied by the predicative expression "ugodno" ("if it pleases you") — 26 usages, that is 7.5% of the total number of occurrences. Third place was shared by two predicative expressions, "zhal'" ("it's a pity"/ "I'm sorry") and "nadobno" ("It is necessary"/ "One should..."), used by M. Lermontov in the form of the Dative case 18 times (5.2% for each case recorded).

1.3. Semantic analysis of the material.

The predicative expressions discovered during the study can be classified according to the semantic principle, based on the Dictionary of Russian predicative expressions (compiled by A. V. Cimmerling). The largest groups in M. Lermontov's idiolect are:

* This paper is written with the support of the Russian Science Foundation, project RSCI #16–18–02003 «Structure of meaning and its mapping into lexical and functional categories of Russian».

modal predicatives (14 units); predicative expressions denoting the emotional state (also 14 units); parametrical predicatives (11 units).

Key words: semantics, case grammar, category of state, predicate dative structure, idiolect

References

Bonch-Osmolovskaya A. A. *Konstruktsii s dativnym sub"ektom v russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk.* Dissertation, Moscow, 2003.

Bonch-Osmolovskaya A. A. *Dativnye sub"ektnye konstruktsii s predikativami na -o/-e // Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike / Pod red. K. L. Kiselevoi, V. A. Plungyana, E. V. Rakhilinoi, S. G. Tatevosova.* Moscow, 2009, pp. 157–183.

Bonch-Osmolovskaya A. A. *Kvantitativnye metody v diahronicheskikh korpusnykh issledovaniyakh: konstruktsii s predikativami i dativnym sub"ektom // [Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii]*, 2015. Vol. 1. No. 14 (21), pp. 80–95. Available at: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (accessed 17.09.2016)

Markova V. R. *Predikativy sostoyaniya s final'yu -o v sovremenном russkom yazyke // Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2015».* Moscow, MPGU, 2015, pp. 266–278. Available at: Предикативы состояния с финалью -о в современном русском языке (accessed 17.09.2016).

Sai S. S. *«Dativnyi sub"ekt» v konstruktsiyakh s predikativami na -o: prislovnaya zavisimost' ili component konstruktsii? // Konferentsiya, posvyashchennaya 50-letiyu Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkoly: Materialy i tezisy dokladov.* Saint Petersburg, 2011.

Zimmerling A. V. *Defining Statives in Russian: Semantics and Syntax [Rus. Predikaty sostoyaniya: semantika i sintaksis]* // Available at: http://www.academia.edu/20368022/Defining_Statives_in_Russian_Semantics_and_Syntax_Rus._Предикаты_состояния_семантика_и_синтаксис (accessed 17.09.2016)

Zimmerling A. V. *Vnutri i snaruzhi: k tipologii predikatov sostoyaniya* // Available at: https://www.academia.edu/18138229/Внутри_и_снаружи_к_типологии_предикатов_состояния_Inwards_vs_outwards_approaching_a_typology_of_stative_predicates (accessed 17.09.2016).

Zimmerling A. V. *Imennye predikativy i dativnye predlozheniya v evropeiskikh yazykakh // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, ISS.9 (16) according to the materials of the International Conference “Dialog 2010”. Moscow, Publ. Russian State University for the Humanities, 2010, pp. 549–558.

Zimmerling A. V. *Predikativy i kachestvennye narechiya: klassy slov i napravleniya derivatsii // Rusistika na poroge XXI veka: problem i perspektivy. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Moscow, 2003, pp. 54–59.

Zimmerling A. V. *Predikaty sostoyaniya i faktivnost' // Voprosy filologii.* 2014. No. 3/4, pp. 52–59.

Zimmerling A. V. *Semantika russkikh predikativov s final'yu -o // The First International Conference on Formal Description of Slavic Languages Leipzig, 1996.*

Я. Э. Ахапкина
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
yana.akhapkina@gmail.com

**СИСТЕМНЫЕ ОШИБКИ В НЕСТАНДАРТНЫХ ТЕКСТАХ:
КТО ПРИШЛИ — МН. Ч. ПРЕДИКАТА ПРИ ПОДЛЕЖАЩЕМ «КТО»¹**

Статус ошибочного или нормативного употребления грамматической конструкции регулируется традицией кодификации. Практика нормирования опирается на анализ эталонных текстов и логику грамматической системы языка. Соответственно, одни и те же явления могут трактоваться как отвечающие норме или отступающие от нее в зависимости от того, на какой корпус источников опирается автор нормативного описания. В статье на материале данных Корпуса учебных текстов, Национального корпуса русского языка и интернет-узуса рассматриваются случаи употребления сказуемого в форме множественного числа при подлежащем «кто» в диапазоне от разрешенных рекомендательной нормой (за исключением наиболее жесткого ее варианта, представленного в школьной практике) до периферийных, характерных для разговорных и просторечных речевых ситуаций. Выявляются грамматические, семантические и прагматические причины координации сказуемого по множественному числу. К факторам, влияющим на выбор плюральной формы сказуемого, относятся наличие в контексте опорных компонентов в форме множественного числа (детерминатива «те», квантора «все», сказуемого главной клаузы или самостоятельного высказывания в претексте при переспросе или параллелизме конструкций, сказуемого зависимой от релятивной конструкции «кто пришли» клаузы, опорного имени или субстантива в форме множественного числа в вершине или в ближайшем контексте, в том числе за пределами высказывания), семантика множественного субъекта действия, семантика предиката (не предполагающая совершения действия в одиночку), характер грамматической конструкции, включающей в свой контекст рассматриваемую модель (например, *кто, как не туристы, знают или они кто уехали, а кто остались*).

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" в 2016 году.

Ключевые слова: ошибка, корпусная лингвистика, грамматическая конструкция, координация, семантика, прагматика, сказуемое, предикат, грамматическая категория числа

Наиболее жесткая редакция рекомендательной нормы традиционно представлена в школьной практике. Так, современное видение конструкций, которые следует считать грамматически ошибочными, отражено в пособиях, предназначенных для подготовки школьников к ЕГЭ. В частности, выпускник должен признавать ошибкой координацию по мн. ч. сказуемого при подлежащем «кто». Существенно, что предложенные для тренировки навыка примеры представлены одной моделью — придаточной частью сложноподчиненного предложения с соотносительным местоимением в главной части: имеется в виду «нарушение согласования в сложноподчиненном предложении с сочетаниями *те, кто; тот, кто: Те, кто писали сочинение, очень волновались.* (Норма: *те, кто писал*)» [Баронова 2010]; *Те, кто не раз помогали писателю в трудные годы, навсегда останутся в его памяти как самые светлые и добрые люди* [Цыбулько 2016]; *Те, кто двадцать лет назад только-только входили в кинематограф, уже стали мастерами* [Сенина 2015], см. также [Драбкина, Субботин 2016]. На категоричность этой школьной нормы обращено внимание в дипломной работе [Сидорова 2015].

Ненормативность обсуждаемой модели отмечена также в книге О. А. Лаптевой, ориентированной, по всей видимости, на школьную норму как на эталон грамматичности: «...согласно норме здесь должно быть единственное число, несмотря на участие подлежащего в этих конструкциях: ... и все же мы должны, обязаны рассказать о тех, кто первым² шагнули в огонь (телефильм, речь диктора)» [Лаптева 2003: 233]. Однако описываемая конструкция вовсе не нарушает грамматических принципов, фиксируемых традиционной кодификацией.

В пособии по литературному редактированию [Голуб 2010] смысловое согласование (мн. ч. глагола-сказуемого при подлежащем «кто» в относительном придаточном) признано оправданным в случае употребления в том же контексте формы мн. ч. в роли сказуемого главной части: «Сравним форму сказуемого в таких предложениях: *Кто получал премии? — Все, кто получили премии, остались довольны.* Местоимение *кто* указывает на множество лиц, но в первом примере мы, не задумываясь, употребляем сказуемое в ед. ч., а во втором — в придаточной части — во мн. ч., потому что эту форму «подсказывает» сказуемое в главной части предложения: *остались довольны* (мн. ч.). Смысловое согласование теперь вполне оправдано...»

В более раннем источнике речь идет о принципиальном наличии соотносительного слова во мн. ч., именно его присутствие или отсутствие регулирует допустимость или недопустимость координации сказуемого по мн. ч.: «Иное правило

² Может смутить ед. ч. (*первым*) в именной части предиката, нарушающее единство формы при наличии в контексте глагола во мн. ч., однако в принципе высказывание допускает выравнивание как по ед. ч., так и по мн. ч., ср.: *кто первыми шагнули в огонь.*

определяет форму сказуемого в тех случаях, когда местоимение *кто* выступает в функции союзного слова в придаточной части сложноподчиненного предложения, которому в главной соответствует соотносительное слово: *Все, кто пришли на занятие, разобрались в этом сложном вопросе; Те, кто знали о лекции, пришли послушать*. В таких предложениях форма мн. ч. сказуемого, относящегося к местоимению *кто*, «поддерживается» соответствующими формами соотносительного слова и сказуемого в главной части предложения.» [Голуб 1997].

По утверждению Д. Э. Розенталя, форма мн. ч. сказуемого, возможная при условии, что в главном предложении соотносительное слово и сказуемое тоже стоят во мн. ч., подчеркивает множественность производителей действия [Розенталь и др. 1999]. «Русская грамматика» отмечает колебания координации в формах числа при занятости места подлежащего местоимением *кто, кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто* [Русская грамматика 1982: 244–245].

На функционирование конструкций с формой мн. ч. сказуемого при подлежащем «кто» указывал А. М. Пешковский (1914): «Это так называемое «согласование по смыслу». Изредка оно встречается и при других, нечисленных подлежащих, например:

Я совершенно не понимаю тех, кто, пострадав ночью в лесу, начинают вопить...

...под угрозами тех, кто еще недавно говорили со славянами тоном небрежного приказа...

...несколько разочарованы те, кто находили возможным...

И в этом виноваты те, кто, потерпев поражение на выборах, затем стали вопить...» [Пешковский 2001: 187–188].

Таким образом, ни классическая традиция, ни современная кодификационная практика не запрещают употребление мн. ч. сказуемого при подлежащем «кто» в относительном придаточном, оправдывая смысловое согласование наличием формы мн. ч. в роли сказуемого в главной части и (в некоторых источниках) соотносительного местоимения во мн. ч. Кроме того, условием легитимизации конструкции становится наличие имени во мн. ч. в роли именной части составного сказуемого: «При именованном сказуемом выбор связки определяется смыслом: *Кто был инициатором этой затеи?* (имеется в виду кто-то один) — *Кто были инициаторами наших занятий спортом?* (их было несколько человек). Контекст может исключить варианты и в других случаях, когда подчеркивается идея множества. Например: *Мы разыскиваем тех, кто в период Отечественной войны, будучи малолетними детьми, потеряли родителей, братьев»* [Голуб 1997]; «Сказуемое может стоять во мн. ч. при так называемом обратном согласовании, т. е. согласовании связки не с подлежащим, а с именной частью составного сказуемого» [Розенталь и др. 1999]; «Следует предпочесть форму мн. ч. при обратном согласовании: *Вспоминаю тех, кто были моими друзьями в трудное для меня время»* [Розенталь, Былинский 2011].

По наблюдениям Д. Э. Розенталя за функционированием разговорных конструкций, на выбор числа влияет субстантивированность подлежащего главной

части сложноподчиненного предложения: обычны для устной речи конструкции типа *первые, кто пришли, последние, кто записались* (с субстантивированным прилагательным-подлежащим в главной части) [Розенталь и др. 1999]. Действительно, исходно атрибутивный характер опорного слова исключает появление типичного коннектора «которые» (ср. *люди, которые пришли; *первые, которые пришли*), требуя появления в придаточном выражителя одушевленности (*кто*) и одновременно диктуя выбор формы мн. ч. для сказуемого в придаточном (*первые ... пришли*).

В Корпусе русских учебных текстов (КРУТ), создаваемом школой лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ [http://web-corpora.net/CoRST/search/?interface_language=ru], сказуемое во мн. ч. при подлежащем «кто» встречается в разрешенных рекомендательной нормой конструкциях, преимущественно с детерминативом «те» (реже — квантором «все» или опорным субстантивом) в им. п.: *Согласно данному течению главные враги мусульман — иудеи и христиане, а все те, кто не следуют шариату, должны быть уничтожены* [экономист, 1 курс, 2012–2013] — в корпусе 24 вхождения с высказываниями этой модели. Других моделей (без опоры на форму мн. ч. в главной части сложноподчиненного предложения) с формой мн. ч. сказуемого при подлежащем «кто» нет. Есть варианты с детерминативом, но без сказуемого во мн. ч. в главной части: *Ребенок посещает ясли, он вынужден более тесно общаться с ровесниками и получает в этом плане больший опыт, чем те, кто воспитываются дома* [психолог, 5 курс, 2005–2006] — таких высказываний обнаружено 13.

При этом сказуемое в форме ед. ч. при подлежащем «кто» и сказуемом во мн. ч. в главной части встретилось 1093 раза (во мн. ч., как указано выше, — 37 раз). Очевидно, что студенты владеют общепринятой рекомендательной нормой, отказываясь от излишней жесткости нормы школьной. Опорным компонентом в претексте выступает субстантивированное подлежащее, детерминатив или квантор в форме мн. ч.: *Очень многие, кто частично путешествуют по миру во время своих отпусков, или те, кто хочет сразу объять самые интереснейшие места в мире, должны обязательно включить Камбоджу в список своих первых путешествий* [дизайнер, 2 курс, 2013–2014]; *Те, кто хорошо знают историю, философию, языки, по определению будут более успешными и будут пользоваться большим спросом как специалисты, чем те, кто этого не знает* [дизайнер, 2 курс, 2013–2014]; *Радужный флаг — символ движения за права сексуальных и гендерных меньшинств, значит, все, кто носят радужную одежду, являются сторонниками этого движения* [социолог, 1 курс, 2012–2013].

В КРУТ доминируют описываемые конструкции со сказуемым мн. ч. в настоящем времени при подлежащем «кто» (32 вхождения): *Но страдают не только те, кто курят, страдают и те, кто даже в жизни не прикасался к сигарете* [логист, 1, 2013–14]; *Что те, кто больны, завтра смогут победить свою болезнь и начнут жить нормальной жизнью* [экономист, 1, 2012–13]. Прошедшее время мн. ч. фиксируется только 3 раза: *...были те, кто избежали травматического невроза* [психолог, 5, 2000–2001], а будущее мн. ч. вне ситуации обращения (не в конструкциях вида *кто вы будете после этого, я не могу знать, сами разбирайтесь!*) встретилось

всего 1 раз: *Те, кто откажутся соблюдать правила игры, будут наказаны: по Лё Пен, «любая безнаказанность неприемлема».* [ба, 2011–13].

По замечанию М.А. Холодиловой [Холодилова 2014], «одним из факторов, существенно влияющих на форму предиката в зависимой клаузе, является форма вершины: различные свойства проявляют вершины в именительном падеже и в остальных падежах. Так почти исключительно при вершине в именительном падеже возможны следующие типы согласования с вершиной: согласование по множественному числу при местоимении *кто* (*те, кто пришли; ?тем, кто пришли*)...» Для КРУТ это преимущественно так, хотя есть исключение: *...постепенно, в Валерином ярком шоу узнаются портреты тех, кто его окружают* [психолог, 5 курс, 2005–2006]. Тенденцию согласовывать сказуемое с относительным местоимением «кто» по ед. ч. в современных текстах (и, в частности, при наличии детерминатива в косвенном падеже) отмечает и М.И. Сидорова [2015].

Однако данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показывают, что косвенный падеж детерминатива в обсуждаемых конструкциях не запрещен. Более того, нельзя утверждать, что эта форма архаична и вытеснена им. п. в более современных текстах. Высказывания типа *Я имею в виду тех, кто сидят не на своих местах...* [Л.Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943)], с косвенным падежом соотносительного местоимения *тех, тем, теми*, дают следующее падежное распределение (после знака + указано число примеров с обратным согласованием по именной части сказуемого во мн. ч., приведены данные для контактного расположения «кто» и сказуемого придаточной части): родительный: 46+14, дательный: 17+7, винительный: 31+6, творительный: 7+1, предложный: 4 — всего 133 примера, из них 105 вне ситуации обратного согласования (при подсчете в обратное согласование включены близкие к ним высказывания вида *Все были так похожи, что можно было сейчас же узнать даже тех, кто были нарисованы стоящими спиной.* [А.Я. Панаева. Воспоминания (1889–1890)] с краткими прилагательными или причастиями в именной части сказуемого придаточного). Очевидно, что для родительного и винительного падежей подобная организация конструкции вполне допустима (для сравнения приведем данные по запросу с учетом удаленности сказуемого от подлежащего «кто» — в шаге 2–3 обнаружены 64 случая: родительный: 26, дательный: 9, винительный: 20, творительный: 8, предложный: 1). Распределение по годам для выборки из 197 примеров не дает основания считать, что конструкция с соотносительным местоимением в косвенных падежах и мн. ч. сказуемого при подлежащем «кто» в относительном придаточном устаревает в последние годы: до 1917 года — 35, 1918–1950 — 46, 1951–1999 — 64, после 2000 — 52 вхождения.

НКРЯ (www.ruscorpora.ru), помимо наиболее распространенной плюральной *кто*-конструкции: препозитивного, относительно релятивного придаточного, соотносительного местоимения (с опорным именем или без него) и постпозитивного сказуемого главной части во мн. ч.: *Даже те, кто работают в одной из таких комнат, знают о событиях в соседней меньше, чем о рыночных новостях острова Мадагаскара* [А. Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1–25 (1968) // «Новый

Мир», 1990], — демонстрирует следующие варианты опоры для координации по мн. ч. (при ином порядке частей и разных вариантах редукции компонентов — детерминатива, опорного имени, сказуемого в главной части):

— препозитивная полная опора (детерминатив и сказуемое главной части стоят в форме мн. ч. и предшествуют относительному придаточному): *А дали себя арестовать те, кто хотели жить* [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958–1973)]; ср. с субстантивированным прилагательным без детерминатива: *Многие уже приходили до Толстого, кто говорили: мир прогнил насквозь, — и либо шли переделывать мир, либо уходили из мира* [К. И. Чуковский. Толстой как художественный гений (1908) // «Юность», 1971]

— постпозитивная полная опора (детерминатив и сказуемое главной части стоят в форме мн. ч. после относительного придаточного, на редкость этого порядка следования частей указывает М. А. Холодилова [2014]): *Прежде, бывало, кто писывали хорошо по-русски, так те знавали грамматику...* [Д. И. Фонвизин. Бригадир (1783–1786)]; *Ну, кто семьями живут, те больше дома находятся, потому как у них свое хозяйство, опять же дети* [В. А. Слепцов. Владимирка и Клязьма (1860–1861)]; *А кто знали, те даже и не старались* [Е. Шкловский. В промежутке (1990–1996)]

— опора на имя во мн. ч. (без детерминатива) и сказуемые в главной части (а в частном случае и в придаточном второго порядка, относящемся уже к самому релятивному компоненту): *Но живы еще туземцы, кто расскажут, как плыли по реке Ижме ну в настоящих древнерусских ладьях, по сто человек в ладье, сами же и гребли* [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958–1973)]

— сказуемое главной части в пре- и постпозиции без опорного имени и детерминатива: *Обсудили процедуру, кто могли, выпили с морозу и пошли* [А. А. Реформатский. Из «дебрей» памяти (1960)], ср. с опорным сказуемым в постпозиции: *Слышал, что Вы написали пьесу и перевели Вильяма Блэйка. Кто слышали, восхищаются* [К. И. Чуковский. Письма С. Я. Маршаку (1930–1963)]

— существительное или субстантив (исходно — прилагательное, порядковое числительное, атрибутивное местоимение: *единственные, остальные, первые, наши, другие*) в препозиции (в отсутствие детерминатива) и сказуемое главной части в постпозиции к придаточному: — *Кто мог помочь Козину, если одни не понимают, а другие, кто понимают, — исповедают философию «никакой помощи»?* [А. Клейн. Путь воина и Путь артиста. Too Late! // «Пятое измерение», 2003]

— опорное имя / субстантив без опорной глагольной формы мн. ч. при однородном ряде в именной части сказуемого главного предложения: *Остальные, кто могут встретиться с ним в обнимку на антикварных дагерротипах, — Маяковский, Крученых, Хлебников, Бурлюки, Гуро, Лившиц, Татлин, Кульбин, Ларионов* [А. Цветков. Авиатор, футурист, анархист (2001)]

— субстантив мн. ч. в предикативной функции в главной части: *...очень милая дочка и баловной, улыбчивый, добродушный сынок — единственные, кто звали купавинскую бабушку не просто бабушкой, а бабой Машей, чтобы отличить от другой, всё время с ними жившей бабки* [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000]

— имя без детерминатива и сказуемого: *Но пример мужества — как раз от **отцов** и старших **братьев**, кто стояли лицом к смерти, а я — нет, и боюсь...* [Г. Гачев. Жизнемысли // Библиотека «Огонек», 1989]

— детерминатив в отсутствие опорного для конструкции сказуемого во мн. ч. в главной части: *Беднота, жестяницыки, портняги, обречённые на гибель, куда благородней, шире и умней, чем **те**, кто ухитрились запасти кое-какие продукты* [В. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

— детерминатив, в частности в косвенном падеже, при существительном или числительном: *...их выбирали из **тех барышень**, кто бывали у нас летом* [Л. Ф. Зуров. Иван-да-марья (1956–1969)]; *...он был в числе **тех четырех**, кто выбросили Савинкова из окна пятого этажа в лубянский двор!* [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958–1973)].

Общее количество плюральных *кто*-конструкций в составе релятивного придаточного растёт со второй половины XIX века.

Относительное придаточное не является единственной конструкцией, демонстрирующей координацию сказуемого по мн. ч. при подлежащем «кто». В НКРЯ фиксируется также ситуация подхвата или переспроса (повтора с ориентацией на опору в претексте, в предшествующем высказывании): *Повозка моего барина стояла с приезда на улице, так по той самой причине ее и **гонят***. Звёздов. *Как **гонят!** кто гонят? куда гонят?* [А. С. Грибоедов. Студент (1817)]; *А уже — **нашли** нас бригадные связисты. И тянут кабель на центральную, катушечники их поднимают к нам от запруженного ручья. Да кто — нашли? Не от огневых дивизионов, с которыми работать, те сами в переходе* [А. И. Солженицын. Желябугские Выселки (1998)]; *А после **разбежались**, и — обоим есть о чем вспомнить. — Кто разбежались? — до Коломна начало доходить, к чему она клонит* [С. Данилюк. Бизнес-класс (2003)].

Форма мн. ч. глагола-сказуемого появляется в случае опоры на имя или местоимение в функции подлежащего во мн. ч. в составе двухчастной конструкции с коннекторным «кто» (близкой по семантике к конструкции с местоименной парой *одни-другие*): *Мн кто V1мн, кто V2мн — У трактира сделали привал, и **они** — кто стояли, кто лежали, раскуривая табак, и разговаривали между собой* [С. Т. Семенов. Турки (1898)].

В основном корпусе обнаруживается и опора за пределами высказывания, в частности в авторском ответе на риторический вопрос, эксплицирующем мн. ч. подлежащего: *Кто были на площади 14 декабря? **Одни дворяне*** [А. С. Пушкин. Дневник (1833–1835)].

В газетном корпусе представлены реализации конструкции *кто*, как не *Мнн*, *Имн*, с опорой на форму имени во вставном компоненте (преимущественно с глаголами *знают* и *могут* в роли сказуемого): *А **кто как не жёницы** хранят мир и покой в доме?* [В. Сmealова. Гордость и краса «Автодизеля» // Комсомольская правда, 2010.12.01]; *И **кто как не преподаватели**, прошедшие солидную жизненную школу, смогут передать свой богатый опыт призывникам* [И. Автушко. Школа мужества и патриотизма // Комсомольская правда, 2011.02.22].

Форма мн. ч. появляется в конструкции с квантированным подлежащим: *У него нет ни достаточных прав, ни влияния, к слову его мало кто прислушиваются* [Тимур Хурсандов, Игорь Являнский. Молодые немцы соскучились по кайзеру // Известия, 2013.06.10].

Фиксируются разговорные высказывания с императивом мн. ч. и плюральной *кто*-конструкцией в апеллятивной функции при отсутствии детерминатива: *От свабойных его ударов народ начал пропадать внутри, причем исчезновение каждого знаменовалось внутриутробным воплем кондукторши: «Беритя билеты, кто вошли!»* [Асар Эппель. Неотвожа (1993)].

Интернет-узус позволяет выявить, помимо нормативных релятивного варианта и ситуации обратного согласования, следующие типы речевой реализации структуры «кто пришли», отступающие от рекомендательной нормы:

1. Вопросительные, перечневые, изъяснительные конструкции с множественным субъектом: *Кто писали рассказы о животных?* [znaniya.com>1–4] Литература] — подразумевается множественный субъект действия, очевидна прагматика вопроса: ответ должен содержать более одной фамилии. Ср.: *Кто могут быть Источом?* [https://pravoved.ru/question/847183/], *Кто строили Комсомольск?* [www.persee.fr/doc/slave_00...].

Частным случаем этого типа выступает кореференция адресата вопроса и субъекта действия: *Кто читали книгу «Мастер и Маргарита»?* [otvet.mail.ru>Искусство и Культура] Литература] — в пресуппозиции вопроса лежит обращение к множеству адресатов. Ср.: *Купила луковицы нарциссов — кто сажали дома в горшке? Научите, плиз:*) [corpdemo.scribblelive.com/.../Checking_Regression_on_Pr...]; *Кто ездили по зимнику до Воркуты?* [saldaher.ru/showthread.php?p=449800]; *И не заметили ли кто, жрет данный виджет батарею или нет?* [4pda.ru/forum/lofiversion/index.php?t244957–40.html].

Форма мн. ч. встречается при перечне (в конструкции с однородными именами субъекта), в частности — в заголовочном комплексе: *Кто могут получить потребительский кредит: трудоспособные физические лица; зарегистрированные по месту жительства или по месту пребывания...* [indo-bank.ru/home/page/potreb].

Варианты множественного субъекта фиксируются в изъяснительном придаточном при предикатах речи, мысли, восприятия в главной части: *...и рассказуют, кто строили стадионы для Олимпиады в Москве* [ufal.ru/text/newslines/634915-print.html]; *Я же видел, как строили эти дома, кто строили* [azh.kz/ru/news-c?id=16491]; *Кто строили, как строили — одному богу ведано!* [https://plus.google.com/100180009356867941087].

В высказываниях типа *Алфина врач, а там, по-вашему, кто собрались?* [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)] множественность субъекта заложена в семантике глагола, ср. *Есть ли случаи, кто поженились после знакомства на передаче «Давай поженимся?»* [ryfutuvy.ru/Svaxa-8/sabitova-roza-svaxa-919/index.php].

К присоединению плюральной *кто*-конструкции тяготеют глаголы, обозначающие действия, не совершаемые в одиночку, например: *объединились, соединились, собрались, сошлись, съехались, поженились, разошлись, развелись, разъехались,*

разбрелись. К этой группе примыкают реципрокальные лексемы: *Профессор смотрит в замочную скважину и видит, как дерутся сын отца профессора и отец сына профессора. Кто дерутся?* [sprashivalka.com/q/59831265]. Взаимно-возвратное местоимение «друг друга» также усиливает вероятность появления формы мн. ч. у сказуемого при подлежащем «кто»: *Кто любят друг друга, семьи, заходите в нашу группу* [https://m.ok.ru/group/52650429251740].

Собирательность, заложенная в семантике имени в ближайшем контексте, содействует употреблению формы мн. ч. сказуемого при «кто»: *...то ли большая Восьмерка, то ли еще кто собрались — не суть важно* [anekdotov.net/.../all/...] *...прочитайте ее со вниманием, и узнаете истинно: кто на тѣ вселенские и помѣстные Соборы сходились и присутствовали, кто писали тѣ правила* (иеромонах Парфений. Книга о промысле Божиим).

Сходным образом характер опорного имени влияет на координацию глагола в конструкции *кто из N Vмн* (функционально близкой относительно придаточному), в которой позицию опорного имени может занимать собственно морфологическая форма мн. ч., собирательное по семантике имя или наименование локуса, косвенно передающее идею множественного субъекта: *Кто из местных — знают такие случаи* [https://auto.onliner.by/2014/11/10/dtp-5575]; *Действительно, мало кто из нашего поколения знают все те хитрости и технологии, которыми обладали наши отцы и деды* [http://oldoctober.com/forum/viewtopic.php?f=4&t=341] (о квантировании подлежащего в плюральных *кто*-конструкциях см. ниже); *Кто из Королева знают, что жилкомплекс на Бурковских полях отличное место для застройки* [novostroy.msk.ru/novostroiki/teatralnyj_park/otzyvy_o_dome].

При распределенном объекте предполагается множественный субъект: *Ваша задача угадать, кто писали какую рецензию* (Анастасия Прохорова и др. Откуда берутся культовые вина).

2. Параллелизм конструкций предполагает ориентацию на претекст в пределах высказывания (особенно при поддержке глаголом, обозначающим действие, не совершаемое в одиночку): *...больше все-таки тех, кто долго задает себе вопрос, почему мы все-таки не развелись, а еще часть, кто развелись...* [http://eka-mama.ru/forum/part17/topic228842/message5920101/?PAGEN_1=4].

3. Модель *кто, как не Nы, Vмн* с опорой на имя во мн. ч. во вставном компоненте также требует формы мн. ч. от сказуемого при подлежащем «кто»: *Кто, как не туристы, уже побывавшие в Додж-Сити, могут реально оценить тот или иной отель, рассказать о его плюсах и минусах* [ayda.ru>usa/dodge-city/otzyv/].

4. Коннекторное *кто* в модели *Nмн кто V1мн, а кто V2* в требовании сказуемого во мн. ч. может опираться на местоимение или существительное во мн. ч.: *...они кто уехали, а кто по вахтам ездит* [mirplus.info/?p=bbs&id=9&cmd=read&ms=924092&t=2&page=1].

5. При квантировании подлежащего в узусе возможно появление формы мн. ч. сказуемого (*мало кто, редко кто*): так, выявлено 92 примера употребления оборота «мало кто знают»: *В общем, и в Китае на форумах мало кто знает про эти скворечники* [btmpd.livejournal.com/1535461.html].

Итак, сказуемое во мн. ч. при подлежащем «кто» фиксируется в ряде конструкций разного нормативного статуса — от полного соответствия традиционной кодификации (исключая школьную традицию) до периферии разговорного узуса. Выбор плюральной формы обусловлен грамматическими, семантическими и прагматическими факторами. Выявляются следующие типы плюральных *кто*-конструкций:

1. В относительных придаточных с соотносительным местоимением (*те, все, такие*) и сказуемым главной части во мн. ч.

2. В относительных придаточных с соотносительным местоимением (*тех, всех, таких*) во мн. ч.

3. В относительных придаточных со сказуемым главной части во мн. ч. (включая императивно-апеллятивные конструкции).

4. В относительных придаточных с опорным существительным (мн. ч.), личным местоимением (мн. ч.), субстантивом (мн. ч.), собирательным числительным (без соотносительного местоимения и опорного сказуемого во мн. ч. в главной части).

5. При обратном согласовании с именной частью сказуемого во мн. ч. или опоре на ближайший контекст вне предложения, содержащий опорную форму мн. ч.

6. В конструкциях *кто, как (если) не Nы, Vмн и кто из N, Vмн* (в последнем случае имя может стоять в форме мн. ч., иметь собирательную или локативную семантику).

7. При подхвате или переспросе, повторе глагола и параллелизме конструкций.

8. В вопросе при обращении к множественному адресату, кореферентному субъекту действия.

9. При прагматически значимом множественном субъекте действия или носителя состояния, в частности в конструкции с квантированным подлежащим.

10. Под влиянием семантики глагола, обозначающего действие, требующего более одного производителя.

11. При собирательной семантике наименования деятеля (отличного от подлежащего «кто») в ближайшем контексте.

12. В союзной функции в модели *Nмн кто V1мн, а кто V2*.

Литература

Баронова М. М. Русский язык: полный справочник. М., 2010.

Голуб И. Б. Стилистика современного русского языка. М., 1997.

Голуб И. Б. Литературное редактирование: учебное пособие. М., 2010.

Драбкина С. В., Субботин Д. И. ЕГЭ-2016. Русский язык. Комплекс материалов для подготовки учащихся. М., 2016.

Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. Изд. 5. М., 2003.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

Розенталь Д. Э., Былинский К. И. Литературное редактирование: учебное пособие. М., 2011.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

Русская грамматика. В 2 т. Т. 2. М., 1982.

Сенина Н. А. Русский язык. Подготовка к ЕГЭ-2016. 30 тренировочных вариантов по демоверсии на 2016 год. Ростов-на-Дону, 2015.

Сидорова М. И. Сравнительное синтаксическое и семантическое описание конструкций типа *те, кто пришёл / те, кто пришли / те, что пришли / все, кто пришёл / все, кто пришли*. Дипломная работа. М., 2015.

Холодилова М. А. Относительные придаточные // Русская корпусная грамматика. 2014. [Электронный ресурс] URL: http://rusgram.ru/Относительные_придаточные

Цыбулько И. П. ЕГЭ. Русский язык: типовые экзаменационные варианты: 36 вариантов. М., 2016.

Yana E. Akhapkina

National Research University
Higher School of Economics (HSE)
(Russia, Moscow)
yana.akhapkina@gmail.com

SYSTEM MISTAKES IN NON-STANDARD TEXTS: **KTO PRISHLI — PLURAL FORM OF PREDICATE WITH SUBJECT KTO**

The correct (prescriptive) or incorrect usage of grammatical constructions is regulated by the tradition of codification. The standardizing practice is based on the analysis of reference texts and the logic of the language's grammatical system. Therefore, the same phenomena can be interpreted as corresponding to or deviating from the norm, depending on the corpus of sources taken as the basis of a normative description. The article uses the data from the Russian Learner Corpus, the Russian National Corpus and the Internet to analyze the cases of plural predicates with the subject *kto* — ranging between those accepted by recommendation norm (apart from its most rigorous version represented in school practice) and peripheral ones, typical of everyday and colloquial speech.

Grammatical, semantic and pragmatic reasons for the predicate coordination in the plural have been discovered. Among the factors defining the choice of plural predicates are the supporting components in the context of the plural form (determinative *t'e*; quantifier *vs'e*; the predicate of the main clause or of the independent statement in the pretext — in echo-questions or parallel constructions; the predicate of the subordinate clause, depending on the relative construction *kto prishl'i*; the supporting name or substantive at the top or in the nearest context, including the position beyond the limits of the statement); the semantics of multiple subject of action; the semantics of the predicate (not

presuming taking actions alone); the type of grammar construction, including the model under consideration (e.g. *kto, kak n'e tur'isty, znayut* or *on'i kto uyehal'i, a kto ostal'is'*).

Key words: mistake, corpus linguistics, grammar construction, coordination, semantics, pragmatics, predicate

References

- Baronova M. M. *Russkii yazyk: polnyi spravochnik*. Moscow, 2010.
- Golub I. B. *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow, 1997.
- Golub I. B. *Literaturnoe redaktirovanie: uchebnoe posobie*. Moscow, 2010.
- Drabkina S. V., Subbotin D. I. *EGE-2016. Russkii yazyk. Kompleks materialov dlya podgotovki uchashchikhsya*. Moscow, 2016.
- Lapteva O. A. *Zhivaya russkaya rech' s teleekrana. Razgovornyi plast televizionnoi rechi v normativnom aspekte*. Izd. 5. Moscow, 2003.
- Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii*. Moscow, 2001.
- Rozental' D. E., Bylinskii K. I. *Literaturnoe redaktirovanie: uchebnoe posobie*. Moscow, 2011.
- Rozental' D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu*. Moscow, 1999.
- Russkaya grammatika*. V 2 tt. T. 2. Moscow, 1982.
- Senina N. A. *Russkii yazyk. Podgotovka k EGE-2016. 30 trenirovochnykh variantov po demoversii na 2016 god*. Rostov-na-Donu, 2015.
- Sidorova M. I. *Sravnitel'noe sintaksicheskoe i semanticheskoe opisanie konstruksii tipa te, kto prishel / te, kto prishli / te, chto prishli / vse, kto prishel / vse, kto prishli*. Diplomnaya rabota. Moscow, 2015.
- Kholodilova M. A. Otnositel'nye pridatochnye. *Russkaya korpusnaya grammatika*. 2014. [Elektronnyi resurs] URL: http://rusgram.ru/Otnositel'nye_pridatochnye
- Tsybul'ko I. P. *EGE. Russkii yazyk: tipovye ekzamenatsionnye varianty: 36 variantov*. Moscow, 2016.

А. В. Величко

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
all_velichko@mail.ru*

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Статья посвящена вопросу исследования и представления грамматической системы русского языка. В предшествующий период в лингвистике ставилась цель определить грамматическую базу, основу языка, исходя из структурно-семантического подхода. Исследовался центр грамматической системы, самые частотные структуры, которые строились в соответствии с грамматическими правилами и закономерностями соединения компонентов.

С позиций современной лингвистики данный вопрос решается более широко, исходя из функционально-коммуникативного подхода. Это предполагает расширение содержательного пространства исследования и изменение направленности, вектора исследования. Важно исследовать речь и тексты как репрезентации речи. Следует выделять и описывать те соединения знаков, которые участвуют в построении речи, без которых она не обходится. Оказалось, что в механизме организации речи важную роль играют так называемые нестандартные построения разного типа и разных уровней языка.

Дается краткий обзор ряда исследований, реализующих данный подход к языку, в частности, направления «Грамматика конструкций» и близких к нему.

Более подробно рассматриваются предложения фразеологизированной структуры типа: *Нет бы мне купить этот словарь; Что ни день, то неожиданность; Вот так спортсмен* и т. п. Семантика фразеологизированных предложений определяется как выражение различных субъективно-модальных значений, т. е. отношения говорящего к сообщаемому. Субъективная модальность характеризует их как коммуникативные единицы, отражающие коммуникативную ситуацию «говорящий — сообщение — собеседник». Говорящий, используя в своей речи фразеологизированные предложения, реализует свои потребности как коммуниканта — выражает свою реакцию на сообщаемое и этим побуждает собеседника к активному участию в общении, вызывает его ответную реакцию. Такие предложения выполняют в процессе общения фатическую функцию. Они образуют

самостоятельный класс структур, что обеспечивает их значительный коммуникативный потенциал.

Ключевые слова: Грамматическая система, функционально-коммуникативный подход, речь, общение, фразеологизированные предложения.

Грамматика как исследование и описание формального строя языка, системы языка — это всегда отражение воззрений на язык и общей направленности исследовательской мысли, которые являются главенствующими в данный период развития лингвистической науки.

В предшествующий период в лингвистике ставилась цель определить грамматическую основу языка. Она получила воплощение в учении о минимальных структурных схемах предложения, в выделении конечного перечня структурных схем, к которым можно свести все многообразие русских предложений и которые отражают особенности построения русской речи [Русская грамматика 1980].

При этом исследовались в первую очередь центр грамматической системы языка, основные, самые частотные структуры, другие же относились к периферии языка и мало привлекали внимание исследователей.

Современная наука характеризуется новыми идеями, которые отражают систему современных воззрений на язык и определяют новые пути его исследования. Главенствующей является идея антропоцентризма языка во всей ее многогранности.

С этой точки зрения вопрос о грамматической основе языка ставится более широко, как вопрос о необходимости обрисовать общую картину языка, показать все богатство его языковых средств, представить их в связи с отражением в них потребностей, возможностей человека, его жизненных ценностей и самого человека как языковой личности, как создателя и пользователя языка. Эта задача означает целесообразность описания не только центра языка, но и множества других построений, которые дополняют, развивают его основу и показывают специфику языка.

Современная лингвистика перешла к исследованию языка «в действии», в аспекте основной его функции — функции сообщения, общения, т.е. с позиций функционально-коммуникативного подхода. Это предполагает необходимость исследования речи и текстов как репрезентации речи. Все, что есть в языке, создано человеком и для человека, поэтому в языке нет периферии, все важно, все заслуживает внимания. Следует описывать те языковые средства, те соединения знаков, которые использует носитель языка в своей речевой деятельности, при построении речи, без которых речь не обходится, не может быть полноценной. И здесь анализ материала показывает, что речь изобилует нестандартными образованиями.

В классической грамматике внимание исследователей также привлекали языковые единицы, которые не укладываются в привычные грамматические и семантические рамки построения и функционирования. Но исследовались они с целью показать их «необычность», отличие от привычных. С позиций современной лингвистики они интересны как сочетания, которые образуют речь, без которых она невозможна.

Одним из направлений, которое развивает такой подход к изучению языка, является «Грамматика конструкций». У ее истоков стоял Ч. Филлмор, и началом его

считаются 1970-е годы. В отечественной русистике это направление в последние годы получило довольно широкое развитие в работах Е. В. Рахилиной и ее учеников [Рахилина 2010].

Оказывается, наряду с конструкциями, которые образуются композиционно, как сумма простых компонентов, с учетом их синтаксических отношений (например, предложения свободных структурных схем и словосочетания), в языке существует множество единиц, которые характеризуются непрозрачностью формы и некопозициональностью содержания. Они образуются, как отмечает Е. В. Рахилина, не взаимодействием, а взаимопроникновением своих составных компонентов. Конструкции в этой теории — это «языковые выражения, у которых есть аспект плана выражения и плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина 2010: 18]. Конструкции не элементарны, т. е. состоят из нескольких более простых единиц, а функционируют как единое целое. Такие конструкции активно используются в речи носителями языка. Конструкции всегда мотивированы; главное в них содержание. Близкие конструкции устроены похоже, они существуют целыми семействами. Как отмечает Е. В. Рахилина, нам привычны семейства каузативных конструкций, пассивных, результативных и др.; есть также конструкции скорости, дистанции, длительности, деятельности и др. Приведем также в качестве примера рассматриваемые в книге конструкции: 1) с удвоением: *Тушат-тушат не потушат; Бежит-бежит заяц, а...* 2) конструкции уровня: *по колено, до плеча*; 3) депиктивные конструкции с творительным падежом: *есть фрукты свежими, роз застенчивым*; 4) дистрибутивная: *дал сыновьям по яблоку* и др.

Близким к этому направлению можно считать исследование М. В. Копотева и Т. И. Стексовой. Они исследуют переходные единицы, расположенные на стыке разных уровней языка: между лексикой и синтаксисом, лексикой и грамматикой (*без галстука; присесть на дорожку; чего ради*). Такие единицы — результат идиоматизации языка, которую авторы рассматривают как частный случай более общего процесса грамматикализации. Такие переходные единицы рассматриваются как типичная черта механизма организации речи, речевого потока в данном языковом сообществе.

Как отмечают авторы, переходные единицы — это «точка встречи языка и речи» [Копотев, Стексова 2016: 47]. Исследователи рассматривают конкретные идиоматические единицы (фраземы), выделив разные их типы: эквиваленты слова (*ни в коем случае, так вот что*); коллокации (*без устали, без ведома*); монопредикативные фраземы (*боится не боится; мужик мужиком*); квазисложные фраземы (*Дело в том, что; что касается .., то..*) и т. п.

К охарактеризованному направлению лингвистики, изучающему единицы, «ответственные» за построение, организацию речи, относятся также предложения фразеологизированной структуры (ФС) типа: *Как не пойти; Тоже мне выступил; Хоть меняй работу; Вот это сюрприз так сюрприз; Ах он лгун!* и под. Близость их к названным выше рече-языковым единицам проявляется в сходстве как грамматической их организации, так и в семантической и функциональной предназначенности.

Общее представление о грамматической природе предложений ФС дает следующее их определение. Фразеологизированные структуры предложения — это

нестандартные предикативные структуры, знаки вторичного образования, которые включают компоненты двух типов (постоянные и свободные), обеспечивающие сочетание в них признаков фразеологичности и синтаксичности.

Рассмотрим подробнее ФС в плане их семантических и функционально-коммуникативных особенностей и возможностей.

Относительно семантики ФС следует отметить следующее. Разные типы предложений различаются по своей роли в процессе общения. Теория общения выделяет две стороны общения — содержательную, которая представляет собой обмен информацией, и фатическую, предполагающую интеллектуально-эмоциональный контакт собеседников. Так, предложения свободных структур обычно предназначены для сообщения: передают информацию о внешнем для человека мире, результат познания этого мира, т. е. имеют информативное значение.

Предложения ФС не сообщают информации о положении дел в реальном мире. Они относятся к интеллектуально-эмоциональной, ментальной сфере человека, отражают фатическое речевое поведение человека, имеют коммуникативное значение. Фатическая функция реализуется в ФС как выражение различных значений субъективной модальности, т. е. отношения говорящего к содержанию информации.

Так, фразеологизированное высказывание *Вот это праздник так праздник* отражает отношения «говорящий — ситуация объективной действительности», в предложении *Не ждать же автобуса* налицо отношение говорящего к сообщению «ждать автобуса» и к другому сообщению, представленному в предшествующем высказывании. Предложение *Нет бы тебе заранее сообщить о своем решении* отражает связь говорящего и адресата, а также отношение говорящего к действительности.

Предложения ФС представляют собой системное явление, образуют отдельный класс синтаксических структур, объединенных семантической и коммуникативной общностью. Это антропоцентричные единицы, их семантика направлена на говорящего и адресата. Используя в своей речи ФС, говорящий реализует свои потребности как коммуниканта. Класс ФС довольно велик, насчитывает свыше пятидесяти единиц. Они выражают разные субъективно-модальные значения и их оттенки: оценку, согласие-отрицание, единственность-множественность, модальные значения, акцентирование, логическую обусловленность. Это позволяет говорящему выразить свое отношение к сообщаемому с нужной полнотой и точностью.

В то же время их семантика ФС ориентирована на адресата. Говорящий как главный участник общения выражает свою реакцию на сообщаемое и этим побуждает адресата к активному общению, к ответной реакции. В то же время говорящий заинтересован в доброжелательном и плодотворном общении, поэтому он ориентируется на адресата, учитывает его опыт, фоновые знания, его возможности и особенности ситуации общения. Ср. обусловленность употребления второго высказывания пары характером ситуации: *Ах ты озорник! — Ах ты негодяй!; Мало ли почему она опоздала! — Мало ли что ты сказала!*

Взаимодействие в ФС признаков фразеологичности и синтаксичности определяет следующие их семантические возможности и особенности. Поскольку

в основе каждой ФС лежит фразеологизированная модель, в них заключено особое, фразеологическое значение, но, с другой стороны, они являются синтаксическими единицами и включают лексически свободный компонент, поэтому они выражают не готовую мысль (как лексические фразеологизмы), а ход мысли, мыслительную формулу. Каждая ФС может быть реализована во множестве конкретных высказываний одного общего значения, но разного конкретного содержания, ср: *Какой это студент! Какой это праздник! Какие это проблемы!*

ФС закрепили определенные ходы мысли, мыслительные формулы, которые типичны для человеческого (очевидно, специфически русского) мышления. Определяя семантико-смысловую предназначенность лексических фразеологизмов, В.Н. Телия писала: «Основная нагрузка, выполняемая словами в их связанном значении в номинативном инвентаре языка состоит в пополнении ими недостающих в нем средств наименования элементов предметного мира <...>, «непредметных сущностей» <...>, ментальных акций, психических процессов и состояний» [Телия 1981: 3]. Данная характеристика в полной мере относится и к другим типам фразеологических единиц, в том числе к фразеологизированным предложениям — объекту нашего рассмотрения. Например, предложение *Какой это город! Всем городам город! Чем не город! Город есть город* выражают разные мысли говорящего, разные впечатления о городе, а предложения *Что ни день, то неожиданность; Что ни выставка, то успех, Что ни ребенок, то особый характер; Что ни страница, то несколько ошибок* говорят о разном, но выражают при этом одну и ту же мысль — о множестве и разнообразии.

Частичная воспроизводимость ФС обеспечивает такую важную особенность общения, как его динамизм, и способствует краткости формы выражения: использование воспроизводимых построений, хорошо знакомых всем носителям языка, ускоряет говорящему формулирование мысли, а адресату экономит усилия для декодирования информации.

ФС семантически очень ёмки, их семантика содержит несколько сочетающихся, пересекающихся компонентов, и не все они выражены вербально в самой ФС, они представлены в окружающем контексте, поэтому в них можно «прочитать», «услышать» больше, чем сказано. Так, высказывания *Чем не подарок!; Чем не мощь!; Чем не цветы!* не просто положительно оценивают объект, но и содержат компонент убеждения. Высказывание *Нет бы мне посоветоваться с Верой Ивановной* выражает целесообразность ('следовало посоветоваться с Верой Ивановной'), но, услышав его, адресат поймет, что ранее было совершено ошибочное действие ('не посоветовался', 'посоветовался не с тем лицом'), а также поймет, что говорящий эмоционально сожалеет о совершенной ошибке.

О семантической емкости свидетельствует то, что в ряде ФС отражена неоднородность содержащейся информации. Например в ситуацию общения, когда обсуждается странное отсутствие дождей в данное время, когда, по мнению собеседников, они типичны (например, *Удивительно, уже октябрь, а дождей нет*), говорящий, выражая свое особое мнение, вводит для его подтверждения фразеологизированное высказывание *Ничего удивительного, уж на что лето, и то здесь почти*

не бывает дождей, которое представляет собой второй, дополнительный информативный план: называет другую, смоделированную им аналогичную ситуацию, актуальную для другого периода времени (лето), о котором речь не идет. Тем самым говорящий использует акцентирование для того, чтобы убедить собеседников.

Наличие в языке фразеологизированных предложений подтверждает положение теории лингвистики, что человек как создатель языка отразил в языковых средствах свойства, черты человеческой личности. В них отражены некоторые специфические черты русских. Так, ФС **нет бы + кому + инф.** (*Нет бы тебе сразу сходить к врачу; Нет бы нам попытаться убедить его; Нет бы мне купить этот словарь*) отражает некоторую несобранность, неделовитость русских. Человек иногда совершает действие, не проанализировав заранее ситуацию и не наметив логичное действие. И только потом, совершив ошибку, понимает, как следовало поступить. Данная ФС называет правильное, но невыполненное действие, упущенную целесообразность.

Другой пример связан с ФС **хоть + импер.** (*Хоть продавай дачу!; Хоть не пускай его на улицу!; Хоть отказывайся от поездки! Хоть бросай работу!; Хоть скрывай от него правду* и т. п.). Она называет целесообразное для сложившейся ситуации действие, которое позволит изменить ситуацию к лучшему, но это самая решительная мера, которая говорящим далеко не всегда принимается. Мотивом употребления данной ФС является стремление говорящего просто обрисовать сложную ситуацию, вызвать сочувствие, даже если он не собирается (или не в состоянии) что-либо изменить. В этом фразеологизме отражается сложившееся отношение русских к общению. Для них это не просто формальный акт, но и важная сторона жизни. Общение — это потребность духовного, душевного и психологического контакта, возможность, что называется, «выговориться и облегчить душу».

Подводя итог, можно констатировать, что современная лингвистика не только расширила содержательное пространство исследования языка, т.е. ввела в научный обиход новые явления и единицы, но и изменила направленность исследования, его вектор. Так, при обращении к нестандартным построениям ставится цель не только (и не столько) показать их «странность», но в первую очередь определить, для чего они существуют в языке, каково их предназначение, как они связаны с потребностями человека.

Литература

Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М., 2016.

Величко А. В. Когда есть о чем поговорить, или предложения фразеологизированной структуры в русской речи. Учебное пособие. СПб., 2016.

Коптев М. В., Стеклова Т. И. Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и в словаре. М., 2016.

Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М., 2010, Русская грамматика. В 2-х томах // Отв. ред. Н. Ю. Шведова, М., 1980.

Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.

Alla V. Velichko

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

all_velichko@mail.ru

SENTENCES OF PHRASEOLOGIZED STRUCTURE IN LANGUAGE GRAMMAR SYSTEM

The article is dedicated to the study and presentation of the grammatical system of the Russian language. In order to determine the grammatical basis of language studies of the previous period, it is focused on the grammatical system and its basic structures, while modern linguistics chooses the functional-communicative approach. It is important to analyze spoken language and to analyze those compounds which construct it. It appears that non-standard constructions play an important role in the mechanism of speech organization.

The article reviews several studies, implementing this approach to language. However the main attention is paid to sentences with phraseological structure in terms of their semantic features, functional and communicative potential. Semantics of such sentences expresses various subjective modal meanings, i.e., attitude of the speaker to the content of message. Subjective modality characterizes them as communication units, reflecting the communicative situation, "speaker — message — interlocutor". By using sentences with phraseological structure, one expresses one's attitude to the message, and therefore encourages the interlocutor to active participation in the dialogue. Such sentences realize a phatic function in communication. They form an independent class of structures, which gives them a significant communicative potential.

Key words: Grammatical system, functional-communicative study, speech, communication, phraseological sentence structures.

References

Velichko A.V. *Predlozheniya frazeologizirovannoi struktury. Strukturno-semanticheskoe i funktsional'no-kommunikativnoe issledovanie*. Moscow, 2016.

Velichko A.V. *Kogda est' o chem pogovorit', ili predlozheniya frazeologizirovannoi struktury v russkoi rechi*. Uchebnoe posobie. St Petersburg, 2016.

Kopotev M.V., Steksova T.I. *Isklyuchenie kak pravilo: Perekhodnye edinitsy v grammatike i v slovare*. Moscow, 2016.

Rakhilina E.V. *Lingvistika konstruktivnii / Otv. red E.V. Rakhilina*. Moscow, 2010.

Russkaya grammatika. V 2-kh tomakh / Otv. red. N.Yu. Shvedova. Moscow, 1980.

Teliya V.N. *Tipy yazykovykh znachenii. Svyazannoe znachenie slova v yazyke*. Moscow, 1981.

М. Д. Воейкова, К. А. Иванова
СПбГУ — Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
maria.voeikova@gmail.com, kira.ivanova@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ЧАСТИЦ *ДАЙ* / *ДАВАЙ**

Отглагольные частицы *дай/давай* привлекают внимание разным набором своих функций при сходных путях грамматикализации и частичной взаимозаменяемости в основном, императивном употреблении. Функциональная поляризация начинается с ранних этапов появления данных форм в речи детей и сохраняется в речи взрослых. Причина функциональной асимметрии может заключаться в различной степени соответствия между передаваемым действием и его противоположными видовыми характеристиками: прототипическое для данного действия оформление глаголом СВ *дай* предопределяет использование данной формы в прямой императивной функции, в то время как эквивалент НСВ *давай* оказывается хорошо приспособленным для различных грамматикализованных употреблений. В настоящей статье мы постарались дополнить информацию, ранее изложенную в литературе по данному вопросу, нашими наблюдениями, а также в очередной раз предпринять попытку более четко разграничить типы употреблений и конструкций, в которых встречаются языковые единицы *дай* и *давай*.

Ключевые слова: функциональная грамматика, грамматикализация, детская речь, отглагольные частицы, модальность, донативные глаголы.

К постановке проблемы

Наше внимание привлекла специфика функционирования форм *дай* и *давай* в речи русских детей. Эти, на первый взгляд, однородные формы, имеющие схожее «базовое» значение передачи объекта и представляющие собой видовую пару,

* Эта работа поддержана грантом РНФ No. 14–18–03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка». Мы благодарны М. В. Копотеву, Г. И. Кустовой, И. Б. Левонтиной, Е. В. Рахилиной и Е. В. Падучевой за их предложения, высказанные во время обсуждения нашего доклада. Поскольку объем этой статьи ограничен, они будут подробно рассмотрены в наших дальнейших публикациях.

в детской речи демонстрируют разную функциональную природу: форма *дай* обычно употребляется в основном (донативном) значении, в то время как форма *давай* чаще выступает как отглагольная частица и встречается в составе гортативных высказываний. В речи взрослых носителей русского языка каждая из форм *дай* / *давай* также имеет специфический набор функций, причем форма *давай* отличается большим разнообразием по сравнению с формой *дай*. Хотя статус этих форм уже привлекал внимание многих исследователей, их функциональная асимметрия не получила адекватного объяснения, а данные речевого онтогенеза не включались в анализ данной проблемы.

Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru; далее — НКРЯ), а также диалоги взрослых с детьми, собранные в РГПУ им. А. И. Герцена и в ИЛИ РАН, общим объемом 239753 словоупотреблений (корпусы “Витя”, “Кирилл”, “Лиза”, “Тома”, “Филипп”)¹. Корпусы детской речи представляют собой лонгитюдные наблюдения в форме расшифрованных аудио- и видеозаписей свободных диалогов ребенка со взрослым собеседником, сделанных в домашней обстановке. Особенностью наших записей является то, что возраст детей в большинстве случаев не превышает трех лет. На ранних этапах усвоения языка ребенком приспособление к его языковым возможностям заставляет взрослых собеседников производить невольный отбор тех языковых структур, которые относятся к зоне «ближайшего развития» (термин Л. С. Выготского) и поэтому могут быть поняты и воспроизведены детьми [Цейтлин 2000; Гаврилова 2002]. Таким образом, в диалогах с детьми функциональные особенности употребления форм нередко оказываются утрированными, что позволяет использовать их как отправной пункт функционального описания.

Мы придерживаемся направления, разрабатываемого в Санкт-Петербургской школе функциональной грамматики [Бондарко 2011, Воейкова 2012; 2015], а также представления о грамматике языка, основанной на употреблении [Tomasello 2003]. Речь идет о том, что распространенность того или иного грамматического явления может объясняться его функциями. Мы применяем здесь модель категориальной ситуации, определенной в работе А. В. Бондарко [2011: 39–59] как воспроизводимый отрезок речи, «типичная содержательная структура», связанная с передачей определенных языковых значений. С психолингвистической точки зрения, привлекательность этой модели состоит в том, чтобы объяснить распространенные в языке употребления синтаксических последовательностей тем, что они не строятся в момент речевого акта, а частично воспроизводятся в готовом виде. Следовательно, часть высказывания можно рассматривать как воспроизводимое ядро, а другую часть — как периферию, варьирующуюся от ситуации к ситуации под влиянием актуальных целей и контекста. Закрепляясь в речи, эти воспроизводимые

¹ Мы выражаем благодарность участникам этих наблюдений М. И. Аккузиной, М. Б. Елисеевой, Е. К. Лимбах, Е. А. Офицеровой, Т. В. Прановой, И. В. Яковлевой. Особенности отдельных корпусов и их интерпретации подробно отражены в работах [Воейкова 2015, Елисеева 2015, Гагарина 2008, Офицера 2005].

линейные последовательности влияют на статус своих составляющих в общей языковой системе. Это наиболее заметно при грамматикализации, которая затрагивает обе рассматриваемые формы и обеспечивает появление новых функций форм *дай/давай* в коммуникации. Мы рассмотрим состав этих функций в детоцентрических ситуациях и в разговорной речи взрослых, а также предложим объяснение тому, что рассматриваемые формы обладают разной грамматикализационной историей.

Формы *дай/давай* в детоцентрических ситуациях

Общение взрослого и ребенка отличается от речи взрослых носителей языка отбором лексических и грамматических единиц и особым порядком их появления в речи как детей, так и взрослых, которые интуитивно угадывают, какие языковые единицы уже понятны ребенку или станут понятны вот-вот. Это явление получило в психолингвистике название «настраивания» (*fine-tuning*) [Bohannon, Stine, Ritzenberg 1982, Гаврилова 2002]. Такое настраивание происходит бессознательно, а говорящие с детьми взрослые применяют его в разной степени. Результатом этой тенденции является то, что в речи, обращенной к ребенку, частотные и продуктивные модели оказываются еще более употребительными, а маргинальные грамматические схемы интуитивно избегаются [Dressler 2008]. Это заставляет лингвистов внимательно относиться к набору языковых элементов, рано появляющихся в детской речи, и к порядку их возникновения.

С этой точки зрения, формы *дай / давай* представляют существенный интерес для описания речи русскоязычных детей. Глагол *дать* — один из первых и самых частотных предикатов, который появляется на ранних этапах либо в форме инфинитива, либо в форме императива [Цейтлин 2000, Пупынин 1992]. Исследования [Бровко 2007, 2011, Гагарина 2008, Иванова 2013, 2015а, 2015б, Цейтлин 2008] показывают, что глагол *дать* в той или иной форме у многих детей оказывается первым усваиваемым глаголом, участвует в оформлении донативной ситуации и может превращаться в универсальный маркер побуждения в сочетании с глаголами и другими частями речи. Это нетипично для других языков (ср. [Bittner, Dressler and Kilani-Schoch 2003]) и может объясняться как системой русского языка, так и особенностями традиционного общения с маленьким ребенком в России.

Ранние употребления глагола *дать* в детской речи связаны с основной, донативной функцией: *Дать тигра* (1;6)²; *мама дать* (1;5). В то же время в речи детей отмечена также и «модальная» группа употреблений *дать* в сопровождении другого действия, выраженного онопатописью: *дать бах* (1;5); *дать бай* (1;5), *дать ам* (1;8) или инфинитивом: *дать открыть* (1;10); *дать гулять* (2;2); *дать читать* (2;6). Разбирая пример *дай темно*, в котором ребенок просит выключить свет, С. Н. Цейтлин [2000: 84] отмечает, что глагол *дай* в модальном значении выполняет роль «универсального каузатора».

² В скобках после примера дается полный возраст ребенка в форме год;месяц. Все литературные примеры взяты из НКРЯ (www.ruscorpora.ru).

Модальное значение пермиссива у формы *дай* в детской речи появляется относительно поздно: *Дай еще кушину печенья* (2;6); *дай посмотреть* (2;8). Форма *давай*, напротив, начинает усваиваться именно как модальная частица, а в оформлении донативной ситуации участвует редко. *Давай* появляется примерно на 6 месяцев позднее, чем *дай*, прежде всего — в составе побуждения к совместному действию: *давай снова почитаем* (2;4); *давай розу смотреть* (2;4). Обсуждение плана будущих действий, сопровождаемое финитными формами, появляется позднее: *давай я тебя заберу* (2;8), а *давай* в донативном употреблении с объектом встречается хоть и рано, но крайне редко: *коляску бабушке давай коляску* (2;3). Итак, в речи детей на ранних этапах наблюдается конкуренция между донативной и модальной функциями форм *дай* / *давай*, причем распределение этих функций для двух глаголов различно. Аналогичные различия можно наблюдать и в речи взрослых, обращенной к детям, см. таблицу 1.

Таблица 1

Донативная и модальная функции форм *дай/давай* в речи взрослых, обращенной к детям до 3-х лет, в сравнении с данными НКРЯ

Корпус	Дай (донатив)	Дай (пермиссив)	Давай (донатив)	Давай (побуждение)
Филипп	20	4	19	140
Тома	19	27	48	780
Лиза	7	1	24	383
Витя	31	11	4	153
Кирилл	4	5	8	177
Всего	81 (65%)	43(35%)	103 (6%)	1633 (94%)
НКРЯ	126 (63%)	60 (30%)	18 (11%)	178 (89%)

Форма *дай* в речи взрослых употребляется преимущественно в донативной функции, пермиссивных употреблений меньше. У формы *давай* модальные употребления заметно превышают донативные. Разные пути *дай* и *давай* в онтогенезе обнаруживают различия, существующие в языке между этими формами.

В последней строке таблицы 1 даны сопоставительные подсчеты модальных и донативных употреблений этих форм, сделанные по первым 200 примерам рандомизированной выборки НКРЯ. Видно, что тенденции, отмечаемые в речи, обращенной к ребенку, соответствуют общеязыковым. В данных НКРЯ, в отличие от данных детских диалогов, не все употребления формы *дай* можно распределить между донативом и пермиссивом. За пределами 200 употреблений и форма *давай* обнаруживает значительное разнообразие функций. Рассмотрим их более подробно.

Формы *дай* / *давай* в речи взрослых

Функционирование русских модальных частиц *дай* / *давай*, а также других форм, прошедших схожий путь грамматикализации, является предметом ряда исследований [Podlesskaya 2006, von Waldenfels 2012, Вайс 2013, Горлова 2016, Гусев 2008, Кустова 2012, Левонтина 2005, Подлесская 2005, Рахилина 2013]. *Дай*

и *давай* являются формами глаголов, обладающих прототипическим значением «смены владельца», которое метафорически переосмысливается во многих языках и приводит к грамматикализации и появлению модальных значений [Подлеская 2005, Горлова 2016]. Основными функциями формы *дай* можно считать донативную (1) и донативно-пермиссивную (2).

(1) Я прошу Тебя: **дай мне** силу и **дай мне** желание спасти человека, имя которого Ты знаешь. [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]

(2) ...догнал рецидивиста, крикнул пьяным голосом: «Мужик, **дай закурить!**» [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)]

Для донативной функции характерно наличие выраженного прямого объекта, переходная донативно-пермиссивная функция отличается тем, что передача некоего объекта предполагается (протягивание спички в (2)), однако формально прямой объект не представлен. Донативно-пермиссивная функция выражается зависимым инфинитивом обычно переходного глагола (ср. *дай поест, попить, покурить*). Донативно-пермиссивные высказывания могут быть двусмысленны: так, пример (3) может быть истолкован как в донативном, так и в пермиссивном смысле:

(3) Дай попить тигру (Мама Филиппа, 2;4)

В первой интерпретации предполагается, что нужно налить тигру воды, во второй — что не нужно мешать ему пить. Соответственно, донативно-пермиссивные высказывания являются переходным типом, еще допускающим донативную интерпретацию. Пермиссивная функция предполагает отсутствие сопротивления действию со стороны адресата сообщения (4).

(4) Я тебя люблю. **Дай я** тебя поцелую. [И. Грекова. На испытаниях (1967)]

Производная от нее императивно-ренарративная форма вообще не предполагает второго участника, как бы переноса слушающего (читающего) в описываемую ситуацию и имитируя ход мыслей субъекта в момент приступа к действию (5):

(5) Наверно, деньги завелись. **Дай, думаю,** зайду. [Юрий Коваль. Чайник (1982–1993)]

В императивно-ренарративных контекстах часто встречаются глаголы мыслительной деятельности, отражающие намерения субъекта (из 319 таких высказываний в выборке НКРЯ 86 содержали глагол *думать*). И действие, и возможное противодействие исходят от первого лица, поэтому мы считаем это значение производным от прототипического пермиссива.

В пермиссивных высказываниях после частицы *дай* возможна форма 1 л. или инфинитива, в императивно-ренарративных встречается только форма 1 л. Заданность окружения и потеря формой *дай* способности присоединять прямой объект говорит о ее грамматикализации и переходе в разряд частиц. Мы определяем как частицу всякое употребление формы *дай*, которое не допускает

донативной интерпретации. Пограничным случаем считаем (3), в котором прямой объект возможен, хотя предпочтительно в родительном партитивном (*дай водички попить тигру*). В большинстве случаев такое дополнение будет зависеть от смыслового глагола (ср. *дай тигру водички попить*), хотя для разговорной речи и первый порядок слов, и первая интерпретация могут оказаться предпочтительными с точки зрения речепроизводства, ср., распространенные в разговорной речи конструкции *дай тряпочку тут вытереть*, *дай ножик седьму порезать* и т. д.

Тот факт, что глаголы *дать* и *давать* являются видовой парой, сообщает сходство конструкциям, в состав которых они входят. Это модальные конструкции, обнаруживающие “формальную и функциональную близость” [Подлеская 2005: 96]. Вместе с тем, в предшествующих исследованиях отмечались также и существенные различия между этими формами [Varensen 2003].

Важным в этом контексте является представление Ф. Леманна о α - и β -статусе глагола в отношении его видовой характеристики. Леманн определяет β -глаголы как грамматические дериваты, образованные от первообразных производящих α -глаголов для выполнения определенных грамматических функций. Они реже употребляются, чаще «выскакивают из памяти», позже усваиваются детьми [Леманн 1993, Lehmann 2009: 31–32].

Действие передачи объекта является мгновенным действием и естественно описывается в речи глаголом СВ. *Дать*, таким образом, оказывается первичным α -глаголом. Первичная грамматикализация и появление пермиссивного значения на основе метафорического переноса значения «смены владельца» [Подлеская 2005; Podlesskaya 2006] затронули в первую очередь именно глагол *дать* (СВ). Он сохранил в переносном значении полную временную парадигму. Функционирование глагола *дать* в пермиссивном значении регистрируется уже в старославянском языке [Waldenfels 2012: 243–248].

Давать (НСВ) в значении передачи объекта представляет вторичную процессивизацию мгновенного действия, «смену акциональной принадлежности» [Плунгян 2011: 297] или же представляет событие в хабитуальной ситуации и является производным β -глаголом. По нашему предварительному предположению, β -глаголы легче развивают побочные, вторичные функции по сравнению с α -глаголами, так как оказываются функционально свободными, «недогруженными».

Появление β -глагола НСВ *давать* в естественных контекстах часто связано с актуализацией отдельных компонентов аспектуального значения, в первую очередь значения хабитуальности, ср.: *Как новая тема, так давай доклад* (Когда Глеб пошел в школу (2015)). *Давай* употребляется также в контекстах, где НСВ обязательно, *дай* — когда речь идет об однократном моментальном событии.

Д. Вайс называет сочетания *давай* с императивом второго лица «двойными» или «сериальными глаголами» [2013]. Для нашей системы функций существенно то, что *давай* в этом случае представляет собой грамматикализованную частицу, сохраняющую связь со смысловым глаголом. Отмеченные И. Б. Левонтиной [2005] явления грамматической асимметрии, избирательная сочетаемость этой формы

говорят о том, что ее статус в грамматической системе можно считать переходным между глагольной формой и частицей. Об этом говорит сохранение пермиссивной и побудительной функций у финитных форм глаголов *дать* и *давать*, ср. *дам прикурить, даю всем развиваться свободно*. В отличие от этого значения, пропозитивные конструкции, рассмотренные В.Ю. Гусевым [2008], обладают большей связанностью, ср. (6):

(6) — **Давай** вылечу. Поднялся Медведь, развязал тряпочку.[А.М. Ремизов. Зайчик Иваныч (1906)]

Давай с инфинитивом может обозначать начало действия (7):

(7) ...обступили и **давай** смеяться, вся редакция...[А.Н. Толстой. На рыбной ловле (1923)]

Это переходное употребление на пути к функции дискурсивных маркеров. От частицы *давай* в (7) остается способность присоединять инфинитив, однако само ее значение близко к обобщенному сигналу начала действия. О синтаксической связанности говорит и закрепленная препозиция по отношению к инфинитиву. Функции дискурсивного маркера *давай* выполняет во всех случаях, когда употребляется без всяких распространителей, ср. стимулятор активности *давай-давай!*, формулу прощания или функцию согласия с предложенным планом действий (8):

(8) Если не передумал, могу кое-что подсказать... — **Давай!** — царь отставил чашу... [Алесь Пашкевич. Сим победиши // «Сибирские огни», 2013]

Таким образом, форма *давай* обладает большим грамматикализационным потенциалом, «шлейфом», переживая две ступени грамматикализации от гортативной частицы до дискурсивного маркера. Схематически они представлены в таблице 2.

Таблица 2

Основные функции форм *дай/давай* и критерии их выделения

Функция	Донативная	Пермиссивная с переходным глаголом	Пермиссивная с непереходным глаголом	Частица	Дискурсивный маркер
Сохранение функции в других формах	+	+	+	-	-
Синтаксические связи	O dir	O dir и/или Inf.	Inf.	V fin или Inf	-
Закрепленная позиция	-	-	-	+/-	+

Теряя зависимые компоненты, формы *дай / давай* получают статус частицы, которая соединяется с глагольной формой. Форма *давай* также употребляется изолированно как дискурсивный маркер как минимум в трех функциях. Это можно объяснить тем, что она оказывается функционально «недогруженной» в языковой системе, так как основные лексические значения обслуживаются α -глаголом *дать*. Способность β -глаголов к развитию переносных значений и выполнению структурных функций нуждается в дальнейшем исследовании.

Выводы

Особенности употребления форм *дай* / *давай* в различных регистрах русского языка показывают три степени их синтаксической свободы. По мере того, как теряется валентность на присоединение зависимых, императивные формы превращаются в частицы, которые сами соединяются с другими глагольными формами. В некоторых контекстах они тяготеют к изолированному употреблению, приобретая черты дискурсивных маркеров. В этом случае они обычно занимают фиксированное положение в высказывании.

Формы *дай* и *давай* и их грамматикализованные разновидности демонстрируют различную частотность в речи. Императив глагола *дать* употребляется в одном из основных лексических значений — пермиссивном или донативном. Императив глагола *давать* в большинстве случаев выступает как гортативная частица. Асимметрия форм усилена в речи маленьких детей и в речи взрослых, обращенной к ребенку, за счет сужения репертуара значений конструкций с частицами *дай* / *давай*. Объяснение этому лежит в области соответствия лексического значения глагола и его видовой принадлежности. В духе деления на α - и β -глаголы, предложенного Ф. Леманном, мы предполагаем, что β -глагол *давать* способен развивать дополнительные структурные функции, в то время как α -глагол чаще встречается в основном лексическом употреблении.

Литература

- Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М., 2011.
- Бровко Е. Л. Высказывания с семантикой передачи материального объекта на ранних этапах детской речи // Семантические категории в детской речи / отв. ред. С. Н. Цейтлин. СПб., 2007. С. 220–243.
- Бровко Е. Л. Глагол *дать* в речи одного ребенка: «закономерности» и «случайности» // Труды Института лингвистических исследований РАН — Acta Linguistica Petropolitana. 2011. № VII/3. С. 270–275.
- Воейкова М. Д. Психолингвистические основания понятия «категориальная ситуация» // От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко / отв. ред. М. Д. Воейкова. М., 2012. С. 86–96.
- Воейкова М. Д. Становление имени: Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М., 2015.
- Вайс Д. Двойные глаголы в русской разговорной речи в зеркале Национального корпуса русского языка: формы императива множественного числа // Schweizerische Beiträge zum XV. Internationalen Slavistenkongress in Minsk, August 2013. Slavica Helvetica. Band 83. Bern: Peter Lang AG, 2013. P. 319–341.
- Гаврилова Т. О. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук / ЕУ—СПбГУ, СПб., 2002.

Гагарина Н.В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб., 2008.

Горлова А.А. Гортативные конструкции в русском языке // Труды Института лингвистических исследований РАН — Acta Linguistica Petropolitana. 2016. № XII/1. С. 379–393.

Гусев В.Ю. Пропозитивные конструкции с *давай* в русском языке // Русская филология. 19: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2008. С. 189–193.

Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М., 2015.

Иванова К.А. Высказывания с частицей «давай» в одной детско-родительской диаде: исследование случая // Проблемы онтолингвистики: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции — 2015: материалы международной конференции (18–20 мая 2015 г., Санкт-Петербург). СПб., 2015а. С. 82–85. URL: http://iling.spb.ru/confs/ontoling2015_abstracts.pdf

Иванова К.А. Место императива в общении взрослого и ребенка // Труды Института лингвистических исследований РАН — Acta Linguistica Petropolitana. 2015б. № XI/1. С. 565–584.

Иванова К.А. Формы императива «дай», «давай» и омонимичные им частицы в речи ребенка раннего возраста // Проблемы онтолингвистики 2013: Материалы международной научной конференции (26–29 июня 2013 г., Санкт-Петербург). СПб., 2013. С. 69–71.

Кустова Г.И. Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М., 2012. С. 349–366.

Левонтина И.Б. *Давай-давай* // Язык. Личность. Текст: Сб. статей к 70-летию Т.М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2005. С. 391–402.

Леманн Ф. Когнитивная лингвистика и славянское языкознание: Виды русского языка как ступенчатая категория // Die Welt der Slaven. 1993. Vol. 38 (2). P. 265–297.

Офицерова Е.А. Выражение модальных значений возможности и необходимости в русской детской речи : дис. ... канд. филол. наук / ИЛИ РАН, СПб., 2005.

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2001.

Подлесская В.И. Русские глаголы *дать/давать*: от прямых употреблений к грамматикализированным // Вопросы языкознания. 2005. №2. С. 89–103.

Пупынин Ю.А. Системные связи грамматических категорий глагольного предиката в современном русском языке : дис. ... докт. филол. наук / ИЛИ РАН, СПб., 1992.

Рахилина Е.В. Кондуктор, нажми на тормоза... // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). В 2-х т. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). М., 2013. С. 665–673.

Цейтлин С. Н. Выражение побуждения в детской речи // Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 2008. С. 309–330.

Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи. М., 2000.

Barentsen A. О побудительных конструкциях с исполнителем 1-го лица // Dutch Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana: Linguistics (SSGL 30). Amsterdam — New York: Rodopi, 2003. P. 1–33.

Bittner, D., Dressler W. U., Kilani-Schoch M. (Eds.). Development of verb inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2003.

Bohannon J. N., Stine E. L., Ritzenberg D. The “fine-tuning” hypothesis of adult speech to children: Effects of experience and feedback // Bulletin of the Psychonomic Society. 1982. Vol. 19 (4). P. 201–204.

Dressler W. U. Transdisciplinary aspects of morphological productivity // European Review. 2008. № 16. P. 457–466.

Podlesskaya V. Auxiliation of ‘give’ verbs in Russian: Discourse evidence for grammaticalization // Voice and Grammatical Relations / ed. by T. Tsunoda and T. Kageyama. Amsterdam — Philadelphia, John Benjamins Publ., 2006. P. 297–327.

Tomasello M. Constructing a Language. A Usage-Based Theory Of Language Acquisition. Harvard University Press, Cambridge, MA, 2003.

Lehmann V. Formal-funktionale Theorie des russischen Aspekts. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.google.com/document/d/1yojrteed2rrp5nqhmtdhpitzehd8rbe20oefsjxskm/edit#heading=h.mrvgtjue1hqf>

von Waldenfels R. The grammaticalization of ‘give’ + infinitive. A Comparative study of Russian, Polish and Czech. No. 256 in Trends in Linguistics. Berlin, De Gruyter Mouton, 2012.

Maria D. Voeykova, Kira A. Ivanova

SPbGU — Institute for Linguistic Studies RAS

(Russia, St. Petersburg)

maria.voeykova@gmail.com, kira.ivanova@gmail.com

SEMANTIC FUNCTIONS AND THE USE OF DEVERBAL PARTICLES

DAJ / DAVAJ

The deverbal particles *daj* / *davaj* exhibit a special feature of having different sets of functions, but similar paths of grammaticalisation and partial mutual interchangeability in their main use as imperatives. Functional polarisation starts at the early stages of the emergence of these forms in child language and continues into adult language. The reason for the functional asymmetry can be that there are different degrees of correspondence between the described action and its opposite

aspectual characteristics: encoding this action prototypically with the perfective verb *daj* causes this form to be used in its direct imperative function, while the equivalent imperfective *davaj* turns out to be well suited for various grammaticalised uses. In the present article we try to add the results of our observations to the information provided in the earlier literature on the question and attempt a more precise differentiation of the types of use and the types of constructions, which contain the linguistic units *daj* and *davaj*.

Key words: functional grammar, grammaticalisation, child language, deverbal particles, modality, verbs of giving

References

Barentsen A. [On directive constructions with first person performer]. *Dutch Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana: Linguistics (SSGL 30)*. Amsterdam — New York: Rodopi, 2003, pp. 1–33. (In Russ.)

Bittner, D., Dressler W. U., Kilani-Schoch M. (Eds.). *Development of verb inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2003.

Bohannon J. N., Stine E. L., Ritzenberg D. The “fine-tuning” hypothesis of adult speech to children: Effects of experience and feedback. *Bulletin of the Psychonomic Society*, 1982, Vol. 19 (4), pp. 201–204.

Bondarko A. V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki* [Categorization in the grammatical system]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011.

Brovko E. L. [Utterances with semantics of material object transfer at early stages of child language acquisition]. *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi* [Semantic categories in child language] / ed. by S. N. Tseitlin. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2007, pp. 220–243. (In Russ.)

Brovko E. L. [Verb *dat'* ‘to give’ in one child’s speech: “regular” and “random” qualities]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2001, no. VII/3, pp. 270–275. (In Russ.)

Dressler W. U. Transdisciplinary aspects of morphological productivity. *European Review*, 2008, № 16, pp. 457–466.

Eliseeva M. B. *Stanovlenie individual'noi yazykovoï sistemy rebenka: rannie etapy* [Formation of individual language system of a child: early stages]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2015.

Gavrilova T. O. *Registr obshcheniya s det'mi: strukturnyi i sotsiolingvisticheskie aspekty (na materiale russkogo yazyka)*. Dis. ... kand. filol. nauk [Adult-to-child communication register: structural and sociolinguistic aspects (in Russian language)]. PhD thesis in linguistics]. St. Petersburg, 2002.

Gagarina N. V. *Stanovlenie grammaticheskikh kategorii russkogo glagola v detskoj rechi* [Formation of Russian verbal grammatical categories in child language]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008.

Gorlova A. A. [Hortative constructions in Russian language]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2016, no. XII/1, pp. 379–393. (In Russ.)

Gusev V. Yu. [Propositional constructions with *davaj* in Russian]. *Russkaya filologiya. 19: Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov*. Tartu: Tartuskii universitet, 2008. pp. 189–193. (In Russ.)

Ivanova K. A. [Utterances with particle *davaj* in one child-adult dyad: a case study]. *Problemy ontolingvistiki: mekhanizmy usvoeniya yazyka i stanovlenie rechevoi kompetentsii — 2015: materialy mezhdunarodnoi konferentsii (18–20 maya 2015 g., Sankt-Peterburg)*. St. Petersburg, 2015a, pp. 82–85. URL: http://iling.spb.ru/conf/ontoling2015_abstracts.pdf (In Russ.)

Ivanova K. A. [Imperative in child-adult communication]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2015b, no. XI/1, pp. 565–584. (In Russ.)

Ivanova K. A. [Imperatives *daj* / *davaj* ‘give’ and homonymous particles in Russian early child language]. *Problemy ontolingvistiki 2013: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (26–29 iyunya 2013 g., Sankt-Peterburg)*. St. Petersburg, 2013, pp. 69–71. (In Russ.)

Kustova G. I. [On illocutionary phraseology]. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety*. Festschrift in honor of I. A. Mel'chuk. Moscow, 2012, pp. 349–366. (In Russ.)

Lehmann V. [Cognitive linguistics and slavic language studies: Aspects of the Russian language as a staged category]. *Die Welt der Slaven*, 1993, no. 38/2, pp. 265–297. (In Russ.)

Lehmann V. Formal-funktionale Theorie des russischen Aspekts. 2009. URL: <https://docs.google.com/document/d/1yojrteed2rrp5nqhmtdhpitzehd8rbe20oefsjxskm/edit#heading=h.mrvgtjue1hqf>

Levontina I. B. *Davai-davai. Yazyk. Lichnost'. Tekst*: Festschrift in honor of T. M. Nikolaeva / ed. by V. N. Toporov. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005, pp. 391–402. (In Russ.)

Ofitserova E. A. *Vyrazhenie modal'nykh znachenii vozmozhnosti i neobkhodimosti v russkoi detskoj rechi* [Expression of modal values of possibility and necessity in Russian child language]. PhD in linguistics thesis. St. Petersburg, 2005.

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical values and grammatical systems in the world's languages]. Moscow, Russian St. Humanitarian Univ. Publ., 2001.

Podlesskaya V. Auxiliation of ‘give’ verbs in Russian: Discourse evidence for grammaticalization. *Voice and Grammatical Relations* / ed. by T. Tsunoda and T. Kageyama. Amsterdam — Philadelphia, John Benjamins Publ., 2006, pp. 297–327.

Podlesskaya V. I. [Russian verbs *dat'*/*davat'* ‘to give’: from direct to grammaticalised uses]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2005, no. 2, pp. 89–103. (In Russ.)

Pupynin Yu. A. *Sistemnye svyazi grammaticheskikh kategorii glagol'nogo predikata v sovremennom russkom yazyke*. [Systematic relations between grammatical categories of verbal predicate in modern Russian] Unpublished dr. of philology thesis. St. Petersburg, 1992.

Rakhilina E. V. *Konduktor, nazhmi na tormoza* [Conductor, press the brakes...]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi*

Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 29 maya — 2 iyunya 2013 g.). Vol. 1, no. 12 (19). Moscow, 2013, pp. 665–673. (In Russ.)

Tomasello M. *Constructing a Language. A Usage-Based Theory Of Language Acquisition*. Harvard University Press, Cambridge, MA, 2003.

Tseitlin S.N. [Expression of directive meaning in child language]. *Problemy funktsional'noi grammatiki: Kategorizatsiya semantiki*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 309–330. (In Russ.)

Tseitlin S.N. *Yazyk i rebenok: lingvistika detskoi rechi* [Language and child: Linguistics of child language]. Moscow, VLADOS Publ., 2000.

Voeikova M.D. [Psycholinguistic bases of the notion "categorical situation"]. *Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu. Sbornik statei k 80-letiyu chlena-korrespondenta RAN A. V. Bondarko* [From meaning to form, from form to meaning. Festschrift in honor of A. V. Bondarko] / ed. by M. D. Voeikova. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 86–96. (In Russ.)

Voeikova M. D. *Stanovlenie imeni: Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoi morfologii russkogo yazyka* [Formation of name: Early stages of Russian nominal morphology acquisition in child language]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2015.

von Waldenfels R. The grammaticalization of 'give' + infinitive. A Comparative study of Russian, Polish and Czech. No. 256 in *Trends in Linguistics*. Berlin, De Gruyter Mouton, 2012.

Weiss D. [Double verbs in Russian colloquial speech in Russian National Corpus: plural imperative forms]. *Schweizerische Beiträge zum XV. Internationalen Slavistenkongress in Minsk, August 2013*. Slavica Helvetica, 2013, Band 83, pp. 319–341. (In Russ.)

А. А. Герасимова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Московский педагогический государственный университет

(Россия, Москва)

anastasiagerasimova432@gmail.com

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ И АРГУМЕНТНЫЙ СТАТУС АКТАНТНЫХ ИНФИНИТИВНЫХ ОБОРОТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Статья посвящена исследованию структуры актантных инфинитивных оборотов в русском языке, а также условиям их лицензирования в качестве аргументов отглагольных дериватов, в частности, номинализаций. Высказывается гипотеза о том, что заполнение семантической валентности инфинитивным оборотом создает иную падежную конфигурацию, чем при реализации валентности именной группой. В работе показано, что количество функциональной структуры в инфинитивном обороте, а также структурная позиция, занимаемая зависимым инфинитивным актантом, определяют механизмы приписывания падежа внешнему аргументу матричного предиката.

В статье также формулируется предположение о том, что инфинитивные актанты не являются единообразными с точки зрения внутренней структуры. В работе экспериментально подтверждается, что инфинитивные актанты могут иметь разный категориальный статус в зависимости от семантического типа матричного предиката. Опираясь на новые экспериментальные данные, мы уточняем существующую теорию с целью объяснить круг явлений, связанных с лицензированием местоимений в инфинитивном обороте. Полученные результаты, с одной стороны, углубляют наши представления о различиях между ситуационными и термовыми аргументами, с другой — свидетельствуют о зависимости синтаксического поведения сентенциальных актантов от функциональной оболочки, в которую они вложены.

Ключевые слова: инфинитивный оборот, номинализация, структура именной группы, отрицательные местоимения, тип контроля, русский язык.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

1. Статус сентенциального актанта в русском языке

Исследователями выделяется два типа аргументов предикатов: термовые аргументы, прототипической реализацией которых являются именные группы, и сентенциальные актанты, которые выражают ситуационную валентность предиката и прототипически заполняются клаузой ([Апресян 1974], [Мельчук 1974]). К последнему типу аргументов в русском языке причисляют конструкции с союзами *что, будто, как, чтобы*, с единицей *то, что*, а также инфинитивные обороты. Предикаты, в модель управления которых входят сентенциальные актанты, называются матричными.

Предметом рассмотрения настоящей работы являются инфинитивные обороты в позиции дополнения. Согласно [Русская грамматика 1980], синтаксическая дистрибуция инфинитива сходна с дистрибуцией падежных форм существительного. Так, например, в присловной позиции, которой является позиция прямого дополнения, инфинитив может выполнять функцию информативно восполняющей формы, иметь объектное или определительное значения. Различие между инфинитивными и именными актантами состоит, во-первых, в соотношении перечисленных значений. Это вызвано тем, что форма инфинитива называет процесс, а не предмет. Во-вторых, различается тип присловной связи: глагол управляет именем, а между инфинитивом и глаголом имеет место примыкание. Сильное примыкание устанавливается при формировании объектных, восполняющих и определительных отношений, слабое — при формировании целевых отношений.

С учетом всех различий между инфинитивами и именными группами тот факт, что предикации могут иметь такой же статус синтаксического актанта, как и именные аргументы, не является очевидным и требует доказательства. В настоящее время принято считать, что предикации, примыкающие к главному предикату предложения, действительно являются актантами. Они проходят соответствующие диагностики, как, например, критерий шлюзования [Летучий 2012: 60], а также, подобно именным актантам, заполняют семантическую валентность предиката. Так что, как справедливо замечено в [Летучий 2012], нет ни синтаксических, ни семантических оснований не считать такие единицы актантами.

Тем не менее, актуальным остается вопрос, являются ли такие единицы синтаксическими актантами в том же смысле, что и термовые аргументы. Дело в том, что дистрибуция сентенциальных и именных актантов не совпадает: условия лицензирования предикативных составляющих оказываются более ограниченными. В работе [Летучий 2012] этот факт демонстрируется на материале русского языка; в частности, рассматриваются конструкции с союзом *что*, показателем *то, что* и инфинитивные обороты. Ограничения в синтаксическом поведении для трех упомянутых типов сентенциальных актантов оказываются неодинаковыми. Автор предполагает, что различия в дистрибуции обуславливаются отсутствием морфологических показателей падежа у двух из трех рассматриваемых конструкций. Однако затем эта идея отвергается, поскольку находятся примеры несклоняемых единиц, которые не подчиняются ограничениям, характерным для сентенциальных актантов.

Идее о (не)возможности приписывания синтаксического падежа сентенциальным аргументам посвящено большое количество исследований. Так, согласно анализу, предложенному в работе [Кнузев 2016] для конструкций с союзом *что*, сентенциальные актанты проходят падежный фильтр, поскольку, в отличие от других типов ситуационных аргументов, оказываются вложенными в DP-оболочку. Другими словами, возможно, именно различия в синтаксической категории определяют синтаксическую дистрибуцию актантов.

Таким образом, исследователи приходят к идее о том, что синтаксическое поведение сентенциальных актантов определяется тем, какая функциональная вершина возглавляет синтаксическую структуру. В частности, в статье [Летучий 2012] предлагается считать, что в различных позициях сентенциальным актантам соответствует различный синтаксический статус.

Уже давно замечено, что инфинитивные обороты могут иметь различную внутреннюю структуру в зависимости от конфигурации, в составе которой они находятся. Иными словами, матричные предикаты бывают избирательны в отношении синтаксической категории зависимого инфинитивного актанта. В работах С. Вурмбранд [Wurmbrand 1998, 2003] показано, что инфинитивные конструкции могут соответствовать синтаксическим объектам разного размера: как TP и CP в случае предикатов подъема и предикатов контроля английского языка соответственно, так и группе лексического глагола VP, как в случае реструктурирующих инфинитивов, когда все предложение анализируется как единая клауза.

Исследованию размера инфинитивного оборота в русском языке посвящена работа [Babby 1998]. В статье проводится сравнение инфинитивных актантов с точки зрения контроля нулевого подлежащего нефинитной клаузы (PRO). Автор приходит к заключению, что инфинитивные актанты предикатов субъектного контроля имеют категориальный статус глагольной группы VP, в то время как при объектном и произвольном контроле матричные предикаты требуют более высокого категориального статуса инфинитивного актанта, а именно, статуса CP.

В данной статье будут рассмотрены два экспериментальных исследования синтаксического поведения инфинитивных оборотов, которые могут приблизить нас к решению двух указанных проблем: с одной стороны, они способствуют исследованию соотношения сентенциальных и термовых аргументов; с другой, — уточняяют теорию о различном категориальном статусе инфинитивных актантов.

2. Номинализации с инфинитивным дополнением

В уже упомянутой работе [Летучий 2012] в качестве одного из синтаксических тестов, определяющих неполноценный актантный статус инфинитивного оборота, используется критерий преобразования при номинализациях. Утверждается, что при номинализации предиката, прямое дополнение которого выражено инфинитивным оборотом, становится недопустимым творительный падеж внешнего аргумента имени действия (1).

(1) **Желание игроками достичь большего.*

Данное утверждение требует проверки. Если использование инфинитивного оборота в качестве аргумента номинализации накладывает ограничения на маркирование внешнего аргумента инструменталисом, это может значить только то, что инфинитивный актанта оказывает влияние на механизм приписывания творительного падежа. Иначе говоря, предполагается, что инфинитивный оборот задействован в падежной проблематике. В таком случае необходимо понять, что именно делает прямое дополнение, выраженное инфинитивным оборотом, неполноценным. В предыдущем разделе была отвергнута идея о связи «неполноценности» и отсутствия морфологических показателей. Тогда, согласно [Летучий 2012], единственной возможной причиной ограничений может быть синтаксический статус инфинитивного актанта. Из предшествующей литературы ([Babby 1998]) известно, что категориальный статус инфинитивного оборота связан с типом контроля PRO, который, в свою очередь, является лексическим свойством матричного предиката. Из этого вытекает, что ограничения на падеж подлежащего определяются свойствами матричного предиката. Но так становится неясно, за счет чего сентенциальные актанта с показателем *то, что* минуют рассматриваемое ограничение, какой статус они в таком случае должны иметь. Так или иначе, прежде чем строить дальнейшие рассуждения, нужно исследовать роль инфинитивного оборота в установлении падежной конфигурации и подтвердить или опровергнуть влияние инфинитивного актанта на падеж внешнего аргумента номинализации. Для этих целей было решено провести экспериментальное исследование.

Если инфинитивные обороты в действительности лицензируются падежом, и делают невозможным творительный падеж подлежащего, мы сможем увидеть, что носители отдают явное предпочтение в пользу родительного падежа внешнего аргумента номинализаций с инфинитивными дополнениями и оценивают творительный падеж подлежащего как неграмматичный. В обратном случае, если инфинитивный оборот не влияет на приписывание падежа другим аргументам номинализации, носители должны одинаково оценивать творительный падеж внешнего аргумента как при инфинитивном актанта, так и в его отсутствие. Приходим к тому, что наиболее подходящей будет структура эксперимента, при которой мы поймем, как носители русского языка оценивают родительный и творительный падежи внешнего аргумента при разных типах номинализаций.

Итак, предметом исследования являются номинализации с инфинитивными дополнениями. Событийные номинализации с зависимым инфинитивным оборотом, как и соответствующие им матричные глаголы, можно различить по типу контроля — а именно, в соответствии с тем, какой актанта имени действия контролирует нулевое подлежащее нефинитной клаузы. В поле нашего рассмотрения попали только предикаты с субъектным и объектным контролем нулевого подлежащего инфинитивного оборота. Множество предикатов объектного контроля мы разделили на две группы в зависимости от семантической роли контролера PRO. Таким образом, мы выделили три типа номинализаций с инфинитивными актантами: имена действий с субъектным (2), адресатным (3), и пациентивным контролем (4).

- (2) *обещание монархом провести референдум;*
- (3) *разрешение таможни провезти агрегат;*
- (4) *упрашивание девочкой бабушки купить игрушку.*

Упомянутые классы отличаются не только типом контроля PRO, но и количеством и способом реализации остальных семантических валентностей. Уточним, что в рамках данной работы вслед за [Alexiadou 2001], [Пазельская, Татовцов 2008], [Лютикова 2014] мы будем считать, что номинализация представляет собой совокупность глагольных проекций, вложенную в номинализирующую оболочку. Иными словами, имена действий событийной интерпретации при деривации сохраняют аргументную структуру глагола.

Для сравнения мы также рассмотрим номинализации без инфинитивных дополнений, образованные от разных типов основ: имена действия, образованные от переходных основ, от основ, лексически управляющих внутренним аргументом, неэргативных основ. Это позволит нам понять, как между собой соотносятся имена действий с инфинитивными дополнениями и без них.

Подробнее хотелось бы остановиться на вопросе о том, насколько в принципе творительный падеж бывает допустим при номинализациях. Дело в том, что русские имена действий, с точки зрения падежного оформления аргументов, относятся к классу эргативно-посессивных ([Kortjevskaja-Tamm 1993]). Единственный аргумент одноместной основы и внутренний аргумент переходной основы получают падеж посессора (генитив), а внешний аргумент переходной основы — особый падеж (инструменталис):

- (5) а. *падение курса рубля* (внутренний аргумент одноместной основы)
б. *ворчание соседей* (внешний аргумент одноместной основы)
в. *исполнение арии Шаляпиным* (внутренний и внешний аргументы переходной основы)

Однако, как показывают корпусные данные, использование внешнего аргумента в творительном падеже не ограничено номинализациями, образованными от переходной основы. Корпусное исследование показывает, что при всех упомянутых типах номинализаций без инфинитивных актантов внешний аргумент может оформляться как генитивом, так и инструменталисом, т. е. демонстрирует вариативное падежное маркирование.

- (6) *Ян Альберт ограничил оптовую торговлю евреев скотом и текстильными изделиями (1493), но Александр Ягеллон в 1503 г. и 1506 г. восстановил их прежние права.* [коллективный. Форум: Как Львов стал украинским городом (2011)]
- (7) *В 1517 году Лютер начал борьбу за очищение церкви и прибил к дверям замковой церкви в Виттенберге «95 тезисов против индульгенций», где выступил против торговли церковью небесной благодатью.* [Роман Лункин. Христианский ответ обществу потребления // «Эксперт», 2013]

В корпусе номинализации с инфинитивными дополнениями практически не представлены. Поэтому корпусные данные не дают возможности охарактеризовать маркирование актантов при таких именах действия. Однако мы можем предположить, что при именах действий с инфинитивным дополнением также возникает явление падежного варьирования.

Для определения роли инфинитивного актанта в установлении падежной конфигурации был проведен лингвистический эксперимент с участием 78 респондентов. Испытуемым были представлены предложения с событийными номинализациями, внешний аргумент которых стоял в родительном или в творительном падеже. Респондентам предлагалось оценить грамматичность предложений по шкале от одного до пяти.

(8) а. *Настойчивое требование педагога прочитать статью вызвало у всех большой интерес.*

б. *Длительное убеждение банкирами вкладчиков оставить деньги на счетах, наоборот, отпугнуло клиентов.*

В результате исследования мы проанализировали оценки грамматичности отдельных стимульных предложений и посчитали среднюю оценку для каждого из рассматриваемых типов номинализаций.

Согласно результатам экспериментального исследования, оценка грамматичности оформления внешнего аргумента творительным падежом коррелирует с тем, какой актант контролирует нулевое подлежащее нефинитной клаузы (критерий хи-квадрат, $\alpha = 0,05$). Так, инструменталис в случае адресатного контроля оценивается как более допустимый, чем при субъектном контроле, и как менее допустимый, чем при пациентивном. В итоге получаем ранжирование средних оценок по уровням (см. Таблица 1).

Для номинализаций без инфинитивных дополнений мы также наблюдаем статистически значимое различие оценок инструменталиса для разных типов основ. Как наиболее приемлемый творительный падеж внешнего аргумента воспринимается при переходных основах. Как менее допустимый носители оценивают творительный при номинализациях с лексически управляемым внутренним аргументом. Наконец, как наименее приемлемый был оценен инструменталис подлежащего в предложениях с именами действия, образованными от неэргативных глаголов.

Таблица 1

Средняя оценка для рассматриваемых типов номинализаций

	Уровень оценок 1		Уровень оценок 2		Уровень оценок 3	
	номинализации с пациентивным контролем инфинитивного дополнения	переходные глаголы	номинализации с адресатным контролем инфинитивного дополнения	глаголы с лексически управляемым внутренним аргументом	номинализации с субъектным контролем инфинитивного дополнения	неэргативные глаголы
Инструменталис	2,77	3,61	2,27	2,09	2,52	1,41
Генитив	1,99	1,87	4,53	4,15	3,92	4,27

При дальнейшей обработке данных мы проанализировали, как между собой соотносятся выделенные в результате эксперимента уровни оценок. Оказалось, что различия оценок для имен действий с инфинитивными актантами и имен действий без них внутри одного уровня не являются статистически значимыми (критерий Манна-Уитни, $\alpha = 0,05$). Иными словами, устанавливается соответствие между номинализациями с инфинитивными дополнениями и номинализациями без инфинитивных актантов. Так, оценка творительного падежа внешнего аргумента имен действий с пациентивным контролем PRO оказывается на том же уровне, что и оценка инструменталиса подлежащего переходной основы; именам действия с адресатным контролем соответствуют номинализации от основ, лексически управляющих внутренним аргументом; наконец, при субъектном контроле средние оценки такие же, как при неэргативных основах.

Попробуем объяснить возникшее соответствие. Для этого мы будем использовать терминологию конфигурационной теории приписывания падежа А. Марантца. Напомним, что в рамках этой теории распределение падежей в клаузе связано с конфигурацией синтаксических вершин. Падежи приписываются в соответствии с иерархией, которая реализуется в зависимости от количества и расположения еще не маркированных вершин.

В случае номинализаций, образованных от основ неэргативного типа, единственным аргументом, требующим приписывания падежа, оказывается внешний аргумент номинализации. Поскольку творительный падеж оценивается в этом случае как столь же грамматичный, что и при именах действия с инфинитивным дополнением субъектного контроля, предположим, что во втором случае внешний аргумент имени действия имеет такой же статус. Тогда получаем, что инфинитивный актант не влияет на падеж внешнего аргумента. Действительно, если инфинитивный оборот не задействован в падежной конкуренции, для рассматриваемых номинализаций с инфинитивным дополнением и без него образуются одинаковые падежные конфигурации (9).

В случае адресатного контроля инфинитивный оборот занимает позицию прямого дополнения. При этом в структуре также присутствует аргумент с лексически управляемым падежом, который, в традиционных терминах, представляет собой не прямое дополнение. При условии, что инфинитивный актант не участвует в процессе распределения падежей, при отглагольной деривации лексический падеж сохраняется, приписывания падежа требует только внешний аргумент номинализации. С такой конфигурацией сопоставимо устройство номинализаций, образованных от двухместных глаголов, управляющих лексическим падежом (10), что подтверждается однородными оценками респондентов для двух типов имен действия.

Наконец, при пациентивном контроле PRO инфинитивного оборота номинализация обладает внутренним аргументом, падеж которого не управляется лексически, то есть который при соотносимо с номинализацией глагольным предикате выступает в роли прямого объекта. Падеж внешнего аргумента возникает в результате конкуренции внешнего аргумента с внутренним, что соответствует ситуации

приписывания падежа при именах действия, образованных от переходных глаголов (11). Таким образом, на основании диатетического сходства каждому типу номинализации с инфинитивным дополнением можно поставить в соответствие имена действия, образованные от глаголов, не являющихся матричными.

- (9) а. *обещание монарха* [_{INF} *провести референдум*]
б. *катание фигуриста на коньках*
- (10) в. *разрешение таможни (ученым)* [_{INF} *провезти агрегат*]
г. *подражание дилетанта мастеру*
- (11) д. *упрашивание девочкой бабушки* [_{INF} *купить игрушку*]
е. *открытие юбиларом бутылки*

Итак, во-первых, результаты эксперимента продемонстрировали, что инфинитивный оборот не влияет на приписывание падежа внешнему аргументу номинализации. Об этом свидетельствует отсутствие статистически значимых различий между оценками грамматичности предложений с номинализациями с инфинитивными дополнениями и предложений с номинализациями, образованными не от матричных глаголов. Из этого следует, что заполнение позиции инфинитивным оборотом создает совсем иную конфигурацию, чем в случае заполнения ее именной группой. В частности, пример (1), с которого мы начали изложение, соответствует номинализациям, образованным от неэргативных глаголов, а не переходным именам действия. Такое поведение можно считать одним из отличий инфинитивного сентенциального актанта от термовых аргументов. Однако мы также приходим к тому, что низкую оценку грамматичности инструменталиса подлежащего нельзя использовать как критерий неполноценности сентенциальных актантов.

Таким образом, мы установили, что присутствие в структуре номинализации инфинитивного оборота меняет ее падежную конфигурацию. Более того, результаты показывают, что тип контроля нулевого подлежащего инфинитивного оборота и падежная конфигурация, в которой находятся аргументы номинализации оказываются во взаимно-однозначном соответствии. Иными словами, падежная конфигурация задается лексическими свойствами матричного предиката.

Заметим, что для оценок предложений с генитивом внешнего аргумента номинализации подобных закономерностей не наблюдается. Для номинализаций одного уровня оценок появление в структуре инфинитивного оборота не приводит к изменению оценки грамматичности. Что касается противопоставления конфигураций друг другу, значимо выделяются только низкие оценки генитива при номинализациях, образованных от переходной основы. Этот факт можно объяснить стремлением испытуемых избежать ситуации, когда внешний и внутренний аргументы кодируются одним падежом, а именно, родительным.

Представленные данные также демонстрируют, что появление в синтаксической структуре инфинитивного актанта в целом понижает оценку грамматичности творительного падежа внешнего аргумента. При этом сам инфинитивный оборот

не является существенным фактором для осложнения синтаксической структуры предложения, поскольку при именах действия с генитивом внешнего аргумента понижения оценок не наблюдается. Возможно, что в конструкциях с творительным падежом внешнего аргумента синтаксическая структура уже оказывается осложненной, а именно, в ней присутствуют дополнительные функциональные проекции. Поэтому присоединение нефинитной клаузы воспринимается при восприятии речи как чрезмерное осложнение и оценивается носителями как неестественное, хотя не вызывающее серьезных нареканий с точки зрения грамматичности.

Вопрос о том, за счет каких механизмов реализуется падежное варьирование, мы пока оставляем открытым. Заметим только, что падежная теория, которая стремится дать объяснение дифференцированному маркированию внешнего аргумента номинализаций в русском языке, должна учитывать более низкие оценки внешнего аргумента в инструменталисе при номинализациях с инфинитивным дополнением.

3. Параметр равно/разносубъектности

В данном разделе мы обратимся ко второй заявленной в начале статьи проблеме, связанной с размером инфинитивного оборота. Уже упомянутый анализ Л. Бэбби предполагает, что при предикатах объектного контроля инфинитивный оборот представляет собой CP. Из этого следует невозможность вертикального связывания субъектной валентности вложенного предиката¹, так что она заполняется PRO. Доказательством этому служит дательный падеж плавающих определителей, которые согласуются с нулевым подлежащим² (12а). Интересно, однако, что в случае объектного контроля некоторые носители русского языка допускают и согласованную с контролером форму плавающих определителей, что может расцениваться как свидетельство отсутствия CP в такой конструкции (12б).

- (12) а. *Маша просила Петю_i не ходить туда одному_i.*
б. *Маша просила Петю_i не ходить туда одного_i.*

Повод к размышлению дают не только правила лицензирования плавающих определителей, но и особенности дистрибуции отрицательных местоимений. Так, они всегда лицензируются в предложениях с сопредикатным отрицанием, но могут быть как допустимы, так и запрещены при отрицании в подчиняющей пропозиции [Падучева 2014]:

- (13) а. *Он, видите ли, не хотел никого обременять своим горем.*
б. *Я не пытаюсь ничего истолковывать в его пути.*
в. *??? Он не сказал ничего смотреть по телевизору.*
г. *??? Ему не нравится никого приучать к порядку.*

¹ Единица В связана А, если а) А с-командует над В; б) А и В коиндексированы.

² В том случае, когда подлежащее инфинитивной клаузы эксплицитно выражено, оно всегда маркировано дательным падежом (пр. *Ему самому не справиться*).

Обратим внимание, что перечисленные примеры различаются только предикатами главной клаузы, т. е. матричными предикатами. Известно, что матричные предикаты способны накладывать ограничения на способы выражения своей ситуационной валентности [Givón 1980]. Можем предположить, что синтаксическое поведение отрицательных местоимений определяется именно этой особенностью матричных предикатов. Иначе говоря, дистрибуция отрицательных местоимений определяется категориальным статусом инфинитивного оборота.

Для проверки предположения определим размер инфинитивного оборота при различных матричных предикатах с помощью критериев, связанных с отрицанием.

В русском языке мы выделяем следующие семантические типы матричных предикатов (по [Noonan 1985]): модальные предикаты (*мочь, должен*), дезидеративные предикаты (*хотеть, надеяться, желать*), аспектуальные глаголы (*начинать, переставать*), имплицативные (*пытаться, удаваться*), манипулятивные (*предлагать, заставлять*), экспериенциальные (*нравиться, рад*), предикаты (косвенного) вопроса (*знать, спрашивать*). Предикаты речи мы разделяем на две группы. В первую попадают предикаты субъектного контроля, такие как *обещать, клясться*. Во вторую группу мы относим предикаты объектного контроля, сходные по смыслу с манипулятивными предикатами, как *говорить/сказать*. Морфосинтаксические характеристики этих двух типов матричных предикатов будут рассматриваться отдельно.

Мы также включили в список рассматриваемых конструкций аналитическое будущее время. Очевидно, что *быть* и *стать* являются вспомогательными глаголами в аналитическом будущем времени, а не матричными предикатами, имеющими семантическую валентность на ситуацию. Этот случай мы используем для верификации используемых диагностик.

3.1 Определение размера инфинитивного оборота

Во-первых, мы оценили количество функциональной структуры в инфинитивном обороте, установив, возможна ли в его составе проекция отрицания NegP. Мы исследовали, какая позиция отрицательной частицы *не* является предпочтительной для носителей русского языка: перед матричным предикатом или перед вложенным предикатом. Был проведен эксперимент, в котором испытуемым предлагалось выбрать, в какой позиции должно стоять отрицание, чтобы предложение звучало наиболее естественно. Так, например, выбор производился между предложениями (14а-б), (15а-б).

- (14) а. *Я не хотел болеть во взрослом возрасте.*
б. *Я хотел не болеть во взрослом возрасте.*
- (15) а. *Экскурсовод не предлагает ходить в такие кафе.*
б. *Экскурсовод предлагает не ходить в такие кафе.*

Во-вторых, мы определяли размеры инфинитивного оборота при разных типах матричных предикатов, исследуя локальные ограничения, а именно ограничения на лицензирование отрицательных местоимений. Мы исходили из предположения

о том, что категориальные узлы выше глагольной группы могут представлять собой барьеры для установления зависимостей локального характера. Говоря другими словами, размер инфинитивного оборота можно оценить, установив, есть ли в его составе проекции, блокирующие лицензирование отрицательных местоимений.

Был проведен эксперимент, в котором мы просили респондентов оценить грамматичность предложений с инфинитивными актантами с отрицательными местоимениями в разных структурных позициях: во-первых, в позиции после вложенного предиката, которая является базовой для дополнения (16а); в позиции в начале инфинитивной клаузы (16б); наконец, в позиции перед матричным предикатом, куда отрицательное местоимение может подниматься (16в).

- (16) а. *Мужу Наташи не нравится мучить вопросами никого.*
- б. *Этот офицер не предлагал им никого предавать.*
- в. *Редактор газеты пока ничего не обещал публиковать.*

Распределение отрицательных местоимений по позициям внутри инфинитивного оборота отражает позиционное распределение местоимений и полных именных групп, поскольку в коммуникативно нейтральных предложениях отрицательное местоимение клитизуется и передвигается в позицию перед вложенным предикатом. Таким образом, чтобы установить количество функциональной структуры инфинитивного оборота, достаточно изучить грамматичность отрицательных местоимений в главном и зависимом предложениях.

По результатам двух диагностик можем выделить три группы матричных предикатов. Первая группа объединяет модальные, деизидеративные, имплицативные, аспектуальные, предикаты речи типа *обещать*, предикаты будущего времени. При них отрицание возможно как перед матричным, так и перед вложенным предикатом, и отрицательные местоимения лицензируются в любой позиции. Вторую группу формируют манипулятивные предикаты и предикаты речи типа *говорить*. При них предпочтение отдается отрицанию вложенного предиката, а отрицательные местоимения лицензируются только в инфинитивной клаузе. Наконец, в третью группу входят экспериенциальные и предикаты косвенного вопроса. При них отрицательные местоимения в инфинитивном актанте не лицензируются.

Итак, проведенные диагностики подтверждают гипотезу о том, что семантический тип матричного предиката коррелирует с синтаксической структурой инфинитивного актанта. Возникает вопрос, на каком основании семантические классы матричных предикатов объединяются в группы. Легко заметить, что таким основанием является тип контроля. Видим, что первой группе соответствует субъектный тип контроля, второй — объектный, третьей — произвольный.

3.2 Уточнение теории

Таким образом, мы наблюдаем, что категориальный статус актантного инфинитивного оборота коррелирует не просто с семантическим типом матричного предиката, а с параметром равно/разносубъектности либо отсутствием обязательного

контроля. Такой вывод частично повторяет решение, предложенное Л. Бэбби. Уточнение теории состоит в том, что мы не только предполагаем, что при предикатах субъектного контроля инфинитивный оборот имеет размер глагольной группы, но и высказываем гипотезу о том, что при предикатах объектного контроля инфинитивный оборот имеет размер ТР, а при предикатах произвольного контроля — СР.

В соответствии с выдвинутым предположением объясним действие рассмотренных диагностик. При предикатах объектного и произвольного контроля в инфинитивном обороте имеется проекция отрицания, как один из признаков финитности для клауз размера ТР и СР. Это подтвердилось результатами опроса.

(17) *Лауреат премии предлагает [ТР PRO [VP не проводить этот опасный эксперимент]].*

(18) *Начальник рад [СР [ТР PRO [VP не мешать продвижению сотрудника в компании]]].*

При статусе инфинитивного актанта, соответствующем VP, отрицание может с равной вероятностью находиться в каждой из позиций, что объясняется допустимостью подъема отрицания из вложенной клаузы в главную.

(19) *Герой книги не хочет [VP бояться за своих близких]].*

(20) *Герой книги хочет [VP не бояться за своих близких]].*

Интерпретация предложений (19) и (20) совпадает. Отметим, что, согласно [Падучева 1990], при подъеме отрицания инфинитивный оборот также представляет собой контекст, допустимый для слов с отрицательной поляризацией.

Вариант, когда предпочтение отдается отрицанию перед матричным предикатом, отражает реальную структуру только аналитического будущего времени, где *быть/стать* является вспомогательным глаголом. В остальных случаях предпочтение отдается в силу семантических и прагматических причин.

(21) *Петя не [VP стал [VP доверять своему товарищу после случившегося]].*

По результатам второй диагностики можно заключить, что у предикатов субъектного контроля нет ограничений на лицензирование отрицательных местоимений. Более того, отрицательные местоимения свободно перемещаются во все позиции в рамках одной клаузы. При объектном контроле инфинитивный оборот имеет размер ТР. При этом проекция ТР не является барьером для лицензирования отрицательных местоимений, но не допускает их передвижения из зависимой клаузы в главную. Статус ТР объясняет допустимость согласованной с контролером формы плавающих определителей в предложении (22):

(22) *Маша просила Петю, не ходить туда одного.*

При произвольном контроле проекция СР инфинитивного оборота блокирует лицензирование отрицательных местоимений. Поэтому в таких предложениях они оказываются невозможны.

4. Заключение

В рамках данной работы мы исследовали инфинитивные обороты русского языка в контексте двух теоретических проблем, связанных со статусом сентенциальных актантов. С одной стороны, мы установили одно из отличий инфинитивных актантов от термовых аргументов, которое заключается в том, что заполнение семантической валентности инфинитивным оборотом создает иную падежную конфигурацию, чем при реализации валентности именной группой.

С другой стороны, мы экспериментально подтвердили, что инфинитивные актанты могут иметь разный категориальный статус в зависимости от семантического типа матричного предиката. При этом было установлено, что противопоставление размеров инфинитивного оборота является не бинарным, а тернарным, в соответствии с параметром типа контроля. Таким образом, существующая теория была дополнена и теперь способна объяснить круг явлений, связанных с лицензированием местоимений в инфинитивном обороте.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Летучий А.Б.* О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкознания. 2012. №5. С. 57–87.
- Лютикова Е.А.* Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции "Типология морфосинтаксических параметров 2014". Вып. 1 / ред. Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинг, М.Б. Коношенко. М., 2014. С. 120–145.
- Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл Текст». М., 1974.
- Падучева Е.В.* Снятая утвердительность и неверидикативность. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). М., 2014. С. 489–505.
- Падучева Е.В.* Отрицание. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: 1990.
- Пазельская А.Г., Татевосов С.Г.* Отглагольное имя и структура русского глагола // Исследования по глагольной деривации / ред. В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов. М., 2008. С. 348–380.
- Русская грамматика.* Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980.
- Alexiadou A.* Functional Structure in Nominals. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2001.

Babby L. H. Subject control as direct predication: Evidence from Russian // Formal approaches to Slavic linguistics: The Connecticut meeting. 1998. P. 17–37.

Givón T. The Binding Hierarchy and the Typology of Complements. // *Studies in Language* 4. 1980. P. 333–377.

Knyazev M. Licensing clausal complements: The case of Russian *čto*-clauses. *LOT*, Vol. 418, 2016.

Koptjevskaja-Tamm M. Nominalizations. Routledge, 2002.

Noonan M. Complementation // *Language typology and syntactic description*. Vol. 2: Complex constructions. / ed. by T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 42–140.

Pesetsky D., Torrego E. T-to-C Movement: Causes and Consequences // *Ken Hale: A life in Language* / ed. by M. Kenstowicz. MIT Press, 2000.

Wurmbrand S. Infinitives. Ph.D. Dissertation, MIT, 1998.

Wurmbrand S. Infinitives: Restructuring and clause structure. *Mouton de Gruyter (Studies in Generative Grammar 55)*, 2003.

Anastasia A. Gerasimova

Lomonosov Moscow State University

Moscow State Pedagogical University

(Russia, Moscow)

anastasiagerasimova432@gmail.com

SYNTACTIC CATEGORY AND ARGUMENT STATUS OF RUSSIAN INFINITIVAL COMPLEMENTS*

This paper deals with the structure of embedded infinitival complement clauses and conditions on their licensing as arguments of nominalization. I hypothesize that using the infinitival clause for theta-role realization creates a different case configuration as compared to an argumental noun phrase. I show that the amount of functional structure in the infinitival clause affects case assignment mechanisms, especially with regard to the external argument of the nominalization.

The paper also discusses the issue of the variable structural shape of Russian infinitival clauses. I argue that semantic properties of matrix verbs, specifically, their control type, determine the syntactic categories of their infinitival complements. The study allows us to expand the existing theory in order to account for negative pronoun licensing. In this way, the data presented in the paper not only describes the difference between nominal and clausal arguments, but also provides evidence for correlation

* The study has been supported by Russian Scientific Foundation (RSF), project #16-18-02003 "Structure of meaning and its mapping into lexical and functional categories of Russian" at MSPU.

between syntactic behavior and the category of the functional phrase dominating the syntactic object.

Key words: infinitival clause, nominalization, noun phrase structure, negative pronouns, negative polarity item, case variation, control type, Russian.

References

- Alexiadou A. *Functional Structure in Nominals*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moscow, 1974.
- Babby L.H. *Subject control as direct predication: Evidence from Russian*. *Formal approaches to Slavic linguistics: The Connecticut meeting*. 1998, pp. 17–37.
- Givón T. *The Binding Hierarchy and the Typology of Complements*. *Studies in Language* 4. 1980, pp. 333–377.
- Knyazev M. *Licensing clausal complements: The case of Russian čto-clauses*. LOT, Vol. 418, 2016.
- Koptjevskaja-Tamm M. *Nominalizations*. Routledge, 2002.
- Letuchii A.B. *O nekotorykh svoistvakh sententsial'nykh aktantov v russkom yazyke*. *Voprosy yazykoznanija*, 2012, no. 5, pp. 57–87. (In Russ.)
- Lyutikova E.A. *Russkii genitivnyi possessor i formal'nye modeli imennoi gruppy Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2014"*. Vol. 1, Moscow, 2014, pp. 120–145. (In Russ.)
- Mel'chuk I.A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl-Tekst»*. Moscow, 1974.
- Noonan M. *Complementation. Language typology and syntactic description. Vol. 2: Complex constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, pp. 42–140.
- Paducheva E.V. *Otritsanie. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, 1990.
- Paducheva E.V. *Snyataya utverditel'nost' i neveridikativnost'. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"*. Vol 13 (20), Moscow, 2014, pp. 489–505. (In Russ.)
- Pazel'skaya A.G., Tatevosov C.G. *Otglagol'noe imya i struktura russkogo glagola. Issledovaniya po glagol'noi derivatsii*. Moscow, 2008, pp. 348–380. (In Russ.)
- Pesetsky D., Torrego E. *T-to-C Movement: Causes and Consequences*. *Ken Hale: A life in Language*. MIT Press, 2000.
- Russkaya grammatika*. Ed. by Shvedova N.Yu. T. 1, 2. Moscow, 1980.
- Wurmbbrand S. *Infinitives*. Ph.D. Dissertation, MIT, 1998.
- Wurmbbrand, S. *Infinitives: Restructuring and clause structure*. Mouton de Gruyter (Studies in Generative Grammar 55), 2003.

П. В. Гращенков
ИВ РАН,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва)
pavel.gra@gmail.com

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ОБОСОБЛЕННЫХ АТТРИБУТОВ*

В статье исследованы конструкции с обособленными атрибутами. Показано, что атрибутивное обособление не сводится к другим типам именных групп или вторичных предикатов. Выделены различные типы обособленных атрибутивных конструкций (постпозиция, дислокация влево) и свойства, характерные как для каждого отдельного типа, так и для атрибутивного обособления в целом. На основании данных свойств построено представление о синтаксической структуре обособленных атрибутов, объяснена природа обязательного интонационного выделения при обособлении.

Ключевые слова: синтаксис, русский язык, обособление, прилагательные, причастия.

Конструкции с обособленными атрибутами

Предметом настоящего исследования являются две конструкции с прилагательными или причастиями (почти все примеры ниже содержат прилагательные, однако тот же набор свойств имеется и у причастий), в которых они отрываются от своей именной вершины. Возможно два типа разрывных конструкций, постпозиция и выдвижение влево. При постпозиции атрибутивные определения располагаются после вершинного имени, чаще контактно (*снежиры — необыкновенные среди мороза и снега*), иногда — дистантно (*арестанты пошли домой, усталые, но совершенно довольные*):

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 16–18–02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

(1) (СинТагРус)

Мурлыкали и деловито копошились на торчащем из-под снега татарнике снегири — необыкновенные среди мороза и снега, как тропические птицы, и сухие семена от их крепких, толстых клювов брызгали на снег, ложась дорожкой.

(2) (Ф. М. Достоевский, «Записки из мертвого дома»)

Ровно за полчаса до барабана заданный урок был окончен, и арестанты пошли домой, усталые, но совершенно довольные, хоть и выиграла всего-то каких-нибудь полчаса против указанного времени.

При выносе влево группа прилагательного (или группа прилагательных) располагается в абсолютном начале предложения:

(3) (СинТагРус)

«Вольные в князьях», новгородцы могли прогнать князя, оказавшегося неудобным, и призвать на его место другого, но княжеский стол у них почти никогда не бывал вакантным.

(4) (СинТагРус)

Громко разрекламированный, его проект опирается на официальную идеологию приведения страны в порядок, что добавляет ему привлекательности в глазах кремлевских обитателей.

Несмотря на то, что между прилагательным (прилагательными) и существительным иногда проблематично вставить дополнительный материал, прилагательные при выносе влево располагаются не в своей базовой позиции, что видно по указательному местоимению в случае *Громко разрекламированный, его проект* (вместо *его громко разрекламированный проект*).

Оба случая таких конструкций мы будем называть далее атрибутивным обособлением (АО). Как кажется на первый взгляд, «условием существования» АО является наличие более чем одной атрибутивной словоформы. Одиночные прилагательные в тех же примерах (и при нейтральной интонации) представляются неграмматичными:

(1')

**Мурлыкали и копошились на татарнике снегири необыкновенные.*

(4')

**Разрекламированный его проект опирается на официальную идеологию.*

Аналоги русским АО существуют и в других языках:

(5) французский (Флобер, «Бувар и Пекюше»)

Pecuchet, bilieux et de tendances autoritaires, se declara sans-culotte et meme robe-spierriste.

‘Желчный, властолюбивый Пекюше объявил себя санкюлотом и даже последователем Робеспьера.’

(6) французский (Готье, «Аррия Марцелла») *Voluptueux et positif, il ne se payait pas d'illusions et n'avait en amour aucun prejudice.* 'Чувственный и основывающийся на собственных переживаниях, он не питал иллюзий и не имел в любви никаких предассудков.'

В работе (Emonds 1972) представлено некоторое количество конструкций, которые можно было бы считать когнатами русских АО:

(7) английский (Emonds 1972)
John, he ran away.
My brother, he met only a few students.

(8) английский (Emonds 1972)
Speaking to the president now is our top reporter.

(9) английский (Emonds 1972)
A man who hasn't got a family won't work as hard.
A man won't work as hard who hasn't got a family

В (7) приводится пример так называемой «дислокации влево» (Left dislocation), в (8) — препозиции причастия (Participle preposing), в (9) — извлечения из именной группы (Extrapolation from NP). Несмотря на то, что АО имеют общие черты с каждой из данных конструкций, они, тем не менее, образуются по отличным от них правилам, которые мы постараемся описать в данной работе.

На данный тип конструкций налагаются также некоторые просодические ограничения. А именно — на прилагательном появляется дополнительное ударение, сопровождаемое паузацией. При левом выдвигении пауза ставится после (группы) прилагательного, а при постпозиции — перед ней. При таком оформлении становятся грамматичными и прилагательные, употребленные одиночно:

(1'')
Мурлыкали и копошились на татарнике снегири, необыкновенные.

(10) (СинТагРус)
До половины пройдена земная жизнь, впереди вторая половина, худшая.

(4'')
Разрекламированный, его проект опирается на официальную идеологию.

(11) (интернет)
Расстроенная, моя жена принялась собирать со стола грязные тарелки.

С точки зрения информационной структуры АО всегда являются ремой и находятся в фокусе. Насколько нам известно, подобные конструкции не выделялись прежде в отдельную группу. Так, в (Ковтунова 2002) находим две похожих структуры: высказывания с частичной инверсией и дислокацией, (Ковтунова 2002:120–125) и так называемые «предложения с информативно ослабленными глаголами», (Ковтунова 2002:159–164).

В высказываниях с дислокацией «... прилагательное извлекается из группы подлежащего и ставится перед сказуемым, а имя существительное остается после сказуемого на последнем месте в предложении», (Ковтунова 2002:120). Примеры конструкций такого типа часто содержат одиночное прилагательное и лишены интонационного выделения:

(12) (Ковтунова 2002:122–123)

Ранний перепадал снежок.

Широкие открывались взору пространства.

По краям зеленоватый в снежных переносах крепнул лед.

Нудная и одуряющая потекла жизнь.

Что касается информативно ослабленных глаголов, постпозитивное употребление прилагательных в них представляется случаем так называемых вторичных предикатов или депиктивов — прилагательное, представляющее собой рему, описывает обстоятельства протекания основного действия. Неудивительно, что наряду с сочиненными / распространенными прилагательными среди примеров данного типа присутствуют и одиночные:

(13) (Ковтунова 2002:160)

Вечер наступал / теплый, душный.

Снега лежали / розовые, палевые, голубые.

(14) (Ковтунова 2002:160)

День занялся теплый...

Шум стоял невообразимый.

В АГ-80, см. §§ 2108–2116, выделяются обособленные обороты, в состав которых входят причастные / субстантивные / адъективные обороты, полупредикативность, пре- и постпозиция.

(15) (АГ-80, §§ 2108)

Согретый солнцем, мох расцвел белыми крохотными цветами.

Отрезанные от всего мира, уральцы с честью выдержали казачью осаду.

Обособление, которое не разделяется с точки зрения позиции обособленного оборота, связывается прежде всего с подлежащим. Другими условиями обособления по АГ-80 является наличие специальной интонации и полупредикативность. Ниже мы попробуем определить в терминах синтаксической структуры, что именно стоит за понятием «полупредикативность», а также показать, что АО не связано исключительно с подлежащим.

Распространенность и/ли интонационное выделение

По нашим наблюдениям, подавляющее большинство примеров с АО содержит либо прилагательные / причастия с собственными зависимыми, либо сочиненные атрибутивы. Что касается зависимых, то они могут быть различны. В примерах

ниже последовательно приводятся случаи постпозиции и левого выдвижения с зависимыми предложно-падежными формами, а также с адъективными интенсификаторами:

(16) (СинТагРус)

Спамеры атакуют домашние компьютеры, многие из которых даже не снабжены базовой системой защиты firewall (способной обнаруживать любые вторжения).

(17) (интернет)

Довольный своей жизнью и карьерой, этот человек, у которого не хватило времени заняться психоанализом, но которого данная область очень увлекает, готов поговорить об этом и многом другом.

(18) (СинТагРус)

Причем речь идет о глубинном, внутреннем стрессе, внешне незаметном, но на физиологическом уровне он непременно проявится.

(19)

Внешне незаметный, этот стресс непременно проявится.

Другая группа примеров связана с сочиненными прилагательными / причастиями:

(20) (СинТагРус)

Но я бы сказал, что звезды — прошлые и подрастающие — в основном дома остались.

(21)

Прошлые и подрастающие, все звезды в основном остались дома.

Конструкции с АО допустимы при любых сочинительных средствах, в том числе и при бессоюзном сочинении:

(22) (СинТагРус)

...читатель, то есть любой мыслящий человек, испытывает сегодня, как мне кажется, потребность не столько в сюжетных хитросплетениях, сколько в искреннем собеседнике, думающем, вспоминающем, переживающем вместе с тобой, у тебя на глазах.

Как уже говорилось, все примеры АО с распространенными (синтаксическими зависимыми или сочинением) составляющими могут оставаться грамматичными и с единичным прилагательным, если они сопровождаются соответствующим интонационным выделением:

(13')

Причем речь идет о глубинном, внутреннем стрессе, незаметном, но таком, который непременно проявится на физиологическом уровне.

(14')

Незаметный, этот стресс непременно проявится.

Мы будем считать конституирующим свойством АО не количество и структуру составляющих, а именно наличие интонационного выделения, прежде всего — отделимой прилагательное от остального материала паузы.

Чем не являются АО

Перечислим некоторые типы составляющих, похожие, но не тождественные АО. Прежде всего, АО не являются именными конструкциями с вершинной-местоимением типа *мы нынешние, все вернувшиеся, оба провинившихся...* Это можно заключить из того факта, что лексических ограничений на именную группу / вершину, к которой относится АО не существует — в отличие от упомянутых конструкций.

Вследствие различий в семантике и контекстах употребления АО также не являются примерами сортовой (*шалфей лекарственный, шалфей красный, шалфей мускатный, шалфей луговой*) или предикатной инверсии (*Актёры — существа хрупкие*), см. (Лютикова 2012).

Интонационно — отсутствием паузы и дополнительного ударения — АО отличаются от так называемых *afterthought constructions*, разрывных составляющих, в которых «внутри» одной составляющей попадают элементы другой:

(23)

(Ковтунова 2002:123)

В сиреневатой рыхлой темноте вязкие плавали голоса.

Как уже говорилось, АО отличаются и от вторичной предикации, для которой в большинстве случаев допустимо употребление предикативного инструмента:

(24)

(Grebnyova 2005)

а. *Иван пришел домой грустный / грустным.*

б. *Павел встретил Ивана грустного / грустным.*

Инструментальное оформление АО исключено:

(1''')

**Мурлыкали и копошились на татарнике снегири, необыкновенным среди мороза и снега.*

(4''')

**Громко разрекламированным, его проект опирается на официальную идеологию.*

АО, таким образом, представляют собой особый тип составляющих, природу которого мы постараемся определить ниже.

Местоимения и имена собственные

При исследовании примеров АО бросается в глаза еще одна связанная с ними закономерность: вершиной в исходных конструкциях чрезвычайно часто являются местоимения или имена собственные. Следующие четыре примера демонстрируют местоименные вершины при постпозиции и левой дислокации:

(25) (СинТагРус)

а. *Наконец великан повержен, и мятую бумажную скатерть трогательно укрепляют на веревке бельевыми прищепками, и на ней, ставшей экраном, появляется фотография.*

б. *Связываться не хотелось, а то б я тебя, такого храброго!..*

(26) (СинТагРус)

а. *Расстроенный, с полным подносом, он ушел за кулисы — и увидел, что там уже зреет скандал.*

б. *Уставшие, они тем не менее не скрывали восторга: исчерпав запас веревок и крючьев, они дошли до глубины 1680 метров, остановившись перед началом нового колодца.*

В примерах ниже приведены имена собственные-вершины при постпозитивных и дислоцированных влево АО:

(27) (СинТагРус)

а. *В Европе Прокофьеву рады, однако Дягилев, помешанный на балете, стремится чуть ли не каждый его концерт "подсластить" каким-нибудь сценическим действием.*

б. *Но это было так неопределенно, что Глаша, рослая, деловая, работавшая бухгалтером на спичечной фабрике, предложила...*

(28) (В. Шаламов, «Почерк» 1964)

Готовый ко всему, безразличный ко всему, Крист шел по узкой тропе.

Как представляется, (более чем регулярное) употребление местоимений / имен собственных свидетельствует о том, что вершиной составляющей, к которой относится АО, всегда является полная именная группа.

Связывание рефлексивов

В составе распространенных групп прилагательных в АО возможно употребление рефлексивных местоимений. Это касается не только постпозитивных АО, но и АО с левым выдвиганием:

(29) (интернет)

Чехов, верный себе, не дает определенного решения, обращая внимание на индивидуализацию каждого отдельного случая.

(30)

(интернет)

а. Довольный своим успехом, Петр с восхищением смотрел на то, что доставило ему и этот успех...

б. Гордый собой, он подошёл к клавишину и стал подбирать мелодию.

Так как рефлексивы грамматичны лишь в тех позициях, где ими си-командует антецедент, можно заключить, что и при левом выдвигении они исходно располагаются в пределах некоторой составляющей со своим антецедентом, который доминирует над ними и си-командует ими.

Поведение в контексте прямых и косвенных падежей

Вопреки утверждению АГ-80, АО может относиться не только к подлежащему, но и к другим участникам в других падежах. Для прямого объекта без труда найдутся примеры как с постпозицией, так и с левым выдвигением:

(31)

(СинТагРус)

И искали, и нашли там опять только себя, опустошенного, робкого и туманного, как Андромеда в бюстгальтере.

(32)

(интернет)

Уставшего и озябшего, дядя Боря встретил меня со всей душевной теплотой...

Несколько сложнее обстоит дело с контекстами косвенных падежей. Если примеры постпозитивного употребления находятся без труда, то случаи левого выдвигения при поиске примеров не встретились. При конструировании левого выдвигения на основе примеров с постпозицией получаем следующее (для датива и инструменталиса):

(33)

(А. Дюма, «Исаак Лакедем»)

В это время умер Цезарь Август, который дал передышку всему миру, уставшему от побед, завоеваний, переворотов и всякого рода потрясений и нуждавшемуся в кратком отдыхе...

(34)

а. Цезарь Август дал передышку миру, уставшему от побед.

б. ^{??}*Уставшему от побед, Цезарь Август дал передышку миру.

(35)

(СинТагРус)

Спамеры атакуют домашние компьютеры, многие из которых даже не снабжены базовой системой защиты firewall (способной обнаруживать любые вторжения).

(36)

а. Компьютеры снабжены базовой системой защиты, способной обнаруживать любые вторжения.

б. *Способной обнаруживать любые вторжения, компьютеры снабжены базовой системой защиты.

Однозначно неграмматичным является выдвигание АО из состава вложенных именных и предложных групп:

(37) (СинТагРус)

Папина борода была белее соли, глаза — ясной весны; тихий, скорый на светлые слезы, любитель карамелек, изюма, булочек с вареньем, ничем не был он похож на Лору, шумную, взволнованную, всю черно-золотую.

(38)

- a. *Папа не был похож на Лору, шумную, взволнованную.*
b. **Шумную, взволнованную, папа не был похож на Лору.*

(39) (СинТагРус)

Если канал будет — значит это все-таки удар линейной молнии, пусть необычной, но линейной.

(40)

- a. *Это все-таки удар молнии, пусть необычной, но линейной.*
b. **Пусть необычной, но линейной, это все-таки удар молнии.*

Оставим для дальнейших исследований запрет на употребление АО в косвенных падежах. Ограничение на употребление левого выдвигания из вложенных именных и предложных групп напоминает островные ограничения — например, невозможность пересечь при передвижении более одной границы именной или предложной группы:

(41)

- a. *Петя разбил машину жены.*
b. *Чью Петя разбил машину?*

(41')

- a. *Петя разбил машину жены друга.*
b. **Чью Петя разбил машину жены?*

(42)

- a. *Петя беспокоился о своих проблемах.*
b. *О чем беспокоился Петя?*

(42')

- a. *Петя беспокоился о проблемах жены.*
b. **Кого / чьих беспокоился Петя о проблемах?*

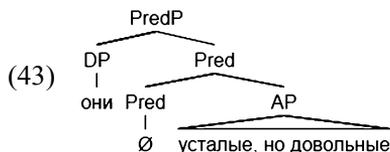
В (41–42) приведены примеры вопросительного выноса из составляющей с одним вложением, в (41'–42') — примеры вопросительного выноса из составляющей с двумя вложениями. При наличии второго вложения извлечение из именных / предложных групп становится неграмматичным¹.

¹ Если исповедовать предлагавшийся некоторыми исследователями подход к косвенным (лексическим) падежам как предложным группам, запрет на левое выдвигание АО с косвенными падежами можно объяснить аналогично запрету на вложение.

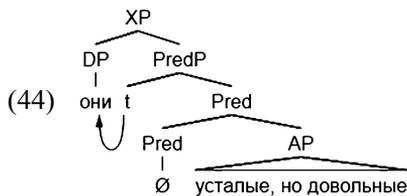
Структура и процесс деривации АО

Перечислим вкратце основные установленные нами свойства АО: i) именная группа, к которой относится АО является полной именной группой; ii) в изначальной конфигурации такая полная именная группа си-командует прилагательным / причастием; iii) АО подчиняются островным ограничениям на экстрапозицию.

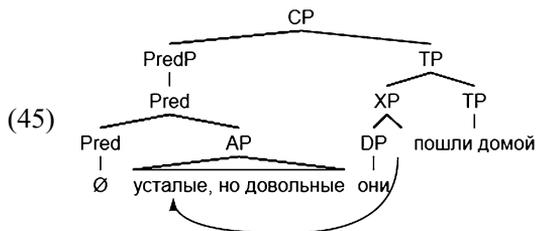
Мы предполагаем, что постпозитивные АО представляют собой составляющие, проецируемые нулевой предикативной вершиной Pred, см. (Bowers 1993) и последовавшие за этой работы:

Вершина Pred при озвучивании данной структуры соответствует паузе. Левое выдвигание деривируется из постпозитивной составляющей с Pred в два этапа. Во-первых, подлежащее PredP передвигается в некоторую структуру выше:

После этого Pred и ее атрибутивный компонент передвигаются в позицию начала предложения:

Находясь в фокусной позиции, составляющая [_{PredP} [_{Pred} Ø] [_{AP} усталые, но довольные]] получает соответствующее просодическое оформление — ударение на атрибутивной составляющей, единственном фонологически выраженном акцентоносителе, и следующую за ним паузу, свойственную фокусной позиции.

Итоги

На материале русского языка мы исследовали так называемые атрибутивные обособления, представленные как в русском, так и в некоторых других языках. Мы определили, что ключевым условием образования АО является наличие интонационного выделения на атрибуте и паузация на границах его составляющей. Как было показано, АО образуется как полупредикативная составляющая PredP, а пауза соответствует нулевой предикативной вершине Pred. При левом выдвигении происходит передвижение PredP в позицию фокуса.

Литература

АГ-80 — Русская грамматика в 2 тт. / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

Ковтунова И. И. Русский синтаксис: порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

Лютикова Е. А. О двух типах инверсии в русской именной группе // Русский язык в научном освещении: 2 (24) Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), 2012. С. 65–106.

СинТагРус — подкорпус Национального корпуса русского языка (ИППИ РАН & НКРЯ) с синтаксической разметкой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rus-corpora.ru/instruction-syntax.html>

Bowers, John. The Syntax of Predication // Linguistic Inquiry 24, 1993, pp. 591–656.

Emonds, Joseph. A reformulation of certain syntactic transformations // Goals of Linguistic Theory, P. S. Peters (ed.). Prentice-Hall, 1972, pp. 21–61.

Grebenyova, Lydia. Agreement in Russian secondary predicates. In Proceedings of the 40th Meeting of the Chicago Linguistic Society, Chicago, 2005, pp. 69–81.

Pavel V. Grashchenkov

IOS

Lomonosov Moscow State University

Moscow State Pedagogical University

(Russia, Moscow)

pavel.gra@gmail.com

ON THE SYNTACTIC STRUCTURE OF SHIFTED ATTRIBUTIVES

The paper investigates constructions with unattached attributes. It is shown that unattached attributes cannot be traced to any other type of noun phrase or secondary predication. The paper establishes different types of unattached attributes (postpositive, left-dislocated) and defines properties specific for every particular type of phrase and for the unattached attributes as a whole. Building on these properties, the syntactic structure of

the unattached phrases is proposed and the nature of prosodic effects accompanying the unattachment phenomenon is explained.

Key words: syntax, Russian, unattached phrase, adjective, participle

References

- AG-80 — Russkaya grammatika v 2 tt. / Otv. red. N. Yu. Shvedova. M., 1980.
- Bowers, John. The Syntax of Predicatio. *Linguistic Inquiry*, 24, 1993, pp. 591–656.
- Emonds, Joseph. A reformulation of certain syntactic transformations. *Goals of Linguistic Theory*, P. S. Peters (ed.). Prentice-Hall, 1972, pp.21–61.
- Grebenyova, Lydia. Agreement in Russian secondary predicates. *Proceedings of the 40th Meeting of the Chicago Linguistic Society*, Chicago, 2005, pp. 69–81.
- Kovtunova I. I. *Russkii sintaksis: poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya*. Moscow, 1976.
- Lyutikova E. A. O dvukh tipakh inversii v russkoi imennoi gruppe. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii: 2 (24)* Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN (Moskva), 2012, pp. 65–106.
- Podkorpus Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka (IPPI RAN & NKRYa) s sintaksicheskoi razmetkoi [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/instruction-syntax.html>

М. Я. Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
dym2005@list.ru

КОНТРОЛЬ, ПРЕСУППОЗИЦИИ И СЕМАНТИКА КОНТРОПАТИВНЫХ ИНФИНИТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Рассматриваются нетривиальные реализации инфинитивных предложений со значением нежелательности (контропативных), не допускающие однозначной интерпретации: *Не убить бы мне тебя только* (Б. Вахтин). Одна из особенностей подобных высказываний состоит в неоднократном выражении на разных уровнях их организации признака контролируемости ситуации: в глагольной лексеме, в собственно инфинитивно-дательной конструкции, в подчиняющем всю конструкцию глаголе (*Только боюсь — не убить бы мне кого!* (М. Горький)), в коммуникативной пресуппозиции речевого акта, содержащего данное высказывание. Это может вести к конфликту противоположных значений признака [\pm Контроль], что и наблюдается в анализируемых высказываниях. В случаях типа «*Не убить бы человека*», — *мелькнуло у меня* (М. Пришвин) наблюдается, кроме того, расщепление контроля на [$+$ Контроль] над действием и [$-$ Контроль] над его объектом. В примерах типа *А вам бы, Варвара Михайловна, не волноваться так, а?* (М. Горький) в конфликт со значением неконтролируемости ситуации, выраженным дважды (глаголом и инфинитивно-дательной конструкцией), вступает значение [$+$ Контроль], содержащееся в пресуппозиции речевого акта совета. В создании конфликта значений признака [\pm Контроль] участвуют темпоральный вектор инфинитивного высказывания, его персональная отнесенность, лексико-семантический вариант глагольной лексемы, но решающую роль в возникновении конфликта играют семантические (фактивные и экзистенциальные) и коммуникативные пресуппозиции.

Ключевые слова: контропативное инфинитивное высказывание, контроль, расщепление контроля, конфликт значений, пресуппозиция.

Введение. Под контропативными подразумеваются инфинитивные высказывания (*ИВ*) со значением нежелательности:

(1) *Не опоздать бы нам к поезду* (пример из [Тимофеев 1950]);

(2) *Как бы нам не опоздать к поезду.*

В [Дымарский 2015] было показано, что семантика подобных ИВ существенно зависит от таких параметров, как вид инфинитива, темпоральный вектор и персональная отнесенность. Изменение значений этих параметров влечет за собой и варьирование семантики ИВ в целом: от сожаления — к упреку, поучению или ироническому сожалению, от совета — к просьбе, опасению, предостережению или угрозе и др.

Однако факторы, которые определяют семантику ИВ, построенных по моделям *Не Inf бы* и *Как бы не Inf*, названными параметрами не исчерпываются. Примеры, стимулирующие дальнейший поиск подобных факторов, имеют, в частности, следующий вид:

(3) — *Не вор же ты и не злодей, на чужое посягающий. Участь такая у меня — твоей быть. Планида... Не убить бы мне тебя только... — Как это? — Теплый ты пока еще...* (Б.Б. Вахтин. Надежда Платоновна Горюнова)¹;

(4) Двоеточие. *А вам бы, Варвара Михайловна, не волноваться так, а? Прекратить бы разговорец-то? Пойдемте гулять... вы обещали* (М. Горький. Дачники).

В (3) семантика колеблется между опасением, предостережением и угрозой, и определить ее точнее, опираясь на вид инфинитива, проспективный темпоральный вектор и отнесенность к 1-му л., невозможно. В (4), сходным образом, весьма затруднительно сделать выбор между чтениями ИВ в значениях совета и просьбы. Еще существеннее то, что в обоих случаях ощущается внутренняя противоречивость высказывания в целом. Задача статьи — выявить сущность и природу этой противоречивости.

1. Формализуемые vs. неформализуемые параметры ИВ. Помимо параметров, имеющих эксплицитное выражение (вид и персональная отнесенность), а также параметров, поддающихся формализации (темпоральный вектор ИВ), на семантику ИВ значительно влияют неформализуемые факторы: 1) дистанция между субъектом речи и дативным субъектом (в случае их несовпадения) и 2) контролируемость действия / состояния, выраженного инфинитивом.

Дистанция между субъектом речи и дативным субъектом (далее — *дистанция*) находится в прямо пропорциональном отношении к мере агонального компонента [Шейгал, Дешевова 2013] в содержании ИВ. Так, при ретроспективном темпоральном векторе, форме НСВ и отнесенности ко 2-му л. минимальная дистанция порождает значение сожаления с оттенком упрека (5), а максимальная, с тенденцией к переходу в антагонизм, — значение упрека с оттенком поучения (6):

¹ Этот и последующие атрибутированные примеры отобраны при помощи Национального корпуса русского языка.

(5) *И Шумский вдруг воскликнул громко: — Ах, матушка, матушка, не отдавать бы тебе меня лиходеям! Будь я крестьянин, я был бы теперь, конечно, во сто крат счастливее* (Е. Салиас. Аракчеевский подкидыш);

(6) — *Что, брат, видно, спесь-то поспала? Как пришла нужда до Вышата, так небось заговорил другим голосом!.. А помнишь, в Усладов день не хотел и словечка со мною перемолвить? То-то же, любезный, не глумиться бы тебе над тем, кто тебя старше!* (М. Н. Загоскин. Аскольдова могила).

При проспективном темпоральном векторе, той же персональной отнесенности и форме СВ в случае минимальной дистанции имеем значение предостережения (7), в случае максимальной дистанции — угрозы (8):

(7) *Только и слышишь: благонадежность да неблагонадежность! — Нельзя, папаша! время нынче не такое, чтоб другие разговоры вести! — То-то, что с этими разговорами как бы вам совсем не оглупеть* (М. Е. Салтыков-Щедрин);

(8) — *Ох ты проклятая галота! Ну гляди, Ефим, не заплакать бы тебе колысь! — Ты б, старый черт, не заплакал, а моих слез тебе не видать!* (В. Осеева).

Однако для интерпретации случаев типа (3, 4) фактор дистанции нерелевантен: в (3) дистанция отсутствует в силу совпадения в дативе *мне* субъектов речи и действия, в (4) дистанция невелика, но это не разрешает колебаний между советом и просьбой. В подобных высказываниях существенную роль играет признак контролируемости действия / состояния, выраженного инфинитивом. На этом признаке и сосредоточим внимание.

2. Признак контролируемости: случай (3). Семантический признак [+ Контроль] находится в сфере внимания отечественных языковедов уже более трех десятилетий; литература вопроса весьма значительна. Ограничимся лишь напоминанием положений, имеющих существенное значение для последующего изложения.

Признак контролируемости действия / ситуации, как известно, поддается выявлению преимущественно на отрицательном материале. Например, глаголы СВ, выражающие **контролируемое** действие, невозможны в отрицательных императивных конструкциях: **Не защити диссертацию, *Не плюнь в колодец* ([Булыгина 1982: 75]; см. также [Булыгина, Крылов 1990]).

Правда, контексты с обстоятельствами типа *случайно, ненароком* нейтрализуют в семантике глагола СВ признак [+ Контроль] и делают возможной отрицательную императивную конструкцию с этим глаголом. При этом иногда возникает элемент языковой игры: (а) *Смотри не защити как-нибудь ненароком диссертацию*. Предполагая контроль субъекта над действием (хотя и эта формулировка, как неоднократно отмечалось, не универсальна и не всегда точна, ср. [Кустова 1992]), признак [+ Контроль] предполагает определенный контроль и над объектом действия — хотя бы в смысле достоверного знания природы этого объекта. Фраза (а) может означать, например, что субъект собирается защищать курсовую, не понимая, что ее уровень сопоставим с уровнем кандидатской диссертации. Аналогичным образом,

фразы (б) *Давай, продолжай плевать на всех подряд, не плюнь только в колодец...* вполне возможна в том смысле, что субъект может не знать, насколько важными для него могут оказаться люди, которыми он пренебрегает. Именно значение недостаточного знания субъекта об объекте и актуализируют упомянутые обстоятельства, хотя из (б) видно, что они не обязательны.

Глаголы, выражающие **неконтролируемое** действие, невозможны в сочетании с обстоятельствами / придаточными цели (**Стрела летит попасть в яблоко, *Камень падает, чтобы ушибить собаку*), в предложениях внезапного действия с инфинитивным сказуемым (**Дождь лить как из ведра, *Она толстеть*), в безличных конструкциях (**Воде превосходно теклось, *Шару никак не падалось*) и др. (выборочный перечень тестов и примеры из [Булыгина, Крылов 1990]).

Г. И. Кустова справедливо указывает на возможность расширения диагностического инструментария: «Есть целые группы глаголов, которые требуют наличия признака "+ контроль" у подчиненного предиката. Это интенциональные глаголы (*намереваться, решить, согласиться, передумать*); имплицативные глаголы (*приходиться, удаваться, осмелиться, постесняться, успеть*), а также многие другие глаголы и конструкции (*надоело + инфинитив; продолжить + отглагольное имя, которое "наследует" соответствующий признак глагола*)» [Кустова 1992: 147]. Тем не менее, «универсального теста, позволяющего приписывать предикату признак "контроль", а затем объяснять и предсказывать его поведение в релевантных контекстах, по-видимому, не существует» [Там же: 149]. В этом смысле существенны также следующие положения.

По мнению Анны А. Зализняк, «контролируемость как свойство ситуаций в мире есть понятие градуальное» [1992: 140]: огромное количество действий / состояний / ситуаций располагается в континууме между полюсами [+ Контроль] и [- Контроль]. Поэтому имеет смысл различать полную и неполную контролируемость (ср. также [Плунгян, Рахилина 1988; Шатуновский 1989]). Одно из средств маркирования неполной контролируемости — приписывание статуса подлежащего не реальному агенту, а, например, его руке (не *дотронулся*, а *рука дотронулась*) [Григорьян 2010: 99–100]. Важна также идея асимметрии полюсов шкалы контролируемости в жизни и такого отражения этой асимметрии в языке, что «любое выражение, описывающее контролируемую ситуацию, может быть употреблено в предложении, описывающем неконтролируемую ситуацию» [Зализняк 1992: 142]: эта формулировка прекрасно соотносится с примером (3), хотя оригинальная мотивировка [Там же] опирается на примеры иного рода.

Русские инфинитивные предложения представляют собой контексты именно с тем свойством, которое столь удачно сформулировано Анной А. Зализняк. Их семантический субъект, независимо от его роли (агент, экспериенцер, пациенс...), может быть выражен, как известно, только дательным падежом. Дативный субъект отличается от номинативного, по точному замечанию Г. А. Золотовой, признаком инактивности [Золотова 1982: 103–105]. Т. В. Булыгина и С. А. Крылов называют этот дательный «дезактивирующим» [1990: 458]. Представляется допустимым переформулировать эти характеристики в терминах контроля: дативный субъект

инфинитивных конструкций мыслится как принципиально лишенный возможности контролировать течение действия / состояния / ситуации. Поскольку дативное выражение субъекта в ИВ конструктивно закреплено, можно считать, что **семантика самой конструкции содержит признак [- Контроль]**.

Однако семантика конструкции не отменяет семантики глагола. *Убить / убивать* воспринимается как глагол контролируемого действия: **Не убей врага неприемлемо, целевая конструкция, напротив, вполне допустима: Они убивают пленных, чтобы запугать весь мир.* Таким образом, в (3) глагольный признак [+ Контроль] вступает в конфликт с признаком всей конструкции [- Контроль], и высказывание (3) получает парадоксальное чтение:

(3.1) *‘Я не хочу, чтобы возникла такая ситуация P, в которой я [утрачу контроль над собой и вопреки своему желанию] совершу действие X’ (X = убить),*

— или, короче:

(3.2) *‘Я не хочу [неконтролируемо] совершить [контролируемое] действие X’.*

Схематически конфликт признаков можно изобразить так:

(3.3) $\{[Не (P^{+ \text{Контроль}})] \text{ бы}\}^{[- \text{Контроль}]}$.

Ясно, что чтения (3.1–3.2) могут быть осмысленными только при условии, что говорящий исходит из той презумпции, что подобная ситуация P, в которой он, будучи агенсом действия X, по каким-то причинам утратит контроль над своими действиями, в принципе может возникнуть. Возможно, именно в доведении этой презумпции до сведения адресата и состоит иллокуция говорящего в (3).

Г.И. Кустова предлагает различать интенциональный и денотативный контроль. Под первым понимается «принятие решения, выбор схемы деятельности, установление соответствия реального содержания ситуации (и затем ее результата) содержанию намерения» и т. п.; под вторым — собственно «энергетические затраты» субъекта [Кустова 1992: 146]. В этом смысле можно сказать, что в (3.3) под ($P^{+ \text{Контроль}}$) подразумевается полный контроль — как интенциональный, так и денотативный.

Несколько иное наблюдаем в следующем примере:

(9) *На скулах у него (Досекина. — М.Д.) появились желваки, он протянул сквозь зубы:*

— *Понимаю я, что должны мы быть самые спокойные люди на Руси — не завтра наш праздник, не через год и не через десять лет, понимаю! Дела эвон сколько! Вся Россия — это как гора до небес вершиной. Да... Да, брат, всё это я понимаю и спокоен. Только боюсь — **не убить бы мне кого!***

Мне стало боязно за него, и жуткое коснулось сердца.

— *Ты что? — спрашиваю, подходя к нему.*

Но он уже оправился и заговорил мягче, с улыбкой в глазах (М. Горький. Лето).

Здесь выражение объекта вопросительно-относительным местоимением (в значении неопределенного) означает, что интенциональный контроль субъекта над потенциальным действием неполон.

Этот пример любопытен еще и тем, что инфинитивная конструкция в нем подчинена глаголу *боюсь*, который имеет разные значения в сочетании с глаголами, обозначающими контролируемые и неконтролируемые действия: в первом случае — ‘испытываю страх’, во втором — ‘считаю нежелательным, но вероятным’ [Зализняк 1992: 142, со ссылкой на более раннюю работу автора]. В контексте «*все это я понимаю и спокоен*», очевидно, имеем второе значение, при котором подчиненная предикация выражает неконтролируемую ситуацию. Получается, что значение [Контроль], помимо конструкции инфинитивного предложения, здесь заключено еще и в подчиняющем глаголе, что усиливает контраст с контролируемостью действия, выраженного ключевым инфинитивом.

Еще больше отличий в следующем случае:

(10) *Я оглянулся на месяц: месяц прыгнул и потом сделал вид, будто он обыкновенный. А собака стояла: впереди собака, сзади такой месяц. Еще раз я быстро обернулся, месяц мелькнул и стал на свое место. «Не убить бы человека», — мелькнуло у меня, и [я] решительно пошел на то, что представлялось собакой. Тогда все кончилось, собакой представились два большие березовые пня с кустиком можжевельника, и выяснилось, что месяц прыгнул, потому что у меня билось сердце* (М. М. Пришвин. Дневники).

Примеры (3), (9) и (10) объединяет то, что действие *убить* в них — в общем — контролируемое. О различии между (3) и (9) уже сказано. Ситуация в (10) отличается от (3, 9) тем, что в фокусе отрицания не действие, а объект: говорящий намерен уничтожить угрозу (*убить*), но не вполне уверен в ее природе и опасается, как бы она — представляющаяся ему собакой — не оказалась человеком. Следовательно, интенциональный контроль и здесь, как в (9), ослаблен, но его неполнота имеет другую природу: в (9) объект (*кого*) нереферентен, в (10) — наоборот: это вполне реальная, в восприятии субъекта, угроза, и его намерения по отношению к ней конкретны; неизвестно лишь (ему самому), что она на самом деле собой представляет. Иными словами, в (10) происходит **расщепление контроля** на контроль над действием и контроль над его объектом, причем первый с положительным значением, второй — с отрицательным (ср. выше примеры (а–б))². Расщепление контроля и смещение фокуса отрицания на объект, безусловно, снижают остроту конфликта признаков [±Контроль], поскольку объем контролируемости ситуации уменьшен, но не уничтожают самого конфликта, так как противоречие между контролируемостью действия в значении глагольной лексики и неконтролируемостью ситуации в значении конструкции сохраняется.

² Анна А. Зализняк упоминает о работе: Davidson, D. The logical form of action sentences // Rescher, N. (ed.). The logic of decision and action. Pittsburg, 1966, — в которой «разбирается случай, как человек убил директора банка, думая, что убивает грабителя» [Зализняк 1992: 140, прим. 4].

Впрочем, конфликт может и отсутствовать: это происходит в случае, когда используется другой лексико-семантический вариант того же глагола, обозначающий, в сущности, не контролируемое действие, а неконтролируемый результат другого — смежного — действия (ср. понятие непреднамеренного убийства):

(11) *В запале оправданного ниспровергательства не убить бы чуткий интерес к сложным писательским судьбам, к мучительной подчас противоречивости творчества, подразумевающего в исследователе умение пользоваться не одним лишь скальпелем* (В. Кардин. К вопросу о белых перчатках // «Огонек». № 3, 1991).

Здесь *убить* может быть семантизировано как

(i) ‘нанося удары, но не преследуя цели лишить жизни, непреднамеренно лишить жизни, утратив контроль за силой и количеством ударов или недооценив их’.

В (i) очевидно доминирование признака [– Контроль], поскольку полностью отсутствует интенциональный контроль (и оказывается, что денотативный, даже если признать его наличие в смысле «энергетических затрат субъекта», для таких случаев нерелевантен), поэтому конфликта одноименных признаков конструкции и глагола не возникает.

Существенное различие между (3, 9, 10) и (11) связано с темпоральным вектором высказывания. Во всех этих случаях он проспективно-консеквентный: момент речи предшествует ситуации, названной инфинитивом (инфинитивной группой), причем подразумевается, что между моментом речи и называемой ситуацией может / должно произойти некоторое событие Q , которое и повлечет за собой эту ситуацию (подробнее см. [Дымарский 2015: 37–39], где событие Q названо точкой бифуркации). Но в (3, 9, 10) в момент произнесения высказывания ни процесс, ни в целом ситуация, результатом которой может стать лишение кого-либо жизни, места не имеют. Между тем в (11) такой процесс (*ниспровергательство*) уже протекает: момент речи локализуется в некоторой срединной его фазе, а роль события Q , влекущего катастрофическое следствие *убить*, здесь может сыграть утрата контроля за силой и количеством ударов (*ниспровержений*). Возможность подобных различий при одном и том же типе темпорального вектора не была учтена в [Указ. соч.].

Названное различие может быть сформулировано и как разность пресуппозиций. Для (3, 9) верна — с незначительными вариациями — пресуппозиция

(ii) ‘в неопределенном будущем может иметь место ситуация P «агнс утратит контроль над своими действиями или ситуацией в целом и совершит действие X »’;

для (11) же верна пресуппозиция

(iii) ‘текущая ситуация может завершиться результатом (i)’.

Как (ii), так и (iii) можно квалифицировать как фактивные семантические пресуппозиции (по [Падучева 1977]).

В ситуации же расщепления контроля, описанной применительно к (10), пресуппозиция тоже может быть охарактеризована как семантическая, но уже, скорее, экзистенциальной разновидности:

(iv) ‘объект планируемого действия *X* может оказаться иным, нежели предполагает агенс этого действия’.

Таким образом, неоднозначность семантики ИВ типа (3) возникает в результате взаимодействия ряда факторов: общей семантики конструкции с признаком [– Контроль], проспективно-консеквентного темпорального вектора, пресуппозиции типа (ii) и соответствующего ей лексико-семантического варианта глагольной лексемы с признаком [+ Контроль]. Ключевую роль здесь играет, по-видимому, тип пресуппозиции, так как именно в нем отражен тип референтной ситуации и именно он определяет, в каком значении используется глагол. Тип пресуппозиции может повлечь и расщепление контроля в случаях вида (10), когда конфликт признаков [+ Контроль] становится менее острым, но сохраняется.

3. Признак контролируемости: случай (4). Несколько иная ситуация в ИВ типа (4) «*А вам бы, Варвара Михайловна, не волноваться так, а?*». Если в рассмотренных выше случаях ключевую роль играют семантические пресуппозиции (как совокупность знаний о референтной ситуации), то в (4) виновником конфликта признаков становится коммуникативная пресуппозиция, определяющая тип речевого акта.

В самом деле: *волноваться* — глагол, обозначающий состояние, контроль (экспериментера) над которым по меньшей мере затруднителен. Волевые усилия, нацеленные на вход в это состояние или выход из него, обычно бесполезны. Соответственно, этот глагол успешно проходит тесты на признак [– Контроль]:

— его коррелят СВ возможен в отрицательной императивной конструкции:

[*Смотри*] не разволнуйся от этих мыслей;

— он не может сочетаться с целевыми компонентами:

**X волнуется, чтобы...*;

— невозможна безличная конструкция с этим глаголом:

**Мне превосходно / ужасно волновалось.*

Следовательно, конфликт значений признака [+ Контроль] здесь отсутствует, в отличие от (3.3):

(4.1) {[Не (P[– Контроль])] бы}[– Контроль].

Тем не менее, этот «сингармонизм» значений признака [+ Контроль] не снимает некоторой аномальности высказывания (4).

Отнесенность ко 2-му л. при нулевом или проспективном темпоральном векторе заставляет читать контроплативные ИВ как предостережения, советы или просьбы. В (4) — или просьба, или совет, но не предостережение (ср. типичную для

смягченной просьбы финальную частицу *a* с вопросительной интонацией). Различие же между предостережением и советом / просьбой — в пресуппозициях.

Предостерегают от того, что не находится во власти адресата: *Не оступись; Не упади; Не поскользнься; Не промахнься*. В пресуппозиции предостережения как типа речевого акта — признак [– Контроль]. Кроме того, предостерегают от ситуации, которая в момент речи места не имеет.

Советуют же то (или просят о том), что находится во власти субъекта предполагаемого действия — адресата:

(12) *Не уходите бы вам сегодня...* (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом).

В пресуппозиции совета / просьбы — признак [+ Контроль]. Ситуация, к которой реферирует совет или просьба, может мыслиться в будущем, как в (12), но может иметь место и в момент речи, как в (4).

Совет-просьба Двоеточия состоит в предложении выйти из состояния ‘волноваться’ и опирается на презумпцию возможности его волевого прекращения. Эта презумпция и вступает в конфликт с признаком [– Контроль]:

(4.2) {{{Не (P[– Контроль])} бы}_{[– Контроль]}}{+ Контроль}.

Не случайно советы / просьбы типа *Не волнуйся, Не плачь, Не бойся* не только, как правило, не достигают цели, но нередко вызывают еще и раздражение адресата, остро ощущающего конфликт между идеей осуществимости контроля, заложенной в пресуппозиции речевого акта, и собственной неспособностью этого контроля достигнуть.

Очевидно, что ключевая роль в возникновении семантического конфликта в (4) принадлежит пресуппозиции коммуникативного характера, заключенной в типе речевого акта. При смене персональной отнесенности ИВ изменяется тип речевого акта, а с ним и коммуникативная пресуппозиция — и конфликт признаков исчезает:

(13) *Не волноваться бы мне так, ведь вредно...*

В (13) прочитывается квазиоптативное значение, почти совпадающее с контрфактическим, конфликта признаков [+ Контроль] нет.

Заключение. Таким образом, причины неустранимой противоречивости семантики в высказываниях типов (3), (4) заключаются в конфликте противоположных значений одного и того же семантического признака [+ Контроль], выраженного в таких ИВ неоднократно на разных уровнях организации высказывания: в глагольной лексеме, в собственно инфинитивно-дательной конструкции, в подчиняющем всю конструкцию глаголе, в прагматической пресуппозиции речевого акта, содержащего ИВ. Одной из причин возникновения конфликта может быть расщепление контроля на [+ Контроль] над действием и [– Контроль] над его объектом. Типы пресуппозиций (семантические и коммуникативные) и их разновидности (семантические фактивные и экзистенциальные) играют существенную роль в возникновении конфликта значений признака [+ Контроль] — по крайней мере, в контрфактивных ИВ. Семантические и грамматические признаки, принимающие

участие в оформлении этого конфликта: семантика ключевого глагола, темпоральный вектор и персональная отнесенность ИВ, — связаны прежде всего с типом пресуппозиции.

Не случайно понятие презумпции (пресуппозиции) регулярно возникает в работах, посвященных признаку контролируемости: например, в [Зализняк 1992] термин *презумпция* использован на протяжении 6 страниц трижды — не считая выражения этого же смысла формулами типа «представление субъекта о возможности совершить *P*» [Там же: 139]. Языковая интерпретация мира избирательна по отношению к признаку контроля. В простейших дескриптивных высказываниях она может либо просто обходиться без его выражения (пример Анны А. Зализняк: *Он прошел мимо меня*), либо выражать его единожды и однозначно (*Петя забил гвоздь в стену*). Но как только в высказывании возникают дополнительные модальные значения, появляется почва для осложнений — в том числе и в плане контролируемости ситуации, причем управление игрой значений признака [[±] Контроль] восходит к уровню пресуппозиций разного рода. Инфинитивные предложения, будучи специализированными моделями, нетривиальное модальное значение которых конструктивно закреплено и составляет их инвариантное содержание, представляют собой в этом плане более чем показательный пример.

Главный же вывод заключается в том, что однозначное и непротиворечивое прочтение ИВ типов (3), (4) в принципе невозможно. Конфликт значений одного и того же семантического признака создает в рассматриваемых высказываниях неповторимое мерцание смыслов, искать между которыми единственный «верный» не приходится.

Литература

Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7–85.

Булыгина Т. В., Крылов С. А. Скрытые категории // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 457–458.

Григорьян Е. Л. «Скрытая» категория контроля и синтаксис // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. №2. С. 96–107.

Дымарский М. Я. Инфинитивные высказывания с семантикой нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения // Вопросы языкознания. 2015. №5. С. 26–48.

Зализняк Анна А. Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 138–145.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Кустова Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 145–150.

Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977. [Электронный ресурс: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/presumption-77.pdf>. Дата обращения 1.08.2016.]

Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Заметки о контроле // Речь: восприятие и семантика. М., 1988. С. 40–48.

Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка / Под ред. акад. В. В. Виноградова. М., 1950. С. 257–301.

Шатуновский И. Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка: Проблемы прагматических и интенциональных контекстов. М., 1989. С. 155–185.

Шейгал Е. И., Дешеева В. В. Агональность в коммуникации: структура понятия. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://lib.vkarp.com/2013/12/23/шейгал-и-дешеева-в-в-агональность-в/>. Дата обращения: 5.08.2016.]

Mikhail Ya. Dymarsky

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg)
dym2005@list.ru*

CONTROL, PRESUPPOSITIONS, AND THE SEMANTICS OF COUNTER-OPTATIVE INFINITIVE UTTERANCES

The paper deals with non-trivial realizations of counter-optative infinitive-dative constructions, which cannot be read univocally in principle: *Ne ubit' by mne tebya tol'ko* (B. Vakhtin). The specific property of utterances of the type is that the [[±]Control] meaning is expressed in them more than once: in the verb itself, in the infinitive-dative construction, (optionally) in the verb governing the whole construction (*Tol'ko bojus' — ne ubit' by mne kogo!* (M. Gor'ky)), and in the communicative presupposition of the speech act, which includes the construction under consideration. This may lead to a conflict of the [[±]Control] opposite feature meanings. Besides, the control may be split into [⁺Control] over the action and [⁻Control] over its object: “*Ne ubit' by cheloveka*”, — *mel'knulo u menya* (M. Prishvin). Cases of type *A vam by, Varvara Mikhajlovna, ne volnovat'sya tak, a?* (M. Gor'ky) contain the [⁻Control] meaning expressed twice (in the verb and in the infinitive-dative construction), which conflicts with the [⁺Control] meaning lying in the presupposition of the advice speech act. The conflict of opposite meanings of the [[±]Control] feature is created with participation of the temporal vector of the infinitive utterance, of its personal reference, of the particular verb meaning; but the crucial role in the emergence of the conflict is played by presuppositions of semantic (including factual and existential subtypes) and communicative types.

Key words: counter-optative infinitive clause / utterance, control, control splitting, meanings conflict, presupposition.

References

Bulygina T. V. К построению типологии предикатов в русском языке. *Semanticheskie tipy predikatov*. Moscow, 1982, pp. 7–85.

Bulygina T. V., Krylov S. A. Skrytye kategorii. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Gl. red. V. N. Yartseva. Moscow, 1990, pp. 457–458.

Grigor'yan E. L. "Skrytaja" kategorija kontrolya i sintaksis. *Izvestija Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2010, №2, pp. 96–107.

Dymarsky M. Ya. «Counter-optative» infinitive constructions in Russian: aspect, tense, person, and variation of the categorial meaning // *Voprosy Jazykoznanija*, 2015, №5, pp. 26–48.

Zaliznyak Anna A. Kontroliruemost' situatsii v jazyke i v zhizni. *Logicheskij analiz jazyka. Modeli dejstvija*. Moscow, 1992, pp. 138–145.

Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa*. Moscow, 1982.

Kustova G. I. Nekotorye problemy analiza dejstvija v terminakh kontrolya. *Logicheskij analiz jazyka. Modeli dejstvija*. Moscow, 1992, pp. 145–150.

Paducheva E. V. Ponyatie prezumptsii v lingvisticheskoy semantike. *Semiotika i informatika*. Issue 8. Moscow, 1977. Available at: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/presumption-77.pdf> [accessed 1.08.2016].

Plungyan V. A., Rakhilina E. V. Zametki o kontrole. *Rech': vosprijatie i semantika*. Moscow, 1988, pp. 40–48.

Timofeev K. A. Ob osnovnykh tipakh infinitivnykh predlozheniy v sovremennom russkom literaturnom jazyke. *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo jazyka*. Pod red. akad. V. V. Vinogradova. Moscow, 1950, pp. 257–301.

Shatunovskiy I. B. Propozitsional'nye ustanovki: volya i zhelanie. *Logicheskij analiz jazyka. Problemy pragmaticheskikh i intentsional'nykh kontekstov*. Moscow, 1989, pp. 155–185.

Sheigal E. I., Deshevova V. V. Agonal'nost' v kommunikatsii: struktura ponyatiya. Available at: <http://lib.vkarp.com/2013/12/23/шейгал-е-и-дешеева-в-в-агональность-в/> [accessed 5.08.2016].

Н. В. Ивлиева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва)
natalia.ivlieva@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ РАЗДЕЛИТЕЛЬНОГО СОЮЗА ТО ЛИ... ТО ЛИ*

Как известно, в русском языке есть несколько союзов с разделительной, или дизъюнктивной, семантикой. Значение и дистрибуция этих союзов во многом определяются общей семантикой логической дизъюнкции, однако было бы интересно исследовать и особенности разных союзов. Такие исследования, в частности, могли бы прояснить, как соотносятся и взаимодействуют различные компоненты значения и как это отражается на дистрибуции союзов в разных семантических контекстах.

Эта статья посвящена особенностям семантики одного из разделительных союзов, парного союза *то ли... то ли*. Основным отличительным свойством этого союза (а также, по-видимому, союза *не то... не то*) следует признать обязательность вывода о неуверенности в истинности дизъюнктов. Обязательность такого вывода отчасти объясняет дистрибуцию союза, который несовместим с интерпретацией «свободного выбора» и дистрибутивной интерпретацией.

В статье предлагается анализ семантики *то ли... то ли* в терминах сферы действия дизъюнкции относительно других операторов в предложении: в случае *то ли... то ли* дизъюнкция должна находиться в непосредственной сфере действия эпистемического оператора, ответственного за появление вывода о неуверенности в общем случае. У большинства других разделительных союзов дизъюнкция оказывается более «подвижной», и поэтому в сфере действия некоторых других операторов может появляться интерпретация «свободного выбора», дистрибутивная интерпретация и т. п.

Ключевые слова: семантика и прагматика, дизъюнкция, грамматическая теория импликатур.

* Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 16–18–02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

Дизъюнкция и вывод о неуверенности

Семантика разделительных союзов представляет большой интерес для исследований различных аспектов лингвистического значения. Консенсус, сложившийся в теоретической литературе, состоит в том, что основной компонент значения разделительных союзов — это логическая дизъюнкция, но есть и другие компоненты, такие как скалярная импликатура эксклюзивности, т. е. вывод об истинности только одного из дизъюнктов, и вывод о неуверенности относительно истинности каждого из дизъюнктов.

Например, частью значения предложения (1) будет не только условие истинности в (2а), но и импликатура эксклюзивности (2б) и вывод о неуверенности в (2в).

(1) На рынке я куплю дыню или арбуз.

(2) а. *Условие истинности*: (1) истинно тогда и только тогда, когда говорящий собирает купить на рынке дыню или арбуз или и то, и другое.

б. *Скалярная импликатура эксклюзивности*: Говорящий не собирается покупать на рынке и дыню, и арбуз.

в. *Вывод о неуверенности*: Говорящий не уверен, что купит дыню; говорящий не уверен, что купит арбуз.

Неуверенность приписывается либо говорящему либо субъекту предиката пропозициональной установки, если дизъюнкция находится в его сфере действия. Так, в (3) неуверенность может приписываться либо говорящему, либо Васе:

(3) Васе показалось, что Петя принес дыню или арбуз.

(4) а. *Вывод о неуверенности говорящего*: Говорящий не уверен, что Васе казалось, что Петя принес дыню; говорящий не уверен, что Васе казалось, что Петя принес арбуз.

б. *Вывод о неуверенности субъекта ППУ*: Вася не был уверен, что Петя принес дыню; Вася не был уверен, что Петя принес арбуз.

В некоторых контекстах, например, в контекстах монотонного убывания (англ. *downward entailing contexts*), таких как сфера действия отрицания (5), антецедент условного предложения (6) или рестриктор универсального квантора (7), вывод о неуверенности необязателен:

(5) Я не хочу, чтобы Петя покупал дыню или арбуз.

В одной из интерпретаций¹: ‘Я не хочу, чтобы Петя покупал дыню, и я не хочу, чтобы Петя покупал арбуз.’

¹ Для примеров (5)–(9) также возможны и интерпретации с неуверенностью. Они возникают, когда дизъюнкция имеет сферу действия над всеми релевантными операторами.

(6) Если Вася купит дыню или арбуз, я буду очень рад.

В одной из интерпретаций: 'Если Вася купит дыню, я буду очень рад, и если Вася купит арбуз, я буду очень рад.'

(7) Каждый, кто купит дыню или арбуз, окажет нам услугу.

В одной из интерпретаций: 'Каждый, кто купит дыню, окажет нам услугу, и каждый, кто купит арбуз, окажет нам услугу.'

Кроме того, вывод о неуверенности не делается в сфере действия экзистенциальных модальных операторов (8), а также в сфере действия универсальных кванторов (9).

(8) Вам разрешается купить дыню или арбуз.

(9) Каждый из мальчиков принес на праздник дыню или арбуз.

В сфере действия экзистенциальных модальных операторов возникает интерпретация «свободного выбора»: из утверждения типа 'РАЗРЕШЕНО P или Q ' делается вывод, что 'РАЗРЕШЕНО P и РАЗРЕШЕНО Q '. Так, в (8) разрешается купить дыню и разрешается купить арбуз.

При дистрибутивной интерпретации, возникающей в сфере действия универсальных кванторов, из утверждения типа 'Для каждого x верно $P(x)$ или $Q(x)$ ' делается вывод 'Для некоторых x верно $P(x)$, а для некоторых x верно $Q(x)$ '. Например, в (9) делается вывод, что некоторые мальчики принесли дыни, в то время как другие принесли арбузы. Другими словами, (9) верно в ситуации, когда говорящий про каждого из мальчиков знает, что именно тот принес (например, говорящий знает, что Петя и Вася принесли арбузы, а Коля, Ваня и Саша принесли дыни).

Интересно, что при употреблении союза *то ли...то ли* интерпретации «свободного выбора» и дистрибутивной интерпретации не возникает. Напротив, выводы о неуверенности сохраняются, как в примерах ниже:

(10) Вам разрешается купить то ли дыню, то ли арбуз.

Вывод о неуверенности: Говорящий не уверен, что слушающим разрешается купить дыню; говорящий не уверен, что слушающим разрешается купить арбуз.

(11) Каждый из мальчиков принес на праздник то ли дыню, то ли арбуз.

Вывод о неуверенности 1: Говорящий не уверен, что каждый из мальчиков принес дыню; говорящий не уверен, что каждый из мальчиков принес арбуз.

Вывод о неуверенности 2: Для каждого мальчика x , говорящий не уверен, что x принес дыню, и говорящий не уверен, что x принес арбуз.

Два альтернативных вывода о неуверенности в случае с универсальным квантором, по-видимому, связаны с тем, что универсальный квантор может иметь как узкую, так и широкую сферу действия (подробнее см. ниже).

Итак, союз *то ли...то ли* несовместим с интерпретацией «свободного выбора» (по-видимому, так же ведет себя союз *не то...не то*). Также можно показать, что

при употреблении *то ли...то ли* дизъюнкция не может интерпретироваться внутри контекстов монотонного убывания:

(12) Вася не хочет, чтобы Петя покупал то ли дыню, то ли арбуз.

(13) Если Вася купит то ли дыню, то ли арбуз, Петя будет очень рад.

(14) Каждый, кто купит то ли дыню, то ли арбуз, сослужит Пете добрую услугу.

Если предложения в (12)–(14) вообще интерпретируемы (что верно не для всех носителей), то дизъюнкция в них обязательно имеет широкую сферу действия с сохранением выводов о неуверенности. Впрочем, возможно, это не особое свойство *то ли...то ли* (а также *не то...не то*), а общее свойство парных разделительных союзов (ср. данные [Spector 2014] о французском разделительном союзе *soit...soit*).

Грамматика неуверенности

В свете приведенных выше данных представляется возможным формальный анализ семантики союза *то ли...то ли* в терминах сферы действия дизъюнкции. Действительно, почти все описанные случаи будут объяснены, если постулировать формальное требование, по которому дизъюнкция *то ли...то ли* имеет максимальную широкую сферу действия в предложении.

Во-первых, это объясняет, почему употребление *то ли...то ли* несовместимо с дистрибутивной интерпретацией и интерпретацией свободного выбора, которые в общем случае возникают только в тех случаях, когда дизъюнкция имеет узкую сферу действия под универсальным квантором или экзистенциальным модальным предикатом соответственно.

Во-вторых, становится понятно, почему всегда сохраняется вывод о неуверенности. Это предсказывается в любой из существующих теорий вывода о неуверенности при дизъюнкции. Например, в неограйсианской теории У. Зауэрланда ([Sauerland 2004]) выводы о неуверенности порождаются по грайсовской максиме количества ([Grice 1975]): если принять, что формальными альтернативами высказывания $p \vee q$ являются высказывания p , q и $p \& q$, то при употреблении $p \vee q$ по максиме количества будут делаться прагматические выводы о неуверенности говорящего в истинности более сильных альтернатив p , q и $p \& q$ ².

Отсутствие вывода о неуверенности возможно только в тех случаях, когда дизъюнкция интерпретируется внутри контекстов убывающей монотонности (там

² Следующим шагом является усиление вывода о неуверенности до скалярных импликатур при условии, что такое усиление не ведет к противоречию. Например, прагматический вывод о неуверенности говорящего в истинности конъюнктивной альтернативы может быть переведен в ранг скалярной импликатуры, а именно говорящий считает, что $p \& q$ неверно. Однако соответствующий шаг не может быть предпринят в отношении двух других альтернатив. Если говорящий считает, что $\neg p$, то совместно с ассерцией $p \vee q$ это привело бы к выводу о том, что говорящий считает, что q . И наоборот, усиление другого вывода ($\neg q$) привело бы к выводу о том, что говорящий считает, что p .

формальные альтернативы не будут более сильными, и максима количества не даст выводов о неуверенности) или в сфере действия таких операторов, как экзистенциальные модальные предикаты и универсальные кванторы³. Если же дизъюнкция имеет максимальную сферу действия (то есть сферу действия над всем предложением), то выводы о неуверенности обязательно должны сохраняться.

Впрочем, наш анализ нуждается в уточнении. Как отмечалось выше, вывод о неуверенности может делаться как относительно говорящего, так и относительно субъектов предикатов пропозициональной установки. Это верно и для дизъюнкции *то ли...то ли*:

(15) Васе показалось, что Петя принес то ли дыню, то ли арбуз.

С точки зрения выводов о неуверенности, предложение (15) неоднозначно. Однако если считать, что дизъюнкция *то ли...то ли* всегда имеет самую широкую сферу действия, неясно, как объяснить саму возможность выводов о неуверенности кого-либо, кроме говорящего.

В связи с этим представляется необходимым переформулировать требование максимальной сферы действия. Можно сказать, что дизъюнкция *то ли...то ли* обязательно должна иметь самую широкую сферу действия, сама при этом интерпретируясь в сфере действия некоторого универсального эпистемического оператора. Если вслед за [Chierchia 2006] и др. считать, что любое высказывание p находится в сфере действия скрытого эпистемического оператора K , так что $K(p)$ интерпретируется как 'говорящий полагает, что p ', то наше новое обобщение будет предсказывать как выводы о неуверенности субъектов ППУ, так и выводы о неуверенности говорящего.

Проблематичным для нашего анализа остается случай, когда сам вывод о неуверенности может попасть в сферу действия универсального квантора (как при одной из возможных интерпретаций (11)). По-видимому, следует признать, что универсальные кванторы могут иметь сферу действия над K . Это допущение вполне соответствует представлениям о возможности универсальной квантификации «внутри» речевых актов (см. [Krifka 2001]).

Однако почему, когда *то ли...то ли* находится в сфере действия универсального квантора, не возникает дистрибутивной интерпретации, как в (9)? По-видимому, это связано со структурной конфигурацией различных операторов при порождении выводов о неуверенности и скалярных импликатур.

Здесь мы можем воспользоваться грамматической теорией импликатур (см., например, [Chierchia et al. 2015]) в той модификации, согласно которой и скалярные импликатуры, и выводы о неуверенности порождаются в грамматике путем применения скрытого оператора ЕХН, см. [Meyer 2013]. При этом важным элементом анализа является уже знакомое нам допущение, что любое высказывание

³ К сожалению, объяснить достаточно эксплицитно, почему вывод о неопределенности не возникает в этих контекстах, на страницах этой статьи не представляется возможным. Подробный анализ случаев с экзистенциальными модальными предикатами и универсальными кванторами можно найти в [Fox 2007] и [Crnič et al. 2015].

p находится в сфере действия скрытого эпистемического оператора K . Результат применения EXH к высказыванию, содержащему дизъюнкцию, представлен ниже:

$$(16) EXH(K(p \vee q)) \Leftrightarrow K(p \vee q) \& \neg K(p) \& \neg K(q) \& \neg K(p \& q)$$

Таким образом, применение оператора EXH к высказыванию $K(p \vee q)$ эквивалентно ассерции самого высказывания $K(p \vee q)$ и отрицания всех релевантных более сильных альтернатив. Среди этих альтернатив есть $K(p)$ и $K(q)$; их отрицание и будет признанием неуверенности говорящего относительно дизъюнктов p и q .

Далее, если верно, что универсальный квантор может иметь сферу действия над K , то вывод о неуверенности будет порождаться в конфигурации $\forall > EXH > K > \vee$. Принципиально, что EXH находится в сфере действия универсального квантора. В такой конфигурации классическая дистрибутивная интерпретация, как в (9), невозможна. Для нее требуется конфигурация, в которой, наоборот, универсальный квантор входит в сферу действия EXH ($EXH > \forall > \vee$, см. [Crnič et al. 2015]). Применение же EXH «над» универсальным квантором (гипотетическая конфигурация $EXH > \forall > EXH > K > \vee$) уже ничего не изменит, так как вывод о неуверенности все равно будет порожден более глубоко вложенным EXH -оператором.

***То ли...то ли* и другие разделительные союзы**

Таким образом, мы показали, что обязательный вывод о неуверенности и отсутствие дистрибутивной интерпретации и интерпретации «свободного выбора» при *то ли...то ли* связано с формальным требованием, согласно которому дизъюнкция *то ли...то ли* должна иметь максимально широкую сферу действия, сама при этом находясь в сфере действия некоторого эпистемического оператора. Это требование, однако, нельзя признать достаточным для полного описания семантики *то ли...то ли*.

В существующих описаниях семантики союза *то ли...то ли* (а также союза *не то...не то*) подчеркивается, что этот союз предполагает бóльшую степень неуверенности по сравнению с другими разделительными союзами русского языка (см. [Русская грамматика 1980], а также [Апресян, Пекелис 2011]). Следует отметить, что это никак не следует из нашего анализа. Действительно, хотя мы и постулируем особое условие относительно сферы действия дизъюнкции *то ли...то ли* относительно других операторов, мы не исключаем возможность точно такой же структурной конфигурации для других дизъюнкций. Другие союзы, таким образом, могут иметь столь же широкую сферу действия и, в качестве одного из вариантов, точно такую же интерпретацию.

Возможно, бóльшая степень неуверенности возникает в связи с тем, что эпистемический оператор, в сфере действия которого интерпретируется *то ли...то ли*, имеет специфическую модальную базу. Например, можно предположить, что «отношение доступности» (англ. *accessibility relation*), которое задает этот эпистемический оператор, обязательно основывается на *свидетельствах*, доступных говорящему или субъекту предиката пропозициональной установки. Таким образом, дизъюнкция *то ли...то ли* будет иметь эвиденциальный характер.

В будущем эти аспекты семантики *то ли...то ли* должны быть уточнены и осмыслены в рамках общей теории семантики и прагматики дизъюнкции в естественном языке.

Литература

Апресян, В. Ю., Пекелис, О. Е. Сочинительные союзы. Материалы для проекта корпусной грамматики русского языка. 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusgram.ru> (дата обращения: 31.07.2016)

Русская грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I–II. М., 1980.

Chierchia, G., Fox, D., Spector, B. Scalar implicature as a grammatical phenomenon // *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning* / ed by C. Maienborn, K. von Stechow, P. Portner. Berlin, Mouton de Gruyter, 2012. P. 2297–2332.

Crnič, L., Chemla E., Fox, D. Scalar implicatures of embedded disjunction // *Natural Language Semantics*. 2015. №23. P. 271–305.

Fox, D. Free choice and the theory of scalar implicatures // *Presupposition and Implicature in Compositional Semantics* / ed. by U. Sauerland, P. Stateva. Palgrave Macmillan, 2007. P. 71–120.

Grice, P. Logic and conversation // *Syntax and semantics*, vol. 3 / ed. by P. Cole and J. L. Morgan. New York, Academic Press. 1975. P. 41–58.

Krifka, M. Quantifying into question acts // *Natural Language Semantics*. 2001. №9. P. 1–40.

Meyer, M.-C. Ignorance and grammar. PhD dissertation, Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, MA, 2013.

Sauerland, U. Scalar implicatures in complex sentences // *Linguistics and Philosophy*. 2004. №3. P. 367–391.

Spector, B. Global positive polarity items and obligatory exhaustivity // *Semantics and Pragmatics*. 2014. №7. P. 1–61.

N. V. Ivliyeva

National Research University Higher School of Economics,

Moscow Pedagogical State University

(Russia, Moscow)

natalia.ivlieva@gmail.com

SEMANTICS OF *TO LI...TO LI* DISJUNCTION IN RUSSIAN

There are several lexical items with disjunctive semantics that function as conjunctions in coordinated structures in Russian. While their core semantics is that of logical disjunction, they allow for a certain amount of variation in different aspects of their lexical meaning and inferences they give rise to.

This paper is about one of the many Russian disjunctions, *to li...to li*, its semantics, its inferences and its distribution. One characteristic feature of this disjunction (probably shared with *ne to...ne to*, but not with other disjunctions) is that it gives rise to obligatory ignorance inferences. The obligatoriness of these inferences explains some of *to li...toli*'s peculiar properties, like its incompatibility with “free choice” and distributive readings.

This paper provides an account of *to li...to li* in terms of the scope of disjunction. I argue that in the case of *to li...to li*, disjunction must scope immediately below the (often covert) epistemic operator, which is responsible for ignorance in the general case. In other disjunctions the scope of disjunction is not fixed that way, so that disjunction can scope below some other operators, thus giving rise to “free choice” and distributive readings.

Keywords: semantics and pragmatics, disjunction, grammatical theory of implicatures

References

Apresyan, V. Yu, Pekelis, O.E. *Sochinitel'nye soyuzy. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*, 2011. Available at URL: <http://www.rusgram.ru>. [Accessed 31.07.2016]

Chierchia, G., Fox, D., Spector, B. Scalar implicature as a grammatical phenomenon. *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*, ed by C. Maienborn, K. von Stechow, P. Portner, Berlin, Mouton de Gruyter, 2012, pp. 2297–2332.

Crnič, L., Chemla E., Fox, D. Scalar implicatures of embedded disjunction. *Natural Language Semantics*, 2015, no. 23, pp. 271–305.

Fox, D. Free choice and the theory of scalar implicatures. *Presupposition and Implicature in Compositional Semantics*, ed. by U. Sauerland, P. Stateva, Palgrave Macmillan, 2007, pp. 71–120.

Grice, P. Logic and conversation. *Syntax and semantics*, vol. 3, ed. by P. Cole and J.L. Morgan, New York, Academic Press, 1975.

Krifka, M. Quantifying into question acts. *Natural Language Semantics*, 2001, no. 9, pp. 1–40.

Meyer, M.-C. Ignorance and grammar. PhD dissertation, Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, MA, 2013.

Russkaya grammatika, vol. 1–2, ed. by N. Yu. Shvedova, Moscow, 1980.

Sauerland, U. Scalar implicatures in complex sentences. *Linguistics and Philosophy*, 2004, no 3, pp. 367–391.

Spector, B. Global positive polarity items and obligatory exhaustivity. *Semantics and Pragmatics*, 2014, no. 7, pp. 1– 61.

В. В. Казаковская
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
victory805@mail.ru

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена ранним этапам речевого онтогенеза эпистемической модальности — наименее изученному аспекту данной категории не только в отечественном, но и в зарубежном языкознании. Материалом для наблюдений послужила русская спонтанная речь, а именно диалог «взрослый — ребенок». Анализ начальных средств выражения эпистемической семантики — вводно-модальных слов — показал, что в речи русскоязычных детей ее экспликация становится возможной уже на третьем году жизни, однако свойственна детям в разной степени. Появляющиеся первыми экспликации неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого доминируют как в отношении их разнообразия, так и в отношении частоты использования в диалоге. Рассматриваются особенности раннего эпистемического репертуара в каждом из семантических микрополей (уверенность / неуверенность). Характеризуются высказывания, на базе которых начинает развиваться эпистемическая оценка. Выявляются позиционные свойства маркеров и их функциональный диапазон в речи детей. Полученные результаты свидетельствуют о том, что основная тенденция эпистемического маркирования заключается не только в появлении новых экспликаций, но и в расширении тех ситуаций (диктумных / объективных пропозиций), по отношению к которым ребенок выражает модальную оценку и свою рефлексию. Для онтогенеза исследуемого феномена существенны прототипичность маркера и характер его использования в речи взрослых собеседников ребенка.

Ключевые слова: онтолингвистика, эпистемическая модальность, уверенность / неуверенность в достоверности сообщаемого, вводно-модальные слова, детская речь, инпут

1. Вступительные замечания

Наименее изученным аспектом категории модальности является речевой онтогенез ее эпистемической разновидности, то есть усвоение эпистемической

модальности (далее — ЭМ), или персуазивности¹. Поскольку эта проблема существует не только в сфере отечественного языкознания [Choi 2006; Matsui 2014; Nickmann, Bassano 2016], основной задачей нашей работы является восполнение образовавшейся лакуны. С этой целью будут рассмотрены начальные стадии в развитии эпистемического маркирования, а также выявлены участвующие в механизме системно-языковые и собственно коммуникативные факторы, в связи с чем к анализу привлекаются соответствующие данные НКРЯ (www.ruscorpora.ru) — речь взрослых носителей языка, обращенная друг к другу.

Небольшой ремарки требует семантическое устройство обсуждаемого феномена, репертуар языковых средств его выражения (экспликаторов, эпистемических маркеров/операторов) и тот объем, в котором он анализируется на современном этапе нашего проекта (ср. [Kazakovskaya 2016; Kazakovskaya, Argus 2016]). В частности, одна из моделей описания ЭМ разработана в рамках теории функциональной грамматики, предложенной А. В. Бондарко (см., например, [ТФГ 1990])². Исследуемый фрагмент функционально-семантического поля модальности представлен микрополями достоверности и недостоверности: основная категориальная семантика заключается в выражении уверенности / неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого (далее — уверенность / достоверность, неуверенность / недостоверность). Помимо биполярности, особенностью полевого устройства ЭМ является ее градуальность. Различная степень выражения семантики (или эпистемическая сила [Краузе 2004: 136]) позволяет «расположить» маркеры на шкале от маркера, обладающего наивысшей степенью выражения семантики, к маркеру, передающему ее в средней и/или слабой степени и таким образом граничащему с маркером противоположного микрополя. Так, со снижением эпистемической силы интенсивная (в другой терминологии, категорическая) уверенность плавно «перетекает» в уверенность проблематическую, которая, в свою очередь, чрезвычайно близка к высокой степени неуверенности говорящего (и в этой ситуации континуальный переход, являющийся одним из признаков полевого — ядерно-периферийного — устройства, практически неощутим).

Спецификой семантики уверенности является возможность ее имплицитного существования, поскольку ментальная рамка '*Я знаю, что P*' может быть предпослана любому суждению, не содержащему иных эпистемических маркеров, — напротив, определенных условий требует ее экспликация. Иными словами, эпистемическая семантика может быть представлена как имплицитно (в ситуации так наз. простой достоверности, или имплицитной модальности достоверности [ТФГ 1990: 157]), так и эксплицитно. В последнем случае речь идет о соответствующей интонации и лексико-грамматических средствах выражения уверенности и неуверенности.

¹ Ср. модальность деонтическая и динамическая, в терминологии [Плунгян 2000; Nuyts, van der Auwera 2016].

² К сожалению, объем статьи не позволяет представить обзор недавних работ по данной проблематике (см., в частности, [Падучева 2014; Воуе 2016; Haßler 2016]).

Основным (грамматикализованным) средством экспликации ЭМ признаны вводно-модальные слова и их сочетания (*возможно, наверное, конечно, само собой разумеется* и др.), входящие в особый класс модальных (или субъективно-модальных) слов и частиц [Виноградов 1986]. Вводно-модальные слова «генетически» разнородны, эгоцентричны и полифункциональны [Падучева 1996; Булыгина, Шмелев 1993; Иорданская, Мельчук 2002]. В спонтанном диалоге такие маркеры ЭМ могут занимать позицию ответной реплики: *Ты придешь завтра? — Конечно!*, являя собой редуцированную модусную рамку при нулевом диктуме и/или релятиве (и попадая тем самым в сферу средств выражения согласия / несогласия и верификации [Галактионова 1988; Добрушина 2014: 128–141; Казаковская 2011а: 278–300]). Вместе с тем для выражения эпистемики в русском языке существуют богатые конструкционные возможности, что значительно расширяет ее языковой репертуар, — от необлигаторного для синтаксической структуры предложения вводного компонента (слова, синтагмы, предложения) до структурно обязательной главной части сложных (а точнее — квазисложных) предложений типа *Я знаю, считаю, полагаю* и т. п., *что Р*. Своей квазисложностью такие конструкции обязаны присутствию нередуцированной модусной рамки (чаще всего ментальной) [Bally 1965; Колосова 1980; Арутюнова 1988; Шмелева 1988].

Наше внимание будет сосредоточено на самых ранних маркерах ЭМ, которые были зафиксированы в речевой продукции детей; ими оказались грамматикализованные средства выражения ЭМ — вводно-модальные слова.³ С функционально-семантических позиций, данные маркеры являются начальным (и прототипичным для диалога) элементом в системе средств выражения точки зрения говорящего (авторства) [Казаковская 1996]. Ее финальным элементом будут упомянутые выше квазисложные конструкции, для появления которых ребенку требуется определенная системно-языковая компетенция, в частности, владение техникой не столько сложного, сколько сложноподчиненного предложения: ср. *конечно / по-моему / возможно* и т. п., *Р — Я считаю, думаю, знаю* и т. п., (*что*) *Р*. Первые маркеры-эгоцентрики (так наз. *Я*-модусные рамки) представляют (обнаруживают) ребенка в ипостаси автора вероятностной оценки:

- (1) 2;10⁴ Ваня: Это капитан, *наверное* [vaena]⁵.
 Бабушка: Да, правильно, это капитан.

С возникновением *ТЫ*- и *ОН*-рамочных средств появляется возможность проследить развитие в речи ребенка «чужого» слова и — шире — сознания (см., в частности, [Казаковская 1997, 2011а, б]):

³ В процессе анализа находятся другие средства эпистемического маркирования, а именно модальные частицы, вводные и сложные предложения (см. «sentential complement constructions» with matrix (cognitive / psychological) verbs *think, know, believe, see, say* [Tomasetto 2003: 249]).

⁴ Возраст ребенка 2 года и 10 месяцев.

⁵ Здесь и далее в квадратных скобках приводятся особенности произношения.

(2) 5;10 Мама: Как ты думаешь?

Кирилл: Понятия не имею. Деликатесами, *как ты сказала*, наверное.

Завершая вступительные замечания, отметим работы, в той или иной степени затрагивающие эпистемическую проблематику в русской детской речи. Информативны наблюдения А. Н. Гвоздева, обращавшего внимание на вводные слова (или «слова, связанные с предложением»), использующиеся «для выражения субъективного отношения» в речи своего сына [1949, II: 36]; см. работы, также основанные на данных родительских дневников: [Столярова 1992; Казаковская 1997, 2011а, б и др.; Швец 2007]. Известны экспериментальные исследования ЭМ, фокусирующиеся на понимании эпистемической силы маркеров детьми шести, восьми и одиннадцати лет. В целом полученные результаты свидетельствуют о том, что ЭМ появляется в детской речи позже деонтической и динамической [Вимер 1992; Офицерова 2005], но тем не менее раньше [Казаковская 1997], чем об этом было принято думать. Устойчивая языковая рефлексия в данной сфере становится возможной лишь в школьном возрасте и имеет некоторую гендерную обусловленность [Овчинникова, Угланова, Краузе 1999; Краузе 2004; Krauze 2007]. При этом эпистемическое маркирование весьма существенно для коммуникативной компетенции ребенка в той ее части, которая соотносится с формированием так наз. модального языка (*modal language*), а также для собственно когнитивного развития, сопряженного со становлением модели психического (*theory of mind*) [Казаковская 2011а: 252 и сл.]. Между тем ни в одной из упомянутых работ к анализу почти не привлекались данные спонтанной речи и, что более важно, не учитывалась обращенная к ребенку речь (*child-directed speech, input*), являющаяся, по нашему убеждению, своего рода посредником между речью взрослых носителей языка и речью ребенка и оказывающая влияние на усвоение механизма эпистемического маркирования как элемента грамматической компетенции.

2. Языковой материал и аспекты его анализа

Материалом для наблюдений послужил лонгитюдный корпус данных (1;5–6;2), объем которого в настоящее время составляет более 190 часов аудио- и видеозаписей⁶ диалога 5 типично развивающихся русскоязычных детей-монолингвов и их взрослых собеседников — основных кеагиверов (*caregivers*). Эпистемические маркеры (около 1800 словоупотреблений, *tokens*), полученные методом сплошной выборки, позволяющим также учесть верхний и нижний контекст реплики⁷, были проанализированы с точки зрения времени (возраста) и порядка их появления в каждом из микрополей, функционального диапазона и позиционных характеристик, а также семантических особенностей высказываний,

⁶ Записи были расшифрованы, затранскрибированы и закодированы в соответствии с правилами международной системы обмена данными по детской речи CHILDES (<http://childes.psy.cmu.edu>). Моя глубочайшая признательность Е. К. Лимбах и М. И. Аккузиной (Санкт-Петербург) за их неоценимый труд.

⁷ См. команду *combo* (<http://childes.psy.cmu.edu/manuals/CLAN.pdf>).

по отношению к которым начинает развиваться эпистемическая оценка и вместе с ней формироваться система средств выражения точки зрения говорящего. Для выявления корреляций (и, соответственно, возможной экстраполяции результатов) анализу был подвергнут каждый из подкорпусов — как детская речь, так и инпут.

3. Результаты и их обсуждение

3.1. Общая характеристика эпистемического корпуса. Кратко охарактеризуем полученные данные. Анализ показал, что частота эпистемического маркирования свойственна детям в разной степени: на это указывает высокий индекс стандартного отклонения ($M=72.8\pm 73.6$). В силу этого неодинаковой оказывается и так наз. эпистемическая плотность каждого из подкорпусов: наивысшая отмечена в самом позднем по времени сбора (то есть наиболее современном) подкорпусе (диада «мама — Кирилл»), наименьшая — в самом раннем (диада «мама — Филипп»). Этот результат (неодинаковая частота использования маркеров ЭМ) соотносится с тем, что известно в данном отношении о речи взрослых носителей языка. В частности, отмечалось, что склонность говорящих к использованию вводно-модальных слов (равно как и их избирательность) варьирует. При этом в целом, по результатам нашего анализа НКРЯ, соотношение маркеров уверенности / неуверенности примерно одинаковое (соответственно, 51 % к 49 %). Не столь колоссальным «разброс данных» по количеству словоупотреблений (маркеров) выглядит в первый год их использования детьми (2;1–3;0, $M=23,2\pm 10,68$).

На всех возрастных этапах, или срезах (от третьего года жизни до шестого), в речи детей преобладают маркеры неуверенности (84 % от числа словоупотреблений всех маркеров ЭМ в детской речи). Исключением является речевая продукция одного из мальчиков (Вити), в которой маркеры микрополей уверенности и неуверенности сбалансированы.

В обращенной к детям речи частотность эпистемического маркирования высказываний выглядит более ровно ($M=219.4\pm 92.6$); минимальная девиация (115.8 ± 32.5) отмечена в то же самое время, что и в речи детей (2;1–3;0). Соотношение в использовании маркеров уверенности и неуверенности в речи кеагивиров на разных возрастных этапах имеет ту же тенденцию, и, таким образом, экспликация неуверенности доминирует в анализируемом материале в целом (66 %). Незначительное преобладание вводно-модальных слов с семантикой уверенности зафиксировано в инпуде девочки.

В среднем эпистемический репертуар современного ребенка составляет 6 маркеров / лемм ($M=6,4\pm 1,67$), тогда как у общающегося с ним взрослого он равен 9 ($M=9\pm 2,23$).

Для проводимого исследования важно, что между экспликацией микрополей уверенности и неуверенности в речи детей и в получаемом ими инпуде существует корреляция, причем как в сфере частотности маркеров (*tokens*: $r=0,93$, $p<0,001$), так и в сфере их лексического разнообразия (*lemmas*: $r=0,73$, $p<0,01$). Тот факт, что

в обоих случаях корреляция в высокой степени значима, позволяет с уверенностью утверждать, что чем чаще взрослый использует средства эпистемического маркирования в своих высказываниях (и чем они разнообразнее), тем большая вероятность их появления в речи ребенка (и, соответственно, богаче языковой репертуар). Тем самым так наз. фактор инпута (рассматриваемый, в частности, в характеристиках «количества» и «качества» [Snow 2014: 119]) оказывается для данной категории (и шире — области речевого онтогенеза) релевантным, несмотря на менее показательную корреляцию, отмеченную в отношении разнообразия лемм.

3.2. Особенности начального эпистемического маркирования. В речи русскоязычных детей использование средств выражения эпистемической семантики начинается на третьем году жизни, причем неуверенность, по нашим данным, маркируется несколько раньше (в месяцах: $M=28,4\pm 3$), чем уверенность (соответственно, $31,6\pm 5$) (ср., однако, [Choi 2006; Matsui 2014; Hickmann, Bassano 2016] для небольшого количества других языков, изученных в этом отношении). Между тем, если принимать во внимание то обстоятельство, что уверенность в варианте простой достоверности имплицитна, то следует констатировать, что дети начинают усвоение данной категории с имплицитной уверенности (то есть с немаркированного члена оппозиции «уверенность / неуверенность»).

Вместе с тем для сферы изучения речевого онтогенеза того или иного феномена существен не только биологический, но и «языковой» возраст детей, в котором впервые были зафиксированы случаи успешного использования соответствующих языковых средств выражения⁸. Как правило, языковой возраст отражает уровень коммуникативной компетенции, которой в это время обладают дети. Одним из показателей языкового возраста является средняя длина высказывания в словах (далее — *СДВ*) — индекс, условно соотносимый с *MLU* (*mean length of utterance/ morphemes*). Наши данные свидетельствуют о том, что эпистемическое маркирование становится возможным на этапе многословных высказываний: традиционно таковыми считаются трехкомпонентные конструкции [Гвоздев 1949, II]. При этом для экспликации уверенности требуется большая длина высказывания: если для неуверенности *СДВ* в среднем составляет $3,42\pm 0,87$, то для выражения уверенности этот индекс ожидаемо выше: $4,27\pm 0,79$. Величина среднего отклонения в обоих случаях сопоставима.

Другим показателем языкового возраста служит уровень собственно морфологического развития ребенка. При опоре на концепцию естественной морфологии, разрабатываемую В. У. Дресслером, морфологическую компетенцию наших информантов можно охарактеризовать как соответствующую протоморфологической стадии (*protomorphology*) (см., в частности, [Dressler et al. 2003; Bittner et al. 2003: xvi]), а также исследования, выполненные в рамках кросс-лингвистического

⁸ Степень успешности, по Л.С. Выготскому, на ранних этапах определяется по уместности использования определенного средства в контексте [1999]. Того же мнения придерживался и А. Н. Гвоздев. Констатируя раннее использование вводных слов для выражения субъективности, он отмечал, что «некоторые из них употребляются без достаточного понимания, но употребляются вполне уместно» [1949, II: 36].

семинара «Pre- and Protomorphology in Language Acquisition»). Это означает наличие числовых (единственное *vs.* множественное) и падежных (именительный *vs.* винительный) оппозиций в сфере имени существительного (например: *ног-а* [NOM.F.SG] — *ног-и* [NOM.PL]; *ног-а* [NOM.F.SG] — *ног-у* [ACC.F.SG]) и так наз. минипарадигм в сфере глагола (например: *слома-ть* [INF] — *слома-л-а* [PST-F.SG] — *слома-л-и* [PST-PL] — *слома-нн-ые* [PART.PASS-PL.NOM]) (Ваня 2;3).

3.3. Ранний эпистемический репертуар и его развитие. Наш анализ обнаружил, что первыми маркерами ЭМ, отмеченными в речи детей, оказались вводно-модальные слова, которые обладали высокой степенью выражения семантики, с одной стороны, и являлись наиболее частотными в инпуте, с другой. Так, в сфере более ранней в целом неуверенности были зафиксированы *наверное*, разговорное *может* (от *может быть*) и *по-моему* (причем последний маркер не принадлежит к числу ядерных средств выражения неуверенности, поскольку обладает также семантикой авторства [Лекант 2002: 129; Казаковская 1996]):

- (3) 2;8 Ваня: Это такой волк, *наверное* [vanepja].
 (4) 2;4 Кирилл: *Может*, другое?
 (5) 2;7 Витя: Вот печка, *по-моему* (об одном из елочных украшений, которые разбирает с мамой. — В. К.).

В сфере уверенности таким маркером стало вводно-модальное *конечно*:

- (6) 2;2 Лиза: Это трамвай, *конечно*.
 (7) 2;10 Витя: Ему, *конечно*, больно.

При первом появлении маркеров ЭМ их количество в речи детей было невелико (1–2 леммы), равно как невысокой была и частотность использования в течение данной записи (1–3 словоупотребления). Два вводно-модальных слова в первый месяц эпистемического маркирования были зафиксированы в речи детей, имеющих к концу периода наблюдений наиболее разнообразный эпистемический лексикон, — Лизы (*наверное* и *по-моему*) и Кирилла (*наверное* и *может*).

Начальное эпистемическое маркирование было отмечено, главным образом, в невопросительных высказываниях, отнесенных к плану настоящего (ситуация «здесь» и «сейчас», см., например, (5)) и прошедшего:

- (8) 2;1 Филипп: *Наверно*, папа (подарил игрушку. — В. К.).

Между тем, по одной из гипотез, маркеры ЭМ «должны появиться» в высказываниях с футуральной семантикой [Diessel, Tomasello 2001]. В нашем языковом материале темпоральные характеристики эпистемически маркированных высказываний отличаются: как правило, эпистемическая оценка суждений о будущих событиях и ситуациях развивается позже:

- (9) 3;2 Ваня: Мы, *наверное* [паена], на него @егт потом покатаемся.

Анализ появления новых маркеров показывает, что основной эпистемический лексикон детей интенсивно складывается в течение первого года их функционирования в речи (2;1–3;0). В среднем он представлен 4 леммами, не включая разговорные варианты (*наверное, может быть, по-моему, кажется*). Частотность использования этих эпистемических маркеров составляет 30% от общего числа словоупотреблений маркеров неуверенности в речи детей. Позднее, на следующих возрастных этапах, эпистемический репертуар пополняется весьма незначительно — всего 2 леммами: *видимо* (4;1–5;0) и *возможно* (5;1–6;2):

(10) 4;6 Кирилл: Она пошутила, *видимо*.

(11) 5;10 Мама: О, а что это за штука вообще?

Кирилл: Понятия не имею. *Возможно*, лестница какая-то.

Однако в целом частотность употребления вводно-модальных слов сохраняется практически на прежнем уровне вплоть до конца периода наблюдений. В это время активизируется употребление средств выражения эпистемической семантики, требующих более сложных грамматических навыков. В сфере экспликации уверенности ситуация несколько отличается: во-первых, маркеры данной семантики менее разнообразны (они представлены 4 леммами: *конечно, правда, действительно, на самом деле*) и частотны, во-вторых, медленнее пополняется репертуар и, наконец, отчетливее снижается частотность их использования.

При этом симптоматично, что порядок появления и тех, и других маркеров, с одной стороны, совпадает с их частотностью в речи ребенка и в речи его основных кеагиверов, а с другой — отражает такую системно-языковую особенность ЭМ, как градуальность семантики. Так, усвоение неуверенности представляет собой движение от самого частотного *наверное* (с высокой степенью выражения неуверенности) к нечастотному *кажется* (с низкой). Маркирование уверенности начинается от самого распространенного *конечно* (с «интенсивной» семантикой, сопоставимой с высокой степенью выражения семантики маркерами противоположного микрополя) к довольно редкому вводно-модальному *правда* (передающему проблематическую достоверность, или достоверность в «слабой степени»). Маркеры обоих полей с невысокой (условно говоря, средней) эпистемической силой (*может быть / может, по-моему; действительно, на самом деле*) занимают срединное положение в этой динамике.

Таким образом, появляются основания предположить, что градуальность эпистемической семантики определенным образом соотносится с частотой употребления маркеров: леммы с наивысшей эпистемической силой используются чаще. Анализ маркеров ЭМ в речи взрослых носителей языка (выполненный на основе НКРЯ и учитывающий данные частотного словаря [Ляшевская, Шаров 2009]) полностью подтверждает намечающуюся корреляцию в микрополе уверенности и частично — в микрополе неуверенности, что дает определенные основания для положительной верификации гипотезы об инпуте как о своего рода посреднике между речью «взрослой» и детской в процессе усвоения ЭМ в русском языке (ср. [Choi 2006]).

3.4. Позициональные характеристики маркеров ЭМ и их функции. В использовании эпистемических маркеров детьми мы не обнаружили каких-либо позициональных предпочтений (что, заметим, соотносится и с их употреблением в речи взрослых носителей, по данным Корпуса). В частности, Витя и Ваня предпочитают для использования эпистемических маркеров интерпозицию (см. соответственно примеры (7) и (9)), Лиза любит завершать ими высказывание (6), а Филипп, напротив, начинать (8). Кирилл довольно легко использует маркеры в режиме реплицирования (в качестве ответной реплики):

- (12) 2;5 Взрослый: Кирилл, хочешь, почитаем книжку?
Кирилл: Да, конечно.

Наши наблюдения показывают, что освоение системных функций вводно-модальных слов в онтогенезе начинается с их основных (первичных) разновидностей, которые связаны с реализацией эпистемической семантики, то есть с квалификацией информации с точки зрения уверенности / неуверенности в достоверности (ср. [Краузе 2004]). Освоение неосновных функций, связанных с актуализацией фигуры говорящего (и возможных при полной или частичной нейтрализации основного значения), происходит позже; об этом свидетельствуют доступные нам дневниковые наблюдения родителей [Казаковская 2011а: 159 и сл.]. В частности, наиболее распространенными (и общими для маркеров обоих микрополей) неосновными функциями являются: а) подчеркивание (усиление) основных модальных значений при модальном согласовании (то есть употреблении «в унисон» с ними) и б) экспликация отношений мотивирования в ситуации логического вывода⁹.

3.5. Семантические особенности высказываний, на базе которых начинает развиваться эпистемическая оценка. Как упоминалось выше, дети начинали эпистемическое маркирование на базе невопросительных высказываний (главным образом, констатаций). Не ранее чем (в среднем) через полгода это становилось возможным в вопросительных репликах (16, 17). Кирилл — единственный ребенок, который делает это одновременно (4), но и в его случае вводно-модальные слова в вопросах нечастотны и составляют не более 11 %.

Каков фокус эпистемической оценки маленьких детей? По отношению к чему возникает потребность выразить уверенность / неуверенность? Главным образом, это так наз. *ОН*-высказывания (около 70 %) — суждения ребенка о ситуации и ее компонентах (объектах / окружающих реалиях, субъектах (третьих лицах) (8, 10, 14)). В частности, ранняя эпистемическая оценка отмечена в детских высказываниях, содержащих суждения об их наличии / отсутствии (13), номинации / идентификации

⁹ При использовании маркеров в неосновной функции происходит осложнение основной — эпистемической — семантики добавочными оттенками и нюансами, в том числе прагматического характера, что с неизбежностью предполагает определенный уровень развития лингвопрагматической компетенции ребенка.

(3, 5, 6), признаках (цвет (15), размер и т. д.), действиях (12) и обстоятельствах этих действий (место (16) / направление (17), время, причина (18)):

- (13) 2;11 Ваня: О, больше, *наверное* [vaena], дощечек нету.
 (14) 2;9 Лиза: Да, это дедушка, *наверное* [naenja], сказал.
 (15) 2;10 Ваня: Желтые не бывают, *наверное* [vaena].
 Бабушка: Почему ж не бывают желтые киски? Бывают.
 (16) 2;10 Ваня: А, они, *наверное* [vaena], на такой полочке.
 (17) 2;11 Витя: Да, *конечно* [kanesnja], оно в ту сторону не едет.
 (18) 3;0 Кирилл: Мне кажется, плохо рисуется. Наши карандаши, они, *наверное*, грязные.

После трех лет ребенок переходит к оценке собственных действий (19) и намерений (20), в том числе совместных с партнером по диалогу (9, 21):

- (19) 3;3 Ваня: Ой, *наверное* [vaena], в садике я ее потерял.
 (20) 3;4 Ваня: *А может* [mozit], я тебе куплю цаплю?
 (21) 3;0 Кирилл: *А может*, покатаемся на лексусе туда-сюда по-настоящему?

Подобные Я-реплики весьма нечастотны (20%), они отражают развитие саморефлексии и служат предпосылкой преодоления эгоцентризма (в понимании когнитивной психологии). После четырех лет объектом эпистемической оценки ребенка становится партнер по диалогу и его ментальные действия:

- (22) 4;0 Ваня: Ты, *наверное*, знаешь, *наверное* [naena]...
 (23) 3;10 Лиза: И тебе, *наверное*, приснилось это.

ТЫ-высказывания могут интерпретироваться как осведомленность ребенка о сознании другого, то есть как развитие модели ментальности (*child's theory of mind*) в ее эсPLICITном варианте и связанного с ней так наз. модального языка (*modal language*). В анализируемый период речевого онтогенеза подобные реплики редки ((10%), их активное использование — дело будущего), поскольку требуют определенных когнитивных навыков.

4. Заключение

Проведенное исследование показало, что в современной русской детской речи эпистемическое маркирование начинается довольно рано, однако свойственно детям в разной степени. Первыми средствами выражения эпистемической семантики являются маркеры неуверенности в достоверности сообщаемого (вводно-модальные слова), которые лидируют также по разнообразию репертуара и частотности использования в речи. Основная тенденция эпистемического маркирования заключается не только в появлении новых средств выражения рассматриваемой семантики, но и

в расширении тех ситуаций (диктумных / объективных пропозиций), по отношению к которым ребенок выражает модальную оценку и, соответственно, свою рефлексю. При этом развитие эпистемической оценки суждений происходит в направлении от так наз. сферы объективного к сфере субъективного (ментального). Особенность эпистемического онтогенеза заключается в том, что маркеры, обладающие высокой степенью выражения семантики и частотностью в инпуте, имеют шанс первыми попасть в речь ребенка. Тем самым данные усвоения ЭМ проливают свет на прототипичность того или иного маркера и таким образом способны если не верифицировать его ядерный или периферийный системно-языковой статус, то послушать критерием для соответствующего анализа.

Полагаем, что более поздний речевой онтогенез эпистемической модальности (по сравнению с деонтической и динамической разновидностями) объясняется не только влиянием инпута и системно-языковыми свойствами данной категории, но и ее когнитивной сложностью (появлением субъективной позиции говорящего). Полученные результаты позволяют предположить, что очередность усвоения типов модальности в онтогенезе коррелирует с их диахроническим развитием, а также связана с грамматикализацией этой категории в русском языке; однако эта гипотеза нуждается в дальнейшем обосновании.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений (оценка, событие, факт). М., 1988.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1993. С. 78–82.
- Вимер Б.* Владение модальными значениями в онтогенезе (на материале русского и английского языков) // Детская речь: Лингвистический аспект. СПб., 1992. С. 131–144.
- Виноградов В. В.* Модальные слова и частицы. Их разряды // Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1986. С. 594–608.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь. М., 1999.
- Галактионова И. В.* Средства выражения согласия // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В. А. Белошапковой, И. Г. Милославского. М., 1988. С. 145–168.
- Гвоздев А. Н.* Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. В 2-х томах. М., 1949.
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Текстовые коннекторы в разных языках: французское *en effet* vs. русское *в самом деле* // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002. С. 78–115.
- Казаковская В. В.* Способы выражения авторства в структуре предложения: Дис. ... канд. филол. наук / Московский пед. ун-т. Москва, 1996.
- Казаковская В. В.* Модусная рамка в онтогенезе // Проблемы детской речи — 1997. СПб., 1997. С. 21–22.

- Казаковская В. В.* Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок». М., 2011а.
- Казаковская В. В.* К вопросу об онтогенезе рамочных средств // Вопросы русского языкознания. Вып. XIV. Грамматика и текст (К юбилею Галины Александровны Золотовой) / редактор-составитель Н.К. Онипенко. М., 2011б. С. 258–282.
- Колосова Т. А.* Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.
- Краузе М.* Модальные маркеры в речи детей: становление функций и системы // Детская речь как предмет лингвистического исследования. СПб., 2004. С. 136–139.
- Лекант П. А.* Очерки по грамматике русского языка. М., 2002.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009.
- Обвинникова И. Г., Угланова И., Краузе М.* Об оценке детьми двух возрастных групп степени уверенности / неуверенности высказывания // Проблемы онтолингвистики — 1999. СПб., 1999. С. 132–133.
- Офицерова Е. А.* Выражение модальных значений возможности и необходимости в русской детской речи: Дис. ... канд. филол. наук / Институт лингв. исследований РАН. СПб., 2005.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Падучева Е. В.* 2014. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва. Доступ: <http://rusgram.ru/Модальность> (31 марта 2015 г.).
- Плунгян В. А.* Модальность и наклонение // В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000. С. 308–329.
- Столярова И. В.* Выражение субъективно-модальных отношений в детской речи // Детская речь: Лингвистический аспект. СПб., 1992. С. 86–95.
- Теория функциональной грамматики.* Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.
- Швец В. М.* Субъективная (эпистемическая) модальность и ее выражение в детской речи // Семантические категории в детской речи / отв. ред. С. Н. Цейтлин. СПб., 2007. С. 161–180.
- Шмелева Т. В.* Модус и средства его выражения // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В. А. Белошапковой, И. Г. Милославского. М., 1988. С. 168–202.
- Bittner D., Dressler W. U., Kilani-Schoch M.* Introduction // Development of verb inflection in first language acquisition: a cross-linguistic perspective. Studies on language acquisition 21 / ed. by D. Bittner, W. U. Dressler and M. Kilani-Schoch. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. vii-xxxvii.
- Bally C.* Linguistique générale et linguistique française. Berne: Franke, 1965.
- Boye K.* The expression of epistemic modality // The Oxford handbook of modality and mood / ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 117–140.

Choi S. Acquisition of modality // The expression of modality / ed. by W. Frawley. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 141–171.

Diessel H., Tomasello M. The acquisition of finite complement clauses in English: a corpus-based analysis // *Cognitive linguistics*. 2001. № 12. P. 1–45.

Dressler W. U., Kilani-Schoch M., Klampfer S. How does a child detect morphology? Evidence from production // *Morphological structure in language processing* / ed. by R. H. Baayen, R. Schreuder. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 391–425.

Haßler G. Modality and evidentiality in European languages. Paper presented at the Department of general linguistics. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016 (27 April).

Hickmann M., Bassano D. Modality and mood in first language acquisition // *The Oxford handbook of modality and mood* / ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 430–447.

Kazakovskaya V. Input-output relations in early epistemic modality in Russian: a corpus-based approach // *International Conference on Applied Social Science Research*. Paris, Amsterdam, Beijing: Atlantis Press, 2016. P. 423–426 (DOI: 10.2991/icassr-15.2016.80).

Kazakovskaya V. V., Argus R. Acquisition of epistemic marking in Estonian and Russian. *Estonian papers in applied linguistics*. 2016. № 12. P. 57–80 (DOI: 10.5128/ERYa12.04).

Krauze M. Epistemische Modalität. Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007.

Matsui T. Children's understanding of linguistic expressions of certainty and evidentiality // *Pragmatic Development in First Language Acquisition* / ed. by D. Matthews. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 295–316.

Nuyts J., van der Auwera J. (eds) *The Oxford handbook of modality and mood*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Snow C. Input to interaction to instruction: three key shifts in the history of child language research // *Journal of child language*. 2014. № 41. P. 117–123.

Tomasello M. *Constructing a language: a usage-based theory of language acquisition*. Cambridge (Mass.), London, 2003.

Victoria V. Kazakovskaya
Institute for Linguistic Studies RAS
(Russia, St. Petersburg)
victory805@mail.ru

EPISTEMIC MODALITY IN RUSSIAN CHILD SPEECH

The paper discusses the acquisition of epistemic modality (i. e. propositional attitude to situations and the linguistic means of its expression) in the early stages of speech ontogenesis in Russian L1, which still remains unstudied in modern linguistics.

The results are based on naturalistic observations of spontaneous «caregiver — child» dialogue. The acquisition of epistemic semantics and the basic explicit means of its expression in Russian (parenthetical modal words) start to develop in the third year of life with the marking of uncertainty; however, it is present in children's speech to varying degrees. The features of early epistemic repertoire in each of the semantic micro-fields of certainty and uncertainty are discussed and utterances which are the basis for the development of epistemic evaluation are characterized. The positional features of epistemic markers and their functions in children's speech are also identified. Acquisition of epistemic modality indicates not only the expansion of epistemic repertoire, but also the expansion of epistemic evaluation from objective situations in the so-called physical world, to the so-called internal mental world. Both the prototypicality of a marker in the target system and its frequency of use influence its emergence and further development.

Kew words: first language acquisition, epistemic modality, certainty / uncertainty, parenthetical modal words, child speech, child-directed speech

References

- Arutjunova N. D. *Tipy jazykovykh znachenij (otsenka, sobytie, fakt)*. Moscow, 1988. (in Russ.)
- Bally C. *Linguistique générale et linguistique française*. Berne: Franke, 1965.
- Bittner D., Dressler W. U., Kilani-Schoch M. Introduction. *Development of verb inflection in first language acquisition: a cross-linguistic perspective*. Studies on language acquisition 21 / ed. by D. Bittner, W. U. Dressler and M. Kilani-Schoch. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003, pp. vii-xxxvii.
- Boye K. The expression of epistemic modality. *The Oxford handbook of modality and mood* / ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera. Oxford: Oxford University Press, 2016, pp. 117–140.
- Bulygina T. V., Shmelev A. D. Gipoteza kak myslitel'nyj i rechevoj akt. *Logičeskij analiz jazyka. Mental'nye dejstvija* / N. D. Arutyunova (ed.). Moscow, 1993, pp. 78–82. (in Russ.)
- Choi S. Acquisition of modality. *The expression of modality* / ed. by W. Frawley. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006, pp. 141–171.
- Diessel H., Tomasello M. The acquisition of finite complement clauses in English: a corpus-based analysis. *Cognitive linguistics*. 2001, № 12, pp. 1–45.
- Dressler W. U., Kilani-Schoch M., Klampfer S. How does a child detect morphology? Evidence from production. *Morphological structure in language processing* / ed. by R. H. Baayen, R. Schreuder. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003, pp. 391–425.
- Galaktionova I. V. Sredstva vyrazhenija soglasija. *Ideograficheskie aspekty russkoj grammatiki* / V. A. Beloshapkova, I. G. Miloskavskij (eds). Moscow, 1988, pp. 145–168.
- Gvozdev A. N. *Formirovanie u rebenka grammatičeskogo stroja russkogo jazyka*. V 2-x tomakh. Moscow, 1949 (in Russ.)

Haßler G. Modality and evidentiality in European languages. Paper presented at the Department of general linguistics. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016 (27 April).

Hickmann M., Bassano D. Modality and mood in first language acquisition. *The Oxford handbook of modality and mood* / ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera. Oxford: Oxford University Press, 2016, pp. 430–447.

Iordanskaja L. N., Mel'chuk I. A. Tekstovye konnektory v raznykh jazykakh: frantsuzskoe *en effet* i russkoe *v samom dele*. *Semiotika i informatika*. 2002. Vyp. 37, pp. 78–115. Moscow. (in Russ.)

Kazakovskaya V. Input-output relations in early epistemic modality in Russian: a corpus-based approach. *International Conference on Applied Social Science Research*. Paris, Amsterdam, Beijing: Atlantis Press, 2016, pp. 423–426 (DOI: 10.2991/icassr-15.2016.80).

Kazakovskaya V. V. K voprosu ob ontogeneze ramochnykh sredstv. *Voprosy russkogo jazykoznanija*. Vyp. XIV. *Grammatika i tekst (K jubileju Galiny Aleksandrovny Zolotovoj)* / N. K. Onipenko (ed.). Moscow, 2011b, pp. 258–282. (in Russ.)

Kazakovskaya V. V. Modusnaja ramka v ontogeneze. *Problemy detskoj rechi — 1997*, St. Petersburg, 1997, pp. 21–22. (in Russ.)

Kazakovskaya V. V. *Sposoby vyrazhenija avtorstva v structure predlozhenija*. Diss. kand. filol. nauk [The ways of authorship expression within utterance structure. PhD diss.]. Moscow, 1996. (in Russ.)

Kazakovskaya V. V. *Vopros i otvet v dialoge «vzroslyj — rebenok»* [Questions and answers in «adult — child» dialogue]. Moscow, 2011a (in Russ.; with the contents, overview of chapters and summary in English).

Kazakovskaya V. V., Argus R. Acquisition of epistemic marking in Estonian and Russian. *Estonian papers in applied Linguistics*. 2016. №12. P. 57–80 (DOI: 10.5128/ERYa12.04).

Kolosova T. A. *Russkie slozhnye predlozhenija asimmetrichnoj struktury*. Voronezh, 1980 (in Russ.)

Krauze M. *Epistemische Modalität. Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007.

Krauze M. Modal'nye markery v rechi detej: Stanovlenie funktsij i sistemy. *Detskaja rech kak predmet lingvisticheskogo issledovanija* / S. N. Tsejtlin (ed.). St. Petersburg, 2004, pp. 136–139 (in Russ.)

Lekant P. A. *Očerki po grammatike russkogo jazyka*. Moscow, 2002 (in Russ.)

Ljashevskaja O. N., Sharov S. A. *Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo jazyka)*. Moscow, 2009. (in Russ.)

Matsui T. Children's understanding of linguistic expressions of certainty and evidentiality. *Pragmatic Development in First Language Acquisition* / ed. by D. Matthews. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014, pp. 295–316.

Nuyts J., van der Auwera J. (eds) *The Oxford handbook of modality and mood*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Ofticerova E. A. *Vyrazhenie modal'nykh znachenij vozmozhnosti i neobxodimosti v russkoj detskoj rechi*. Diss. kand. filol. nauk [The expression of modal meanings of

possibility and necessity in Russian child speech. PhD diss.]. St. Petersburg, 2005. (in Russ.)

Ovchinnikova I. G., Uglanova I. A., Krauze M. Ob otsenke det'mi dvukh vozrastnykh grupp stepeni uverennosti / neuverennosti vyskazyvanija. *Problemy ontolingvistiki* — 1999. St. Petersburg, 1999, pp. 132–133. (in Russ.)

Paducheva E. V. *Modal'nost'*. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi. Moscow, 2014. Available online at <http://rusgram.ru/Modal'nost'> (Accessed on March 31, 2015).

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovanija (Semantika vremenu i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa)*. Moscow, 1996. (in Russ.)

Plungjan V. A. Modal'nost' i naklonenie. In Vladimir A. Plungjan. *Obchshaja morfologija: Vvedenie v problematiku*. Moscow, 2000, pp. 308–329. (in Russ.)

Shmeleva T. V. Modus i sredstva ego vyrazhenija. *Ideograficheskie aspekty russkoi grammatiki* / V. A. Beloshapkova, I. G. Miloskavskij (eds). Moscow, 1988, pp. 168–202. (in Russ.)

Shvets V. M. Sub''ektivnaja (epistemicheskaja) modal'nost' i ee vyrazhenie v detskoj rechi. *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi* / S. N. Tsejtlin (ed.). St. Peterburg, 2007, pp. 161–180. (in Russ.)

Snow C. Input to interaction to instruction: three key shifts in the history of child language research. *Journal of child language*. 2014, №41, pp. 117–123.

Stoljarova I. V. Vyrazhenie sub''ektivno-modal'nyx otnoshenij v detskoj rechi. *Detskaja rech: Lingvisticheskij aspekt* / S. N. Tsejtlin (ed.). St. Petersburg, 1992, pp. 86–95. (in Russ.)

Teoria funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost' / A. V. Bondarko (ed.). Leningrad, 1990. (in Russ.)

Tomasello M. *Constructing a language: a usage-based theory of language acquisition*. Cambridge (Mass.), London, 2003.

Vinogradov V. V. Modal'nye slova i chastitsy. Ikh razrjady. *Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. Moscow, 1986, pp. 594–608. (in Russ.)

Wiemer B. Ovladenie modal'nymi znachenijami v ontogeneze (na materiale russkoga i anglijskogo jazykov). *Detskaja rech: Lingvisticheskij aspekt* / S. N. Tsejtlin (ed.). St. Petersburg, 1992, pp. 131–144. (in Russ.)

И. М. Кобозева
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
kobozeva@list.ru

**КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ОПИСАНИЮ СРЕДСТВ СВЯЗИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ КОННЕКТОРОВ
СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО СЛЕДОВАНИЯ)***

На материале предложений, описывающих непосредственное следование одной ситуации за другой, демонстрируются преимущества когнитивно-семантического подхода к явлению вариативности коннекторов. В разделе 1 рассматриваются недостатки подхода к описанию этого явления в «Русской грамматике» (1982), при котором способность говорящего выражать указанное отношение между ситуациями не получает естественного отражения и который при всей своей детальности не может предсказать все варианты коннекторов, встречающиеся в корпусах текстов. Когнитивно-семантический подход во главу угла ставит замысел говорящего, в передаче которого задействованы не только знание языка, но и принципы общения, и знания о мире. Благодаря этому отношение непосредственного следования может быть передано имплицитно, чему посвящен раздел 2. В разделе 3 разграничиваются два типа эксплицитных маркеров непосредственного следования (темпоральные адвербиалы типа *сразу* и коннекторы) и анализируются факторы, обуславливающие их введение в структуру предложения. В разделе 4 рассматриваются простые коннекторы — дискурсивные слова *едва*, *лишь*, *только* и *чуть* в функции союзов. Раздел 5 посвящен проблеме «составных союзов» типа *едва лишь*. Приводятся аргументы в пользу того, чтобы считать их все (кроме *как только*) свободными сочетаниями, предлагаются правила построения таких сочетаний и дается семантическая мотивировка их возникновения. В разделе 6

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16–06–00070.

Все литературные примеры извлечены или из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) или из [Русская грамматика 1982]. Источник примера легко определяется по типу ссылки на автора: автор, название и год в квадратных скобках — НКРЯ, сокращенная фамилия автора в круглых скобках — [Русская грамматика 1982].

рассматриваются функции союза *как*, который в составе ядерной части предложений непосредственного следования выполняет демаркативную функцию, создавая «двухместные союзы». В разделе 7 рассматриваются современные тенденции в употреблении других средств демаркации частей СПП — так называемых коррелятов. В заключении делается вывод о том, что когнитивно-семантическое описание вариативности коннекторов более экономно и обладает большей объяснительной силой.

Ключевые слова: когнитивно-семантический подход, русский язык, коннекторы, союзы, дискурсивные слова, вариативность, непосредственное следование, контактное предшествование

Введение

В [Русская грамматика1982] описание средств связи простых предложений в составе сложного исходит из примата формальных свойств устанавливаемой связи (союзная / бессоюзная, сочинительная / подчинительная, присловная / неприсловная). В рамках СПП расчлененной структуры связи между частями сначала получают обобщенную семантическую характеристику в терминах классов выражаемых отношений (временные, обусловленности и др.), но затем описание опять переходит на формальную основу: от маркеров связи (союзов и их аналогов) к выражаемому ими значению и разного рода ограничениям на их употребление. В результате способность носителя языка выражать или устанавливать при восприятии речи то или иное смысловое отношение между событиями, описываемыми в предложениях, не получает естественного отражения.

Рассмотрим это на примере СП, части которого связаны отношением непосредственного следования, которое мы далее будем называть отношением контактного предшествования, используя термин, принятый в типологии (см. [Типология таксисных конструкций 2009])¹. Процесс порождения таких предложений, если смотреть на него с позиции традиционной грамматики, предстает как основанный на запоминании дюжины составных союзов и их простых аналогов (*как, только, едва, лишь, чуть, как только, лишь только, только лишь, чуть лишь* и т. д.), списка маркеров, которые могут появляться в позиции союза в главной части СПП, образуя двухкомпонентный вариант союза, ограничений на образование таких вариантов, списка конкретизаторов (наречий и адвербиальных выражений), правил употребления видовременных форм глаголов в соединяемых частях и правил расположения этих частей. Вряд ли такая картина психологически реальна, что косвенно подтверждается и тем фактом, что в корпусах можно встретить вполне грамматичные СП с семантикой контактного предшествования, формальные характеристики которых либо не зафиксированы в грамматике,

¹ Заметим, что из [Типология таксисных конструкций 2009] мы заимствуем только термины для обозначения временных отношений между ситуацией Р и следующей за ней ситуацией Q, независимо от того, выражены они в предложении маркерами категории таксиса или нет.

либо противоречат ее правилам. Так, в НКРЯ встречаются структуры типа (1) и (2):

(1) *Едва лишь только последнее имя было произнесено, как я сообразил, что задел за живое этого русского полковника.* [В. П. Аксенов. Негатив положительного героя, 1996]

(2) *...как только вы явитесь в кальсонах в милицию и скажете, что виделись с человеком, лично знавшим Понтия Пилата, — как моментально вас привезут сюда, и вы снова окажетесь в этой же самой комнате.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)]

В (1) представлен союз *едва лишь только* — *как*, не предусмотренный в [Русская грамматика 1982], а в (2) нарушено правило, согласно которому, «двухместного варианта с элементом *как* не образует союз *как только*» [Там же: 555].

При когнитивно-семантическом подходе во главу угла ставится замысел говорящего, который реализуется в конкретных условиях текущей ситуации общения (включающей в себя и предтекст). В передаче этого замысла участвуют не только языковые средства, но и общие принципы коммуникации (презумпция связности текста, максимы речевого общения [Grice 1975, Leech 1983] и др.), и знания о мире, в том числе типовые сценарии развития событий. Благодаря этому в речи отношение непосредственного следования одного события за другим может быть передано множеством способов, от самого экономного — без использования каких-либо «спецсредств», выражающих это отношение, до весьма «затратных», с неоднократным маркированием контактного предшествования и контактного следования описываемых событий.

Поскольку в речи действует принцип экономии усилий, то естественно предположить, что специальное маркирование диктуется необходимостью гарантировать понимание адресатом этого релевантного для говорящего аспекта смысла высказывания. Рассмотрим примеры (3) и (4):

(3) *Зазвонил телефон, я снял трубку.*

(4) *Лишь только он явился туда, куда был отправлен финдиректором, его немедленно приняли и выслушали внимательнейшим образом.*

Ни у кого не вызовет сомнений то, что в (3) описано непосредственное следование второго события за первым в соответствии с типовым сценарием: услышав телефонный звонок, человек откладывает то, чем он в данный момент занимался, и снимает трубку (возможно, проделав для этого какое-то необходимое вспомогательное действие, которое не упоминается как само собой разумеющееся). При этом в (3) ни контактное предшествование звонка, ни контактное следование снятия трубки не маркированы. Порядок следования частей СП отражает порядок событий, но отсутствие временного промежутка между ними остается не выраженным, хотя и с достаточной надежностью передается в данном сообщении. В (4) ситуация иная: пришедшего в некое «присутственное место» с равной вероятностью могут как принять сразу, так и заставить ждать. Поэтому если говорящий

считает этот аспект развития событий важным, он специально обозначает его, что мы и находим в (4), где избыточным образом употреблены и «составной союз» *лишь только* со значением контактного предшествования, и «конкретизатор» *немедленно* со значением контактного следования.

Естественно предположить, что существует корреляция между количеством языковых усилий говорящего (измеряемом в данном случае количеством маркеров) и степенью важности однозначного понимания временного отношения между описываемыми событиями. Эта корреляция не строгая, но на уровне тенденции она просматривается.

Мы попытаемся показать, что наблюдаемые в текстах синтаксические структуры СП с отношением контактного предшествования (далее К-предшествования) являются результатом выбора из небольшого количества в основном однословных коннекторов (союзов и их аналогов), темпоральных адвербиалов (термин из [Богуславский 1996]) и так называемых «коррелятов». (Фразеологизованные схемы, или конструкции той же семантики мы в данной работе не рассматриваем). Употребление этих единиц регулируется достаточно общими правилами. Тем самым нет оснований полагать, что говорящий воспроизводит в готовом виде составные и / или двухместные союзы с данным значением, зная правила употребления каждого из них помимо правил для их составных частей. Вместе с тем мы в принципе не исключаем, что говорящий может использовать и готовые шаблоны типа *Как только P, так сразу Q*. Будем рассматривать языковые данные, двигаясь по лестнице усложнения структуры предложения-высказывания. Но прежде введем обозначения компонентов интересующего нас темпорального отношения, используя несколько измененную простую схему из книги [Богуславский 1996].

На Рис.1 стрелка соответствует оси времени, P и Q соответствуют ситуациям, спроецированным на эту ось, причем P предшествует Q, а I обозначает временной интервал, разделяющий эти ситуации. Теперь мы можем сказать, что смысл предложений, отражающих временную последовательность ситуаций P и Q, можно разделить на два компонента:

- Компонент 1 (порядок ситуаций P и Q): ‘P предшествует Q’
- Компонент 2 (величина интервала I):
— ‘I соответствует норме (для событий типа P и Q)’ (Обычно такой интервал не выражается в явном виде, так как входит в типовой сценарий. Так, когда говорят *Родился, учился, женился* подразумеваются характерные для

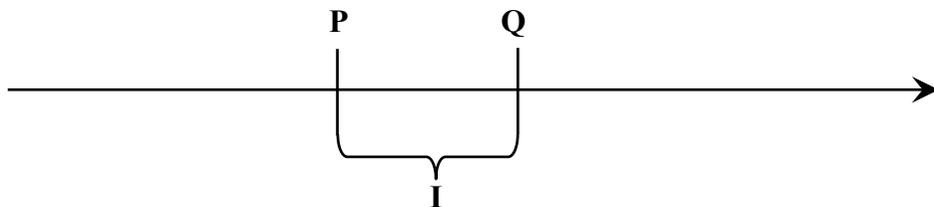

Рис.1. Схема следования ситуаций во времени

данного социума и данного периода времени интервалы между названными ситуациями.)

- ‘I — конкретная (определенная или неопределенная) величина’, напр. *через 2 часа / спустя некоторое время (после того, как P), за 5 минут (до того, как Q)* и т. п.
- ‘I меньше нормы’, напр., *скоро / вскоре (после P Q)*
- ‘I больше нормы’, напр., *далеко (до того как Q, P)*
- ‘I = 0’ (под нулевым интервалом имеется в виду не буквальное отсутствие промежутка времени между P и Q, а ‘столь короткий промежуток времени, что его величиной можно пренебречь’ [Богуславский 1996: 52]). Нулевой интервал и отличает «контактное» предшествование или следование от обычного и входит в значение коннекторов «непосредственного следования», а также их «конкретизаторов» — адвербиалов типа *сразу* и его синонимов². Нулевой I может соответствовать норме для ситуаций типа P и Q, как в примере (3) выше.

Введя условные обозначения, мы можем приступить к последовательному рассмотрению способов выражения отношения контактного предшествования / следования, двигаясь от простого к сложному.

Временные отношения предшествования / следования как имплицитная информация

Рассмотрим знаменитое сообщение Юлия Цезаря о победе, одержанной им при Зеле над Фарнаком:

(5) *Veni, vidi, vici*. «Пришел, увидел, победил».

Р. Якобсон приводит это речение в [Jakobson 1965] как пример иконичности в языке, комментируя его так: «Временной порядок речевых форм имеет тенденцию к зеркальному отражению порядка повествуемых событий во времени...» (Цит. по рус. переводу [Якобсон 1983: 107]).

Эта тенденция соответствует сформулированному П. Грайсом Принципу коммуникативного сотрудничества [Grice 1975], и, по сути, отражает соблюдение одной из «поддерживающих» этот принцип максим Способа: “Be orderly”, наиболее адекватным переводом которой в контексте других максим этого типа будет «Говори по порядку»³. Дж Лич в своих «Принципах прагматики» в рамках

² Условность «нулевого» значения I хорошо иллюстрирует следующий пример И. М. Богуславского: *Я получил письмо и сразу ответил на него* [Богуславский 1996: 52].

³ В [Грайс 1985] данная максима переведена как «Будь организован», что относится скорее к поведению человека в целом, тогда как все прочие максимы Способа относятся к выбору языковой формы высказывания. Заметим, что, несмотря на кажущуюся естественность «говорения по порядку», этой премудрости нас специально учат в школе при написании сочинений, называя это «логической последовательностью изложения мысли». И не случайно, поскольку в текущем сознании говорящего / пишущего мысли о прошлых, настоящих и будущих ситуациях

модуля Текстовой риторики вводит Принцип выразительности, включающий максимум Иконичности: «Стремись при прочих равных условиях к тому, чтобы текст своей формой имитировал свойства сообщаемого» [Leech 1983:68]. В качестве иллюстрации ее применения он приводит все те же «крылатые слова» Цезаря (5).

Рассмотрим это высказывание с позиций лингвистической прагматики. Входящий в смысл (5) компонент порядка ситуаций — ‘сначала Р (‘пришел’), затем Q₁ (‘увидел’), затем Q₂ (‘победил’) — это импликатура: если бы говорящий не имел в виду такой порядок, он нарушил бы максимум «Говори по порядку». Что касается смыслового компонента величины интервала I, то его передачу при помощи (5) нельзя объяснить без обращения к когнитивной категории типового сценария. Как говорилось выше, интервал I может не упоминаться эксплицитно, если он зафиксирован в типовом сценарии. В (5) имплицировано два интервала:

- интервал между *Veni* и *vidi* по умолчанию соответствует норме, которая в данном типе сценария имеет фиксированное нулевое значение (перемещаясь куда-либо, мы в норме сразу же видим, что там находится и что происходит);
- величина интервала между *vidi* и *vici* в типовом военном сценарии (обнаружение противника в поле зрения — победа над ним) не конкретизирована. Умолчание о ней в данном случае есть риторический прием. Величина I самим фактом умолчания подана как нормативная в варианте военного сценария с участием Цезаря. За счет синтаксического параллелизма она воспринимается как такая же, что и между Р и Q₁, то есть нулевая.

Таким образом, в (5) имплицирована не только последовательность событий, но и то, что Цезарь побеждает противников **сразу**, как только вступает с ними в контакт. Именно этот компонент имплицитной информации в (5) обеспечивает восприятие данного сообщения как хвастливого⁴.

Примеры (3) и (5) демонстрируют, что маркеры контактного предшествования / следования в предложении, описывающем следующие одна за другой ситуации, при наличии типового сценария с фиксированным интервалом могут отсутствовать. Более того, их присутствие в таких условиях может даже вызывать прагматическую аномальность высказывания, тем более ощутимую, чем более обязательным является нулевое значение I в соответствующем типовом сценарии. Сравним нормальное (6а) с его модификацией (6б).

- (6) а. *Яичко упало и разбилось.*
 б. *²Яичко упало и сразу разбилось.*

Источник прагматической аномальности (6б) — эксплицитный маркер К-следования — наречие *сразу*. И для наблюдения такого эффекта от введения маркера

могут появляться в порядке, отличном от хронологического, и нужен определенный навык, чтобы в процессе речевой деятельности выстраивать сообщение последовательно).

⁴ Ср. характеристику этих слов как «похвальбы» (в другом переводе «хвастливого возгласа») Цезаря в реплике Розалинды из пьесы У. Шекспира «Как вам угодно».

К-предшествования или К-следования вовсе не обязательна конструкция с однородными сказуемыми, как показывает пример (7):

- (7) а. *Напрасно старушка ждет сына домой, Ей скажут — она зарыдает... — б. ...?Ей скажут — она сразу зарыдает... — в. ...?Как только ей скажут, она зарыдает...*

Для восприятия аномальности предложений (7б) и (7в), конечно, нужно знать, что в тексте песни, из которого взят отрывок (7а), речь идет о смерти сына-матроса. В таком контексте дискурсивная единица *Ей скажут* активирует типовой сценарий сообщения матери о смерти ее ребенка, в котором интервал между получением сообщения и бурной эмоциональной реакцией на него в норме практически нулевой, и эксплицитовать это нет никакой нужды, что и объясняет некоторую неестественность (7б) и (7в).

Условием имплицитной передачи временного отношения К-предшествования / К-следования с использованием бессоюзной или сочинительной связи помимо когнитивных и прагматических факторов в русском языке являются акциональные характеристики предикатов и их видовые формы: предикаты P и Q должны обозначать терминативные ситуации или вхождение в состояние и иметь одинаковые видовые формы. Обычно это форма СВ, как в (1) — (4), (6а), (7а). Если оба предиката с такими акциональными свойствами имеют форму НСВ, то либо мы имеем дело с настоящим историческим, как в (8), либо их конъюнкция интерпретируется как множество последовательностей $P_i_I_Q_i$, где $I = 0$, как в (9):

- (8) *Яичко падает и разбивается.*
(9) *Стояли звери около двери, в них стреляли, они умирали!* [А. и Б. Стругацкие. Жук в муравейнике (1979)]

В (9) описана ситуация, в которой за каждым выстрелом в зверя (возможно, в одного и того же) непосредственно следует его смерть (выстрелы разных субъектов при этом могут быть как одновременными, так и разновременными)⁵.

Введение в структуру предложения-высказывания маркера непосредственного следования

Чем обусловлено введение в высказывание специального маркера непосредственного следования? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует разграничить два типа маркеров в зависимости от их влияния на статус P и Q как дискурсивных единиц (ДЕ). В данном случае мы имеем в виду статусы ДЕ-«ядра» (носителя основной информации) и ДЕ-«сателлита» (носителя вспомогательной информации)

⁵ В (8) и (9), как и во многих других случаях К-предшествования / К-следования, временное отношение между ситуациями сопровождается отношением обусловленности, но это не влияет на выбор способа выражения временного отношения, и потому далее мы не будем обращать внимания на этот аспект смысла рассматриваемых предложений.

в терминах Теории риторических структур [Mann, Thompson 1987]. В рамках СПП ядерная ДЕ — это, как правило, главное предложение, а ДЕ-сателлит — придаточная часть.

Маркеры, введение которых не влияет на статус ДЕ,— это темпоральные адverbиалы типа *ПОСЛЕ* [Богуславский 1996: 51], которые вводятся в составе *Q* и имеют значение ‘*Q* следует за *P*; $I = 0$ ’: *сразу, тотчас, немедленно ни минуты, тут же* и т. п.:

(10) *Вдруг подул ветер. И сразу запахло мёдом. Пчёлка тотчас полетела на этот запах.* [«Мурзилка», НКРЯ]

В (10) все три ДЕ, связанные временным отношением К-следования, — ядерные, несмотря на наличие в них маркеров связи двух ситуаций — семантически двухвалентных наречий *сразу* и *тотчас*, первая валентность которых заполняется содержанием ДЕ, в которую входят они сами, а вторая — содержанием предшествующей ДЕ. Аналогичного маркера К-предшествования в составе *P*, то есть адverbиала типа *ДО*, в русском языке, по-видимому нет, ср. (11):

(11) *Петя только что вернулся с работы и заперся в своей комнате.*

В (11) нулевой интервал *I*, который маркируется темпоральным адverbиалом *только что*, — это не интервал между *P* и *Q*, а интервал между *P* и моментом речи.

Все маркеры временных отношений, которые относятся к категории коннекторов, то есть союзы и их аналоги понижают статус ДЕ, в которую они входят, до сателлита.

Теперь мы можем охарактеризовать факторы, обуславливающие введение в предложение хотя бы одного маркера К-предшествования / К-следования.

Если максима иконичности соблюдается, то действует один из следующих факторов или оба вместе: а) **когнитивный фактор** — отсутствие типового сценария или нефиксированность в нем интервала, см. (1) и (4); б) **прагматический фактор**: соблюдение Принципа легкости обработки («оформляй свое сообщение так, чтобы адресат мог легко и быстро его декодировать» [Leech 1983: 64]), см. (2). При несоблюдении максимы иконичности действует **семиотический фактор** — необходимость компенсировать потерю иконичности. Если *P* вводится после *Q*, надо вербально маркировать либо *P* как сателлит, «предшествующий» *Q*, либо *Q*, как сателлит, «следующий» за *P*. ДЕ, маркированная как сателлит, обеспечит временной ориентир для ядерной ДЕ. Ср. аномальность (12)–(13) — неиконических вариантов (7а) — в отсутствии коннектора при правильности (14) и аномальность неиконического (15) при правильности (16):

(12) ?*Она зарыдает (Q) — ей скажут (P).*

(13) ?*Она сразу зарыдает (Q) — ей скажут (P).*

(14) *Она зарыдает (Q), (как) только ей скажут (P).*

(15) ?*Иван вышел из дома (Q), он позвонил сестре (P).*

(16) *Прежде чем Иван вышел из дома* (Q), он позвонил сестре (P).

Теперь попытаемся разобраться в том, откуда берется такое разнообразие вариантов коннекторов рассматриваемого семантического класса?

Одноместные простые коннекторы контактного предшествования

Все коннекторы К-предшествования занимают синтаксическую позицию союза в составе P. Наиболее простые из них (однословные) — это дискурсивные слова (ДС) *только, лишь, едва и чуть*:

(17) *Только он хотел ответить — машина взорвалась.* [М. Шишкин. Венерин волос (2004)]

(18) *Мать и сын идут ко граду, / Лишь вступили за ограду, / Оглушительный трезвон / Поднялся со всех сторон.* (Пушк.)

(19) *Чуть показывался с Тверской... генерал, — часовой два раза ударял в колокол.* (Гиляр.)

(20) *Едва старик ушел, в сад быстро вошел доктор.* (Ю. Казак.)

Наиболее частотным в этой функции в современном русском языке является ДС *только*. Это не удивительно, поскольку это ДС имеет наиболее широкую синтаксическую и семантическую сочетаемость, обозначая определенное отношение между элементом и множеством для множеств любого типа. В нашем случае речь идет о множестве ситуаций, упорядоченных относительно шкалы — оси времени. В таких случаях *только* маркирует последнюю по времени ситуацию, после которой не имела места никакая другая ситуация, входящая в данное множество. Какие ситуации входят в это «релевантное» множество, определяется контекстом с опорой на типовой сценарий. Так, в (17) в релевантное множество входят ситуации из сценария развития диалога: ‘к нему обратились’, ‘он хотел ответить’, ‘он ответил нечто’, ‘он стал слушать, что ему скажет собеседник’ и т. д. *Только* в (17) делает ‘он хотел ответить’ последним событием, после которого никакое следующее по сценарию не наступает в силу того, что без всякого промежутка происходит ситуация Q. Такова семантическая мотивировка использования *только* как маркера К-предшествования: только наступление Q после P с нулевым интервалом может исключить реализацию перед Q каких бы то ни было следующих за P элементов релевантного множества (сама Q либо не принадлежит этому множеству, либо, если принадлежит, то в норме отделена от P другими ситуациями).

Клитика *лишь*, является синонимом *только* (о тонких семантических различиях между ними см. [Киселева, Сахно1998: 82–89]). Занимая позицию союза, она аналогичным образом претерпевает семантический сдвиг от инвариантного значения ДС (отношение элемента к множеству) к значению К-предшествования.

ДС *едва* и *чуть* предполагают шкалирование уже в своем инвариантном значении, указывая на неполноту реализации ситуации [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: 15]). Попадая в позицию союза, они также претерпевают семантический сдвиг: акцент переносится с неполноты реализации ситуации Р на фактор, который вызвал неполноту, а именно на наступление ситуации Q в момент, когда Р еще не была полностью реализована, и тем самым на то, что Р контактно предшествует Q (ср. использование конструкции *не успел Р, (как) Q* в том же значении)⁶.

Составные союзы или свободные сочетания простых союзов?

В [Русская грамматика 1982] выделяется восемь синонимичных «составных союзов» контактного предшествования: *как только, лишь только, только лишь, чуть только, едва только, едва лишь, чуть лишь*. Из них лишь коннектор *как только*, образованный сочетанием союза *как* с ДС *только*, может считаться подлинным составным союзом — синтаксической фраземой, обладающей свойствами слова — единством словесного ударения, непереставимостью элементов, цельноформленностью.

Остальные семь «составных союзов» являются сочетаниями, построенным по достаточно простым семантико-синтаксическим правилам: 1) ДС из одного синонимического ряда могут сочетаться, только если одно из них — клитика (ср. *только лишь* и *лишь только*, но не **едва чуть* или **чуть едва*); 2) ДС ряда *едва* предшествуют ДС ряда *только* (ср. *едва только, чуть только, едва лишь, чуть лишь*, но не **только едва* и т. д.).

Какие аргументы можно привести в пользу такой трактовки данных выражений? Во-первых, в несоюзных употреблениях, которые семантически тесно связаны с союзами, те же выражения не считаются «составными» словами (ср., напр., *только лишь* в *Пришли только лишь два человека* не считается особой составной частицей). Во-вторых, элементы данных коннекторов обладают важнейшим для автономных словоформ свойством отделимости [Плунгян 2000: 21], допуская вставку между ними других слов:

(21) *Иногда я его перехватывал, едва он только заходил в кофейню, и усаживаясь с ним за отдельный столик.* [Ф. Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1) (1989)]

Заметим, что такие сочетания не являются полностью плеонастичными, хотя и состоят из синонимичных простых коннекторов (далее CNT). По сравнению с однословными CNT они акцентируют ‘пренебрежимую малость’ интервала I. Таким образом, комбинирование простых CNT с одним и тем же темпоральным

⁶ Близкие по значению ДС *еле* и *с трудом* не грамматикализовались до временного союза по причине профилирования в их значении семы ‘сверхнормативных усилий’, а ДС *почти* из той же группы — по причине того, что *почти Р* имплицитно подразумевает *не Р*.

значением дает тот же эффект, что и удвоение CNT, создающее словоформы *только-только, едва-едва*, которые «подчеркивают краткость интервала между ситуациями (или его отсутствие)» [Русская грамматика 1982: 555].

Союз *как* в СПП контактного предшествования

Является ли коннектором К-предшествования союз *как*? В [Русская грамматика 1982: 546] у этого союза усматривается значение «непосредственного следования» в примерах:

(22) *А сейчас, как глаза закрою, вижу только родительский дом* (Есен.)

(23) *У нас не принято удить с поплавками, а надо следить за леской: как зачиркает она по воде, задрожит — подсекай, есть* (Шукш.)

Однако все такие примеры либо соотносятся с типовыми сценариями с нулевым интервалом, как в (22), либо имеют иллюкутивную функцию инструкции, где наступление Р — всегда **условие**, при котором следует (если не сказано иное) **непосредственно** приступить к реализации Q, как в (23). Во всех таких случаях замена *как* на *когда* не вызывает никаких изменений, кроме, возможно, стилистических. Но союз *когда* из-за этого не становится маркером «нулевого интервала» между Р и Q. Нет оснований, чтобы считать таким маркером и союз *как*, тем более, что в отличие от *когда*, он имеет и нетемпоральные употребления. Так что при союзе *как* семантику отношения между Р и Q можно понять только по формальным и содержательным характеристикам контекста.

Если подчинительный союз *как* не имеет четкого значения, то для чего он служит? Вспомним, что подчинительные союзы обычно маркируют ДЕ как сателлит. Обычно, но не всегда. Посмотрим с этой точки зрения на функции союза *как* в СПП с отношением К-предшествования.

Обратим внимание на то, что в СПП со значением К-предшествования союз *как* может вводить либо Р, либо Q. Если в СПП союз *как* — единственный коннектор, то он всегда выполняет чисто **риторическую функцию** — маркирует «свою» ДЕ как «сателлит» по отношению к другой ДЕ, а то, что маркированная ДЕ обозначает именно предшествующую ситуацию (Р), определяется благодаря контексту. Если же в СПП помимо союза *как* присутствует специализированный коннектор К-предшествования, всегда маркирующий сателлит Р, то союз *как* выполняет **демаркативную функцию** (ср. [Инькова 2016]), отмечая левую границу ядерной ДЕ Q и облегчая тем самым «обработку» смысла высказывания. Это один из тех редких случаев, когда подчинительный союз находится в составе ядерной ДЕ:

(24) *Только пианистка сыграла вступление, как рядом с цирком протяжно загудел маневровый паровоз-«кукушка»* [Ю. Никулин. Жизнь на колесах (1979)]

Согласно [Русская грамматика 1982] в примерах типа (24) представлен двухместный союз, трактуемый как вариант соответствующего одноместного союза

(в нашем случае — вариант *только*). Первый компонент такого двухместного CNT будем называть смысловым CNT, так как он однозначно выражает темпоральное отношение между *P* и *Q*, а второй — пустым CNT. Помимо союза *как*, в качестве второго компонента в двухместном CNT используются так называемые корреляты — указательные местоименные слова серии *то*, морфологически соотнесенные с вопросительными местоимениями и омонимичными им союзами.

Корреляты в СПП контактного предшествования

Корреляты (*так*, *то*) выполняют в составе *Q* ту же демаркативную функцию, что и союз *как*. Они так же предполагают присутствие смыслового CNT в *P* и также всегда следуют за ним (смысловой CNT *P*, пустой CNT *Q*), поскольку при инверсии (*Q*, смысловой CNT *P*) демаркация *Q* слева становится не нужной.

В выборе «демаркатора» при заданном смысловом CNT прослеживается определенная «диссимилиативная» тенденция: если смысловой CNT — дискурсивное слово или сочетание ДС, то в качестве «демаркатора» в современном русском языке чаще выбирается союз *как*, как в (24), но возможен и коррелят, как в (25):

(25) *Чуть только заснешь, так он сейчас же в инкубатор лезет, чтоб посмотреть на яйца!* [Н. Носов. Веселая семейка (1949)]

если в составе смыслового CNT есть союз, то «демаркатором» обычно бывает коррелят, как в (26), но возможен и союз *как*, как в (2):

(26) *Как только заканчиваю предыдущую, так сразу же начинаю следующую.* [Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)].

В целом же проанализированный материал позволяет усмотреть когнитивно мотивированную тенденцию: появление двухместного варианта CNT тем вероятнее, чем более развернутыми и сложными в структурном отношении являются *P* и *Q*. Сложность таких структур подвигает автора высказывания к тому, чтобы облегчить адресату интерпретацию сообщения и тем в меру своих возможностей обеспечить правильное понимание сказанного.

Заключение

Итак, разнообразные формы коннекторов, наблюдаемые в СПП со значением контактного предшествования, или непосредственного следования по терминологии [Русская грамматика 1982], в общем случае не являются целостными грамматическими единицами, входящими в знание языка. Они возникают в процессе порождения высказываний в результате отвечающего замыслу говорящего выбора из множества простых конструктивных элементов языка, под действием совокупности когнитивных, дискурсивных и собственно языковых факторов, а отчасти и индивидуальных предпочтений, формирующих авторский идиостиль.

Литература

Баранов А. Н., Плузьян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Инькова О. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: *не только... но и* // Вопросы языкознания. 2016. №2. С. 37–60.

Киселева К. Л., Сахно С. Л. Сопоставительная статья: *только, лишь, всего, всего лишь, всего-навсего* // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под редакцией К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.

Плузьян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.

Русская грамматика. Т.2. М., 1982.

Типология таксисных конструкций / под ред. В. С. Храковского. М., 2009.

Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and Semantics, vol. 3 / ed. by P. Cole and J. Morgan. New York, 1975. P. 41–58.

Jakobson R. Quest for the Essence of Language // Diogenes. 1965. №13. P. 21–37. (Перевод на рус. яз. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С.102–117.)

Leech G. Principles of pragmatics. London, 1983.

Mann W., Thomson S. A. Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization. University of Southern California, 1987.

Irina M. Kobozeva

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

kobozeva@list.ru

COGNITIVE-SEMANTIC APPROACH TOWARDS THE DESCRIPTION OF CONNECTORS (CONNECTORS OF IMMEDIATE PRECEDENCE)

The case study demonstrates the advantages of the cognitive semantic approach towards the phenomenon of variability of immediate precedence connectors. In section 1 we show the drawbacks of the treatment of this phenomenon in «Russian Grammar» (1982), which is far from modeling the ability of a speaker to express the given temporal relation; despite its minuteness, it does not account for some varieties of connectors occurring in the corpora. The cognitive-semantic approach starts from speaker's communicative intention and models the process of its transmission by appeal not only to linguistic, but also to communicative competence and common knowledge. Due to this, the relation of immediate precedence can be implicated (see section 2). In section 3, we distinguish two types of explicit immediate precedence markers (temporal adverbials, e.g.

srazu ‘at once’ and connectors), and elucidate factors that condition their insertion into sentential structure. In section 4 we discuss simple connectors — the discourse markers *jedva* ‘barely, hardly’, *lish* ‘only’, *tol’ko* ‘only’ and *chut’* ‘a little’, functioning as conjunctions. Section 5 is devoted to the problem of “complex conjunctions”, e.g. *jedva lish* ‘as soon as’. We argue that all such connectors (except *kak tol’ko*) are regular phrases, propose rules of their formation and give semantic motivation underlying their emergence. In section 6 we focus on the polysemantic conjunction *kak* ‘as, how, whence’ and show that when it is used in the presence of an unambiguous immediate precedence connector, it performs a demarcation function, thus creating the so-called “two-place conjunction”. In section 7 we consider other means of demarcation of discourse units within a sentence — correlative pronouns, and outline modern tendencies of their use. In conclusion, we underline the fact that the cognitive-semantic description of the connectors’ variability is more economical and has greater explanatory power.

Keywords: cognitive semantic description, Russian, connector, conjunction, discourse marker, variability, relation of immediate precedence

References

- Baranov A.N., Plungjan V.A., Rahilina E.V. *Putevoditel’ po diskursivnym slovam russkogo jazyka*. Moscow, 1993.
- Boguslavskij I.M. *Sfera dejstvija leksicheskikh edinic*. Moscow, 1996.
- Grice H.P. Logic and conversation. *Syntax and Semantics*. Vol. 3. New York, 1975, pp. 41–58.
- In’kova O. K problem opisanija mnogokomponentnyh konnektorov russkogo jazyka: *ne tol’ko... no i*. *Voprosy jazykoznanija*, 2016, no. 2, pp. 37–60.
- Jakobson R. *Quest for the Essence of Language*. Diogenes, 1965, no. 13, pp. 21–37. (Russ. ed.: Jakobson R. V poiskakh sushhnosti jazyka. *Semiotika*. Moscow, 1983, pp. 102–117.
- Kiseleva K.L., Sahn S.L. Sopostavitel’naja stat’ja: *tol’ko, lish’, vsego, vsegolish’, vsego-navsego*. *Diskursivnye slova russkogo jazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisanija*. Moscow, 1998.
- Leech G. *Principles of pragmatics*. London, 1983.
- Mann W., Thomson S.A. *Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization*. University of Southern California, 1987.
- Plungjan V.A. *Obshhaja morfologija. Vvedenie v problematiku*. Moscow, 2000.
- Russkaja grammatika*. Vol.2. Moscow, 1982.
- Tipologija taksisnyh konstrukcij*. Moscow, 2009.

Г. И. Кустова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва)
galinak03@gmail.com*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЗАВИСИМЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (КОНСТРУКЦИЯ А ДЛЯ РОД S)*

В статье рассматриваются конструкции прилагательных **А для Род S**, совпадающие по форме, но различные по семантике и внутренней структуре.

(1) Актантная конструкция: *неожиданный для нас результат* — для *Род* выражает валентность и соответствует участнику ситуации, обозначенной прилагательным. **А для Род S** рассматривается как свернутая, редуцированная предикация, как преобразование некоторой исходной предикации: ‘мы не ожидали такого результата’.

(2) Оценочная (квазиактантная) конструкция: *абсурдный для нормального человека праздник*. Оценочные прилагательные не имеют валентности субъекта оценки, но конструкция **А для Род S** является трансформацией оценочного суждения, которое относится к уровню предложения: ‘Нормальный человек считает такой праздник абсурдным’.

(3) Ограничительная (компаративная, условно-сопоставительная) конструкция: признак объекта или ситуации оценивается не сам по себе, а по отношению к некоторому эталону, ориентиру. Конструкция (3) имеет несколько разновидностей: (а) [*довольно*] *жаркий для осени день* — ‘признак нетипичен для данного объекта или класса объектов’; имеется импликация, что типичным является противоположный признак (‘для осени типичны нежаркие дни’); (б) *логичное для диктатора решение* — ‘признак приписывается исходя из стандартного представления о данном классе объектов’; (в) *слишком тяжелый для ребенка рюкзак* — ‘признак не соответствует каким-то требованиям, не подходит для данного лица, объекта или ситуации’. В конструкциях типа (3) для *Род* — не валентность прилагательного, а элемент конструкции.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 16–18–02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

Ключевые слова: прилагательное, конструкция, зависимые, валентность, семантическая роль

В данной работе будут рассматриваться качественные прилагательные и их специфические синтаксические распространители — как валентные, так и невалентные.

ПРИМЕЧАНИЕ. Не рассматриваются прилагательные, которые тяготеют к предикативному употреблению и имеют пропозициональные (событийные) валентности, характерные для некоторых классов глаголов: *готов, согласен, способен, рад, должен, обязан, волен* + Инф; *рад / доволен, что P; согласен, чтобы P*.

Специфика прилагательных заключается в том, что это непрототипическая группа предикатных слов, промежуточная между прототипическими именами (существительными) и прототипическими предикатами (глаголами), ср. [Givon 1979], [Norper, Thompson 1984], [Гращенков 2000]. Их типичная синтаксическая позиция — атрибутивная, т. е. определение, а не сказуемое.

Прилагательные, в силу двойственной природы, могут рассматриваться в двух аспектах — как атрибут (признак) существительного и как предикат некоторой ситуации. И эта двойственность относится, в том числе, к выражению валентностей.

Если за точку отсчета принять «атрибутивное состояние», то в качестве признака прилагательное является одноместным предикатом и имеет одну валентность — носителя признака. В списках валентностей, традиционно начинающихся с Агенса и Пациенса, она стоит в самом конце, а часто вообще не упоминается (как, например, в списке из [Апресян 2010], ориентированном на глагольное управление и управление существительных). Кроме того, валентность носителя признака не имеет нормального выражения, т. е. не выражается зависимой от прилагательного падежной формой. Наоборот, само прилагательное синтаксически зависит от существительного, заполняющего его семантическую валентность (см. [Богуславский 1985; 1996]): *радостные дети, холодный суп, грамотная работа, туманная даль*. Эту «первую» валентность — связь с определяемым существительным S в атрибутивной конструкции — для краткости будем называть связью S или валентностью S.

В составе именной группы прилагательное может выступать как часть сложной номинации (*серая шляпа*). Специфическими распространителями прилагательных как признаков являются показатели степени типа *очень, довольно, чрезвычайно, удивительно, удручающе* и т. п. [однообразный].

Если за точку отсчета принять «предикативное состояние», то прилагательное в атрибутивной позиции можно рассматривать как свернутую, редуцированную предикацию — своего рода адъективную репрезентацию некоторой исходной «полной» предикации (которая может выражаться, в частности, предикативом,

глаголом, см. ниже), т. е. как дополнительную предикацию, включенную в предложение, где уже есть основной предикат. Именно в этом качестве — как редуцированные предикации — прилагательные будут рассматриваться в данной работе.

В качестве редуцированной предикации может выступать и одиночное прилагательное, ср.: *Тут Степа повернулся от аппарата и в зеркале, <...> давно не вытираемом ленивой Груней, отчетливо увидел какого-то странного субъекта* [М. А. Булгаков] ('Будучи ленивой, Груня давно не вытирала зеркало') (см. [Кустова в печати]), но более «наглядно» предикатный статус проявляется при наличии зависимых — валентных и невалентных:

Потом подводили к плите небольшое, безопасное для человека напряжение, и жидкость затвердевала [«Наука и жизнь», 2009]¹ — 'напряжение не опасно для человека'; *В послужных списках они характеризовали протоиерея Николая Соколова как доброго сослуживца, аккуратного в исполнении обязанностей секретаря архиепископа* [«Журнал Московской патриархии», 2004.03.29] — 'Х аккуратно исполнял обязанности'; *Но судьба, безжалостная к вождю при жизни, была безжалостна и к праху его* [А. И. Деникин. Очерки русской смуты (1922)] — 'судьба не пожалела вождя'; *Безопасное после укола снотворным животное ветеринары перевезли в клинику* — 'когда сделали укол, животное стало безопасным'.

Валентности прилагательных

Какого рода распространители имеет прилагательное, зависит от его семантики.

Прилагательные, как и другие части речи, семантически неоднородная группа слов. Они образуют своего рода шкалу продвижения от «настоящих» признаков — наблюдаемых, физических, непосредственно (перцептивно) воспринимаемых, ср. *зеленый, мокрый, твердый, гладкий*, — до глагольных ситуаций, ср. *разрушительный, заметный*, и ненаблюдаемых (интерпретационных) признаков: *экстравагантный, логичный*.

Появление любого распространителя смещает прилагательное в сторону предикатного статуса, соотносит (ассоциирует) с ним какую-то ситуацию. Это относится даже к «чистым» признакам, ср.: *темный костюм vs. темное от времени серебро* ≈ 'потемневшее'. Однако многие прилагательные прямо соотносятся с ситуациями разных аспектуальных типов (состояние, отношение, поведение, событие), выражаемыми предикативами, глаголами, событийными или оценочными существительными: *скучная книга* — *скучно* [читать], *больной укол* — [пациенту] *больно*; *разрушительный вихрь* — [что-то] *разрушил*; *ценное качество* — [кто-то] *ценит* [это качество]; *бессмысленная поездка* — *нет смысла* [ехать]; *неудачный матч* — [команда потерпела] *неудачу* и т. п. Назовем эту ситуацию исходной ситуацией Р, а соответствующие ей прилагательные — ситуативными. Именно они

¹ Все литературные примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru)

представляют для нашей темы специальный интерес, т. к. у них есть и семантические валентности, и другие типы распространителей.

Ситуативное прилагательное можно сравнить с причастием, т. е. адъективной репрезентацией глагола. Однако ситуативные прилагательные типа *скучный*, *разорительный*, *понятный* — это не просто редуцированная ситуация, это ситуация, превращенная в качественный признак другой ситуации, лица или предмета: *скучная книга* означает не только то, что читателю скучно, но и качество самой книги — то, что она бессодержательна или плохо написана; *разорительный штраф* не только кого-то разоряет, но он большой по размеру (и, возможно, несправедливый, с точки зрения говорящего); *понятный документ* не только кому-то понятен, но он хорошо составлен и поэтому его легко понять, и т. д. Этим качественные прилагательные, в том числе отглагольные, отличаются от причастий, которые семантически эквивалентны глаголу.

При этом прилагательное не является аналогом адъективированного причастия, т. е. глагольного предиката, превратившегося в прилагательное. Адъективированное причастие теряет валентности исходного предиката-глагола: *воспитанный в кадетском корпусе*, *воспитанный бабушкой* — причастие; *воспитанный юноша* — прилагательное, оно тоже предполагает, вообще говоря, что юношу кто-то (где-то) воспитывал, поскольку это перфектная модель адъективации (см. [Кустова 2012]), т. е. результат предшествующей ситуации, однако выразить субъекта воспитания нельзя, и в семантике прилагательного такой участник отсутствует; ср. также: *хозяйка*, *моющая посуду* — *моющее средство* (**моющее посуду средство*).

Итак, хотя внешне ситуативное прилагательное похоже на адъективированное причастие, т. е. превращает исходную «глагольную» ситуацию в качественный признак, в свойство, которое имеет обобщенный и потенциальный характер, не локализовано на оси времени и имеет, по определению, одну валентность — носителя свойства (признака; это валентность S), оно в то же время сохраняет семантическую связь с исходной ситуацией и всю информацию об актантах исходного предиката P и их семантических ролях — и может их выразить, хотя и другими способами, чем предикат исходной ситуации. При этом носитель признака S имеет в исходной ситуации P другую семантическую роль (например, каузатора, ср. *обидная кличка*), поскольку эта исходная ситуация — не признак, а состояние, отношение или даже событие.

Если актант исходной ситуации синтаксически не выражен, он вычисляется — обычно с помощью определяемого существительного:

Одноклассники нередко дают таким ребятам обидные клички типа «умник», «зубрила» и т. д. [Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу (2002)] — обидно референту клички;

Довольно болезненно воспринимаются заведомо обидные шутки близких людей [«Дело» (Самара), 2002.05.03] — в данном случае у *шутки* два аргумента, и невыраженный экспериенцер предиката *обидно* совпадает с одним из них: обидно тому, над кем шутят, а не тому, кто шутит.

Есть и более сложные случаи:

Дурацкие изобретения — где пролегает грань, которая позволяет отнести идею к этому обидному разряду? [«Известия», 2002.06.20] — обидно автору идеи.

Для нас существенно подчеркнуть, что эта информация так или иначе присутствует в предложении или более широком контексте, и носитель языка всегда ее расшифровывает, извлекает. При этом адресат не просто вычисляет актант прилагательного по определяемому существительному S, например: *Выгодный контракт* = ‘выгодно тому, кто заключил контракт’. В предложении могут быть и другие существительные, и адресат должен уметь правильно соотносить актант прилагательного с референтами других именных групп в том же предложении. Так, сравнив предложения (а) *Фирма получила выгодный контракт* и (б) *Губернатор раздает выгодные контракты*, — адресат должен понять, что в (а) контракт выгоден фирме, а в (б) контракт выгоден не губернатору (который, как и *фирма*, является подлежащим), а неназванному участнику-бенефактиву.

Если носитель языка не различает эти смыслы, не может извлечь эту информацию, значит, он не понимает (не полностью понимает) смысл предложения.

Если существительное не событийное, у него обычно есть ассоциированный или встроенный (внутренний) предикат, например, *книга* — ‘читать’: *X выпустил очередную скучную книгу* — ‘скучную для того, кто читает, для любого читателя’.

Разумеется, есть случаи, когда в предложении нет релевантного существительного для вычисления референта невыраженного актанта прилагательного, ср. *Это был первый спокойный день*. Это не меняет сути дела: все равно носитель языка может реконструировать смысл ‘спокойный для кого-то’.

Актант прилагательного может быть выражен синтаксически. При этом он может быть, как и в случае вычисляемого актанта, нереферентным: *Сын итальянского эмигранта прославился умением классно гонять мяч, за что и получил совсем не обидное для футболиста прозвище «кривоногий»* [«За рулем», 2004.04.15] — ‘для любого футболиста’, а может быть референтным: *Все мои попытки атаковать пресекались с обидной для меня легкостью* [«Боевое искусство планеты», 2003.10.18].

Итак, кроме связи S у прилагательных могут быть другие валентности, для выражения которых в русском языке имеется вполне определенный и устойчивый набор падежных и предложно-падежных распространителей — для Род, в Пр, к Дат, с Твор и др.: *разборчив в еде; добр к детям; вежлив с клиентами*. В данной работе мы рассмотрим конструкцию **А для Род S**: *бедственное для народа время; непонятные для ребенка формулы; необычная для Лимонова книга; успешный для застройщиков жилья год*.

Для Род — наиболее нагруженная (и наиболее специфичная для прилагательного) форма, которая выражает как валентные, так и невалентные отношения. Она является аналогом именительного при глаголе (который может кодировать аргументы с самыми разными ролями — агенс, экспериенцер, бенефактив, пациенс в пассиве и др.) или родительного при существительном, который может выражать как валентности — субъекта (*приезд отца*), объекта (*строительство дома*),

посессора (*владение короля*), — так и разные виды невалентных отношений (*жукла сестры; ветер перемен*).

Семантическая интерпретация и синтаксический статус формы *для Род* зависит от целого ряда факторов — от семантического класса прилагательного А, от семантики существительного S, от семантики существительного Род и др.

В самом общем виде конструкции, скрывающиеся за формулой **А для Род S**, можно разделить на два типа: *для Род* — участник ситуации Р, ассоциированной с прилагательным А; для простоты будем называть ее ситуация А, поскольку она встроена в семантику прилагательного А; *для Род* — не участник ситуации А. Однако в действительности типов больше, т. к. есть переходные. Основными можно считать следующие.

1) Актантная конструкция: *для Род* — участник ситуации А, т. е. *для Род* обозначает валентность прилагательного А: *Груббер чутко уловил едва заметные изменения в отношении Павла к Наполеону и постарался незаметно подстегнуть этот желательный для иезуитов процесс* [Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990)] — содержит смысл ‘иезуитам желательно [что-то]’.

ПРИМЕЧАНИЕ. Та же валентность может выражаться при полной форме в составе сказуемого: *Дальнейшая эмиграция русских была желательной для правительства Парагвая* [«Спецназ России», 2003.01.15] и, разумеется, при краткой форме: *желательна для правительства*. Но для нас наибольший интерес представляет атрибутивная позиция.

2) Квазиактантная субъектно-оценочная конструкция: *для Род* является аналогом субъекта оценки оценочных предикатов (ср. X оценивает Y как Z), но не является валентностью прилагательного А: *Это вполне логичное для современников решение диктатора вступить в войну нам сейчас кажется абсурдным* — ‘современники считали решение логичным’;

3) ограничительная (рестриктивная) конструкция: *для Род* — не участник ситуации А, а элемент конструкции **А для Род S**: *Это был воскресный и невероятно жаркий для Прибалтики день* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961] — не содержит смысла ‘Прибалтике жарко’, ср.: *жаркий для гипертоников климат* — ‘гипертоникам жарко (не комфортно, нежелательно) жить в таком климате’.

Далее мы рассмотрим особенности этих трех типов конструкций, соответствующих модели **А для Род S**.

Актантная конструкция

Семантические роли актанта *для Род* зависят от семантического класса прилагательного.

Для Род — экспериенцер.

Есть группа прилагательных, словообразовательно и / или семантически связанных с экспериенциальными предикатами (см. [Кустова 2004], [Кустова 2013]). Значительное место в этой группе занимает подгруппа с общим значением ‘X

испытывает, ощущает, переживает Р (связанное с А)’: *больной / болезненный, досадный, обидный, огорчительный, скучный, тревожный, тягостный, унижительный* и под. Прилагательное А имеет или приобретает каузативное значение: относится к внешней ситуации, которая характеризуется и обозначается через состояние человека-экспериенцера, каузированное этой ситуацией:

Болезненный для пациента укол — ‘Х-у больно’ — физиологическое состояние-ощущение;

Безрадостная для москвичей процедура — ‘Х-у не радостно’ — эмоциональное состояние;

Скучная / интересная для детей книга — ‘Х-у интересно / скучно’ — эмоционально-ментальное состояние.

ПРИМЕЧАНИЕ. Перцептивные прилагательные немногочисленны, как и актантные конструкции с ними: *сказал с заметным для гостей волнением...* — ‘гости заметили волнение’.

Другая подгруппа — ментальные и модальные предикаты: *понятный для нас вопрос* — ‘нам понятно’, ‘мы понимаем’, *нужные для него инструменты* — ‘ему нужны эти инструменты’.

Валентность (личный аргумент) предикатов типа *понятно, нужно* обычно тоже считается экспериенцером, однако ментальные и модальные состояния отличаются от прототипических экспериенциальных состояний, т.к. они не делятся во времени и экспериенцер их не переживает, не чувствует (показательно, что соответствующие прилагательные не имеют каузативного значения). В этом смысле *Мне понятно / известно / очевидно, что Р* ближе к мнению и оценке типа *Я считаю / предполагаю / допускаю, что Р; оцениваю Х как Р*, чем к переживаемым состояниям типа *Мне больно / скучно / страшно*.

Для Род — бенефактив / малефактив:

благоприятный, вредный, опасный, полезный: вредные для здоровья / опасные для человека вещества.

Для Род — пациент (как лицо, так и не-лицо).

Собственно каузативные (неэкспериенциальные) прилагательные: *благотворный, гибельный, губительный, разорительный, смертельный, спасительный, токсичный, хлопотный, целебный, целительный, ядовитый*, ср.: **смертельный для животного яд** — ‘убивает (может убить) животное’; **разорительные для компании штрафы** — ‘разоряют (могут разорить) компанию’.

В контексте каузативных прилагательных аргумент *для Род* кроме значения пациента приобретает еще и семантику бенефактива-малефактива: **разорительный для Х-а штраф** — Х не только пациент, но и малефактив; соответственно: **спасительный для Х-а** — Х — бенефактив.

Для Род — цель-предназначение-соответствие:

годный, пригодный, подходящий (для Род) (см. [Левонтина 2006]).

Субъектно-оценочная конструкция

Кроме прилагательных, которые можно считать редуцированной репрезентацией исходной ситуации Р и которые в силу этого наследуют соответствующие валентности, есть очень большая группа прилагательных, у которых нет никаких валентностей, кроме S, но которые тоже могут иметь распространитель для Род, — это оценки.

Оценочный компонент содержится в самых разных качественных прилагательных (именно поэтому многие из них в процессе семантического развития приобретают собственно оценочное значение, см. [Кустова 2011]). В частности, оценочный компонент содержится во многих экспериенциальных прилагательных (*скудный, радостный, обидный*). Но есть собственно оценочные прилагательные, которые обозначают разного рода оценки — ментальные, этические, эстетические, прагматические (см. [Арутюнова 1988]): *абсурдный, адекватный, актуальный, банальный, бессмысленный, верный, вздорный, второстепенный, вульгарный, драгоценный, значимый, значительный, логичный, оригинальный, правильный, практичный, провинциальный, самобытный, справедливый, тривиальный, фантастический, ценный, чудовищный, эксцентричный, экстравагантный* и под. К ним примыкают количественные оценки: *баснословный, внушительный, значительный* и под. Их единственная валентность S совмещает в себе тривиальную интерпретацию (носитель признака) и нетривиальную — объект оценки, — что соответствует ситуации (операции) оценки.

Сами по себе приведенные прилагательные просто содержат оценочный компонент, они не обозначают ситуацию оценки, — в отличие от глаголов типа *оценить, считать, рассматривать*, ср.: *Х считает Y абсурдным / верным / логичным / справедливым*.

Тем не менее само включение оценочного прилагательного в предложение является результатом операции оценки. Но соответствующая ситуация оценки относится не к денотативному уровню, а к уровню предложения. Оценочное прилагательное А, таким образом, можно рассматривать, по аналогии с событийными прилагательными, как результат редукции исходной ситуации оценки, в которой есть объект (= определяемое существительное S) и субъект.

В общем случае субъект оценки совпадает с говорящим — автором высказывания. Вообще, говорящий контролирует самые разные элементы семантической структуры предложения — метатекст (*Кажется, он дома* — ‘кажется говорящему’); частицы (*Вряд ли он согласится* — ‘говорящий сомневается’; *Принес целых два арбуза* — ‘говорящий считает, что это много’, см. [Апресян 1974 / 1995: 68]). В частности, говорящий контролирует и оценки. Связь оценки с говорящим можно эксплицировать разными способами, ср.: *абсурдное, на мой взгляд / с моей точки зрения / по-моему, предположение*, — в том числе, с помощью формы для Род: *абсурдное для меня предложение*.

Но субъект оценки может и не совпадать с говорящим: *У него была какая-нибудь причина к отъезду, причина, вздорная для других, но важная для него*

[М.В. Авдеев. Тамарин (1851)] — возможность сочинения с валентным *для Род* (*важная для него*) показывает, что субъект оценки максимально близок к статусу актанта; *Девушки отмечали абсурдный для всякого нормального человека праздник — первый день рождения силиконовой груди* [Труд-7, 2009.10.02] — ‘с точки зрения нормального человека’; выражение *абсурдный для X-а S* можно считать результатом преобразования исходной структуры ‘X считает S абсурдным’.

Эту конструкцию можно назвать квазиактантной — она аналогична выражению субъекта экспериенциальных прилагательных: *понятный / приятный для детей S*. В качестве обозначения субъекта оценки форма *для Род* не является специфичной для прилагательного — она может выражать субъект оценки и в других случаях: *Если вы публикуете только часть письма, часть архива, это уже не есть хорошо, это уже не есть честно, это уже потеря репутации для меня* [А. Венедиктов, радио «Эхо Москвы», 5.11.2016] = ‘на мой взгляд; с моей точки зрения; по-моему’.

Таким образом, хотя у оценочных прилагательных не принято выделять валентность субъекта оценки, субъект является участником ситуации оценки на уровне предложения и тем самым — аналогом других валентностей-субъектов. Поэтому естественно, что он выражается формой *для Род*.

Ограничительная конструкция

Ограничительная (рестриктивная) конструкция включает в себя целое семейство конструкций, которые можно назвать также, в зависимости от ракурса рассмотрения, компаративными и условно-сопоставительными. Вот их основные разновидности:

(1) *Это был воскресный и невероятно жаркий для Прибалтики день* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]

(2) *Собрание генералов приводило меня в робость, весьма естественную для восемнадцатилетнего прапорщика* [Ф.Ф. Торнау. Воспоминания о кампании 1829 года в европейской Турции (1866)]

(3) *Мальчик старался не отставать от взрослых, несмотря на слишком тяжелый для ребенка рюкзак*

Эти конструкции имеют много общего.

Во-первых, они являются результатом оценки, которая, как и всякая оценка, включает в себя сравнение. Говорящий реконструирует некоторый эталон, стандарт — среднее, типичное, ожидаемое значение признака — для данного класса объектов, сравнивает признак данной ситуации с этим стандартом и на основании этого квалифицирует признак данной ситуации с точки зрения его типичности-нетипичности (для данного класса объектов!), с точки зрения соответствия-несоответствия какого-то параметра ситуации (объекта) стандартам, ожиданиям, типовым представлениям, требованиям и т. д.

Во-вторых, в конструкциях (1)–(3) можно усмотреть условно-сопоставительное значение: (1) день был жаркий, если учесть, что речь идет о Прибалтике (а не об

Индии); (2) робость можно считать естественной, если учесть, что речь идет о прапорщике (а не о генерале) и т. д.

Для *Род* здесь — не валентность прилагательного, а элемент конструкции (в смысле Грамматики конструкций, см. [Langacker 1987], [Goldberg 1995], [Рахилина 2000], [Croft, Stuse 2004], [Goldberg 2006], [Лингвистика конструкций 2010], [Goldberg 2013], [Копотев, Стексова 2016]). Для *Род* выполняет функцию ограничителя (рестриктива) — ограничивает, сужает класс референтов, по отношению к которому оценивается признак.

Несмотря на значительное сходство, конструкции (1)–(3) по каким-то признакам различаются.

В конструкции (1) имеет место нарушение ожиданий, вследствие чего возникает смысл ‘нетипичный’ (конструкцию (1) мы подробно рассматриваем в работе [Кустова 2016]): *жаркая для Прибалтики погода* — ‘нетипично жаркая’; в качестве эталона выступает типичная для Прибалтики прохладная погода; ср. также: *грамотная для двоечника работа* — ‘нетипично грамотная, более грамотная, чем можно ожидать от двоечника’; *тихая для центра улица* — ‘нетипично тихая’.

Эффект нарушенного ожидания возникает из-за противоположных знаков (так сказать, антонимичности) входящих в конструкцию лексем: Прибалтика — северная территория (нежаркая), а погода жаркая; двоечники пишут неграмотно, а работа грамотная и т. д. Разумеется, эта информация не всегда содержится в значениях слов, а часто является экстралингвистической, т. е. связана со знаниями о мире.

Сужение класса референтов (т. е. сферы приложения признака) влияет и на интерпретацию самого признака: происходит его релятивизация, «ослабление»: день был жаркий (например, 28 градусов тепла) не вообще, а для Прибалтики; для Индии такой день не считается жарким; работа не абсолютно грамотная (есть ошибки), но более грамотная, чем обычная работа двоечника (при этом менее грамотная, чем обычная работа отличника); улица менее шумная, чем обычно в центре, но все-таки не такая тихая, как на окраине или в деревне, где не ходит транспорт; *Некоторые виды бражников летают с рекордной для насекомых скоростью — 60 км/час* [Эффект бабочки // «Мир & Дом. City», 2004.05.15] — для гепарда эта скорость не является рекордной; и т. д.

Для этой конструкции характерны релятивизаторы при прилагательном — *довольно, очень, весьма, вполне, достаточно, относительно* и под., ср.: *Выбрала велотренажер относительно дешевый для таких характеристик* [Форум: Отзывы о магазине Велотренажеры (2011)]; *У него довольно маленькая для чиновника зарплата*.

В этой группе встречается и наречие *слишком*, но оно выступает скорее в значении ‘очень’, ср.: *Мой, слишком артистичный для охранника здоровый дылда охранник, бывший муниципальный мент Лешка Разуков взялся снимать нас на фоне далеких заводов и ангаров верфей* [Эдуард Лимонов. Книга воды (2002)] — в отличие от конструкции (3), где смысл ‘слишком’ принципиален и означает ‘неприемлемо X-овый’.

Значение оценочности, типичности-нетипичности, нарушения ожиданий может ослабляться или даже отсутствовать — тогда остается только идея ограничения

сферы приложения данного признака данным объектом (классом объектов) и идея противопоставления другому объекту, классу объектов или тому же самому объекту в другой период его существования, ср. (а) и (б):

(а) *Кинофантастика как будто вернулась к архаичным для себя задачам развлечения масс* [«Знание — сила», 2003] — кроме значения ‘нетипичные для нынешнего этапа задачи’ здесь присутствует оценочное значение ‘несовременные, устаревшие’ — в отличие от современных задач (например, просвещения, знакомства с научными достижениями или философского осмысления мира);

(б) *В них обнаружены обычные семипалатные височные кольца, но ранняя дата устанавливается архаичными для вятичей типами браслетов, перстней, сосудов и т. д.* [А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы (1947)] — в (б) преобладает временное значение, устанавливается «объективное» ограничение: археологические находки относятся к определенному (давнему) периоду существования культуры вятичей.

Ср. также: *С целым рядом второстепенных для того времени стран Борис Годунов сотрудничал самостоятельно* [«Финансы и кредит», 2004.11.22] — признак «второстепенность» не оценивается, а просто его релевантность ограничивается определенным периодом времени (в другое время эти страны могли не быть второстепенными).

В конструкции (2) участвуют прилагательные, которые по своей лексической семантике означают соответствие-несоответствие эталону, типовому представлению, и поэтому данную конструкцию условно можно назвать «эталонной»: *типичный / нетипичный, обычный / необычный, нормальный / ненормальный, аномальный, естественный / неестественный, редкий, универсальный, уникальный, специфический.*

В (2), как и в (1), тоже присутствует сопоставление с другим классом объектов, не обладающим таким признаком или обладающим противоположным признаком: *естественная для восемнадцатилетнего прапорщика робость* — в качестве эталона выступают представления о нормальных, типичных реакциях прапорщика; робость в собрании генералов естественна, нормальна для прапорщика (прапорщики в собрании генералов обычно не ведут себя вызывающе), для генерала это нельзя было бы признать естественным; ср. также: *В остальном это обычный для испанского кинематографа жесткий и натуралистичный в показе агрессии этого мира фильм* [«Эксперт», 2015] — для индийского кинематографа такой фильм нельзя считать обычным.

В конструкцию (2) могут встраиваться и прилагательные, которые сами по себе не имеют значения ‘типичный, нормальный, ожидаемый’, а приобретают такую интерпретацию в контексте: *Х принял логичное для диктатора решение вступить в войну* — в качестве эталона выступает обычная логика диктатора: решение начать войну логично не само по себе, а для диктатора; для диктатора нормально, ожидаемо вступить в войну, а не в переговоры; для демократа такое решение не логично (и тем самым ненормально).

У «отрицательных» прилагательных (*нетипичный, ненормальный, редкий* и т. п.) объект сравнивается не с другим классом объектов (как было, например, с прапорщиками и генералами), а с нормальными объектами того же класса (с нормальными

состояниями того же объекта): *Необычное смелое решение, нетипичное для классических московских офисов*, — четкое зонирование кабинета [Представительский офис на Поварской // «Мир & Дом. City», 2003.08.15] — ‘типичный офис не делится на зоны’.

Прилагательные «эталонной» группы близки к *свойственный*, у которого для *Род / Дат* — валентность: *В отделке салона используются материалы, свойственные для автомобилей* классом выше [http://www.rbcdaily.ru/2010/01/12], т. к. *свойственный* не употребляется без этого распространителя.

Мы сейчас не ставим вопрос, не является ли для *Род* валентностью и для прилагательных группы *типичный-нетипичный*. Для нас важно, во-первых, что рассматриваемая конструкция является результатом оценочной операции говорящего, что для *Род*, как и в других оценочных конструкциях данной группы, выражает эталон, ориентир; и во-вторых, что для *Род* выполняет ту же ограничительную функцию — соотносит признак с заданным классом объектов, «привязывает» его к данному классу объектов и тем самым вводит идею ограниченного распространения признака и идею неявного противопоставления данного класса объектов другому классу (другим объектам того же класса).

Возможность присоединения для *Род* к этой группе прилагательных зависит от разных факторов, в частности — от лексического значения существительного *S*: *типичный подосиновик, типичный британец* предполагают сравнение и противопоставление, идея сравнения заложена уже в самом лексическом значении слов «эталонной» группы — а именно, сравнение с большинством: *типичный подосиновик* — ‘такой, как большинство подосиновиков; обладающий основными признаками подосиновика’, ср.: *Ну, какая это поганка — типичный подосиновик*. Но такие сочетания в конструкцию для *Род* не преобразуются: *?типичный для подосиновиков подосиновик*, ср. *типичные для средней полосы грибы (типичные грибы средней полосы)*, где объект соотносится с более широкой областью и становится ее характеристикой (ср. *типичный для испанского кинематографа фильм* — данный фильм характеризует испанский кинематограф).

Ограничительная — или, если посмотреть с другой точки зрения, характеризующая — конструкция широко распространена с параметрическими существительными типа *особенность, проблема*, которые, в силу своей абстрактной семантики, нуждаются в распространителях, которые могут выражаться родительным при данном существительном (*типичная особенность минералов*), а могут смещаться к прилагательному (*типичная для минералов особенность*).

Вообще, «эталонную» конструкцию обычно можно рассматривать как результат синтаксического преобразования, аналогичного подъему (экстрапозиции) посессора (об экстрапозиции посессора, или внешнем посессоре, см. [Кибрик 2003]; [Кибрик и др. 2006], ср. также [Апресян 2010], [Рахилина 2010]).

Конструкция с внешним посессором, как известно, является результатом подчинения посессора, зависящего от одного члена предложения, другому члену предложения: *Он испачкал мой пиджак* → *Он испачкал мне пиджак* — либо его

перемещения в позицию детерминанта: **В моем** кармане ключи → **У меня** в кармане ключи; **Его рука** поцарапана → **У него** рука поцарапана.

В нашем случае происходит смещение генитива к прилагательному — в соответствующей форме для Род:

Характерной особенностью баженовских **везувианов** является внешний облик их кристаллов [А. А. Антонов. Минералогия родингитов Баженовского гипербазитового массива (2003)] → **Характерной для баженовских везувианов** особенностью является внешний облик их кристаллов;

«**Девушки с календаря**» (*Calendar Girls*, 2003) — **типичные персонажи британского кино**: пожилые домохозяйки, заурядные, не эстетичные «люди толпы», не принадлежащие к высшему свету [«Экран и сцена», 2004.05.06] → **типичные для британского кино персонажи**.

И наоборот: **Типичная для богатых** людей проблема — вложить деньги в какое-то дело → **Типичные проблемы богатых** людей в США — не потратить средства на себя, а инвестировать их в какое-то дело, чтобы увеличить доходы [«Бизнес-журнал», 2003.10.23].

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Конечно, практически такое преобразование не всегда возможно или естественно: **Типичным покупателем Р 7010** может стать деловая женщина, которой требуется стильный электронный спутник в путешествиях, легко помещающийся в её ручном багаже [Ноутбук для леди // «Computerworld», 2004] — ?**типичный для Р 7010** покупатель. Однако это отдельная проблема, которой мы сейчас не касаемся.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Конструкцию **А для Род S** можно считать результатом синтаксического преобразования и во многих других случаях. В исходной конструкции может фигурировать не прилагательное, а, например, наречие: **Стабильный для предприятия** период ← *Предприятие стабильно работало в этот период*; **Результативный для футболиста** год ← *Футболист результативно играл*; **Это ночное и совершенно случайное для немцев** столкновение было причиной столь позднего появления 138-го полка на поле сражения у д. Махарце [В.Е. Белолипецкий. Зимние действия пехотного полка в Августовских лесах. 1915 год (1940)] ← *Немцы случайно столкнулись...* Однако это отдельная большая тема, которую мы сейчас не можем рассматривать в силу ограниченности объема статьи, но которой будет посвящена другая работа.

Итак, в рестриктивной конструкции могут участвовать те же оценочные (в широком смысле) прилагательные, что и в примерах из предыдущего раздела, но для Род обозначает не субъекта оценки, а рестриктив, по которому реконструируется эталон. Такие конструкции могут образовывать своего рода минимальные пары: **Отсюда можно сделать фантастический для нас вывод** — *со времени Большого Взрыва время текло неравномерно!* [Владимир Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)] — ‘мы считаем такой вывод фантастическим’ [субъект] vs. **Он известен как автор фантастического для своего времени** проекта подъема фрегата «Трапезунд» [Анатолий Рыбаков.

Кортик (1946–1948)] — ‘фантастический для своего времени, но осуществимый в наше время’ [рестриktiv].

Актантные прилагательные (т. е. прилагательные с валентностью для *Род*) тоже могут участвовать в рестриktivной конструкции и с ними тоже можно составить минимальные пары: *Дело получило неожиданный для брата исход* — ‘брат не ожидал’ vs. *Сестра вступилась за брата с неожиданной для нее храбростью* — не ‘сестра не ожидала’, а ‘наблюдатель не ожидал от нее проявления храбрости; она вела себя более храбро, чем обычно’ (вторая интерпретация здесь тоже возможна: ‘сестра сама от себя не ожидала такой храбрости’ — но тогда это актантная конструкция).

С некоторыми прилагательными можно составить даже тройки, при этом надо иметь в виду, что значение прилагательного меняется (различные семантические преобразования прилагательных рассматриваются, в частности, в [Шапошников 2012]), например, оценочное прилагательное может встраиваться в актантную группу:

чудовищные для экономики последствия \approx ‘вредные, губительные’, для *Род* — малефактив;

чудовищные для меня истины — ‘на мой взгляд, по моему мнению’, для *Род* — субъект оценки;

чудовищный для пятизвездочного отеля сервис — ‘для трехзвездочного отеля оценка будет другая’, для *Род* — рестриktiv.

Наконец, конструкция (3) имеет значение ‘S, в силу признака A, не годится, не подходит для *Род*’, ‘значение признака A не соответствует требуемому / желательному; неприемлемо’: *Мы провели слишком амбициозную для страны с низким уровнем развития финансово-го рынка и финансовой грамотности населения структурную реформу* [Известия, 2012.09.25]; *За счет этого был значительно увеличен размер прихожей, в исходном варианте слишком тесной для приема гостей* [«Мир & Дом. Residence», 2004.04.15].

В остальном эта конструкция имеет те же признаки, что и другие рестриktivные конструкции — «релятивизирует» значение признака и предполагает сравнение с другим типом объектов: *Тяжелый для ребенка рюкзак* — ‘рюкзак тяжел для ребенка, для взрослого мужчины он не является тяжелым’.

Конструкция (3) близка по значению ряду других конструкций, ср.: *Пиджак тебе мал; Стар я уже за автобусом бегать* (см. [Кустова 2005]).

Итак, за формулой **A для Род S** скрывается целое семейство конструкций. Но все конструкции этой модели можно считать преобразованием некоторой исходной структуры *P*, в результате которого у прилагательного появляется распространитель для *Род*. Эти преобразования разнообразны: одни напоминают диатезу — когда валентность была в исходной структуре, но в производной меняется способ ее выражения, другие — подъем посессора, третьи — образование особой конструкции с помощью элемента для *Род*.

Анализ и систематизация таких преобразований — задача будущих исследований.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974; 2-е изд. — 1995.

Апресян Ю.Д. Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект // Апресян Ю.Д. и др. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2010. С. 281–377.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.

Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Гращенков П.В. Насколько универсальна адъективная категория, или Куда же ушли прилагательные? // Труды международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1: Теоретические проблемы. Протвино, 2000. С. 53–60.

Кибрик А.Е. Внешний посессор в русском языке // Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 307–319.

Кибрик и др. — Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006, № 1. С. 16–45.

Коптев М.В., Стеклова Т.И. Исключение как правило: Переходные явления в грамматике и словаре. М., 2016.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

Кустова Г.И. Ситуативная норма в значении прилагательных, наречий, предикативов: семантика и конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2005». М., 2005. С. 316–320.

Кустова Г.И. Оценка как универсальная категория и типы оценочных значений прилагательных // Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов / под ред. А.А. Кретьова. Вып. 1. Воронеж, 2011. С. 246–253.

Кустова Г.И. Семантические модели и семантические функции отрицательных прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 11 (18). Т.1. По материалам международной конференции «Диалог 2012». М., 2012. С. 352–361.

Кустова Г.И. Системные связи и системные значения экспериенциальных прилагательных: предметные и пространственные контексты // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 41–69.

Кустова Г.И. Конструкции прилагательных с компонентом «ДЛЯ РОД» // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. Филологические науки, культурология. 2016. № 6. С. 132–149.

Кустова Г.И. Прилагательное в тексте как редуцированная предикация // Теория функциональной грамматики. СПб., в печати.

Левонтина И. Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 163–238.

Лингвистика конструкций / Под ред. Е. В. Рахилиной. М., 2010.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

Рахилина Е. В. Конструкция с дательным possessивным // Лингвистика конструкций / Под ред. Е. В. Рахилиной. М., 2010. С. 289–308.

Шапошников В. Н. Семантические преобразования в современном русском языке. М., 2012.

Croft W., Cruse D. A. Cognitive linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Givon T. On understanding grammar. New York, 1979.

Goldberg A. E. Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure. Chicago and London: The Univ. of Chicago Press, 1995.

Goldberg A. E. Constructions at work: The nature of generalization in language. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Goldberg A. E. Explanation and constructions // Mind and Language. 2013. Vol. 28. No. 4, pp. 479–491.

Hopper P. J., Thompson S. The discourse basis for lexical categories in Universal grammar // Language. 1984. 60. 4, pp. 703–752.

Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1, Theoretical prerequisites. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987.

Galina I. Kustova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Moscow Pedagogical State University

(Russia, Moscow)

galinak03@gmail.com

SYNTACTIC DEPENDENCIES OF ADJECTIVES (CONSTRUCTION «A DLYA GEN S»)

The paper deals with adjectival constructions with the same formal structure — *A for Gen S* — but with different semantics and with different internal structure.

(1) Argument construction: *neozhidannyi dlya nas rezul'tat* ('a result unexpected by us') — *dlya Rod* (for Gen) is the argument, i.e. the participant of the situation, denoted by the adjective. **A for Gen S** is seen as a reduced predication, the conversion (transformation) of some of the original predication: 'We did not expect such a result'.

(2) Evaluative (quasi-argument) construction: *absurdnyi dlya normal'nogo cheloveka prazdnik* ('an absurd holiday for a normal person'). The evaluative adjective does not

have the subject of evaluation (as argument), but the construction **A for Gen S** is a transformation of evaluation: 'A normal person thinks this holiday absurd'.

(3) Restrictive (comparative, conditional-contrastive) construction: the attribute is predicated on the basis of the standard conception of a given class of objects, while the attribute of an object or situation is evaluated with respect to a standard, a landmark. Construction (3) has different types: (a) *zharkii dlya oseni den'* ('a hot day for autumn'). The meaning: the attribute is atypical for a given object or class of objects; (b) *logichnoe dlya diktatora reshenie* ('a logical solution for a dictator'). The meaning: the attribute is typical, and corresponds to the standard conception of a given class of objects; (c) *slishkom tyazhelyi dlya rebenka ryukzak* ('a backpack too heavy for a child'). The meaning: the attribute does not match the requirements; the attribute is not suitable for the person / object / situation. In (3) *dlya Rod* (for Gen) is not the argument of the adjective, but the element of the construction.

Key words: adjective, construction, dependencies, valency, semantic role

References

Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moscow, 1974; 2-e izd. — 1995.

Apresyan Yu.D. *Trekhurovnevaya teoriya upravleniya: leksikograficheskii aspekt* // Apresyan Yu.D. i dr. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovary* / otv. red. Yu.D. Apresyan. Moscow, 2010, pp. 281–377.

Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt*. Moscow, 1988.

Boguslavskii I.M. *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike*. Moscow, 1985.

Boguslavskii I.M. *Sfera deistviya leksicheskikh edinits*. Moscow, 1996.

Croft W., Cruse D.A. *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Givon T. *On understanding grammar*. New York, 1979.

Goldberg A.E. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Goldberg A.E. *Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago and London: The Univ. of Chicago Press, 1995.

Goldberg A.E. Explanation and constructions. *Mind and Language*, 2013, Vol. 28, No. 4, pp. 479–491.

Grashchenkov P.V. Naskol'ko universal'na ad"ektivnaya kategoriya, ili Kuda zhe ushli prilagatel'nye? *Trudy mezhdunarodnogo seminara «Dialog-2000» po komp'yuterno lingvistike i ee prilozheniyam*. T. 1: Teoreticheskie problemy. Protvino, 2000, pp. 53–60.

Hopper P.J., Thompson S. The discourse basis for lexical categories in Universal grammar. *Language*, 1984, 60, 4, pp. 703–752.

Kibrik A.E. Vneshnii possessor v russkom yazyke // Kibrik A.E. *Konstanty i peremennye yazyka*. St. Petersburg, 2003, pp. 307–319.

Kibrik i dr. — Kibrik A.E., Brykina M.M., Leont'ev A.P., Khitrov A.N. Russkie possessivnye konstruksii v svete korpusno-statisticheskogo issledovaniya. *Voprosy yazykoznaniya*, 2006, №1, pp. 16–45.

Kopotev M. V., Steksova T. I. *Isklyuchenie kak pravilo: Perekhodnye yavleniya v grammatike i slovare*. Moscow, 2016.

Kustova G. I. Konstruktsii prilagatel'nykh s komponentom «dlya ROD». *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki, kul'turologiya*, 2016, № 6, pp. 132–149.

Kustova G. I. Otsenka kak universal'naya kategoriya i tipy otsenochnykh znachenii prilagatel'nykh. *Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii: Sbornik nauchnykh trudov* / pod red. A. A. Kretova. — Vyp. 1. Voronezh, 2011, pp. 246–253.

Kustova G. I. Prilagatel'noe v tekste kak redutsirovannaya predikatsiya. *Teoriya funktsional'noi grammatiki*. St. Petersburg, v pechati.

Kustova G. I. Semanticheskie modeli i semanticheskie funktsii otrichastnykh prilagatel'nykh. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Vyp. 11 (18). T. I. Po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2012». Moscow, 2012, pp. 352–361.

Kustova G. I. Sistemnye svyazi i sistemnye znacheniya eksperientsial'nykh prilagatel'nykh: predmetnye i prostranstvennye konteksty. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2013, № 1 (25), pp. 41–69.

Kustova G. I. Situativnaya norma v znachenii prilagatel'nykh, narechii, predikativov: semantika i konstruktsii // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2005»*. Moscow, 2005, pp. 316–320.

Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya*. Moscow, 2004.

Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1, Theoretical prerequisites. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987.

Levontina I. B. Ponyatie tseli i semantika tselevykh slov russkogo yazyka. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* / Otv. red. Yu. D. Apresyan. Moscow, 2006, pp. 163–238.

Lingvistika konstruktsii / Pod red. E. V. Rakhilinoi. M., 2010.

Rakhilina E. V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'*. Moscow, 2000.

Rakhilina E. V. Konstruktsiya s datel'nym posessivnym. *Lingvistika konstruktsii* / Pod red. E. V. Rakhilinoi. Moscow, 2010, pp. 289–308.

Shaposhnikov V. N. *Semanticheskie preobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke*. Moscow, 2012.

Е. М. Лазуткина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lazutkelen@yandex.ru

О НОВОЙ МОДЕЛИ ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Что говорящие делают чаще,
то система кодирует лучше.*

Ж. Дюбуа

Работа выполнена в русле исследований языка в динамическом аспекте. В статье демонстрируется действие механизмов языковой прагматики, используются понятия «синтаксическая деривация», «диатеза». Говорится о появлении в синтаксической системе новой модели двусоставного предложения, организованной рефлексивом СВ или НСВ, с семантикой схемы «изменение состояния субъекта, являющегося объектом действия»; например: *Команда не отобралась на соревнования.* Образование модели с семантикой формальной активности субъекта обнаруживает коммуникативные предпочтения носителей языка, свидетельствует о том, что говорящие придают большую важность динамике состояния объекта действия и делают его имя темой высказывания, подлежащим, игнорируя существование реального производителя действия. Предикат оформляется постфиксом *–ся* как глагол общезвратного значения или автокаузатив. Утверждается, что модели предложения — это тесно спаянные с лексическими элементами семантико-грамматические комплексы, обусловленные спецификой эпистемического качества пропозиции.

Рассматриваются агентивные и пациентивные конструкции. Бинарная категория «субъект / объект» показывает большую палитру значений субъектности / объектности. В языке действует оператор «сила субъекта». Данные модели находятся на периферии поля активных конструкций, которое имеет признаки нечёткого множества.

Ключевые слова: современный русский язык, языковая прагматика, семантическая структура предложения, развитие синтаксиса.

Предметом нашего рассмотрения являются активные конструкции с акциональным постфиксальным глаголом СВ или НСВ, с семантикой схемы «изменение

состояния субъекта, являющегося объектом действия»; например: *Студент сдаст зачет и допустится к экзаменам; Больной прокапается и пойдет на процедуры; Аспирант утвердился в январе; Чашки моются отдельно* («должны мыться отдельно»); *Дом содлся*.

Родиной этих предложений является разговорная речь. Закрепление в системе модели с семантикой формальной активности субъекта, с асимметрией функций компонентов семантической структуры и ролей «участников» в реальном процессе, обнаруживает коммуникативные предпочтения носителей языка. В фокусе их интереса лицо или предмет, которые не могут влиять на процесс, а результат процесса или оценка успешности усилий определенного лица зависят от других людей или обстоятельств. Имя пассивного участника тематизируется, его значимость в высказывании повышается до статуса предицируемого компонента, подлежащего. Предикат оформляется как акциональный глагол общезовратного значения или автокаузатив с постфиксом *-ся*. При этом лексическое значение мотивирующего глагола диссонирует со значением деривата: оно указывает на то, что подлежащее является объектом действия.

Аналогичная тенденция наблюдается при развитии лексической полисемии: направление лексической деривации обуславливает точка зрения говорящего. Фактор субъективной модальности высказывания играет все большую роль в семантических изменениях в лексике [Traugott, Dasher: 2005].

Лингвистика XX и XXI веков предложила разные термины для описания «жизни языка»: «активная грамматика», «грамматика говорящего», «идеологическая грамматика», «антропоцентрическая лингвистика», «описание языка в модальности субъекта речи». Для нас важно мнение Д. Н. Шмелева о том, что не существует 2-х уровней синтаксиса — конструктивного и коммуникативного. Аналогичная точка зрения лежит в основе референциально-ролевой грамматики Р. Ван Валина и У. Фоли: «...синтаксис в значительной степени является результатом совмещения семантики и прагматики» [Ван Валин, Фоли 1982: 377].

Синтаксические модели формируются как устойчивые коммуникативные стереотипы. В соответствии с теорией речевой деятельности, замысел говорящего рождается вместе со стилистическим модусом, который формирует оценочную палитру и руководит отбором грамматических структур и лексического состава. Ср.: «Оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1996: 323.]. Дж. Сёрль пришел к заключению, аналогичному положениям теории речевой деятельности: «<...> речь должна идти о проблеме объяснения не интенциональности в терминах языка, а наоборот, языка в терминах интенциональности» [Searle 1983].

Стилистический модус высказывания принадлежит культуре в широком смысле слова: он связан с культурой эпохи, с культурой социума и отношений в социуме, с языковой картиной мира. Он близок понятию «синтаксический субъект» в лингвистике. В новой эпистемологии понятие «субъект» восходит к поздним работам Л. Витгенштейна: он трактовал субъект как этическую установку, которая задает границу и структуру видения мира [Галанина 2011: 138].

Оценка говорящего включает все параметры текущего сообщения, а также интерпретацию обозначаемого на эпистемической основе и его аксиологическую характеристику. Оценка, как оператор отбора, использует категории, онтологически присущие языковому мышлению, например, категории определенности / неопределенности, оптативности и др.

Выбор языковых средств при построении высказываний зависит от возможностей и «предпочтений» уже сложившейся системы языка, и «произвол» говорящего не безграничен. Нюансы когнитивных процессов и коммуникативных ситуаций, в том числе разные ракурсы, планы, аспекты, мыслительные конструкты реальных и воображаемых событий и отношений аккумулировали в системе огромный репертуар разноуровневых средств. Лингвисты говорят о творческой потенции языка, о том, что «язык не воспроизводит, не копирует, не “озвучивает”, не “оплотняет” мысль, а вырабатывает ее и вводит в сознание человека» [Кручина 2015: 4].

В предложении имена и глаголы показывают тесное взаимодействие категориальных и индивидуальных значений. Значение глагола подчиняется смысловой структуре предложения и детализирует эту структуру. Важны такие свойства предиката (которые могут присутствовать в разной степени), как акциональность / неакциональность, каузативность / некаузативность, переходность / непереходность, произвольность / непроизвольность, стихийность действия. Значение субъекта, семантической категории предложения, соответствует тому элементу информации, в котором заключено представление о деятеле либо носителе признака или состояния. Смысл предложения зависит от таких свойств субъекта, как активность / неактивность, способность / неспособность к преднамеренному действию, определенность / неопределенность.

Активная конструкция — способ семантико-синтаксической организации предложения, при котором обозначаются действие субъекта, свойства, качества, состояния, отношение носителя предикативного признака. Класс активных конструкций неоднороден: закономерности их строения обусловлены особенностями представления говорящими реальных процессов. Критерием разграничения активных и пассивных конструкций является тип отношений между предикативно сопряженными компонентами. Грамматикализованной формой выражения активности принято считать предложение тема-рематического строения с препозицией субъекта, имеющего значения лица, и с предикатом, обозначающим преднамеренное действие; например: *Дети украшают елку*.

В предложениях с рефлексивами, по замечанию Ф. Ф. Фортунатова, существует возможность появления у глаголов вместе с возвратным страдательного значения [Фортунатов 1899: 36]. Н. С. Авилова делает вывод: 1) творит. пад. в конструкция действит. залога с возвратными глаголами никогда не имеет значения действующего лица; 2) выражение залогового противопоставления во многом зависит от вида глагола; 3) «глагол НСВ с постфиксом *-ся* может быть истолкован двояко — и как глагол страдат., и как глагол действит. залога: *Большое самолюбие раздражалось изо дня в день* (Панова)» [Авилова 1980: 616–617].

В множество «активная конструкция» входят предложения с рефлексивами, которые часто получают неоднозначную трактовку: а) с глаголами НСВ, обозначающие способность к действию, названному глагольной основой, например, *стена мажется, марается, пачкается, бумага маслится*; б) с глаголами НСВ, обозначающие свойство предмета, которое может проявляться в большей или в меньшей степени, и поэтому употребляющиеся с облигаторным оценочным компонентом; например, *Крем легко мазался и, как показалось Маргарите, тут же испарялся* (Булгаков) — в [ТФГ 1991: 167–168] и в [ТФГ 1992: 174] подобные примеры квалифицируются как пассивные конструкции; в) квазипассивные конструкции с глаголом СВ, имеющие значение результата действия, названного глагольной основой; например: *Пакет разорвался. Девушка подстриглась*.

Для объяснения используем методологический конструкт «синтаксическая деривация» и ее разновидность «диатезу». Диатеза — функционально-семантическая категория предиката, показывающая соотношение представления говорящих о роли «участников» в реальном событии с его отражением в структуре предложения, где функции «участников» указаны синтаксическими позициями, имеющими отвлеченные семантические характеристики [Лазуткина 1997]. Диатезу определяет выбор говорящим темы высказывания. Как синонимы этого термина обычно употребляют выражения «актантная деривация», «преобразования / перифразы по линии актантов».

Иногда к диатезе ошибочно относят любые конструкции с гомоморфными глаголами. Причиной этого может быть игнорирование различий в сигнификате предложений. Это дает повод в теме «диатеза» рассматривать разнообразные «смежные явления» [Крылов 2004: 259–267].

Исходная диатеза должна отвечать требованию иконичности структуры в обозначении ситуации [Givon 1979; Givon 1985], ее значение должно являться перифразой при определении значения производного предложения. Иконичной может быть конструкция и с обратным порядком слов. Такой порядок слов присущ моделям предложений с бытийным компонентом в значении предиката; предложениям, обозначающим воздействие на человека чувств, эмоций, мыслей, с актуализацией в предикате значения оценки наблюдателя или субъекта восприятия. При этом объектная словоформа в субъектной позиции вступает в предикативные отношения с остальным составом предложения, способствуя его «фразеологизации»; например: *Берлиоза охватил необоснованный страх* (Булгаков); *Все лицо и руки залепил мне снег* (Плещеев); *Восточную культуру отличает преемственность традиций*.

Роли «участников» реального события, предписанные исходной конструкцией, не могут быть изменены в производном предложении, вследствие этого, диатезой не являются конструкции, имеющие иной сигнификат. Так, не является диатезой исходной конструкции *Налить ведро водой* (объект — ведро, в глаголе сема «полноты охвата объекта действием») предложение *Налить воду в ведро* (объект — вода), а исходной конструкции *Намазать хлеб маслом* (с семой «полнота охвата объекта действием») — предложение *Намазать масло на хлеб*. Значения

предикатов свидетельствуют о принадлежности глаголов к разным синтагматическим классам.

Диатезы, показывающие изменение семантики конструкции вследствие изменения ранга субъекта, представляют направление деривации по линии «устранения лица», реального субъекта действия (как в рассматриваемых двусоставных предложениях) или «понижения роли агенса», вплоть до появления односоставных предложений с обобщенным грамматическим субъектом (лексически не выраженным); ср.: *Проливные дожди заливали поля потоками воды — Потоки воды заливали поля — Поля заливали потоки воды — Поля заливались потоками воды — Поля заливало потоками воды — Поля заливало.*

Конструкции с рефлексивами разделяем на два разряда — агентивные и пациентивные (по терминологии Ю. П. Князева [Князев 2007]).

Агентивные конструкции

А. Собственно рефлексивные конструкции.

Это предложения с событийными глаголами СВ и НСВ, неоднородные по степени активности конструкции, в которых обозначается изменение состояния определенного лица или группы лиц. В трактовке событийных глаголов мы следуем за Ф. Данешем [Daneš 1971]. В глаголе отсутствует сема преднамеренности действия и актуализируется значение оптативности, достижения результата: примеры (1) — (3).

(1) Я сдам зачет и **допущусь** к экзаменам (разг.).

Он всегда **допускается** к сессии (разг.).

(2) Команда в этом сезоне **не отобралась** на соревнования (ТВ).

(3) Если Клинтон **избирается**, у нас будут одни планы, а если Клинтон **не избирается**, у нас будет другая стратегия (ТВ).

Отсутствие в глаголе семы оптативности приближает предложение к разряду страдательных конструкций; ср.:

(4) Она [оперная дива] тогда была на гребне своей славы, но она не знала, что скоро она оттуда **уберется** (ТВ).

Б. Рефлексивно-посессивные конструкции

(5) Группа **обсудится** в следующем месяце (“обсудят работу этой группы”).

(6) Аспирант **утвердился** в январе (“аспиранту утвердили тему диссертации”).

В. Автокаузативные конструкции / общевозвратные конструкции

(7) — Ты мне сегодня больше не звони: я сейчас **прокапаюсь** и пойду на процедуры; Я **капаюсь** утром.

Здесь сильное субъектное значение, хотя отсутствует сема преднамеренности действия. Возникновению этой модели предшествовал период развития семантической структуры предложения с глаголом *капать*, приспособления этого глагола с помощью форманта *-ся* к функции предиката при субъекте, являющемся объектом действия. См. деривационные шаги в диахронии:

Капать лекарство больному / Прокапать лекарство больному ----- Капать больного (лечить больного, колоть больного) / Прокапать больного (пролечить больного, проколоть) ---- Капаться (о больном) / Прокапаться.

Предложение (7) отличается от конструкций, в которых глагол имеет сему преднамеренности действия и называется реальный производитель или место действия. Ср.: *Отец стрижется у Сергея / в салоне на соседней улице; Анна шьет у Инги / в новом ателье.*

Пациентивные конструкции

(8) *Дверь в общежитие закрывается в 23 часа.*

(9) *Детали красятся суриком.*

(10) *Чашки моются отдельно.*

Данные конструкции действительного залога обнаруживают точку зрения говорящих: они содержат сему модальности долженствования, подчеркивают обязательность осуществления действия по отношению к объекту, занимающему позицию подлежащего. Предикаты близки глаголам характеризующе-качественного значения, которые «называют действие как способность подвергаться какому-либо воздействию» [Авилова 1980: 618], но не тождественны им.

Таким образом, язык обнаруживает новые возможности образования активных конструкций. Модели предложения выступают как тесно спаянные с лексическими элементами семантико-грамматические комплексы, обусловленные спецификой эпистемического качества пропозиции.

Рассмотренные предложения показывают разную силу субъекта и неодинаковую степень активности, они находятся на периферии поля активных конструкций, некоторые сближаются по своему значению с пассивными конструкциями. Бинарная категория «субъект / объект» имеет большую палитру значений субъектности / объектности, включая формы с признаками диффузной категории «субъект-объект».

Литература

Авилова Н. С. Категория залога и разряды переходных и непереходных глаголов // Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 613–618.

Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 5. М., 1996. С. 303–323.

Ван Валин, Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982. С. 376–410.

Галанина К. Э. Трансформация концепта субъекта в философии Людвиг Витгенштейна // Вопросы философии. М., 2011. № 7. С. 138–147.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Кручинина И. Н. Формирование научного представления о грамматических свойствах слова // Русский язык в национальной школе. М., 2015. № 2. С. 3–16.

Крылов С. А. Диатеза и смежные понятия: некоторые соображения об их соотношении // Типологические обоснования в грамматике / отв. ред. Володин А. П. М., 2004. С. 259–267.

Лазуткина Е. М. Диатеза // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1997.

Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.

Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.

Фортуатов Ф. Ф. О залогах русского глагола // Известия отделения русского языка и словесности АН, т. IV, 4, 1899. С. 1153–1158.

Daneš F. Pokus o strukturní významů českého slovesá // Slovo a slovesnost. Praha, 1971, № 3.

Givon T. Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax // Iconicity in syntax. Amsterdam — Philadelphia. 1985, pp. 187–219.

Givon T. From discourse to syntax: grammar as a processing strategy // Syntax and semantics. N. Y. 1979.

Searle J. Intentionality. Cambridge University Press. 1983.

Traugott E. C., Dasher R. B. Regularity in Semantic Change. Cambridge University Press. 2005.

Elena M. Lazutkina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

lazutkelena@yandex.ru

ABOUT THE NEW MODEL THE SIMPLE VERBAL SENTENCE IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

The article describes a new model sentence with the semantics "change of state of the subject which is the object of action". The structure of this model suggests that speakers attach great importance to the dynamics of the state of the object and make it the name of the theme message (the subject), ignoring the existence of the real producer of action. The predicate is formed with the postfix *-ся* as a reflexive or autocausative.

The author uses the concept of "syntactic derivation", "diathesis" in order to explain the mechanisms of linguistic pragmatics. The article deals with agentive and patientive

constructions. The binary category of "subject / object" shows a large palette of subjective meaning / subjectivity. There is a "power of subject" operator in the language. These models are on the periphery of the field of active structures, which has the features of a fuzzy set.

The author argues that the model sentence is closely linked with lexical elements of semantic and grammatical systems, due to the specifics of the quality of epistemic proposition.

Key words: modern Russian language, language pragmatics, the semantic structure of the sentence.

References

Avilova N. S. Kategoriya zaloga i razryady perekhodnykh i neperekhodnykh glagolov. *Russkaya grammatika*. Vol. I. Moscow, 1980, pp. 613–618.

Bakhtin M. M. *Collected works*. Vol. 5. Moscow, 1996, pp. 303–323.

Van Valin, Foli U. Referentsial'no-rolevaya grammatika. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Issue XI, Moscow, 1982, pp. 376–410.

Galanina K. E. Transformatsiya kontsepta sub"ekta v filosofii Lyudviga Vitgenshteina. *Voprosy filosofii*. Moscow, 2011, no. 7, pp. 138–147.

Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive*. Moscow, 2007.

Kruchinina I. N. Formirovaniye nauchnogo predstavleniya o grammaticheskikh svoistvakh slova. *Russkii yazyk v natsional'noi shkole*, Moscow, 2015, no. 2, pp. 3–16.

Krylov S. A. Diateza i smezhnye ponyatiya: nekotorye soobrazheniya ob ikh sootnoshenii. *Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike* / Executive editor Volodin A. P. Moscow, 2004, pp. 259–267.

Lazutkina E. M. Diateza. *Russkii yazyk*. Encyclopedia. Edition 2, revised and supplemented. Moscow, 1997.

Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'. St. Petersburg, 1991.

Teoriya funktsional'noi grammatiki. Sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost'. St. Petersburg, 1992.

Fortunatov F. F. O zalogakh russkogo glagola. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN*, v. IV, no. 4, 1899, pp. 1153–1158.

Daneš F. Pokus o strukturní významú českého slovesá. *Slovo a slovesnost*. Praha, 1971, no. 3.

Givon T. Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax. *Iconicity in syntax*. Amsterdam — Philadelphia. 1985, pp. 187–219.

Givon T. From discourse to syntax: grammar as a processing strategy. *Syntax and semantics*. N. Y. 1979.

Searle J. *Intentionality*. Cambridge University Press. 1983.

Traugott E. C., Dasher R. B. *Regularity in Semantic Change*. Cambridge University Press. 2005.

И. Б. Левонтина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
irina.levontina@mail.ru

ИДУ ЭТО Я... О ДИСКУРСИВНЫХ УПОТРЕБЛЕНИЯХ ДЕЙКТИЧЕСКИХ СЛОВ*

— *Иду это я мимо и вижу: горит дача Рабиновича. Что мне, пустячок, а приятно!* [Коллекция анекдотов: евреи (1970–2000)]

Дейктические слова, исходная функция которых состоит в обеспечении референции, имеют немало нетривиальных дискурсивных значений и употреблений. Рассматривается одно из основных указательных слов русского языка — *это* — в одном из его дискурсивных употреблений (*Иду это я и вижу...*). В этом случае частица *это* располагается обычно после глагола, причем сам глагол тяготеет к началу предложения или фрагмента, а предложение почти всегда с инверсией. Оказывается, что *это*, как и некоторые другие дискурсивные частицы с исходно указательными значениями, служит для композиционной разметки текста, а именно маркирует экспозицию рассказа: сообщает адресату, что начнется описание общей ситуации, за которым последует неожиданный сюжетный поворот. Частица *это* рассматривается на фоне дискурсивных употреблений таких слов, как *вот*, *вон*, *тут*, *такой*, *себе*. Все они превращают объективный нарратив во что-то, подразумевающее личное взаимодействие говорящего и адресата, однако все они имеют важные семантические и функциональные различия.

Ключевые слова: русский язык, дискурсивные маркеры, дейксис, композиционная разметка текста, многозначность.

Как известно, дейктические слова, исходная функция которых состоит в обеспечении референции, имеют немало нетривиальных дискурсивных значений и употреблений. Замечательны в этом отношении слова *там* и *тут*, *то* и *это*, *вон*

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, Грант №16-06-00339, 2016-2018 «Контрастивное корпусное исследование дискурсивных слов русского языка».

и особенно *вот* и т. д. Стоит отметить и любопытную дискурсивную частицу *себе* (ей, а также другим производным от рефлексивных местоимениям в славянских языках посвящена подробная работа Д. Вайса [Weiss 2008]). В работах Е. Борисовой [Борисова 2008, 2014] рассматривается важная функция дискурсивных частиц — функция “управления вниманием”:

«Дискурсивные слова имеют функцию, отличающуюся от функции указательных частиц, местоимений и других средств указания на определенный объект или на отсутствие такого объекта. <...> И тут на долю частиц приходится управление вниманием, что часто выливается в маркировку известности объекта или события или, напротив, его неожиданности в данном контексте, важности для говорящего. В каких-то ситуациях такая неожиданность (или, напротив, заведомая известность) могут влиять на действия слушающего, ищущего референт для имени или местоимения».

Представляется вполне логичным, что функцию управления вниманием часто принимают на себя именно слова с исходно дейктическим значением. Так, в упомянутых работах Борисовой эта функция иллюстрируется, в частности, дискурсивными употреблениями указательной частицы *вот*:

«Правда, мы *вот* и конференцию по этико-правовым аспектам сейчас проводим, и вообще учим, чтобы поосторожнее <...> Очевидно, что <...> вхождение частицы ничем иным, кроме желания показать, что автор помнит об известности для читателей новости о проведении конференции, объяснить нельзя.

<...> Еще более распространенным оказывается употребление *вот* в тех случаях, когда предикат сообщает об уже актуализованном в тексте действии: <...> *И когда мы вот снимали, поняли...* (Этот фрагмент реплики был зафиксирован в ходе рассказа о съемках роликах. К этому месту беседы то, что ролик снимался, уже было известно, несколько раз упомянуто)». [Борисова 2014]

При этом интересно, что все дейктические слова в качестве дискурсивных маркеров ведут себя по-разному, и нередко можно усмотреть связь между “указательными” употреблениями и дискурсивными.

Например, слова *вот* и *вон* в качестве указательных слов различаются тем, что *вот*, в отличие от *вон*, подразумевает “ближний дейксис”. Именно с этим связана невозможность употребления в идентифицирующих высказываниях *вон* вместо *вот*: *Ученье — вот чума, ученость — вот причина* при невозможности **Ученье — вон чума, ученость — вон причина*. См. Об этом [Апресян 1992, т 2: 615; Николаева 2000: 325; Санников 2008: 100].

След этого различия, пусть и очень легкий, сохраняется и в таких дискурсивных употреблениях, где *вот* и *вон* кажутся вполне взаимозаменяемыми. Так, если обсуждается, что некто выполнил чью-то просьбу, а говорящий как-то это оценивает: например, считает, что тот зря это сделал, или, напротив, хвалит его за готовность помочь, то вполне уместны будут фразы, содержащие ссылку на то, что другой человек не стал этого делать:

Петя вот отказался;

Петя вон отказался.

Однако, как кажется, эти фразы не вполне равнозначны. Фраза с *вот* в большей степени предполагает новый поворот разговора, помещение Пети в фокус внимания и приглашение к обсуждению Петингого отказа (очевидно, что это след основного значения *вот*, в котором оно обозначает ближний дейксис). Фраза же с *вон* скорее подразумевает, что тема разговора не меняется, а Петя упомянут только для сравнения, чтобы привести аргумент. Например, чтобы опровергнуть тезис, что отказаться было невозможно.

По этой причине в аналогичном контексте вполне естественна фраза:

Ты вот мог бы отказаться?

Однако замена *вот* на *вон* здесь едва ли возможна:

^{??}*Ты вон мог бы отказаться?*

Говорящий задает адресату прямой вопрос, касающийся лично адресата, тем самым помещая последнего в фокус внимания, и странно при этом было бы одновременно использовать частицу, которая выводит предмет речи за пределы пространства, которое мыслится как непосредственно примыкающее к говорящему¹ [ср. указаную работу Ю. Д. Апресяна].

Здесь будет рассмотрено одно из основных указательных слов русского языка — *это* [о различных употреблениях *это* см. Падучева 1985, 1982]. Среди разнообразных значений слова *это* есть чрезвычайно интересное значение, представленное в следующих примерах:

Иду это я третьего числа с женой Анфисой тихо, благородно, смотрю — стоит на берегу куча разного народа людей. [А. П. Чехов. Унтер Пришибеев (1885–1886)]

Сижу это в кабаке... подходит гарсон... говорит: «Вы вот, Есенин, здесь кушать изволите, а мы, гвардейские офицеры, с салфеткой под мышкой...» [Анатоллий Мариенгоф. Роман без вранья (1927)]

Сидит это он как-то летом один, скворца хромого пьяным хлебом кормит, — оммакнет в рюмку, да птичке и поднесет. [Саша Черный. Солдатские сказки/Штабс-капитанская сладь (1931)]

Это в подобных контекстах — дискурсивная частица, энклитика. Она располагается обычно после глагола, причем сам глагол тяготеет к началу предложения или фрагмента, а предложение почти всегда с инверсией.

Однако это не обязательно: вполне возможны, хоть и менее частотны, фразы с другим расположением *это*, впрочем, тяготение к началу все же обычно сохраняется:

Я это сижу вчера утром под окном, смотрю... да еще, грешная, и говорю папе: «Что бы Саньке к генералу сходить?» [И. В. Омулевский. Шаг за шагом (1870)]

¹ Ср. следующий пример, в котором *вон* использовано по отношению к самому говорящему, за счет чего достигается эффект смещения эмпатии (человек смотрит на себя со стороны, беря за точку отсчета начало очереди, цель): — *А вы займите две очереди. Тут приезжие по три занимают. — По три? — Ага. — Так это целый день стоять! — Да что вы. Тут быстро отпускают. — Чего-то не верится. Мы вон с места не сдвинулись... — Это там подошли, которые отходили. Там много. — Отойдут, а потом подваливают...* (В. Сорокин, Очередь)

— *Стою я это, и вижу вдруг, что будто передо мною каторга, и ведут будто меня, сударь, сечь, и кнут будто тот самый, которым я стегал этих лошадей — чтоб им пусто было!* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856–1857)]

Сижу я это да поглядываю на своего соседа, а у того на лице те же чувства написаны. [А. Ф. Кошко. Очерки уголовного мира царской России. 1 (1926)]

Сижу я это дома, родимые, и уж так под грудями щемит, так щемит — места не найду. [Федор Абрамов. Братья и сестры (1958)]

Как кажется, в некоторых случаях тот или иной порядок слов семантически мотивирован; ср.

Ел бы, пил бы там со своими срамницами, а то еще их дразнить меня посылает. Я это сижусь с детьми голодная, а они мне, вот через эту перегородку, колбасы да шампанское кажут... [М. Ф. Каменская. Знакомые. Воспоминания былого (1861)]

Поскольку здесь существенно противопоставление я — они, здесь было бы странно *сижу я это* или *сижу это я*. Вообще здесь, по-видимому, представлено скорее другое значение частицы *это*, которое Е. В. Падучева называет выделительным [Падучева 1982].

Чаще всего с *это* в рассматриваемом значении сочетаются глаголы *идти, ехать, сидеть, лежать, прийти, приехать* и подобные. Другие глаголы встречаются довольно редко:

Стал это он меня благословлять и крестить, а я ему руки целую и тоже слезинку из глаз выжать стараюсь. [С. В. Ковалевская. Нигилистка (1884)]

Иду потихоньку, смотрю это, а они сидят на лавочке и друг дружку (изображает звук поцелуя) целуют. [А. П. Чехов. На большой дороге (1885)]

С точки зрения сочетаемости с этими глаголами *это* похоже на другую частицу с исходно дейктическим значением — *себе*.

«Was für Prädikatsklassen kommen bei der Partikel-Funktion in Frage, welche semantischen Restriktionen lassen sich feststellen? Klassische Kontexte für *sebe* liefern zweifellos intransitive Verben wie *žit', 'spat', rabotat'*, ebenso Bewegungsverben wie *idti, chodit', echat', ezdit', katat'sja* und die Positionsverben *sidet', ležat', stojat'* und *vi-set'* [Weiss 2008]».

Интересно, что в других отношениях между *это* и *себе* есть существенные различия. Так, *это* обычно фигурирует в рассказе о людях, что для *себе* совершенно не обязательно; ср. *А документы лежат себе*.

Часто указанное значение *это* реализуется в контексте настоящего изобразительного:

Стою это я во время первого действия за кулисами, гляжу, а он идет из партера на сцену. [А. П. Чехов. Антрепренер под диваном (1885–1886)]

Однако и это не обязательно; ср. следующие (правда, для современного языка нетипичные) примеры с *это*, где представлено прошедшее время:

Вот что, служивый: когда в позапрошлом году у нас две коровы сдохли, приехал это к нам скотский доктор — и давай живых коров приканчивать... [Е. Н. Чириков. Мужики. Картины деревенской жизни. Пьеса в четырех действиях (1906)]

Зашёл это в трактир, говорю: вот, лежат там мертвяки, а меня, р-раз — и к начальству, Кривососов там какой-то. [И. Л. Солоневич. Две силы (1953)]

В большинстве случаев, как видно из приведенных примеров, речь во фразах с *это* идет о единичной ситуации. Хотя и это не всегда так; ср.:

Бывало, господи прости меня грешного, стою это в церкви, а от гнева сердце трясется. [А. П. Чехов. Убийство (1895)]

Обычно *это* фигурирует в начале рассказа или фрагмента. Такая особенность вместе с другими свойствами *это* — нарративностью, изобразительностью (отсюда сочетание с настоящим изобразительным) — обусловлена дискурсивной функцией этой частицы. *Это* маркирует либо **экспозицию** рассказа, либо в середине рассказа предупреждает, что сейчас будет сюжетный поворот — поэтому сразу после с фразы с *это* часто следует фраза со словами *вдруг, и тут, и вижу, гляжу*).

Штирлиц зашел в рейхсканцелярию и увидел, что вся верхушка вермахта ржет. — Что случилось? — Да Борман анекдот услышал. — Смешной? — Не знаем. — А что же тогда ржете? — Да он его начинает со слов: «Захожу это я в парикмахерскую...» [Коллекция анекдотов: Штирлиц (1973–2000)]

Всегда, если он что-то рассказывал, он начинал: «Как-то раз еду это я...» [Георгий Владимов. Большая руда (1961)]

Иду это я в новом платье-реформ по улице, *вдруг* какая-то барыня хватает меня, тащит в полицию, меня арестовывают, производят обыск... [В. Д. Бонч-Бруевич. Знамение времени — убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса (Впечатления Киевского процесса) (1921)]

— *Иду это я* по нашей дороге вдоль леса. Размышляю о жизни и смерти. Настроение самое философское. <...> *Вдруг* слышу голос с неба: «Ва-си-илий Иванович! Ва-си-илий Ива-анович!..» [Анатолий Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги (1956–1960)]

Стою это я в Ефремовском логу и сено покашиваю. И так-то мне ветерок дует хорошо. <...> И слышу, кто-то запосвистывал. Ровно песню коротенькую насвистывает [Юрий Куранов. Дни сентября (1965–1969)]

— *Иду это я* в прошлом году в Москве по Кузнецкому с Колькой и встречаю Пашку и Мамонта. Идемте, говорят, выпить с нами в Трехгорном. [Леонид Утесов. «Спасибо, сердце!» (1982)]

Как-то ночью о Первом мае приснился мне сон — ужаси что за сон. Стою это я у Дуниной ямы, а в яме-то кто? Наш Федор. Ребенок. Барахтается, из последних сил выбивается, к берегу хочет попасть [Федор Абрамов. Дом (1973–1978)]

[*Это* здесь обозначает переход к началу пересказа сна].

Ну, они меня как-вроде послушались, стали мы все на колени и начали «Отче наш» читать. *Стою это я* на коленках, обернулся назад, смотрю, мама моя стоит, а до этого ее тут не было. [Р. Б. Гуль. Конь рыжий (1952)]

Последний пример интересен тем, что *это* здесь расположено не в начале рассказа, однако при помощи этой частицы предшествующая часть представляется как предыстория, как бы пролог, с *это* же начинается экспозиция к собственно истории. При этом далее происходит необычное событие.

Ср. также следующий пример, в котором очень ясно видно использование *это* для композиционной разметки текста:

Новый шарф мой — источник радостей. Стою это я, свесив голову на грудь, трусь об эту пушистость подбородком. «Юлий, что с вами?» — «Понимаете, — говорю, — либо я чокнулся, либо от него духами пахнет...» [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)]

Первая фраза содержит своего рода общий тезис, и дальнейший рассказ его иллюстрирует. В начале истории возникает *это*, помечающее экспозицию рассказа, за которой следует интригующий поворот сюжета.

Очень существенно, что в случае плавного течения событий, без внезапного происшествия или необычного сюжетного поворота, использование *это* затруднено. Странно:

*Иду это я, погода хорошая, так незаметно до самого дома и дошел;
Стою это я, и так ни одна попутная машина и не остановилась².*

Можно усмотреть здесь некоторую аналогию с возникновением семантического наращения, связанного с идеей неожиданности, в другом слове дейктической семантики — *тут*. Как отмечается в работе [В. Апресян 2014]: «Прагматически в таксисном значении *тут* является маркером поворота событий, вводящим указание на событие, которое является новым и неожиданным как для адресата, так и для субъекта ситуации». Как показано в этой работе, используемая для указания на то, что второе событие непосредственно следует за первым единица *и тут* «вводит элемент некоторой неожиданности второго события; поэтому эта единица невозможна при описании событий, естественно вытекающих из предшествующих им; в этом смысле единица *и тут* противопоставлена одиночному союзу *и*, который одинаково свободно употребляется в описаниях естественного и неестественного хода событий:

- “(7а) Он включил компьютер, и на экране появилось изображение
(7б) ?Он включил компьютер, и **тут** на экране появилось изображение
(7в) Он включил компьютер, и произошло короткое замыкание
(7г) Он включил компьютер, и **тут** произошло короткое замыкание <...>

Ср. также примеры из НКРЯ, предполагающие неожиданность, неестественное развитие событий, резкую «смену декораций»: *Мои глаза закрылись, и тут зазвенел мобильный* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки. (2004)); *Предмет объявили, деньги с родителей получили, и тут выяснилось, что педагог, под которого и было затеяно это мероприятие, нашел работу в более перспективном месте* (А. Берсенева). *Полет над разлукой* (2003–2005)). Высказывания с *и тут*, подобно фразам с противительными и уступительными союзами типа *а, но, хотя*, имплицитно нарушают естественный ход вещей, который в данном случае нарушается».

Можно, кстати, заметить, что хотя указанное значение слово *тут* действительно чаще выражает в сочетании *и тут*, однако это не обязательно:

² Интересно, что в первой из этих фраз вполне возможно *себе*, а во второй нет — потому что человек стоит не «себе», а ловит машину, то есть пытается взаимодействовать с другими людьми.

На даче действительно состоялся обед в узком кругу, все трое изрядно напились. **Тут входит** Расул Гамзатов, поэт, депутат и тоже, как и Катаев, руководитель [Вениамин Смехов. Театр моей памяти (2001)]

В фонтане уже неглубоко, и я почти готов ухватить что-нибудь со дна, но **тут появляется** пенсионер в черном пальто — такие сидят на бульварах. [Андрей Макаревич. «Сам овца». Автобиографическая проза (2000–2001)]

— А ты пиши, Сонь: адмирала Чельшиева тоже пригласить на сбор отряда. Словечко это «тоже» показалось Маше обидным. **Тут открылась дверь**, пришли дежурные с тряпкой и щеткой, и заседание решили считать закрытым. [Людмила Улицкая. Дар нерукотворный (1998)]

При этом две рассмотренные единицы — *это* и *тут* — маркируют разные части повествования. Если *тут* вводит саму ту часть, в которой происходит сюжетный поворот, то *это* предваряет экспозицию рассказа, как раз указывая на то, что пока ничего интересного не описывается, а вот сюжетный поворот предстоит дальше. Поэтому эти две единицы очень естественно сочетать в одном рассказе: *Сижку я это дома, смотрю телевизор. (И) тут кто-то начинает ломиться в дверь.*

Интересно, что слово *тут* в другом своем значении имеет еще одно общее свойство с частицей *это*. В той же работе [В. Апресян 2014] рассматривается *тут*² — «*тут* в значении близости к моменту речи <...>

(21а) *Я тут гуляю с собакой* [A1] [в момент речи]

(21б) *Я тут гуляла с собакой* [A1] [незадолго до момента речи]

(21в) *Я тут буду гулять с собакой* [A1] [вскоре после момента речи] ---

*Тут*² — клитика, которая занимает в предложении ваккернагелевскую позицию, и не может нести на себе акцентного выделения; ср. неправильность:

(26) **Я тут была в Лондоне*

Если фраза позволяет акцентное выделение *тут* в ваккернагелевской позиции, значит, *тут* реализуется в другом значении:

(27) *Я тут работаю* [локативное значение *тут*]

Эта особенность *тут*² связана с особым статусом этой единицы: мы предполагаем, что она находится на пути к грамматикализации в качестве особого показателя актуальности ситуации и ее близости к моменту речи.

<...> По-видимому, *тут*² имеет синтетическое значение **актуальности**, в котором объединены разные идеи: **период времени** и **пространство**, в котором говорящий себя мыслит, а также **ситуация**, участником или непосредственным наблюдателем которой он является. Кроме того, <...> *тут*² часто предполагает, что за ситуацией A1, о которой сообщает говорящий, следует какая-то другая ситуация A2, обычно вытекающая из той, которая имеет место: *Я тут летом собираюсь в поход* [A1], *и у всех спрашиваю, нет ли палатки* [A2]. Этим *тут*² также отличается от чисто временного *сейчас*.

<...>

В этом смысле *и тут* и *тут*² сближаются: обе единицы предполагают некий репортаж, некую **эвиденциальность** — в противоположность объективному нарративу. Говорящий сообщает о том, к чему он имеет прямой непосредственный

доступ — при этом *тут*² предполагает, что ситуация разворачивается в момент речи или в такой момент времени до или после момента речи, когда она еще сохраняет актуальность для настоящего и ее связь с настоящим не утрачена, а *и тут* обычно сообщает о событиях в прошлом и никакой связи с настоящим не предполагает».

Итак, как можно заметить, и *это*, и *тут* (в обоих рассмотренных выше значениях) как-то видоизменяют нейтральный «объективный нарратив», актуализуют его. Однако это актуализация разного рода. Если *тут*, как показано в цитированной работе, связывает описываемые события с местом и временем говорящего, то *это* скорее как бы переносит слушающего в место и время повествования.

Сравним две фразы:

Иду я тут по нашей улице и вижу...

Иду это я по нашей улице и вижу...

Прагматически они довольно похожи. В обоих случаях дискурсивное слово вызывает своего рода эффект приближения нарратива к слушателю, который, впрочем, и так был бы во фразе благодаря форме настоящего времени и инверсии:

Иду я по нашей улице и вижу...

Кроме того, оба слова намекают на последующее развитие событий (правда, *это* в большей степени указывает на предстоящий сюжетный поворот).

Та же ситуация сохранится, если вставить во фразу, например, слово *вчера*:

Иду я тут вчера по нашей улице и вижу...

Иду это я вчера по нашей улице и вижу...

Иду я вчера по нашей улице и вижу...

Однако если вставить не *вчера*, а, например, *лет 5 назад*, то фраза с *тут* станет очень сомнительной:

??Иду я тут лет 5 назад по нашей улице и вижу...

Иду это я лет 5 назад по нашей улице и вижу...

Иду я лет 5 назад по нашей улице и вижу...

Это, в гораздо большей степени, чем *тут*, подразумевает ситуацию, когда описываемое действие, наблюдаемо. Так, хорошо:

Я тут дописываю одну статью...

но неудачно:

**Я это дописываю одну статью...*

однако гораздо лучше:

Сижу я это, одну статью дописываю...

Точно так же нельзя заменить *тут* на *это* в следующих фразах:

*Я тут (*это) подумываю сменить работу...*

*Я тут (*это) стал замечать, что очень быстро устаю...*

Необходимо упомянуть здесь еще одно дискурсивное слово, также развившееся из указательного. Речь идет о дискурсивном использовании местоимения *такой*, которое за последние десятилетия стало весьма популярным в разговорной речи. В работе [Савчук 2011] такой рассматривается как маркер чужой речи, выступающий в роли речевого предиката: *А она такая: как тебя зовут, а я такая: а тебе*

зачем? Однако, как отмечалось в работе [Левонтина 2010], функция местоимения *такой* в этом случае гораздо шире. Оно не обязательно замещает глагол речи и вообще может быть не связано с ситуацией говорения; ср.: *А я такая сижу, книжку читаю; А он такой заходит и идет прямо ко мне; А мы такие зажигаем*. Главное в *такой* — это изобразительность, идея “представления в лицах”. В отличие от фраз типа *Сижу я это, пью кофе*, которые предваряют рассказ об интересном событии, во фразах типа *А я такая сижу, кофе пью* — наоборот, вводится указание на само интересное с точки зрения говорящего событие (точнее, не событие, а необычное поведение, необычную реакцию человека, а чаще всего — его интересную реплику), которое он предлагает слушающему представить себе в лицах. Причем местоимение *такой* маркирует участника, на котором в данный момент находится фокус внимания. Говорящий как бы заставляет слушающего мысленно перемещать взгляд с одного героя повествования на другого: *А я такая... А он мне такой...* Если все время рассказывается об одном и том же человеке, то слово *такой* обычно не повторяется.

Итак, как можно заметить, все упомянутые дискурсивные маркеры, кроме *себе*, служат для композиционной разметки текста и призваны помочь адресату сориентироваться в нем: пока это экспозиция, представь себе обстановку, а скоро будет интересный сюжет — внимание, поворот сюжета прямо сейчас — здесь надо представить себе в лицах, как это было, — вот сейчас мысленно смотри на этого человека — теперь смотри на того и т. д.

И вполне естественно, что совсем иначе функционирует частица *себе* — слово с исходно рефлексивным значением: *себе* не смещает фокус внимания, ни о чем не предупреждает и не сулит никаких интересных поворотов сюжета. При этом такие повороты в рассказе могут быть — но их может и не быть:

Лежала себе книга 20 лет и вдруг всем понадобилась.

Лежала себе книга 20 лет и еще столько же пролежит, никто про нее и не вспомнит.

Себе может находиться и в конце рассказа, но тоже никак его не маркирует:

С тех пор книга так и лежит себе, и никто о ней ни разу не спросил.

Слушатель не получает никакого намека, конец ли это истории. Дальше вполне может следовать:

А вчера вдруг сразу два человека ею интересовались.

Как мы видим, частица *себе* реализует совсем другую нарративную стратегию, чем бывшие указательные слова, — почти противоположную. Однако парадоксальным образом прагматический эффект ее использования может быть сходным: как и *вот, это, такой, тут* частица *себе* тоже превращает объективный нарратив во что-то, подразумевающее личное взаимодействие говорящего и адресата.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т 2. М., 1995.

Апресян В. Ю. Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов. // Русский язык в научном освещении. 2014. № 27. С. 9–41.

Борисова Е. Г. Управление вниманием говорящего при помощи частиц // Труды Международного семинара «Диалог-98» по компьютерной лингвистике и ее приложениям, Казань, 1998 г. С. 84–88.

Борисова Е. Г. Дискурсивные слова и референция в процессе понимания сообщения/ Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М., 2014

<http://new.dialog-21.ru/digests/dialog2014/materials/pdf/BorisovaEG.pdf>

Левонтина И. Б. Пересказываемость в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010). Вып. 9 (16). М., Изд-во РГГУ, 2010. <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/44.htm>

Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000.

Падучева Е. В. Значение и синтаксические функции слова *это*. Проблемы структурной лингвистики 1980 М., 1982.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительность. М.: Наука, 1985.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., “Языки славянских культур”, 2008.

Савчук С. О. Местоимение такой в функции маркера чужой речи в устном высказывании // “Вопросы культуры речи”, вып. 10, 2011. С. 36–43.

Weiss, D. Živi sebe normal'nenko! Zur Lexikalisierung von russ. sebe als Partikel. Schweizerische Beiträge zum XIV. Internationalen Slavistenkongress in Ohrid, September, 2008, pp. 327–344. <http://www.zora.uzh.ch>

Irina Levontina

Vinogradov Russian Language Institute (RAS)

(Russia, Moscow)

irina.levontina@mail.ru

IDU ETO YA... ON SOME DISCOURSE FUNCTIONS OF THE DEMONSTRATIVE WORDS

Deictic words, the original function of which is to ensure the reference, have a lot of non-trivial discourse meanings and usages. The paper is devoted to one of main demonstratives of the Russian language — *eto* (this), in one of its discourse types of use (*Иду это я и вижу...*). In this case, the particle *eto* is usually placed after the verb, and the verb tends to occupy the initial position in a sentence or a fragment, and the sentence almost always is with inversion. Most often, *eto* is combined with such verbs as *идти, ехать, сидеть, лежать, прийти, приехать* (to go, to go, to sit, to lie down, to come) in the present tense. Other verbs are rare. It turns out that, like some other discourse particles with originally demonstrative meanings, *Eto* is used for the purpose of textual layout,

namely, it marks the exposition of the story. It tells the recipient, that he or she is going to hear a description of the background, followed by an unexpected plot twist. The example that follows shows very clearly the use of the particle *eto* for the compositional layout of a text:

Новый шарф мой — источник радостей. Стою это я, свесив голову на грудь, трусь об эту пушистость подбородком. «Юлий, что с вами?» — «Понимаете, — говорю, — либо я чокнулся, либо от него духами пахнет...» [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)] 'My new scarf is a source of happiness. Look, I stand around hanging my head on my chest, rubbing my chin on its fluffiness. "Yuli, what is with you?" — "You see, — I say, — either I went crazy, or it smells of perfume ..." [Yuli Daniel. Letters from jail (1966–1970)]

The first sentence contains a kind of general thesis, which the further story is supposed to illustrate. At the beginning of the story, the particle *eto* appears, marking the exposition of the story, followed by an intriguing plot twist.

The particle *eto* is considered in the paper against the background of the discourse usages of such words as *вот, вон, тут, такой, себе* (here, there, here, like this, yourself). All of them convert an objective narrative into something that involves the personal interaction of the speaker and the addressee, but they all have important semantic and functional differences.

Key words: the Russian language, discourse markers, particles, deixis, compositional layout of a text, polysemy.

References

- Apresjan Ju. D. *Izbrannye trudy*. T 2. Moscow, 1995.
- Apresjan V. Ju. Tut, zdes' i sejchas. O vremennyh znachenijah prostranstvennyh dejk-ticheskih slov. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. 2014. № 27, pp. 9–41.
- Borisova E. G. Upravlenie vnimaniem govornjashhego pri pomoshhi chastic. *Trudy Mezhdunarodnogo seminaru «Dialog-98» po komp'juternoj lingvistike i ee prilozhenijam*, Kazan', 1998 g, pp. 84–88.
- Borisova E. G. Diskursivnye slova i referencija v processe ponimanija soobshhenija. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»*. Moscow, 2014.
<http://new.dialog-21.ru/digests/dialog2014/materials/pdf/BorisovaEG.pdf>
- Levontina I. B. Peresказыvatel'nost' v russkom jazyke. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* (Bekasovo, 26–30 maja 2010). Vyp. 9 (16). Moscow, Izd-vo RGGU, 2010.
<http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/44.htm>
- Nikolaeva T. M. *Ot zvuka k tekstu*. Moscow, 2000.
- Paducheva E. V. Znachenie i sintaksicheskie funkcii slova *jeto*. *Problemy strukturnoj lingvistiki 1980*. Moscow, 1982.
- Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nostju*. Moscow, 1985.

Sannikov V.Z. *Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticeskom prostranstve*. Moscow, 2008.

Savchuk S.O. Mestoimenie takoj v funkcii markera chuzhoj rechi v ustnom vyskazyvanii // "Voprosy kul'tury rechi", vyp. 10, 2011, pp. 36–43.

Weiss, D. Živi sebe normal'nenko! Zur Lexikalisierung von russ. sebe als Partikel. *Schweizerische Beiträge zum XIV. Internationalen Slavistenkongress in Ohrid*, September 2008, pp. 327–344. <http://www.zora.uzh.ch>

А. Б. Летучий

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
(Россия, Москва)
alexander.letuchiy@gmail.com

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ*

В статье исследуются модели управления сентенциальными актантами в русском языке. Если типы управления именными группами, а также его вариативность, на сегодняшний день исследованы очень хорошо, то с сентенциальными актантами дело обстоит хуже.

В нашей статье мы ставим две цели. Во-первых, для нас важно обратить внимание на модели управления, которые ранее не были описаны или привлекали недостаточно внимания. Во-вторых, как будет показано ниже, периферийные модели управления и типы вариативности позволяют уточнить общую информацию о семантике стратегий подчинения (инфинитива, клаузы с союзом *что* или с союзом *чтобы*), временной локализации подчинённого события и поведении лексических классов глаголов.

В частности, оказывается, что некоторые глаголы (например, *добиваться* или *следить*), при которых подчинённая клауза выражает ирреальное значение, допускают *чтобы*, но плохо сочетаются с инфинитивом даже при совпадении актантов. Имеются и более серьёзные отклонения от стандартных моделей управления — например, глагол *начать / начинать* и некоторые другие имеют модель управления, которую мы называем «синтаксическое дублирование»: форма глагола в главном предложении повторяется в придаточном (ср. *Начни с того, что позвони маме*).

Ключевые слова: сложное предложение, зависимая клауза, финитность, синтаксическое дублирование, временная локализация, инфинитив, ирреальность.

0. Введение

Наша статья посвящена стратегиям управления сентенциальными актантами в русском языке. В центре рассмотрения находятся нестандартные модели: мы

* В статье представлены результаты исследования, проведённого на средства гранта РФФИ 14-04-00264 «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики».

покажем, что внимание к периферийным синтаксическим стратегиям может пролить свет на функции глагольных форм в подчинённых предложениях и комбинаторику тех или иных стратегий.

На сегодняшний день модели управления русских глаголов с сентенциальными актантами в целом исследованы хорошо. Однако гораздо хуже обстоит дело с глаголами, вводящими сентенциальный актант. Если инвентарь основных показателей синтаксической связи известен (среди них, например, инфинитив подчинённого глагола, союзы *что*, *чтобы* и другие), то исчисление возможных для русского языка комбинаций этих моделей не проведено. Излишне говорить, что без описания вариативности и возможности замены одного типа управления на другой описание будет неполным: в частности, большой вклад в теорию именного управления вносят исследования таких типов вариативности, как ACC — GEN, ACC — INS, NOM — GEN и другие.

Наша статья призвана хотя бы отчасти заполнить эту лауну. Мы рассмотрим, прежде всего, случаи, когда один и тот же матричный предикат способен управлять разными типами СА и выясним, чем может регулироваться распределение вариантов.

Статья построена следующим образом. В главе 1 кратко вводятся и описываются стандартные и известные из предыдущих работ модели управления. Глава 2 посвящена нестандартным случаям вариативности стратегий и запретам на стандартную вариативность. В главе 3 мы обсуждаем то, как наблюдаемые ограничения могут помочь в описании грамматической семантики инфинитивной модели управления и модели с союзом *чтобы*. Цель главы 4 состоит в том, чтобы описать ранее малоисследованную группу явлений — случаи влияния грамматических характеристик главной клаузы на характеристики подчинённой: здесь вводится понятие синтаксического дублирования, обсуждаются его типы и аналоги. Наконец, в конце работы мы подводим итоги и говорим о возможных выводах.

В центре рассмотрения находятся три модели: с зависимым инфинитивом, с союзами *что* и *чтобы*. Однако при необходимости будут упоминаться и другие.

1. Стандартные модели управления

В данном разделе мы постараемся кратко упомянуть основные стратегии управления сентенциальными актантами в русском языке. При этом нужно сразу сказать, что мы исключаем из рассмотрения два типа конструкций. Во-первых, ниже практически не обсуждаются конструкции с местоимением *то* типа *Я знаю о том, что меня обманули*. Они исключены из рассмотрения не потому, что неинтересны, а напротив, в силу своей сложной природы: их свойства, промежуточные между именными и клаузальными зависимыми, требуют особого рассмотрения.¹

¹ См. [Князев 2009] с подробным анализом свойств конструкций с *то*, а также Летучий 2012, где показано, что свойства данных конструкций ближе к свойствам именных групп, чем у зависимых клауз с союзом *что* или инфинитивом.

Во-вторых, за рамками описания остаются конструкции с отглагольными существительными (номинализации) типа *Бабушка не была рада нашему приходу*. Хотя типологически номинализации нередко близки по свойствам к клаузам, в русском языке они скорее сближаются с именными группами.²

1.1. Глаголы, управляющие *что*

Союз *что* вводит при широком наборе предикатов сентенциальные актанты с истинностным значением (для говорящего и для Экспериенцера / Субъекта речи / Субъекта ментального состояния в главном предложении существенна истинность ситуации или степень вероятности её возникновения).

Фактивные

Глаголы эмоций:

- (1) *Меня расстроило, что мы не встретились.*

Глаголы знания:

- (2) *Я понял, что мы ничего не добьёмся.*

Нефактивные

Глаголы мнения:

- (3) *Ты думаешь, что он придёт?*

Глаголы речи:

- (4) *Петя сказал, что ему надо уходить.*

Существенно, что контексты с союзом *что*, как правило, отвечают одному из двух условий:

(i) главный предикат является фактивным (*Я знаю, что ты приедешь; Меня обрадовало, что декан меня похвалил*)

или

(ii) главный предикат не выражает отношения Экспериенцера ко вложенной ситуации (*Я думаю, что мы опоздаем*).

Если же главный предикат не отвечает ни одному из данных условий, союз *чтобы* обычно не используется:

- (5) *Я хочу, чтобы / *что приехал мой брат.*

Действие указанных двух условий видно на примере глагола *привыкнуть*. Как отмечено в [Dobrushina 2012], этот предикат способен управлять и союзом *что*, и союзом *чтобы*. Однако если в первом случае глагол не выражает отношения

² Впрочем, некоторые свойства роднят номинализации с сентенциальными актантами: к примеру, номинализации способны быть антецедентами местоимения *это* и управлять наречиями (*Получение посылки завтра утром*).

Экспериментера к ситуации, то во втором предполагает положительную оценку. Именно поэтому в примере (7), где вложенная ситуация явно оценивается отрицательно, союз *чтобы* сомнителен:

(6) *Я привык, что меня уважают / чтобы меня уважали.* (положительная оценка)

(7) *Я привык, что со мной обходятся плохо / ??чтобы со мной обходились плохо.*

Как правило, актантные клаузы с *что* содержат время с относительной интерпретацией. Это означает, что временная форма подчинённого глагола выражает локализацию ситуации относительно ситуации в главном предложении. Например, в (8) форма настоящего времени *болеет* обозначает одновременность (в широком смысле) ситуации 'болеет' главной ситуации 'я знал'.

Относительное время:

(8) *Я знал, что он болеет.*

Тем не менее, встречаются и исключения (см. [Barentsen 1993], [Schlenker 2003], [Khomitsevich 2007]). Время в актантных клаузах с *что* может быть и абсолютным (выражать локализацию действия относительно момента речи или точки отсчёта). Именно так обстоит дело в примере (6).

Абсолютное время:

(9) *Я знал, что он болел.*

При глаголе *случаться* допустима только абсолютная интерпретация времени:

(10) *Случалось, что мы не успевали на электричку.*

1.2. Глаголы, управляющие *чтобы* («целевым» *чтобы* в терминологии Dobrushina 2012) и инфинитивом

Основным вариантом для глаголов с ирреальной семантикой является противопоставление двух стратегий: финитной клаузы с союзом *чтобы* при несовпадении актанта главной клаузы и субъекта вложенной клаузы и подчинённого инфинитива при их совпадении. Так ведут себя, например, глаголы *хотеть*, *желать*, *стремиться*, *стараться* (субъектный контроль), *заставлять*, *принуждать*, *вынуждать*, *просить* (объектный контроль), *требовать*, *велеть*, *предложить* (косвеннообъектный контроль).

(11) *Ты хочешь вернуться к Вете, но тут кто-то кладет тебе на плечо руку.* [Саха Соколов. Школа для дураков (1976)]

(12) *Он хочет, чтобы многие видели, как он может помыкать американцем.* [Александр Иличевский. Перс (2009)]

Н. Р. Добрушина [2012] противопоставляет «целевые» и «эпистемические» употребления *чтобы* (об эпистемическом *чтобы* см. ниже пункт 1.4).

Основные черты «целевого» *чтобы*, по [Dobrushina 2012], следующие:

- 1) Подчинённое событие следует во времени за основным, выраженным в главной клаузе.
- 2) Подчинённая пропозиция не имеет истинностного значения (предложение ничего не говорит о том, имела ли место подчинённая ситуация в действительности).

1.3. Глаголы, управляющие только инфинитивом: “strict control verbs” (Stiebels 2007)

Среди глаголов, управляющих инфинитивом, есть так называемые «глаголы строгого контроля» (“strict control verbs”, в терминологии [Stiebels 2007]). Это глаголы, у которых (в силу семантики ситуации) субъект главной клаузы не может не совпадать с субъектом подчинённой. К ним, в частности, относятся фазовые глаголы и некоторые модальные глаголы (например, глаголы возможности).

Фазовые глаголы:

- (13) *Начали петь птицы.*

Глаголы возможности:

- (14) *Ты можешь повредить ногу.*

1.4. «Эпистемическое» чтобы vs. что: глаголы, управляющие чтобы только при отрицании (Dobrushina 2012):

В работе [Добрушина 2012] подробно рассматривается тип употребления *чтобы*, называемый автором **эпистемическим**. Он подразумевает, что некоторые глаголы, стандартно управляющие *что*: *помнить*, *думать*, *верить* и др. — способны управлять *чтобы* при отрицании. Напротив, *сомневаться* сочетается со *чтобы* почти исключительно без отрицания. Тем самым, эпистемическое *чтобы* маркирует эпистемическую модальность, а именно, низкую вероятность события:

- (15) *Не помню, чтобы он опаздывал.*

- (16) *Сомневаюсь, чтобы Петя мог так поступить.*

Эпистемическое *чтобы* отличается по свойствам от целевого:

- 1) Имеет истинностное значение (точнее, склоняется к значению «ложно»).
- 2) Не имеет никакой заданной временной референции (правда, следование за главным событием затруднено):

- (17) *Не думаю, чтобы он (вчера / сейчас / ?завтра) здесь преподавал.*

1.5. Косвенные вопросы

Хотя косвенные вопросы, как правило, находятся на периферии исследований синтаксических актантов, в действительности они удовлетворяют критериям синтаксического актанта. Они заполняют семантическую валентность главного

предиката (например, *рассказывать* в примере (18)), а синтаксически ведут себя как ядерные актанты. Например, как показывает пример (18'), косвенные вопросы могут перемещаться в позицию подлежащего при пассивизации главного глагола:

(18) *Автор статьи рассказывает, как анализировать такие примеры.*

(18') *В статье рассказывается, как анализировать такие примеры.*

1.6. Менее употребительные показатели

К периферии показателей сентенциального актанта относятся показатели ирреальности *будто* (*бы*), *как будто*, временной *когда* со значением повторяемости (Сердобольская 2011) и условный *если* (выражающий, помимо прочего, снятую утвердительность, см. [Падучева 2005], [Letuchiy 2015]). Все эти показатели не являются специализированными маркерами сентенциального актанта.

(19) *Петя думал, будто его здесь любят.*

Как показано в [Letuchiy 2015], обстоятельственные и аргументные употребления *когда* и *если* обнаруживают ряд синтаксических различий, позволяющих отнести их к разным классам. Например, только в обстоятельственных употреблениях клаузы с *когда* и *если* могут ставиться до главной — для актантных клауз это невозможно:

(20) *Когда я приеду, обязательно поговорим.*

(21) **Когда мне грубят, меня огорчает.*

Ср. возможное:

(22) *Меня огорчает, когда мне грубят*

— с другим порядком слов.

Стоит также упомянуть показатель *как бы не*, который, согласно [Русская грамматика 1980: 473–479], [Zorikhina-Nilsson 2012] и [Добрушина 2016: 353–358], выражает апрехенсивное значение («опасение говорящего относительно реализации некоторой нежелательной ситуации», см. [Добрушина 2016: 353]). Примерами употребления данного показателя могут служить предложения типа *Я боюсь, как бы нас не обманули* (другие глаголы, сочетающиеся с апрехенсивными придаточными — *смотреть, следить, беспокоиться, опасаться* и др.). Апрехенсивные конструкции ещё будут упоминаться ниже в разделе 2.5.

Некоторые показатели с модальным значением, например, *вдруг* или *вроде* (*как*) находятся на границе между группой союзов, вводящих сентенциальный актант, и частицами. С одной стороны, они употребляются в контекстах, где зависимая клауза является актантом главного предиката — например, *Врачи сказали, он вроде как не может двигаться* или *Я боюсь, вдруг замёрзну*. С другой стороны, неочевидно, что именно показатели *вдруг* или *вроде как* вводят зависимую клаузу в примерах выше. Возможно, стоит считать, что речь идёт

о бессюжной связи, а показатели являются частицами и только выражают модальные значения (апрехенсивное в случае *вдруг* и значение неуверенности в случае *вроде как*).

1.7. Конструкции с союзом *как*

Наконец, особое место занимают конструкции с союзом *как* (*Я видел, как он выходил*). В рамках нашей статьи не представляется возможным уделить им должное место. В целом считается — и мы поддерживаем это мнение, — что союз *как* обозначает, прежде всего, непосредственное восприятие события. В парах типа *Я видел, что он вышел/ выходил* vs. *Я видел, как он выходил* вариант с союзом *что* обозначает факт ('тот факт, что он вышел'), а с союзом *как* — событие как таковое ('протекание ситуации, в которой он выходил').

2. Нестандартные случаи вариативности стратегий

В данной части мы рассмотрим случаи, когда вершинный предикат допускает вариативность синтаксических стратегий, отличную от стандартных корреляций *что* vs. *чтобы* и *чтобы* vs. инфинитив. Хотя эти случаи периферийны, они важны для понимания природы инфинитива, союза *чтобы* и их соотношения между собой.

2.1. Что / инфинитив

Глаголы *надеяться, настроиться, рассчитывать, готовиться, планировать* употребляются с инфинитивом, но никогда не используются *счтобы*:

(23) *Я вообще-то рассчитывал, что меня проводит Елена.* [Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)]

(24) *Таким образом он рассчитывает изыскать дополнительные средства на поддержку отечественного кинематографа.* [Коротко // «Эксперт», 2015]

(25) – *Я готовился, что он будет играть плотно.* [Срочно в номер! Минус Давыденко // Советский спорт, 2008.08.13]

(26) *Бизнесмен готовился совершить космический полет на МКС в качестве туриста и прошел полный цикл подготовки по программе, но полет не состоялся.* [Елена Алешкина, Сергей Полонский. Так говорил Полонский // «Русский репортер», 2013]

Хотя этот факт может быть чисто лексическим свойством отдельных лексем, мы предполагаем, что он связан с природой союза *чтобы*.

Ретроспективная vs. проспективная интерпретация

Первое наблюдение заключается в том, что некоторые из данных глаголов обозначают ситуации, которые могут по-разному быть локализованы во времени

относительно главного события (см. [Dobrushina 2012], где показано, что *чтобы* в «целевом» употреблении стандартно присоединяет только события, происходящие после главного). Поэтому употребляется *что*, а не *чтобы*. Например, глаголы *надеяться* и *рассчитывать* могут иметь ретроспективную интерпретацию:

(27) *Надеюсь, что с Петей по пути ничего не случилось.*

(28) *Надо рассчитывать, что он уже сел на поезд.*

При этом инфинитивные зависимые тоже имеют проспективную интерпретацию, но неспособны к ретроспективной. В предложениях (29) и (31) подчинённая ситуация может только следовать за главной, но не предшествовать ей (именно поэтому невозможно наречие *вчера*):

(29) *Я надеюсь завтра / *вчера не наделать ошибок в контрольной.*

(30) *Я надеюсь, что вчера не наделал ошибок в контрольной.*

(31) *Мне не хотелось шалостей, кутежей, хотелось каких-то стремлений, которым я не мог дать тогда ни имени, ни определения, но с которыми я рассчитывал непременно наткнуться в стенах университета".* [Нина Щербак. Роман с филфаком // «Звезда», 2010]

Отсутствие эмоционального компонента

В то же время глагол *планировать*, например, способен только к проспективному употреблению. Следовательно, его несовместимость со *чтобы* нуждается в ином объяснении. Мы предполагаем, что оно кроется в отсутствии эмоционального компонента. Как можно показать, рассматриваемые лексемы не обозначают субъективного (эмоционального) отношения субъекта к ситуации. Просто отсутствия истинностного значения мало для того, чтобы употреблялось сослагательное наклонение.

С другой стороны, некоторое модальный компонент (отсутствие истинного значения) глаголы типа *планировать* и *рассчитывать* всё же задают. Поэтому употребляется инфинитив.

Тем самым, употребление глаголов, при которых возможны *что* и инфинитив, даёт важную информацию о распределении форм глагола. Как выясняется, хотя и *чтобы*, и инфинитив в большей части случаев употребляются в модальных контекстах, роль этой модальности разная. Если *чтобы* требует сильного модального (конкретнее, эмоционального) компонента, субъективного отношения субъекта к ситуации то инфинитив способен описывать любые типы контекстов ирреальной модальности — даже в случаях, когда ирреальность ситуации не является ядерным компонентом семантики глагола.

Факультативность альтернативы

Отметим, что альтернатива *что* / инфинитив отличается от стандартной (*чтобы* / инфинитив) одним важным свойством: она никогда не бывает обязательной. Как известно (см. [Avrutin, Babyonyshev 1997]), стандартная альтернатива (при глаголах субъектного контроля типа *хотеть*) близка к обязательной. С одной стороны,

инфинитив не употребляется без кореферентности актантов³. С другой стороны, показатель *чтобы* крайне редко употребляется при кореферентности. Предложения типа (32) грамматичны, но не распространены:

(32) *Хочу, чтобы я ошибался.* [Анатолий Кузнецов. Бабий яр (1965–1970)]

Напротив, при глаголах типа *надеяться* вариант с *что* используется вовсе не только при несовпадении субъектов. Два варианта ниже — (33) с *что* и (34) с инфинитивом — одинаково употребительны при односубъектности:

(33) *21 января 1906 года Александр Александрович писал мне: «Надеюсь, **что успею** написать «Балаганчик», может быть, даже раньше, чем Вы пишете.* [Г. И. Чулков. Годы странствий (1930)]

(34) *Впрочем, я набросал статью о хронологии некоторых фонетических явлений древнерусского языка и надеюсь **успеть** подготовить ее для напечатания в Славии.* [Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону (1920–1938)]

По всей вероятности, широкая сфера употребления *что* связана именно с тем, что подчинённое событие при *надеяться* может быть по-разному расположено по отношению к главному. Инфинитив не способен обслужить случаи, когда подчинённое событие предшествует главному — следовательно, для них подходит только вариант с *что*:

(35) *Надеюсь, что я не сильно разочаровал вас.* [Андрей Ефремов. Любовь и доблесть Иоахима Гишбейна // «Октябрь», 2002]

Такая ситуация заставляет подозревать, что вариант с *что* постепенно распространяется, вытесняя инфинитив: изначально он был единственным вариантом для ситуаций предшествования, а затем стал захватывать и другие зоны. Анализ употребления *надеяться* с *что* и с инфинитивом действительно показывает постепенный рост процента инфинитивов (см. табл. 1).

Впрочем, ситуацию осложняет тот факт, что с начала 19 в. инфинитив постепенно начинает употребляться реже, а финитные зависимые — чаще и с другими глаголами. Ниже в табл. 2 приводятся подтверждающие это данные употребления глагола *хотеть*, в целом отвечающие той же самой тенденции.

Таблица 3 показывает частотность инфинитива, союза *что* и *чтобы* в целом по корпусу со снятой омонимией. На этом материале тенденция выдерживается не полностью: превосходство инфинитива над *что* растёт от первого ко второму и от третьего к четвёртому периоду, но падает от второго к третьему.

Ещё одно отличие *надеяться* от глаголов с *чтобы* заключается в том, что инфинитив в первом случае является редким вариантом, а во втором — наиболее

³ Другая ситуация возникает при целевом употреблении *чтобы*: вариант с *чтобы* + инфинитив способен употребляться даже в разносубъектных конструкциях. В этом случае субъект подчинённой клаузы неканонически маркируется дативом: *Я приеду пораньше, чтобы тебе не ждать меня на остановке.*

Таблица 1

Процент синтаксических актантов с союзом *что* и с инфинитивом при глаголе *надеяться* в текстах разных периодов.

<i>надеяться</i>	<i>что</i>	инфинитив
1801–1850	570 (55 %)	458 (45 %)
1851–1900	1662 (64 %)	939 (36 %)
1901–1950	1460 (64 %)	824 (36 %)
1951–2000	2248 (71 %)	922 (29 %)

Таблица 2

Процент синтаксических актантов с союзом *чтобы* и с инфинитивом при глаголе *хотеть* в текстах разных периодов.

<i>хотеть</i>	<i>чтобы</i>	инфинитив
1801–1850	290 (3,3 %)	8436 (96,7 %)
1851–1900	989 (4,5 %)	21124 (95,5 %)
1901–1950	1837 (6,2 %)	27685 (93,8 %)
1951–2000	3997 (9,8 %)	36823 (90,2 %)

Таблица 3

Процент синтаксических актантов с союзом *что* и с инфинитивом в целом по корпусу со снятой грамматической омонимией.

всего вхождений	<i>что</i>	<i>чтобы</i>	инфинитив
1801–1850	2001 (27 %)	141 (2 %)	5302 (71 %)
1851–1900	1923 (17 %)	436 (4 %)	8768 (79 %)
1901–1950	7301 (27 %)	1185 (4 %)	18240 (68 %)
1951–2000	25 383 (24 %)	4107 (4 %)	75 509 (72 %)

частотным. По всей вероятности, это также связано с семантикой глаголов: ретроспективные ситуации с *надеяться* не допускают инфинитива, а значит, его процент будет меньше.

2.2. Альтернатива *что* / *будто* (*бы*)

Наряду с альтернативой *что* / *чтобы*, существует аналогичная ей *что* / *будто* (*бы*). Она наблюдается у глаголов *значить*, *означать*:

(36) *Это значит, что конфета запрыгает по дорожке и замяукает.*

(37) *Это не значит, будто конфета запрыгает по дорожке и замяукает.*
[Юрий Дружков (Постников). Волшебная школа (1984)]

(38) **Это значит, будто конфета запрыгает по дорожке и замяукает.*

Как и *чтобы* при глаголах типа *помнить*, *будто* (*бы*) встречается в контексте отрицания и выражает малую вероятность возникновения события. Однако лексическое распределение этих показателей различается: союз *чтобы* употребляется при ментальных предикатах (*думать*, *помнить*, *сомневаться*), а союз *будто* — при предикатах, обозначающих логические отношения.

Для *чтобы*, как говорилось выше, важна субъективная оценка (например, эмоциональное отношение) субъекта ментального состояния главной ситуации. При предикатах логического отношения он вряд ли возможен. *Будто* же обозначает просто малую степень реальности / вероятность ситуации, поэтому этот показатель и сочетается с глаголами типа *значить*.

2.3. Употребление глагола с союзом *что* или *чтобы*, не распределёнными в зависимости от отрицания

При глаголе *настаивать что* или *чтобы* распределены (по крайней мере отчасти) в зависимости от (не)совпадения субъектов.

Инфинитив сомнителен, хотя встречается:

(39) *Мы собираемся покупать квартиру, и свекровь настаивает оформить на двоюродного брата моего мужа.* [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)]

Чтобы (наряду с *что*) встречается в контекстах, где субъект подчинённого предложения не кореферентен субъекту главного.

(40) *Сама я врач и настаиваю, чтобы Вы обязательно сходили к окулисту.* [У кого что болит? (2003) // «Сельская новь», 2003.09.16]

(41) *Сама я врач и настаиваю, что Вы обязательно должны сходить к окулисту.*

(42) **/?? Я врач и настаиваю, чтобы я Вас осмотрела.*

(43) **Я настаиваю Вас осмотреть.*

При кореферентности субъектов употребляется только союз *что*:

(44) *В своих публикациях (1974–1977 годов) он настаивал, что развивает взгляды Бернета и не выходит за рамки дарвинизма <...>* [Юрий Чайковский. Юбилей Ламарка — Дарвина и революция в иммунологии // «Наука и жизнь», 2009]

Вероятно, значение модели с *что* отличается от значения модели с *чтобы*. *Чтобы* вводит вербальную каузацию, а *что* — сообщение информации. При сообщении информации *чтобы* не употребляется.

Отметим, что некоторые другие глаголы речи: *сказать, крикнуть* — также употребляются и со *что*, и со *чтобы* (см. [Dobrushina 2012]). При этом соотношение похоже на наблюдаемое при *настаивать*: *что* вводит сообщение, а *чтобы* — каузацию.

Что: сообщение информации:

(45) *Петя сказал, что уезжает.*

Чтобы: каузация:

(46) *Петя сказал мне, чтобы я уезжал / сказал мне уехать.*

Однако, в отличие от *настаивать*, у данных глаголов наблюдается полный набор вариантов с и без кореферентности. При кореферентности адресата субъекту подчинённой клаузы употребляется инфинитив. При *настаивать* же набор вариантов неполный. В таблицах ниже сопоставляются модели присоединения сентенциального актанта при глаголах *сказать* и *настаивать*.

Таблица 4

Модели управления глагола *сказать*.

<i>сказать</i>	кореферентность	отсутствие кореферентности
сообщение	что	что
каузация	чтобы / INF	чтобы

Таблица 5

Модели управления глагола *настаивать*.

<i>настаивать</i>	кореферентность	отсутствие кореферентности
сообщение	что	что
каузация	(редко — INF)	чтобы

По всей вероятности, данное ограничение на инфинитив связано с синтаксическими факторами. С одной стороны, у глагола *настаивать* нет объектного аргумента для конструкции типа *Петя настаивал (*МНЕ) уехать* с объектным контролем (ср. возможное *Петя предложил тебе уехать*).

С другой стороны, и субъектный контроль типа *Петя настаивал уехать* невозможен, поскольку при таком варианте мы бы получили каузацию своих собственных действий. Как правило, каузация не осуществляется каузатором над самим собой — ср. неграмматичные предложения типа *Петя потребовал уехать* и исключения, приведённые в [Stiebels 2007].

2.4. Неожиданный строгий контроль: только инфинитив

Как показывает Барбара Штибельс [2007], см. также выше, типы контроля и сам состав класса глаголов контроля во многом предсказывается семантикой глагольной лексики. Так, вполне естественно, что глаголы каузации обычно входят в класс глаголов объектного контроля. Однако существуют частные различия между языками и индивидуальные свойства глаголов, которые тривиальным образом не вытекают из семантики.

Один из таких примеров такого рода представляет глагол *забыть*, который мы рассмотрим ниже.

Глагол *забыть*

Глагол *забыть* в одном из значений — ‘упустить, забыть что-л. сделать’ — принимает только инфинитив (47) и употребляется только при кореферентности субъектов главной и подчинённой клауз. Теоретически мыслимые примеры без кореферентности типа (48), где могла бы употребляться финитная зависимая клауза, неграмматичны.

(47) Данков вспомнил, что забыл позвонить в управление и сказать, что же он решил о своем переходе на новую должность. [Владимир Чванов. Прием в половине пятого (1977)]

(48) *Ты забыл, чтобы Петя выступил первым. ('забыл приложить некоторые усилия для того, чтобы Петя выступил первым').

Во многом это связано с тем, что в естественной ситуации при данном значении *забыть* субъекты клауз кореферентны. Однако теоретически контекст типа (48) нельзя считать невозможным.

Аналогичные примеры без кореферентности возможны и абсолютно нормальны при глаголе *стараться*. При кореферентном контексте подразумевается, что субъект прилагает усилия для проведения в жизнь ситуации:

(49) Старайся быть счастливой, потому что жизнь одна и проходит быстро. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

Однако есть и не кореферентные контексты, где подразумевается 'постарайся каузировать X сделать Р / каузировать возникнуть ситуацию Р':

(50) Я из всех сил старался, чтобы директору было видно: звоню в Москву. [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)]

Возможно, такое не прямое каузативное значение (типа (50)) присуще только глаголам, в семантике которых есть компонент цели — глагол *стараться* явно относится к ним. Ниже мы ещё будем говорить о том, что для союза *чтобы* в большей степени, чем для инфинитива существенны субъективно-модальные компоненты: эмоциональное восприятие, цель, оценка ситуации.

2.5. Глаголы *добиться* и *следить*: инфинитивная модель управления сомнительна

Обратный пример представлен глаголами *добиться* и *следить*. Если субъекты главной и подчинённой клауз не кореферентны, употребляется финитная стратегия со *чтобы*. Однако при кореферентности субъектов ожидаемый инфинитив выглядит сомнительно, хотя и встречается (см. (52)):

(51) Он всё-таки добился, чтобы экзаменационные работы девушки были просмотрены ещё раз и оценены более объективно. [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]

(52) Я вот не могу добиться поговорить с нашим комиссаром. [А. Н. Толстой. Хожение по мукам/ Книга третья. Хмурое утро (1941)]

Поскольку при кореферентности инфинитив невозможен, остаётся одна возможность — конструкция *того, чтобы*.

(53) Так австриец-пастафарианец несколько лет назад добился того, чтобы сфотографироваться на паспорт с дуриллагом на голове. [Александр ДЫБИН. Южноуральцы стали поклоняться макаронному монстру // Комсомольская правда, 2013.08.11]

Это означает, что глагол *добиться* и отчасти *следить* нарушают принцип Гивона (1986), согласно которому кодирование при кореферентности субъектов должно быть более экономичным, чем без кореферентности. Данный принцип имеет ясное грамматическое обоснование: если у двух клауз совпадает субъект, то для языковой системы естественно объединить их синтаксически в одно целое, а не присваивать подчинённой клаузе свойства автономного высказывания. Если же субъекты различаются, то два события связаны значительно менее тесно, а значит, и кодироваться могут, как две разных клаузы. Поскольку подчинённая клауза финитна и автономна, для её подчинения требуется особый показатель (союз).

При рассматриваемых глаголах наиболее экономична стратегия, выбираемая при некорреферентности (*чтобы*). При кореферентности используется сочетание предлог + *то* + *чтобы*.

В чём же причина нарушения? По всей вероятности, при глаголах *добиться* / *добиваться* и *следить* сентенциальные актанты в целом встречаются редко. Инфинитив — предельный случай грамматикализации выражения подчинённого события. Поскольку у этих глаголов сентенциальные актанты редки, грамматикализация (в частности, грамматикализация совпадения актантов) не заходит так далеко.

Ниже приведено сравнение частотности сентенциальных актантов с *чтобы* и именных с падежом (генитивом) или предлогом для четырёх глаголов: *добиваться* и *следить* (не сочетаются с инфинитивом), *хотеть* и *требовать* (сочетаются с инфинитивом). Видно, что преобладание именных способов выражения гораздо заметнее для *добиваться* (в 17,03 раз) и *следить* (в 17,4 раза) — для *хотеть* и *требовать* различие слабее (соответственно в 2,8 и 7,1 раза).

(54) *Добиваться*: всего — 6749, *чтобы* — 228, GEN — 3883

Следить: всего — 20749, *чтобы* — 793, *за* — 13824

Хотеть: всего — 418580, *чтобы* — 9417, GEN — 26792

Требовать: всего — 58423, *чтобы* — 3817, GEN — 27285

Однако на деле всё несколько сложнее. Как показывает анализ корпусных данных, ранее инфинитив при *добиться* / *добиваться* встречался (при глаголе *следить* он в Корпусе не засвидетельствован), но затем его использование начало становиться всё более редким.

Добиваться:

всего 1801–1940 — 2445, *чтобы* — 58, INF — 87

всего 1941–2000 — 2602, *чтобы* — 110, INF — 31

Иначе говоря, инфинитив постепенно теряет свои позиции. До 1940 инфинитив явно преобладает над клаузами со *чтобы*, а после 1941 года, напротив, *чтобы* становится основным способом выражения.

С чем же связана его редкость в современных текстах? Возможно, центр употребления инфинитива перемещается к собственно модальным контекстам (например, желания — ср. глагол *хотеть*), а контексты действия типа *добиться* или *следить* становятся менее типичны. Впрочем, не вполне понятно, как данное предположение соотносится с тем, что при глаголах каузации типа *требовать* или *заставлять* инфинитив всё равно встречается.

Скорее следует предположить, что инфинитив сегодня в целом несколько сдаёт позиции (таблицы 1 и 2 выше подтверждают это предположение). При глаголах, которые редко встречаются с сентенциальным актантом, происходит полная утрата инфинитива, а глаголы, для которых сентенциальные актанты частотны, инфинитив сохраняется.

2.6. Глаголы *следить* и *заслуживать*: актантное *чтобы* + *INF*

Как было показано выше, стандартно в актантных клаузах с контролем субъекта из главной клаузы *чтобы* не употребляется — оно заменяется на инфинитив:

(55) **Я хочу, чтобы стать инженером.*

(56) *Я хочу стать инженером.*⁴

Однако и здесь есть исключения. Бывает, что даже в актантных придаточных употребляется комбинация *чтобы* и инфинитива: именно так ведёт себя глагол *следить*.

(57) *Еще подставляя голову под маменькин гребешок, он уже следил, чтобы не дыхнуть на нее кюммелем, а то и крепкой водкой.* [Ю. М. Нагибин. Злая Квинта (1972–1979)]

Ещё сложнее ситуация с глаголом *заслуживать*, при котором актантный инфинитив допускает два варианта контроля: обобщённый со стороны невыраженного актанта (58), (59) и субъектный (60):

(58) *Значит, карт вполне заслуживает, чтобы присмотреться к нему повнимательнее.* [Евгений Борисенков. Ну-ка, дайте карты! (2004) // «За рулем», 2004.04.15] (обобщённый контроль)

(59) *Период этот заслуживает, чтобы сказать о нем несколько слов, так как он является своего рода прологом в той великой драме, которая разыгралась впоследствии.* [С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия (1881–1893)] (обобщённый контроль)

(60) *То, что я хочу рассказать об Остине Чемберлене, заслуживает, чтобы войти одновременно в историю карикатуры и в историю международных*

⁴ В целевых придаточных ситуация, естественно, другая. При совпадении субъектов *чтобы* сохраняется, хотя форма глагола заменяется на инфинитив: *Я пришёл, чтобы мне дали денег / чтобы получить денег.*

дипломатических отношений. [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)]
(субъектный контроль)

Вероятно, нестандартные модели наследуются от целевых конструкций, где *чтобы* стандартно используется с инфинитивом. Связь с целевой семантикой особенно заметна для глагола *следить*: его употребления с сентенциальным актантом, как в (57), легко допускают перефразирование с помощью целевой конструкции:

(57') Он следил за своими движениями, чтобы не дыхнуть на неё кюммелем.

Для глагола *заслуживать* связь с целевой семантикой гораздо более сомнительна.

Однако имеется и более важное одно возражение к «целевой» трактовке. Неясно, почему глаголы *хотеть*, *стараться* или *требовать* не допускают *чтобы* + INF: ведь они выражают желание субъекта и вполне совместимы с целевой семантикой.

Для глагола *следить* возможна трактовка сочетания *чтобы* + INF в семантических терминах. Как было указано выше, данный глагол сочетается с апрехенсивным придаточным с *как бы* (*Следи, как бы у тебя чего-нибудь не стянули*). Показатель *как бы* сочетается не только с финитными придаточными, но и с инфинитивными конструкциями (*Следи, как бы не наговорить лишнего*). Возможно, инфинитивная конструкция с *чтобы* появилась при глаголе *следить* именно под влиянием *следить* + *как бы*. Корпусной материал, однако, не позволяет сделать здесь такого вывода: конструкция *следить* + *как бы* + INF впервые появляется в рассказе М. Горького «Челкаш» (1894 год), а конструкция *следить* + *чтобы* + INF — в тексте 1889–1895 гг. (А. В. Амфитеатров, «Княжна»). Естественно, у конструкций с глаголом *заслуживать* апрехенсивную семантику усмотреть нельзя.

Тем самым, вопрос о причинах появления неожиданного сочетания *чтобы* + INF у некоторых глаголов пока остаётся открытым.

3. Результаты: ограничения на форму подчинённой клаузы и грамматическая семантика стратегий

Описанные выше нестандартные случаи варьирования (и его отсутствия) позволяют сделать некоторые выводы об употреблении инфинитива и конструкций с союзом *чтобы* в русских подчинённых клаузах.

3.1. Ограничения на инфинитив (без показателя *чтобы*)

Инфинитив стандартно не употребляется при глаголах, при которых сентенциальный актант в целом употребляется редко. К ним, например, относятся *следить* и *добиваться*, в меньшей степени — *заслуживать*.

Инфинитив как бы представляет собой предельную степень грамматикализации конструкции с сентенциальным актантом, которая не достигается при общей редкости сентенциальных актантов.

3.2. Ограничения на показатель *чтобы*

Показатель *чтобы* не употребляется в случаях, когда субъект не испытывает субъективного отношения (например, эмоционального) к ситуации. Например, употребляется с глаголом *хотеть*, но не употребляется *спланировать*, *надеяться* или *рассчитывать*.

3.3. Взаимоотношения *чтобы* и инфинитива

Чтобы и инфинитив не случайно образуют «минимальные пары» по кореферентности. Эти две формы обнаруживают сильную общность семантических свойств:

- Ирреальность: обе формы обычно подразумевают, что пропозиция не имеет истинностного значения или оно неизвестно.
- Временная отнесённость: обе формы стандартно (кроме *чтобы* в эпистемическом прочтении) требуют расположения подчинённого события после главного.

Так, как было показано выше (см. раздел 2.1) при глаголе *надеяться* и подчинённая клауза со *чтобы*, и подчинённый инфинитив в большинстве случаев подразумевают, что подчинённое событие произошло / должно произойти после главного, см. примеры (61)-(62):

(61) *Они и сами надеялись продолжать приятную земную жизнь в царстве Исиды и Осириса, потому и забирали с собой мебель, посуду, украшения.* [Лариса Залесова-Докторова. Английский Букер-2002, или Новый Робинзон Крузо в Тихом океане // «Звезда», 2003] (НСВ, следование подчинённой ситуации за главной).

(62) *Я надеюсь, что ошибаюсь в своих выводах<...>* [коллективный. Форум: Обсуждение фильма «Три мушкетера» (2008–2010)]

(63) *#Я надеюсь ошибаться в своих выводах* (невозможно в значении одновременности; сходные конструкции возможны, только если *ошибаться* обозначает ситуацию, возникающую после главной).

При предшествовании подчинённой ситуации в сентенциальном актанте может использоваться только союз *что*.

Впрочем, параллелизм *чтобы* и инфинитива нельзя считать полным. Одним из исключений из этого параллелизма являются глаголы **нереферентного события** типа *любить* или *нравиться*. Подчинённый инфинитив при них выражает повторяющееся и / или нереферентное событие (тем самым, подчинённое событие не следует за главным). При этом инфинитив, выражающий кореферентность субъекта подчинённого предложения актанту главного, сложным образом соотносится с финитными стратегиями: в одних случаях он является минимальной парой к *когда* (64), в других — *что* (65), в третьих — *чтобы* (66), а в четвёртых не имеет точного соответствия среди типов финитной клаузы (67):

(64) Видимо, изгой не склонен любить других отверженных. Им больше нравится любить хозяев. [Сергей Довлатов. Наши (1983)]

Ср. Изгоям нравится, **когда** хозяева их любят.

(65) Мне нравится быть кошкой на раскаленной крыше. [Ольга Пескова. Прощай, португалец Хуго (1997) // «Столица», 1997.07.01]

Ср. Мне нравится, что я — кошка на раскалённой крыше.

(66) Арафату нравится быть олицетворением среднего палестинца.

Ср. А ещё Арафату нравится, чтобы его отождествляли со всеми палестинцами. [Вячеслав Белаш. Организатор освобождения Палестины // «Коммерсантъ-Власть», 1999]

(67) Не скажу, что у меня идеальные слух и голос. Просто нравится иногда душу отвести. [Зангалис К. Защитник «Химок» Антон Понкрашов: Кто сказал, что я — пафосный парень?! Молодой плеймейкер подмосковных «Химок» демонстрирует не по годам зрелый баскетбол // Советский спорт, 2008.02.13]

(68) #Мне нравится, что меня иногда приглашают спеть.

(69) #Мне нравится, когда меня иногда приглашают спеть.

(70) #Мне нравится, чтобы меня иногда приглашали спеть.

Различие заключается в том, что для инфинитива в меньшей мере, чем для *чтобы*, существенно модальное значение. В (67) инфинитив обозначает реально повторяемое событие. Замена его на *чтобы* подразумевала бы, что событие не имеет места в реальности или, во всяком случае, в центре описания находится не факт реального возникновения ситуации, а отношение к этой ситуации говорящего. Тем самым, для *чтобы* релевантна субъективная оценка говорящим ситуации.

3.4. Чтобы и модальные значения: дополнительные свидетельства

Можно привести дополнительные свидетельства в пользу того, что *чтобы* не просто выражает модальное / ирреальное значение, а склонно именно к выражению субъективной модальности: оценки ситуации говорящим, эмоционального восприятия.

1. Глаголы типа *нравиться* и *привыкнуть*: субъективная оценка при *чтобы*

Как говорилось выше, Н.Р. Добрушина (2012) делит употребления союза *чтобы* на два класса: эпистемические и целевые. Однако не всегда можно установить, к какому именно типу принадлежит употребление.

Один из таких трудных случаев — зависимые с *чтобы* при глаголе *нравиться*. Они занимают промежуточное положение между двумя классами зависимых. С одной стороны, подобно целевым употреблениям *чтобы*, эти клаузы не имеют истинностного значения. Это роднит данный тип *чтобы* с целевым.

С другой стороны, в отличие от целевого *чтобы*, клаузы при *нравиться* не обязательно вводят событие, следующее за главным. Подчинённое событие при *нравиться* (как и при аналогичных союзах *привыкнуть*, *нравиться*, *любить*) повторяется. Конструкция типа *Ему нравится, чтобы с ним играли* подразумевает, что субъект любит, когда с ним играют, обобщённо — возможно, игра уже имела место до ситуации *нравится* и будет иметь место в будущем.

В целом более вероятно, что *чтобы* в данном случае является целевым. Это видно из того факта, что в контекстах, где подчинённое событие имеет истинностное значение, при *нравиться* возможно только *что*:

(71) *Мне нравится, что Максим так бережно относится к деньгам.*

(72) **Мне нравится, чтобы Максим так бережно относился к деньгам.*

Так или иначе, *чтобы* в данном случае не имеет отношения к временной позиции события, а связано только с модальностью и отсутствием истинностного значения. Выше уже упоминалось, что при глаголе *привыкнуть* ориентация *чтобы* на события с положительной оценкой видна ещё яснее (см. Dobrushina 2012). Если вложенная ситуация оценивается положительно, при *привыкнуть* возможно и *чтобы*, и *что* (*Я привык, что меня уважают / чтобы меня уважали*). Если же она оценивается отрицательно, употребление *чтобы* сомнительно. Естественно, для инфинитива такого ограничения нет — ср. возможные примеры *Я привык пользоваться всеми благами цивилизации* (положительная оценка) vs. *Я привык находиться в униженном положении* (отрицательная оценка).

2. Эпистемическое *чтобы* и категория лица

С другой стороны, эпистемическое *чтобы* (напомним, этот тип употребления выступает при глаголах типа *думать*, *помнить*, *сомневаться*) также связано с субъективными модальными компонентами. В частности, это видно из статистической связи между эпистемическим *чтобы* и категорией лица.

Типичная точка отсчёта для субъективной модальности (эмоций, оценки) — участник первого лица. Для объективной модальности (например, эпистемической) связь с лицом не столь очевидна.

Ментальные предикаты типа *думать* в целом чаще всего выступают в первом лице. Однако, как показывает анализ корпусного материала, эта тенденция ещё яснее для вариантов со *чтобы*. Тем самым, *чтобы* выражает именно субъективные модальные значения.

Таблица 6

Употребление *чтобы* и *что* в зависимой клаузе при первом и третьем лицах глагола *сомневаться*.

	<i>чтобы</i>	<i>что</i>
1SG.PRS	135	775
3SG.PRS	8	211

Двусторонний критерий Фишера: $p < 0,0001$. Различие релевантно.

Таблица 7

Употребление *чтобы* и *что* в зависимой клаузе при первом и третьем лицах глагола *помнить*.

	<i>чтобы</i>	<i>что</i>
1SG.PRS	376	380
3SG.PRS	16	71

Двусторонний критерий Фишера: $p < 0,0001$. Различие релевантно.

Таблица 8

Употребление *чтобы* и *что* в зависимой клаузе при первом и третьем лицах глагола *думать*.

	<i>чтобы</i>	<i>что</i>
1SG.PRS	587	1081
3SG.PRS	10	113

Двусторонний критерий Фишера: $p < 0,0001$. Различие релевантно.

Таблица 9

Употребление *чтобы* и *что* в зависимой клаузе при первом и третьем лицах глагола *верить*.

	<i>чтобы</i>	<i>что</i>
1SG.PRS	72	307
3SG.PRS	11	137

Двусторонний критерий Фишера: $p = 0,0008$. Различие релевантно.

Как видно из таблиц 6–9, при всех четырёх предикатах: *сомневаться*, *думать*, *помнить*, *думать* и *верить* — процент употребления с первым лицом для *чтобы* выше, чем для *что*. Эта разница статистически значима. Тем самым, несмотря на субъективный характер семантики всех четырёх глаголов самих по себе, конструкция с *чтобы* демонстрирует ещё более сильную направленность на выражение субъективной модальности.

4. Вокруг дублирования: связь между характеристиками главной клаузы и стратегией оформления синтаксического актанта

Связь между характеристиками главной клаузы и стратегии оформления синтаксического актанта не ограничивается эпистемическим *чтобы*. Есть многие другие случаи связи такого рода.

- Синтаксическое дублирование.
- Мягкие тенденции, связанные с распределением *чтобы* и *что* (см. Dobrushina 2012 о *добиться*): вариант с *что* обычно выступает при утвердительной главной клаузе в изъявительном наклонении.
- Связь с отрицанием, выраженностью субъекта, лицом и другими характеристиками главной клаузы (см. [Пекелис 2014], [Tagabileva, Kirianov 2014]).

4.1. Дублирование (повторение формы главного предиката в синтаксическом актанте)

Дублированием мы называем случаи, когда главный предикат не требует строго определённой стратегии оформления подчинённой клаузы. Требование заключается только в том, чтобы формы главного и подчинённого предикатов были идентичны друг другу. Подобную стратегию, нетипичную для русского языка и чрезвычайно редкую типологически, демонстрируют русский фазовый глагол *начать*, полувспомогательные *заняться*, *дойти до* и несколько реже — глаголы каузации эмоций типа *порадовать*.

Фазовые глаголы:

(73) Начните с того, что у края каждой заготовки иголкой проткните по отверстию. [Значок, которого ни у кого нет // «Химия и жизнь», 1966]

Полувспомогательные глаголы:

(74) ...мы будем заниматься тем, что искать возможности... [urbanmaster.ru/articles/239] (дублирование инфинитива)

Глаголы каузации эмоций:

(75) Если вы давно живете отдельно друг от друга, то можно порадовать друга тем, что организовать день рождения где-нибудь в ресторане с самыми близкими родственниками. [pozdravik.ru] (дублирование инфинитива)

Из использования стратегии дублирования вытекают некоторые нестандартные черты подчинённой предикации. Назовём некоторые из них:

- В подчинённой клаузе может встречаться императив ((73)).

Не все глаголы, допускающие дублирование, способны именно к дублированию императива: в частности, для глаголов каузации эмоций оно, по-видимому, невозможно. Однако сам факт появления в подчинённой клаузе формы, которая склонна выступать почти исключительно в финитной позиции, уже примечателен.

- Союз *чтобы* и сочетание *что + бы* в контекстах синтаксического дублирования противопоставлены, различаются по употреблению ((76)-(77)).

(76) Митя, понимавший всю важность — запереться в большом доме, среди большого двора и сада от остальной Москвы, усердно занялся тем, чтобы действительно никто и ничто не проникали в дом. [Е. А. Салиас. На Москве (1880)]

(77) Сталин, несомненно, сегодня занялся бы тем, что начал бы заново поднимать престиж этих профессий. [www.rborba.ru/463300BF1EAEF/519E4F35E88B8.html]

Статус компонентов союза *чтобы* обсуждается, например, в работах Р. Брехта [Brecht 1977] и Н. Р. Добрушиной [Dobrushina 2012] Отмечено, что хотя эти компоненты уже не обладают автономностью и смена позиции частицы *бы* невозможна, некоторые свойства роднят свободное *бы* с *бы* как компонентом союза. При этом в стандартном случае минимальная пара из *чтобы* vs. *что + бы* не обнаруживается.

Дублирование же является редким примером контекста, где *чтобы* и *что + бы* противопоставлены. Если *чтобы* — это стандартный вариант управления, не предполагающий дублирования, то *что + бы* появляется в случаях, когда в подчинённой клаузе с союзом *что* дублируется форма сослагательного наклонения из главной (отсюда появление частицы *бы*).

4.2. Нестандартное кодирование времени — тоже случай дублирования?

С темой дублирования связан и вопрос об интерпретации временной формы, который мы затрагивали в части 1.3. Вспомним, что глагол *случаться*, например, всегда требует абсолютного употребления временных форм (Barentsen 1993, Schlenker 2003).

(78) Случалось, что мы не успевали на электричку.

Вполне возможно, что и абсолютное кодирование в примерах типа (78) является случаем дублирования. Иначе говоря, стратегию, используемую в (78), можно сформулировать как в (79) (абсолютное время), а можно — как в (80) (дублирование):

(79) При глаголе *случаться* время подчинённого глагола обозначает время события по отношению к речевому акту.

(80) При глаголе *случаться* время подчинённого глагола должно совпадать со временем главного.

Поскольку ситуация *случаться* всегда одновременна подчинённой ситуации (собственно, глагол *случаться* вводится только для того, чтобы обозначить повторяемость подчинённой ситуации), две формулировки оказываются эквивалентны для контекстов изъявительного наклонения. Что же происходит, когда наклонение главного глагола сослагательное (в императиве *случаться* по понятным причинам не встречается)? По всей вероятности, вариант с сослагательным наклонением выглядит лучше:

(81) *Если бы случилось, что он опаздывает ...*

(82) *Если бы случилось, что он бы опаздывал ...*

Ещё одним тестом мог бы стать контекст инфинитива. Однако глагол *случаться* (в отличие от совершенного вида *случиться* в значении непредусмотренной, незапланированной ситуации) в нём практически не употребляется:

(83) **Начало случаться, что учитель опаздывает.*

(84) **Начало случаться, что учитель опаздывать.*

4.3. Аналоги дублирования: совпадение синтаксических характеристик клауз

Помимо собственно дублирования форм глагола, существуют случаи, где подчинённая клауза наследует от главной не морфологические, а синтаксические характеристики. Так, субъект вложенной клаузы со *чтобы* при глаголах приказа и распоряжения типа *сказать, чтобы*, выражается чаще, если выражен и субъект главной клаузы. Иначе говоря, примеры типа (85) (оба субъекта не выражены) более типичны, чем (87) (не выражен только субъект подчинённой клаузы).

(85) *Скажи ему, чтобы больше так не делал.*

(86) *Скажи ему, чтобы он больше так не делал.*

(87) *?Я сказал ему, чтобы больше так не делал.*

(88) *Я сказал ему, чтобы он больше так не делал.*

Чтобы проверить это ощущение, мы сопоставили контексты с императивом vs. индикативом в главной клаузе. При индикативе субъект главной клаузы с глаголами типа *сказать* стандартно или выражается, или хотя бы известен и подразумевается. При императиве он, как правило, не выражается.

Таблица 10 подтверждает сказанное выше. Процент конструкций с невыраженным субъектом выше в том случае, когда главный предикат стоит в форме императива, и его субъект не выражается. Мы сопоставляем четыре поисковых запроса:

— императив + dat + *чтобы* + глагол в прошедшем времени (*скажи ему, чтобы приехал*)

— императив + dat + *чтобы* + слово в именительном падеже (*скажи ему, чтобы он (приехал)*)

— индикатив + dat + *чтобы* + глагол в прошедшем времени ((*я*) *сказал ему, чтобы приехал*)

— индикатив + dat + *чтобы* + слово в именительном падеже ((*я*) *сказал ему, чтобы он (приехал)*)

Таблица 10

Встречаемость конструкций с выраженным и с невыраженным субъектом зависимой клаузы при выраженном и невыраженном субъекте главной клаузы.

	<i>чтобы</i> + глагол в прош. вр.	<i>чтобы</i> + сущ. вим.п.
императив в главной клаузе	129	283
индикатив в главной клаузе	218	1616

Двусторонний критерий Фишера: $p = 5.308515858369198e-20$. Различие релевантно.

Хотя и при императиве, и при индикативе в главной клаузе контекстов, где за *чтобы* следует существительное, больше, преобладание контекстов с существительным при императиве гораздо слабее, чем при индикативе. Именно этот факт и делает различие между императивом и индикативом в главной клаузе статистически релевантным.⁵

Отметим, что данная зависимость носит именно статистический, а не строго грамматический характер. Несомненно, грамматически приемлемыми являются все четыре варианта с (85) по (88).

4.4. «Антидублирование»: нежелательность совпадения характеристик у двух клауз

В то же время есть и случаи, которые можно назвать «антидублированием» — конструкции, в которых избегается совпадение форм глагола или синтаксической конструкции в главном и подчинённом предложениях. Так, при глаголе *стараться* в случае совпадения субъектов обычно употребляется инфинитив:

⁵ Впрочем, данные таблицы 10, несомненно, требуют дальнейших исследований, по меньшей мере, в двух направлениях. Во-первых, среди исследуемых данных попадаются примеры, где *чтобы* вводит не сентенциальный актант, а целевое придаточное (*Дай ему телефон, чтобы он позвонил домой*). На сегодняшний день нам неизвестно, различается ли статистическое поведение целевого и актантного *чтобы*. Во-вторых, не исключено (хотя, на наш взгляд, маловероятно), что свою лепту в статистическое различие вносит не только отсутствие / наличие выраженного субъекта в главной клаузе, но и специфика собственно форм наклонения.

(89) *Я постараюсь тебе помочь.*

Употребление союза *чтобы* возможно, но сомнительно. И интересно, что его приемлемость зависит от выражения субъекта главной клаузы. Примеры типа (91)-(92), с совпадением субъектов главной и зависимой клауз, оцениваются носителями лучше, если главный глагол стоит в форме императива (91), а не изъявительного наклонения (92):

(91) *Постарайся, чтобы ты не вызвал подозрений.*

(92) *Я постараюсь, чтобы я не вызвал подозрений.*

По всей вероятности, этот факт связан с тем, что при императиве стандартно не выражается подлежащее главной клаузы. На приемлемость (92) негативно влияет избыточность (совпадающее подлежащее выражено в обеих клаузах) и синтаксический параллелизм клауз.

4.5. Связь с грамматическими значениями глагола в главной клаузе

Практически все грамматические категории, выраженные на главном глаголе, способны влиять на особенности подчинённой клаузы. Поясним это на примере глагола *любить*.

Глагол *любить* способен выступать с показателями *когда* и *чтобы*:

(93) *Но знаешь, старик, я любил, когда ты меня "подзаводил", любил стрелять у тебя деньги и боксировать с тобой после душа.* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]

(94) *Владислав Игнатьевич любил, чтобы нигде не было ни пылинки<...>* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]

При отрицании в главной клаузе процент *чтобы* становится ниже, см. таблицу 11.

Таблица 11

Кодирование сентенциального актанта при глаголе *любить* с отрицанием / без отрицания в главной клаузе.

	<i>чтобы</i>	<i>когда</i>
с отрицанием	54	162
без отрицания	188	288

Тем самым, на самом деле не только эпистемическое *чтобы* связано со свойствами главной клаузы. С ней связана употребимость разных моделей управления у разных глаголов (см. также Tagabileva, Kirianov 2014, Пекелис 2014).

4.6. Эпистемическое *чтобы* и дублирование

Для эпистемического *чтобы* характерны мягкие ограничения, связанные с тождеством форм в подчинённой клаузе и в ещё более подчинённой.

(95) *?Не думаю, чтобы мой хозяин обрадовался, когда узнает, что я дружу с лисой.*

(96) *Не думаю, что мой хозяин обрадуется, когда узнает, что я дружу с лисой.*

Хотя предложение (95) вполне грамматично, оно выглядит хуже, чем (96). Это связано с тем, что в (96) в двух придаточных употребляется одна временная форма. В (95) тождество нарушено, поскольку в сентенциальном актанте употребляется эпистемическое *чтобы*.

Существенно, что данное ограничение никак не вытекает из семантики или общих ограничений на употребление формы прошедшего времени при *чтобы* и / или времени при *когда*. Известно, что эпистемическое *чтобы* способно употребляться при отрицании в главной клаузе с некоторыми глаголами, к которым относится и *знать* / *узнать*. Семантически пример (95) тоже соответствует правилам употребления эпистемического *чтобы*: как правило, оно употребляется без существенных смысловых отличий от *что*. Следовательно, разница в приемлемости между *что* и *чтобы*.

5. Выводы

В данной работе мы рассмотрели нестандартные случаи кодирования сентенциальных актантов русских глаголов и вариативности стратегий. В таблице 11 подытожены нестандартные случаи, описанные в статье.

Таблица 11

Нестандартные случаи управления сентенциальными актантами в русском языке.

Глагол	Запрещено	разрешено
<i>добиться</i>	INF (встречается редко)	<i>чтобы, что</i>
<i>следить</i>	INF	<i>чтобы, чтобы + INF</i>
<i>нравиться</i>		<i>когда, чтобы, что, INF</i>
<i>заслуживать</i>	INF (встречается редко)	<i>чтобы, чтобы + INF</i> (2 варианта контроля)
<i>настаивать</i>	INF (редко)	<i>чтобы, что</i> (в зависимости от совпадения актантов)
<i>настроиться, надеяться, планировать</i> и др.	<i>чтобы</i>	INF, <i>что</i>
<i>значить</i>	<i>чтобы</i>	<i>что, будто</i>
<i>начать</i> и др.	синтаксическое дублирование	

Модели оформления сентенциальных актантов в русском языке разнообразны и включают много маргинальных или, по крайней мере, редких моделей. В ряде случаев нестандартность стратегии связана с типом вариативности: например, при глаголе *значить* в контексте отрицания *что* может заменяться на *будто*, а не на стандартный вариант для замены *чтобы*. Другие нестандартные случаи необычны как раз тем, что одна из форм невозможна: так, при глаголах *добиться, следить, заслуживать, настаивать* невозможен инфинитив в контекстах кореферентности.

Как нам, надеемся, удалось показать выше, анализ маргинальных стратегий и случаев вариативности позволяет получить новую информацию о системе управления сентенциальными актантами в целом.

В частности, выясняется, что две семантически близких стратегии — инфинитив и финитные клаузы с союзом *чтобы* — не составляют неразрывной пары.

1) Есть предикаты, для которых кореферентное употребление является нестандартным. С инфинитивом они практически не употребляются. Напротив, для некоторых предикатов неестественно или невозможно не кореферентное прочтение.

2) Кроме того, инфинитив в меньшей мере, чем *чтобы*, выражает цель, манипуляцию, эмоциональные компоненты и другие «положительные» подтипы ирреального значения (подтипы, при котором говорящий хочет наступления ситуации или как-либо ещё субъективно к ней относится). См. [Dobrushina 2012] об ориентации *чтобы*, прежде всего, на субъективно модальные (а не эпистемические) значения.

3) Однако инфинитив, как правило, выражает модальные значения (событие, выраженное инфинитивной клаузой, обычно ирреально) и следование подчинённого события за главным.

Инфинитив — крайняя точка грамматикализации сентенциального актанта. Поэтому при глаголах, у которых сентенциальные актанта в целом встречаются редко, инфинитив иногда практически не встречается вообще (ср. глаголы *добиться / добиваться* и *следить*). В то же время частотность инфинитивных моделей сильно меняется с течением времени. В связи с этим интерпретация невозможности инфинитива при глаголах типа *добиться* и *следить* не вполне ясна.

Тем не менее, в целом, как показывают таблицы 1 и 2, на протяжении XIX–XXвв. наблюдается **снижение частотности инфинитивных моделей**. Тем самым, *чтобы* остаётся стандартным средством кодирования ирреальных сентенциальных актантов. Инфинитив же постепенно теряет свои позиции, особенно при глаголах, для которых контексты кореферентности и сентенциальные актанта в целом не слишком характерны.

Ещё одна группа факторов, которая может «замутнить» ясные тенденции управления сентенциальными актантами, — **влияние грамматических характеристик главной клаузы на характеристики подчинённой**. Это влияние весьма разнообразно. Оно наблюдается как в сфере морфологии, так и в сфере синтаксиса и выражается в явлениях разной природы: от синтаксического дублирования (нестандартной стратегии управления сентенциальными актантами) до мягких статистических тенденций, связывающих две клаузы.

Эти тенденции также дают много информации к размышлению о системе сентенциальных актантов. В частности, выясняется, что эпистемическое *чтобы* сильно тяготеет к употреблению с первым лицом главного предиката. Это подтверждает связь стратегии со *чтобы* не просто с ирреальным значением, а с его эмоциональным и ментальным подвидами, центром перспективы для которых стандартно является говорящий.

Литература

Добрушина Н. Р. Семантика косвенного наклонения: корпусное исследование грамматической полисемии. Дисс. ... д. филол. н. Москва, 2016.

Князев М. Ю. Предикатные актанты с местоимением то в русском языке: грамматический статус и особенности употребления. Дипломная работа. ИЛИ РАН. 2009.

Летучий А. Б. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 57–87.

Падучева Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 17–42.

Пекелис О. Е. Инфинитив vs. придаточное с союзом чтобы: к вопросу о выборе способа оформления сентенциального актанта в русском языке // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 13–45.

Русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. II. Москва, 1980.

Сердобольская Н. В. К типологии выражения генерического события в конструкциях с сентенциальными актантами. Хэндаут доклада на 8-й конференции по типологии и грамматике. СПб, 2011.

Avrutin Sergey and Maria Babyonyshev. *Obviation in Subjunctive Clauses and AGR: Evidence from Russian* // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1997. № 15. P. 229–262.

Barentsen Adrian. Shifting points of orientation in Modern Russian. Tense selection in 'reported perception' // *Reported speech: form and functions of the verb* / ed. by Theo Janssen and Wim van der Wurff. Amsterdam, Philadelphia, 1995. P. 15–55.

Brecht Richard. *Čtoby or čto and by* // *Folia Slavica*. 1977. № 1. P. 33–41.

Dobrushina Nina. Subjunctive complement clauses in Russian // *Russian Linguistics*. 2012. № 36.2. P. 121–156.

Khomitsevich, Olga. Dependencies across phases. From sequence of tense to restrictions on movement. Ph.D. diss. Utrecht, 2007.

Letuchiy Alexander. *Factivity and unreal contexts: the Russian case* // *Donvm Semanticum. Opera lingvistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipvlisamicis qve Rossicis oblate* / ed. by Ekaterina V. Rakhilina et al. Москва, 2015. P. 158–179.

Noonan Michael. *Complementation* // *Language Typology and Syntactic Description 2: Complex Constructions*, 2nd ed. / ed. by Timothy Shopen. Cambridge, 2007. P. 52–150.

Schlenker Philippe. *A Plea For Monsters* // *Linguistics and Philosophy*. 2003. № 26. P. 29–120.

Stiebels Barbara. Towards a typology of complement control // *ZAS papers in linguistics*. 2007. № 47. P. 1–80.

Tagabileva Maria, and Denis Kirianov. *Complementation strategies of Russian verbs of request*. Препринт НИУ ВШЭ. 2014.

Zorikhina Nilsson N. Peculiarities of expressing the apprehensive in Russian // *Oslo Studies in Language*. 2012. № 4 (1).

Alexander B. Letuchiy

National Research University Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

alexander.letuchiy@gmail.com

PATTERNS OF COMPLEMENTATION IN RUSSIAN: CORE AND PERIPHERY

The paper is focused on patterns of complementation in Russian. The Russian patterns of complementation have been the subject of linguistic research, but is, nevertheless, a bit overlooked, as compared to NP arguments.

In the article, two main purposes are stated. First, we consider it important to describe peripheral complementation patterns which have not been previously described or have only been mentioned in previous studies. Second, we would like to show that peripheral patterns and types of variance provide us with additional information about the semantics of embedded verb forms and strategies (e.g., infinitive clauses or finite clauses with complementizers) and the behavior of particular verb classes.

In particular, it turns out that some verbs, such as *sledit'* 'watch' or *dobivat'sja* 'try to) achieve', allow complementation with the marker *čtoby*, but are (almost) incompatible with the infinitive, even in co-reference contexts. There are also patterns which differ more significantly from standard ones: for instance, verbs like *načat'* 'begin' allow a strategy which I call 'syntactic doubling': the form which occurs in the main clause is repeated in the embedded one.

Key words: complex sentence, embedded clause, finiteness, syntactic doubling, temporal localization, infinitive, unreal meaning

References

Avrutin Sergey and Maria Babyonyshev. Obviation in Subjunctive Clauses and AGR: Evidence from Russian. *Natural Language and Linguistic Theory*, 1997, № 15, pp. 229–262.

Barentsen Adrian. Shifting points of orientation in Modern Russian. Tense selection in 'reported perception'. *Reported speech: form and functions of the verb* / ed. by Theo Janssen and Wim van der Wurff. Amsterdam, Philadelphia, 1995, pp. 15–55.

Brecht Richard. Čtoby or čto and by. *Folia Slavica*, 1977, № 1, pp. 33–41.

Dobrushina Nina. *Semantika kosvennogo naklonenija: korpusnoe issledovanie grammaticheskoi polisemii*. Doctorate diss. Moscow, 2016.

Dobrushina Nina. Subjunctive complement clauses in Russian. *Russian Linguistics*, 2012, no 36.2, pp. 121–156.

Khomitsevich, Olga. *Dependencies across phases. From sequence of tense to restrictions on movement*. Ph.D. diss. Utrecht, 2007.

Knyazev M.Yu. *Predikatnye aktanty s mestoimeniem to v russkom yazyke: grammaticheskii status I osobennosti upotrebleniya*. Diplomnaya rabota. ILI RAN. 2009.

Letuchii A. B. O nekotorykh svoistvakh sententsial'nykh aktantov v russkomazyke. *Voprosyazykoznaniya*, 2012, no. 5, pp. 57–87.

Letuchiy Alexander. Factivity and unreal contexts: the Russian case. *Donvm Semanticum. Opera lingvistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipvlisamicisqve Ros-sicis oblate*, ed. by Ekaterina V. Rakhilina et al, 2015, pp. 158–179.

Noonan Michael. Complementation. *Language Typology and Syntactic Description 2: Complex Constructions, 2nd ed*, ed. by Timothy Shopen, 2007, pp. 52–150.

Paducheva E. V. Effekty snyatoi utverditel'nosti: global'noe otritsanie. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2005, no. 2 (10), pp. 17–42.

Pekelis O. E. Infinitiv vs. pridatochnoe s soyuzom *chtoby*: k voprosu o vybore spobosa oformleniya sententsial'nogo aktanta v russkomazyke. *Voprosyazykoznaniya*, 2014, no 4, pp. 13–45.

Russkaja grammatika. Ed. by N. Yu. Shvedova. Volume II. Moscow, 1980..

Schlenker Philippe. A Plea For Monsters. *Linguistics and Philosophy*, 2003, no 26, pp. 29–120.

Serdobol'skaya N. V. K tipologii vyrazheniya genericheskogo sobytiya v konstruktsiyakh s sententsial'nymi aktantami. Handout dokladana 8-i konferentsii po tipologii i grammatike. SPb, 2011.

Stiebels Barbara. Towards a typology of complement control. *ZAS papers in linguistics*, 2007, no. 47, pp. 1–80.

Tagabileva, Maria, and Denis Kirianov. *Complementation strategies of Russian verbs of request*. NRU HSE Working papers, 2014.

Zorikhina Nilsson N. Peculiarities of expressing the apprehensive in Russian. *Oslo Studies in Language*, 2012, no 4.(1).

Е. А. Лютикова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Московский педагогический государственный университет

(Россия, Москва)

lyutikova2008@gmail.com

СТРАТЕГИИ ОФОРМЛЕНИЯ АРГУМЕНТОВ В РУССКОЙ СОБЫТИЙНОЙ НОМИНАЛИЗАЦИИ И ТЕОРИЯ ПАДЕЖА*

Для русских событийных номинализаций обычно постулируется следующая модель падежного маркирования аргументов: (i) косвенно-падежное и предложно-падежное управление внутренним аргументом совпадает с таковым у глагольной основы; (ii) аргументы в структурных падежах (номинатив и аккузатив) перекодируются приименным генитивом; (iii) в случае, если в составе клаузы аргументы, проецируемые глагольной основой, получили бы два структурных падежа (что имеет место при прямопереходном глаголе), внутренний аргумент оформляется генитивом, а внешний — инструменталисом.

Обобщение (iii) обычно рассматривается как свидетельство «эргативной» или «пассивной» стратегии в оформлении аргументов номинализации, при которой S- и P-аргументы оформляются «немаркированным» падежом, а A-аргумент оформляется иначе: специальным падежом, зарезервированным для внешнего аргумента переходной конструкции.

В работе анализируются новые данные, которые ставят под сомнение универсальность предыдущих эмпирических обобщений, подвергавшихся теоретическому моделированию. В результате качественных и количественных исследований корпусных данных и лингвистического эксперимента были обнаружены дополнительные модели падежного маркирования аргументов номинализаций. Выяснилось, что носители русского языка допускают оформление творительным падежом не только внешнего аргумента переходных основ, но и внешнего аргумента неэргативов и двухместных непереходных основ.

Две стратегии оформления аргументов событийных номинализаций в русском языке получают объяснение в рамках двух формальных моделей падежа.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 16–18–02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

Нормативная стратегия, использующая творительный падеж только для внешних аргументов прямопереходных основ, хорошо описывается конфигурационной теорией А. Марантца, причем генитив оказывается немаркированным падежом, а инструменталис — «зависимым». Использование же творительного падежа для любых внешних аргументов может быть представлено как реализация ингерентного падежа внешнего аргумента, приписываемого агенту легким глаголом.

Ключевые слова: событийные номинализации, аргументная структура, теория падежа, зависимый падеж, ингерентный падеж, эргативность, русский язык

Статья посвящена синтаксису особого класса русских абстрактных существительных — событийных номинализаций. Общими свойствами этого класса является наличие непредметной динамической интерпретации и обязательное проецирование по меньшей мере фрагмента аргументной структуры. В статье рассматривается оформление аргументов событийных номинализаций, соотносимых с динамическими глагольными основами. Наряду с нормативной стратегией падежного маркирования аргументов, отраженной в Русской грамматике [РГ 1980] и узких исследованиях аргументной структуры номинализаций, обнаруживается конкурирующая стратегия падежного маркирования с экспансией творительного падежа в область функционирования родительного падежа. В статье этот эмпирический феномен сопоставляется с двумя падежными моделями эргативности, засвидетельствованными в языках мира, что позволяет предложить теоретический анализ как нормативной стратегии, так и инновационной стратегии с экспансией творительного падежа в современном русском языке.

Изложение построено следующим образом. В разделе 1 событийные номинализации русского языка кратко охарактеризованы в отношении их свойств: интерпретации, аргументной структуры и деривационного соотношения с глагольной основой. В разделе 2 представлены две стратегии оформления аргументов событийных номинализаций, синхронно сосуществующие в русском языке. Раздел 3 посвящен сопоставлению этих стратегий с возможными способами организации структуры клаузы морфологически эргативных языков и их анализу в формальных теориях падежа. Завершает статью раздел 4, подводящий итоги обсуждения.

1. Событийные номинализации

Под событийными номинализациями в статье понимаются соотносимые с глаголами абстрактные существительные, обозначающие событие. Характеристика этого класса с точки зрения особого, «глагольного» по своей природе, значения отражается в наименованиях *nomina actionis*, *имена действия*, *event nominals*. Наименование *номинализация* призвано отражать принимаемое здесь положение, что наличие событийной интерпретации (и аргументной структуры, воспроизводящей участников события) является следствием внутренней синтаксической структуры таких существительных: они представляют из себя глагольную проекцию определенного уровня, вложенную в номинализующие оболочки [Grimshaw 1990; Alexiadou 2001]. Группу

регулярных событийных номинализаций образуют существительные на *-ние / -тие* (*вышивание, приглашение, падение, ворчание, отплытие*), однако наличие регулярного и прозрачного словообразовательного отношения с глаголом не является обязательным для наличия событийной интерпретации [Пазельская 2004, 2006]. Прочие типы отглагольных существительных и производных («немотивированных», [РГ 1980]) имен действия, такие как *уход, мойка, торговля, критика, редакция* также рассматриваются в данной статье как событийные номинализации.

Многие исследователи отмечают регулярную многозначность номинализаций между собственно событийным значением и значением результата (*event nominals vs. result nominals*), а также разнообразными предметными значениями (объект, место, и т. д.), см. [Апресян 1974; Падучева 1974, 1977; Grimshaw 1990; Alexiadou 2001; Пазельская 2004, 2006]. Эти семантические различия проявляются, как минимум, в двух грамматических феноменах. Во-первых, при событийных номинализациях, в отличие от предметных, возможно выразить участников соответствующего события, ср. *вышивание цветов — унести вышивание (*цветов), приглашение лектора — отправить приглашение (*лектора)*¹. Во-вторых, поскольку событийные номинализации обозначают событие, они допускают аспектуальные обстоятельства различных типов — времени, длительности, частоты [Пазельская, Татевосов 2008]. Ср.: *заполнение анкеты за 5 минут, коллекционирование картин в течение всей жизни — *коллекция картин в течение всей жизни*. Сочетаемость с прилагательными кратности типа *регулярный, неоднократный* у событийных номинализаций возможна в форме ед. числа, тогда как для номинализаций с результирующим или предметном значением она ограничена формами мн. числа, ср. *регулярное / неоднократное приглашение ведущих специалистов для чтения лекций — *посылал ему регулярное приглашение / ?регулярные приглашения*.

Важнейшее обобщение касательно событийных номинализаций, имеющее непосредственное отношение к нашей теме, состоит в том, что событийные номинализации проецируют аргументную структуру [Grimshaw 1990]. Для русских событийных номинализаций это обобщение подтверждается следующими фактами. Во-первых, при событийных номинализациях обязательно присутствие внутреннего аргумента (возможно, как имплицитного): *Оценивание ?(дипломных работ) продолжалось недолго*. Во-вторых, имеется возможность выражения внешнего аргумента: *приглашение лектора (оргкомитетом)*. В-третьих, наличие в семантической структуре внешнего аргумента лицензирует агентивно-ориентированные обстоятельства: *приглашение специалистов с целью получения консультации*. Легко видеть, что предметные существительные такими свойствами не обладают: *оценку ?(дипломной работы / ^{OK}за дипломную работу) (*комиссией) выставили в протокол; распечатал приглашение (?эксперта) (*оргкомитетом) (*с целью получения консультации)*.

¹ В ряде случаев предметная номинализация может иметь зависимое, сходное по форме с зависимым событийной номинализации (ср. *Приглашение лектора лежало на столе*), однако это зависимое имеет иную семантическую роль (в данном случае скорее посessor, чем пациенс).

Таким образом, аргументная структура событийных номинализаций существенно отличается от аргументной структуры омонимичных предметных номинализаций. В следующем разделе в фокусе внимания находятся стратегии оформления аргументов событийной номинализации.

2. Стратегии оформления аргументов

Событийные номинализации и их аргументы регулярно соотносятся с глагольными основами и их аргументами. На основе модели управления глагола с высокой точностью можно предсказать модель управления событийной номинализации, что находит свое отражение в трансформационном анализе номинализаций, предложенном в [Падучева 1974, 1977]. Полное описание соответствий между аргументами глагольных основ и аргументами номинализаций находим в академической грамматике [РГ 1980, § 1809–1811, 1825, 1835, 1838, 1861]. Эти соответствия сводятся к следующим закономерностям:

— Номинализации одноместных основ выражают свой единственный аргумент (примыкающим) субъектным генитивом: *приход незнакомца, прибытие поезда*; отличий между агентивными и пациентивными основами (либо неэргативными и неаккузативными основами) не проводится.

— Номинализации двухместных непереходных основ сохраняют беспредложное и предложное управление глагольной основы: *боязнь ответственности, поклонение богам, владение языками*; при этом внешнему аргументу соответствует субъектный генитив: *поклонение туземцев богам*.

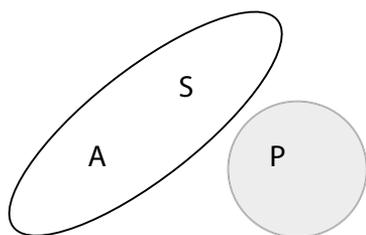
— Номинализации переходных основ присоединяют (управляемый) объектный генитив, регулярно соотносящийся с управляемым приглагольным аккузативом, и (примыкающий) субъектный инструменталис: *осмотр больных врачом, исполнение арии Шаляпиным*.

Обобщения, касающиеся данной стратегии оформления аргументов номинализации, используются в качестве отправной точки для анализа во многих исследованиях русских номинализаций [Падучева 1977; Koptjevskaja-Tamm 1993, 2013; Schoorlemmer 1995; Pesetsky 1995; Babby 1997; Engelhardt, Trugman 1998; Rapport 1998, 2000; Лютикова 2014]. В дальнейшем изложении будем называть эту стратегию нормативной. Характеристики нормативной стратегии в сопоставлении с оформлением аргументов соответствующих глаголов в финитной клаузе приводятся в Таблице 1.

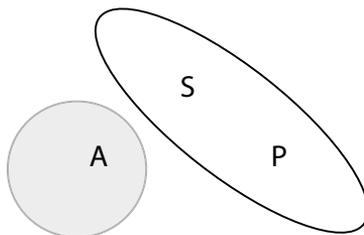
Легко видеть, что падежное маркирование аргументов в финитной клаузе реализует аккузативную стратегию: внешний аргумент переходной основы оформляется так же, как единственный аргумент одноместного глагола, а внутренний аргумент переходной основы получает особое оформление. В номинализации, напротив, мы наблюдаем эргативную стратегию маркирования аргументов: одинаковое оформление — генитив — получают внутренний аргумент переходной основы и единственный аргумент одноместной основы, в то время как специальный падеж — инструменталис — используется для оформления внешнего аргумента переходной основы.

**Оформление аргументов в финитных клаузах и событийных номинализациях:
нормативная стратегия**

	Клауза		Номинализация	
	внутренний аргумент	внешний аргумент	внутренний аргумент	внешний аргумент
неаккузативы	NOM	—	GEN	—
неэргативы	—	NOM	—	GEN
двухместные непереходные	OBL/PP	NOM	OBL/PP	GEN
переходные	ACC	NOM	GEN	INSTR

«аккузативная стратегия»

«эргативная стратегия»

Схема 1. Аккузативная и эргативная стратегии падежного кодирования аргументов

«Эргативный» или «пассивный» характер русских номинализаций отмечали многие исследователи. Так, М. Копчевская-Тамм относит номинализации в русском языке к посессивно-эргативному типу: при эргативной стратегии «дефолтное» оформление аргумента совпадает с оформлением possessора (используется генитив) [Kortjevskaja-Tamm 1993, 2013]. О принципиальной эргативности номинализаций как следствии отсутствия в их структуре переходного легкого глагола пишет А. Алексиаду [Alexiadou 2001]. Другие исследователи предполагают, что эргативная схема оформления аргументов возникает вследствие предварительной пассивизации переходных основ [Падучева 1977; Comrie 1976, 1980; Pesetsky 1995; Babby 1997; Engelhardt, Trugman 1998; Rappaport 1998, 2000]. Эти подходы объединяет общее представление о мотивации пассивизации: особое оформление внешнего аргумента вызвано тем, что в русской событийной номинализации недоступно более одного генитива. Поскольку внутренний аргумент событийной номинализации обязателен к выражению [Grimshaw 1990], единственный генитив должен быть «израсходован» на внутренний аргумент. Соответственно, внешний аргумент можно выразить только некоторым особым способом, например, как агентивное дополнение при пассивизации.

Наряду с нормативной стратегией в современном русском языке обнаруживается тенденция к экспансии творительного падежа для выражения внешнего аргумента одностных агентивных глаголов (неэргативов) и двухместных непереходных глаголов, лексически управляющих косвенным падежом или предложной группой. Эта тенденция выявляется как при анализе интернет-ресурсов [Pereltsvaig 2015;

Лютикова 2016 (в печати)], так и в экспериментальном исследовании [Gerasimova, Lyutikova, Pereltsvaig 2016]. Ниже приводятся некоторые примеры, найденные при помощи поиска «Яндекс».

(1) неэргативные / одноместные агентивные глаголы

а. «Голяком ходить» — так соседская бабушка характеризует экипировку современных девушек зимой, *хождение ими* в тонких колготах.

б. Затем выполняется рефлекторное *ползание ребенком* на животе...

в. Уверенность, что ситуация складывается именно так, а не иначе, придаёт не столько количественный результат россиян в Загребе, сколько качество *катания ими*...

г. Далее, ... *прыгание ими* <некоторыми верующими> в бутылку должно быть также подтверждено трудами ваших богословов.

д. Не уподобляйтесь большому числу женщин на дороге, свято уверенных, что соблюдение ими полутора пунктов ПДД означает *езду ими* по правилам.

(2) двухместные непереходные глаголы

а. *Заведование кафедрой доцентами* (кандидатами наук) допускается не более двух сроков подряд.

б. На сферу общения ребёнка, *овладение им речью*, на развитие личности и самосознания оказывает влияние общение ребёнка со взрослым...

в. Увы, не специалист по монетам, но меня в свое время вот это смутило: *Подражания скандинавами монетам Руси!*

г. Еще одним фактором, который развивает агрессивное поведение у детей, является *подражание ими своим сверстникам*.

д. ...при этом во время процесса *размышления ими над тем, какую ставку сделать*, по выражению их лица можно будет понять очень многое...

е. Формирование математической речи учащихся и *овладение ими математическим языком* обеспечивает сознательность учения.

Следует отметить, что использование творительного падежа вместо родительного не наблюдается при номинализациях от одноместных пациентивных глаголов (неаккузативов). Таким образом, одноместные основы делятся на два класса в отношении возможного оформления их аргумента при номинализации. Характеристики стратегии с экспансией творительного падежа суммированы в Таблице 2.

Как видно из таблицы, для двух классов основ инструменталис используется параллельно с использованием генитива. Кроме того, использование инструменталиса противопоставляет основы, имеющие и не имеющие внешний аргумент. Следовательно, в рамках данной стратегии инструменталис не может считаться «крайним средством» (*last resort*), использующимся при невозможности иного падежного оформления внешнего аргумента, но имеет собственную мотивацию.

Сравнивая данные в Таблицах 1 и 2, можно заметить, что стратегия с экспансией инструменталиса соответствует так называемой эргативно-активной стратегии, или активной стратегии на базе эргативной (Схема 2): класс одноместных глаголов расщепляется на агентивные и пациентивные, и падежное оформление объединяет агенты переходных и одноместных глаголов, с одной стороны, и пациенсы переходных

**Оформление аргументов в финитных клаузах и событийных номинализациях:
стратегия с экспансией творительного падежа**

	Клауза		Номинализация	
	внутренний аргумент	внешний аргумент	внутренний аргумент	внешний аргумент
неаккузативы	NOM	—	GEN	—
неэргативы	—	NOM	—	GEN / INSTR
двухместные непереходные	OBL/PP	NOM	OBL/PP	GEN / INSTR
переходные	ACC	NOM	GEN	INSTR

и одноместных глаголов, с другой стороны [Кибрик 1992]. Поскольку специфическое, маркированное оформление получают А-аргументы, стратегия носит наименование эргативно-активной [Bittner, Hale 1996].

В следующем разделе мы сопоставим стратегии оформления аргументов русских номинализаций со стратегиями морфосинтаксического кодирования аргументов в морфологически эргативных языках. Мы обсудим падежные теории, привлекаемые для анализа эргатива, и покажем, что они также могут быть использованы для объяснения распределения инструменталиса в аргументной структуре русских номинализаций.

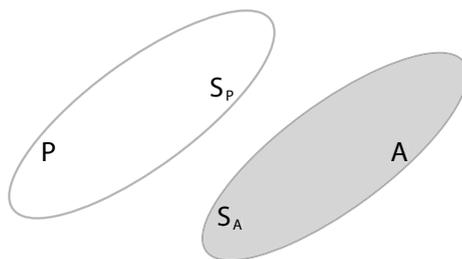

Схема 2. Эргативно-активная стратегия падежного кодирования аргументов

3. Аргументы номинализации, эргативность и теория падежа

Среди морфологически эргативных языков выделяется как минимум два типа. Первый тип, реализующий собственно эргативную стратегию, представлен во многих нахско-дагестанских языках, например, в багвалинском (андийские / аваро-андо-цезские), см. примеры (3)–(6).

- (3) anwar || *anwar-i-r w-ič'a.
 Анвар.NOM || Анвар-OBL-ERG м-умирать
 ‘Анвар умер.’
- (4) anwar || *anwar-i-r k'anc'uri.
 Анвар.NOM || Анвар-OBL-ERG прыгать
 ‘Анвар прыгнул.’
- (5) anwar || *anwar-i-r waša-šū-X w-ič'ā.
 Анвар.NOM || Анвар-OBL-ERG сын-OBL-AD м-смотреть
 ‘Анвар посмотрел на сына.’
- (6) *anwar || anwar-i-r waša w-ešīsi.
 Анвар.NOM || Анвар-OBL-ERG сын.NOM м-хвалить
 ‘Анвар похвалил сына.’

Примеры показывают, что эргативное оформление внешнего аргумента используется только у переходных глаголов, в том случае, когда внутренний аргумент оформляется номинативом (6). Если же внутреннего аргумента нет (4) или он получает лексически управляемый косвенный падеж (5), внешний аргумент оформляется номинативом. Номинатив является также падежом внутреннего аргумента одноместного пациентивного глагола (3).

Ко второму типу языков с морфологической эргативностью — эргативно-активным языкам — можно отнести, например, грузинский и баскский. Рассмотрим примеры из грузинского языка:²

(7)	študent-i
студент-NOM
'Студент пришел.'	mivida.
приходить.AOR		
(8)	moxis-ma
старик-ERG
'Старик заплакал.'	iřira.
плакать.AOR		
(9)	vano-m
Вано-ERG
'Вано думал о Марике.'	ipikra
думать.AOR	marika-ze.
Марика.DAT-o	
(10)	nino-m
Нино-ERG
'Нино показала Гии картину.'	gia-s
Гия-DAT	surateb-i
картина-NOM	ačvena.
показывать.AOR

Мы видим, что грузинский язык использует эргатив для оформления внешнего аргумента не только при переходном глаголе (10), но и при одноместных и двухместных непереходных глаголах (8)–(9). Внутренний аргумент одноместных (неаккузативных) глаголов оформляется номинативом (7).

Можно заключить, что условия приписывания эргатива в багвалинском и грузинском языке различны: в багвалинском эргатив оформляет внешний аргумент только при наличии номинативного внутреннего аргумента, а в грузинском эргатив оформляет внешний аргумент независимо от наличия и падежного оформления внутреннего аргумента. Если теперь обратиться к русским событийным номинализациям, мы обнаруживаем такие же условия для приписывания инструменталиса: в случае нормативной стратегии инструменталис оформляет внешний аргумент только при наличии генитивного внутреннего аргумента, а в случае стратегии с экспансией творительного падежа инструменталис используется для оформления внешнего аргумента независимо от наличия и падежного оформления внутреннего аргумента.

Отличия в условиях приписывания падежа внешнему аргументу отражаются в двух популярных подходах к анализу эргативности: теории эргатива как зависимого падежа и теории эргатива как ингерентного падежа внешнего аргумента. Далее в этом разделе мы рассмотрим эти теории и их применимость к анализу оформления аргументов номинализации.

² Грузинские примеры частично заимствованы из статьи [Marantz 1991], частично предоставлены и проанализированы Т. И. Бондаренко.

3.1. Эргатив и инструменталис как «зависимый» падеж

Понятие зависимого падежа является одним из важнейших понятий конфигурационной падежной теории, предложенной в статье А. Марантца [Marantz 1991] и развиваемой в [McFadden 2004; Bobaljik 2008; Baker 2009, 2014, 2015; Preminger 2011, 2014; Kornfilt, Preminger 2015; Levin, Preminger 2015]. Конфигурационная падежная теория предполагает, что приписывание падежа осуществляется на основании дизъюнктивной иерархии падежа, упорядочивающей падежные значения по условиям применения правил от наиболее частных к наиболее общим. Иерархия падежа представлена в (11).

(11) Дизъюнктивная иерархия реализации падежа [Marantz 1991]

- лексически управляемый падеж
- «зависимый» падеж (аккузатив и эргатив)
- немаркированный падеж (чувствительный к синтаксическому окружению)
- дефолтный падеж

На вход компонента, осуществляющего приписывание падежей, поступает синтаксическая структура предложения (TP) или другой составляющей, выступающей в данном языке в качестве падежной области (например, VP или NP). До работы данного компонента именные группы лишены падежных признаков. Сперва применяется правило приписывания лексически управляемого падежа: если некоторая именная группа управляется лексической вершиной, требующей идиосинкратичного падежа своего зависимого, реализуется лексически управляемый падеж. Получившая падеж именная группа инактивируется и становится невидимой для следующих правил.

На следующем этапе применяется правило приписывания «зависимого» падежа. «Зависимый» падеж реализуется в результате падежной конкуренции двух или более беспадежных именных групп в пределах падежной области. В простейшем случае, когда падежная область соответствует предложению, и предложение содержит две беспадежных именных группы, приписывание зависимого падежа выглядит следующим образом: в аккузативных языках «нижняя» именная группа получает аккузатив, в эргативных языках «верхняя» именная группа получает эргатив. Приписывание зависимого падежа вследствие падежной конкуренции представлено на Схеме 3.

После зависимого падежа приписывается немаркированный падеж — падеж, чувствительный к типу составляющей, доминирующей над именной группой. Например, можно считать, что генитив — это падеж любой именной группы, вложенной в другую именную группу и не получившей лексически управляемого

а. приписывание аккузатива

б. приписывание эргатива

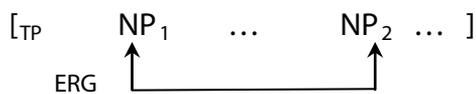

Схема 3. Приписывание зависимого падежа

или зависимого падежа. Наконец, последним применяется правило приписывания дефолтного падежа: все именные группы, не получившие падежей на предыдущих этапах, получают дефолтный падеж. Дефолтный падеж обычно (но не всегда, [Baker 2015: 89ff]) реализуется как номинатив.

Рассмотрим применение конфигурационной модели приписывания падежа к багвалинскому языку. В примерах (3) и (4) единственный аргумент может получить только дефолтный падеж — номинатив: лексически управляемый падеж указанными глаголами не приписывается, а условий для приписывания «зависимого» эргатива нет, поскольку в падежной области отсутствует падежный конкурент. В примере (5) на первом этапе внутренний аргумент получает лексически управляемый падеж и выбывает из падежной конкуренции. Вследствие этого внешний аргумент оказывается лишен падежного конкурента и не может получить «зависимый» эргатив; ему также приписывается дефолтный номинатив. Наконец, в примере (6) срабатывает правило приписывания «зависимого» эргатива: глагол не приписывает лексических падежей, поэтому в падежной области остаются две беспадежных именных группы. Верхняя именная группа, внешний аргумент, получает «зависимый» эргатив, а нижняя именная группа — дефолтный номинатив.

Обратимся теперь к анализу нормативной стратегии оформления аргументов русской номинализации. Парадигма приводится в (12а–г).

- (12) а. падение [уровня жизни]_{GEN}
 б. ворчание [соседа]_{GEN}
 в. мщение [Дантеса]_{GEN} [врагам]_{DAT}
 г. исполнение [арии]_{GEN} [Шаляпиным]_{INSTR}

Предположим, что инструменталис является «зависимым» падежом верхней из двух аргументных именных групп, а генитив — немаркированным падежом в именной группе. Тогда в примерах (12а–б) единственный аргумент, не получающий лексически управляемого падежа, будет оформляться немаркированным генитивом. В (12в) внутренний аргумент получит лексически управляемый датив, и это помешает ему создать падежную конкуренцию для внешнего аргумента, которому будет приписан немаркированный генитив. В (12г) обе аргументные именные группы не получают лексически управляемого падежа, поэтому вступает в действие правило приписывания «зависимого» падежа, и внешний аргумент как расположенный выше в синтаксической структуре получает инструменталис. Внутреннему аргументу приписывается немаркированный генитив.

3.2. Эргатив и инструменталис как ингерентный падеж внешнего аргумента

Анализ эргатива как ингерентного падежа внешнего аргумента опирается на теорию приписывания падежа лексическими или функциональными вершинами при согласовании [Chomsky 2000]. Эта теория развивает Теорию падежа генеративной

грамматики [Vergnaud 1977; Chomsky 1981] в рамках современной минималистской программы.

Основная идея этой теории состоит в том, что падеж является лицензором именных групп, и, следовательно, любая именная группа должна получить падеж. Источниками падежа являются лексические или функциональные (грамматические) вершины. Общий механизм приписывания падежа показан на Схеме 4.

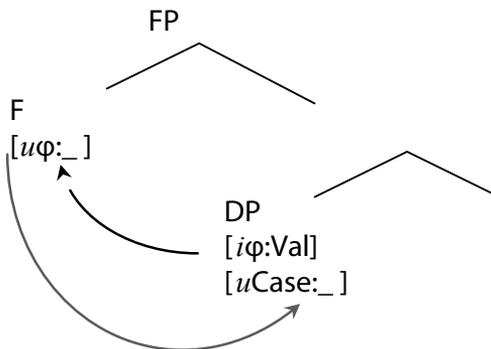

Схема 4. Приписывание падежа при согласовании

Приписывание падежа при согласо-

вании происходит в синтаксической конфигурации следующего вида: имеется вершина F, обладающая неозначенными согласовательными признаками лица и числа (так называемыми ϕ -признаками, $[i\phi: _]$); в области с-командования вершины F имеется именная группа, обладающая означенными ϕ -признаками ($[i\phi: Val]$) и неозначенным признаком падежа ($[iCase: _]$). В силу наличия и у вершины F, и у именной группы неозначенных признаков они активны для взаимодействия. Вершина F запускает процесс взаимодействия в качестве зонда (probe): она ищет в с-командуемой области цель (goal) — ближайшую составляющую, обладающую означенными ϕ -признаками. Между зондом и целью устанавливается отношение AGREE, в ходе которого зонд означает свои ϕ -признаки и приписывает падеж цели.

В зависимости от категории вершины F выделяется два вида падежей. Лексически управляемые падежи (называемые в Теории управления и связывания ингерентными) приписываются лексической вершиной своему дополнению одновременно с приписыванием семантической роли. Приписывание лексических падежей строго локально, а сами они часто обязательны к реализации.

Структурные падежи приписываются функциональными вершинами. Их основными характеристиками являются нелокальность, независимость от семантической роли и способность оставаться нереализованными. В соответствии с номенклатурой функциональных вершин обычно выделяются следующие структурные падежи: номинатив, приписываемый финитной предикативной вершиной (T_{FIN}); аккузатив, приписываемый переходным легким глаголом (v_{TR}); генитив, приписываемый посессивным вариантом детерминатора (D_{POSS}).

Статус эргатива внешнего аргумента в этой типологии остается не вполне ясным. Действительно, эргатив оформляет аргументы с определенной семантической ролью, но при этом он достаточно регулярный, а его источником является функциональная вершина (v_{TR}). Аналогичные проблемы возникают с классификацией «регулярного» датива битранзитивных и каузативных конструкций.

Решение этой проблемы предлагает Э. Вулфорд [Woolford 2006]. Исследовательница выделяет два типа не-структурных падежей — лексические и ингерентные.

Лексические падежи являются нерегулярными идиосинкратичными падежами, управляемыми лексическими вершинами; учитывая их нерегулярность, нельзя говорить и о связи лексического падежа с конкретной семантической ролью. Напротив, ингерентные падежи регулярным образом приписываются вместе с семантической ролью определенными функциональными вершинами. Так, эргатив приписывается вершиной v_{TR} , а датив — аппликативной функциональной вершиной. Характеристики структурных, ингерентных и лексических падежей приводятся в Таблице 3.

Таблица 3

Классификация падежей по [Woolford 2006]

	Не-структурные		Структурные
	Лексические	Ингерентные	
Вершина-источник падежа	лексическая	функциональная	функциональная
Связь с определенной те-та-ролью	нет	да	нет
Регулярность	нет	да	да
Пример	<i>quirky</i> -падеж в исландском языке	эргатив; датив битранзитивных глаголов	НОМ подлежащего, АСС дополнения

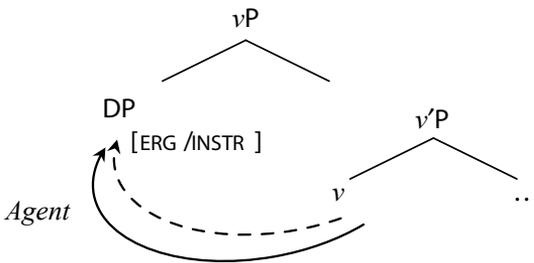

Схема 5. Приписывание ингерентного эргатива / инструменталиса

Характеристика эргатива как ингерентного падежа, приписываемого агентивным легким глаголом своему аргументу, влечет за собой следующие свойства: во-первых, он связан с определенной семантической ролью (только агенс); во-вторых, его приписывание не зависит от наличия внутреннего аргумента и от его падежного оформления.

Легко видеть, что именно такими

свойствами обладает эргатив в грузинском языке (примеры (7)–(10)), а также инструменталис при русских номинализациях в случае стратегии с экспансией творительного (примеры (13а–г)). Механизм приписывания ингерентного эргатива / инструменталиса показан на Схеме 5.

- (13) а. падение [уровня жизни]_{GEN}
- б. ползание [ребенком]_{INSTR}
- в. подражание [детьми]_{INSTR} [родителям]_{DAT}
- г. исполнение [арии]_{GEN} [Шаляпиным]_{INSTR}

Таким образом, стратегия с экспансией творительного падежа обобщает статус инструменталиса как ингерентного падежа внешнего аргумента. Именно поэтому инструменталис распространяется на одноместные агентивные (неэргативные), но не на одноместные пациентивные (неаккузативные) номинализации.

4. Некоторые следствия

В статье мы рассмотрели две стратегии оформления аргументов русской событийной номинализации: нормативную стратегию, при которой творительный падеж используется только при номинализации переходной основы, и стратегию с экспансией творительного падежа, при которой творительный падеж используется также при номинализации одноместных агентивных и двухместных непереходных основ. Представляется, что эти данные важны как для описания синхронного состояния русской языковой системы, так и для исследований категории падежа в междязыковом и теоретическом аспекте.

Две модели падежа, привлекавшиеся для анализа двух стратегий падежного маркирования русских номинализаций — конфигурационная теория приписывания падежа и теория присваивания падежа вершинами — обычно рассматриваются как конкурирующие.

Этот тезис может быть подвергнут критике. Как мы видели, две обобщенные схемы эргативности — собственно эргативная и эргативно-активная — естественным образом описываются в рамках двух теорий: собственно эргативную схему предсказывает модель эргатива как зависимого падежа, а эргативно-активную — модель эргатива как ингерентного падежа внешнего аргумента.

В работе [Baker, Vinokurova 2010] на материале якутского языка аргументируется тезис о возможности сосуществования в пределах одного языка двух способов приписывания падежа. Согласно исследователям, в якутском языке конфигурационное приписывание падежа и приписывание падежа вершинами при согласовании распределены по структурным контекстам.

Данные русских событийных номинализаций дополняют эту картину: сосуществование в языке двух стратегий оформления аргументов номинализации — нормативной стратегии и стратегии с экспансией творительного падежа — свидетельствует о доступности двух моделей приписывания падежа в одном структурном контексте одного языка.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М., 1992.

Лютикова Е.А. Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2014. С. 120–145.

Лютикова Е.А. Формальные модели падежа: теории и приложения. М., 2017. (в печати)

Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.

Падучева Е. В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка / Под ред. В. С. Храковского. Л., 1977. С. 84–107.

Пазельская А. Г. Регулярная многозначность русских предикатных имён // *Studia Slavica IV*. Сборник научных работ молодых филологов. Таллин, 2004. С. 291–301.

Пазельская А. Г. Наследование глагольных категорий именами ситуаций: на материале русского языка. Дисс... к.ф.н. Москва, МГУ, 2006.

Пазельская А. Г., Татевосов С. Г. Отглагольное имя и структура русского глагола // Исследования по глагольной деривации / Под ред. В. А. Плунгяна и С. Г. Татевосова. М., 2008. С. 348–380.

Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. В 2-х т. Т. II. М., 1980.

Alexiadou A. Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001.

Babby L. Nominalization in Russian // Formal approaches to Slavic linguistics: The Cornell meeting / ed. by W. Browne, E. Dornisch, N. Kondrashova and D. Zec. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1997. P. 54–83.

Baker M. Is head movement still needed for noun incorporation? The case of Mapudungun // *Lingua*. 2009. Vol. 119. №2. P. 148–165.

Baker M. On dependent ergative case (in Shipibo) and its derivation by phase // *Linguistic inquiry*. 2014. Vol. 45. №3. P. 341–379.

Baker M. Case. Its principles and its parameters (Cambridge studies in linguistics 146). Cambridge: CUP, 2015.

Baker M., Vinokurova N. Two modalities of Case assignment: Case in Sakha // *Natural language and linguistic theory*. 2010. Vol. 28. P. 593–642.

Bittner M., Hale K. The structural determination of case and agreement // *Linguistic inquiry*. 1996. Vol. 27. №1. P. 1–68.

Bobaljik J. Where's phi? Agreement as a post-syntactic operation // *Phi Theory* / ed. by D. Harbour et al. Oxford: OUP, 2008. P. 295–328.

Chomsky N. Lectures on Government and Binding: The Pisa lectures. Dordrecht: Foris, 1981.

Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework // *Step by step. Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik* / ed. by R. Martin, D. Michaels and J. Uriagereka. Cambridge, MA: MIT Press. P. 89–155.

Comrie B. The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergences // *The grammar of causative constructions (Syntax and semantics 6)* / ed. by M. Shibatani. New York: Academic Press, 1976. P. 261–312.

Comrie B. Nominalization in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences? // *Morphosyntax in Slavic* / ed. by C. Chvany and R. Brecht. Columbus: Slavica Publishers, 1980. P. 212–220.

Engelhardt M., Trugman H. D as a source of adnominal genitive in Russian // Formal approaches to Slavic linguistics. The Connecticut meeting 1997 / ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Synder. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1998. P. 114–133.

Gerasimova A., Lyutikova E., Pereltsvaig A. Case marking in Russian eventive nominalizations: Inherent vs. dependent case theory. Paper presented at the international conference Formal approaches to Slavic linguistics, Ithaca, NY (USA), 13–15 May, 2016.

Grimshaw J. Argument Structure. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.

Koptjevskaja-Tamm M. Nominalizations. London: Routledge, 1993.

Koptjevskaja-Tamm M. Action nominal constructions // The world atlas of language structures online / ed. by M. Dryer and M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/62>, Accessed on 2016–01–09.)

Kornfilt J., Preminger O. Nominative as no case at all: an argument from raising-to-accusative in Sakha // Proceedings of the 9th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL9) / ed. by A. Joseph and E. Predolac (MIT Working Papers in Linguistics #76). Cambridge, Mass: MIT Press, 2015. P. 109–120.

Levin T., Preminger O. Case in Sakha: Are two modalities really necessary? // Natural language and linguistic theory. 2015. Vol. 33. № 1. P. 231–250.

Marantz A. Case and licensing. Case and licensing // Eastern states conference on linguistics / ed. by G. Westphal, B. Ao and H.-R. Chae. Ithaca (NY): CLC Publications, 1991. P. 234–253.

McFadden T. The position of morphological case in the derivation: A study on the syntax-morphology interface. Doctoral dissertation, University of Pennsylvania, 2004.

Pereltsvaig A. Nominalizations in Russian: argument structure, case, and the functional architecture of the noun phrase. Paper presented at the 6th Workshop on Nominalizations, Verona (Italy), June 30 — July 1, 2015.

Pesetsky D. Zero Syntax. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.

Preminger O. Agreement as a fallible operation. Doctoral dissertation, Cambridge, MA: MIT, 2011.

Preminger O. Agreement and its failures. Linguistic Inquiry Monograph 68. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.

Rappaport G. The Slavic noun phrase. Position paper presented at the workshop on comparative Slavic morphosyntax. Indiana University, Bloomington, 5–7 June 1998.

Rappaport G. The Slavic noun phrase in comparative perspective // Comparative Slavic morphosyntax / ed. by S. Harves and J. Lavine. Bloomington: Slavica Publishers, 2000. P. 1–25.

Schoorlemmer M. Participial passive and aspect in Russian. Doctoral dissertation, Onderzoeksinstituut voor Taal en Spraak, Utrecht University, 1995.

Vergnaud J.-R. Letter to Noam Chomsky and Howard Lasnik (1977) // Syntax: Critical concepts in linguistics / ed. by R. Freidin and H. Lasnik. Vol. 5. London: Routledge, 2006. P. 21–34.

Woolford E. Lexical case, inherent case, and argument structure // Linguistic inquiry. 2006. Vol. 37. № 1. P. 111–130.

Ekaterina A. Lyutikova
Lomonosov Moscow State University
Moscow State University of Education
(Russia, Moscow)
lyutikova2008@gmail.com

ARGUMENT ENCODING IN RUSSIAN EVENT NOMINALS AND CASE THEORY

For Russian event nominals, descriptive grammars posit the following argument encoding strategy: (i) lexically governed arguments of the verbal stem retain their encoding; (ii) arguments that receive structural cases (nominative and accusative) in the finite clause are marked with genitive in nominalizations; (iii) if the verbal stem projects two arguments that need structural cases (i.e. the verb is transitive), in nominalizations the internal argument is marked with genitive, and the external argument — with instrumental. The generalization (iii) supports the traditional characterisation of Russian nominalizations as exhibiting an “ergative” or “passive” strategy of argument encoding, whereas S- and P-arguments receive an unmarked case, and A-argument gets a special encoding.

The paper introduces new empirical data that challenge the universality of previous generalizations which underwent theoretical modeling. Corpus studies and experimental studies reveal an additional model of argument encoding in nominalizations. It turns out that native speakers of Russian use instrumental marking not only for the external argument of transitives, but also for the external argument of unergatives and intransitives.

The two strategies of argument encoding in Russian event nominals receive an explanation within the two formal models of case assignment. The normative strategy which employs instrumental for external arguments of transitive verbal stems exclusively fits perfectly into the configurational case theory of A. Marantz, whereby genitive represents the unmarked case and instrumental — the dependent case. Instrumental encoding of any external argument, on the other hand, can be analyzed as an inherent case assigned to the agent argument by the light verb that projects it.

Key words: event nominals, argument structure, case theory, dependent case, inherent case, ergativity, Russian

References

Alexiadou A. *Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001.

Apresyan Yu. D. *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moscow, 1974. (In Russ.)

Babby L. Nominalization in Russian. *Formal approaches to Slavic linguistics: The Cornell meeting*, ed. by W. Browne, E. Dornisch, N. Kondrashova and D. Zec. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1997, pp. 54–83.

Baker M. Is head movement still needed for noun incorporation? The case of Mapudungun. *Lingua*. 2009, Vol. 119, №2, pp. 148–165.

Baker M. On dependent ergative case (in Shipibo) and its derivation by phase. *Linguistic inquiry*. 2014, Vol. 45, №3, pp. 341–379.

Baker M. *Case. Its principles and its parameters* (Cambridge studies in linguistics 146). Cambridge: CUP, 2015.

Baker M., Vinokurova N. Two modalities of Case assignment: Case in Sakha. *Natural language and linguistic theory*. 2010, Vol. 28, pp. 593–642.

Bittner M., Hale K. The structural determination of case and agreement. *Linguistic inquiry*. 1996, Vol. 27, №1, pp. 1–68.

Bobaljik J. Where's phi? Agreement as a post-syntactic operation. *Phi Theory*, ed. by D. Harbour et al. Oxford: OUP, 2008, pp. 295–328.

Chomsky N. *Lectures on Government and Binding: The Pisa lectures*. Dordrecht: Foris, 1981.

Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step. Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*, ed. by R. Martin, D. Michaels and J. Uriagereka. Cambridge, MA: MIT Press, pp. 89–155.

Comrie B. Nominalization in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences? *Morphosyntax in Slavic*, ed. by C. Chvany and R. Brecht. Columbus: Slavica Publishers, 1980, pp. 212–220.

Comrie B. The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergences. *The grammar of causative constructions* (Syntax and semantics 6), ed. by M. Shibatani. New York: Academic Press, 1976, pp. 261–312.

Engelhardt M., Trugman H. D as a source of adnominal genitive in Russian. *Formal approaches to Slavic linguistics. The Connecticut meeting 1997*, ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Synder. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1998, pp. 114–133.

Gerasimova A., Lyutikova E., Pereltsvaig A. *Case marking in Russian eventive nominalizations: Inherent vs. dependent case theory*. Paper presented at the international conference Formal approaches to Slavic linguistics, Ithaca, NY (USA), 13–15 May, 2016.

Grimshaw J. *Argument Structure*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.

Kibrik A. E. *Očerki po obščim i prikladnym voprosam yazykoznaniya (universal'noe, tipovoe i spetsifichnoe v yazyke)*. Moscow: MSU, 1992. (In Russ.)

Koptjevskaja-Tamm M. Action nominal constructions. *The world atlas of language structures online*, ed. by M. Dryer and M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/62>, Accessed on 2016–01–09.)

Koptjevskaja-Tamm M. *Nominalizations*. London: Routledge, 1993.

Kornfilt J., Preminger O. Nominative as no case at all: an argument from raising-to-accusative in Sakha. *Proceedings of the 9th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL9)*, ed. by A. Joseph and E. Predolac (MIT Working Papers in Linguistics #76). Cambridge, Mass: MIT Press, 2015, pp. 109–120.

Levin T., Preminger O. Case in Sakha: Are two modalities really necessary? *Natural language and linguistic theory*. 2015, Vol. 33, № 1, pp. 231–250.

Lyutikova E. A. Russkii genitivnyi possessor i formal'nye modeli imennoi gruppy. *Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference «Typology of morphosyntactic parameters 2014»*. Issue 1. Ed. by E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling, M. B. Konoshenko. Moscow, 2014, pp. 120–145. (In Russ.)

Lyutikova E. A. *Formal'nye modeli padezha: teorii i prilozheniya*. Moscow: LRC Publishing House, 2017. (in press) (In Russ.)

Marantz A. Case and licensing. *Eastern states conference on linguistics*, ed. by G. Westphal, B. Ao and H.-R. Chae. Ithaca (NY): CLC Publications, 1991, pp. 234–253.

McFadden T. *The position of morphological case in the derivation: A study on the syntax-morphology interface*. Doctoral dissertation, University of Pennsylvania, 2004.

Paducheva E. V. *O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka*. Moscow, 1974. (In Russ.)

Paducheva E. V. O proizvodnykh diatezakh otpredikatnykh imen v russkom yazyke. *Problemy lingvisticheskoi tipologii i struktury yazyka* [Problems of linguistic typology and language structure]. Ed. by V. S. Khrakovskii. Leningrad, 1977, pp. 84–107. (In Russ.)

Pazel'skaya A. G. Regulyarnaya mnogoznachnost' russkikh predikatnykh imen. *Studia Slavica IV. Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov* [Studia Slavica IV. Collection of papers of young philologists]. Tallinn: TSPU Publishing, 2004, pp. 291–301. (In Russ.)

Pazel'skaya A. G. *Nasledovanie glagol'nykh kategorii imenami situatsii: na materiale russkogo yazyka*. PhD dissertation. Moscow, MSU, 2006. (In Russ.)

Pazel'skaya A. G., Tatevosov S. G. Otglagol'noe imya i struktura russkogo glagola. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii* [Studies in verbal derivation]. Ed. by V. A. Plungyan and S. G. Tatevosov. Moscow: «Yazyki slavyanskikh kul'tur», 2008, pp. 348–380. (In Russ.)

Pereltsvaig A. *Nominalizations in Russian: argument structure, case, and the functional architecture of the noun phrase*. Paper presented at the 6th Workshop on Nominalizations, Verona (Italy), June 30 — July 1, 2015.

Pesetsky D. *Zero Syntax*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.

Preminger O. *Agreement as a fallible operation*. Doctoral dissertation, Cambridge, MA: MIT, 2011.

Preminger O. *Agreement and its failures*. Linguistic Inquiry Monograph 68. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.

Rappaport G. The Slavic noun phrase in comparative perspective. *Comparative slavic morphosyntax*, ed. by S. Harves and J. Lavine. Bloomington: Slavica Publishers, 2000, pp. 1–25.

Rappaport G. *The Slavic noun phrase*. Position paper presented at the workshop on comparative Slavic morphosyntax. Indiana University, Bloomington, 5–7 June 1998.

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Ed. by N. Yu. Shvedova. In 2 volumes. Vol. II. Moscow, 1980. (In Russ.)

Schoorlemmer M. *Participial passive and aspect in Russian*. Doctoral dissertation, Onderzoeksinstituut voor Taal en Spraak, Utrecht University, 1995.

Vergnaud J.-R. Letter to Noam Chomsky and Howard Lasnik (1977). *Syntax: Critical concepts in linguistics*, ed. by R. Freidin and H. Lasnik. Vol. 5. London: Routledge, 2006, pp. 21–34.

Woolford E. Lexical case, inherent case, and argument structure. *Linguistic inquiry*, 2006, Vol. 37, № 1, pp. 111–130.

¹Н. К. Онипенко, ²О. С. Биккулова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
¹onipenko_n@mail.ru; ²olga.bikkulova@gmail.com

ПРОБЛЕМА ДЕЕПРИЧАСТНОЙ НОРМЫ И КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТА

В статье обсуждаются проблемы деепричастной нормы и взаимодействие семантики русского деепричастия с категорией субъекта. Предлагается классификация примеров, которые осмысливаются носителями языка, но не соответствуют правилу. Приводятся аргументы в пользу того, что многие аномальные примеры возникают тогда, когда в семантике предложения активную роль играет модусная составляющая, то есть деепричастие оказывается между субъектом основной предикативной единицы и личной сферой модусного субъекта. Конструкция признается осмысленной, а значит, грамматически корректной, если субъектом деепричастной и основной предикативных единиц является субъект мысли, речи и восприятия. При невозможности соединения субъекта деепричастия и субъекта основной предикативной единицы сохраняется возможность нормативного употребления, которое квалифицируется как вводная конструкция. Вводной признается такая позиция деепричастия, когда оно относится к имплицитному модусу. Обосновывается связь деепричастия с эгоцентрической синтаксической техникой. В статье показано, что деепричастные конструкции с модусным субъектом регулярно появляются в текстах определенных жанров. В художественном тексте эгоцентрические свойства деепричастия создают определенные семантические эффекты: деепричастия являются средством обнаружения внутренней точки зрения автора (3-е лицо как 1-е), средством персонификации неодушевленного субъекта (в поэтических текстах).

Ключевые слова: деепричастие, деепричастный оборот, норма, грамматика, грамматические категории, аномальный материал, модус, субъект

Современные грамматические описания русского деепричастия включают формулировку правила построения деепричастной конструкции — правила односубъектности. При этом в качестве иллюстрации приводятся как правильные, так и неправильные конструкции, тем самым устанавливается граница между нормативными и ненормативными употреблениями деепричастия.

Семантико-синтаксические условия функционирования русского деепричастия и запреты на его употребление в определенных синтаксических конструкциях оказываются значимыми и при интерпретации объектов, имеющих косвенное отношение к деепричастию. Контроль над деепричастием является одним из оснований для признания косвенного падежа субъекта подлежащим (*Она казалась спокойною, а мне, глядя на неё, всё хотелось сказать ей, чтобы она не волновалась.* [И. С. Тургенев. Ася (1858)] — пример А. Б. Летучего). Возможность деепричастной конструкции свидетельствует об акциональности глагола и личности субъекта (ср. примеры Г. А. Золотовой — *Дети выходят/ вышли, выходя... в сад* и *Окна выходят/?вышли/?выходя в сад...*). Кроме того, возможность синонимической замены спрягаемой формы глагола или девербатива деепричастием используется как доказательство наличия категории таксиса (*Вошел и сказал, сказал и вошел; Войдя, сказал; Сказав, вошел*, но: *Ушел — и правильно сделал — ?Уйдя, правильно сделал, ??Правильно сделав, ушел* — ограничения в употреблении деепричастий свидетельствуют либо об отсутствии таксиса, либо об особом его проявлении); в [ТФГ 1987] в поле таксиса попадают только те конструкции с производными существительными, которые заменяются на деепричастные обороты. Соответственно, чтобы употребление деепричастия признавалось основанием в пользу того или иного лингвистического решения, должны быть определены границы корректного использования русского деепричастия.

В связи с этим необходимо обратиться к существующим вариантам формулировки деепричастной нормы, факторам, влияющим на решение в пользу правильности или неправильности конкретных примеров, и тем примерам, которые использовались для иллюстрации правильного, допустимого и неправильного употребления деепричастий.

История описания деепричастной нормы начинается с правила употребления деепричастия, сформулированного М. В. Ломоносовым в "Русской грамматике" (1755): «деепричастие должно в лице согласовываться с главным глаголом личным». В качестве правильных приводятся примеры с местоимением Я: *идучи в школу, встретился я с приятелем; написав я грамотку, посылаю за море* [Ломоносов (1755) 1952: с.566].

В дальнейшем, в грамматических описаниях XIX–XX веков формулировка правила будет связана (1) с отнесенностью деепричастия к подлежащему в Им. падеже и, соответственно, с двусоставностью/односоставностью основной предикативной единицы и (2) с типом оформления сказуемого в определенных конструкциях (инфинитивных, страдательных, безличных, неопределенно-личных). Во второй половине XX в. деепричастие стало одним из объектов теории культуры речи, описывающей реальное употребление грамматических форм; при этом исследователи начали писать о возможности смягчения строгого правила и указали на три семантических признака, порождающие не соответствующие правилу, но вполне корректные для осмысления предложения: первый — «отнесенность деепричастия к сфере модуса» (отметил В. А. Ицкович [Ицкович 1982], а теоретически обосновала Т. В. Шмелева [Шмелева 1984]), второй — признак «тематичности» деепричастия (об этом пишет О. Йокояма [Йокояма 1983], которая считает

возможным признать правильность предложений типа *Слушая его, у меня горели глаза и щеки.*) и третий — признак «корреферентности» семантических субъектов двух предикативных единиц (в другой терминологии — клауз), образующих полипредикативную конструкцию [Гловинская 1996]. М. А. Гловинская предложила разделить все аномальные, с точки зрения строгого правила, конструкции на три неравные группы:

«1) обширная группа примеров, где имеет место совпадение субъектов деепричастия и глагола:

Узнав это, у меня буквально ноги подкосились (из разговорной речи, 1991);

2) случаи, когда субъекты частично совпадают, а частично — нет (при метонимическом обозначении субъекта):

Думая об этом, ум за разум заходит (из разговорной речи, 1986);

3) единичные примеры независимых деепричастных оборотов, когда субъект деепричастия и субъект глагола различны:

Будучи уже вполне зрелым человеком, меня выманил Михалков играть Обломова (ТВ, О. Табаков в юбилейной телепередаче «Пять вечеров с Олегом Табаковым»).

М. Я. Гловинская «как очень грубое отклонение от нормы» квалифицирует только третий случай [Гловинская 1996: с. 287]. Интересно, что первые два случая она иллюстрирует примерами с деепричастиями от ментальных глаголов (т. е. глаголов, относящихся к сфере модуса). Обратим также внимание на то, что все приведенные примеры (М. В. Ломоносова, О. Йокоямы, М. А. Гловинской) связаны с 1-м лицом, которое выражает совпадение субъекта модуса (говорящего) и субъекта диктума. Эти факты и собранный материал позволяют предположить, что таксисная сущность деепричастия и модусная составляющая семантики предложения находятся в сложном взаимодействии, что и провоцирует появление многих аномальных примеров. При этом степень осмысливаемости этих примеров различная.

Цель настоящей статьи — показать, что многие аномальные примеры возникают тогда, когда в семантике предложения активную роль начинает играть модусная составляющая, когда деепричастие оказывается между субъектом основной предикативной единицы и личной сферой модусного субъекта. Сфера 1-го лица оказывается настолько сильным фактором, что некоторые конструкции при формальном несоответствии правилу могут быть признаны семантически корректными высказываниями.

Прежде чем анализировать деепричастные конструкции в связи с категорией субъекта, обратимся к понятию модуса, вошедшему в русский лингвистический обиход после работ Ш. Балли. Согласно определению Ш. Балли, «модальный глагол (например, *думать, радоваться, желать*)» и «его субъект — модальный субъект — вместе образуют модус, дополняющий диктум» [Балли 1955, с. 44].

Любое высказывание соединяет сферу субъекта диктума (сферу 3-го лица) и сферу субъекта модуса (сферу 1-го и 2-го лица), отношение между субъектами модуса (говорящим и слушающим) и субъектом диктума (действующим субъектом) выражается морфологической (и синтаксической) категорией лица.

Расстояние между Я и не-Я может увеличиваться за счет умножения субъектных ролей: две диктальных — субъект базовой модели (субъект действия, качества, состояния) и субъект-каузатор (субъект воздействия в каузативных конструкциях); три модусных — субъект сознания (тот, кому принадлежит мысль), субъект данной речи (*Я*) и субъект восприятия речи (*Ты*). Соединение на одной оси пяти субъектных ролей (и соответственно пяти субъектных сфер) было названо моделью субъектной перспективы высказывания и текста [Онипенко 1994; Золотова и др. 2004: 229–266]. Для каждой синтаксической конструкции возможно свое соотношение между модусными и диктальными субъектными сферами. Разные варианты соотношения модусных и диктальных субъектных сфер (их совпадение/ несовпадение, включение/исключение) организуют сложное субъектное пространство текста, а модель субъектной перспективы позволяет представить грамматику точки зрения, в другой терминологии — прагматику языковых единиц.

В модели субъектной перспективы учитываются, во-первых, категория лица и, во-вторых, типология модусов. Категория лица обнаруживает отношение между субъектными сферами: (1) между модусными и диктальными, (2) между модусными, т. е. участниками речевого акта и субъектом-авторизатором (владельцем информации, субъектом сознания). Типология модусов принадлежит сфере субъекта сознания (непосредственного владельца информации), в которой различаются (а) субъект восприятия, (б) субъект знания и мнения, (в) субъект воли, (г) субъект эмоции, (д) субъект речи, не совпадающий с *Я* говорящего (владелец «чужого слова») или совпадающий с *Я* говорящего (метатекст).

В канонической (речевой) ситуации функции субъекта речи и субъекта сознания соединяются. Это значит, что *Я* является владельцем информации и ее ретранслятором. Но существуют и такие речевые ситуации, в которых субъектом сознания является другой (другие), что обнаруживается категорией лица (как морфологической, так и синтаксической): *он думает, что...; он думал, что...; по его мнению; считается у них, слывет у них.*

Конструкция, соединяющая ментально-речевой предикат и субъект сознания и/или речи, называется модусной рамкой.

Деепричастие может относиться (1) к диктальному предикату, (2) к модусному эксплицитному и (3) к модусному имплицитному предикату. Стандартное правило употребления русского деепричастия ориентировано на первый вариант, т. е. на деепричастие, принадлежащее диктуму и относящееся к тому же модусному плану, что и основной предикат. В этом случае обнаруживается таксисная (временная) сущность деепричастия (*Шагая по горной тропинке, он напевал веселую песенку; Шагая по горной тропинке, туристам нужно внимательно смотреть под ноги*), а выбор вида деепричастия и место деепричастия в предложении (препозиция или постпозиция) обусловлены значениями одновременности/разновременности и констатации/ интерпретации. Появление аномальных примеров в этом случае связано с неличностью диктального подлежащего и косвенным падежом субъекта (**Живя в городе, у него появились новые привычки*).

Неличное подлежащее может представлять сферу личного субъекта, что предполагает наличие добавочного модусного компонента в семантике полупредикативной конструкции: **Шагая по горной тропинке, голова кружится* — шагая, чувствуешь, как...». Поэтому 2-й и 3-й типы употребления деепричастия предполагают обязательную личность субъекта деепричастного оборота, что накладывает определенные ограничения на семантику как субъекта, так и предиката основной предикативной единицы. При эксплицитном модусе нормативным признается употребление деепричастия при именительном падеже модусного субъекта (*Читая эти стихи, я понял, что их писала женщина*), при дательном падеже в конструкциях с инфинитивом (*Работая над статьей, автору нужно заранее знать, что...*). Конструкции с дательным падежом личного субъекта при модусных предикатах состояния (*грустно, обидно, приятно, что...*), соединяясь с деепричастными оборотами, образуют предложения, которые оказываются на периферии деепричастной нормы (*Читая эти строки, ей было приятно, что...*) и признаются соответствующими правилу лишь в некоторых грамматиках. Более корректными признаются предложения с незамещенной позицией дательного падежа и значением обобщенно-личности.

Модусный субъект склонен к имплицитности, поэтому для него регулярным является незамещенная позиция в составе модусной рамки («значимое отсутствие», или синтаксический нуль — *Но больно думать, что напрасно была нам молодость дана* — А. С. Пушкин). Вторым свойством модусного субъекта является его способность включаться в состав референтов диктальных синтаксических нулей — незамещенные позиции в составе диктальных структур. Речь идет об односоставных предложениях, которые принадлежат к системе эгоцентрических средств языка и характеризуются определенной субъектной перспективой, определенным соотношением субъекта диктума и субъекта сознания [Онипенко 2013]. Соединение деепричастного оборота с односоставными предложениями становится возможным при выполнении определенных семантических условий (см. об этом, например [Никитина 2012]). Анализ аномальных примеров показывает, что значительная часть нарушений деепричастной нормы связана с включением деепричастных оборотов в эгоцентрические конструкции, то есть в такие, которые без показателя субъекта читаются по 1-му лицу.

Аномальные примеры, допускающие осмысление в связи с субъектом сознания и речи, возникают в связи с тремя причинами:

1) невозможностью именительного падежа личного субъекта (конструкции с косвенным падежом личного субъекта — *Читая эти стихи, мне хочется спать/меня в сон клонит/тошнит от их слащавости*);

2) конкуренцией между именительным падежом неличного субъекта и косвенным падежом личного субъекта:

- при семантическом расщеплении субъекта (*Читая эти стихи, слезы наворачиваются/ глаза увлажняются*);
- в составе описательного предиката (*Читая эти стихи, появляется желание, приходит в голову мысль, возникает потребность...*);

- при каузативных глаголах в основном предикате (*Читая эти стихи, поражает их глубина, восхищает мастерство автора*);

3) возможностью неоднозначной референции к имплицитным 1–2-му лицам модусного субъекта или 3-му лицу неличного субъекта диктума (*Заходя за угол дома, сильный ветер уже не пытается сломить, своей силой и холодом — либо ‘заходя за угол, чувствую/-ешь, что...’, либо ‘ветер, заходя за угол...’*).

Аномальные примеры, имеющие непосредственное отношение к модусу, можно разделить на 6 типов конструкций. Эти синтаксические структуры признаются некорректными с точки зрения современной нормы, но допускающими осмысленное прочтение, особенно при обобщенно-личном значении субъекта. Проиллюстрируем эти 6 типов сконструированными примерами с одним и тем же деепричастным оборотом:

- 1) *Читая эти стихи, слезы наворачиваются...*
- 2) *Читая эти стихи, появляется желание закрыть книгу..*
- 3) *Читая эти стихи, чувствуется мастерство автора...*
- 4) *Читая эти стихи, кажется, что их написал уставший от жизни человек...*
- 5) *Читая эти стихи, тошнит от их слащавости...*
- 6) *Читая эти стихи, поражает глубина авторской мысли...*

Общность этих примеров, во-первых, в том, что в данных конструкциях, даже при наличии неодушевленных подлежащих (примеры 1,2,3,6), на семантическом уровне правило односубъектности соблюдается, поскольку субъектом обеих предикативных единиц является субъект личный. Более того, в сконструированных примерах это говорящий, т. е. 1 лицо. Во-вторых, при формальном различии основных предикативных единиц в них есть семантическая общность предикатов: предикаты в основных предикативных единицах выражают чувства, ощущения, мысли личного субъекта. И, наконец, основные предикативные единицы относятся к классу Я-предложений.

Особенность Я-предложений состоит в том, что эти конструкции без показателя субъекта прочитываются по 1-му лицу. При этом степень имплицитности 1-го лица бывает разной. Частично имплицитный субъект представлен в примерах типа 1: это способ представления лица через номинацию частей тела (*руки, ноги, сердце, голова*) и его физические ощущения (*слезы, мурашки, искры из глаз*). Сближается с примером 1 пример 2, где существительное в именительном падеже является частью описательного предиката, который в свою очередь синонимичен глагольному предикату (*появляется желание — хочется, приходит мысль — думается, возникает ощущение — ощущается*). Полностью имплицитное Я присутствует в остальных примерах.

Примеры показывают, что «нарушения» строгого правила системно предсказуемы, так как одни и те же семантико-синтаксические условия мы можем наблюдать как в XVIII–XIX вв., так и в начале XXI в.

Собранные примеры можно разделить на два больших класса: класс А. составляют примеры, не требующие восстановления модусной рамки, в класс Б. входят примеры, в которых ощущается эллипсис модусного предиката.

А. Нарушения связаны со структурой и семантикой основной части:

1. Субъект назван метонимически: через части тела, чувства, мысли и под.

Выходные начались так... Стоя уже минут 30 у открытого шкафа, меня посетила мысль: «мне СНОВА нечего надеть» (Интернет-ресурс)

Говорящий семантически не нарушает правила односубъектности, в его личной сфере (термин использован в [Апресян (1986) 1995]) все элементы мыслятся для него неотторжимыми — части тела, чувства, мысли (см. об этом [Жури́нская 1979]). Это означает, что именительный падеж не выражает другого субъекта и входит в состав описательного предиката (*появилось желание, пришла в голову мысль, родилась идея*):

Доктор, читая Ваш последний пост, складывается впечатление, что действительно «делать нечего» [коллективный. Форум: Натрия оксидбутират + Тиопентал (2012–2013)];

Но читая вдохновенный гимн эротике, вышедший из-под пера исследовательницы Гаудапады и Бхартрихари, невольно закрадывается подозрение, что и эти авторы были тайными тантристами. [В. Г. Лысенко. Классическая индийская философия в переводах и исследованиях российских ученых (1990–1996) (1996)].

Будучи включенными в одну субъектную сферу, свободно соединяются деепричастный оборот: «Слушая знакомые стихи» и главная часть — «мороз по коже пробегает». См. примеры:

Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегает у меня [И. И. Пущин. Записки о Пушкине];

Голова моя приехав на почтовый стан, была хуже болвана. [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву];

*Я клялся себе, свой пассат оставить в максимально оригинальной комплектации, но, **видя** такое, руки чешутся, ведь поставить литые диски, посадить конкретно, отполировать и любой Пассат будет привлекать внимание, как никогда* (Интернет-ресурс).

2. Подлежащее выражает содержание мыслей субъекта:

Читая эти странные стихи, вам как бы слышится дух веков реформации [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1880 год. Год III. Единственный выпуск на 1880 год (1880)];

Начиная вспоминать историю России, на ум приходят и периоды активного развития науки, искусства, общественных отношений, и периоды стагнации во всех сферах (эссе, логист, 1 курс бак, web-corpora).

3. В основной предикативной единице инволютивные предикаты со значением физического и психологического состояния субъекта (*знобит, лихорадит, весело, обидно, приятно*).

Субъект при этом выражен не именительным, а косвенным падежом или формально совсем не выражен, т. е. представлен синтаксическим нулем. См. примеры:

Иногда даже тошнит, видя очередную такую пустышку в ярком и расширенном фантике. (Интернет-ресурс);

Вспоминая эти замечательные встречи, мне думается, что они были для меня отличной школой («Челябинский рабочий», цит. по [Ицкович 1982]);

Так вот она рассказывала, чего ей чувствовалось, померши от змеиного укуса. (Антоний и Клеопатра, Шекспир. Пер. М. Донского, 1960);

Читая отчет, решительно начинает казаться, что эти наши ученые предполагали спиритизм существующим в Петербурге единственно лишь в квартире А. Н. Аксакова [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876)]

Узнавши такую печальную новость... меня затрясло (В. Добровольский)

Представленные конструкции относятся к эгоцентрическим: *ум* без указания — *чей он* — интерпретируется, как "мой", а *тошнит* без показателя субъекта — интерпретируется как "меня", *думается* без указания кому также читается в связи с Я говорящего. Таким образом, в сфере первого лица порождаются примеры, выходящие за рамки нормы. В данных примерах присутствует субъект мысли и речи, который связывает части предложения, содержащие финитную и нефинитную формы.

4. Следующий тип конструкций, выходящих за рамки нормы, — полипредикативные конструкции с каузативными и эмотивно-каузативными предикатами в основной части: *удивить, поразить, возмутить, огорчить, обрадовать.*

Субъект высказывания предстает не в роли агенса, а в роли экспериенцера:

Перечитывая «Наложницу», меня всегда поражает легкость и верность ее слога. [Е. А. Боратынский, переписка, 1931]

Как и в предыдущих типах, субъект в двух частях один. Какими бы непривычными (неграмматичными) ни казались эти примеры, они читаются однозначно.

Б. Нарушения связаны с имплицитным модусом:

1. Деепричастие, образованное от ментальных и речевых глаголов: *зная, вспоминая, обсуждая, осознавая;* см. примеры:

В следующих аномальных примерах субъекты главной и зависимой частей ни формально, ни семантически не совпадают:

Пытаясь сформулировать значения предлогов, исход оказывается абстрактным (эссе, лингвист, 1 курс бак, web-сopora);

И вот/обсуждая эту ситуацию/каждая перемена какого-то ударения/давала новую смысловую трактовку/выделения // (из УНР);

Умствуя таким образом, подлинно составит прекрасный и богатый язык Российский [А. С. Шишков. Рассуждения о старом и новом слоге... 1818].

Рассматриваемые деепричастные предикаты оформляют модусный компонент высказывания. Деепричастная конструкция предъясняет то, как факт, описанный в основной диктальной части, был получен говорящим, говорящий делится своими рассуждениями с адресатом, и для говорящего понятно, что деепричастие относится к имплицитному модусному предикату:

Пытаясь сформулировать значения предлогов, мы поняли/показали, что исход оказывается абстрактным

Для говорящего эта вставка кажется избыточной, но для адресата дополнительная информация необходима.

Конструкции с этими глаголами близки к описанным Т. В. Шмелевой в статье "Деепричастие на службе у модуса" [Шмелева 1984]: она рассматривает деепричастные обороты от глаголов речи и мысли (*перефразируя классиков, проще говоря, иначе говоря*), которые уже не воспринимаются носителями языка, как аномальные. Приведенные нами примеры находятся за границей нормы, но имеют сходный механизм образования.

2. Деепричастия от глаголов движения: наблюдатель перемещается в пространстве и интерпретирует окружающую действительность.

Направляясь дальше, перед вами вырастает огромный собор Святого Семейства (эссе, дизайнер, 2 курс бак).

Перейдя Невский — закусочная Смурова (Из Воспоминаний Д. С. Лихачева);

Проехав немного, справа монастырь навис под горою и прилеплен к горе [А. С. Грибоедов, Путевые записки].

Данный тип высказываний находим в текстах нескольких жанров — путевых записках, рассказах о путешествиях, а также в объявлениях о найме, продаже недвижимости или продаже каких-либо товаров и услуг (XVIII–XIX вв.):

По Литейной, пройдя Лютеранскую церковь, по Васильевской улице отдается в наем дом [объявление 1801];

Продается под строение хорошего дома место в 40 сажень длины и 30 поперешнику. Против Никольского собора, одним углом поворачясь к Никольскому каналу, другим по Театральному проспекту [объявление 1790];

У Спаса на Сенной, в Гороховой улице, от Рындина кабака к графскому пролomu, недошед Аринкиного мосту, по правой руке, в намазаном доме вдовы Анны Никифоровой продаются птицы... [объявление 1763].

Субъектом действия, оформленного деепричастием, оказывается любой человек,двигающийся этим маршрутом, то есть обобщенно-личный субъект, в состав которого включается и говорящий. Обе части полипредикативной конструкции представляют диктальную информацию, но, если условно восстановить в каждом предложении пропущенный модусный компонент: *Перейдя Невский, я вижу, вы увидите и т. д.*, то связность конструкции восстанавливается. Особенность таких конструкций в том, что деепричастие от глаголов движения перфектно, оно в значительной мере потеряло динамику и сблизилось по функции с предлогом — например, *рядом, около, вблизи*. Полный переход в производные предлоги фиксируется современными словарями для деепричастий *не доходя, не доезжая*. См. например:

Не доезжая светофора, будет булочная.

Таким образом, сопоставляя «неправильные» употребления деепричастия в текстах XVIII–XIX вв. и примеры нашего времени, нужно отметить, что и тогда существовали и теперь существуют сходные семантико-синтаксические условия для расширения синтаксических возможностей русского деепричастия. Связаны эти условия с эгоцентрической грамматической техникой и личной сферой субъекта модуса.

В устной речи или в повествовательных текстах от 1-го лица, а также в описательных текстах, предполагающих обобщенно-личного субъекта,

деепричастные конструкции расширяют свои синтаксические возможности, что продолжает квалифицироваться грамматиками как отклонение от правила. Однако эти отклонения от правила не создают затруднений для осмысления текста, поскольку единство личной сферы субъекта модуса становится основой для поддержания моносубъектного прочтения полипредикативной конструкции. Регулярные «нарушения» строгого правила оказываются вполне объяснимыми принадлежностью обеих предикативных единиц сфере субъекта мыслящего и говорящего, а также отнесенностью деепричастного оборота к имплицитному модусу.

Литература

- Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Апресян Ю. Д. Избранные труды*, т. 2. М., 1995.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Гловинская М. Я.* Активные процессы в грамматике // *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Под ред. Е. А. Земской. Москва, 1996. С. 237–304
- Журина М. А.* О выражении значения неотторжимости в русском языке // *Семантическое и формальное варьирование*. М., 1979. С. 295–347
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Ильенко С. Г., Левина И. Н.* Лексико-синтаксический словарь русского языка. СПб, 2007.
- Ицкович В. А.* Очерки синтаксической нормы. М., 1982.
- Йокояма О.* В защиту запретных деепричастий // *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists (Kiev, September 1983)*, Vol. 1 Linguistics, ed. by Michael S. Flier, Slavica, Columbus, Ohio, 1983, 373–81
- Ломоносов М. В.* Русская грамматика, § 532 / *Полн. собр. соч.*, т. 7. Труды по филологии, М.-Л., 1952. С. 566–567
- Никитина Е. Н.* Еще раз о деепричастиях в неопределенно-личных предложениях // *Русский язык в научном освещении*. № 2 (24). М., 2012. С. 23–41.
- Онипенко Н. К.* Идея субъектной перспективы в русской грамматике // *Русистика сегодня*, М., 1994, № 3. С. 74–83
- Онипенко Н. К.* Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических средств // *Проблемы функциональной грамматики: Естественная классификация*. СПб., 2013. С. 92–121.
- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис.* / Под ред. А. В. Бондарко. Л., 1987.
- Шмелева Т. В.* Деепричастия на службе у модуса // *Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры: Межвуз. сб.* Красноярск, 1984. С. 64–70.

Nadezhda K. Onipenko, Olga S. Bikkulova

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russian Federation, Moscow)

onipenko_n@mail.ru; olga.bikkulova@gmail.com

RUSSIAN ADVERBIAL PARTICIPLE — GRAMMATICAL RULE AND CATEGORY OF SUBJECT

The article discusses the problem of participial norms and the semantic interaction of the Russian adverbial participle with the category of subject. A classification of incorrect, abnormal constructions is proposed. The paper presents arguments that abnormal examples arise when a modus component of the sentence is activated, i.e. an adverbial participle can be related to the modus subject or the dictum subject. The anomalous syntactic construction can be comprehensible, that means grammatically correct, if the subject uniting the matrix and the subordinate clause refers to the subject of thought, speech and perception. The construction is considered normative if the adverbial participle has been transposed to a parenthesis. A position is recognized as a parenthetical one when the participle refers to the implicit modus. The authors also present a link between adverbial participles and the egocentric syntactic technique of the language. The article shows that the adverbial participle construction with the modus subject regularly appears in the texts of certain genre conditions. Fiction involves the egocentric technique with various semantic effects: participles detect the author's internal point of view (both third person and first) and become a means of the personification of an inanimate subject (poetic texts).

Key words: converb, adverbial participle, grammar, grammatical categories, anomalous material, egocentric technique

References

Apresjan Ju.D. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira. *Izbrannye trudy* [The Selected Works], vol. 2. Moscow, 1995, pp. 629–650.

Balli Sh. *General Linguistics and French Language (Linguistique générale et linguistique française)*, 1932 [Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka, Moscow, 1955].

Glovin'skaja M.Ja. Aktivnye processy v grammatike. *Russkij jazyk konca XX stoletija (1985–1995). Pod red. E.A.Zemskoj* [Russian language in the end of the XX century (1985–1995). Ed. E. A. Zem'skaja] Moscow, 1996, pp. 237–304.

Ickovich V.A. *Oчерki sintaksicheskoj normy*. [Essays on the syntactic rules], Moscow, 1982.

Il'enko S.G., Levina I.N. *Leksiko-sintaksicheskij slovar' russkogo jazyka*. [Lexico-syntactic dictionary of the Russian language] Saint-Petersburg, 2007.

Jokojama O. V zashhitu zapretnyh deeprichastij [In defense of the forbidden gerunds]. *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists (Kiev,*

September 1983), Vol. 1 *Linguistics*, ed. by Michael S. Flier, Slavica, Columbus, Ohio, 1983, pp. 373–81.

Lomonosov M. V. Russkaja grammatika, § 532. *Poln.sobr.soch., t.7. Trudy po filologii*, [Russian Grammar, § 532. Complete Works, Vol.7. Proc. on Philology] Moscow-Leningrad, 1952 (1755), pp. 566–567.

Nikitina E. N. Eshhe raz o deeprichastijah v neopredelenno-lichnyh predlozhenijah. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian language in the scientific coverage] №2 (24). Moscow, 2012, pp. 23–41.

Onipenko N. K. Ideja subjektnoj perspektivy v russoj grammatike. *Rusistika segodnja* [Russian philology today], M., 1994, №3, pp. 74–83.

Onipenko N. K. Model' subjektnoj perspektivy i problema klassifikacii jegocentricheskikh sredstv. *Problemy funkcional'noj grammatiki: Estestvennaja klassifikacija*. [Problems of functional grammar: Natural Classification] Saint-Petersburg, 2013, pp. 92–121.

Shmeleva T. V. Deeprichastija na sluzhbe u modusa. *Sistemnyj analiz znachimyh edinic russkogo jazyka. Sintaksicheskie struktury: Mezhvuz.sb.* [System analysis of relevant units of the Russian language. The syntactic structure: The interuniversity collection], Krasnojarsk, 1984, pp.64–70.

Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis. Pod red. A. V. Bondarko. The theory of The Functional Grammar: An Introduction. Aspectuality. Time Localization. Taxis. Ed. A. V. Bondarko. Leningrad, 1987.

Zhurinskaya M. A. O vyrazhenii znachenija neottorzhimosti v russkom jazyke. *Semanticheskoe i formal'noe var'irovanie* [Semantic and formal variation], Moscow, 1979, pp. 295–347.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Ju. *Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka.* [The Communicative Grammar of the Russian language] Moscow, 2004.

А. В. Подобряев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва)
podobryaev@gmail.com*

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВЯЗЫВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ 1 И 2 ЛИЦА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Денотатами местоимений 1 и 2 лица в общем случае являются контекстуальные константы Говорящий и Слушающий. Однако известны и случаи, когда эти местоимения интерпретируются как связанные переменные. Эти случаи семантического связывания, впервые засвидетельствованные в работах Б. Парти, получили широкое освещение в теоретической литературе на основе данных английского и некоторых других языков. Основной вопрос, занимающий исследователей, касается признаков лица связанных местоимений: имеют они собственное семантическое наполнение или наследуются от антецедента в результате некоторой синтаксической операции.

В статье предпринимается первая попытка осветить вопрос семантического связывания местоимений 1 и 2 лица на материале русского языка. Предварительное исследование наблюдаемых запретов показывает, что если наследование признаков при связывании и имеет место, оно не подчиняется классическим ограничениям на локальность в синтаксисе. Кажущаяся затрудненность семантического связывания местоимений 1 и 2 лица часто имеет не синтаксическую, а иную природу. Она может быть связана с прагматической приемлемостью прочтения, а также с конкуренцией интерпретаций местоимений как переменных и как контекстуальных констант Говорящий-Слушающий.

Ключевые слова: семантика местоимений, синтаксис анафоры, логическая форма, семантическое связывание, признак лица.

* Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 16–18–02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

Константы и переменные 1 и 2 лица

С точки зрения семантики, местоимения 1 и 2 лица занимают особое место среди личных местоимений, поскольку для определения их значения необходима привязка к речевой ситуации (см. [Падучева 1985], [Kaplan 1989] и мн. др.). Вслед за Д. Капланом мы будем называть речевую ситуацию *контекстом*. Строго говоря, можно считать, что контекст — это параметр значения, представляющий собой набор *координат*, таких как Говорящий, Слушающий, время речевого акта и мир речевого акта. В терминологии Е. В. Падучевой ([Падучева 1985]) координаты контекста — это *прагматические переменные* — в том смысле, что они могут принимать разные значения в разных речевых ситуациях; однако здесь мы будем говорить о них как о *контекстуальных константах* — в том смысле, что в рамках данной речевой ситуации их значение зафиксировано раз и навсегда. Этим местоимения 1 и 2 лица, очевидно, отличаются от местоимений 3 лица, которые могут принимать разные значения в рамках одной и той же речевой ситуации.

Для наглядности рассмотрим следующие предложения.

- (1) а. Юра сказал Мите, что мой руководитель мне завидует.
б. Юра сказал Мите, что мой руководитель ему завидует.
в. Юра сказал Мите, что его руководитель ему завидует.

В ситуации, когда предложения в (1) произносит, например, некий говорящий Г, местоимение 1 лица *мой* в каждом случае интерпретируется как относящееся к Г, тогда как с местоимениями 3 лица *ему* возможны разночтения. Например, в (1б) *ему* может обозначать Юру, Митю или (при поддержке окружающего дискурса) какого-то референта, не названного в самом предложении. Также можно заметить, что два местоимения 3 лица в (1в) могут пониматься как относящиеся к разным лицам, что контрастирует со случаем с двумя местоимениями 1 лица в (1а), которые обязательно относятся к Г.

Местоимения 3 лица в (1) интерпретируются как свободные переменные из множества индивидов. Однако местоимения 3 лица могут кодировать и связанные переменные, как в следующем примере:

- (2) [Каждый из нас]_{*i*} считал, что мой руководитель ему_{*i*} завидует.

В данном случае нас интересует то прочтение предложения, при котором для каждого *x*, входящего в некоторую группу, включающую говорящего, верно, что *x* считал, что руководитель Г. завидует *x*. Именно в этом случае мы можем говорить об интерпретации местоимения как связанной переменной. Также мы будем говорить о том, что антецедент (в случае (2) это обобщенный квантор *каждый из нас*) *семантически связывает* местоимение *ему*.

В работе [Partee 1989] было показано, что употребления в качестве связанных переменных характерны и для местоимений 1 лица. Один из примеров Б. Парти из английского языка приведен ниже:

(3) I am the only one around here who will admit that I could be wrong.

‘Я единственный человек здесь, кто₁ признает, что я могу/он₁ может (буквально: я могу) ошибаться.’

Предложение (3) неоднозначно. Неоднозначность возникает потому, что местоимение 1 лица *I* (‘я’) в составе относительного предложения может интерпретироваться как контекстуальная константа-Говорящий, а может и как переменная, связанная оператором-относительным местоимением. В первом случае предложение означает, что Говорящий является единственным, кто мог бы признать, что *Говорящий* может ошибаться, а во втором — что Говорящий является единственным, кто мог бы признать *себя* заблуждающимся.

Семантическое связывание может происходить и вне относительного предложения, как в следующем примере:

(4) Only I did my homework.

‘Только я сделал свою (буквально: мою) домашнюю работу.’

У предложение (4) есть прочтение, при котором местоимение *tu* (‘мой’) оказывается семантически связанным: для Говорящего и ни для кого больше верен предикат быть таким *x*, что *x* сделал домашнюю работу *x*.

Примеры, подобные примерам (3) и (4), широко обсуждаются в теоретической литературе. Основной вопрос, который исследуется в связи с такими примерами состоит в том, семантичен ли признак 1 лица в случае семантического связывания — или же он десемантизирован и передается местоимению от антецедента в результате некоторой синтаксической операции вроде согласования — обычно говорят об операции «переноса признаков» (*Feature Transmission*, см. [Kratzer 1998, 2009], [Heim 2008] и др.

Далее в статье мы в первом приближении рассмотрим проблему семантического связывания местоимений 1 и 2 лица в русском языке.

Ты и я как связанные переменные

Семантическое связывание местоимений 1 и 2 лица в русском языке возможно. Рассмотрим несколько примеров реального употребления (семантически связанные местоимения выделены курсивом):

(5) Но ведь не только я верю, что у *меня* две руки, а и каждый разумный человек. [Л. Витгенштейн. «О достоверности». Перевод Ю. А. Асеева, М. С. Козловой, // "Вопросы философии". 1991. №2. С. 67–120]

(6) Встретили рыбака, который нес огромную снасть, похожую на ломтик апельсина, увеличенный миллион раз:

— Рыба есть. Снасть хорошая, но не очень. Я знаю места, но поймал от силы килограмм на эту снасть, и то слава богу!

Мне показалось, что рыбак этот — символ моей жизни. Я тоже уверен, что у *меня* чудесная и ловкая снасть, но рыбы ловлю не больше килограмма. И то слава богу! [Вс. Иванов. «Дневники». М.: «Наследие». 2001]

В примере (5) местоимение *меня* семантически связано. Оно обозначает не Говорящего, а переменную, связанную выражением *только я*. Несвязанная интерпретация в принципе возможна, но в общем контексте цитируемого сочинения вряд ли оправдана. При восстановлении эллипсиса во второй части сложносочиненного предложения, получается *каждый разумный человек верит, что у него (у этого человека) две руки*. То есть в элидированной глагольной группе местоимение интерпретируется как связанная переменная. Несмотря на то, что в конструкции с эллипсисом это местоимение 3 лица, достигается семантический параллелизм двух глагольных групп. В каждой из них местоимению соответствует связанная переменная, их логическая форма в лямбда-нотации будет выглядеть так:

(7) λx . верить(x , иметь две руки(x)).

Показателен и пример (6). В предложении *Я тоже уверен, что у меня чудесная и ловкая снасть, но рыбы ловлю не больше килограмма* слово *тоже* указывает на то, что следующий за ним предикат уже был актуализирован в дискурсе. Очевидно, это рефлексивный предикат, в котором местоимению *меня* соответствует связанная переменная. Таким образом, автор постулирует, что этот предикат верен как для увиденного им рыбака, так и для него самого.

По предварительным наблюдениям, местоимения 2 лица в той же мере могут участвовать в семантическом связывании, что и местоимения 1 лица. Например, именно так употреблено местоимение *тебя* в следующем примере:

(8) Да, не только ты считаешь, что у *тебя* слишком маленькие глаза и толстые пальцы. Мальчишки тоже страдают по этому поводу. [М. Денисова. «7 вещей, о которых парни переживают так же сильно, как и девушки» // Elle Girl; <http://www.ellegirl.ru>]

В то же время, во многих случаях интерпретация местоимения 1 или 2 лица как связанной переменной бывает затруднена. Рассмотрим пример (9):

(9) Из людей, живших в нашем доме, только мне нравилась моя квартира.

Затруднение, судя по всему, вызвано тем, что в отсутствие поддерживающего окружающего дискурса предпочтительнее оказывается интерпретация местоимения *моя* как контекстуальной константы. В случае дискурсивной поддержки семантическое связывание может стать более оправданным:

(10) <В какой-то момент у нас в доме проводили опрос, довольны ли люди своим личным жильем.> По результатам опроса выходило, что из людей, живших в нашем доме, только мне нравилась моя квартира.

Впрочем, у некоторых носителей затруднения с семантическим связыванием могут возникнуть и в случае (10). По-видимому, это связано с конкуренцией между словом *моя* и словом *собственная*, которое, в отличие от местоимения *моя* в (10), было бы однозначно проинтерпретировано именно как связанная переменная.

Что можно утверждать наверняка, так это то, что семантическое связывание в русском языке местоимений 1 и 2 лица само по себе не подчиняется синтаксическим ограничениям на локальность. Так, связывание в принципе возможно, когда между связанным местоимением и его антецедентом есть две границы клауз, т. е. в конфигурации АНТЕЦЕДЕНТ [_{клауза} [_{клауза} МЕСТОИМЕНИЕ]], см. пример ниже:

(11) Уверен, что не я один занервничал бы, [если бы на допросе следователь поинтересовался, [где я был 2 августа в 10 часов вечера]].

Возможность семантического связывания в такой синтаксической конфигурации примечательна, поскольку именно наличие синтаксических ограничений на локальность семантического связывания использовалась в качестве аргумента в пользу синтаксической операции передачи признака 1 или 2 лица от антецедента к местоимению (см. [Kratzer 1998, 2009]). В отсутствие явных ограничений на локальность предполагать существование синтаксической операции вроде согласования становится проблематично.

В связи с этим более обоснованным представляется анализ, не предполагающий жестких ограничений на локальность. Такой анализ семантического связывания был представлен в работах С. Минора [Minor 2011] и Я. Судо [Sudo 2012]. Основным допущением анализа является то, что признак лица является частью сложного референциального индекса, который есть у всех личных местоимений. Референциальные индексы интерпретируются функцией приписывания (*assignment function*) g , которая ставит им в соответствие некоторых индивидов. Признак лица накладывает ограничения на функцию g . Предполагается, что при интерпретации высказывания свободные (т. е. несвязанные) индексы 1 лица будут соответствовать Говорящему, все свободные индексы 2 лица будут соответствовать Слушающему, а свободные индексы 3 лица — индивидам, которые не являются ни Говорящим, ни Слушающим.

(12) Для любого $i \in N$, любого контекста c и любой функции приписывания g
 $\llbracket \text{я}_{\langle i, 1л \rangle} \rrbracket^{c,g} = g(\langle i, 1л \rangle)$; $g(\langle i, 1л \rangle) = s_c$ (где s_c — Говорящий в контексте c);
 $\llbracket \text{ты}_{\langle i, 2л \rangle} \rrbracket^{c,g} = g(\langle i, 2л \rangle)$; $g(\langle i, 2л \rangle) = h_c$ (где h_c — Слушающий в контексте c);
 $\llbracket \text{она}_{\langle i, 3л \rangle} \rrbracket^{c,g} = g(\langle i, 3л \rangle)$; $g(\langle i, 3л \rangle) \neq s_c$; $g(\langle i, 3л \rangle) \neq h_c$.

Семантическое связывание происходит по процедуре, подробно описанной в [Heim and Kratzer 1998]: антецедент подвергается передвижению на уровне логической формы, при этом он оставляет след с индексом i , над которым имеет структурный приоритет идентичный *индекс связывания* i . Если при этом в сфере действия индекса связывания есть местоимения с идентичным индексом i , то все они окажутся семантически связанными. Этот эффект достигается специальной манипуляцией, называемой предикатной абстракцией. Предикатная абстракция заменяет индексы, совпадающие с индексом связывания, на связанные переменные.

(13) *Предикатная абстракция со сложными референциальными индексами*

Если узел α в структуре непосредственно доминирует над узлами β и γ и при этом β непосредственно доминирует только над индексом связывания $\lambda_{\langle i, k \rangle}$ (где $i \in \mathbb{N}$, а $k \in \{1л, 2л, 3л\}$), тогда для любой функции приписывания g $\llbracket \alpha \rrbracket^{c.g} = \lambda x. \llbracket \gamma \rrbracket^{c.g} [\langle i, k \rangle \rightarrow x]$.

Система Минора-Судо предполагает, что именные группы 1 и 2 лица, такие как (*только*) *я* и (*только*) *ты*, передвигаясь, оставляют следы с индексами 1 и 2 лица соответственно. Поскольку для применения правила предикатной абстракции требуется полное совпадение индекса связывания и индексов будущих связанных переменных, предсказывается, что любое местоимение, которое будет семантически связано именной группой 1 или 2 лица будет и само иметь признаки 1 или 2 лица.

Заметим, что предикатная абстракция не предполагает ограничений на глубину или локальность. Таким образом, в системе Минора-Судо не предсказывается ограничений на то, насколько локальным должно быть взаиморасположение семантически связанного местоимения и его антецедента.

Это, впрочем, не значит, что связывание может происходить в любой синтаксической конфигурации. Необходимым и достаточным условием для возможности связывания является структурный приоритет антецедента над индексом связывания и, соответственно, над всеми связанными индексами на уровне логической формы. Судя по всему, именно поэтому семантическое связывание невозможно в примере (14), отличающегося от примера (11) препозицией обстоятельственного предложения относительно клаузы с подлежащим *не я один* и связанным с этим отсутствием структурного приоритета группы *не я один* над местоимением *я* в обстоятельственном придаточном:

(14) Уверен, что [если бы на допросе следователь поинтересовался, [где я был 2 августа в 10 часов вечера]], не я один занервничал бы.

Возможные направления будущих исследований

В связи с тем, что семантическое связывание местоимений 1 и 2 лица часто оказывается затруднено, в дальнейшем представляется необходимым проверить, не свидетельствует ли это о фундаментальном отличии местоимений 1 и 2 лица от местоимений 3 лица. Можно предположить, что затруднения часто могут возникать потому, что местоимения 1 и 2 лица неоднозначны: они могут либо интерпретироваться как переменные (15), либо как контекстуальные константы (16).

(15) $\llbracket я_{\langle i, 1л \rangle} \rrbracket^{c.g} = g(\langle i, 1л \rangle)$; $\llbracket ты_{\langle i, 2л \rangle} \rrbracket^{c.g} = g(\langle i, 2л \rangle)$

(16) $\llbracket я \rrbracket^{c.g} = s_c$; $\llbracket ты \rrbracket^{c.g} = h_c$.

В случае интерпретации местоимений 1 и 2 лица как переменных, они не сильно отличаются от местоимений 3 лица и на уровне логической формы могут быть как свободными, так и связанными. Однако возможное наличие альтернативной интерпретации местоимений 1 и 2 лица как контекстуальных констант может снижать «шансы» семантического связывания. Для проверки этой гипотезы требуется

систематическое исследование семантического связывания местоимений 1 и 2 лица в противопоставлении местоимениям 3 лица в широком круге синтаксических контекстов (в грубом приближении предсказывается, что местоимения 3 лица будут легче пониматься как связанные переменные).

Отдельный интерес для будущих исследований представляют случаи связывания в относительных придаточных, как, например, в следующем предложении:

(17) Из всех защищавшихся в тот день, я был единственным, кто боялся, что совету не понравится *моя* диссертация. (*Другие не боялись, что совету не понравятся их диссертации.*)

Следует отметить, что элементом, семантически связывающим местоимение *моя* в (17), является не местоимение *я*, а относительное местоимение *кто* (ср. обсуждение примера Б. Парти (3) выше). Любопытно, что это местоимение «на поверхности» имеет признаки не 1, а 3 лица. Впрочем, можно предположить, что в интересующем нас семантическом представлении местоимению *кто* в (17) соответствует индекс связывания 1 лица, а «наблюдаемое» 3 лицо проявляется по некоторому морфологическому правилу (ср. [Kratzer 2009]). Или же можно предположить, что индекс связывания 1 лица не имеет в данном случае явного выражения, а относительное местоимение 3 лица семантически не интерпретируется. Заметим, однако, что вариант предложения (17) с местоимением 3 лица, связанным относительным местоимением, кажется предпочтительным для получения нужной интерпретации:

(18) Из всех защищавшихся в тот день я был единственным, кто боялся, что совету не понравится его диссертация.

Кроме того, по-видимому, семантическому связыванию может препятствовать слишком близкое взаимоположение относительного местоимения и местоимения 1 лица. В предложении (19), где местоимение *моя* расположено структурно ближе к антецеденту, чем в (17), интерпретация семантического связывания кажется менее доступной, чем в (17), что может свидетельствовать о том, что разница в поверхностных, наблюдаемых признаках лица между антецедентом и связанным местоимением является фактором, в какой-то степени препятствующим установлению семантического связывания.

(19) Из всех защищавшихся в тот день я был единственным, кому не нравилась моя диссертация.

И все же каким образом индекс связывания в составе относительного предложения мог бы получить необходимый признак 1 лица (пусть и неявный)? Судя по всему, это происходит в результате действия некоторой операции (или операций), которые обеспечивают тождество признака лица подлежащего главного предложения и признака лица индекса связывания. Можно показать, что семантическое связывание окажется невозможным, если подлежащее будет иметь формальный признак 1 лица даже при сохранении семантики контекстуальной координаты Говорящего, как в следующем примере:

(20) Из всех защищавшихся в тот день ваш покорный слуга был единственным, кто боялся, что совету не понравится моя диссертация.

Показательно и то, что семантическое связывание оказывается невозможным в случае отсутствия структурного приоритета местоимения 1 лица над относительным предложением, как в следующем примере:

(21) Из всех защищавшихся в тот день единственным, кто боялся, что совету не понравится моя диссертация, был я.

Контраст между возможностью семантического связывания в (17) и его невозможностью в (21) может свидетельствовать о том, что именно структурный приоритет является необходимым условием для операции передачи признака лица индексу связывания (ср. аналогичные данные германских языков в работе С. Вурмбранд [Wurmbrand 2015]).

Как именно происходит в данном случае наследование признака лица, покажут дальнейшие исследования вопроса.

Литература

Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.

Heim I., Kratzer A. Semantics in generative grammar. Oxford, Blackwell, 1998.

Heim, I. Features on bound pronouns // *Phi Theory: phi-features across modules and interfaces* / ed. by D. Adger, S. Bejar, D. Harbour. Oxford, Oxford University Press, 2008. P. 35–56.

Kaplan D. Demonstratives: An essay on the semantics, logic, metaphysics, and epistemology of demonstratives and other indexicals // *Themes from Kaplan* / ed by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford, Oxford University Press, 1989. P. 481–563.

Kratzer A. More structural analogies between pronouns and tenses // *Proceedings of SALT 8* / ed. by A. Lawson, D. Strolovich. Ithaca, NY, CLC Publications, 1998. P. 92–110.

Kratzer, A. Making a pronoun: fake indexicals as windows into the properties of pronouns // *Linguistic Inquiry*. 2009. №2. P. 187–237.

Minor, S. Complex indices and a blocking account of the sequence of tenses. Tromsø, 2011. [Электронный ресурс] URL: <https://sites.google.com/site/sergeminor>. (дата обращения: 31.07.2016)

Partee, B. Binding implicit variables in quantified contexts // *Papers from CLS 25* / ed. by R. Graczyk, B. Music, C. Wiltshire. Chicago, IL, 1989. P. 342–356.

Sudo, Y. On the semantics of phi-features on pronouns. PhD dissertation, Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, MA, 2012.

Wurmbrand S. Fake indexicals, feature sharing, and the importance of gendered relatives. Storrs, CT, 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://wurmbrand.uconn.edu>. (дата обращения: 31.08.2016)

Alexander V. Podobrjaev

National Research University Higher School of Economics,
Moscow Pedagogical State University
(Russia, Moscow)
podobrjaev@gmail.com

SEMANTIC BINDING OF 1ST AND 2ND PERSON PRONOUNS IN RUSSIAN

Most commonly, 1st and 2nd person pronouns refer to the contextual constants, the Speaker and the Addressee, respectively. However, since the pioneering work of Barbara Partee, it is known that there are also cases when the 1st and 2nd person pronouns are interpreted as bound variables. Such cases in English and some other languages have been extensively discussed in theoretical linguistics with the aim of establishing whether person features of bound 1st and 2nd person pronouns are interpreted on their own or merely transmitted from the pronouns' antecedents in syntax.

This paper makes an attempt at exploring the problem of the semantic binding of 1st and 2nd person pronouns in Russian. A preliminary study allows us to cast some doubt on the idea that feature transmission, if it is responsible for bound variable readings, is subject to constraints on syntactic locality. It appears that the semantic binding of 1st and 2nd person pronouns is often dispreferred, but not for purely syntactic reasons. What seems to matter is the competition with pure indexical interpretation and the pragmatic plausibility of the readings.

Keywords: semantics of pronouns, syntax of anaphora, logical form, semantic binding, person features.

References

- Heim I., Kratzer A. *Semantics in generative grammar*. Oxford, Blackwell, 1998.
- Heim, I. Features on bound pronouns. *Phi Theory: phi-features across modules and interfaces*, ed. by D. Adger, S. Bejar, D. Harbour. Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 35–56.
- Kaplan D. Demonstratives: An essay on the semantics, logic, metaphysics, and epistemology of demonstratives and other indexicals. *Themes from Kaplan*, ed by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford, Oxford University Press, 1989, pp. 481–563.
- Kratzer A. More structural analogies between pronouns and tenses. *Proceedings of SALT 8*, ed. by A. Lawson, D. Strolovich. Ithaca, NY, CLC Publications, 1998, pp. 92–110.
- Kratzer, A. Making a pronoun: fake indexicals as windows into the properties of pronouns. *Linguistic Inquiry*, 2009, no. 2, pp. 187–237.
- Minor, S. *Complex indices and a blocking account of the sequence of tenses*. Tromsø, 2011. Available at: <https://sites.google.com/site/sergeminor>. (accessed 31.07.2016)
- Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu*. Moscow, 1985.

Partee, B. Binding implicit variables in quantified contexts. *Papers from CLS 25*, ed. by R. Graczyk, B. Music, C. Wiltshire. Chicago, IL, 1989, pp. 342–356.

Sudo, Y. *On the semantics of phi-features on pronouns*. PhD dissertation, Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, MA, 2012.

Wurmbrand S. *Fake indexicals, feature sharing, and the importance of gendered relatives*. Storrs, CT, 2015. Available at: <http://wurmbrand.uconn.edu>. (accessed 31.08.2016)

Е. В. Рахилина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
rakhilina@gmail.com*

Т. И. Резникова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
reznikova@gmail.com*

М. А. Бородина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
marina.borodina710@gmail.com*

«ТАМАНЬ СЕГОДНЯ»: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА*

Работа представляет проект Школы лингвистики НИУ ВШЭ по описанию языка XIX века. Он касается мониторинга изменений, которые претерпел русский язык — и прежде всего, конструкции русского языка — первой трети XIX века по сравнению с началом века XXI. Эти изменения, часто затрагивающие (как это бывает именно в конструкциях) одновременно лексику, морфологию и синтаксис, могут быть малозаметны, но нуждаются в регистрации и обобщении. В до-корпусную эпоху многие из них были еще не видны авторам классических трудов по русскому историческому синтаксису — В. В. Виноградову, Н. Ю. Шведовой, Л. А. Булаховскому и др. Материалом проекта служат поздние прозаические тексты М. Ю. Лермонтова. Техническая задача состоит в их сплошной корпусной разметке по выработанной нами системе внутри специально построенного компьютерного ресурса и соотнесении результатов этой разметки с современными языковыми данными, в том числе, экспериментальными. Создаваемый ресурс предназначен для широкого круга специалистов — исследователей истории русского языка,

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 16–18–02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах» под рук. Н. А. Слюсарь.

преподавателей, студентов-филологов и лингвистов, а также для всех, кто интересуется русской литературой соответствующего периода.

Ключевые слова: русский язык XIX века, диахронические исследования, исторические изменения русского языка, конструкции, корпусная лингвистика, Лермонтов.

1. Введение

В данной статье мы рассмотрим первые, предварительные результаты проекта «Тамань сегодня». Проект возник как научно-исследовательский семинар в рамках магистратуры Школы лингвистики НИУ ВШЭ в сентябре 2015 года. Тогда мы определяли его главную задачу как поиск и описание устаревших конструкций в текстах XIX века, составление базы данных и разметка корпуса текстов этого периода. Результатом его должен был стать список устаревших конструкций, которые не были описаны или не ощущались таковыми в предшествующих исследованиях. Такие конструкции могли бы служить основой для словаря устаревших конструкций XIX века, а также материалом для лингвистического описания исторических процессов в русском языке. Со временем наша задача расширилась: работа с конкретным материалом показала, что для того, чтобы понимать механизмы диахронических сдвигов в конструкциях, которые аккумулируют в себе языковую информацию всех без исключения уровней, нужно фиксировать все без исключения изменения: и в словоизменении, и в словообразовании, и в синтаксисе, и в лексике.

В современную эпоху регистрация и исследование языковых явлений требует специальных компьютерных инструментов. Специальные инструменты используются для обработки полевых данных, фиксации жестов, сопровождающих речь, графических особенностей текста и проч. Многие из них лингвоспецифичны — и в принципе, каждый значимый язык должен быть всеми этими инструментами полностью обслужен. Работой над созданием линейки такого рода инструментов для русского языка занята, в частности, Школа лингвистики НИУ ВШЭ. Поскольку готового хорошего ресурса, пригодного для решения поставленной нами задачи, мы не нашли, мы приняли нетривиальное решение использовать для этих целей созданный сотрудниками Школы Учебный корпус русского языка (Russian Learner Corpus, или RLC).

На самом деле это не один ресурс, а целое семейство ресурсов, и каждый из них предназначен для разметки определенного рода отклонений от нормы современного русского языка. RLC как таковой размечает ошибки изучающих русский иностранцев. В том же корпусе представлены и тексты детей эмигрантов, или носителей эритажного русского (*heritage Russian*), унаследовавших язык от родителей, но частично потерявших его в условиях сильного доминантного языка (например, английского). Но на той же платформе создан и другой корпус — корпус русских учебных текстов, или КРУТ, он служит для оптимизации обработки текстов носителей, в речи которых тоже нередко случаются отклонения от принятой языковой

нормы: речь идет об академических студенческих сочинениях (курсовых и дипломных работах, эссе и проч.) Теоретическая задача этих учебных корпусов — собрать материал, по которому можно было бы судить о степени системности тех или иных отклонений от стандартной нормы. По идее, именно эту задачу решают и исторические исследования, материал для которых мы собираем. Поэтому мы решили использовать для них RLC-корпус, несмотря на то, что эти исследования апеллируют к текстам принципиально другой природы и отклонения от современной нормы в них тоже совсем иные.

2. О Корпусе языка XIX века

Итак, в настоящее время основная исследовательская работа ведется нами с помощью Корпуса языка XIX века на платформе <http://web-corpora.net/> — это и есть новый инструмент для исследований «малых» исторических изменений, грамматических, лексических, лексико-синтаксических сдвигов русского языка. В этом корпусе представлен размеченный в пилотном варианте роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840 г.). Он служит материалом для настоящего исследования, поэтому наш проект, который начался с разметки повести «Тамань», и называется «Тамань сегодня».

Все тексты в корпусе автоматически получили морфологическую разметку. Отдельного обсуждения заслуживает классификация случаев отклонения нормы XIX века от современной (или, в условных терминах учебных корпусов, разметка «по ошибкам»).

Проблемой устаревших языковых явлений русского языка XIX века занимались не так много. Мы опирались прежде всего на классические труды Л. А. Булаховского [Булаховский 1948], В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой [Виноградов–Шведова 1964]. Некоторые из размеченных нами конструкций были упомянуты в работе Виноградова-Шведовой, но далеко не все. Во-первых, в 60-е годы XX века многие конструкции не ощущались как устаревшие, а во-вторых, задача исследователей того времени формулировалась принципиально иначе. Они стремились привлечь внимание к отдельным лингвистическим процессам, которые происходили в русском языке в этот исторический период. Нам же интересно понять, в какой степени и по каким лингвистическим причинам устаревает конкретный текст XIX века. В конечном счете, у нашего проекта есть другая, прикладная миссия — помочь современному читателю лучше понимать тексты классической русской литературы, а значит нам необходимо оценить то, что в компьютерной лингвистике называют *readability* [DuBay 2004] текстов первой половины XIX в. на нашем материале.

Таким образом, нам необходима собственная, пусть и предварительная, классификация ушедших языковых явлений XIX века, и на ее основе — последовательная работа с каждым фрагментом текста лермонтовского романа.

Для того чтобы некоторая конструкция (а также слово, морфема, порядок слов и др.) была причислена к устаревшим, мы должны определить временные рамки ее активного употребления, момент ее исчезновения из языка или начало периода

спада ее частотности (по Национальному корпусу русского языка). Для устаревших единиц мы подбираем аналог в современном русском языке (своего рода «перевод» на современный русский) и приводим его в соответствующем поле.

В настоящий момент отклонения от современной нормы классифицируются в Корпусе по следующим признакам:

asp — вид глагола	interrog — вопросительные конструкции
aux — глагол-связка	invers — инверсия
brev — краткая форма	lex — лексика
compar — сравнительная степень	modal — модальность
constr — конструкция	morph — морфология
del — лишнее слово	neg — отрицание
deriv — деривация	num — число
dupl — редупликация	partic — причастие
formula — конструкция-формула (с неизменяемыми слотами <i>Что за диво!</i>)	prep — предлог
gen — родительный падеж	pron — местоимение
gerund — герундий	refl — рефлексив
gov — управление	rel — относительное предложение
insert — не хватает слова	spec — специальная лексика
instr — творительный падеж	syntax — синтаксис
intens — интенсив	wo — порядок слов

3. Устарел ли Лермонтов?

Несмотря на то, что свое главное прозаическое произведение Лермонтов написал почти 200 лет назад, носители русского языка считают его язык вполне современным и правильным, «настоящим русским языком». Они не верят, что одно из главных произведений русской литературы может устареть, тем более что почти все слова в нем выглядят совершенно понятными. И действительно, если сравнивать язык Лермонтова с его современниками, писателями второго ряда, таким как Лажечников, Бестужев-Марлинский и под., его язык, новаторский для своего времени, на их фоне бесспорно выигрывает в отношении readability. И все же, несмотря на это, по нашим оценкам, процент устаревших языковых единиц в «Герое нашего времени» составляет не менее 20.

В эти 20 процентов входят, например, те языковые единицы, которые принято отражать в литературоведческих и лингвистических комментариях к современным изданиям «Героя нашего времени» (ср. [Лермонтов 2007, 2015 и др.]). В таких комментариях дается объяснение устаревшей лексике, — но это лексика ушедших реалий, таких как *червоныцы*, *шапка* и т. п. Именно она бросается в глаза при чтении текста прежде всего. В нашей разметке таким лексемам приписывается признак *спес*, однако их более подробное исследование должно быть междисциплинарным, так как в этой области лингвистика граничит с культурологией и историей, и пока оно остается за рамками проекта. Нас интересуют языковые изменения другого

рода, такие, когда реалии сохраняются, а способ их описания — лексема, ее грамматика, синтаксис или целая конструкция, успевает преобразоваться. Например, мы внимательно отслеживаем все случаи мены числового маркирования (ср. устар. *климаты* или *погоды*), деривационные изменения (*я вошел (вместо: вошел) в комнату, она села против (вместо: напротив) меня* и др.), устаревшие фразеологизованные дискурсивные формулы (такие как обращения типа: *Милостивые государи!* или формулы поддержания беседы: *А что ж? — Да так-с* и под.), изменения в порядке слов разного рода (ср. позиция местоимений: *На вершине горы нашли мы снег → мы нашли снег*, наречий: *ощупью вошел я → я вошел ощупью* и мн. др.). Мы проверяем собственную разметку по НКРЯ, а чтобы объективизировать наши данные, мы проводим эксперименты, и об этих сторонах нашего исследования мы расскажем в следующих разделах.

4. Экспериментальное исследование

Важной частью нашего проекта является экспериментальная проверка собственной разметки, чтобы понять, какие типы конструкций осознаются носителями как устаревшие. В качестве информантов выступили 52 школьника 7–10 классов московских школ. Такой выбор испытуемых обусловлен, среди прочего, чисто техническими ограничениями: наш опросник достаточно объемный, в среднем на него уходит 30 минут. Работу с ним легче организовать на школьном уроке, чем во взрослой аудитории. С другой стороны, именно школьники (как основные читатели классической русской литературы) оказываются нашими главными контрагентами: нам хотелось бы оценить, насколько языковой разрыв мешает им воспринимать тексты XIX в. Наконец, важно, что их языковая норма самая современная — она «младше» той, которая отражена в НКРЯ. Если школьники не чувствуют исторических изменений, на которых настаивает разметчик, значит, скорее всего, их нет.

В то же время, определить их уровень владения старшей нормой не всегда легко — во многих случаях простого ответа на вопрос, старая это конструкция или современная, с их стороны совершенно недостаточно: как выясняется, они могут просто не понимать, что именно сказано в тексте Лермонтова. Иллюзию понимания дает то, что каждое слово по отдельности им хорошо знакомо, но общий смысл целой конструкции уже недоступен, они вкладывают в нее какое-то другое значение.

Поэтому наш эксперимент состоял из заданий двух уровней: на первом школьникам предлагалось выделить устаревшую часть предложения, а на втором дать свой современный перевод этого фрагмента. В заданиях было 20 пунктов. Каждый представлял собой соответствующий отрывок из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», размеченный в Корпусе как содержащий устаревшие конструкции того или иного типа.

В частности, среди них были конструкции, в которых изменилась лексическая сочетаемость, т.е. появились новые лексические ограничения. Эти конструкции являются устаревшими только за счет семантики — их грамматическое

и синтаксическое наполнение осталось прежним. Во второй группе конструкций изменилась грамматико-синтаксическая сочетаемость, например, управление глагола или предлога, но заполнение лексических слотов осталось прежним. Кроме того, в эксперименте участвовали конструкции смешанного типа, в которых изменились и лексические, и грамматические характеристики.

Приведем здесь некоторые предложения из опросника, подкрепляя наиболее интересные или неясные моменты данными НКРЯ.

5. Материал эксперимента

Изменения в лексике и лексической сочетаемости мы обсудим здесь на следующих трех примерах из опросника:

1. **НАНЯТЬ КВАРТИРУ**: *Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города <...>*

2. **СБИТЬ РАЗГОВОР НА ЛОШАДЬ**: *<...> я заговорю о другом, а он, смотришь, тотчас собьет разговор на лошадь Казбича.*

3. **ОТЛИЧНЫЙ ХРАБРЕЦ**: *Груиницкий слывет отличным храбрецом; <...>*

1. **НАНЯТЬ КВАРТИРУ**: *Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука <...>*

Конструкция **НАНЯТЬ** [помещение] *N_{Acc}* (квартиру / дом / комнату и т. п.) действительно вышла из употребления. Возможно, старшему поколению это еще не бросается в глаза, но в НКРЯ последние употребления *нанять квартиру* встречаются в 1950-х гг., *нанять дом* — в 1918-м, а *нанять комнату* — в 1967 г., причем у В. В. Набокова, язык которого не был подвержен новациям. В современном русском языке *нанять жилье* исчезло, оставив только термин *наём жилья / жилье по найму*: лексическая сочетаемость глагола *нанять* изменилась таким образом, что его аккузативная валентность может быть заполнена почти исключительно одушевленными существительными:

(1) *Он сказал, что им, олигархам, в принципе бюрократические проблемы по барабану, они могут нанять юристов, адвокатов... а вот простых людей жалко.* [«Новая газета», 2003.01.16]

или существительными, обозначающими множества людей, например, *бригада, команда, компания*:

(2) *<...> накупили джипов и «мерседесов», наняли охрану, отправили отпрысков учиться за границей <...>.* [«Советская Россия», 2003.05.15]

(3) *Для поиска среди них лучшего названия наняли фирму, специально занимающуюся наименованием новых брендов <...>.* [«Наука и жизнь», 2009]

Кроме того, *нанять* можно различные транспортные средства — *машину, автобус, лодку* и т. п. В этом случае происходит обязательный (!) метонимический перенос по смежности, ведь нанять машину можно только с шофером — в противном случае это называется *арендовать*. То есть нанимают на самом деле шофера с транспортным средством, но называют только само средство:

(4) *Я нанял машину* (^{??}нанял шофера / ^{??}шофера с машиной) и отправил родителей через Ингушетию в Краснодар, где маму положили в больницу. [«Знамя», 2010]

В XIX в. сочетаемость *нанять* с одушевленными объектами (наряду с помещением) тоже была возможна:

(5) *Маленькие вы были — мы вас воспитали, мадаму для вас мы наняли, платья вам покупали!* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847)],
а с транспортными средствами даже очень частотна:

(6) *Вчера я нанял лодку, чтобы ехать осматривать лучший в мире ботанический сад.* [А. Д. Салтыков. Письма из Индии (1841)].

Любопытно, что в сочетании *нанять извозчика*, за счет которого в том числе достигается эта частотность, проявляется обратный только что обсуждавшемуся метонимический перенос: говорится только о человеке, но имеется в виду коляска, т. е. транспортное средство, которым он управляет.

Как мы видим, во второй половине XX–XXI вв. произошло изменение лексической сочетаемости глагола *нанять*: фактически она сузилось до имен лиц и управляемых ими транспортных средств, исключив ситуацию аренды (помещений, транспорта и проч.).

2. СБИТЬ РАЗГОВОР НА ЛОШАДЬ: *Засверкали глазенки у татарчонка, а Печорин будто не замечает; я заговорю о другом, а он, смотришь, тотчас собьет разговор на лошадь* Казбича.

Конструкция *СБИТЬ РАЗГОВОР НА N* встречается в НКРЯ только один раз — в «Герое нашего времени», но в современном русском языке сохранилось смежное рефлексивное значение *сбиться* (во время чтения доклада). В современном русском языке есть похожее выражение *перевести разговор на N*. По данным НКРЯ, впервые эта конструкция встречается у И. С. Тургенева в 1862 году, причем в ней мы видим невозможную сегодня лексическую сочетаемость *перевела разговор на другую дорогу* вместо *на другую тему*, — правда, такой пример мы встретили только в этом тексте.

(9) — *Не будемте лучше говорить об этом, Анна Сергеевна. — Отчего же? — возразила она, а сама перевела разговор на другую дорогу.* [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)]

Во второй половине XIX века параллельными формами были *перевести разговор на другую тему*, которое употребляется и сегодня, и *перевести разговор на другой предмет*, последнее единичное употребление которого встречается в 1976 г., а наибольшее число употреблений приходится на конец XIX — начало XX века.

(10) *Потом, несколько овладев собой, она сделала попытку перевести разговор на посторонний предмет, к которому они оба могли отнестись равнодушно.* [В. Г. Короленко. Слепой музыкант (1886–1898)]

Сходная семантически, но совсем другая по форме конструкция *сменить тему* является наиболее поздней из описанных выше, первый пример в НКРЯ фиксируется в 1953 году.

(11) <...>и вдруг круто **сменил тему разговора**: — А сам-то ты какого мнения о данном товарище? [Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)]

3. **ОТЛИЧНЫЙ ХРАБРЕЦ**: Грушицкий слывет **отличным храбрецом**; я его видел в деле; он махает шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза.

В современном русском языке изменилась лексическая сочетаемость прилагательного *отличный* — согласно современной норме, *отличным* может быть назван только безоценочный объект / ситуация. Таким образом, в отличие от *храбрец*, где в самом слове уже заложена определенная оценочная характеристика, *отличным* может быть *студент*, *спектакль*, *кресло*, *ужин*, но никак не: (*отличный*) *здоровяк*, (*отличная*) *красавица* и т. п. Между тем в XIX в. такая сочетаемость была возможна: НКРЯ приводит нам достаточное количество примеров для того, чтобы говорить об устойчивой сочетаемости *отличный*+производные от *храбрый*. С 1812 года по 1911 год встречается 47 таких употреблений, в большинстве своем в контекстах военной тематики, причем пик употреблений приходится на начало XIX века. То же верно и для других оценочных существительных, ср. например, *отличная genialность* [П. А. Вяземский (1830–1870)], *отличная храбрость* [М. С. Воронцов (1845–1855)], *молодой человек с отличными дарованиями*. [А. В. Никитенко (1826–1855)]. Дело в том, что тогда прилагательное *отличный* имело еще и полноценное значение ‘нерядовой, отличный от остальных, выдающийся из ряда’, которое не успело развиться в чистую оценку, поэтому сегодня прилагательное *отличный* может быть заменено одним из стандартных оценочных антонимов, например, *отличная погода* — *отвратительная погода*, — но этого никак нельзя сделать с приведенными нами примерами XIX в.

Теперь обратимся к конструкциям, для которых релевантны изменения грамматико-синтаксической сочетаемости и в качестве примера рассмотрим следующие

1. **НЕ ПОЧЕЛ ЗА НУЖНОЕ СКРЫВАТЬ**: Часовой, который видел, как Азамат отвязал коня и ускакал на нем, **не почел за нужное скрывать**.

2. **ЕСТЬ ДО ТЕБЯ ПРОСЬБА**: У меня есть до тебя просьба<...>.

3. **ПОМЕСТИЛСЯ В РАССТОЯНИИ**: Я **поместился в некотором расстоянии** на другой лавке <...>.

4. **ТОРГОВАЛА КОВЕР**: Вчера я ее встретил в магазине Челахова; она **торговала чудесный персидский ковер**.

5. **ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ УМЕР**: Я там **чуть-чуть не умер** с голода, да еще в добавок меня хотели утопить.

1. Конструкция с предложным управлением *У ЗА НУЖНОЕ У* до 40-х гг. XIX в. употреблялась параллельно с современной, с беспредложным творительным, при этом лексическая вариативность глагола мнения (вершины конструкции) была минимальной — в основном *почитал*, *считал*, но также *рассудил*,

находил, признал НУЖНЫМ *V*, но с уже в 1850-е гг. привычная нам форма вырвалась вперед, и к концу XIX в. конструкция *V* ЗА НУЖНОЕ *V* окончательно вышла из употребления (за исключением нескольких статистически незначимых случаев в XX в.). Закрепился и глагол *считать* в форме НСВ, реже — СВ *счесть*. От старой конструкции в современном языке осталось *счесть за труд*, где рефлекс управления сохранился.

2. *ЕСТЬ ДО ТЕБЯ ПРОСЬБА*: *У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у них вечером... <...>*.

Конструкция *V до N просьба* употреблялась до самого конца XIX в. и в основном с бытийным глаголом (последнее употребление у Л. Н. Толстого в 1900 году). Особенностью ее является необычное для сегодняшнего русского языка именное управление: мы говорим *просьба К кому-л.*, а не *ДО кого-л.* При этом если с 1850-х гг. она была в параллели с уже существовавшей тогда *V к N просьба*, то в XX веке устаревшая конструкция окончательно исчезла. Рефлекс этой конструкции, который мы наблюдаем в русском языке сегодня, сохранился в *какое N_{Dat} до N_{Acc} дело*.

3. *ПОМЕСТИЛСЯ В РАССТОЯНИИ*: *Я поместился в некотором расстоянии на другой лавке <...>*.

Глагол *поместиться* изменил свою семантику, и как следствие, возможные валентности. На протяжении всего XIX и в начале XX века этот глагол значил то же, что и у Лермонтова ‘разместился, встал, сел’, и только в середине XX века и он, и соответствующая конструкция приобрели современный вид *N ПОМЕСТИЛСЯ В N_{LOC}*, например, *мы все поместились на заднем сидении, вещи поместились в чемодан*. Из семантики глагола ушло значение действия, остался только результат, нахождение в каком-то месте. Мы наблюдаем процесс end-point метонимии [Lakoff 1987], [Brugman 1988].

Предложное управление *в расстоянии* окончательно поменялась на *на расстоянии* сравнительно недавно, в 1940-е гг. Данные НКРЯ свидетельствуют о том, что уже с конца XVIII в. эти предлоги употреблялись параллельно, но *V на расстоянии* значительно реже: *V в расстоянии* встретилось еще в 1721 году, а *V на расстоянии* на 60 лет позднее [А. Н. Радищев, 1783].

(17) *<...> начинается оная у северного берега синуса Финского у Вирелакса, от куда идет оная с полмили от морского берега в землю и останется в расстоянии полумили от воды даже против Виллаиоки, <...> оная тогда в расстоянии трех четвертей мили от морской заливы отстоит, <...> расстоянием в трех милях от Выборга и тако далее, в таком же расстоянии трех миль северной стороной за Выборгом <...>* [Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией (1721)]

Графики распределения по годам в Корпусе показывают нам, что устаревшее на сегодняшний день предложное управление до конца XVIII в. было единственно возможным, и до первой половины XIX в. уверенно лидировало по количеству употреблений. В 1860-е гг. конструкция сравнялась. Спад ее активности наблюдается в последней трети XIX-начале XX века, когда *V*

на расстоянии окончательно вытесняет *V* в расстоянии и закрепляется в языке. Последние отдельные употребления *V* в расстоянии попадают со второй трети XX века, и всегда речь идет о событиях прошедшего века, где мы видим явную стилизацию.

(18) *Отправительная станция была расположена в расстоянии 250-ти метров, и первую в мире телеграмму отправлял сам А. С. Попов.* [«Родина», 1996]

(19) *К полудню, а может быть, и ранее, оба воинства выстроились в расстоянии переклика друг против друга, дважды перегородив червлеными щитами Ярилину Дорогу.* [Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)]

4. *ТОРГОВАЛА КОВЕР*: *Вчера я ее встретил в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковер.*

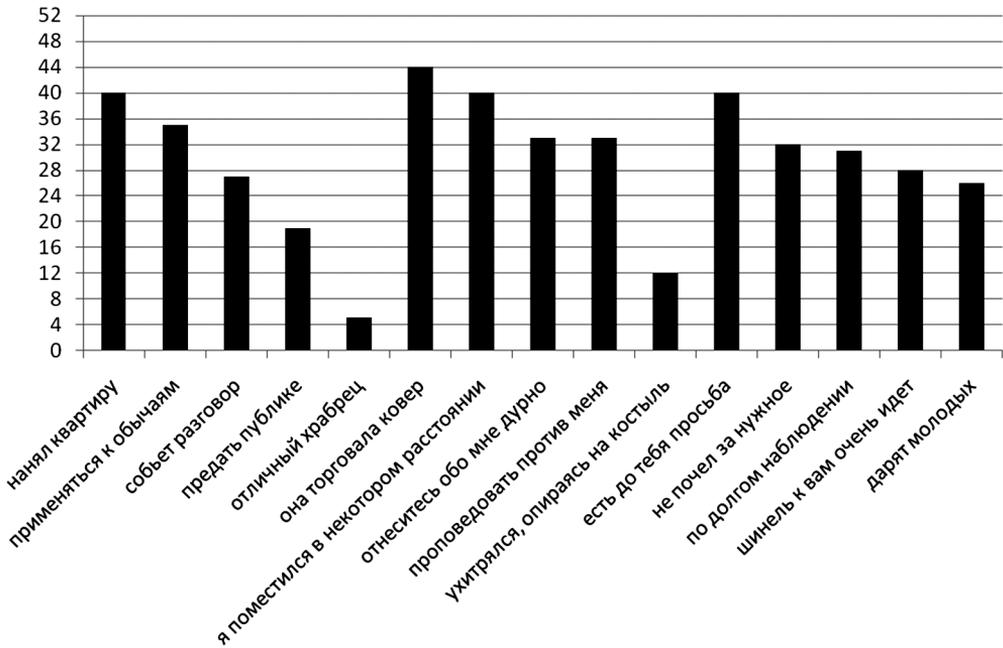
В современном языке глагол *торговать* может значить только ‘продавать’ в конструкции N_{Nom} *продавать* N_{Acc} , а *торговать* употребляется в конструкции N_{Nom} *торговать* N_{Ins} . Лермонтовское значение сохраняет рефлексив *торговаться*, который «поглотил» объект, и осталась только семантика покупки, но в случае Лермонтова княжна именно ‘покупала и торговалась за ковер’, и употребление конструкции N_{Nom} *торговать* N_{Acc} с такой семантикой в XIX веке было возможно.

5. *ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ УМЕР*: *Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще в добавок меня хотели утопить.*

Статистика НКРЯ действительно демонстрирует устаревание редупликации в подобных конструкциях, однако с 1980 года мы все-таки встречаем 75 таких примеров, 35 из которых — XXI века. Тем не менее, мы считаем, что если для носителей старой языковой нормы эта конструкция приемлема, то для молодого поколения она абсолютно устарела, и подтверждается это тем, что с XIX века мы видим ее постепенное угасание. Пик употребления приходится на 1840-е гг., далее мы наблюдаем уверенный спад. Такой процесс представляется нам вполне логичным, потому что вариант конструкции без редупликации *чуть не V* появляется практически одновременно с *ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ V* во второй половине XVIII в., и на протяжении последующих веков количество употреблений конструкции без редупликации всегда превышало редуплицированную минимум в 3 раза.

6. Результаты эксперимента

Количественные результаты эксперимента мы представили на следующем графике. Он демонстрирует его главный итог: в общем, все конструкции, которые мы подобрали для эксперимента, сочтя их устаревшими, были распознаны школьниками как таковые. Иными словами, носители младшей языковой нормы согласились с нашей разметкой. «Лидерами» в этом своеобразном «соревновании» архаизмов стали *нанял квартиру*, *торговала ковер* и *есть до тебя просьба*, а аутсайдерами — *отличный храбрец* и *ухитрился, опираясь на костыль* — однако оценивать количественный разрыв в экспериментальной оценке архаичности остальных конструкций достаточно трудно.

В частности, одной из лингвистических задач эксперимента была проверка гипотезы о том, что школьники лучше всего почувствуют архаичность тех конструкций, в которых изменился грамматический или синтаксический компонент, и хуже всего — тех, в которых изменения затронули только лексические ограничения. Однако как видно из графика, наше предварительное исследование показало, что граница между ними малосущественна и нужны новые экспериментальные исследования, чтобы понять, какие именно факторы действительно играют здесь роль.

Одним из них может, например, оказаться оценка, как в *отличный храбрец*: оценочная лексика вообще быстрее меняется, и может быть, ее отклонения от принятой сочетаемостной нормы (см. подробнее раздел 5) могут восприниматься как вполне допустимые варианты и в целом будут менее значимы и менее заметны для носителя языка.

Еще одним — и в некотором смысле, побочным — результатом нашего эксперимента стало то, что школьники квалифицировали как устаревшие несколько единиц, которые в нашей разметке отсутствовали. Например, 28 (!) школьников сочли нужным «перевести» конструкцию $N_{НОМ}$ -СЛЫВЕТ N_{INS} , архаичность которой не подтверждается НКРЯ (хотя в середине XIX века она употреблялась заметно чаще). Очевидно, что здесь младшая норма существенно опережает старшую. Другая «находка» школьников — сужение семантики лексемы *подошва* в контексте *я <...>, нанял квартиру <...> у подошвы Машука <...> ...*: действительно, в современном русском языке в таком контексте может употребляться только существительное *подножие*. Согласно данным НКРЯ, после 1935 года частотность

конструкции *подошва* + *топоним* идет на спад (в Корпусе больше нет таких примеров), тогда как в XIX веке она была более частотной, чем *подножие* + *топоним*.

Наконец, обратим внимание на проблему, которую вскрыло задание на «перевод» архаизмов на современный язык: в строке, где школьникам предлагалось вписать свой вариант устаревшей конструкции, мы часто встречали абсолютно неправильные варианты.

Так, конструкция *она торговала чудесный персидский ковёр* является в эксперименте одним из самых узнаваемых архаизмов. Тем не менее, ни один из информантов не смог перевести ее правильно — на самом деле княжна покупала ковер и торговалась за него, а в интерпретации школьников она его продавала.

Другой пример. Треть школьников, которые отметили конструкцию <Грушницкий> *слывет ... храбрецом* как устаревшую, дают ей неправильный перевод, например, «является храбрецом», «представляет себя храбрецом», «показывает себя отличным храбрецом», не замечая в ней главный, эвиденциальный, семантический компонент — репортативность: если судить по их переводу, Грушницкий сам ведет себя как храбрец — между тем, *слыть* указывает на то, что такую характеристику ему дают другие.

Эти примеры свидетельствуют о том, что часто школьники не понимают того, что читают, но не осознают этого. Поэтому для популярных изданий, ориентированных в том числе на младшее поколение читателей, видимо, необходимо гораздо более подробное комментирование текста, включающее в том числе и объяснение конструкций, в которых все слова по отдельности могут быть знакомыми, но смысл целого — уже непонятен.

7. Заключение

В данной статье мы рассказали о проекте по изучению устаревших конструкций русского языка «Тамань сегодня». Работа по проекту ведется сразу в нескольких направлениях: специальная разметка романа М. Ю. Лермонтова в Корпусе языка XIX века, классификация и описание устаревших языковых явлений и экспериментальные исследования этих явлений.

На данный момент примерный механизм работы с устаревшей конструкцией можно представить так:

- Подбор аналога устаревшей конструкции в современном русском языке
- Выявление временных рамок существования конструкции и определение пиков ее употребления в соответствии с данными НКРЯ
- Поиск особенностей употребления устаревшей конструкции на протяжении ее истории, по возможности, описание ограничений
- Сравнение конструкции с ее аналогами — как с уже исчезнувшими, так и с современными
- Проверка корпусных данных в опросах носителей

Предложенный нами подход позволяет увидеть связь исторических явлений с современным русским языком, проследить, каким образом сложились наблюдаемые нами сегодня конструкции.

Проверка отобранных устаревших конструкций на младшем поколении (школьники старших классов) в большинстве своем подтвердила нашу разметку. При этом в части случаев школьники не вполне осознавали удаленность конструкции от современного узуса и давали ее неправильные «переводы» на современный язык. Общий вывод, который мы делаем из проделанной нами предварительной работы состоит в том, что дети хорошо чувствуют изменения языка, но не всегда могут правильно их истолковать.

За два века своей жизни русский язык претерпел значительные изменения, но мы не представляем себе их масштаб в полной мере. Досконально изучив главный текст Лермонтова, мы получим возможность провести детальный мониторинг языковых изменений от XIX века до наших дней.

Литература

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев, 1948.

Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М., 1964.

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М., 2015.

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М., 2015.

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Поэмы. Стихотворения. М., 2007.

Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.

Brugman C. The Story of Over: Polysemy, Semantics and the Structure of The Lexicon. New York, 1988.

DuBay W. H. The Principles of Readability. California, 2004.

Hudson R. Pied Piping in Cognition. 2015.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.

Ekaterina V. Rakhilina

National Research University Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

rakhilina@gmail.com

Tatiana I. Reznikova

National Research University Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

reznikova@gmail.com

Marina A. Borodina

National Research University Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

marina.borodina710@gmail.com

«TAMAN TODAY»: CORPUS RESEARCH OF XIXTH CENTURY'S RUSSIAN LANGUAGE

This article presents a project of the School of Linguistics at the National Research University Higher School of Economics, «Taman today». The aim of this project is to identify obsolete linguistic constructions in the Russian texts of the XIX century, compiling a database and creating an annotated corpus. In our long-term outlook, we have a more applied goal — to help the modern reader understand texts written two centuries ago. We need to estimate the readability of classical Russian literature, thus, the project implies a series of experimental studies. When we collect enough experimental data, we will be able to release a manual for teachers and students, and for anyone who has difficulty with the perception of the classical Russian literature language.

We created the XIXth Century Corpus on web-corpora.net and proceeded to annotate one of the key texts of Russian literature, the novel «A Hero of Our Time» (1840) by Mikhail Lermontov. Although our main problem is obsolete constructions, in the Corpus we have marked not only constructions but all language features of vocabulary, grammar and morphology, because studying constructions requires attention to all morphological and lexical divergence from the current standards.

Our Corpus is designed for a wide range of professionals — researchers of the language history, teachers, philology and linguistics students, as well as for anyone interested in Russian literature of this period.

Key words: Russian language of XIXth century, diachronic study, historical changes of Russian language, constructions, corpus linguistics, readability, Lermontov.

References

- Brugman C. *The Story of Over: Polysemy, Semantics and the Structure of The Lexicon*. New York, 1988.
- Bulakhovskii L. A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka*. Kyev, 1948.
- DuBay W. H. *The Principles of Readability*. California, 2004.
- Hudson R. *Pied Piping in Cognition*. 2015.
- Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago, 1987.
- Lermontov M. Yu. *Geroi nashego vremeni*. Moscow, 2015.
- Lermontov M. Yu. *Geroi nashego vremeni*. Moscow, 2015.
- Lermontov M. Yu. *Geroi nashego vremeni*. Poemy. Stikhotvoreniya. Moscow, 2007.
- Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruksii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii*. Moscow, 2005.
- Vinogradov V. V., Shvedova N. Yu. *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka*. Moscow, 1964.

С. С. Сай

*Институт лингвистических исследований РАН;
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
serjzhka@yahoo.com*

ВРЕМЯ В РУССКИХ ФИНИТНЫХ СЕНТЕНЦИАЛЬНЫХ АКТАНТАХ: НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ И ТОЧКА ОТСЧЕТА*

В литературе утверждалось, что обычно в индикативных сентенциальных актантах русских глаголов граммемы времени интерпретируются относительно (как вторичный дейктик) и что лишь некоторые группы глаголов, например имплицативные глаголы, являются исключениями и требуют абсолютного использования граммем времени. Этот тезис был проверен для четырех глаголов: двух глаголов эмоций (*радоваться* и *нравиться*) и двух имплицативных глаголов (*случаться* и *оказаться*). Оказалось, что выбор интерпретации граммемы времени не является фиксированным для каждого из глаголов, а вероятности выбора интерпретации не совпадают для глаголов из одного семантического класса. Анализ размеченных вручную корпусных выдaч позволил выдвинуть гипотезу о связи между двумя параметрами: чем чаще для конструкции с тем или иным глаголом время ситуации, выраженной в зависимой клаузе, фиксировано относительно времени ситуации, выраженной самим матричным глаголом, тем с меньшей вероятностью граммемы времени в придаточном используются как вторичный дейктик. Таким образом, нейтрализация смыслового противопоставления по относительному времени приводит к тому, что соответствующее значение не выражается грамматически.

Ключевые слова: время, дейксис, русский язык, сентенциальный актaнт, имплицативные предикаты, глаголы эмоций, нейтрализация.

1. Постановка задачи

Использование категории времени в русских придаточных изъяснительных демонстрирует существенную вариативность. Такая вариативность может быть проиллюстрирована следующей парой примеров, взятых из одного и того же текста.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03406) «Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие (типологический анализ)».

- (1) ... священник ... читал проповедь с балкончика, и их **удивило**, что балкончик **помещался** сбоку. [Семен Липкин. Записки жильца (1962–1976)]¹
- (2) Его, конечно, **удивило**, что сцепщик **подрабатывает**, выполняя обязанности носильщика ... [Семен Липкин. Записки жильца (1962–1976)]

В примере (1) можно изменить граммему времени в глагольной форме, возглавляющей зависимую клаузу, с прошедшего на настоящее, а в примере (2) — сделать обратную замену, и это не приведет к очевидным изменениям в примелемости или пропозициональной семантике. Таким образом, выбор граммемы времени в подобных контекстах — это **вероятностный** процесс. Факторы, влияющие на него, многочисленны, и некоторые из них уже обсуждались в литературе. В настоящей статье я сосредоточусь лишь на одном из таких факторов: на свойствах матричного предиката. Рассмотрев материал конструкций с несколькими такими глаголами, я выдвину следующую гипотезу: вероятность выбора стратегии с относительной интерпретацией граммемы времени, как в примере (2), выше у таких глаголов, у которых время события, выраженного сентенциальным актантом, в большей степени подвижно относительно времени события, выраженного в главной клаузе.

В разделе 2 изложены общие сведения о темпоральном дейксисе в русских зависимых клаузах. В разделе 3 выявляются зоны потенциального различения двух типов темпорального дейксиса. Раздел 4 содержит краткий обзор имеющихся сведений о факторах, влияющих на выбор граммем времени в сентенциальных актантах глаголов различных семантических групп. Следующие два раздела содержат основные эмпирические данные; в них рассмотрены две пары глаголов: имплицативных (раздел 5) и эмотивных (раздел 6). Последний раздел суммирует выводы исследования.

2. Темпоральный дейксис в русских зависимых клаузах

Основная функция предикативных, или финитных, категорий состоит в том, чтобы выразить «отношение сообщения к действительности» [Виноградов 1954: 14]. Как следствие, в семантике всех финитных категорий присутствует **дейктический** компонент, ср.: “[v]iewed logically, the elements of the TAM [tense, aspect, mood — S. S.] component are two-place relators which take the deictic center as their first and the central proposition as the second argument” [Lehmann 1990: 175]. По умолчанию дейктическим центром является ситуация речи (‘здесь’, ‘я’ и ‘сейчас’ говорящего), но возможны и другие ситуации. Таким образом, для категории времени различается **первичный темпоральный дейксис**, при котором граммемы времени отсылают соответственно к прошлому, настоящему и будущему говорящего, и **вторичный темпоральный дейксис**, при котором граммемы времени обозначают предшествование, одновременность или следование события относительно

¹ Все примеры, использованные в статье, взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

некоторой другой точки отсчета. Такой точкой отсчета для граммем времени в придаточном может выступать событие, обозначаемое в главном предложении. Описывая такие случаи, Е. В. Падучева говорит о «**синтаксическом режиме интерпретации**» видо-временных форм русского глагола [Падучева 1996: 171], как в следующем примере:

(3) *Я видел, что книга **лежит** не на месте.*

В русском языке предикативные категории в разной степени подвержены дейктическому сдвигу. Для категории лица такой сдвиг нехарактерен — если не считать дословной прямой речи, то фактически он встречается лишь в периферийных относительных конструкциях с местоименными вершинами, как в примере (4).

(4) *Ей, видите ли, показалось, что там — жизнь... а здесь — только **я**, который **боится** выйти этой жизни навстречу.* [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]

Сложнее ситуация с категорией наклонения: если русский императив почти не имеет таких употреблений, где носителем иллокутивной силы побуждения был бы не сам говорящий, то носителем модальной оценки, выражаемой сослагательным наклонением, зачастую оказывается не говорящий, а субъект некоторой ситуации, включающей ментальный или речевой компонент, как в примере (5).

(5) — *Да он больше всего боялся, как **бы** мы его тут же не **схватили**.* [М. А. Алданов. Бегство (1930)]

Для категории времени дейктический сдвиг засвидетельствован весьма широко. Так, например, в сентенциальных актантах глагола *надеяться* могут использоваться граммемы всех трех времен изъявительного наклонения и почти всегда они получают вторичную интерпретацию, как в следующих трех примерах.

(6) *Он очень надеялся, что механизм **сработает** и она **отреагирует** так, как предписано в детективах.* [Вера Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный (2000)]

(7) *Он очень надеялся, что злополучный американец **находится** с беглецами, но его там не оказалось.* [Виктор Доценко. Тридцатого уничтожить! (2000)]

(8) *... он надеялся, что Гончаровы благоразумно **уехали** из зараженной Москвы ...* [М. О. Гершензон. Мудрость Пушкина (1919)]

В русском языке отсутствуют специализированные формы зависимого времени, поэтому для придаточных предложений вторичный временной дейксис оказывается эквивалентен **относительному** употреблению времен. Так, в примере (8) ментальное состояние субъекта («он», т. е. в данном случае Пушкин) наблюдается в некоторый момент времени Р, при этом гипотетический отъезд Гончаровых из Москвы (Пушкин не знает, имел ли он место!) находится на оси времени раньше Р, что и обуславливает использование формы прошедшего времени.

Возможность относительной интерпретации граммем времени в русских придаточных в первую очередь зависит от функции придаточного. В литературе отмечалось, что в придаточных относительных и обстоятельственных время используется как первичный дейктик (9)–(10), а для придаточных изъяснительных, уже иллюстрировавшихся выше, типично относительное употребление времени (см., например, [Noonan 1985/2007; Barentsen 1996; Timberlake 2004: 385–392], а также ссылки в этих работах).

(9) *Долго я смотрел на Машу, которая, лежа на сундуке, утирала слёзы своей косынкой...* [Л. Н. Толстой. Отрочество (1854)]

(10) *Когда пыль ещё стояла в воздухе, Климов бросил вторую гранату и вслед за взрывом прыгнул в воронку.* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

В обоих этих примерах ситуации, выраженные в придаточных, одновременны действию главной, а прошедшее время в придаточном выступает как первичный дейктик. Различие между актантами и сирконстантами особенно хорошо видно в парах примеров типа (11) и (12). В (11) граммема времени в сентенциальном сирконстанте, введенном союзом *когда*, используется как первичный дейктик; в (12) сентенциальный актант (косвенный вопрос) вводится омонимичным союзным словом *когда*, и глагол в придаточном интерпретируется в терминах относительного времени.

(11) *Солженицын знал это, когда он храбро воевал в качестве офицера Советской армии, он знает это и сегодня.* [Рой Медведев. О третьем томе книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (1976)]

(12) *Он знал уже, когда и чем кормят, знал часы прогулки и срок бани,* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]

В литературе указывалось, что «[к]ак правило, актантные клаузы с *что* содержат время с относительной интерпретацией, но встречаются исключения» [Летучий, наст. том] (А. Б. Летучий приводит и ссылки на работы, где обсуждались такие исключения). В следующем разделе будут обсуждаться возможные зоны возникновения таких исключений и пути их выявления.

3. Зоны потенциального конфликта между первичным и вторичным темпоральным дейксисом

При изучении использования граммем времени в зависимых предикациях возникает несколько сложностей.

Первая сложность состоит в том, что во многих контекстах действуют не жесткие правила выбора (типа «в таких-то контекстах граммемы времени выражают относительное время»), а лишь вероятностные предпочтения. Это особенно хорошо понятно по таким примерам, где однородные с точки зрения абсолютного времени и таксиса придаточные получают различное грамматическое оформление, как в следующих двух примерах (первый из них приводится в [Barentsen 1996: 21]):

(13) Она глядела, как сизые кольца от сигары Азазелло **уплывали** в камин и как кот **ловит** их на конец шпаги. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)] (пример из Varentsen 1996: 21)

(14) Княжна Марья знала, что она **любила** в первый и последний раз в жизни, и чувствовала, что она **любима**, и была счастлива, спокойна в этом отношении. [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том четвертый (1867–1869)]

Вторая сложность состоит в том, что часто о **конкретном** высказывании **невозможно** сказать, по какой именно причине в нем употреблена та или иная граммема времени. Рассмотрим следующий пример:

(15) Узнал, что я в прошлом году **был** в Италии. [В. В. Вересаев. А. П. Чехов (1904–1945)]

Вершина зависимой клаузы обозначает здесь событие в прошлом говорящего (благодаря обстоятельству времени мы можем локализовать это событие на оси времени), предшествующее ситуации из главной клаузы. Получается, что граммема прошедшего времени была бы выбрана и при абсолютном, и при относительном употреблении времени. Единственное, что позволяет выбрать одну из интерпретаций, — это учет **других** конструкций с тем же глаголом *узнать*. Так, выше в примерах (6) и (7) время однозначно интерпретируется как вторичный дейктик, что позволяет вывести общее правило и из него заключить, что так же обстоит дело и в примере (8), хотя сам он, как и пример (15), не дает возможности выбрать одну из двух интерпретаций. Проблема с таким дедуктивным рассуждением в том, что оно не может применяться, если общее правило носит лишь вероятностный характер. Таким образом, для однозначной диагностики времени как абсолютного или относительного подходят не все конструкции, а только такие, в которых наблюдаются определенные комбинации релевантных признаков.

В Таблице 1 строится теоретическое исчисление этих комбинаций. По вертикали обозначается тот временной план, к которому относится событие главной клаузы. По горизонтали — значение относительного времени: предшествование, одновременность или следование. В ячейках вписаны возможные для данной комбинации значения третьего признака: абсолютного времени события, выраженного в зависимой клаузе.

Здесь можно различить два случая. В части ячеек содержится только один ярлык. Это означает, что сочетание временного плана опорной формы и значения

Таблица 1

Абсолютное время в зависимости от времени матричного предиката и относительного времени: гипотетические зоны конфликта (исчисление)

		Относительное время		
		Предшествование	Одновременность	Следование
Время матричного предиката	Будущее	прош/ наст /буд	будущее	будущее
	Настоящее	прошедшее	настоящее	будущее
	Прошедшее	прошедшее	прошедшее	прош/наст /буд

таксиса однозначно предсказывает абсолютное время зависимой формы. Так, если глагольная форма обозначает событие, следующее за событием в настоящем, значит, она обозначает событие в будущем говорящего. В других ячейках наблюдается несколько вариантов; так, событие, предшествующее событию в будущем, может относиться и к будущему, и к настоящему, и к прошлому говорящего.

Как уже сказано, практический интерес для эмпирического изучения законов выбора граммем времени представляют такие комбинации, при которых два гипотетических принципа дают разные предсказания об этом выборе. В Таблице 1 такие комбинации выделены полужирным шрифтом: в них и только в них о конкретной глагольной форме можно сказать, употреблена ли она как первичный или как вторичный дейктик.

Третья сложность связана с тем, что глаголы могут описывать такие положения вещей, которые вообще невозможно локализовать на оси времени, — **генерические** события. Так обстоит дело в следующем примере:

(16) *А Вера ... все же знала, что мужчины охотно **говорят** о разных умных вещах с теми женщинами, которые им нравятся.* [Михаил Чулаки. Прощай, зеленая Пряжка (1998)]

Положение вещей, выраженное здесь придаточным предложением, подается как вневременное свойство мужчин; анализировать такие примеры в терминах абсолютного времени или таксиса в той же системе противопоставлений, что и эпизодические события, некорректно. Далее такие ситуации выводились из рассмотрения.²

Наконец, четвертая сложность состоит в том, что не зная замысла говорящего, не всегда можно однозначно определить значения всех релевантных признаков. Особенно часто неясность возникает в случаях, когда матричный предикат обозначает ситуацию, относящуюся к плану будущего:

(17) *Но поверьте мне, когда вы уедете отсюда, вам обязательно будет вспоминаться этот остров, жители его, море, этот запах водорослей, перистые облака, солнце, грозы, северное сияние, штормы, и через много лет вы поймете, что счастливы **были** именно здесь.* [Юрий Казаков. На острове (1962)]

Речь здесь идет о ретроспективном взгляде из будущего на то, что к тому моменту будет прошлым, т. е. о предшествовании. При этом установить, какое здесь абсолютное время (например, продолжается ли состояние 'быть счастливым' в момент речи, или уже закончилось, или только должно наступить), здесь не удается. По этой причине не все потенциальные зоны конфликта одинаково ценны для исследования. На практике **основной зоной конкуренции**, где возможно

² Даже и при распространении понятий абсолютного времени и таксиса на генерические события оказалось бы, что в примерах типа (16) соединены признаки абсолютного настоящего и одновременности, а значит определить правило, по которому выбрано настоящее время, все равно было бы невозможно.

рассмотрение механизмов выбора граммы времени в придаточном, является ситуация одновременности в прошлом — ей соответствует четвертая ячейка в нижней строке Таблицы 1.

4. Выбор граммы времени в финитных сентенциальных актантах: обзор основных факторов

В целом ряде работ показывалось, что выбор интерпретации граммы времени в сентенциальных актантах зависит от семантического класса матричного предиката. Некоторые суждения по этому вопросу обобщены в Таблице 2.

Таблица 2

Суждения об интерпретации граммы времени в индикативных сентенциальных актантах

тип глагола	интерпретация	источник
речи (<i>сказать</i>)	относительная	[Barentsen 1996]
ментальные (<i>знать</i>)	относительная (всегда или в основном)	[Schlenker 2003: 71]: “attitude operators”; [Timberlake 2004]: “intelligence, speech, knowledge etc.”; [Храковский 2003]
восприятия (<i>видеть</i>)	конкуренция	[Barentsen 1996; Timberlake 2004: 390; Храковский 2009: 106]
имплицативные (<i>случаться</i>)	абсолютная	[Schlenker 2003: 71]; [Barentsen 1996]: “existential verbs”

Особенно подробно проблему выбора граммы времени в сентенциальных актантах рассматривал А. Барентсен. Он не просто выдвинул иерархию семантических типов глаголов, воспроизведенную с некоторыми дополнениями в Таблице 2, но и сформулировал «макрофактор», который стоит за всем распределением в целом: «... a main clause action can only provide a secondary point of orientation if it represents some kind of **mental act** of the person connected with this action. Whether or not we can choose to look at the action of the dependent clause through the eyes of this person, or through the eyes of the speaker of the whole sentence, depends largely on the question to whom the action is more accessible» [Barentsen 1996: 43; выделено мной — С. С.].

Обобщение А. Барентсена предсказывает, что при имплицативном («экзистенциальном», в его терминологии) глаголе *случаться* граммема времени в придаточном должна использоваться как первичный дейктик. Действительно, для того чтобы говорящий мог употребить глагол *случаться*, он должен считать положение вещей, выраженное в придаточном, истинным, а никакого «ментального акта» со своим отдельным субъектом этот глагол не выражает. В основном это предсказание выполняется; так, в следующем примере, кажется, невозможно заменить форму прошедшего времени на форму презенса:

(18) *Случалось, что и днём замечали в кустах тёмное тело ...* [Л. Н. Андреев. Кусака (1901)] Ср. *... замечают ...

Обобщающая гипотеза А. Барентсена объемлет и другие факторы, воздействие которых эмпирически доказывается в его статье, преимущественно на материале

глаголов восприятия. В частности, показано, что выбор абсолютной интерпретации граммемы времени связан с использованием союза *как*, а не *что*; с ретроспективным, а не нарративным режимом интерпретации; с наличием обстоятельств времени; с хабитуальностью матричного предиката и с наличием отрицания при матричном предикате. Для всех этих параметров можно показать, почему они вписываются в тот макрофактор — скорее когнитивный, чем собственно грамматический, — формулировка которого была воспроизведена выше.

В целом выводы А. Барентсена совершенно убедительны, но их все же невозможно считать исчерпывающими. Действительно, в его статье подробно разбираются различия между отдельными глаголами восприятия, но вот расхождения внутри других семантических групп подробно не освещаются, что создает впечатление их однородности. В следующих двух разделах я рассмотрю две пары глаголов, в которых отдельные лексемы различаются в плане закономерностей выбора граммемы времени в придаточном, несмотря на принадлежность к одной семантической группе, и постараюсь предложить объяснение наблюдаемым различиям. В разделе 5 речь пойдет о двух имплицативных глаголах, а в разделе 6 — о двух глаголах эмоций.

5. Имплицативные предикаты: *случаться* и *оказаться*

Глаголы *случаться* и *оказаться* являются имплицативными в смысле Л. Карттунена [Karttunen 1971]³. Таким образом, в обоих случаях говорящий имеет максимальный доступ (ср. “accessible” в цитате из А. Барентсена выше) к ситуации, выраженной в зависимой клаузе. Согласно гипотезе А. Барентсена, в таких случаях граммема времени в придаточном должна получать абсолютную интерпретацию.

Для корпусной проверки этого предположения была проделана следующая процедура (описывается сначала на примере глагола *случаться*). Из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ, www.ruscorpora.ru) были извлечены⁴ все примеры по запросу: глагол *случаться* в форме прошедшего времени, на расстоянии 1 от *что*, на расстоянии 1 или 2 от любого глагола в форме настоящего времени изъявительного наклонения. Далее аналогичная процедура проделывалась для других индикативных форм линейно правого глагола. Затем извлекались аналогичные выдачи для глагола *случаться* в форме настоящего времени.⁵ Далее все

³ В статье Л. Карттунена основной тест на имплицативность предполагает обращение к отрицанию. Этот тест успешно выполняется для *случаться*: произнесение высказывания *случалось, что Петя опаздывал* предполагает истинность того утверждения, что Петя опаздывал, а высказывания *не случалось, чтобы Петя опаздывал* — его ложность. Применение этого теста «в лоб» для *оказаться* невозможно: конструкции типа *не оказалось, что он уехал* просто не используются. Тем не менее, по другим признакам *оказаться* в конструкциях типа *оказалось, что Р ведет себя как имплицативный глагол: используя такую конструкцию, говорящий не только должен считать Р истинным, но и делает истинность Р частью ассерции высказывания.*

⁴ Поиски, результаты которых отражены в статье, проводились в мае 2016 года.

⁵ Для форм будущего времени матричного глагола поиск не производился по трем причинам. Во-первых, потому что у глаголов НСВ искать аналитические формы будущего сложнее, чем синтетические формы настоящего и прошедшего. Во-вторых, потому что такие контексты

извлеченные примеры просматривались вручную и размечались по признаку относительного времени; разделялось три возможных значения этого параметра: предшествование, одновременность и следование. Попутно отсеивался «мусор», включая конструкции с генерическим употреблением глагола в придаточном.

Результаты этой процедуры представлены в Таблице 3 (буквами П, Н и Б обозначаются грамматические формы прошедшего, настоящего и будущего времени).

Таблица 3

Таксис и время матричного и зависимого предикатов: глагол *случаться*

		Предшествование			Одновременность			Следование		
		П	Н	Б	П	Н	Б	П	Н	Б
Время матричного предиката	Настоящее	3				144	43			
	Прошедшее	1			228	1	16			

Данные, представленные в Таблице 3, позволяют сделать два наблюдения.

Во-первых, в соответствии с ожиданиями (ср. «глагол *случаться*, например, всегда требует абсолютного употребления временных форм» [Летучий, наст. том]) в «основной зоне конкуренции» почти всегда (228 из 245 случаев) используется граммема прошедшего времени, как в примере (18). Основным его конкурентом здесь оказывается не настоящее, а будущее время (16 случаев). Однако употребление будущего времени не связано со сменой точек зрения: во всех таких случаях формы будущего времени употреблены в «наглядно-примерном» значении, которое возможно и в главных клаузах:⁶

(19) *С Тургеневым не раз случалось, что он пригласит приятелей к себе и по рассеянности забудет и не окажется дома.* [А. Я. Панаева. Воспоминания (1889–1890)]

(20) *Но случалось, что командир рассердится на мой доклад и начнет кричать:* [А. С. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга (1936–1944)]

(21) *... случалось, что явится новый человек в городе, на шумит про себя, наговорит с три короба, облестит несколько человек, под разными предложениями наберет у них денежек, да потом и был таков...* [Н. А. Добролюбов. Внутреннее обозрение (1861)]

сложно оценить в плане противопоставления собственно футуральных и модальных употреблений (например, условных). В-третьих, как было показано в разделе 3, контексты с матричным предикатом, относящимся к плану будущего, менее показательны для изучения граммем времени в зависимой клаузе, чем два других типа контекстов.

⁶ Н. М. Стойнова упоминает глагол *случаться* как одно из контекстных условий, которые создают почву для употребления форм будущего времени глаголов СВ в наглядно-примерном, или «хабитуальном» — в ее терминологии, — значении [Стойнова 2016]. Однако речь в работе Н. М. Стойновой идет не о придаточных предложениях, а о близких конструкциях, в которых *случаться* используется как «лексический хабитуальный показатель»: *Нет, будучи, как всегда, кристально объективным, я не могу не признать, что и мужчина тоже порой, случается, приврет.* [А. Инин. Женщина и ложь (1999)].

Интересно, что почти во всех этих 16 случаях, как и в примерах (19)–(21), описывается **последовательность** из нескольких действий. Предполагаю, что это неслучайно: иконические цепочки форм, описывающие последовательные события, в русском языке в основном обслуживаются глаголами СВ (ср.: *явился, на шумел, наговорил* и т. д.), для глаголов НСВ такие употребления гораздо менее типичны (ср. *являлся, шумел, говорил* — значение последовательности действий снимается). Получается, что в примерах типа (19)–(21) выбор будущего времени — это компромиссный выход из нестандартного сочетания признаков: речь идет о **цепочке** единичных событий, но сама эта цепочка в целом обладает **повторяемостью**.

Итак, использование будущего времени не связано с дихотомией абсолютно-го и относительного времени. Интересно, что в выдачах все же обнаружен один пример, где время глагола в сентенциальном актанте используется как вторичный дейктик (см. среднюю ячейку в нижней строчке Таблицы 3):

(22) *Сколько раз случалось, что она читает вместе с моим приятелем трагедии Гете, Шиллера* [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)]

Таким образом, даже для глагола *случаться* можно говорить о **вероятностной** закономерности, хотя вероятность использования времени в качестве первичного дейктика (в контекстах, где два типа употреблений можно различить) близка к 100 %.

Во-вторых, мы видим, что в подавляющем большинстве случаев ситуации, выражаемые в зависимой и в главной клаузах, вступают в таксисные отношения, которые были условно размечены как «одновременность». В действительности речь идет об особом типе одновременности — его иногда называют «псевдоодновременностью» [Полянский 1987: 250–253] или «коинциденцией» [Вимер 2004]. При коинциденции ситуации не столько совпадают по времени, сколько логически эквивалентны друг другу:

(23) *Потом в детстве моем много раз случалось, что меня били, а я не мог дать сдачи, потому что мои руки не подчинялись моим желаниям.* [Владимир Войнович. Замысел (1999)]

Ситуация, выраженная словами *много раз случалось*, **состояла** в том, что protagonista (много раз) *били*, а он (в каждом случае) *не мог дать сдачи*. Неслучайно, что, за исключением уже рассмотренных выше случаев использования форм будущего времени в наглядно-примерном значении, матричный и зависимый предикат в ситуации коинциденции всегда совпадают и по виду: оба относятся к НСВ.

В выборке нет конструкций с глаголом *случаться* и отношениями следования. Отношения предшествования представлены единичными примерами (см. левый столбец в Таблице 3), и в таких примерах используются глаголы СВ:

(24) ... *подают чуть не с часовыми промежутками от блюда к блюду, и случается, что вы велели дать себе филэ-сотэ, а вам приносят судака-о-гратэн*

и еще **божатся**, что вы как раз это именно и приказали подать. [А. В. Амфи-театров. Птички певчие (1896–1898)]

Вероятно, выбор глагола СВ *велели*⁷ и формы прошедшего времени объясняется тем, что ситуация повеления, заказа, подается как фоновая: «случается» здесь то, что половые приносят неверное блюдо, а предшествующая клауза фактически имеет уступительное значение (ср. странность усеченной версии этого высказывания: *случается, что вы велели дать себе филэ-сотэ*).

Итак, сентенциальный актант глагола *случаться* почти всегда выражает событие, находящееся в отношениях псевдоодновременности с главной клаузой, а граммема времени в нем выбирается в соответствии с абсолютным временем.

Обратимся теперь к глаголу *оказаться*. Проведенная для него процедура отличалась от описанной выше в двух отношениях. Во-первых, здесь рассматривались только формы прошедшего времени матричного глагола, т. к. настоящего времени у этого глагола просто нет. Во-вторых, из-за большого объема выдачи вручную (после рандомизации по граммеме времени в сентенциальном актанте) были размечены только первые 100 примеров. Результаты разметки представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Таксис и время матричного и зависимого предикатов: глагол *оказаться*

		Предшествование			Одновременность			Следование		
		П	Н	Б	П	Н	Б	П	Н	Б
Время матричного предиката	Настоящее									
	Прошедшее	26			12	58			2	2

Мы видим, что глагол *оказаться*, хотя он тоже является имплицативным, отличается от глагола *случаться* по обоим исследуемым параметрам. Во-первых, в «основной зоне конкуренции» преимущественно выбирается форма настоящего времени (58 примеров против 12 примеров с формой прошедшего времени), т. е. форма, которая ведет себя как вторичный дейктик. Другими словами, примеры типа (25) встречаются существенно чаще примеров типа (26).

(25) ... **оказалось**, что они **собираются** в театр, и напрасно я лез к ним на шестой этаж. [В. В. Набоков. Соглядатай (1930)]

(26) **Оказалось**, что женищина **стояла** у двери, но он не задел супругу. [Вадим Месяц. Лечение электричеством // «Урал», 2002]

Во-вторых, хотя контексты, в которых ситуация зависимой клаузы «псевдоодновременна» ситуации, выраженной в главной клаузе, составляют большинство (70 примеров из 100), другие две таксисные интерпретации — предшествование (27) и даже следствие (28) — с этим глаголом также возможны:

(27) **Оказалось**, что ни **Обьедало**, ни **Отивало** никогда не **слышали** настоящих стихов. [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)]

⁷ Глагол *велеть* двувидовой, но здесь он употреблен как глагол СВ, ср. *случается, что вы заказали / *заказывали одно, а вам приносят другое*.

(28) Пообедавши, он пошел было через мост на другой берег Терека, чтобы дойти до Нарзана, но **оказалось**, что не **успеет**, и, только полюбовавшись необычайной зеленью долины, вернулся. [С.Н. Сергеев-Ценский. Как прячутся от времени (1929)]

Итак, глагол *оказаться* отличается от глагола *случаться* по обоим рассматриваемым признакам: в нем гораздо чаще наблюдается несовпадение времен двух событий и при нем в зависимой клаузе гораздо чаще время используется как вторичный дейктик. Основная гипотеза, выдвигаемая в этой статье, состоит в том, что между этими признаками существует внутренняя связь. Перед тем как обосновать эту гипотезу в теоретическом плане, рассмотрим еще одну пару глаголов.

6. Глаголы эмоций: *нравиться* и *радоваться*

Выдачи для глаголов *нравиться* и *радоваться* размечались примерно так же, как выдачи для двух имплицитных глаголов. Отличия состояли в том, что, во-первых, форма времени зависимого предиката не задавалась в запросе, а определялась в ходе ручной разметки вместе с другими релевантными параметрами примеров, а во-вторых, анализировались не полные выдачи, а лишь верхние части рандомизированных выдач.

Рассмотрим сначала результаты для глагола *нравиться* в тех конструкциях, где он вводит синтаксический акт при помощи союза *что*. Количественные данные представлены в Таблице 5.

Таблица 5

Таксис и время матричного и зависимого предикатов: глагол *нравиться* + *что*

		Предшествование			Одновременность			Следование		
		П	Н	Б	П	Н	Б	П	Н	Б
Время матричного предиката	Настоящее	19				121				
	Прошедшее	11			14	50				2

Можно видеть, что в основном контексте конкуренции преобладают (50 случаев из 64) формы настоящего времени в составе синтаксического акта, т.е. граммема времени чаще употребляется в качестве вторичного дейктика, как в (29):

(29) Кроме того, ей как будто даже **нравилось**, что он **пропускает** школу. [В.В. Набоков. Защита Лужина (1929–1930)]

В существующей литературе по вопросу мне не удалось найти специфических для глаголов эмоций указаний на выбор граммы времени в придаточном. Однако такие глаголы описывают определенный тип реакции на внешнюю действительность, то есть проецируют мир субъекта ментального состояния. В этом смысле они могут быть отнесены к широкому классу ментальных предикатов — а для таких глаголов можно ожидать вторичного использования граммы времени в зависимых клаузах.

Существенно, однако, что первичному использованию граммем времени принадлежит пусть и меньшая, но все же заметная доля. Примеры такого типа воспринимаются как грамматически безупречные:

(30) *Ей все больше **нравилось**, что он **спотыкался** на всякой фразе и **взирал** на нее уже растерянно и даже с мольбой.* [К. А. Федин. Первые радости (1943–1945)]

Видимо, в примерах типа (29) и (30) грамматически возможна замена граммемы на противоположную, так что можно говорить лишь о количественном преобладании конструкций с вторичным временным дейксисом.

Данные в Таблице 4 говорят о том, что в контексте матричного глагола *нравиться* и союза *что* сентенциальный актант по преимуществу вступает в отношения **одновременности** с главным сказуемым: таких примеров очевидное большинство и при вершине прошедшего времени (см. уже разобранные примеры), и при вершине настоящего времени. Примеры с отклонениями от одновременности составляют меньшинство (32 высказывания из общей суммы в 217 примеров), но грамматически они вполне приемлемы; возможность предшествования проиллюстрирована в примере (31), а более экзотические отношения следования — в примере (32).

(31) — *Но мне не **нравится**, что все **вышло** так обыкновенно.* [Валентина Осеева. Динка прощается с детством (1969)]

(32) *Раиса кокетливо и сонно улыбалась в ответ на все эти сарказмы, и хотя на рабфак не стремилась, но была довольна: ей **нравилось**, что она **поедет** в Киев.* [А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 1 (1933)]

Теперь можно сравнить рассмотренные данные с данными для глагола *радоваться*, представленными в Таблице 6.

Таблица 6

Таксис и время матричного и зависимого предикатов: глагол *радоваться* + *что*

		Предшествование			Одновременность			Следование		
		П	Н	Б	П	Н	Б	П	Н	Б
Время матричного предиката	Настоящее	46				38				7
	Прошедшее	42			6	39			1	10

В общих чертах набор возможных сочетаний признаков для этого глагола похож на картину, выявленную для конструкций типа *нравиться, что*. Однако в количественном отношении можно обратить внимание на два различия.

Во-первых, в «основной зоне конкуренции» формы прошедшего времени, как в примере (33), имеют еще меньший удельный вес, чем для конструкции *нравиться + что*: в проанализированной выборке они встретились в 6,5 раз реже (6 примеров против 39), чем конструкции с формами настоящего времени, т. е. вторичным дейктиком (34).

(33) *иной просто тому **радовался**, что **видел** живых расейских людей — и об нас, мол, не забывают.* [Артем Веселый. Россия, кровью умытая (1924–1932)]

(34) Он шел и радовался сам себе, **радовался**, что **видит** зиму, своими ногами **идет** по снегу, **радовался**, что к Саше **идет**. [Г. Я. Бакланов. Навеки девятнадцатилетние (1979)]

Во-вторых, для конструкций с глаголом *радоваться* в гораздо большей степени типичны контексты, в которых сентенциальный актант описывает ситуацию, не одновременную самой эмоции. Ситуация, когда ситуация-стимул предшествует самой эмоции, см. (35), фиксируется даже чаще, чем одновременность стимула и реакции, проиллюстрированная в примерах (33)–(34); однако и на таксис следования, т. е. на случаи, когда причиной радости является событие в будущем субъекта эмоции, приходится почти 10% примеров (18 из 189), см. (36).

(35) ... я про себя **радовался**, что **удовил** ему, **нарисовал** нечто похожее на его родную избу. [Евгений Носов. Красное вино победы (1969)]

(36) У него была еще надежда, что разлука отдалит на время неизбежность решения, и он почти **радовался**, что **покинет** Флоренцию. [Д. С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи (1901)]

В паре глаголов *нравиться* и *радоваться* распределения абсолютных показателей, касающихся соотношения времени матричного предиката, таксиса и граммы времени на вершине зависимой клаузы, значительно отличаются от распределений, полученных в разделе 5 для глаголов *случаться* и *оказаться*. Однако в относительных терминах в этих двух парах есть определенное сходство. Действительно, и в этом втором случае тот глагол, который чаще используется с сентенциальным актантом, относящимся к временному плану, не совпадающему с событием в главной клаузе, (в данном случае это *радоваться*) чаще предполагает оформление граммы времени в сентенциальном актанте в соответствии с относительным (а не абсолютным) временем события. Другими словами, вторичные дейктические противопоставления по времени чаще маркируются эксплицитно при том глаголе, при котором чаще возникает контраст по этому признаку.

Для глаголов эмоций эту закономерность можно дополнить данными о таких употреблениях глагола *нравиться*, в которых зависимая клауза вводится союзом *когда*:

(37) Тане даже больше **нравилось**, когда ее **жалели**. [Маша Трауб. Ласточ...ка (2012)]

Для глагола *нравиться* в сочетании с союзом *когда* были проведены такие же подсчеты, что и в предыдущих случаях; результаты представлены в Таблице 7.

Таблица 7

Таксис и время матричного и зависимого предикатов: глагол *нравиться* + *когда*

		Предшествование			Одновременность			Следование		
		П	Н	Б	П	Н	Б	П	Н	Б
Время матричного предиката	Настоящее					135				
	Прошедшее				84	3				

Можно видеть, что во всех проанализированных примерах сентенциальный актанта глагола *нравиться*, вводимый союзом *когда*, обозначает ситуацию-стимул, одновременную⁸ с вызываемой ею эмоцией. Видимо, в данном случае можно говорить не о статистическом предпочтении, а о жестком семантическом ограничении. Такому семантическому свойству соответствует и грамматическое оформление сентенциального актанта: в подавляющем большинстве случаев граммема времени соответствует абсолютной временной интерпретации, как в примере (37). Фактически это приводит к дублированию граммема времени матричного предиката на сентенциальном актанта (то, что для таких глаголов формулировки правила в терминах абсолютного времени и в терминах дублирования эмпирически эквивалентны, обсуждается в [Летучий, наст. том]). Интересно, однако, что в редчайших случаях эта грамматическая тенденция все же нарушается и граммема времени выбирается в соответствии с относительным временем:

(38) *В сущности, он так же, как и Женя, позволял любить себя, ему **нравилось**, когда его **любят**, он старался, чтобы его любили, и только.* [Даниил Гранин. Иду на грозу (1962)]

Фиксация таких примеров (в выборке их было 3 из 87) еще раз подтверждает, что строгие правила, выводимые на основании изолированных примеров, могут быть на самом деле лишь упрощенными формулировками статистических предпочтений.

7. Выводы

Хорошо известно, что на выбор между абсолютным и относительным употреблением времени (или, что то же самое, между первичным и вторичным временным дейксисом) в сентенциальных актантах русских предикатов влияет, среди прочего, семантический тип предиката. В частности, утверждалось, что для имплицитивных глаголов характерно абсолютное употребление времени, а для глаголов ментальной сферы — относительное.

В настоящей статье предлагается уточнение этого тезиса, связанное с двумя идеями. Первая состоит в том, что глаголы, относящиеся к одному семантическому классу в широком смысле слова, не обязательно ведут себя одинаково в плане оформления сентенциального актанта граммемами времени. Вторая идея состоит в том, что сентенциальные актанта одного и того же глагола в похожих условиях могут оформляться граммемами времени по-разному.

Эти идеи были протестированы на двух парах глаголов (разделы 5 и 6); корпусные выдачи с этими глаголами были размечены по двум признакам: по таксисным

⁸ В данном случае наблюдается особая разновидность одновременности, которую можно было бы назвать «повторяемой одновременностью»: союз *когда* вводит только сентенциальные актанта с значением повторяемого действия [Летучий, наст. том]. В той же статье А. Б. Летучего доказывается, что в таких случаях союз *когда* вводит сентенциальный актанта, а не сирконстант.

отношениям между главной и зависимой клаузами и по граммеме времени в придаточном в зоне конкуренции. В упрощенном виде данные, представленные в разделах 5–6, суммируются в Таблице 8; для одного из глаголов (*нравиться*) по отдельности приводятся сведения для двух конструкций — с союзами *что* и *когда*.

Таблица 8

Таксисные отношения между двумя клаузами и выбор граммемы времени в зоне конкуренции в конструкциях с четырьмя матричными глаголами

Конструкция	Одновременность				Семантика граммемы времени			
	да		нет		абсолютная		относительная	
	N	доля	N	доля	N	доля	N	доля
<i>нравиться, когда</i>	222	1.00	0	0.00	84	0.97	3	0.03
<i>случаться, что</i>	432	0.99	4	0.01	228	1.00	1	0.00
<i>нравиться, что</i>	185	0.85	32	0.15	14	0.22	50	0.78
<i>оказаться, что</i>	70	0.70	30	0.30	12	0.17	58	0.83
<i>радоваться, что</i>	83	0.44	106	0.56	6	0.13	39	0.87

В литературе по сентенциальным актантам общепринято выделение матричных предикатов, задающих «зависимую временную референцию» (“dependent time reference”) своего актанта: “a complement has dependent or determined time reference ... if its time reference is a necessary consequence of the meaning of the <complement-taking predicate>” [Noonan 2007: 102]. Очень часто матричные предикаты задают валентностный таксис следования (ср. *приказать, хотеть*), но есть и глаголы, предполагающие таксис одновременности. Данные, представленные в Таблице 8, показывают, что некоторые из рассмотренных глаголов тяготеют к фиксированной временной референции зависимой клаузы, однако четко выделить соответствующий класс глаголов (конструкций) не так просто. Если провести границу по строгой **обязательности** этого свойства, то уже даже глагол *случаться* — при нем таксис одновременности наблюдается в 99% случаев — не попадет в этот класс. Проведение границы по любому другому пороговому значению (скажем, по 90%) будет и вовсе условным.

На основании сделанных наблюдений я предлагаю считать, что требование зависимой временной референции — это **градуируемое** свойство матричных конструкций, а за меру его проявления принять ту долю, которая приходится на контексты с совпадающей⁹ временной референцией среди всех употреблений конкретной глагольной конструкции. Таким образом, для глагола *случаться* выраженность этого градуируемого признака приближается к 100%, а для глагола *оказаться* (в тех пределах, в которых об этом можно судить по выборке из 100 примеров) она составляет около 70%.

Ключевая выдвигаемая гипотеза состоит в том, что два изученных количественных параметра связаны: чем в большей степени для конструкции характерна независимая временная референция, тем с большей вероятностью время в ней будет

⁹ Это определение, естественно, нужно модифицировать для глаголов, у которых есть тенденция к ограничению валентностного таксиса отношениями следования.

использоваться как вторичный дейктик. Эмпирически это проявляется в том, что иерархии типов конструкций в левой и правой частях Таблицы 8 хорошо согласуются друг с другом. Если эта гипотеза верна, она объясняется тем, что граммема времени в зависимой предикации используется как вторичный дейктик чаще тогда, когда по этому признаку возможны смысловые противопоставления; если же они нейтрализуются, то вторичный временной дейксис нет смысла выражать, и он чаще уступает дефолтному первичному дейксису.

Хотя иерархии конструкций в двух частях Таблицы 8 согласованы друг с другом, сами количественные индексы расходятся: доля относительных употреблений «отстает» от доли, которая приходится на «неодновременные» сентенциальные актаны. Возможное объяснение этого состоит в том, что для невыражения относительного времени необходимым условием является предсказуемость соответствующего значения; такое предположение может объяснять, почему даже при 15% «неодновременных» употреблений (ср. данные для *нравиться, что*) противопоставления по вторичному временному дейксису уже довольно часто выражаются грамматически.

Полученные в исследовании данные являются лишь крошечным фрагментом более широкой картины. Можно домыслить два фрагмента этой системы, как бы обрамляющих данные в Таблице 8 сверху и снизу.

Во-первых, многие глаголы речи и мысли, рассматривавшиеся в литературе, видимо, должны были бы оказаться ниже нижней части этой таблицы. Для многих из них даже слабой тенденции к одновременности нет, а вот контрасты относительного времени играют важную роль, что проявляется, среди прочего, в существовании высказываний с однородными сентенциальными актантами, противопоставленными по времени как семантически, так и грамматически:

(39) *Я, как разбойник, знал, что жил и живу скверно, видел, что большинство людей вокруг меня живет так же.* [Л. Н. Толстой. В чем моя вера? (1884)]

Во-вторых, два глагола, находящиеся в верхней части Таблицы 8, — *нравиться* и *случаться*, — могут присоединять инфинитивные сентенциальные актаны. В таких конструкциях грамматический контраст по времени нейтрализуется, что соответствует и семантическому измерению: для инфинитивов при глаголах *нравиться* и *случаться* обязательна семантика одновременности (в широком смысле слова), ср. *ему нравилось сидеть под навесом*. Таким образом, при включении данных о таких конструкциях в Таблицу 8 они разместились бы выше верхней части.

Литература

Вимер Б. Таксис и коинциденция в зависимых предикациях: литовские причастия на *-damas* // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / под ред. В. С. Храковского, А. Л. Мальчукова, С. Ю. Дмитренко. М., 2004. С. 53–73.

Летучий А. Б. Модели управления сентенциальными актантами в русском языке: центр и периферия // Наст. том.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Полянский С. М. Одновременность / разновременность и другие типы таксисных значений // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987. С. 243–253.

Стойнова Н. М. Нефутуральные употребления форм будущего времени // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. 2016. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 10.11.2016).

Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. №2. С. 32–54.

Храковский В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. М., 2009. С. 11–113.

Barentsen A. Shifting points of orientation in Modern Russian: Tense selection in ‘reported perception’ // Reported speech: form and functions of the verb/ ed. by A. J. M. Janssen and W. van der Wurff. Amsterdam / Philadelphia, 1996. P. 15–55.

Karttunen L. Implicative verbs // Language 47. 1971. №2. P. 340–358.

Lehmann Ch. Towards Lexical Typology // Studies in Typology and Diachrony: Papers presented to Joseph H. Greenberg on his 75th birthday / ed. by W. Croft, K. Denning and S. Kemmer. Amsterdam, 1990. P. 161–185.

Noonan M. Complementation // Language typology and syntactic description. Vol. 2. Complex constructions / ed. by T. Shopen. Cambridge, 2007. P. 52–150.

Schlenker P. A plea for monsters // Linguistics and Philosophy 26. 2003. P. 29–120.

Timberlake A. A reference grammar of Russian. Cambridge, 2004.

Sergey Say

Institute for linguistic studies, RAS;

St. Petersburg State University

(Russia, St. Petersburg)

serjzhka@yahoo.com

TENSE IN RUSSIAN FINITE COMPLEMENT CLAUSES: NEUTRALIZATION AND POINT OF REFERENCE

Corpus data have made it possible to partially revise the commonly held assumption that tensed forms in most types of Russian complement clauses take the main clause event as their deictic center, that is, signal relative tense, whereas some verb types, including implicative verbs, are exceptions and their complement clauses invariably signal absolute tense. I checked this view for two emotive verbs (*radovat'sja* ‘be glad’ and *nравит'sja* ‘like’) and two implicative verbs (*okazat'sja* ‘turn out’ and *sluchat'sja* ‘happen’). Based on manually annotated samples of corpus examples, I found that the absolute vs. relative interpretation of tense in complements of these verbs is probabilistic rather than fixed for

individual verbs. The relevant probabilities are not identical in pairs of verbs belonging to the same semantic group. I propose a hypothesis that this probability for a given verb in a given construction is related to another probabilistic parameter: the higher the ratio of complement clauses that are simultaneous to their matrix verb, the lower is the probability that tense signals relative tense. This finding has a natural functional explanation: if the contrast in terms of relative tense is semantically suppressed for a given verb, it is less essential to signal relative tense grammatically.

Keywords: tense, deixis, Russian language, complement clause, implicative verbs, verbs of emotion, neutralization

References

Barentsen A. Shifting points of orientation in Modern Russian: Tense selection in 'reported perception'. *Reported speech: form and functions of the verb*. Amsterdam / Philadelphia, 1996, pp. 15–55.

Karttunen L. Implicative verbs. *Language* 47, 1971, no. 2, pp. 340–358.

Khrakovskii V. S. Kategoriya taksisa (obshchaya kharakteristika). *Voprosy yazykoznaniiya*, 2003, no. 2, pp. 32–54.

Khrakovskii V. S. Taksis: semantika, sintaksis, tipologiya. *Tipologiya taksisnykh konstruksii*. Moscow, 2009, pp. 11–113.

Lehmann Ch. Towards Lexical Typology. *Studies in Typology and Diachrony: Papers presented to Joseph H. Greenberg on his 75th birthday*. Amsterdam, 1990, pp. 161–185.

Letuchii A. B. Modeli upravleniya sententsial'nymi aktantami v russkom yazyke: tsentr i periferiya. *This volume*.

Noonan M. Complementation. *Language typology and syntactic description. Vol. 2. Complex constructions*. Cambridge, 2007, pp. 52–150.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. Moscow, 1996.

Polyanskii S. M. Odnovremennost' / raznovremennost' i drugie tipy taksisnykh znachenii. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'*. Taksis. Leningrad, 1987, pp. 243–253.

Schlenker P. A plea for monsters. *Linguistics and Philosophy* 26, 2003, pp. 29–120.

Stoinova N. M. Nefutural'nye upotrebleniya form budushchego vremeni. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*, 2016. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 10.11.2016).

Timberlake A. *A reference grammar of Russian*. Cambridge, 2004.

Vimer B. Taksis i koitsidentsiya v zavisimykh predikatsiyakh: litovskie prichastiya na –damas. *40 let Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkole*. St. Petersburg, 2004, pp. 53–73.

Н. В. Сердобольская

*Российский государственный гуманитарный университет
Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва)
serdobolskaya@gmail.com*

ЯВЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕПОДЧИННОСТИ В АКТАНТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ГЛАГОЛОМ ДУМАТЬ *

Ментальные глаголы в русском языке могут присоединять актантные предложения без союза. В таких конструкциях клауза с ментальным глаголом отчасти приобретает свойства вводной конструкции (неспособность содержать отрицание). Однако она обладает свойствами, нехарактерными для вводных конструкций с ментальным глаголом, а именно, она может содержать фокусные и топикальные частицы, различного вида обстоятельства, субъект, выраженный именем нарицательным и т. п.

В настоящей работе ставится задача проанализировать свойства главной и зависимой части в бессоюзных актантных конструкциях, возглавляемых глаголом *думать* (в значении мнения), с точки зрения свойств синтаксической неподчиненности, выявленных в работе Е. В. Падучевой [1990]. Сюда входят средства выражения иллокутивной силы высказывания и лексемы/конструкции, строго привязанные к конкретному иллокутивному типу (например, *честно говоря, в самом деле*), дейктические маркеры *вон, вот* и дейктический эллипсис подлежащего, а также лексемы и конструкции, кодирующие коммуникативную организацию высказывания

Мы показываем, что и главная, и зависимая предикация в анализируемых конструкциях способны содержать средства синтаксической неподчиненности. Напротив, во вводном предложении данные средства недопустимы. Таким образом, полученные результаты служат дополнительным аргументом в пользу того, что искомые конструкции не принадлежат к вводным, а должны классифицироваться как бессоюзные актантные предложения.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 16–18–02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

Ключевые слова: сентенциальные актанты, ментальные глаголы, явления синтаксической неподчинимости, явления главного предложения, вводные конструкции.

1. Введение

Русский глагол *думать* в значении мнения (согласно [Апресян 2015], *думать* 2.1, синонимичный *считать*, *полагать*, в отличие от *думать* 1, синонимичный *размышлять*) может присоединять бессоюзные актантные предложения:

(1) *А я думал, ты и не пьешь вовсе.* [Владислав Граковский. Последнее испытание, или спасти королеву — убить королеву. 2015]

Такие конструкции интересны тем, что семантически клауза с глаголом *думать* вводит зависимую клаузу, т. к. последняя заполняет валентность содержания ментального глагола; однако с точки зрения морфосинтаксиса зависимая клауза практически не демонстрирует свойств подчинения. Наоборот, ограничения налагаются на состав матричной клаузы — в частности, она не может содержать отрицание [Падучева 1996], ср.:

(1')* *А я не думал, ты и не пьешь вовсе.*

Как будет показано ниже, эта формальная независимость двух клауз отражается на их функциональной нагрузке: обе они являются коммуникативно значимыми, в частности, могут входить в состав нарративной цепочки.

В работе ставится задача определить, верно ли, что обе клаузы в полной мере обладают свойствами независимого предложения. В целях ответа на данный вопрос мы применяем тесты синтаксической неподчинимости (*main clause phenomena*), выявленные в работах [Emonds 1970, Hooper, Thompson 1973] и разработанные для русского языка в исследованиях [Падучева 1990, Кобозева 19996].

Уточним, что мы не рассматриваем лексикализованные формы ментальных глаголов, которые на синхронном уровне функционируют, как дискурсивные частицы или эпистемические маркеры, например, *думаю*, *знаешь*, *з(ово)рут*, см. работу [Кобозева 1999а]. Как показано в данном исследовании, такие конструкции не включают субъект, частицы, обстоятельства и т. п. Кроме того, просодически они оформляются не так, как (1) и аналогичные примеры.

Итак, предметом нашего рассмотрения являются конструкции с глаголом *думать* без формальных признаков подчинения, допускающие все лично-числовые глагольные формы и выраженный субъект мнения. Следует обратить особое внимание, что мы анализируем именно конструкции с *думать* в значении мнения (т. е. *думать* 2.1 в [Апресян 2015]), а не *думать* в значении *размышлять* (*думать* 1). В этом значении рассматриваемый глагол также может присоединять бессоюзные актантные предложения, однако они обладают несколько иными свойствами и значением (подробнее см. [Сердобольская в проекте]).

(2) *Чего́ он́ эти́ все́ игрушки́ покупа́ет? ! Я вообще́ ино́й ра́з ду́маю / во́т / ну́ что́ ему́ на́до / во́т — бога́тый / прие́хал на «Мерседесе́» / та́м вот тако́й вот круто́й... [НКРЯ. Калуга. Взрослые игры. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (2008)]*

Мы использовали данные Национального корпуса русского языка, корпусов, созданных в рамках проектов под руководством А. А. Кибрика и В. И. Подлесской (см. <http://spokencorpo.ru/>), а также примеры, полученные при помощи поиска в Интернете. Уточним, что в примерах, взятых из электронной коммуникации, сохранена пунктуация авторов, даже если она не соответствует пунктуационным нормам. Примеры, сконструированные автором, снабжены специальной пометой.

2. Бессоюзные актантные предложения с глаголом думать в значении мнения

2.1. Разграничение бессоюзных актантных предложений и вводных конструкций

В работе Е. В. Падучевой [1996: 322] выделяются следующие три типа полипредикативных конструкций с ментальным глаголом:

— собственно-вводная конструкция:

(3) *Он, я думаю, согласится.* [Падучева 1996: 322]

— вводно-союзная:

(4) *Не в болото вели они, как думал он раньше, а в пропасть!* [НКРЯ. Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]

— бессоюзное сложноподчиненное предложение:

(5) *Он думает, я его испугался.* [Падучева 1996: 322]

В [Русская грамматика 1980] примерам (3)–(5) соответствуют следующие типы: вводные предложения (3)–(4) и бессоюзные сочетания с изъяснительным значением (5).

Предметом рассмотрения настоящей работы являются конструкции вида (5). Такие сочетания, как показано в [Матвеева 2006], отчасти обладают теми же свойствами, что сентенциальные актанты с союзом *что*, отчасти — свойствами вводных конструкций. Возникает вопрос, как различить данные типы конструкций. При анализе бессоюзных предложений с *думать* в корпусах оказываются противопоставлены друг другу конструкции, где клауза с *думать* занимает строго начальную позицию в полипредикации и конструкции, допускающие начальную, срединную и конечную позиции (подробнее см. [Сердобольская в проекте]). Первый тип, по-видимому, представляет собой бессоюзные актантные предложения, второй — конструкции с вводной клаузой. (См. схожие выводы в [Dehé, Wichmann 2010] для английского языка). Проиллюстрируем изложенные выше закономерности.

Уточним, что суждения о неграмматичности примеров основаны на интуиции автора и на том, что запросы соответствующего типа не находили соответствий в корпусе и при поиске на сайте Google.

1. Линейная позиция и обстоятельства времени

Клаузы, не содержащие обстоятельства (кроме местоименного наречия *так* и некоторых других, см. ниже), допускают любую позицию в составе клаузы, выражающей содержание мысли: начальную, срединную и конечную:

(6) *Зоценко, я думаю, непереводим. Он создаёт переводчикам удвоенные трудности.* [Сергей Довлатов. Переводные картинки // «Иностранная литература», №9, 1990]

(6') *Я думаю, Зоценко непереводим.*

(6'') *Зоценко непереводим, я думаю.*

Однако при наличии обстоятельств времени возможна только начальная позиция, ср.:

(7) *Невероятно, Боря. Ты болеешь за будущее России. Я всегда думал, ты собираешься жениться и эмигрировать в Германию.* (Константин Зарубин. День Конституции. 2004)

(7')?? *Ты, я всегда думал, собираешься жениться и эмигрировать в Германию.*

(7'') * *Ты собираешься жениться и эмигрировать в Германию, я всегда думал.*

2. Линейная позиция и эпистемические выражения

Аналогичным образом, эпистемические выражения допустимы только при начальной позиции клаузы с ментальным глаголом:

(8) *Он, **наверное**, думает — я миллионер, вон сколько у меня бумажек...* [НКРЯ: Антон Висков. Наследник апостола Иоанна (2004) // «Наш современник», 2004.06.15]

(8')?? *Этот человек, ты, **наверное**, думаешь, миллионер.*

(8'')?? *Этот человек — миллионер, ты, **наверное**, думаешь.*

3. Линейная позиция и частицы

Различные фокусные и топикальные частицы (за некоторым исключением, см. ниже) в клаузе с ментальным глаголом также возможны только при препозиции к клаузе, выражающей содержание мысли:

(9) *Знаешь, Михаэль смеется и спрашивает: ты по-русски всегда так заковыристо выражаешься? Он-то думал, ты такой немногословный, застенчивый юноша...* [Макс Фрай «Жалобная книга». 2003]

(10) *А я **ведь** думал, друг, ты ко мне нехорошее имеешь.* [НКРЯ. Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]

(9') * Ты такой немногословный, застенчивый юноша, он-то думал.

(9'') * Ты, он-то думал, такой немногословный, застенчивый юноша.

(10') * Ты ко мне нехорошее имеешь, я ведь думал.

(10'') * Ты, я ведь думал, ко мне нехорошее имеешь.

4. Линейная позиция и деепричастная форма

Аналогичным образом, глагол думать может выступать в деепричастной и причастной форме только при препозиции к клаузе, выражающей содержание мысли:

(11) Мы даже зашли за памятник Сталину, думая, может, они сидят за ним на верхней ступеньке пьедестала, уютно опершись спиной о полы его гранитной шинели. [НКРЯ. Фазиль Искандер. Письмо (1969)]

(11') * Мы зашли за памятник Сталину, может, они, (думая,) сидят за ним на верхней ступеньке (думая).

Таким образом, по ряду свойств (подробнее см. таблицу 1) конструкции с начальной позицией клаузы с глаголом думать выделяются среди остальных в плане инвентаря содержащихся в них элементов. Мы полагаем, что конструкции с глаголом думать, включающие обстоятельства, частицы, эпистемические выражения и допускающие деепричастную и причастную форму думать — это матричные клаузы с бессоюзным актантным предложением, а конструкции без таких элементов — вводные предложения. При этом бессоюзные актантные предложения могут находиться только в начальной позиции, в то время как вводные клаузы занимают любую линейную позицию. Таким образом, клаузы с думать в начальной позиции с местоименным подлежащим (вида я думаю) допускают неоднозначную трактовку.

Следующее свойство, однако, объединяет бессоюзные и вводные конструкции.

5. Отрицание

В работе [Апресян 1995] показано, что вводные конструкции с ментальными и речевыми глаголами не могут включать отрицание, в том числе имплицитное (например, глагол отрицать и др.):

(12)*Осетровые рыбы, (вовсе) не говорят знатоки, утратили свой былой вкус.

(13)*Вождь повстанцев, отрицают некоторые, уже прибыл в страну. [Апресян 1995: 614]

В бессоюзных актантных предложениях с думать это также невозможно:

(14) а. Я-то ведь думал, это невозможно.

б. *Я-то ведь не думал, это невозможно.

(15) а. А ты разве думаешь, это возможно?

б. *А ты разве не думаешь, это возможно?

Примеры вида (14б) и (15б) не находятся ни в корпусе, ни при поисковых запросах в Интернете. Е. В. Падучева [1996: 330] объясняет невозможность отрицания во вводных клаузах следующим образом: при отрицании ментального глагола информация, выраженная в клаузе, выражающей содержание мысли, перестает быть

чьим-либо мнением, что противоречит семантике самой конструкции — выражение чьего-либо мнения. Одним из аргументов за такое объяснение является тот факт, что при изменении полярности глаголов с имплицитным отрицанием конструкция становится грамматичной:

(13') *Вождь повстанцев, не отрицаю, уже прибыл в страну.* (Сконструированный пример)

По-видимому, то же касается бессоюзных актантных предложений:

(16) *Не отрицаю, вождь повстанцев уже прибыл.* (Сконструированный пример)

(17) *Не буду отрицать, это невозможно.* (Сконструированный пример)

Таким образом, невозможность отрицания в искомым конструкциях объясняется исходя из их значения.

Сопоставим данные по морфосинтаксическим свойствам вводных и бессоюзных конструкций с глаголом *думать* (приведенные обобщения по морфосинтаксическим свойствам представляют результаты [Матвеева 2006], уточненные по данным корпусов; данные результаты, а также обобщения по просодии и семантике данных конструкций подробно обсуждаются в [Сердобольская в проекте]).

Из таблицы 1 видно, что вводные и матричные клаузы с *думать* обладают рядом общих свойств: неспособность содержать отрицание, запрет на императив глагола *думать*, допустимость различных видо-временных форм, сослагательного наклонения и инфинитива. Однако вводные конструкции сильно ограничены по ряду других параметров: набор форм (затруднительно 3-е лицо единственного числа настоящего времени, недопустимо деепричастие и причастие), выражение субъекта (абсолютное большинство примеров с местоимениями; имена собственные и нарицательные возможны в сильно маркированных случаях, когда они отсылают к фокусу эмпатии), наличие сирконстантов и частиц. Кроме того, оба вида конструкций различаются просодически и, как будет показано ниже, семантически.

В результате, если нет данных о просодии, выражение «местоимение в именительном падеже + *думать* в индикативе или сослагательном наклонении» в начальной позиции может представлять собой или главную клаузу при бессоюзном актантном предложении, или вводную конструкцию. Противопоставление между этими типами становится заметно при попытке изменить линейную позицию клаузы с глаголом *думать* или распространить ее (см. примеры выше).

Сходные выводы делаются в [Dehé, Wichmann 2010] относительно бессоюзных начальных клауз *I think, I believe* в английском языке.

Итак, критерии различения вводных и актантных конструкций:

А. Вводные конструкции могут занимать начальную, срединную и конечную позиции, в то время как клауза с ментальным глаголом в конструкциях с бессоюзным синтаксическим актантом находится в препозиции.

Б. В конструкциях с бессоюзным синтаксическим актантом клауза с ментальным глаголом может содержать различного вида обстоятельства (допускающие сочетания с *думать* в значении *полагать*), эпистемические выражения, фокусные

Таблица 1

Морфосинтаксические свойства	вводные конструкции с <i>думать</i>	матричные клаузы с <i>думать</i> без союза
<i>Морфологические свойства</i>		
лично-числовая парадигма	ограничена ¹	+
время, вид	+	+
наклонение	– императив + сослагательное наклонение	– императив + сослагательное наклонение
нефинитные формы	только инфинитив	инфинитив, причастие, деепричастие
<i>Синтаксические свойства</i>		
линейная позиция	любая	только начальная
отрицание	–	–
актанты	местоимения, реже — имена собственные, нарицательные-маргинально	любые
сирконстанты	ограниченно ²	любые
частицы	ограниченно ³	любые
<i>Просодия</i>		
просодическое оформление	пониженная интенсивность, тональный регистр ⁴	средняя интенсивность, тональный регистр
<i>Семантика</i>		
функциональная нагрузка	не обладают коммуникативной значимостью [Падучева 1996: 325]	обладают коммуникативной значимостью

и топикальные частицы — что невозможно во вводных конструкциях (за небольшим исключением, например, местоименное наречие *так*, частица *всё*). Субъект во вводных конструкциях крайне редко выражается именем собственным или нарицательным (а именно, если он находится в фокусе эмпатии), в то время как в конструкциях с бессоюзным сентенциальным актантом таких ограничений нет.

В. В конструкции с сентенциальным актантом глагол *думать* может выступать во всех глагольных формах, за исключением императива. Во вводных конструкциях ограничены примеры с 3-им лицом настоящего времени; исключается деепричастие и причастие.

2.2. Семантика вводных и бессоюзных актантных конструкций с *думать*

Семантически вводные и бессоюзные конструкции также отличаются друг от друга. Значение вводных клауз с глаголом *думать* непосредственно связано

¹ Как показано Е.В. Падучевой [1996: 331], затруднительно вводное употребление в 3-ем лице единственного числа настоящего времени, т. к. вводное употребление ментальных глаголов предполагает признание субъекта в собственном состоянии. Такое признание наиболее характерно в контексте 1-го лица и возможно для 3-го, только если субъект является фокусом эмпатии.

² В частности, допустимо местоименное наречие *так*, наречия *сейчас*, *порой*, *часто*, *невольни* и др.

³ Допустимы частицы *всё*, *вот*, *ещё* и др.

⁴ См. [Янко 2001: 331], [Гавриленко 2005], [Кибрик, Подлеская 2009: 145].

с семантикой вводных конструкций в целом. В исследовании [Dehé, Kavalova 2007: 1] вводные выражения и предикации характеризуются как структурно независимые от ассоциированной клаузы единицы, которые не включаются в основной просодический контур, не входят в коммуникативное членение (топик, фокус и т. п.) ассоциированной клаузы и не имеют истинностного значения⁵. Более конкретно, вводные конструкции с ментальными глаголами характеризуются в работе [Падучева 1996: 325] как не обладающие коммуникативной значимостью. Коммуникативная значимость (термин [Крейдлин 1983]) определяется как способность входить в сферу утверждения / вопроса в утвердительном / вопросительном предложении, нести новую информацию и содержать логический акцент.

Иными словами, вводные предложения с ментальными глаголами обычно вводят информацию об эпистемической или субъективной оценке истинности включающего их предложения. Обычно они не входят в нарративную цепочку и не обладают свойством коммуникативной значимости. Проиллюстрируем это на следующем примере.

(18) *Ему [Фадееву] кажется, что «сверчок» в «Колыбельной» придает этой песне несколько традиционный характер. Сейчас, он думает, сверчок — явление довольно редкое.* [НКРЯ. Самуил Маршак. Письма (1950–1964)]

В (18) клауза с *думать* занимает срединную позицию в предложении, т. е. по нашим критериям является вводной. Если задать вопрос ко всему предложению, то скорее всего он будет понят как вопрос к части *сейчас сверчок — явление довольно редкое*, а не к клаузе с *думать*:

(18') *Неужели?— Да, довольно редкое!?? Нет, он так не думает.* (Сконструированный пример)

Конечно, в любом случае информация в главной предикации может быть опровергнута в дальнейшем контексте: *Неправда, никогда он так не думал! Откуда ты взял, что он так думает!* Однако такие примеры кажутся менее естественными.

Эти интуитивные соображения подтверждаются в исследовании носителей русского языка, которое проводится в [Матвеева 2006; Матвеева, Сердобольская 2006]. В данных работах к бессоюзным актантам предложениям применяются критерии выделения неассертивной информации в высказывании, предложенные в работе [Падучева 1981]:

(А) возможность отрицания предикации с ментальным глаголом в правом контексте:

(19) *Билл думает, Джим украл бриллианты. — Нет, неправда!*

⁵ “Parentheticals are expressions that are linearly represented in a given string of utterance (a host sentence), but seem structurally independent at the same time... interrupt the prosodic flow of an utterance... are outside the focus-background structure of their host utterance and are usually associated with non-truth conditional meaning.” [Dehé, Kavalova 2007: 1]

(Б) проверка возможности дублирования клаузы с ментальным глаголом в виде презумпции:

(20) *Билл думал, Джим украл бриллианты, что огорчает Мэри.*

(В) выявление того, какая часть фразы подвергается эллиптическому сокращению:

(21) *Я думаю, (что) он придёт, а ты — нет.*

Все перечисленные средства (опровержение истинности клаузы, анафорическое средство, эллиптический ноль) в принципе могут отсылать как к главной предикации, так и к зависимой, ср.:

(19') *Неправда, Билл так не думает.*

(19'') *Неправда, это не Джим украл бриллианты.*

(20') *Мэри огорчает, что Билл так думает.*

(20'') *Мэри огорчает, что Джим украл бриллианты.*

(21') *Ты не думаешь, что он придёт.*

(21'') *Ты не придёшь.*

То есть, в целом обе части могут интерпретироваться как коммуникативно значимые. Как показал опрос 20 носителей, частота интерпретации, в которой происходит отсылка к клаузе с ментальным глаголом, падает в два раза, если эта клауза находится в срединной позиции (по отношению к тому же параметру для начальной позиции). Таким образом, «вводное» употребление в значительной мере снижает коммуникативную значимость клаузы с ментальным глаголом. Что касается бессоюзных актантных предложений, в них обе клаузы в равной мере обладают свойством коммуникативной значимости.

Корпусные данные подтверждают этот вывод. Во-первых, начальная клауза с глаголом *думать* может быть вложена в синтаксическую структуру более «внешнего» матричного предложения, в частности сочиняться с глаголом, входящим в нарративную цепочку:

(22) *Я думал, это невозможно и чувствовал себя совершенно беспомощным.* [НКРЯ. Запись LiveJournal (2004)]

(23) *Я говорю «Куда ж ты смотрел?»... а он мне «Да я смотрю ты покатился, ну я думал ты уехал и тоже поехал».* [<http://www.drive2.ru/users/max-88/blog/>]

В (22) и (23) полужирным выделены сочиненные элементы в составе предложения, «внешнего» по отношению к конструкции с сентенциальным актантом. Как кажется, при перестановке клаузы с *думать* в середину и в конец клаузы, выражающей содержание мысли, данные предложения становятся неестественными.

Во-вторых, клауза с *думать* может содержать логический акцент, в частности, включать фокусные частицы на субъекте или на глаголе, см. (9)–(10) выше.

В-третьих, есть примеры, где, в отличие от вводных конструкций, в бессоюзном актантном предложении клауза с ментальным глаголом входит в сферу действия вопроса, ср. примеры (18), (18') и следующий пример:

(24) — *Думаешь, Макс — мент?* — *спросила я по дороге. — Не думаю / а вижу.* [Татьяна Полякова. Сестрички не промах. М., 2015]

В частности, клауза с ментальным глаголом может содержать вопросительные слова и релятивизаторы, ср.:

(25) *Не верю! Вполне вероятно, что Ивашку-то, к заветному микрофону подвели <...> Вот почему я и думаю, не просто так он к этому микрофону пробился.* [<http://medassistans.ru/?p=970>]

(26) *Иногда отвечают — в соответствующей теме, но на ЭТОТ ВОПРОС дружно хранят молчание. Из-за чего я и подумал — пушка эта есть сюрприз, о котором мы ещё услышим.* [http://www.metro2033.ru/forum/index.php?PAGE_NAME=read&FID=27&TID=2797]

По контексту видно, что выражения *почему* и *из-за чего* относятся именно к клаузе с глаголом *думать*, а не к содержанию мысли.

Итак, клауза с глаголом *думать* в бессоюзных актантных предложениях отличается от вводной конструкции с тем же глаголом по параметру коммуникативной значимости: в бессоюзной актантной конструкции обе части характеризуются равной коммуникативной значимостью, в то время как вводные клаузы ею не обладают.

В связи с понятием коммуникативной значимости и определением, данным в [Dehé, Kavalova 2007], возникает вопрос об ассерции в рассматриваемых конструкциях. Действительно, согласно этому определению, вводные предложения не входят в ассерцию, т. к. неспособны иметь истинностное значение. Ассерция при вводном *думать* выражена в клаузе, обозначающей содержание мысли. Иначе обстоит дело с бессоюзными актантными конструкциями, где сам факт наличия мнения, несомненно, входит в ассерцию (что подтверждается тестами (А)-(В)). Что касается содержания мысли, здесь возможны различные ситуации, в зависимости от того, насколько говорящий «присоединяется» к излагаемому мнению. Если субъект выражен 1-м лицом, как в (25), то сентенциальный актант тривиальным образом выражает мнение говорящего и принадлежит ассерции. Однако если субъект выражен 2-м или 3-м лицом, возможны следующие ситуации:

1) говорящий явно оспаривает истинность информации в сентенциальном актанте (такая интерпретация зафиксирована в [Падучева 1996]):

(27) *Говорящий 1: лишь бы снежок выпал!!!=)*

Говорящий 2: а ты думаешь вон тот что лежит, растает в такие морозы) [<http://vk.com/wall-13808447>]

(28) *А всего-то и нужно было, спросить, не возьмут ли его на новую должность. Взяли и с радостью. Он, конечно, думает — это полностью его заслуга, но я-то знаю...* [<http://forum.forumok.ru/lofiversion/index.php?t11273-50.html>]

Данная интерпретация (часто с насмешкой, в частности, с выражениями вида *ишь чего* и т. п.), по нашим данным, наиболее частотна, однако необязательна.

2) говорящий присоединяется к высказанному мнению:

(29) *Оказываться, есть такая фобия — боязнь дырок, ученые думают, это наши далекие предки так научились определять насекомых-паразитов, обосновавшихся в теле, которые одолевали их в жарких и влажных лесах. Интересно, что из лесов мы вышли, а древняя память о дырочках осталась.* [<http://beenkle.livejournal.com/36004.html>]

3) говорящий передает чужое мнение нейтрально, без дополнительной оценки:

(30) *Но, как показывают последние исследования, мужчины исчезают. Мужчины — это 80% тестерона, а в наше время вырастают имея 40% мужского гормона. Учёные думают, это из-за того что, мальчиков выращивают женщины или это так сказался феминизм, или так надо природе?..* [<http://aum.mybb.ru/viewtopic.php?id=98>]

Все три типа могут различным образом интонироваться, однако, по нашим наблюдениям, представляют собой одну и ту же синтаксическую конструкцию. Если говорить о семантике сентенциального актанта в (27)–(30), то для первой и третьей группы контекстов это ирреальные актантные предложения (в терминах [Palmer 2001: 1] и [Noonan 1985: 60]), а для второй группы можно сказать, что сентенциальный актант находится в ассерции (согласно пониманию [Stalnaker 1978]). Из этого следует, что различные показатели и конструкции, характерные для независимых предложений (фокусные показатели и т. п.) и в меньшей степени возможные в зависимых клаузах, будут лучше звучать, если субъект при *думать* выражен 1-м лицом или если говорящий присоединяется к чужому мнению.

Итак, в бессоюзных актантных предложениях с глаголом *думать* обе клаузы — и главная, и зависимая — характеризуются коммуникативной значимостью (в частности в обеих частях допускается вопрос, узкий фокус, эмпфаза; обе части могут сочиняться с другим глаголом, входящим в нарративную цепочку), а также могут находиться в ассерции (при этом главная часть всегда находится в ассерции, а зависимая часть либо находится в ассерции (29), либо принадлежит к ирреальным сентенциальным актантам, как в (27), (28) и (30)). Иными словами, обе части характеризуются коммуникативной значимостью в терминах [Крейдли 1983, Падучева 1996]. Возникает вопрос, верно ли, что обе клаузы в полной мере обладают свойствами независимого предложения. В целях ответа на данный вопрос мы применяем тесты синтаксической неподчинимости или явления главного предложения (*main clause phenomena*), выявленные в работах [Emonds 1970; Hooper, Thompson 1973] и разработанные в [Падучева 1990, Кобозева 19996] относительно русского языка.

3. Свойства синтаксической неподчинимости в бессоюзных актантных предложениях с глаголом *думать*

3.1. Определение и перечень свойств синтаксической неподчинимости

В работах [Emonds1970; Hooper, Thompson 1973] описывается круг явлений, различающих зависимые и независимые предложения в английском языке. Например, подтверждающее *indeed* 'действительно, в самом деле' возможно в независимом предложении, однако недопустимо в актантном предложении при глаголе *regret* 'сожалеть':

(31) а. [*Assuming languages can have nasal assimilation rules, this is anatural analysis.*] *Indeed, languages must have nasal assimilationrules.*

б. **Sydney regrets that indeed, languages must have nasal assimilation rules.*

Аналогичным образом, в актантных предложениях недопустим вынос влево глагольной частицы и разделительные вопросы (tag questions):

(32) а. *In came the milkman.*

б. **John thinks that in came the milkman.*

(33) а. *John eats pork, doesn't he?*

б. **I discovered that John eats pork, doesn't he?* [Green 1976: 383]

В перечисленных выше исследованиях показано, что эти и другие явления возможны в независимом предложении (с некоторой оговоркой, см. ниже), в сложносочиненных предложениях и в главной части полипредикации, однако недопустимы в зависимой части полипредикативной конструкции. Это позволяет применять данные свойства как критерии в пользу трактовки предикации как главной или зависимой.

Относительно русского языка явления, выделяющие зависимую предикацию, описаны в работах [Падучева 1990] и [Кобозева 1999б], в терминах «средств синтаксической неподчинимости» в [Падучева 1990] и «явлений главного предложения» в [Кобозева 1999б]. Приведем примеры:

(34) * *Бобби понял, что **честно говоря**, ему не на что рассчитывать.* * *Поскольку **очень ему нужно** в очереди стоять, у тебя ничего не выйдет.* [Падучева 1990: 304]

(35) * *Иван просил вас напомнить, что **вон** книга, которая ему нужна.* [Падучева 1990: 316]

(36) * *Он сказал, что **прекрасная ночь**.* * *Я считаю, что **пустяки**.* [Падучева 1990: 317]

(37) * *Очень жаль, что ее муж — он **большой начальник**.* * *Я сам знаю, что **Иван-то** справится.* [Падучева 1990: 316]

Можно видеть, что неграмматичность данных примеров связана именно с наличием выделенных слов и сочетаний, т. к. при перифразировании (напр. *Поскольку он не готов стоять в очереди, у тебя ничего не выйдет* вместо второй части

примера (34)), данные примеры становятся грамматичными. Между тем, в независимом предложении или в главной предикации в составе сложного предложения, данные выражения вполне допустимы. На этом основании они трактуются как явления синтаксической неподчинимости.

Е. В. Падучева [1990] выделяет следующие группы таких явлений, в зависимости от мотивации эффекта неподчинимости: во-первых, это средства выражения иллокутивной силы высказывания и лексемы / конструкции, строго привязанные к конкретному иллокутивному типу, например, *честно говоря, в самом деле, действительно*, вопросительное *правда; пожалуйста*; этический датив: *Я тебе не прислуга*; устойчивые иронические конструкции с препозицией наречия или глагола: *Очень ему нужно в очереди стоять; Далась ему эта Африка*. Во-вторых, это дейктические маркеры *вон, вот* (в их основном значении) и дейктический эллипсис подлежащего, в том числе в назывных предложениях (*Прекрасная ночь. Пустяки!*). В-третьих, сюда входят лексемы и конструкции, кодирующие коммуникативную организацию высказывания, например, конструкция с вынесенным влево топиком и местоименной копией: *Ее муж / он большой начальник* и частица *-то* в некотором круге контекстов: *Иван-то справится*.

Известно, что не все виды полипредикации демонстрируют синтаксическую подчинимость, см. [Hooper, Thompson 1973, Green 1976] и более новые работы в сборнике [Main clause phenomena 2012]. Например, актантные предложения при глаголе *seem* в английском языке допускают препозицию обстоятельства и подтверждающее *indeed*:

(38) а. *It seems that never before have prices been so high.*

б. *It seems that indeed, languages must have nasalization rules.* [Green 1976: 389]

Исследователи объясняют это тем, что некоторые виды зависимых клауз допускают две ассерции, одна из которых находится в главной, другая — в зависимой предикации. Таким образом, в этих конструкциях допускаются те свойства синтаксической неподчинимости, которые ориентированы на ассерцию, см. [Hooper, Thompson 1973]. Некоторые исследователи оспаривают идею об ассерции, привлекая другие понятия, ориентированные на способность клаузы выступать в качестве независимого предложения [Main clause phenomena 2012]. Кроме того, уточняется, что на допустимость конкретных выражений в контексте тех или иных типов клауз могут налагаться дополнительные ограничения, см. подробнее [Green 1976; Main clause phenomena 2012].

Для русского языка виды зависимых клауз, допускающих явления синтаксической неподчинимости, выделены в исследовании И. М. Кобозевой [1999б]: это нерестриктивные определительные предложения, обстоятельственные предложения с *так что* и просодически нерасчлененным *потому что*, относительно-распространительные предложения (вида *чего и вам желаю*), ср.:

(39) *По результатам проверки он оказался проходимцем, так что стоило из-за него расстраиваться.* [Кобозева 1999б]

Согласно трактовке [Кобозева 1999б], данные виды зависимых клауз могут иметь собственную иллокутивную силу и вводить отдельный речевой акт, напр. утверждение в главной предикации и вопрос в зависимой:

(40) *В холодильнике полно продуктов, так что стоит ли идти в магазин?* [Кобозева 1999б]

Отсюда следует допустимость средств синтаксической неподчинимости в такого рода конструкциях.

3.2. Средства синтаксической неподчинимости в конструкциях с глаголом думать

Поскольку в интересующих нас предложениях содержатся две коммуникативно значимые части, можно ожидать, что обе части будут допускать конструкции синтаксической неподчинимости. Это предположение оказывается верным, как показано в примерах ниже. Мы рассмотрим примеры, показывающие, что как главная, так и зависимая клауза могут содержать средства синтаксической неподчинимости, перечисленные выше.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению конкретных примеров, сделаем небольшое уточнение. Как было показано выше, бессоюзные актантные предложения с глаголом *думать* не всегда легко отличить от вводных конструкций в абсолютном начале предложения (см. п. 2.1). Критерии разграничения данных конструкций включают линейную позицию (вводные допускают как начальную, так и срединную и конечную позиции, в то время как бессоюзные актантные предложения могут находиться только перед клаузой, передающей содержание мысли), наличие эмфатических частиц, различного вида обстоятельств и т. п. Чтобы различить актантные и вводные конструкции, мы будем приводить примеры с частицами и обстоятельствами в главной клаузе либо параллельные примеры, показывающие, что неначальная позиция главной клаузы затруднена, и следовательно, искомая конструкция не может трактоваться как вводная.

1. Средства выражения иллокутивной силы высказывания и лексем / конструкции, привязанные к конкретному иллокутивному типу:

— в зависимой предикации (содержание мысли)

(41) *Вот я и думаю — конечно это бегство в выдуманый мир и я этого не хочу.* [<http://www.swisstok.ch/lofi/version/index.php?t3710.html>]

(42) *Да и думаю ему честно говоря тоже параллельно на то что мы завалили домашний чемпионат мира по биатлону.* [<http://forum.gipsyteam.ru/index.php?showtopic=29082&st=80>]

Зависимая предикация содержит выражения *конечно* и *честно говоря*, привязанные к декларативному иллокутивному типу. Заметим, что в этих примерах клауза с глаголом *думать* не может трактоваться как вводная: в (41) она содержит

частицы *вот* и *и*, невозможные во вводной конструкции; в (42) она сочиняется (*и думаю*) с другой клаузой с *думать*, возглавляющей другое предложение в предыдущем контексте (мы не даем здесь весь контекст в целях краткости).

— в главной предикации с глаголом *думать*

(43) Ты, **конечно**, думаешь, это и есть главное. Ерунда. Главное — жить. [Вячеслав Овсянников. Прогулки с Сосновой. Северная Аврора, № 18, 2013]

(44) Схватил за ошейник, вытащил и взял на руки. Животное большое, тяжелое. **Честно говоря**, думал, она меня укусит. [<http://dvina29.ru/ubmpdf/item/1411-mitrofanov-spas-odnu-sobaku>. Изд. дом «Двина»]

Здесь трактовка главной предикации как вводной невозможна тривиальным образом, а именно в силу наличия самих выражений синтаксической неподчинимости: во вводных конструкциях они недопустимы, ср. искусственность примеров:

(43') * Это и есть главное, ты, конечно, думаешь.

(44') * Она меня укусит, честно говоря, думал/думал, честно говоря.

Таким образом, в обеих клаузах допускаются выражения *конечно* и *честно говоря*, указывающие на принадлежность к декларативному иллокутивному типу.

2. Дейктические маркеры (*вон*, *вот*) и назывные предложения:

— в зависимой предикации (содержание мысли)

(45) Ты слышал, что гражданин подтвердил: вода была на него вылита.— Товарищ, — благодушно улыбаясь, сказал милиционер Алексеву, — и чего вы только такую бузу затеаете. Я ведь думал — правда **преступление**. [Екатерина Мещерская. Жизнь некрасивой женщины. 2007]

(46) — Что падает и никак не упадет? — <Собеседник отвечает: наклонная башня, кампанिला> — А я думаю, **вон тот** водопад. [Виорэль Ломов. Мурлов, или преодоление отсутствия. 2006]

Первый пример иллюстрирует возможность назывного предложения в клаузе, выражающей содержание мысли, второй пример — это случай одновременного употребления дейктического маркера *вон* и назывного предложения. В обоих случаях главная клауза не может интерпретироваться как вводная, в силу наличия частицы *а* в контрастивном значении в (46) и частицы *ведь* в (45).

— главная предикация с глаголом *думать*

(47) **Вон та** женщина думает, я сейчас ей кинусь место уступить. (Сконструированный пример)

(48) Так **вот** почему он думает, я виноват в его проблемах! (Сконструированный пример)

Нам не удалось найти похожие примеры в корпусе или в Интернете, однако, согласно нашей интуиции, они не являются недопустимыми. В силу наличия неместоименного субъекта в (47) и обстоятельства причины в (48) главная клауза здесь не может интерпретироваться как вводная.

3. Средства выражения коммуникативной организации высказывания:

— в зависимой предикации (содержание мысли) возможны различные фокусные и топиальные частицы, ср.:

(49) *Мечтали, что адвокатами станем, прокурорами, а теперь... кто чем занимается! Я всегда думал, уж ты-то точно, по меньшей мере, министром юстиции будешь...* [<http://www.southstar.ru/ind.php?c=print&id=941&PHPSESSID=da76693f6cc2f0818f1be058dbdb0292#.Vq9wtvmLTIU>]

Кроме того, допустима правая дисклокация, т. е. постановка топиальной именной группы в абсолютном конце предикации:

(50) *Мы уж думали, конец вам приходит, городу, как вы у себя такой кувырлак затеяли.* [НКРЯ. Л. М. Леонов. Вор. Части 1–2 (1927)]

Главная клауза в (49) и (50) не может трактоваться как вводная из-за наличия обстоятельства *всегда* и частицы *уж* (ср.[?]*Конец вам приходит, городу, мы уж думали*).

— главная предикация с глаголом *думать*

(51) *А я-то думал, Вы счастливая, / Когда одна на склоне дня / Вы или такая горделивая / И не взглянули на меня.* [Пётр Градов]

(52) *Прости меня, а? Я ведь думал, ты виновата в моей гибели.* [Элеонора Кременская. Под покрывалом белых облаков. 2013]

В главной клаузе с глаголом *думать* также возможны топиальные частицы *а*, *-то* и подтверждающая частица *ведь*. По тривиальным причинам, т. е. собственно в силу наличия данных частиц главная клауза в данных примерах не может трактоваться как вводная (ср. невозможность **Вы счастливая, я-то думал; *Ты виновата в моей гибели, я ведь думал*).

Таким образом, обе части бессоюзного сложного предложения с глаголом *думать* могут содержать средства синтаксической неподчинимости. Это отличает данные конструкции от вводных, где такие выражения могут находиться только в клаузе, выражающей содержание мысли. В частности, если убрать из главной клаузы в (43), (46) и (50) частицы, мешающие интерпретировать ее как вводную, то она вполне может занимать ненадлежащую позицию, характерную для вводных клауз, ср.: *Это и есть главное, думаю; Вон тот водопад, думаю; Конец вам приходит, городу, думаю*.

Уточним, что не все выражения синтаксической неподчинимости возможны в рассматриваемых конструкциях. В частности, в них не допускаются императивы и лексемы, которые используются при императиве (**Пожалуйста, не думай, я нарочно тебя обидел*), устойчивые иронические обороты с препозицией глагола или вопросительными словами (**Станет он думать, ты виноват; *С чего бы он думал, ты виноват*), конструкции вида *кто / что / где только не* (**Кто только не думает, ты виноват! б. *Почему только он не думал, ты виноват!*), этический датив в иронической функции (**Я ему подумаю, (что) ты виноват! *Он тебе не думает, (что) он умнее всех*) и риторические вопросы (**Кто бы мог подумать, это его*

последнее выступление!). Примеры такого вида не обнаружены ни в корпусе, ни при задании различных запросов в Интернете; интуитивно они кажутся неприемлемыми. Согласно нашей интуиции, природа неграмматичности данных примеров различна. Неграмматичность императива и риторических вопросов связана, по-видимому, с иллюкутивной несамостоятельностью зависимой клаузы. Конструкции вида *кто только не...* предполагают акцент на глаголе, в то время как для глагола *думать* в принципе нехарактерно акцентное выделение и позиция в фокусе [Янко 2001: 247] (ср. *Кто только не думал об этом*, где глагол *думать* употреблен в другом значении, близком к *обдумывать*, *размышлять*). Устойчивые иронические обороты (*охота была, очень ему нужно и т. п.*) и этический датив (*Я ему не занималась*) предполагают формальное или скрытое отрицание истинности зависимой клаузы. Между тем, в искомой конструкции отрицание невозможно; отсюда, видимо, следует запрет на данные выражения. Не случайно этический датив при *думать* затруднен даже при наличии союза *что*.

Итак, в целом, в актантных бессоюзных предложениях при *думать* обе клаузы, и главная и зависимая, допускают средства синтаксической неподчинимости (в отличие от клауз с *что* и вводных конструкций с *думать*). Можно было бы ожидать, что в каждом конкретном сложном предложении эти средства ограничены одной предикацией — т. е. одна из клауз (иногда главная, иногда зависимая) является коммуникативно значимой, а вторая «отходит на второй план». Однако находятся примеры, где в обеих частях одновременно имеются средства синтаксической неподчинимости:

(53) *Стрела прошла под плавником чуть зацепив ее. Честно говоря думал она и есть т.к у нее тоже есть следы от подвоха.* [<http://nazaderjke.ru/forum/32-Вести-с-берегов-и-водоёмов>]

(54) *За эти деньги я доволен машиной. Честно говоря, думал она и зиму не продержится, но пока нормально все.* [<http://avtoed.com/recalls/great-wall/coolbear>]

(55) *Нашел в закромах модель 5502, ЦАП стоит АК4309AVM, послушал через AVMULTY, что-то совсем не проникся ☹ или это я спешу с выводами? и нужна обязательная переделка схемы? я-то думал она и в стоке хоть как-то играет.* [<http://hi-fidelity-forum.com/forum/printthread.php?tid=93429&page=20>]

Ср. тж. примеры (27) и (46).

4. Заключение

Можно сделать вывод, что в бессоюзных актантных предложениях с глаголом *думать* в значении мнения обе части могут содержать средства синтаксической неподчинимости. На наш взгляд, это связано с тем, что в данных конструкциях обе клаузы являются в равной мере коммуникативно значимыми. Такое равноправие на дискурсивном уровне отражается на морфосинтаксических свойствах предикатов обеих клауз и выражается отсутствием союза.

Напротив, во вводных конструкциях с глаголом *думать* главная клауза не может включать средства синтаксической неподчинимости, допустимые в рассматриваемых нами конструкциях. Следовательно, полученные результаты служат дополнительным аргументом против единой трактовки вводных и бессоюзных актантных предложений при глаголе *думать*.

Литература

Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Избранные труды. Т. 2. М., 1995. С. 598–622.

Апресян Ю. Д. Синтаксическая информация для Активного словаря русского языка // *LingVaria* (X). Kraków, 2015. С. 13–27.

Гавриленко И. И. Дополнительная информация в научных текстах: семантические, синтаксические и просодические особенности: дис. ... канд. филол. наук. МГУ, 2005.

Кибрик А. А., Подлесская В. И. «Рассказы о сновидениях»: корпусное исследование устного русского дискурса. М., 2009.

Кобозева И. М. О двух типах вводных конструкций с парентетическим глаголом // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / отв. ред. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. М., 1999а. С. 539–543.

Кобозева И. М. Проблема идентификации и синтаксической репрезентации сложноподчиненных предложений русского языка с иллокутивно самостоятельной придаточной частью. Доклад на Third European Conference on “Formal Description of Slavic Languages”, университет г. Лейпциг, 2 декабря 1999б. URL: www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/kobozeva%20imk-2000-FD-SL_NEU.doc

Крейдлин Г. Е. О некоторых особенностях синтаксического поведения предикатов с сентенциальными актантами // Семиотика и информатика. Вып. 21. М., 1983. С. 76–89.

Матвеева Н. С. Ментальные предикаты и вводные обороты в русском языке. Дипломная работа. Рукопись. М., 2006.

Матвеева Н. С., Сердобольская Н. В. Синтаксические свойства конструкций с ментальными предикатами в русском языке // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2–4 ноября 2006 г. СПб, 2006. С. 120–125.

Падучева Е. В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении // Научно-техническая информация. Автоматизация обработки текста. 1981. Сер. 2. № 11. С. 23–30.

Падучева Е. В. Между предложением и высказыванием: субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость // *Revue des études slaves*. Tome 62. Fascicule 1–2. 1990. L'énunciation dans les langues slaves. En hommage à René L'Hermitte / sous la direction de J.-P. Sémon, H. Włodarczyk. P. 303–320.

Падучева Е. В. Коммуникативный статус вводных предложений // Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.

Сердобольская Н. В. Бессоюзные актантные предложения с глаголом *думать* в русском языке. В проекте.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Main Clause Phenomena: New Horizons. *Linguistik Aktuell/Linguistics Today*. Ed. by L. Aelbrecht, L. M. V. Haegeman, R. Nye. John Benjamins, 2012.

Dehé N., Kavalova Y. Parentheticals (*Linguistik Aktuell / Linguistics Today* 106). John Benjamins, 2007.

Dehé N., Wichmann A. Sentence-initial *I think (that)* and *I believe (that)*. Prosodic evidence for use as main clause, comment clause and discourse marker // *Studies in language*. 2010. V. 34. № 1. P. 36–74.

Emonds J. Root and Structure-preserving Transformations. Ph.D. dissertation, MIT, 1970.

Green G. M. Main clause phenomena in subordinate clauses // *Language*. 1976. V. 52. № 2. P. 382–397.

Hooper J. B., Thompson S. A. On the applicability of root transformations // *Linguistic Inquiry*. 1973. V. 4. № 4. P. 465–497.

Noonan M. Complementation. *Language Typology and Syntactic Description 2: Complex Constructions*. Ed. by T. Shopen. Cambridge University Press, 1985. P. 42–140.

Palmer F. R. *Mood and Modality* (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge University Press, 2001.

Stalnaker R. Assertion // *Context and Content*, Oxford University Press, 1999. P. 78–95. Originally published in *Syntax and Semantics* 9. 1978.

Natalia Serdobolskaya

Russian State University for the Humanities,

Moscow State University of Education

(Russia, Moscow)

serdobolskaya@gmail.com

MAIN CLAUSE PHENOMENA IN COMPLEMENT CLAUSES HEADED BY THE VERB *DUMAT'* ‘THINK’⁶

Russian mental verbs can take asyndetic complements. In these constructions the matrix clause shows some properties of a parenthetical (it cannot contain negation). However, it does not belong to the parentheticals, while it can host focus and topic particles,

⁶ The work is supported by the RSF grant no 16–18–02003.

specific types of adjuncts, epistemic expressions, common nouns in the subject position, etc.

This work is aimed at the analysis of main clause phenomena in the matrix and dependent clauses of the complement constructions, headed by the verb *dumat'* ('think'), in the meaning of 'believe, guess, suppose'. This is based on the list of main clause phenomena in Russian, suggested by E. V. Paducheva (1990). It includes expressions of illocutionary force of the utterance and lexemes/constructions that are only used in certain illocutionary types (e.g. *chestno govoria* ('honestly'), *v samom dele* ('as a matter of fact')), deictic markers *von* ('that there') and *vot* ('this here'), the deictic ellipsis of the subject, and lexemes and constructions that encode the information structure of the utterance.

I show that both the matrix and the complement clause in the constructions under discussion can host main clause phenomena. By contrast, they are not acceptable in parentheticals with *dumat'*. Thus, the results obtained in this paper can be used as an additional argument for classifying the discussed constructions as asyndetic complement constructions, not as parentheticals.

Keywords: complementation, sentential arguments, mental verbs, main clause phenomena, parentheticals

References

Apresyan Yu. D. Yazykovaya anomalija i logicheskoe protivorechie. *Izbrannye trudy*. Vol. 2. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 1995, pp. 598–622.

Apresyan Yu. D. Sintaksicheskaja informacija dlya Aktivnogo slovarja russkogo jazyka. *LingVaria*. Numer specjalny. Kraków, 2015, pp. 13–27.

Gavrilenko I. I. Dopolnitel'naja informacija v nauchnykh tekstakh: semanticheskie, sintaksicheskie i prosodicheskie osobennosti. Diss. kand. filol. nauk [Supplementary information in scientific texts: semantic, syntactic and prosodic properties. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005.

Kibrik A. A., Podlesskaja V. I. «*Rasskazy o snovidenijakh*»: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa. Moscow, 2009.

Kobozeva I. M. O dvukh tipakh vvodnykh konstruktsii s parenteticheskim glagolom [On two types of parenthetical constructions]. *Tipologija i teorijazyka: ot opisaniya k ob'yasneniju. K 60-letiju A. E. Kibrika* [Typology and language theory: from description to explanation]. Ed. by E. V. Rakhilina, Ya. G. Testelec. Moscow, 1999a, pp. 539–543.

Kobozeva I. M. Problema identifikatsii i sintaksicheskoi reprezentatsii slozhnopodchinennykh predlozhenij russkogo jazyka s illokutivno samostoyatel'noi pridatochnoi chast'ju. Doklad na Third European Conference on "Formal Description of Slavic Languages", universitet g. Leiptsig, 2 dekabrja 1999 [Talk at the Third European Conference on "Formal Description of Slavic Languages"]. Available at URL: www.philol.msu.ru/%2F~otipl%2Fnew%2Fmain%2Farticles%2Fkobozeva%2Fimk-2000-FDSL_NEU.doc

Kreidlin G.E. O nekotorykh osobennostyakh sintaksicheskogo povedeniya predikatov s sententsial'nymi aktantami. *Semiotika i informatika*. Issue 21. Moscow, 1983, pp. 76–89.

Matveeva N. S. Mental'nye predikaty i vvodnye oboroty v russkom yazyke. M. A. Diss. [Mental predicates and parentheticals in Russian. M. A. diss.]. Moscow, 2006.

Matveeva N.S., Serdobolskaya N.V. Sintaksicheskie svoistva konstruksii s mental'nymi predikatami v russkom yazyke. *Tret'ya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov. Sankt-Peterburg, 2–4 noyabrya 2006 g.* [Third conference on typology and grammar for young researchers. Abstracts. Saint-Petersburg, November 2–4 2006]. Saint-Petersburg, 2006, pp. 120–125.

Paducheva E. V. Prezumptsii i drugie vidy neeksplitsitnoi informatsii v predlozhenii. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Avtomatizatsiya obrabotki teksta*. 1981, ser. 2, no 11, pp. 23–30.

Paducheva E. V. Mezhdru predlozheniem i vyskazyvaniem: sub"ektivnaya modal'nost' i sintaksicheskaya nepodchinimost'. *Revue des études slaves*. 1990, tome 62, fascicule 1–2. *L'énonciation dans les langues slaves. En hommage à René L'Hermitte*, pp. 303–320.

Paducheva E. V. Kommunikativnyi status vvodnykh predlozhenii. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. Moscow, 1996.

Russkaya grammatika. Vol. 2. Moscow, 1980.

Serdobolskaya N. V. Bessoyuznye aktantnye predlozheniya s glagolom dumat' v russkom yazyke. In project.

Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*. Moscow, 2001.

Main Clause Phenomena: New Horizons. Linguistik Aktuell / Linguistics Today. Ed. by L. Aelbrecht, L. M. V. Haegeman, R. Nye. John Benjamins, 2012.

Dehé N., Kavalova Y. *Parentheticals (Linguistik Aktuell / Linguistics Today 106)*. John Benjamins, 2007.

Dehé N., Wichmann A. Sentence-initial *I think (that)* and *I believe (that)*. Prosodic evidence for use as main clause, comment clause and discourse marker. *Studies in language*. 2010, vol. 34, no 1, pp. 36–74.

Emonds J. Root and Structure-preserving Transformations. Ph.D. dissertation, MIT, 1970.

Green G. M. Main clause phenomena in subordinate clauses. *Language*. 1976, vol. 52, no 2, pp. 382–397.

Hooper J. B., Thompson S. A. On the applicability of root transformations. *Linguistic Inquiry*. 1973, vol. 4, no 4, pp. 465–497.

Noonan M. Complementation. *Language Typology and Syntactic Description 2: Complex Constructions*. Ed. by T. Shopen. Cambridge University Press, 1985, pp. 42–140.

Palmer F. R. *Mood and Modality (Cambridge Textbooks in Linguistics)*. Cambridge University Press, 2001.

Stalnaker R. Assertion. *Context and Content*, Oxford University Press, 1999, pp. 78–95. Originally published in *Syntax and Semantics* 9. 1978.

Н. М. Стойнова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
stoynova@yandex.ru

КОНСТРУКЦИЯ (НЕ) СТАТЬ + ИНФИНИТИВ: КОРПУСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА МИКРОДИАХРОНИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ*

В работе на материале Национального корпуса русского языка рассматриваются употребления конструкции *стать* + инф. под отрицанием в русском языке XVIII–XXI вв. Конструкция ведет себя диахронически нестабильно с точки зрения выражаемых под отрицанием значений, что можно связать как с поздним ее распространением, так и с общими проблемами взаимодействия семантики начала с семантикой отрицания, а также частными особенностями значения глагола *стать*. Конструкция со *стать* неожиданно частотна под отрицанием: у нее развивается особое значение осознанного выбора, причем его развитие происходит с разной скоростью для будущего и прошедшего времени, что влияет и на общую частоту употреблений под отрицанием в прошедшем vs. будущем времени. Также в ранних текстах у *стать* + инф. отмечаются интересные употребления *не* + *стать* + инф. в значении прекращения действия.

Ключевые слова: инхотатив, отрицание, инфинитивные конструкции, грамматикализация, корпусная лингвистика

1. Инфинитивная конструкция с глаголом *стать*

Конструкция *стать* + инф. рассматривается обычно в ряду инхотативных (начинательных) показателей (\approx *начать* + инфинитив), см. [Храковский 1987]; [Dickey 1999]; [Петрухина 2000: 194: ff.]; [Зализняк, Шмелев 2002]; [Короткова, Сай 2006] и др. Она конкурирует с семантически близкой конструкцией *начать* + инф., а в будущем времени также с *быть* + инф. (аналитической формой будущего времени), ср.:

(1) — Я вот, допустим, тракторист, — *стал* ^{OK}*начал* *рассказывать* Иван, — она — доярка... [В. Шукшин. Печки-лавочки (1970–1972)]

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 14-04-00264а (2014–2016).

(2) — *Сейчас Христианский выведет вас гулять <...> И **станет** <=^{OK}будет, начнет> **рассказывать** про свой роман... — С женщиной? — спросила я. — Он будет рассказывать о своем романе «Топчан», — пояснила Рита. [Д. Рубина. Во вратах твоих (1992)]*

Инфинитивная конструкция со *статья* встречается и в древнерусском, но активно встраивается в языковую систему достаточно поздно: по свидетельству [Молдован 2010], к XVI–XVII вв. и позже на фоне становления новой книжной нормы (см. также о диахроническом развитии *статья* + инф. в будущем времени [Swan 2010], связочного *статья* — [Руднев 2012]).

Видимо, в связи с этим она проявляет заметную нестабильность в употреблении в языке XVIII–XXI вв., ср. примеры, звучащие архаично:

(3) *Поворотил назад, **стал идти** другою дорогою — гумно видно, а голубятни нет! [Н. В. Гоголь. Заколдованное место (1831–1832)] = **пошел***

(4) — *Вот, господин, — поднял он голову и усмехнулся, — **стану вам правду говорить**: еду это к вашим воротам, а сам думаю: неужто не пустит меня ночевать? [В. Г. Короленко. Соколинец (1885)] = **буду говорить, скажу***

(5) *Не прошло месяца, как я исхудал так, что на себя **не стал походить**. [М. Н. Загоскин. Русские в начале осьмнадцатого столетия (1848)]*

Еще один важный факт о конструкции со *статья* — ее системная неоднородность: очень различны круг употреблений *статья* + инф. в прошедшем времени и в будущем (см. п.4).

Ниже на материале НКРЯ¹ рассматриваются некоторые употребления *статья* + инф., претерпевающие, как кажется, достаточно существенные микродиахронические изменения в современном русском языке (с XVIII по XXI в.) и проявляющие максимальную внутрисистемную неоднородность, — а именно, употребления под отрицанием. В статье будет показано, что нестабильность именно в этом фрагменте системы неслучайна и может быть связана с более общими проблемами взаимодействия семантики начинательности и отрицания.

Вводные замечания о взаимодействии отрицания и начинательности даны в п.2. В пп.3–6 последовательно приводятся данные НКРЯ по исследуемым употреблениям конструкции со *статья* в сопоставлении с *начать* и *быть*-буд.вр. В п.7 рассмотренный материал обобщается и обсуждается.

2. Инхоативное значение и отрицание

Начинательное значение часто рассматривают как семантически неэлементарное: в качестве одного из компонентов оно содержит отрицание ([Апресян 1974/1995: 130]; [Недялков 1987]; [Богуславский 1998]; [Падучева 2004: 183 ff.]

¹ Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru), все примеры ниже взяты оттуда, все подсчеты — также по данным НКРЯ.

и др.). См. толкование предикатов типа *начать(ся)* из [Апресян 1974/1995: 130] (в сокращенном виде):

- I. в момент t_0 : не-V;
- II. в момент t_1 : V.

Такое толкование кажется упрощенным применительно к «настоящим» инхоативам (таким как *за-*, *начать*, ср. уточнения к нему в [Падучева 2004: 183 ff.]), однако выглядит исчерпывающим для конструкции со *стать*. Дело в том, что *стать* обозначает не столько собственно начальную фазу, сколько сам факт наличия ранее отсутствовавшей ситуации, контраст между этими двумя положениями дел, см. [Зализняк, Шмелев 2002]; [Короткова, Сай 2006]. В связи с этим 1) все сказанное ниже о взаимодействии с отрицанием применимо к *стать* лучше, чем к обычным инхоативам, и потому 2) конструкция со *стать* под отрицанием обнаруживает большее разнообразие интерпретаций и меньшую стабильность.

Посмотрим, как указанная сложная семантическая структура, сама по себе содержащая отрицание, ведет себя в контексте *не*. Теоретически есть две возможности, в зависимости от того, применяется ли оператор отрицания к обоим компонентам инхоативного значения или только к одному (т. е. входит ли компонент I в ассерцию или в пресуппозицию).

- а) Отсутствие начала V, 'не было и нет' (I в пресуппозиции)

- I. в момент t_0 : не-V (не входит в сферу действия отрицания);
- II. в момент t_1 : НЕВЕРНО, ЧТО [V].

Это ожидаемое значение инхоатива под отрицанием (ср. *не запел, не начал петь*). Проблема с ним состоит в том, что оно прагматически «ущербно» и требует как минимум сильного контекстного подкрепления (*{музыка заиграла, но} певец не запел*).

- б) Прекращение V, 'было и нет' (I в ассерции)

- I. в момент t_0 : НЕВЕРНО, ЧТО [не-V] = V(входит в сферу действия отрицания);
- II. в момент t_1 : НЕВЕРНО, ЧТО [V].

Это значение, в отличие от предыдущего, прагматически вполне востребованно. При этом подобного значения (хотя оно логически представимо) от показателей инхоатива как раз скорее не ожидается, см., однако, ниже о некоторых употреблении конструкции со *стать*.

3. *Стать* + инф. и *начать* + инф.: частотность под отрицанием, современные тексты

(Квази)синонимичные *начать* + инф. и *стать* + инф. обнаруживают очень разную частотность употребления под отрицанием. В выборке современных текстов из НКРЯ конструкция с *начать* ожидаемо низкочастотна; конструкция со *стать* неожиданным образом значительно более частотна, Таблица 1.

Стать + инф. и начать + инф. под отрицанием (прош.вр.): тексты с 1950-го г.²

	не под отрицанием	под отрицанием	% под отрицанием
<i>стать</i> + инф. ⁵	56519	5572	9%
<i>начать</i> + инф.	34264	417	1,2%

Эту асимметрию можно связать в первую очередь с развитием у *стать* под отрицанием (и шире — в контекстах «снятой утвердительности», см., например, [Падучева 2015]) нового значения, т. н. «значения осознанного выбора», см. [Короткова, Сай 2006]⁴:

(6) *Гриша нарочно не стал объезжать ухаб на дороге, чтобы как следует тряхнуть свою непрошеную спутницу. [Е. Евтушенко. Ягодные места (1982)] ≠ не начал объезжать, ≈ не объехал, решил не объезжать*

В значении осознанного выбора конструкция со *стать*:

а) теряет инхоативный компонент: реферирует ко всей ситуации, а не к начальному компоненту [Зализняк, Шмелев 2002];

б) примыкает скорее к модальной зоне, ≈ ‘не захотел делать, решил не делать’ [Храковский 1987: 165–166];

в) приобретает некоторые морфосинтаксические свойства, нехарактерные для инхоативного употребления [Короткова, Сай 2006];

г) это значение является результатом реинтерпретации прагматического компонента противоречия ожиданиям, возникающего у инхоатива под отрицанием: ‘(должен был / мог, но) не стал’ [Короткова, Сай 2006].

Для значения осознанного выбора уже сочетаемостный класс (контролируемые предикаты), но выше «прагматическая востребованность»: отсюда наблюдаемая частотность.

Как будет показано ниже,

а) значение осознанного выбора развивается у *стать* + инф. «на глазах», на протяжении XVIII–XXI вв.;

б) при этом развитие идет неравномерно для прошедшего и будущего времени;

в) это значение не является единственно доступным под отрицанием (особенно в XVIII–XIX вв.).

Таким образом, исходная ситуация неполной семантической совместимости (значений отрицания и инхоатива) провоцирует два принципиально разных диахронических сценария:

1) стабильно низкую частотность (в случае *начать* + инф.);

2) постепенный семантический сдвиг, позволяющий обойти семантическую несовместимость (в случае *стать* + инф.).

² Различие статистически значимо, χ^2 , $p < 0.0001$.

³ Здесь и далее исключен глагол *быть* (контекст *стало быть*). В подсчет входит в т. ч. сослагательное наклонение.

⁴ Ср. похожий семантический сдвиг для некоторых глаголов на *за-*: *захотеть* ≠ *пожелать*, но *не захотеть* ≈ *не пожелать* (наблюдение из [Апресян 2004: 1251]).

4. *Стать* + инф.: частотность под отрицанием, XVIII–XXI вв.

Ниже приводятся общие данные по употреблению конструкции со *стать* под отрицанием в XVIII–XXI вв.: отдельно для прошедшего (п.4.1) и для будущего времени (п.4.2).

4.1. Прошедшее время

По данным НКРЯ, процент употреблений *стать* + инф. под отрицанием в прошедшем времени диахронически нестабилен: он падает с XVIII в. до 2-й пол. XIX в. и резко растет со 2-й пол. XX в., см. Таблицу 2⁵:

Табл. 2

Стать-прош.вр. + инф.: употребление под отрицанием, XVIII–XXI вв.

	отриц.	положит.	% под отрицанием
...–1800	21	555	3,65 %
1801–1850	69	2883	2,34 %
1851–1900	352	17603	1,96 %
1901–1950	592	29376	1,98 %
1951–...	3630	50865	6,66 %

При этом наблюдаемое снижение доли употреблений под отрицанием связано с ростом числа употреблений положительной формы, а последующее увеличение — и с ростом употребительности собственно отрицательных форм, см. Таблицу 3:

Табл. 3

Стать-прош.вр. + инф.: употребление под отрицанием, XVIII–XXI вв.

	отриц., ipm	положит., ipm
...–1800	4,851865612	128,2279
1801–1850	6,194992507	258,8429
1851–1900	8,853997431	442,7753
1901–1950	9,260747676	459,5333
1951–...	26,02223176	364,6338

Для сравнения, у конструкции *начать* + инф. частота употреблений под отрицанием на протяжении этого периода незначительно, но равномерно растет, см. сопоставительные данные на Графике 1:

⁵ Различия статистически значимы (критерий χ^2): между XVIII в. и 2-й пол XIX в., $p=0.0073$; между 1-й пол. и 2-й пол. XX в. $p<0.0001$.

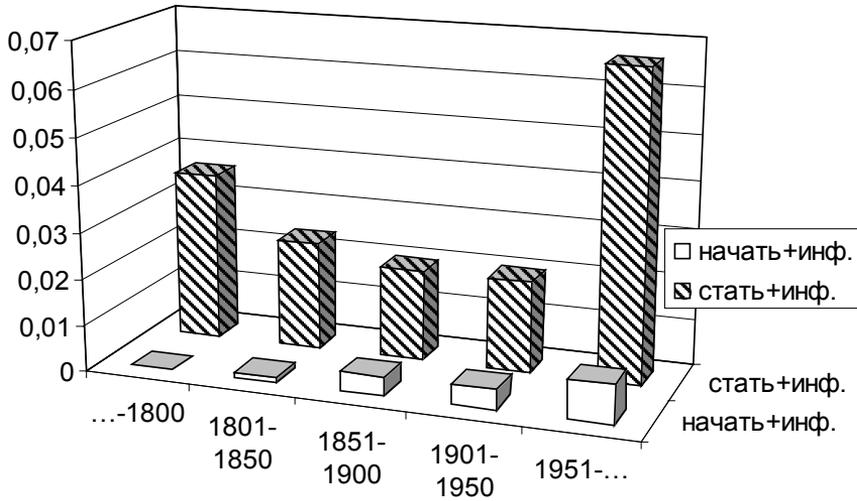

График 1. *Статья + инф.* и *начать + инф.* под отрицанием (прош.вр.), XVIII–XXI вв.

4.2. Будущее время

Для будущего времени доля употреблений *статья + инф.* под отрицанием изначально гораздо выше, чем для прошедшего времени, и неуклонно растет до сер. XX в., а потом немного падает⁶, см. Таблицу 4.

Тенденции по изменению абсолютного числа употреблений для положительной и отрицательной конструкций сильно не различаются, Таблица 5.

Табл. 4

Статья-буд.вр. + инф.: доля употреблений под отрицанием, XVIII–XXI вв.

	отриц.	положит.	% под отрицанием
...-1800	27	228	11%
1801-1850	329	969	25%
1851-1900	997	2 118	32%
1901-1950	678	1 159	37%
1951-...	1 629	3 241	33%

Табл. 5

Статья-буд.вр. + инф.: употребление под отрицанием и без отрицания, XVIII–XXI вв.

	отриц., ipm	положит., ipm
...-1800	6,238113	52,6774
1801-1850	29,53844	86,99924
1851-1900	25,07794	53,2749
1901-1950	10,60606	18,13042
1951-...	11,67775	23,23362

⁶ Различия статистически значимы (критерий χ^2): 1851–1900 / 1901–1950 — $p=0.0005$, 1901–1950 / 1951–... — $p=0.0085$.

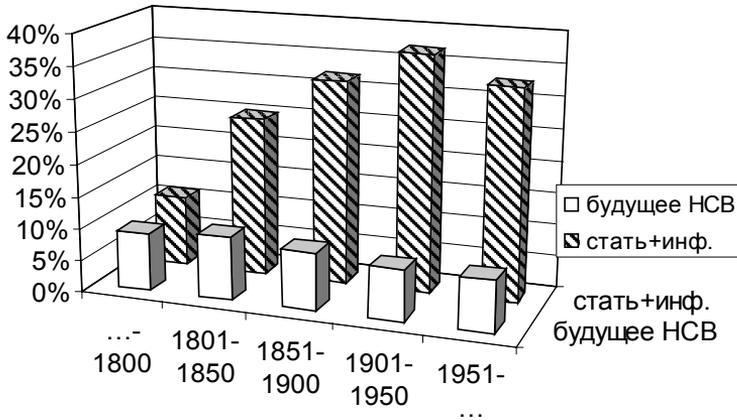

График 2. *Статья* + инф. в буд.вр. и будущее НСВ под отрицанием, XVIII–XXI вв.

В будущем времени *станет* + инф. активно конкурирует не с *начать* + инф., как в прошедшем, а с аналитической формой будущего НСВ, оказываясь почти полным ее синонимом. С одной стороны, сама форма будущего НСВ получает некоторый акцент на начальной фазе ситуации в силу семантики будущего времени во взаимодействии с видом (см. [Падучева 2010]), с другой — для *статья* инновативный компонент в будущем времени, наоборот, ослабляется. См. наблюдения об особом значении *статья* в будущем времени в [Храковский 1987: 166]; [Короткова, Сай 2006]; о его конкуренции с *быть* в исторической перспективе — в [Swan 2012] и на синхронном уровне — в [Стойнова 2013]⁷.

Если сравнить приведенные выше диахронические данные по употреблению *статья* + инф. под отрицанием в будущем времени с аналогичными данными для формы будущего НСВ, то выясняется следующее. В XVIII в. процент употреблений под отрицанием для *станет* + инф. и *будет* + инф. примерно равный; позже для будущего НСВ он остается стабильным, для *статья* + инф. растет, График 3.

Ср. выше относительную стабильность для *начал* + инф. по сравнению с нестабильным *стал* + инф. в прошедшем времени.

4.3. Прошедшее и будущее время: сопоставление

На Графике 3 приведена общая сопоставительная картина употреблений *статья* + инф. под отрицанием в прошедшем и в будущем времени, обнаруживающая отчетливую асимметрию между этими фрагментами глагольной парадигмы.

Можно предположить, что эта асимметрия связана с неравномерным развитием у *статья* + инф. под отрицанием упомянутого выше значения осознанного выбора в будущем и в прошедшем времени, см. п.5.

⁷ См. также анализ выборок примеров из НКРЯ под отрицанием с инвертированным порядком («инф. + не + буду/стану») в [Зубова 2016] и в контексте частицы *же* («не буду же я + инфинитив» / «не стану же я + инф.») в [Рахман 2016].

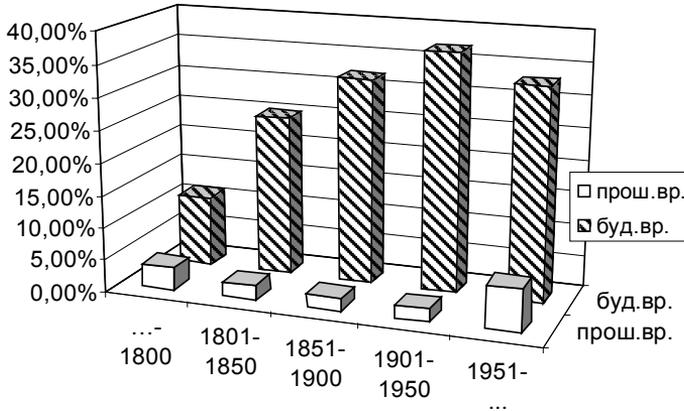

График 3. *Статья* + инф. под отрицанием, XVIII–XXI вв.: прошедшее и будущее время

5. *Не статья* + инф.: доля употреблений в значении осознанного выбора

Посмотрим, какую долю от всех употреблений конструкции *статья* + инф. под отрицанием составляют употреблений в значении осознанного выбора — для разных периодов и отдельно для будущего и для прошедшего времени.

В приводимые ниже подсчеты не включались контексты употреблений *чуть не*, *пока не*, *если не* (ведущие себя особым образом). Для простоты классификация примеров в общих чертах сведена к противопоставлению употреблений *статья* с контролируруемыми и неконтролируемыми предикатами: к употреблением в значении осознанного выбора отнесены все употребления с контролируемыми предикатами (хотя для некоторых случаев это, возможно, спорно), а большинство — хотя и не все (см. (7)) употреблений с неконтролируемыми предикатами — к «прочим употреблением».

(7) *Он не стал плакать, просить пощады и давать обещания хорошо себя вести.* [Д. Донцова. *Доллары царя Гороха* (2004)] — осознанный выбор

Данные НКРЯ показывают, что 1) доля употреблений в значении осознанного выбора от всех употреблений *статья* + инф. под отрицанием в будущем времени на всем периоде стабильно высока (Таблица 6); 2) в прошедшем она ниже, а затем растет — особенно резко

Табл. 6

Доля употреблений, отличных от значения «осознанного выбора», от всех употреблений под отрицанием: будущее время*

	не ОБ	всего	%
...–1800	1	27	3,7%
1801–1850	8	329	2,43%
1851–1900	19	997	1,91%
1901–1950	7	678	1,03%
1951–...	19	500	3,8%

* Здесь и в следующей таблице: случайные 500 примеров.

Табл. 7

Доля употреблений, отличных от значения «осознанного выбора», от всех употреблений под отрицанием: прошедшее время

	не ОБ	всего	%
...–1800	6	21	29%
1801–1850	10	69	14%
1851–1900	14	352	4%
1901–1950	27	592	5%
1951–...	15	500	3%

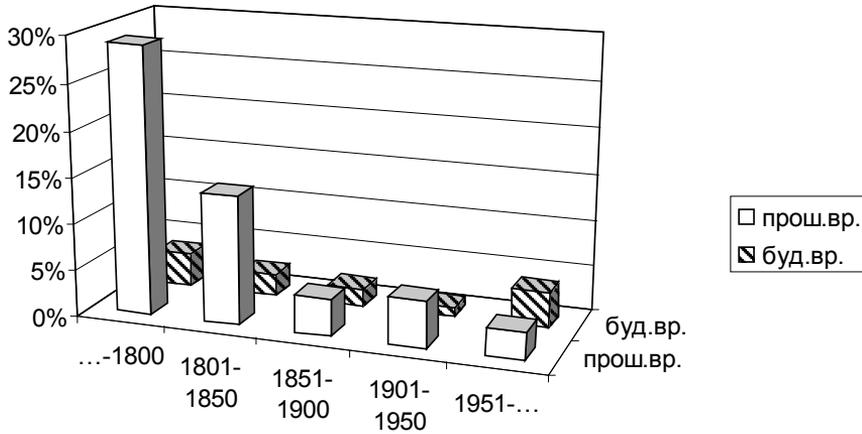

График 4. Доля употреблений, отличных от значения «осознанного выбора», от всех употреблений под отрицанием: прошедшее vs. будущее время

с сер. XIX в. (Таблица 7); 3) к сер. XX в. доли употреблений в значении осознанного выбора для прошедшего и будущего времени сравниваются (График 4).

Таким образом, отмеченная в п.4 общая асимметрия в употребительности *стать* + инф. под отрицанием между прошедшим и будущим временем действительно может объясняться разной степенью освоенности этой конструкцией значения осознанного выбора в этих фрагментах парадигмы.

6. Не *стать* + инф.: употребления не в значении осознанного выбора

Отдельный вопрос — какие именно значения наблюдаются у конструкции со *стать* под отрицанием за пределами значения осознанного выбора (значения, помеченные в таблицах выше как «отличные от значения осознанного выбора»). Здесь опять картина для будущего (п.6.1) и прошедшего времени (п.6.2 и далее) заметно разнится.

6.1. Будущее время: отсутствие действия в будущем

В будущем времени глагол *стать* во всех употреблениях под отрицанием, не сводимых к значению осознанного выбора, полностью взаимозаменяем с *быть* (будущим НСВ), отчетливого инхоативного компонента (и, соответственно, семантических проблем, намеченных в п.2) обычно нет, см. (8):

(8)...и может быть, наша переписка опять установится и Вы **не станете думать**, что я забываю старых друзей. [В. Г. Короленко. Письма (1893)] = не будете думать, ?не начнете думать

Все излагаемое далее — об употреблениях в прошедшем времени.

6.2. Отсутствие (ожидаемого) начала действия, ≈ не начать

В прошедшем времени часть употреблений не в значении осознанного выбора — это ожидаемые от инхоативного показателя (хотя и прагматически проблемные, см. п.2) употребления типа (9) — ‘отсутствие начала действия’:

(9) *После того как Кредитный агропромбанк покинул пятую группу, она **не стала пустовать**... [«Эксперт» (2004)]*

6.3. Прекращение действия, ≈ перестать

При этом для *стать* (в отличие от *начать*) наряду с ними обнаруживаются и более неожиданные употребления в значении прекращения действия, синонимичные *перестать* + инф. (с точностью до регулярной замены неопределенных местоимений местоимениями на *ни-* и генитива отрицания):

(10) *...стал, де, пасти свинья, то есть, стал, де, валяться в грехах, как свинья в грязи, да к тому же **не стал иметь** дневного пропитания, то есть, лишился Божией милости, которая так нашу содержит душу, как пища тело. [архиепископ Платон (Левшин). Нравоучение пятое надесять (1758)]*

(11) *Юлия Владимировна, чтобы окончательно взбесить губернского льва, казалась веселой, счастливою и несколько раз обращалась с нежными выражениями к Павлу; но Бахтиаров уехал, и она сделалась грустна, задумчива и решительно **не стала** <=**перестала**> **замечать** мужа. [А. Ф. Писемский. Тюфяк (1850)]*

а) Такие употребления можно интерпретировать чисто синтаксически — как «подъем отрицания», считая, что внешней линейной позиции *не* (перед *стать*) соответствует на семантическом уровне узкая сфера действия отрицания (*не* относится только к инфинитиву, но не к *стать*: ≈ *стать не-V*).

В пользу такой трактовки говорит тот факт, что встречаются и редкие употребления, которые хочется интерпретировать как подъем отрицания, но которые не дают значения *перестать*. Это употребления с глаголами, для которых характерна семантическая спаянность с отрицанием (*не выходит из головы, не спится*)⁸. Ср.:

(12) *Потом мало-помалу привыкла, и хорошенький братец **не стал выходить** из мыслей сестрицы. [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875–1881)] — стал не выходить, ≠ перестал выходить (неверно, что раньше выходил)*

⁸ Оставляем за скобками отдельный интересный сюжет о максимально спаянном с отрицанием глаголе *хватать* (употребления *стало не хватать* vs. *не стало хватать* и интерпретация последнего).

По свидетельству [Зализняк, Падучева 2013], подобный подъем отрицания в древнерусском языке был распространен значительно шире, чем в современном, в целом ряде инфинитивных конструкций, и тут мы можем иметь дело с рудиментами этой стратегии.

Почему, однако, утрачиваясь в других фрагментах системы, она сохраняется именно для конструкции со *стать*? Дело в том, что результирующее значение ‘перестать’ — это то самое значение, которое дает применение оператора отрицания к обоим компонентам начинательного значения (значение 2 из п.2: не [не V] & не V = V & не V). Т.е. даже если это просто синтаксическое явление, а не особое значение самого *стать*, то оно встречает определенную семантическую поддержку. Другой вопрос: почему такая интерпретация релевантна для *стать*, но не инхотативного же *начать*? Возможно потому, что *стать* — не просто инхотатив, а «ущербный» инхотатив: он обозначает не собственно начальную фазу, а переход от отсутствия ситуации к ее наличию (см. выше).

Табл. 8

Не+стать-прош.вр.+инф.: употребления не в значении осознанного выбора

	= <i>перестать</i>	= <i>не начать</i>	всего
...–1800	6	0	6
1801–1850	2	6	10
1851–1900	11	0	14
1901–1950	13	5	27
1951–...	0(1?)	8	15

В силу общей немногочисленности примеров на значение прекращения действия, по данным НКРЯ сложно оценить диахронические тенденции, однако похоже, что оно все же выходит из употребления и для глагола *стать* (Таблица 8):

Последний очевидный пример — 1939 г.:

(13) *После того как переполненный деревянный дом уже не стал вмещать арестованных <...> английский комендант Печенги приказал построить трудами заключенных тюрьму. [В. Колосов. По тюрьмам белоинтервентов (1939)]*

Ср. пример 2003 г., который кажется как минимум стилистически небрежным:

(14) *И как только движению ничто не стало мешать, так по крыше с легким шуршанием двинулся снег. [Г. Грешневилов. Как выпрямляются колокольни (2003)] = перестало что-либо мешать*

Примечание. В параллель к употреблениям собственно в значении прекращения действия отметим употребления в контексте *больше (более) не*. Для глагола *стать*, в отличие от глагола *начать*, они вполне возможны. Более того, они, в отличие от рассмотренных выше, частотны, в т. ч. широко представлены в современных текстах и не кажутся архаичными⁹. Ср.:

(15) *Умный Ягун правильно понял ее состояние и не стал больше приставать. [Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)] — ср. *не начал больше приставать*

⁹ В будущем времени, однако, таким употреблениям отчетливо предпочитают употребления с будущим аналитическим, см. [Зубова 2016].

Перестать-прош.вр. + инф., XVIII–XXI вв.

	№ вхождений	ipm
...–1800	73	16,86601
1801–1850	437	33,23359
1851–1900	1897	47,716
1901–1950	3135	49,04129
1951–...	7922	56,79012

Можно сделать предположение о возможном вытеснении *не стать* в значении прекращения действия конструкцией с глаголом *перестать*: употребительность глагола *перестать*, наоборот, растет, особенно с XVIII в. по нач. XIX в. (Таблица 9):

6.4. Значения, отличные от значения осознанного выбора: тяготение к стативам

И в значении ‘не начать’, и в значении ‘перестать’ *стать* под отрицанием часто употребляется со стативными предикатами. Таких употреблений в выборке 76% от всех употреблений *не стать* не в значении осознанного выбора (55 употр.); до сер. XIX в. — все примеры таковы, 1-й пример не со стативом — 1890 г.

В современном языке употребления *не стать* + статив частью вытесняются глаголами СВ со значением вхождения в состояние (напр., *на по-*):

(16) *Он было захотел во все горло, не стал верить, но она побожилась, как Корней Власов, три разу сряду... [В. И. Даль. Бедовик (1839)] — ср. не поверил*

Отметим, что для некоторых стативных предикатов наблюдается более общая тенденция к утрате способности употребляться в сочетании со *стать* — не только под отрицанием (упоминалось в [Сай, Короткова 2006], требует дальнейшего исследования). Ср., например, глагол *быть*:

(17) *...ибо прокормление не стало <= перестало> быть его первейшею целью. [А. Н. Радищев. О человеке, о его смертности и бессмертии (1792–1796)] — аналогично устар.: ?стало быть его целью*

С точки зрения взаимодействия с показателями начала действия стативы характеризуются тем, что семантика состояния обычно предполагает выделенную начальную фазу, см., например, [Недялков 1987], тогда как глагол *стать* описывает скорее точечный переход.

7. Обобщение данных

Начинательная конструкция *стать* + инф. обладает следующими семантическими особенностями (частично уже отмечавшимися в литературе). Прежде всего, она на самом деле не в полном смысле начинательная: и даже в той части употреблений, которые можно назвать собственно инхоативными, маркирует скорее не начальную фазу, а лишь переход от отсутствия ситуации к ее наличию. С этим связано и второе ее свойство: она нетривиальным образом взаимодействует с отрицанием: 1) оказывается в отрицательном контексте значительно чаще, чем можно ожидать от обычного инхоативного показателя, 2) развивает под отрицанием нестандартные

значения: значение осознанного выбора и значение прекращения ситуации. Также для конструкции со *стать* отмечается резкая системная асимметрия, особенно ярко проявляемая под отрицанием. Это асимметрия между формами прошедшего времени и будущего (акцентирующего начальную фазу ситуации, что важно для инхоативного показателя): в прошедшем времени *стать* конкурирует с *начать* (и выступает как «почти инхоативный» показатель); vs. в будущем времени — с будущим НСВ (выступая как «почти показатель будущего времени»). И, наконец, для конструкции со *стать* — и особенно для ее употреблений под отрицанием — характерна диахроническая нестабильность в языке последних трех веков, что можно связать с поздним ее формированием и упомянутой выше семантической двойственностью, а применительно к употреблением под отрицанием — также и с тем фактом, что взаимодействие инхоативных показателей с отрицанием оказывается в целом семантически проблемным.

Указанные особенности отражаются в трех микродиахронических сюжетах, рассмотренных в статье. Один — о диахронической нестабильности, вызванной семантическим конфликтом (между значениями начальной фазы ситуации и отрицания). Другой — о диахронической стабильности, достигаемой за счет резкого семантического сдвига (от инхоатива к показателю будущего времени). Наконец, третий — о постепенном сглаживании внутрисистемной асимметрии (между прошедшим и будущим временем).

А) Первый сюжет касается употреблений *стать* + инф. под отрицанием в прошедшем времени, где *стать* выступает как собственно инхоативный показатель. Начиная с XVIII в *стать* + инф. обнаруживает в целом не очень большой процент употреблений под отрицанием и значительное их семантическое разнообразие (ср. сложности в сочетании семантики начальной фазы и отрицания); со 2-й пол. XX в., однако, число употреблений под отрицанием резко увеличивается. Примерно тогда же, видимо, окончательно выходит из употребления прежде распространенное значение ‘перестать’ и окончательно кристаллизуется модализованное значение осознанного выбора. Значение осознанного выбора при этом постепенно вытесняет другие употребления под отрицанием на протяжении всего рассматриваемого периода (т.е. мы наблюдаем закономерное уменьшение вариативности, стабилизацию системы). Конкурирующий со *стать* глагол *начать*, в свою очередь, не развивает никаких вторичных значений и стабильно низкочастотен под отрицанием.

Б) Второй сюжет связан с употреблениями *стать* + инф. под отрицанием в будущем времени, где ослабляется собственно инхоативная семантика *стать* и конструкция становится квазисинонимична аналитической конструкции будущего НСВ. В будущем времени для *стать* + инф. уже в XVIII в. наблюдается значительно больший процент употреблений под отрицанием, чем в прошедшем (из-за ослабления инхоативной семантики *стать*, препятствующей сочетаемости с отрицанием). Он продолжает расти до сер. XX в., а потом немного падает. С самого начала конструкция стабильно употребляется под отрицанием преимущественно в контексте контролируемых предикатов (т.е. в значении осознанного выбора) и не обнаруживает семантического разнообразия, характерного для прошедшего времени. Основной конкурент конструкции *стать* + инф. — будущее НСВ — в XVIII в. дает сопоставимый процент

употреблений под отрицанием, который далее для будущего НСВ (в отличие от конструкции со *статья*) остается стабильным.

В) Третий сюжет (связанный с первыми двумя) касается стабилизации системы употреблений *статья*. Исходно она устроена «биполярно»: наблюдается очень резкая асимметрия между употреблениями *статья* под отрицанием в прошедшем и в будущем времени. На протяжении рассматриваемого периода эта асимметрия частично сглаживается. Значение осознанного выбора, изначально утвердившееся в зоне будущего времени, постепенно распространяется и на прошедшее. Видимо, в связи с этим со 2-й пол. XX в. наблюдается и в целом уменьшение разницы в доле употреблений прошедшего и будущего времени *статья* + инф. под отрицанием (для будущего времени она падает, для прошедшего, наоборот, резко растёт).

Литература

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995 (1-е изд. — М., 1974).
- Апресян Ю.Д. (Ред.) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М. — Вена, 2004.
- Зализняк А.А., Падучева Е.В. Об инициальном отрицании // Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М., 2013.
- Зализняк Анна А., Шмелёв А.Д. Семантика 'начала' с аспектологической точки зрения // Арутюнова Н.Д. (Ред.) Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 211–224.
- Зубова Д. Эссе по русской морфологии на тему: Употребление связочной формы «стану» в сравнении с формой «буду» (на примере конструкции «... не буду ~ не стану»). Рук. И.Б. Иткин. М.: НИУ ВШЭ, 2016.
- Короткова Н.А., Сай С.С. Глагол *статья* в русском языке: семантика, синтаксис, грамматикализация // III Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 2006.
- Молдован А.М. К истории фазового глагола *статья* в русском языке // Русский язык в научном освещении, 1(19). 2010. С. 5–17.
- Недялков В.П. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // А.В. Бондарко (Ред.) Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева Е.В. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя. Известия РАН. Серия литературы и языка, 69(3). 2010. С. 16–20.
- Падучева Е.В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics, 39(2). 2015. P. 129–162.
- Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке. М., 2000.
- Рахман Д. Эссе по русской морфологии на тему: Употребление связочной формы «стану» в сравнении с формой «буду» В конструкциях «не стану же я + inf» и «не буду же я + inf» во всех лицах и числах. Рук. И.Б. Иткин. М., 2016.

Руднев Д. В. О происхождении связочного глагола *стать* // Русский язык в научном освещении. 2014. №2 (28). С. 82–103.

Стойнова Н. М. Буду делать vs. стану делать: корпусные данные // Конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». СПб., 2013.

Храковский В. С. Семантика фазовости и средства ее выражения // Бондарко А. В. (Ред.) Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Dickey S. M. Expressing Ingressivity in Slavic: The Contextually-Conditioned Imperfective Past vs. the Phase Verb *stat'* and Procedural *za-* // *Journal of Slavic Linguistics*, 7(1). 1999. P. 11–44.

Swan O. Why budu? // *Russian Linguistics*, 36(3). 2012. P. 305–318.

Natalia M. Stoynova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

stoynova@yandex.ru

(NE) STAT' + INFINITIVE IN RUSSIAN: CORPUS EVIDENCE FOR MICRODIACHRONIC SEMANTIC CHANGES

The paper deals with the uses of «*stat'* + infinitive» (≈ 'to begin to do') under negation in the language of the XVIII–XXI cent. The data of Russian National Corpus shows that this construction undergoes some notable semantic evolution within this short period. It seems to be the result of both the late expansion of the construction and semantic reasons. These semantic reasons are the following: 1) the general problem of the interaction of negation and inchoative, 2) the semantic features of the verb *stat'* itself. The construction «*stat'* + infinitive» is unexpectedly frequent under negation: it develops the meaning of «deliberate choice». This development is not uniform for the past tense and for the future tense. In early texts there are also interesting uses of «*ne* + *stat'* + infinitive» with the meaning 'to finish V'.

Key words: inchoative, negation, infinitive constructions, grammaticalization, corpus linguistics

References

Apresyan Yu. D. (ed.) *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka*. 2 ed. Moscow — Vientiane, 2004. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moscow, 1995 (1 ed. — M., 1974). (In Russ.)

Dickey S. M. Expressing Ingressivity in Slavic: The Contextually-Conditioned Imperfective Past vs. the Phase Verb *stat'* and Procedural *za-*. *Journal of Slavic Linguistics*, 1999, no. 7(1), pp. 11–44.

Khrakovskii V.S. Semantika fazovosti i sredstva ee vyrazheniya // Bondarko A.V. (ed.) *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. Leningrad, 1987. (In Russ.)

Korotkova N.A., Sai S.S. Glagol stat' v russkom yazyke: semantika, sintaksis, grammatikalizatsiya. *III Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei*. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)

Moldovan A.M. K istorii fazovogo glagola stat' v russkom yazyke. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2010, no. 1(19), pp. 5–17 (In Russ.)

Nedyalkov V.P. Nachinatel'nost' i sredstva ee vyrazheniya v yazykakh raznykh tipov // A.V. Bondarko (ed.) *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. Leningrad, 1987. (In Russ.)

Paducheva E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moscow, 2004. (In Russ.)

Paducheva E.V. Snyataya utverditel'nost' i neveridiktal'nost' (na primere russkikh mestoimieni otritsatel'noi polyarnosti). *Russian Linguistics*, 2015, no. 39(2), pp. 129–162. (In Russ.)

Paducheva E.V. Zerkal'naya simmetriya proshedshego i budushchego: figura nablyudatelya. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2010, no. 69(3), pp. 16–20. (In Russ.)

Petrukhina E.V. *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke*. Moscow, 2000. (In Russ.)

Rakhman D. *Esse po russkoi morfologii na temu: Upotreblenie svyazochnoi formy «stanu» v sravnenii s formoi «budu» V konstruktsiyakh «ne stanu zhe ya + inf» i «ne budu zhe ya + inf» vo vsekh litsakh i chislakh*. Ruk. I.B. Itkin. Moscow, 2016. (In Russ.)

Rudnev D.V. O proiskhozhdenii svyazochnogo glagola stat' . *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, no. 2(28), pp. 82–103. (In Russ.)

Stoinova N.M. Budu delat' vs. stanu delat': korpusnye dannye. *Konferentsiya «Russkii yazyk: konstruktsionnye i leksiko-semanticheskie podkhody»*. St. Petersburg, 2013. (In Russ.)

Swan O. Why budu? *Russian Linguistics*, 2012, no. 36(3), pp. 305–318.

Zaliznyak A.A., Paducheva E.V. Ob initial'nom otritsanii // Paducheva E.V. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie*. Moscow, 2013.

Zaliznyak Anna A., Shmelev A.D. Semantika 'nachala' s aspektologicheskoi tochki zreniya // Arutyunova N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka: Semantika nachala i kontsa*. Moscow, 2002, pp. 211–224.

Zubova D. *Esse po russkoi morfologii na temu: Upotreblenie svyazochnoi formy «stanu» v sravnenii s formoi «budu» (na primere konstruktsii «... ne budu ~ ne stanu»)*. Ruk. I.B. Itkin. Moscow, 2016.

С. Г. Татевосов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва)
tatevosov@gmail.com

ЗАМЕТКИ О НЕЗАМЕТНОМ ОТРИЦАНИИ*

В статье предлагаются наброски к анализу нескольких конструкций в русском языке, в которых наличие отрицания не оказывает видимого воздействия на условия истинности предложения. Это верно, в частности, для сентенциальных сирконстантов с союзом *пока*, а также для конструкций с *как*. Мы предлагаем анализ, который исходит из предположения, что значение *пока*- и *как*-предложений полностью композиционально, и отрицание имеет в них регулярную интерпретацию. Конструкции с отрицанием и без сообщают об одном и том же интервале, но **описывают** его разными способами: в одном случае как интервал, в течение которого **не было ни одного события**, удовлетворяющего событийной дескрипции, в другом — как интервал, отделяющий фокусное время от **ближайшего такого события**. Такие временные предикаты сводятся к логической эквивалентности $P \rightarrow \neg Q \equiv \neg P \vee \neg Q \equiv Q \rightarrow \neg P$, что объясняет синонимию конфигураций с отрицанием и без.

Ключевые слова: временные придаточные, отрицание, темпоральная семантика

1. Незаметное отрицание

В этой статье предлагаются наброски к анализу нескольких конструкций в русском языке, в которых отрицание не оказывает видимого воздействия на условия истинности предложения. Это верно, в частности, для сентенциальных сирконстантов с союзом *пока* в целом ряде контекстов (см. [Iordanskaja, Mel'čuk 2009], [Барентсен 2014], [Падучева 2015] и др.)

(1) Организм же не автомат: включил-выключил. Пока он придет в норму, пройдет несколько часов [sovet.kidstaff.com.ua].

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда; проект № 16-18-02003, реализуемый в МПГУ.

(2) Давайте я его в комнату отведу. И побуду рядом, пока он не придет в норму [yaoi-club.flydes.ru].

Благодаря примерам такого рода мы видим примечательное свойство предложений с *пока* и *пока не*: отрицание как будто не сказывается на условиях истинности. В (1) сообщается об интервале в несколько часов, где правой границей выступает момент, когда ребенок придет в норму. Аналогично в (2) мы говорим об интервале (в течение которого субъект главного предложения («я») проведет время в месте с объектом («с ним»)), который завершается в тот момент, когда объект приходит в норму. Семантический вклад отрицания в (2) не просматривается. Некоторые исследователи, в частности, Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук [Iordanskaja, Mel'čuk 2009], говорят, что отрицания в таких примерах имеет эксплетивный характер и не интерпретируется.

Вопрос об эксплетивном характере отрицания в целом ряде конфигураций в русском и других славянских языках широко обсуждался в литературе (см., в частности, [King 1994], [Brown 1999], [Abels 2005], [Bošković 2009]). Однако цель этих заметок — предложить набросок альтернативной теории, исходящей из того, что значение *пока*-предложений и многих аналогичных конструкций с отрицанием и без полностью композиционально и что отрицание имеет в них регулярную интерпретацию.

2. Дизъюнкция отрицаний

В качестве первого шага полезно сопоставить (квази-)синонимичные предложения с *пока* и *пока не* с другим случаем отрицания, семантический вклад которого в интерпретацию неочевиден. Этот случай иллюстрируется в (3)–(4).

(3) Завтра будет двадцать три года, как я виделся с Лениным.

(4) Завтра будет двадцать три года, как я не виделся с Лениным.

Предложения в (3)–(4) различаются на отрицание, однако описывают ровно одно и то же положение вещей: ближайшая к завтрашнему дню встреча говорящего с председателем Совнаркома находится в прошлом на расстоянии 23 года.

Предложения имеют и другие различия. (3), в частности, содержит пресуппозицию уникальности. В ситуации, описываемой в (5), предложение (3) семантически аномально. Преодолеть аномальность возможно, лишь построив другую событийную дескрипцию, которая показана в (6):

(5) Говорящий виделся с Лениным в 1916, 1945 и 1993 годах.

(6) Завтра будет двадцать три года, как я виделся с Лениным последний раз.

Дескрипция ‘видеться последний раз’ описывает уникальное событие, и пресуппозиция удовлетворяется. Если (3) можно признать приемлемым в контексте (5), то лишь как результат аккомодации пресуппозиции, делающей (3) эквивалентным (6).

Как возможно, что (3) и (4) имеют одинаковые условия истинности? Мы предлагаем следующий ответ на этот вопрос. (3)–(4) сообщают об одном и том же

интервале, но **описывают** его разными способами. (4) подает его как интервал длительностью двадцать три года с правой границей ‘завтра’, в течение которого **не было ни одного события** вида ‘говорящий встречался с Лениным’. (3) говорит о минимальном интервале, отделяющем завтра от **ближайшего события** в прошлом вида ‘говорящий встречается с Лениным’. Эти описания экстенционально эквивалентны: они задают один и тот же интервал. В более формальных терминах:

$$(7) \lambda t. |t| = 23 \text{ года} \wedge \text{RB}(t) = \text{завтра} \wedge \forall t' \exists e [\text{встреча}(\text{Ленин})(\Gamma)(e) \wedge t' = \tau(e) \rightarrow \neg t' \text{ внутри } t]$$

$$(8) \lambda t. |t| = 23 \text{ года} \wedge \text{RB}(t) = \text{завтра} \wedge \forall t' [t' \text{ внутри } t \rightarrow \neg \exists e [\text{встреча}(\text{Ленин})(\Gamma)(e) \wedge t' = \tau(e)]]$$

$$(9) \text{RB}(t')(t) = 1 \text{ (интервал } t \text{ — правая оконечность интервала } t') \text{ тогда и только тогда, когда } t \otimes t' \neq \emptyset \wedge \exists t'' [t'' \subseteq t \wedge t' < t'']; \text{ аналогично для левой оконечности интервала (ср. [von Fintel, Iatridou 2005])}$$

$$(10) \forall t \forall t' [t \text{ внутри } t'] = 1 \text{ тогда и только тогда, когда } t \subseteq t' \wedge \text{LE}(t') < \text{LE}(t) \wedge \text{RE}(t) < \text{RE}(t')$$

где LE и RE — соответственно начальный и конечный моменты времени для интервала

(7) — предикат над временными интервалами. Он содержит в своем экстенционале интервалы длительностью двадцать три года, правая оконечность которых совпадает с ‘завтра’. Любой интервал, на котором происходит встреча говорящего с Лениным, находится за пределами этого интервала. Это то прочтение, которое соответствует интуитивному пониманию ‘ближайшая встреча — на расстоянии 23 года’. (8) также обозначает временные интервалы с правой оконечностью завтра. На этот раз о них сообщается, что внутри любого подынтервала этого интервала отсутствует событие встречи говорящего с Лениным. Это прочтение ‘нет ни одной встречи в течение 23 лет’. Первый предикат тем самым соответствует предложению с утвердительным зависимым в (3), а второй — с отрицательным зависимым в (4).

Формулы в (7)–(8) эквивалентны. Если присмотреться к ним внимательнее, можно заметить, что они представляют собой частный случай логической эквивалентности в (11):

$$(11) P \rightarrow \neg Q \equiv \neg P \vee \neg Q \equiv Q \rightarrow \neg P$$

В (7)–(8) переменной P соответствует формула $\exists e [\text{встреча}(\text{Ленин})(\Gamma)(e) \wedge t' = \tau(e)]$, а переменной Q — формула $t' \text{ внутри } t$. (11) объясняет видимую синонимичность предложений типа (3)–(4) принципиальным образом. Логическая структура этих предложений в действительности сводится к общей формуле с дизъюнкцией:

$$(12) \lambda t. |t| = 23 \text{ года} \wedge \text{RB}(t) = \text{завтра} \wedge \forall t' [\neg \exists e [\text{встреча}(\text{Ленин})(\Gamma)(e) \wedge t' = \tau(e)] \vee \neg t' \text{ внутри } t]]$$

Аналогичная линия рассуждений выстраивается и в случае с *пока*. Тот класс употреблений, который представлен примерами типа (1)–(2) можно анализировать следующим образом. *Пока*-клаузы обозначают временной интервал t , который модифицирует время ассерции главной клаузы. А именно, они сообщают, что время ассерции главной клаузы находится внутри t и имеет общую с ним правую границу. Информации о длительности интервала клаузы с *пока*, в отличие от предложений (3)–(4) с *как*, не передают. Описание t осуществляется теми же двумя способами, что и в предыдущем случае. Первый способ, который мы видим в (2), — это говорить о t как об интервале, на котором отсутствуют события вида ‘они пришел в норму’, а второй, (1), — как об интервале, отделяющем нас от ближайшего такого события.

Логическая структура предложений в (1)–(2) показана в (13)–(14):

(13) $\lambda t. \exists e \text{ пройдет(неск.часов)}(e) \wedge \exists t' [t \subseteq t' \wedge \text{RB}(t)=\text{RB}(t') \wedge |t'| = h \wedge \forall t'' \exists e' [\text{придет.в.норму(он)}(e') \wedge t'' = \tau(e) \rightarrow \neg t'' \text{ ВНУТРИ } t']$

(14) $\lambda t. \exists e \text{ побыть.рядом}(\Gamma)(e) \wedge \exists t' [t \subseteq t' \wedge \text{RB}(t)=\text{RB}(t') \wedge |t| = h \wedge \forall t'' [t'' \text{ ВНУТРИ } t' \rightarrow \neg \exists e' [\text{придет.в.норму(он)}(e') \wedge t'' = \tau(e')]]$

(13) обозначает временные интервалы, в течение которых пройдет несколько часов. Их правая граница — это одновременно правая граница любого интервала такого, что события прихода в норму находятся за его пределами. (14) вводит в рассмотрение интервалы, в течение которых Γ побудет рядом с субъектом. Правая граница этих интервалов совпадает с правой границей интервалов, на которых отсутствуют события прихода в норму.

Таким образом и в (7)–(8) и в (13)–(14) семантическая игра строится вокруг эквивалентности описаний ‘нет внутри X ’ — ‘есть за пределами X ’, где X — это интервалы соотнесенные с *как*-клаузами в (7)–(8) и с *пока*-клаузами в (13)–(14). Появление в них отрицания означает, что мы описываем интервал через отсутствие соответствующих событий внутри него. Если отрицания нет, мы толкуем о наличии таких событий исключительно за его пределами. Отрицание, таким образом, вносит в интерпретацию свой обычный семантический вклад¹. Близкую линию рассуждений предлагает и Е. В. Падучева [Падучева 2015]: с ее точки зрения, отрицание интерпретируемо, а его использование обусловлено тем, что под отрицанием создаются гомогенные временные дескрипции.

¹ Важное различие отрицательных *как*-клауз и *пока*-клауз состоит в том, что первые, как и независимые отрицательные предложения, представляют собой антиморфные контексты, в которых допускаются отрицательные местоимения. Вторые, по-видимому, образуют конфигурацию с нисходящей монотонностью, не являющуюся антиморфной: в ней допускаются отрицательно-полярные *нибуддь*- и *либо*-местоимения, но не *ни*-местоимения.

(i) Завтра будет двадцать три года, как никто не видел Ленина.

(ii) Я побуду тут, пока *никто || кто-нибудь не придет в себя.

Мы предполагаем, что никакие соображения, высказанные в этой статье, не окажутся несовместимы с анализом этих фактов.

$$(24) \parallel [_{\text{TP}} [_{\text{T}} \text{PST pro}_3] [_{\text{AspP}} \text{PRO}_2 \lambda_2 [_{\text{AspP}} \text{PFV } t_2 [_{\text{FP}} [_{\text{V}} t_5] [_{\text{VP}} \text{PRO}_+ \lambda_1 [_{\text{VP}} \text{я виде-ся с Лениным } t_1]]]]]]] \parallel^{\text{g.c}} = \exists t [t < \text{g}(3) \wedge \exists t' [t' \subseteq t \wedge \text{встреча(Ленин)}(\Gamma)(t') \wedge t' \text{ в } \text{g}(3)]]$$

Последний шаг — связывание переменной t_5 передвинувшимся оператором Op, который создает определенную временную дескрипцию в (25):

$$(25) \parallel \text{Op } \lambda_5 [_{\text{TP}} [_{\text{T}} \text{PST pro}_3] [_{\text{AspP}} \text{PRO}_2 \lambda_2 [_{\text{AspP}} \text{PFV } t_2 [_{\text{FP}} [_{\text{V}} t_5] [_{\text{VP}} \text{PRO}_+ \lambda_1 [_{\text{VP}} \text{я виде-ся с Лениным } t_1]]]]]]] \parallel^{\text{g.c}} = \sigma t. \exists t' [t' < \text{g}(3) \wedge \exists t'' [t'' \subseteq t' \wedge \text{встреча(Ленин)}(\Gamma)(t'') \wedge t'' \text{ в } t]$$

(25) — это определенный временной интервал, когда произошла встреча говорящего с Лениным. Он представляет собой часть большего временного интервала (t'), предшествующего интервалу $\text{g}(3)$.

Рассмотрим деривацию зависимого предложения *я не виделся с Лениным* в (4). Это предложение отличается, согласно предположению, двумя ингредиентами: отрицанием и видовым оператором. Здесь мы имеем дело не с общефактическим, а с дуративным значением несовершенного вида, когда время (непредельной) ситуации вложено в фокусное время.

Логическая форма предикации *я не виделся с Лениным* после всех передвижений показана в (26):

$$(26) [\dots \text{Op } \lambda_5 [_{\text{TP}} [_{\text{T}} \text{PST pro}_3] [_{\text{AspP}} \text{PRO}_2 \lambda_2 [_{\text{AspP}} \text{IPFV } t_2 [_{\text{FP}} [_{\text{V}} t_5] [_{\text{VP}} \text{не } [_{\text{NegP}} \text{PRO}_+ \lambda_1 [_{\text{VP}} \text{я виде-ся с Лениным } t_1]]]]]]]]]]$$

Семантика двух компонентов, которыми (26) отличается от (19), показана в (27)–(28):

$$(27) \parallel \text{DUR} \parallel^{\text{g.c}} = \lambda t. \lambda P. \exists e [P(e) \wedge t \subseteq \tau(e)]$$

$$(28) \parallel \text{не} \parallel^{\text{g.c}} = \lambda P. \lambda t. \neg P(t)$$

Семантика видового оператора в (27) самоочевидна: она представляет собой зеркальное отражение перфектива в (21). Показатель отрицания мы анализируем как морфему, создающую множество интервалов, свободных от описываемых событий. Следует обратить внимание, что в (26) временное наречие в присоединяется над показателем отрицания и тем самым модифицирует «отрицательный» временной интервал.

В прочих отношениях деривация (4) идентична той, которую мы видели выше. Продолав все необходимые шаги, мы получаем определенную дескрипцию в (29).

$$(29) \sigma t. \exists t' [t' < \text{g}(3) \wedge \exists t'' [t' \subseteq t'' \wedge t'' \text{ в } t \wedge \neg[\text{встреча(Ленин)}(\Gamma)(t'')]]]$$

(29) представляет собой определенный интервал, на котором нет ни одного события встречи говорящего с Лениным. Частью этого интервала выступает фокусное время, предшествующее интервалу $\text{g}(3)$.

Следующий важный шаг — построить композициональную интерпретацию выражений *двадцать три года, как я виделся с Лениным* и *двадцать три года, как*

я не виделся с Лениным. В этом месте мы сталкиваемся с важной дилеммой: как анализировать временной союз *как*. Увидеть источник затруднения помогают квазитолкования в (30)–(31):

(30) двадцать три года, как я виделся с Лениным → интервал в двадцать три года, такой, что **на левой его границе** имеется положение вещей, удовлетворяющее дескрипции ‘говорящий виделся с Лениным’

(31) двадцать три года, как я не виделся с Лениным → интервал в двадцать три года, такой, что **на всем этом интервале** имеется положение вещей, удовлетворяющее дескрипции ‘говорящий не виделся с Лениным’

Получается, что союз *как* неоднозначен: с разными зависимыми предложениями он поступает по-разному. Интервал, который обозначает зависимое *я виделся с Лениным*, образует левую границу интервала в 23 года. Однако время, в течение которого имеет место положение вещей ‘говорящий не виделся с Лениным’, занимает весь интервал в 23 года. Это показано в (32)–(33):

(32) || как₁ ||^{g.c} = $\lambda t. \lambda P. \lambda t'. P(t') \wedge LB(t')(t)$

(33) || как₂ ||^{g.c} = $\lambda t. \lambda P. \lambda t'. P(t') \wedge t' = t$

В литературе выдвигались разнообразные аргументы в пользу неоднозначности временных союзов. Довольно пространная дискуссия, например, велась по поводу английского *until* (см. [Karttunen 1974], [Giannakidou 2002], [Grifka 2010]). Анализ в (32)–(33), однако, сталкивается с неразрешимым затруднением. Комплемент временного союза — определенная временная дескрипция, интервал логического типа *i*. Союзы *как*₁ и *как*₂ не имеют доступа к внутренней структуре этих интервалов и не могут «увидеть», есть ли внутри них отрицание, каков из грамматический вид и т. д. Соответственно, оба союза должны соединяться с любой из двух дескрипций в (25) и (29), создавая четыре интерпретации вместо двух засвидетельствованных.

По этой причине мы отказываемся от идеи, что *как* неоднозначен, и полагаем (32) его единственным значением. В следующем разделе мы рассмотрим продолжение деривации предложения (3).

4. Утвердительное предложение

Соединяя союз в (32) с определенной временной дескрипцией в (25) и множеством интервалов в (15), мы получаем денотат выражения *двадцать три года, как я видел Ленина*. Это множество временных интервалов в (34).

(34) || двадцать лет, как я видел Ленина ||^{g.c} = $\lambda t'. |t'| = 23 \text{ года} \wedge LB(t')$
 (ст. $\exists t' [t' < g(3) \wedge \exists t'' [t'' \subseteq t' \wedge \text{встреча}(\text{Ленин})(\Gamma)(t'') \wedge t'' \in t]$)

Теперь мы можем построить денотат всего предложения (3). Это предложение, как мы видим, описывает нечто, происходящее в будущем. Однако если разместить в будущем один из интервалов из экстенционала предиката в (34), нужной интерпретации не получится (не получится вообще никакой). Единственно

возможное понимание (3) — когда левая граница двадцатитрехлетнего интервала размещается в прошлом³. В будущем находится только правая граница. Перед нами — типичное перфектное прочтение предложения, при котором время матричного предложения устанавливает только правую временную границу описываемой ситуации. Этому прочтению соответствует конфигурация в (35):

$$(35) \text{ Завтра будет } NP_{\langle i, t \rangle} \\ \left[{}_{\text{TP}} N \text{ завтра } [{}_{\text{CopP}} \text{ будет } PRO_3 [{}_{\text{FP}} XN PRO_7 [{}_{\text{NP}} \dots pro_3 \dots]]] \right]$$

Интерпретация предложения достигается последовательным применением двух операторов — XN (eXtended Now) и *будет*. Первый известен из анализа перфектов (см., например, [Pancheva, von Stechow 2004] и цитируемую там литературу). Его роль — сопоставить интервалу его правую границу:

$$(36) \parallel XN \parallel^{g.c} = \lambda t. \lambda P. \exists t' [P(t') \wedge RB(t')(t)]$$

Связка анализируется как показатель проспективного сдвига, перемещающий время описываемой ситуации в будущее по отношению к действительскому центру.

$$(37) \parallel \text{будет} \parallel^{g.c} = \lambda t. \lambda P. \exists t' [t > t' \wedge P(t')]]$$

Дейктический центр в (35) обеспечивает N, переменная, в любом контексте обозначающая момент речи.

Наречие *завтра* — множество интервалов, вложенных в интервал, который начинается в 0:00 и заканчивается в 24:00 завтрашнего дня.

$$(38) \parallel \text{завтра} \parallel^{g.c} = \lambda t. t \subseteq \text{завтра}$$

Как и раньше, первый временной аргумент операторов в (36)–(37) реализуется местоимением PRO, которое подвергается передвижению, оставляя в исходной позиции след типа *i* и связывая его.

Логическая форма после передвижений и удаления неинтерпретируемого материала показана в (39):

$$(39) [N \text{ завтра } [PR\Theta \lambda_3 \text{ будет } t_3 [PR\Theta \lambda_7 XN t_7 [{}_{\text{NP}} \dots pro_3 \dots]]]] , \\ \text{где } NP = \text{двадцать три года, как я видел Ленина с денотатом в (34).}$$

Следует обратить внимание, что элемент PRO₃ при передвижении связывает не только собственный след, но и коиндексированное с ним местоимение pro₃

³ Ясно, что между *сейчас* и *завтра* не может уместиться интервал длительностью двадцать три года. Интересный вопрос, возникающий в этом месте: что произойдет, если контекст допускает возможность, когда весь интервал, задаваемый зависимым предложением, может оказаться между моментом речи и некоторым временем в будущем. Как кажется, в этом случае интерпретация, при которой весь интервал относится к плану будущего, возможна, ср. (i). Это согласуется с общими соображениями, которые говорят, что перфектная интерпретация — такая, как (3), — возможна, но не обязательна.

(i) В 2019 году ему предстоит познакомиться с Лениным. Следовательно, в 2039 году будет 20 лет, как он познакомился с Лениным.

в зависимой клаузе. (Напомним, это местоимение отвечает за дейктическую привязку ситуации, описываемой временным придаточным. Коиндексирование про, с *будет* делает время зависимой клаузы идентичным времени главной.)

Читатель может самостоятельно убедиться, что после применения всех функций ко всем аргументам и присоединением наречия *завтра* путем предикатной модификации, образуется пропозиция в (40):

$$(40) \exists t [t > t^* \wedge t \subseteq \text{завтра} \wedge \exists t' [RB(t')(t) \wedge |t'| = 23 \text{ года} \wedge \\ LB(t')(\sigma t'' . \exists t''' [t''' < t \wedge \exists t'''' \\ [t'''' \subseteq t'''' \wedge \text{встреча(Ленин)(Г)}(t''''') \wedge t'''' \text{ в } t'''])]]$$

Эта пропозиция истинна, если в завтрашнем дне расположена правая граница интервала длительностью двадцать три года, левая граница которого — определенное время, когда я видел Ленина.

Вернемся к (7), которое мы использовали, чтобы объяснить, почему предложения с отрицанием и без синонимичны:

$$(41) \lambda t. |t| = 23 \text{ года} \wedge RB(t) = \text{завтра} \wedge \forall t' \exists e [\text{встреча(Ленин)(Г)}(e) \wedge t' = \\ \tau(e) \rightarrow \neg t' \text{ внутри } t]$$

Последовательность действий, цель которой состояла в том, чтобы получить (41) в результате композициональной деривации, привела нас к (40). Две формулы выглядят, однако, не идентично.

Первая говорит: любой интервал, на котором осуществляется событие ‘говорящий встретился с Лениным’ не может находиться внутри интересующего нас интервала t длительностью в двадцать три года. Вторая говорит: определенный интервал, на котором произошла встреча с Лениным, лежит на левой границе t .

При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что (41) — семантическое следствие (40). Так получается благодаря тому, что интервал, на котором происходит событие встречи в (40) связан оператором определенной дескрипцией σ . Этот оператор имеет логический типа $\langle\langle i, i \rangle, i \rangle$. Он представляет собой функцию, которая применяется к множеству (точнее, его характеристической функции) и возвращает в качестве значения элемент. Функция не является всюдуопределенной: она осмысленно применима только к одноэлементным множествам. Тем самым определенные дескрипции обозначают уникальные объекты, удовлетворяющие некотором предикату. В нашем случае в (40) мы имеем дело с уникальным интервалом, на котором происходит встреча говорящего с Лениным. Поскольку событие встречи с Лениным уникально, из этого следует невозможность другого такого события, расположенного между левой и правой границами двадцатитрехлетнего интервала. Условие, заданное в (41), удовлетворяется: никакая встреча с Лениным не может находиться внутри этого интервала.

Наличие в (40) определенной дескрипции объясняет и более сильное условие, которое проявляется в наблюдениях над контекстами типа (5): предложение аномально, если встреч с Лениным было больше одной.

В следующем разделе мы рассмотрим случай с отрицанием.

5. Отрицательное предложение

Предложение (4) повторяется как (42):

(42) Завтра будет двадцать три года, как я не виделся с Лениным.

Денотат выражения *двадцать три года, как я не виделся с Лениным* получается соединением союза *как* в (32) с определенной временной дескрипцией в (29) и множественностью интервалов в (15). В результате получается временной предикат в (43).

(43) \parallel двадцать лет, как я не виделся с Лениным $\parallel^{g,c} = \lambda t'. |t'| = 23 \text{ года} \wedge$
 $LB(t')(\sigma t. \exists t'' [t'' < g(3) \wedge \exists t''' [t'' \subseteq t''' \wedge t''' \text{ в } t \wedge$
 $\neg[\text{встреча}(\text{Ленин})(\Gamma)(t''')]])$

Оператор определенной дескрипции применяется в (29) к неквантованному и кумулятивному временному предикату. Если t — это интервал, в течение которого я не видел Ленина, то его собственная часть — это тоже интервал, в течение которого я не видел Ленина. Как и всегда в таких ситуациях, оператор σ имеет максимизирующий эффект: он извлекает максимальный индивид из экстенционала предиката. В нашем случае это максимальный интервал, в течение которого говорящий не видел Ленина. Соответственно, (43) обозначает множество двадцатитрехлетних интервалов, левой оконечностью которых выступает максимальный интервал, в течение которого говорящий не видел Ленина.

Такая интерпретация, однако, неверна, поскольку, согласно определению правой / левой оконечности, она совместима с ситуацией, изображенной на схеме 1.

По определению интервал t — оконечность интервала t' , если начало t' расположено внутри t . При изображенном на схеме взаиморасположении интервалов это условие выполняется, однако такой интерпретации предложение, очевидно, иметь не может. Как мы уже видели, предложение предполагает, что описываемый интервал в двадцать три года начинается одновременно с интервалом, на котором не происходит встреч с Лениным⁴. Хуже того, в (43) нет гарантии, что двадцатитрехлетний интервал не продолжается за пределами того интервала, на котором отсутствуют встречи с Лениным. (4), очевидно, требует, чтобы последний имел место по меньшей мере до завершения первого. Это показано на схеме 2.

Чтобы продеривировать такую интерпретацию, (43) придется изменить. С интуитивной точки зрения, верная интерпретация возникает в том случае, если вместо

говорящий не видел Ленина

 двадцать три года

Схема 1. Недопустимая интерпретация

говорящий не видел Ленина

 двадцать три года

Схема 2. Допустимая интерпретация

⁴ Возможно, впрочем, что одновременное начало двух интервалов имеет статус импликатуры, как видно благодаря примерам типа (i):

(i) Завтра будет двадцать три года, как я не видел Ленина. А возможно и больше.

максимального интервала, на котором не происходит встреч с Лениным, мы указываем на левую оконечность этого интервала.

(44) С того времени, когда **начался** интервал, на котором не происходит встреч с Лениным, прошло 23 года.

Эксплицитного материала, который маркировал бы переход от интервала к его левой оконечности, в предложении не содержится. К. фон Финтель и С. Иатриду [von Fintel, Iatridou 2005] решают аналогичную проблему для временных клауз с *since* и универсальным перфектом, используя конфигурацию с двумя *since*, параллельную структурам, в которых происходит эллипсис материала предложной группы, содержащейся в антецеденте (PP-ACD).

(45) By 1999, I will have lived [_{pp} in [every city [that John has lived [_{pp} in]]]]

(46) Tony has been happy [_{pp} since [the time [he has been taking Prozac [_{pp} since]]]]

(47) Tony has been happy [_{pp} since [Op λt [he has been taking Prozac [_{pp} since-t]]]]

Как и в случае с предложной группой, содержащейся в антецеденте, эллипсис легитимируется с помощью подъема квантора, создающего идентичные PP:

(48) [Op λt he has been taking Prozac [_{pp} since t]] λt' Tony has been happy [_{pp} since t']

Для анализа в (46)–(48) критически важно, что *since* допускает и сентенциальный и именной комплементы, как в *He has been sick since 1990*. Как, в отличие от *since*, может иметь только сентенциальный комплемент, что делает анализ в духе (46)–(48) для русского языка неосуществимым.

В качестве технического решения мы предлагаем считать, что при деривации клаузы *как я не видел Ленина* вместо отношения в задействуется отношение *c*, которое сопоставляет интервалу его левую оконечность. Это отношение показано в (49):

(49) $\| c \|^{g,c} = \lambda t. \lambda t'. LB(t')(t) \equiv t' c t$

Кроме того, мы предполагаем, что *c* вступает в отношение с фокусным временем, а не временем ситуации. С поправкой на (49), вместо (43) мы получаем (50):

(50) $\| \text{двадцать лет, как я не виделся с Лениным} \|^{g,c} = \lambda t'. | t' | = 23 \text{ года} \wedge$
 $LB(t') (\sigma. \exists t'' [t'' < g(3) \wedge \exists t''' [t'' \subseteq t''' \wedge t'' c t \wedge$
 $\neg[\text{встреча}(\text{Ленин})(\Gamma)(t''')]])$

Определенная дескрипция $\sigma. \exists t' [t' < g(3) \wedge \exists t'' [t' \subseteq t'' \wedge t'' c t \wedge \neg[\text{встреча}(\text{Ленин})(\Gamma)(t''')]]$ в составе (49) теперь обозначает уникальный интервал, **начиная с** которого говорящий не виделся с Лениным⁵. Этот интервал, согласно (49), становится левой оконечностью интересующего нас интервала в 23 года.

⁵ Чтобы эта дескрипция была определена, семантику оператора σ необходимо сформулировать, опираясь на понятие максимальной информативности, см. [Fox et al. 2015].

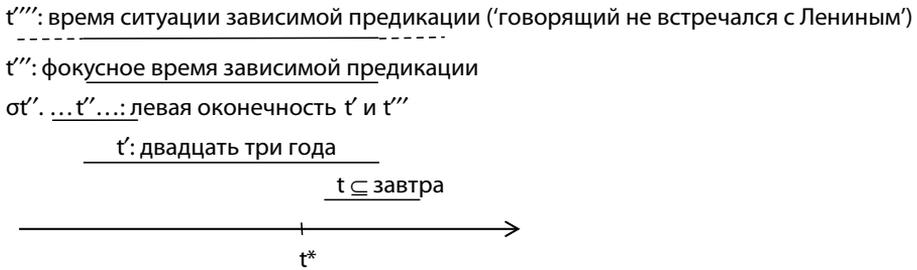

Схема 3. Временная интерпретация пропозиции в (55).

Как и в случае с утвердительным вариантом легко показать, что (56) (если превратить его в пропозицию, закрыв переменную квантором) является семантическим следствием (55). Схема 3 делает это наглядным. Фокусное время зависимого предложения (t''') имеет те же левую и правую границы, что и интервал в 23 года (t'). Фокусное время — подынтервал t'''' , на котором отсутствует встреча с Лениным. Это гарантирует, что на любом подынтервале интервала в 23 года говорящий не встречался с Лениным. (56) тем самым выполняется.

Таким образом, задача, которую мы поставили в начале раздела 3, успешно решена: нам удалось сформулировать композиционную семантику, из которой вытекает эквивалентность двух способов описания одного и того же интервала. Именно этим, согласно предположению, объясняется синонимичность предложений с отрицанием и без.

Мы можем подвести итоги этого исследования.

Заключение

Изложенное выше — это лишь предварительные наброски теории, объясняющей дистрибуцию отрицания в *пока*-клаузах и в *как*-клаузах. Они не учитывают, что тот и другой случай связаны с различающимися пресуппозициями и импликатурами, которые более полная теория должна, разумеется, описать и объяснить. Отдельный вопрос, — возможно ли с помощью логической формы типа (9)–(10) (возможно, с некоторыми минимальными модификациями) описать все употребление придаточных с *пока*, которые пока считаются несводимыми друг к другу (см. [Jordanskaja, Mel'čuk 2009], [Падучева 2015]).

Не пытаясь решить этот вопрос здесь, отметим еще раз то, что кажется нам главным результатом этого очерка. Семантическая теория должна относиться серьезно к имеющемуся в ее распоряжении морфосинтаксическому материалу. Теория, которая, не найдя грамматическому элементу места в семантической деривации, объявляет его неинтерпретируемым, существенно проигрывает альтернативам не только в концептуальной привлекательности, но и в эмпирической адекватности.

Литература

Барентсен А. Проблемы описания союза *пока* // Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th Meeting of the commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International committee of Slavists / ed. by M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper. München, 2014. P. 377–410.

Падучева Е. В. Акциональная классификация глаголов и семантика союза *пока* // Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 7–25.

Abels К. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory // Journal of Slavic Linguistics. 2005. Vol. 13. P. 5–74.

Beck S., von Stechow A. Events, times and worlds — an LF architecture // Situations-argumente im Nominalbereich / ed. by C. Fortmann, A. Lübbecke, & I. Rapp. Berlin: Mouton, 2015. P. 13–47.

Bošković Ž. Licensing Negative Constituents and Negative Concord // Proceedings of the North East Linguistic Society 38. Amherst, 2009. P. 125–139.

Brown S. The Syntax of Negation in Russian: A Minimalist Approach. Stanford, 1999.

Giannakidou A. UNTIL, aspect and negation: A novel argument for two untils // Semantics and linguistic theory. 2002. Vol. 12. P. 84–103.

Grønn A. The semantics and Pragmatics of Russian Factual Imperfective. Ph. D. dissertation / University of Oslo. Oslo, 2003.

Grønn A., von Stechow A. Complement tense in contrast: The sot parameter in Russian and English // Russian in Contrast / ed. by A. Grønn, S. Marijanovic. Oslo Studies in Language. 2009. P. 109–153.

Iordanskaja L., Mel’čuk I. Semantics of the Russian conjunction *POKA* ‘while, before, until’ // Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern — Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60 Geburtstag / Berger T. (Hrsg.). Wien: Verlag Otto Sagner, 2009. P. 233–262.

Karttunen L. Until // Chicago Linguistic Society. 1974. Vol. 10. P. 284–297.

King T. The structure of Russian clausal negation // Journal of Slavic Linguistics. 1994. Vol. 2. № 2. P. 287–297.

Krifka M. How to interpret “expletive” negation under *bevor* in German // Language and logos. Studies in theoretical and computational linguistics / ed. by G. Fanselow. Berlin: Akademie Verlag, 2010. P. 214–236.

Pancheva R., von Stechow A. On the Present Perfect Puzzle // Proceedings of the Annual Meeting of the Northeastern Linguistic Society. 2004. Vol. 34. P. 469–484.

Paslawaska A., von Stechow A. Perfect Readings in Russian // Perfect Explorations / ed. by M. Rathert, A. Alexiadou, A. von Stechow. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 307–362.

von Fintel K., Iatridou S. Since *since*. Ms, MIT, 2005.

von Stechow A. Tenses in Compositional Semantics // The Expression of Time / ed. by W. Klein, P. Li. Berlin: De Gruyter, 2009. P. 129–166.

Sergei Tatevosov

*Lomonosov Moscow State University
 Moscow Pedagogical State University
 (Moscow, Russia)
 tatevosov@gmail.com*

NOTES ON UNNOTICEABLE NEGATION*

The paper outlines an analysis of a few constructions in Russian where the negation does not have a visible truth-conditional import. This happens, in particular, with sentential adjuncts with the complementizers *poka* and *kak*. I assume, contrary to many current proposals, that the meaning of *poka*- and *kak*-clauses is fully compositional, and that negation makes its regular contribution to their interpretation. I propose that configurations with and without negation may introduce the same interval but describe it in different ways. One description would be that an interval is free of events of a particular type. The other would specify an interval as separating the closest such event from the topic time. Predicates of intervals of this type can be reduced to the obvious logical equivalence $P \rightarrow \neg Q \equiv \neg P \vee \neg Q \equiv Q \rightarrow \neg P$. This would explain native speakers' judgments about apparent synonymy of the configuration with and without negation.

Keyword: temporal semantics, temporal adjuncts, negation

References

- Abels K. "Expletive negation" in Russian: A conspiracy theory. *Journal of Slavic Linguistics*. 2005, Vol. 13, pp. 5–74.
- Barentsen A. Problemy opisaniya soyuza *poka*. *Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th Meeting of the commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International committee of Slavists* / ed. by M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper P. München, 2014, pp. 377–410.
- Beck S., von Stechow A. Events, times and worlds — an LF architecture. *Situations-argumente im Nominalbereich* / ed. by C. Fortmann, A. Lübke, & I. Rapp. Berlin: Mouton, 2015, pp. 13–47.
- Bošković Ž. Licensing Negative Constituents and Negative Concord. *Proceedings of the North East Linguistic Society 38*. Amherst, 2009, pp. 125–139.
- Brown S. The Syntax of Negation in Russian: A Minimalist Approach. Stanford, 1999.
- Giannakidou A. UNTIL, aspect and negation: A novel argument for two untils. *Semantics and linguistic theory*. 2002, Vol. 12, pp. 84–103.

* The study has been supported by the Russian Science Foundation; grant № 16-18-02003 at Moscow Pedagogical State University.

Grønn A. *The semantics and Pragmatics of Russian Factual Imperfective*. Ph. D. dissertation / University of Oslo. Oslo, 2003.

Grønn A., von Stechow A. Complement tense in contrast: The sot parameter in Russian and English. *Russian in Contrast* / ed. by A. Grønn, S. Marijanovic. Oslo Studies in Language, 2009, pp. 109–153.

Iordanskaja L., Mel'čuk I. Semantics of the Russian conjunction POKA 'while, before, until' // Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern — Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60 Geburtstag / Berger T. (Hrsg.). Wien: Verlag Otto Sagner, 2009, pp. 233–262.

Karttunen L. Until. *Chicago Linguistic Society*. 1974, Vol. 10, pp. 284–297.

King T. The structure of Russian clausal negation. *Journal of Slavic Linguistics*. 1994. Vol. 2, №2, pp. 287–297.

Krifka M. How to interpret “expletive” negation under bevor in German. *Language and logos. Studies in theoretical and computational linguistics* / ed. by G. Fanselow. Berlin: Akademie Verlag, 2010, pp. 214–236.

Paducheva E. V. Aktsional'naya klassifikatsiya glagolov i semantika soyuza poka. *Voprosy yazykoznanija*, 2015, №5, pp. 7–25.

Pancheva R., von Stechow A. On the Present Perfect Puzzle. *Proceedings of the Annual Meeting of the Northeastern Linguistic Society*, 2004, Vol. 34, pp. 469–484.

Paslawska A., von Stechow A. Perfect Readings in Russian // Perfect Explorations / ed. by M. Rathert, A. Alexiadou, A. von Stechow. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003, pp. 307–362.

von Fintel K., Iatridou S. Since ~~since~~. Ms, MIT, 2005.

von Stechow A. Tenses in Compositional Semantics. *The Expression of Time* / ed. by W. Klein, P. Li. Berlin: De Gruyter, 2009, pp. 129–166.

Ronald F. Feldstein
Indiana University
(USA, Bloomington)
rff000@gmail.com

**ON RUSSIAN CONCESSIVE-ADVERSATIVE CONSTRUCTIONS
WITH PRONOMINAL REDUPLICATION
OF THE TYPE «УЖ ЧЕМ-ЧЕМ, А ЭТИМ ЕГО НЕ УДИВИШЬ»**

This paper discusses the Russian construction consisting of two parts and containing a reduplicated interrogative/indefinite pronoun in the first part and a non-reduplicated statement in the second. The construction is used when the speaker does not know all possible instances, but is sure about a specific case. This is difficult for English speakers, since English lacks an analogous construction. The construction contains reduplicated pronouns alone or in prepositional phrases (with stylistics regulating whether the prepositional phrase is also reduplicated). The paper sets up three models of reduplication for phrases with and without prepositional phrases. The work of N.Yu. Shvedova, A. V. Velichko, and I. B. Levontina in this area is examined. This paper suggests that this construction is related to the concept of evidentiality, i.e. the speaker makes no claim of knowledge in the first part, but vouches for the veracity of the second part. It is shown that internet translation sites (e.g. Google and Yandex) have erroneous English translations for these constructions and have obviously not been programmed for them. The paper concludes by surveying the paradigms of the major types of reduplicated pronouns, with examples for each type. Particular attention is paid to paradigmatic cells which can be filled and those which are empty. Categories surveyed include nominal (*что, кто*), adjectival (*какой, чей*), and numerical (*сколько*) pronouns, either without prepositions, with reduplicated prepositions, or with non-reduplicated prepositions; adverbial pronouns (*как, где, куда, откуда, когда*) are examined, with the observation that causal pronouns (*почему, отчего, зачем*) do not participate in such reduplicated constructions.

Key words: pronoun, indefinite, interrogative, reduplication, evidentiality, paradigm.

I. Introduction.

The topic of this paper is a Russian construction which has rarely or never been mentioned in textbooks for English-speaking students of Russian. From the perspective

of the English native speaker, this construction may be incomprehensible at first, since there is no close English equivalent and a literal English translation is impossible. I first observed it in the speech of Russian natives and was struck by the fact that I had never heard or been taught anything resembling it. I have more recently come across a website where English speakers asked Russian native speakers about the meaning of this construction since they found it incomprehensible (see <http://forum.wordreference.com/threads/чем-чем.226733/>). This has confirmed my impression that students of Russian need help with this construction and has led me to investigate its meaning, based on the few available Russian grammatical descriptions of it and a variety of examples, drawn from Russian literature and online citations. It is hoped that this paper can serve as a guide for those readers who are making their first acquaintance with this construction.

The construction under discussion consists of two main components. The **first part** frequently starts with the word *уж*, after which there is a reduplicated pronoun, (e.g. *что-что, где-где, сколько-сколько*, etc.). In the case of a prepositional phrase with a pronominal object, the entire prepositional phrase is usually reduplicated, but it is also possible to have a reduplication of the pronoun with a non-reduplicated preposition. The **second part** of the construction usually begins with the words *а* or *но* in an adversative meaning, after which there is a phrase without any reduplication at all, i.e. without a repeated pronoun. The second part often contains a word that indicates the speaker's confidence in the veracity of what is being expressed in the second part, in contrast to the first and reduplicated part, about which the speaker is not confident or sure. For example, we can cite a reduplicated pronoun in the instrumental case, as follows: *Уж чем-чем, а проблемами ее не испугать*. ('You might be able to frighten her with something, but not with problems.')

II. Reduplication types and prepositional phrases.

When the reduplicated pronoun is the object of a prepositional phrase, there are two possible models of reduplication, as noted above. Either the entire prepositional phrase is reduplicated or the reduplication can be applied only to the pronoun, without a repetition of the preposition. As an example of these two possibilities, we can cite *у кого у кого* and *у кого-кого*. However, we should note Es'kova's view [2011: 440] that the Russian literary standard admits only the complete reduplication of the entire prepositional phrase, and that the reduplication of the pronoun alone does not reflect the literary norm ("опущение второго предлога не соответствует норме"). Es'kova's article is actually devoted to the vexed issue of how to punctuate such reduplicated pronouns and prepositional phrases, but, nevertheless, her observation about the normative status of the two sorts of reduplication is valuable and instructive. On the other hand, non-literary examples of prepositional phrases with a reduplication only of the pronoun often occur in literary works of fiction, in dialogues, which reflect conversational and colloquial speech, as well as in internet communications. Examples of prepositional phrases with and without reduplication will be cited in our examples.

If we include constructions without prepositions, as well as those that contain a prepositional phrase, we can categorize three basic types of situations with regard to reduplication and prepositional phrases:

1. **Type One.** Reduplication of a pronoun which is not part of a prepositional phrase. (E.g. *Уж чем-чем, а проблемами ее не испугать.*)
2. **Type Two.** Reduplication of a pronoun which is the object of a fully reduplicated prepositional phrase (*Уж в чём в чём, а в этом он разбирается.* ‘I don’t know what else he knows, but he’s familiar with this.’)
3. **Type Three.** A prepositional phrase in which only the pronominal object is reduplicated. Non-normative, conversational usage. (E.g. *А уж у кого-кого, а у нее-то выбор был!* ‘I don’t know about anyone else, but she sure had a choice!’)

III. Treatment in handbooks for foreign learners vs. native speakers.

When these constructions are discussed in handbooks for use by native speakers of Russian, they are primarily concerned with problems of punctuation, since the meaning is not an issue. However, punctuation is considered a problem because the usual rules do not apply to cases of reduplication, such as the repetition of an entire prepositional phrase, which is not supposed to have any additional punctuation other than a space between words, but is often written with commas and hyphens in actual written practice. Of course, the perspective of non-native learners is completely different, since the meaning of these constructions is most important, and punctuation is a secondary issue. Since handbooks for natives emphasize the use of punctuation, all instances of reduplication are often treated together, even though their meanings may be completely different. For example, some reduplications intensify the meaning (e.g. the question *Чего-чего?* ‘What, what?’), while others are real cases of the concessive-adversative meaning under discussion here. For example, [Lopatin 2012] (*Слитно, раздельно, или через дефис*) has both intensified and concessive-adversative reduplication in a single dictionary entry (*чего-чего только не было* ‘anything could have happened’ and *уж чего-чего, а работы не хватает* ‘I don’t know what else, but there’s not enough work’—due to the fact that both cases use a hyphen). Prepositional phrases with different meanings are also grouped into single entries. E.g. the intensified *На что на что они только не уповали!* ‘What only did they hope for!’ and the concessive-adversative *Уж с кем с кем, а с ним этого не должно было случиться.* ‘I don’t know about other people, but this should not have happened with him.’ In both cases the required punctuation is a space between prepositional phrases, rather than a hyphen.

III. Scholarly and pedagogical treatments of the construction.

One of the earliest discussions of the meaning of concessive-adversative reduplication can be found in [Shvedova 1980: 219] (this section was written by N. Ju. Shvedova). Her discussion appears under the heading of subjective-modal meanings without conjunctions. Shvedova first defines the general meaning of this construction and then

proposes interpretations of specific examples. In the author’s opinion, the essence of the meaning is as follows:

“Такие сочетания обозначают допущение иного — не называемого и не-определенно мыслимого субъекта, объекта, обстоятельства, признака, противоположного тому, о котором сообщается во второй части конструкции.” (‘These constructions indicate the assumption of an unnamed and indefinitely conceived subject, object, circumstance, or trait, contrary to what is conveyed in the second part of the construction.’)

Shvedova continues by suggesting a re-phrasing of some Russian examples, as shown in the following table:

Table 1

Shvedova’s interpretation of reduplicated pronominal constructions.

Construction	Re-phrasing
Кто-кто, а он-то придёт.	Может быть, кто-нибудь другой не придёт, а он обязательно придёт. ‘Perhaps, someone else won’t come, but he will definitely come.’
Что-что, а уж одеться я умею. (Сехов)	Может быть, я не умею чего-нибудь другого, но одеться я умею. ‘Perhaps, I don’t know anything else, but I do know how to dress.’

In other words, the first part of the construction, with reduplication, contains an indefinite concept, which sharply contrasts to the second part of the construction. In Shvedova’s opinion, based on her re-phrasing of examples, the reduplication can be understood to mean ‘perhaps’ or ‘maybe’. It seems that one could also add the idea ‘I don’t know’ or ‘I can’t say for sure’, when speaking of the reduplicated first part. The admission of the speaker’s unsureness about the first part is contrasted to the complete confidence about the meaning of the second part of the construction. This contrast emphasizes and intensifies the correctness of the second part, since the speaker is willing to admit that not all such instances are known to him or her, but the concrete instances mentioned in the second part are certainly known. Thus, the second part often contains the word “точно” ‘exactly’ (cf. the use of the word “обязательно” ‘definitely’ in Shvedova’s re-phrasing).

I would like to suggest that the contrast between the two parts of the construction may be a manifestation of evidentiality, recalling languages such as Bulgarian, in which one form of the past tense means that the speaker witnessed the event, while the other past tense form does not imply this. In the Russian construction under discussion, the speaker cannot and does not vouch for the accuracy of the first (and reduplicated) assertion; it is as if the reduplication is the signal of the speaker’s doubts. However, the speaker does vouch for the content of the second part of the construction (without reduplication), more or less in the role of a witness. Shvedova’s interpretation, that the first part indicates “maybe,” reflects the fact that the speaker is not sure about it; maybe it is true, but maybe not.

In addition to Shvedova’s pioneering work on this construction, two more specialized studies deserve mention. Velichko’s 1996 handbook [Velichko 1996] for foreign learners of Russian devotes a page to this construction (p. 40), while Levontina’s article

[Levontina 2003] attempts to define the meaning and obligatory components of this construction.

Velichko states that the main feature of this construction is “выражение акцентирования” (‘expression of emphasis’). According to the author, the first part conveys that certain indefinitely specified people cannot do something, while the second part accents the fact that a specific person can surely do it. (“С выделенным компонентом говорящий связывает возможность/невозможность выполнения, осуществления того, о чем говорится.”) Note that Velichko interprets the first part as impossibility, while Shvedova's interpretation is closer to the concept of doubt (“maybe”). The meaning “maybe” is interesting in that it allows for an interpretation of an unmarked assertion in the first part; i.e. it may be unknown to the speaker. Levontina [2003, p. 116] states that the contrast between the two parts of the construction is based on doubt; there is doubt about the assertion in the first part with reduplication, but absolutely no doubt about what is said in the second part (“Если бы речь шла о чем-то другом, можно было бы сомневаться, но в данном случае никаких сомнений быть не может.”).

I would suggest that the reduplication contributes a type of intensification of the indefinite pronominal meaning. The indefinite reaches such an extreme degree that one cannot even be sure about it. This indefiniteness, on the borderline of impossibility, contrasts with the total absence of indefiniteness in the second part, where additional words often speak of the sureness of the assertion vouched for by the speaker. At the same time, the formal coincidence of the reduplicated pronoun with interrogatives brings to mind that the action of the first part is like a question that has no real answer, while the second part offers a ready and clear answer. In other terms, the full set of possible actors mentioned in the first part is unknown to the speaker, but the limited subset of actors in the second part is well known. The concessive meaning consists in the fact that the speaker concedes that not all possible instances are known, but that the subset is known and must be believed. Thus, if we consider the phrase *Кто-кто, а он-то придёт*, the repetition “кто-кто” refers to all possible people, about whom one does not know if they will arrive. In contrast to this full set, the second part mentions a single person who definitely will arrive.

The productivity of this construction lies in the fact that any narrow statement can be contrasted to one's doubt about whether it can apply to everyone or everything. While emphasizing the veracity of the narrow statement about one person or instance, the speaker states that not all cases are known, although a single sure instance is. This recalls the English phrase *All I know is...* (cf. non-normative *All's I know is...*), e.g. *All I know is that he's coming today*. In other words, I am not claiming to know anything else about him, so you can trust me on this narrow point.

IV. Automatic online translation of the reduplicative construction.

Before classifying and examining the data in more detail, let us consider how the most common online translators of Google and Yandex handle the Russian-to-English translation of reduplicated concessive-adversatives. See table 2 for this comparison.

Automatic online translations of reduplicated pronominal constructions.

Sample constructions (with my translations):	Google Translator:	Yandex Translator:
1. Кто-кто, а он-то придёт. (Maybe someone else won't come, but he'll come.)	1. Someone who, but it is something coming.	1. Who-who, and he will come.
2. Что-что, а уж одеться я умею. (Maybe I don't know something else, but I know how to dress.)	2. What's that, and so I know how to dress.	2. What's that, and I know how to dress.
3. Уж чего-чего, а работы хватает. (I don't know about anything else, but there's sure enough work.)	3. I do all sorts of things, and enough work.	3. Oh, and missing work.
4. А уж у кого-кого, а у неё-то выбор был! (Maybe someone else didn't have one, but she sure had a choice.)	4. And as someone who, as she had a choice!	4. And so anyone else, and she was chosen!
5. Уж чем-чем, а проблемами её не испугать. (Maybe you can scare her with something, but you can't scare her with problems.)	5. Oh, what-what, and the problems do not scare her.	5. If problems and not to frighten her.

In table 2, my English translations are in the first column; the second and third columns represent the automatic translations of Google and Yandex. As one can see, **not a single one of the automatic translations gives the correct result**. The authors of the translation programs have apparently ignored or otherwise failed to program any constructions of the type under discussion. The English translations given are either incomprehensible or incorrect.

V. Paradigmatic classification based on different types of reduplicated pronouns.

Now let us consider the classification of the possible constructions with a reduplicated pronoun. Following this, there will be a survey of relevant examples for each category. Note that Levontina's 2003 paper attempted to state which pronouns can be reduplicated, but her results are quite different than those that will be demonstrated below. While she was correct that the causal pronouns *почему* and *зачем*, along with *который*, do not reduplicate, she also stated that *какой* and *сколько* do not reduplicate ((p. 118, "Точно так же не удалось ни найти в корпусе, ни составить естественные фразы со словами какой, который, сколько.")), but this paper will demonstrate that this is not accurate and that there are many reduplicated examples for these pronouns, which will be shown below.

Reduplicated pronouns can be classified on the basis of inflectional or adverbial features. The following list includes the full set of possible pronouns, only some of which actually occur in reduplicated form, as will be shown in more detail below:

I. **Nominal pronouns:** *что-что*, *кто-кто*, including all inflectional case forms (*чего-чего*, *чему-чему*, *кого-кого*, *кому-кому*, *кем-кем*, etc.), either alone or as the object of a prepositional phrase (e.g. *о чём о чём*, *у кого у кого*, etc.). Possible variation of preposition phrase reduplication, depending on whether the entire prepositional phrase or only the pronoun is reduplicated, has been discussed above.

II. **Adjectival pronouns:** *какой*, *который*, *каков*, *чей*, including all inflectional case, number, and gender forms. (However, the pronouns *который* and *каков* cannot be reduplicated.)

III. **Numerical pronouns:** *сколько*, including inflectional case forms.

IV. **Adverbial pronouns:** *как, где, куда, откуда, когда, отчего, зачем, почему*.

It will be shown below that the latter three examples—*отчего, зачем, почему*—can occur in written form due to a punctuation error, and are not really reduplications of the causal pronouns in question, but are actually reduplications of the semantically different prepositional phrases: *от чего от чего, за чем за чем*, and *по чему по чему*. It is worth noting that all adverbial propositions with causal meaning appear to lack the type of reduplication under discussion, a point that was made by Levontina (2003, p. 118), who stated: “совершенно невозможно употребить в этой конструкции слово почему: ср. *Почему-почему, а уж из-за этого я с ним ссориться не буду.” However, reduplication does occur for adverbial pronouns with temporal, spatial, and other meanings.

Now we will begin a survey of the four morphological classes of pronouns which can participate in the reduplicative concessive-adversative construction. The first two classes (nominal and adjectival), both inflectional, provide many examples both of reduplicated individual pronouns and of entire prepositional phrases. Therefore, these groups will be subdivided as to whether they occur with a fully reduplicated or partially reduplicated prepositional phrase. This is shown in table 3 (note the asterisk for the non-prepositional locative, which cannot occur as such):

Table 3

Paradigm of reduplicated nominal pronouns.

Nominal Pronoun	A. Without a preposition	B. With reduplicated preposition.	C. With non-reduplicated preposition.
Что	Nom/Acc что-что		
	Gen чего-чего	до чего до чего от чего от чего у чего у чего	до чего-чего от чего-чего у чего-чего
	Loc (*чѐм-чѐм)	о чѐм о чѐм	о чѐм-чѐм
	Dat чему-чему	к чему к чему	к чему-чему
	Instr чем-чем	с чем с чем	с чем-чем
Кто	Nom кто-кто		
	Acc/Gen кого-кого	до кого до кого от кого от кого у кого у кого	до кого-кого от кого-кого у кого-кого
	Loc (*ком-ком)	о ком о ком	о ком-ком
	Dat кому-кому	к кому к кому	к кому-кому
	Instr кем-кем	с кем с кем	с кем-кем

The examples in table 3 show three possible manifestations of the reduplicated nominal pronouns *что* and *кто*. Column A shows the forms without prepositions, while columns B and C show the paradigms of full and partial reduplication of prepositional phrases. The first set of examples, corresponding to column A in the table, demonstrates reduplication outside of prepositional phrases for *что* and *кто*, respectively.

Reduplication of *что* outside of a prepositional phrase:

- *Уж что-что, а обыск местности они проводят на пять баллов.*
- *Уж чего-чего, а работы хватает.*
- *Уж чего-чего, а вот соскучиться — ну, никак не получится.*
- *Чему-чему, а дисциплине я его научу!*
- *Чему-чему, а этому не бывать!*
- *Ну пусть идёт вагоны разгружать, чем-чем, а здоровьем его бог не обидел!*
- *Уж чем-чем, а бычком пренебрегать не следует.*
- *Чем-чем, а комплексом неполноценности не страдаю.*

Reduplication of *кто* outside of a prepositional phrase:

- *Уж кто-кто, а Гнеточкин в такой час сюда не сунется. («Дом свиданий», Леонид Юзефович)*
- *Уж кого-кого, а тебя не забыть.*
- *Даже если бы шли угрозы, уж кого-кого, а отца Кабанова я не боюсь.*
- *Вот уж кому-кому, а Алексею мужества не занимать. Он очень красиво держится.*
- *Уж кем-кем, а идиотом он не был это точно.*
- *Уж кем-кем, а им она довольна.*

In all of the cited examples, the invariant notion of **perhaps, maybe, or I don't know about all such instances** is apparent.

The next set of examples, corresponding to column B in the table, shows the same nominal pronouns in fully reduplicated prepositional phrases. Note that the original written citations of these examples do not always follow the official rules of punctuation, which specify only a space between the two repeated instances of a prepositional phrase. Many people are inclined to use hyphens or commas to separate the two prepositional phrases. Since our focus is not punctuation, it has been left alone or corrected in some instances, in the interest of clarity.

The pronoun *что* in fully reduplicated prepositional phrases:

- *Я всю дорогу говорила, уж до чего до чего, а уж до Сибири-то он точно не доедет.*
- *Уж от чего, от чего, а от них мы не устаем никогда!*
- *Уж у чего у чего а у спирали побочек до фига.*
- *Уж о чем, о чем, а о ГУЛАГе дети и так слышат «из каждого утюга», а вот о запоротых на конюшне — точно нигде.*
- *Уж в чём в чём, а в этом он разбирается.*
- *Уж на чём-на чём, а на этом не будем экономить.*
- *Уж к чему, к чему, а к этому он привык с детства.*
- *«Да уж, — иронично усмехнулась про себя Лариса. — Уж с чем, с чем, а с мужем мне точно повезло!»*

The pronoun *кто* in fully reduplicated prepositional phrases:

- *Вот уж от кого, от кого, а от них не ожидали.*
- *Анна, у кого-у кого, а у меня нет сомнений на их счет.*
- *Уж в ком, в ком, а в нём можете не сомневаться.*

- *Вот уж о ком о ком, а о нем беспокоиться нечего.*
- *На ком на ком, а на себе эти люди не сэкономили.*
- *И хотя уж на ком на ком, а на Брайанте возраст отражается не так заметно, как на остальных, но всё же его влияние на игру Мамбы присутствует. (Refers to the basketball player Coby Bryant.)*
- *Уж к кому, к кому, а к ней мы точно никакого предубеждения не питали!*
- *Уж с кем с кем, а с ним этого не должно было случиться.*
- *Уж перед кем перед кем, а перед финнами мы действительно виноваты за 1939 год.*

The third column in the table (C) is the type called “non-normative” by Es’kova, in which the preposition is not reduplicated, but the pronoun is.

Partial reduplication; only the pronoun *что* is reduplicated in a prepositional phrase:

- *Вот уж от чего-чего, а от жизни я не устала.*
- *И, знаете, уж до чего-чего, а до этого собаки бы точно додумались!*
- *Уж в чём-чём, а в детях он точно никогда не нуждался! (Татьяна Тронина, Дворец для сероглазого принца)*
- *К чему только ни были привычны жители Великого Города, избалованные столицей, в чём-чём могли сомневаться — но только не в богоизбранности пифий. (Елена Хаецкая, Синие стрекозы Вавилона)*
- *Уж к чему-чему, а к такому вопросу Хутчиш был не готов.*
- *Да уж. К чему-чему, а к моему второму сюрпризу атакующие были точно не готовы.*
- *Уж с чем-чем, а с идеями у нее всегда было все в порядке.*
- *Уж перед чем-чем, а перед тонконогими стаканами я испытываю особенный трепет.*

Partial reduplication; only the pronoun *кто* is reduplicated in a prepositional phrase:

- *Уж от кого-кого, а от Людбы я помощи никак не ожидала.*
- *И уж у кого-кого, а у Путина есть все возможности этим воспользоваться. Вызвать лучших врачей.*
- *Вот уж у кого-кого, а у меня денег нет.*
- *Уж в ком-ком, а в ней я уверена.*
- *Фамилия сексуального маньяка. Нет, уж к кому-кому, а к нему я ни ногой!*
- *Уж к кому-кому, а к Вере Аркадиевне мы больше в гости не пойдём.*
- *Но уж с кем-кем, а с эскулапами у меня, увы, ну очень большой опыт общения.*
- *Большинство из нас почти уверено в том, что уж с кем-кем, а с ним ничего плохого произойти не может по определению.*
- *Не всякий человек, понятно, но уж перед кем-кем, а перед самим собой в данном вопросе я старался быть честным. (Алексей Евтушенко, Пока земля спит)*
- *Уж перед кем-кем, а перед Ниной Георгиевной Катя чувствовала особенную вину.*

In the set of reduplicated adjectival pronouns, there are many examples for the various inflectional forms of both *какой* and *чей*, which appears to contradict Levontina’s statement, indicated above. However, there are no reduplications of either *который* or *каков*. As to the pronoun *который*, it is useful to note that there is no indefinite form **который-то*; all instances of possible reduplication (e.g. *какой-то*, etc.) also admit the indefinite forms with *-то*. The full form of *каков* (*каковой*) is considered “archaic” in Ushakov’s dictionary and the short nominal form *каков* is more bookish than all of the other pronouns which freely form reduplicated constructions.

Table 4a and 4b represent the paradigms of adjectival pronouns. The same three columns appear as in the table of nominal pronouns and asterisks indicate the non-occurrence of reduplication:

Table 4a

Paradigm of reduplicated adjectival pronouns (*какой*)

Adjectival Pronoun	A. Without a preposition	B. With reduplicated preposition.	C. With non-reduplicated preposition.
какой (*каков, *который)	Nom/Acc какой-какой какое-какое какая-какая		
	Gen какого-какого какой-какой	до какого до какого до какой до какой	до какого-какого до какой-какой
	Loc (*каком-каком, *какой-какой)	о каком о каком о какой о какой	о каком-каком о какой-какой
	Dat какому-какому какой-какой	к какому к какому к какой к какой	к какому-какому к какой-какой
	Instr каким-каким какой-какой	с каким с каким с какой с какой	с каким-каким с какой-какой

Table 4b

Paradigm of reduplicated adjectival pronouns (*чей*)

Adjectival Pronoun	A. Without a preposition	B. With reduplicated preposition.	C. With non-reduplicated preposition.
чей	Nom/Acc чей-чей чьё-чьё чья-чья		
	Gen чьего-чьего чьей-чьей	до чьего до чьего до чьей до чьей	до чьего-чьего до чьей-чьей
	Loc (*чьём-чьём)	о чьём о чьём о чьей о чьей	о чьём-чьём о чьей-чьей
	Dat чьему-чьему	к чьему к чьему к чьей к чьей	к чьему-чьему к чьей-чьей
	Instr чьим-чьим	с чьим с чьим с чьей с чьей	с чьим-чьим с чьей-чьей

Reduplication of *какой* outside of a prepositional phrase:

- *Уж какая-какая, а эта смерть разведчикам не грозила.*
- *Так, теперь надо быстренько звякнуть Магде и убедить ее, что вовсе она не скучная, а работу мою уж какой-какой, а значительной точно не назовешь.*
- *Вот уж какой-какой, а этой проблемы в России не было, нет, и не будет! — рассмеялась она.*
- *Вот уж какого-какого, а такого предложения я никак не ожидал.*
- *Уж какому-какому, а этому кораблю шторм не страшен.*
- *Ветала лукавил, ибо уж каким-каким, а обычным назвать его было нельзя ни в коем случае, и более того, за своё существование он убеждался скорее в обратном.*
- *Уж какие-какие, а амвеевские витамины прошли все мыслимые и немыслимые проверки в России и обладают всеми необходимыми сертификатами и разрешениями. (Речь идет об американской фирме Амвей.)*

Reduplication of *чей* outside of a prepositional phrase:

- *Уж чей-чей, а ее звонок телефонистки узла связи прослушают с особым вниманием.*
- *То была действительно шутка, ибо уж чья-чья, а судьба Александра Николаевича представлялась всем ясной, как вершины Альп.*
- *И уж чьему-чьему, а его мнению довериться можно. Уж чьи-чьи, а твои советы мне не надо.*
- *Уж чьих-чьих, а твоих комментариев тут всегда хватает!*
- *Уж чьими-чьими, а твоими советами я бы никогда не пренебрегала!*

The pronoun *какой* in fully reduplicated prepositional phrases:

- *Вот у какого, у какого, а вот у меня точно все получится.*
- *Уж от какого от какого, а от вас читать такое удивительно.*
- *Вот с каким, с каким, а с зеленым у нас недостаток нет.*
- *Согласен, уж с каким с каким, а с красным мало у кого ассоциируется положительное.*

The pronoun *чей* in fully reduplicated prepositional phrases:

- *Уж к чьему к чьему, а к твоему совету можно прислушаться.*
- *Вот уж от чьего от чьего, так от его голоса я более чем уверена рождаются дети и люди сходят с ума.*
- *Уж в чьем в чьем, а в твоём прошлом он непременно покопается и сделает это с пристрастием.*

Partial reduplication; only the pronoun *какой* is reduplicated in a prepositional phrase:

- *Вот уж от какого-какого, а от этого праздника я не ожидала совсем **ТАКОГО КОЛИЧЕСТВА** эмоций и чувств, правда.*

(We can observe that the phrase “*не ожидал(а)*” ‘I didn’t expect it’, often appears in the second part of such constructions, along with words expressing confidence in the assertion. Possibly, this lends greater believability to the utterance, since even the speaker did not expect the result.)

● *Но в любом случае идея такая есть, и уж с какой-какой, а с социальной точки зрения она точно не сродни залам игровых автоматов.*

● *Странно. Уж на какой-какой, а на этой клавиатуре у меня все всегда срывается безотказно.*

Partial reduplication; only the pronoun *чей* is reduplicated in a prepositional phrase:

● *Игорь, уж к чьему-чьему..., а к твоему опыту мы относимся серьёзно!!*

● *Уж с чьими-чьими, а с автоматами и играми данной компании я знаком очень хорошо.*

● *Уж в чьём ,чьём, но в его-то классе сомневаться не приходится.*

The numerical pronoun *сколько* also can appear in reduplicated form, but I have only been able to find examples of reduplication in the nominative/accusative form without a prepositional phrase. Therefore, oblique case forms and prepositional usage are asterisked in table 5.

Table 5

Paradigm of reduplicated numerical pronouns.

Numerical pronoun	A. Without a preposition	B. With reduplicated preposition.	C. With non-reduplicated preposition.
СКОЛЬКО	Nom/Acc СКОЛЬКО-СКОЛЬКО		
	Gen *СКОЛЬКИХ-СКОЛЬКИХ	*у СКОЛЬКИХ у СКОЛЬКИХ	*у СКОЛЬКИХ-СКОЛЬКИХ
	Loc *СКОЛЬКИХ-СКОЛЬКИХ	*о СКОЛЬКИХ о СКОЛЬКИХ	*о СКОЛЬКИХ-СКОЛЬКИХ
	Dat *СКОЛЬКИМ-СКОЛЬКИМ	*ко СКОЛЬКИМ ко СКОЛЬКИМ	*ко СКОЛЬКИМ-СКОЛЬКИМ
	Instr *СКОЛЬКИМИ-СКОЛЬКИМИ	*со СКОЛЬКИМИ со СКОЛЬКИМИ	*со СКОЛЬКИМИ-СКОЛЬКИМИ

Reduplication of *сколько*:

● *Или для всех участие платное, или для всех же бесплатное. Уж сколько-сколько, а 100 тысяч у всех к концу сезона наберется... Думаю, что взнос должен быть обязательным для ВСЕХ участников конкурса!*

● *УЖ СКОЛЬКО-сколько, а пятидесяти этому артисту ну никак не дашь!*

● *Уж сколько-сколько, а 2 литра не слившегося масла — это очень много !!!*

● *Хименес всё так же хорош, он ведёт Кубу за собой, и уж сколько-сколько, а одну партию они взять сумеют.*

Table 6

Paradigm of reduplicated adverbial pronouns.

Next, we will survey the non-inflected adverbial pronouns, e.g. *где, куда, откуда, как, когда*, which have the simple paradigm in table 6:

Reduplication of adverbial pronouns:

где-где

● *Где-где, а на Кубани его знали очень даже хорошо.*

● *Где-где, а в этом доме всегда весело.*

Adverbial pronoun	Reduplication
как	как-как
где	где-где
куда	куда-куда
откуда	откуда-откуда
когда	когда-когда
*отчего	
*зачем	
*почему	

куда-куда

- **Куда-куда, а в Москву он не откажется поехать.**
- **Куда-куда, а в политику Иван Поддубный не лез.**
- **Уж куда-куда, а на Урал эти семена и саженцы никто даром не повезёт, а покупать их — риск большой.**

откуда-откуда

- **Коробка передач. Уж откуда-откуда, а со стороны этого узла я подставки не ждал.**
- **Уж откуда-откуда, а из спорта никотин надо изгонять самым энергичным образом.**

как-как

- **Уж как-как, а так меня еще никогда не называли!**
- **Уж как-как, а знаком благодарности эту “щедлость” называть крайне неразумно.**

когда-когда

- **Уж когда-когда, а сегодня Снежанна постаралась выглядеть сногшибательно.**
- **Вот уж когда-когда, а сегодня ему стоило остаться в Грозном.**
- **Уж когда-когда, а сегодня мы это заслужили.**

I have not been able to find any examples of reduplicated concessive-adversative pronouns (e.g. *почему, отчего, зачем*) with causal meaning, as mentioned above and as also noted by Levontina. All examples found with the reduplicated written examples *почему-почему, отчего-отчего* and *зачем-зачем* are actually not reduplicated cases of pronouns with causal meaning, but are really instances of an incorrect, unseparated spelling of prepositional phrases with the pronominal object *что*. In other words, people often write “*почему-почему*” instead of the correct “*по чему по чему*”; likewise “*отчего-отчего*” and “*зачем-зачем*” are often written instead of correct “*от чего от чего*” and “*за чем за чем*”.

Here are three actual examples of this error, showing the incorrect punctuation and how it should appear correctly:

почему-почему

- **Уж почему-почему, а по буйству цветов мои работы всегда можно узнать. (Should be written *по чему по чему*.)**

зачем-зачем

- **Зачем-зачем, а за ценой мы не стоим. (Should be written *за чем за чем*.)**

отчего-отчего

- **Вот уж отчего-отчего, а от моего задыхания вы в абсолютной свободе, курить с вами даже на одном поле не стану. (Should be written *от чего от чего*.)**

This ends our survey of concessive-adversative constructions with a reduplicated pronoun. It is hoped that this topic will eventually become more familiar to non-native

specialists of Russian, particularly in the English-speaking world, and that online automatic translation systems will include these idiomatic constructions in their database. A more serious issue for future consideration is that of how and why the reduplication of pronouns in the first part of the construction is linked to doubt or non-evidentiality, while the non-reduplication of the second part has the opposite meaning in this Russian construction.

References

- Es'kova N. A. O korrektruyushchikh pravilakh // Es'kova N. A. *Izbrannye trudy po rusistike*. Moscow, 2011, pp. 431–444.
- Levontina I. B. “Uzh kto-kto... (ob odnoi konstruktsii malogo sintaksisa)”. *Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy*. Moscow, 2003, pp. 116–120.
- Lopatin V. V. and Lopatina, L. E. *Slitno, razdel'no, ili cherez defis: orfograficheskii slovar'*. Moscow, 2012.
- Shvedova N. Ju. (ed.) *Russkaya grammatika*. Tom II. Sintaksis. Moscow, 1980.
- Velichko A. V. *Sintaksicheskaya frazeologiya dlya russkikh i inostrantsev*. Moscow, (1996).

Рональд Ф. Фельдштейн
Университет Индианы
США, Блумингтон
rff000@gmail.com

РУССКИЕ УСТУПИТЕЛЬНЫЕ / ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПОВТОРАМИ МЕСТОИМЕНИЙ «УЖ ЧЕМ-ЧЕМ, А ЭТИМ ЕГО НЕ УДИВИШЬ»

Тема статьи — конструкция, содержащая повтор местоимения или предложной группы с местоимением в первой части, а утверждение без повтора во второй части: «Уж чем-чем, а этим его не удивишь». Первая часть выражает сомнение говорящего по поводу множества сходных с данной ситуацией случаев, а вторая часть выражает уверенность в правоте утверждения, касающегося некоторой единичной ситуации. Это малоизученный вопрос в научной литературе; в статье обсуждаются работы Н. Ю. Шведовой, А. В. Величко, И. Б. Левонтиной. Контраст между значением двух частей конструкции наводит на мысль об эвиденциальности: в первой части говорящий не поручается за достоверность сказанного. Н. Ю. Шведова считает, что повтор означает “может быть”. А вторая часть совершенно противоположна по значению, и часто содержит слова типа “точно”, для подчеркивания уверенности. Другими словами, первая часть описывает незасвидетельствованное действие, а вторая часть как раз наоборот. Статья вводит морфологическую классификацию

возможных парадигм конструкции. Повтору подлежат местоимения разных типов: местоимённое существительное, прилагательное, числительное, наречие. Однако, не заполнены все клетки парадигмы, что показано в виде таблиц. Возможны повторы местоимённых существительных во всех падежах, а другие типы более ограничены. Причинные местоимённые наречия не удваиваются, в отличие от временных и пространственных. Задача будущих исследований — установить возможные парадигмы данных повторов, предварительный обзор которых представлен в статье.

Ключевые слова: местоимение, неопределённые местоимения, вопросительные местоимения, редупликация, эвиденциальность, парадигма конструкции

Литература

- Величко А. В.* Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. М., 1996.
- Еськова Н. А.* О корректирующих правилах // Еськова Н. А. Избранные труды по русистике. М., 2011. С. 431–444.
- Левонтина И. Б.* “Уж кто-кто... (об одной конструкции малого синтаксиса)”. Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003. С. 116–120.
- Лопатин В. В., Лопатина Л. Е.* Слитно, раздельно, или через дефис: орфографический словарь. М., 2012.
- Шведова Н. Ю.* (ред.) Русская грамматика. Том II. Синтаксис. М., 1980.

М. А. Холодилова
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Россия, Санкт-Петербург)
hol_m@mail.ru

СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНАЯ ОДУШЕВЛЕННОСТЬ МЕСТОИМЕННИЯ *КОТОРЫЙ**

Русское относительное местоимение *который* в некоторых случаях используется в форме одушевленного аккузатива при вершинном существительном, которое в том же контексте маркировалось бы по неодушевленной модели. Как правило, такое различие по одушевленности наблюдается при вершинах, выраженных собирательными существительными мужского рода (*народ, этнос*) или существительными среднего рода с одушевленным референтом (*животное, чудовище*). Данное явление не может объясняться семантическим согласованием. Так, при собирательном существительном в исследуемых случаях наблюдается согласование по единственному числу, которое не соответствует количеству одушевленных референтов. Использование при вершинах среднего рода одушевленной формы аккузатива могло бы объясняться как семантическое согласование с полом референта по мужскому роду, однако такое согласование невозможно в формах, отличных от аккузатива, и допустимо при референтах женского пола. Одушевленное маркирование относительного местоимения при «менее одушевленной» вершине находит параллели в других славянских языках, в частности, в хорватском, где одушевленная форма аккузатива отмечается при неодушевленных вершинах мужского и среднего рода, вне зависимости от их семантики. Близкие свойства проявляют также некоторые другие местоимения русского языка, в особенности местоимение *один другого*, допускающее одушевленное маркирование в том же классе случаев, что и местоимение *который*. Рассматриваемые данные, по всей видимости, указывают на то, что относительное местоимение может занимать сравнительно высокую позицию

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00264, «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики».

на иерархии одушевленности, при этом, однако, более низкую, чем личные местоимения третьего лица. Высокая одушевленность относительного местоимения подтверждается данными о частотности одушевленных референтов и поведением местоимения в конструкции с внешним посессором.

Ключевые слова: релятивизация, относительное местоимение, одушевленность, русский язык, сербский язык, хорватский язык.

1. Введение

В большинстве случаев значение словоизменительной категории одушевленности местоимения *который* естественным образом выводимо из словоклассифицирующей одушевленности вершинного существительного. Так, в сочетании с одушевленным существительным мужского рода или множественного числа местоимение *который*, как правило, выступает в одушевленной форме аккузатива, совпадающей с генитивом (1), в сочетании с неодушевленным существительным мужского рода или множественного числа — в неодушевленной форме аккузатива, совпадающей с номинативом (2).

(1) *столяр, которого / *который я вижу*

(2) *стол, который / *которого я вижу*

При вариативной одушевленности у существительного та же вариативность наблюдается у относительного местоимения:

(3) *микроб, который / которого я вижу*

Эта закономерность, как правило, соблюдается как для форм единственного числа мужского рода, так и для форм множественного числа, вне зависимости от рода существительного, т. е. в тех же формах, в которых, как правило, реализуется противопоставление по одушевленности у существительных и прилагательных.

В то же время, в нескольких случаях местоимение *который* отличается по одушевленности от вершинного существительного. Такое отличие наблюдается по меньшей мере при трех типах вершин:

1) собирательные существительные мужского рода с референцией к множеству людей, например *народ* (раздел 2.1);

(4) *Спрашивается: где во всей этой истории кулак-злодей и где народ, которого кулак грабит?* [Г. И. Успенский. Равнение «Под-одно» (1882)] (НКРЯ¹)

2) существительное среднего рода с одушевленным референтом в единственном числе, например *животное* (раздел 2.2);

(5) *{...} ваши десять или пятнадцать рублей пойдут на питание животного, которого вы назовёте.* [О. Г. Баринов. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003] (НКРЯ)

¹ Национальный корпус русского языка, ruscorpora.ru.

3) существительное мужского рода с колебанием в одушевленности, тяготеющее к неодушевленному маркированию, такое как *зародыш* (раздел 2.3)².

(6) *В дальнем правом углу стоит банка, и в ней, в желто-зеленой воде, болтается штука, похожая на зародыш, которого нам показывали на естествознаниии.* (Яндекс)

Во всех этих случаях местоимение склонно к одушевленному маркированию в большей степени, чем вершинное существительное.

В разделе 2 приводятся основные наблюдаемые факты, в разделе 3 рассматриваются близкие явления в русском и других славянских языках и обсуждаются основные аналитические возможности.

2. Основные факты

2.1. Народ

Использование относительного местоимения в одушевленной форме встречается при различных собирательных существительных мужского рода, таких как *народ*, *этнос*, *свет*. Случаи использования в таких контекстах одушевленных форм местоимения отмечались в работах [Крысько 1994: 122; Грищенко 2011: 65]³.

Современные примеры с данной конструкцией фиксируются (7), однако сравнительно редки и, возможно, не в полной мере грамматичны.

(7) *Простой народ, которого волнует только быт, шуришит на кухнях и пляжах...* (Яндекс)

Значительно более частотны эти конструкции в более ранних текстах, см. данные по XVIII–XIX вв. в Таблице 1. Существенно, что на этом же промежутке времени само существительное *народ* в качестве одушевленного не использовалось или использовалось крайне редко. Различие между существительным *народ* и относящимся к нему местоимением *который* статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

² В текстах XIX в. фиксируются и некоторые другие случаи одушевленности относительного местоимения при неодушевленной вершине (i), однако они крайне редки и ниже рассматриваться не будут.

(i) *В его голове и сердце все было эдем, восторги, райские минуты, за которых не взял бы веков; все было я и оно!* [И. И. Лажечников. Ледяной дом (1835)] (НКРЯ)

³ В [Крысько 1994] приводится пример, однако отсутствует подробное обсуждение данного явления. В [Грищенко 2011] не проводится различие между использованием в таких контекстах одушевленных форм местоимения единственного и множественного числа, по всей видимости, соответствующих различным языковым явлениям, см. раздел 3.1.

**Одушевленное маркирование слова *народ*
и относящегося к нему относительного местоимения (НКРЯ, 1701–1900)⁴**

	одушевленное маркирование	неодушевленное маркирование	доля одушевленного маркирования
<i>народ, который / которого</i> (ACC)	8	26	0,2
<i>народ / народа</i> (ACC)	0	100	0,0

2.2. Животное

В случае с существительными единственного числа среднего рода обсуждение одушевленности требует следующей оговорки. Как правило, в русском языке грамматическое противопоставление по одушевленности у существительных среднего рода и согласованных с ними прилагательных проявляется только во множественном числе. Основываясь на этих данных, можно было бы сказать, например, что в среднем роде одушевленные и неодушевленные формы, как правило, морфологически не противопоставлены — и в таком случае можно было бы говорить, что относительное местоимение отличается от существительных и прилагательных в единственном числе не значением категории одушевленности, а его морфологической реализацией.

В то же время, данные о склонении относительного местоимения указывают на то, что это предположение не вполне точно. Так, в (8) в значительной мере допустимы две формы — как *которое*, так и *которого*, — тогда как при существительном среднего рода с неодушевленным референтом форма *которого* невозможна (9). Таким образом, данное противопоставление связано с признаком одушевленности и при этом морфологически устроено так же, как обычное противопоставление по одушевленности: «более одушевленная» форма аккузатива совпадает с генитивом, менее одушевленная — с номинативом. При этом допустимость в примере (8) формы *которое* заставляет признать, что в аккузативе при одушевленном референте возможно использование формы, совпадающей с номинативом. Таким образом, не требуется дополнительных допущений, чтобы сказать, что существительные среднего рода и согласованные с ними прилагательные, как правило, выступают в единственном числе как неодушевленные, тогда как для относительного местоимения в этом контексте возможны и одушевленное, и неодушевленное маркирование⁵.

⁴ Здесь и далее при наличии большого количества примеров на некоторое явление в подсчетах используются, как правило, данные случайных выборок. В случае если количество примеров в одной из строк оказывается меньше, чем заранее определенный размер выборки, учитываются все эти примеры. Размер выборки для Таблицы 1 и 2 — 100 примеров, для Таблицы 3 — 20 примеров, для Таблицы 6 — 50 примеров.

⁵ Для существительных мужского рода с одушевленным референтом, склоняющихся по правилам для среднего рода, таких как *подмастерье*, *великанище*, возможна только одушевленная форма относительного местоимения:

(i) *подмастерье, которого* / **который я вижу*

(8) чудовище, которое / которого я вижу

(9) письмо, которое / *которого я вижу

Одушевленные формы относительного местоимения возможны, по всей видимости, при всех существительных среднего рода с одушевленным антецедентом, т.е. при тех же существительных, которые проявляют грамматическое свойство одушевленности во множественном числе. Примерами могут служить слова *животное, млекопитающее, чудовище, существо, создание* и мн. др. Вариативность маркирования относительного местоимения при существительном *животное* была отмечена в [Русакова 2013: 253].

В [Ицкович 1980] приводятся случаи одушевленного маркирования самих существительных среднего рода в единственном числе. В то же время, такие примеры представляются менее грамматически приемлемыми. Как показывают данные Таблицы 2, они также более редки, различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

Таблица 2

Одушевленное маркирование слова *животное* и соотносимого с ним относительного местоимения (Яндекс)

	одушевленное маркирование	неодушевленное маркирование	доля одушевленного маркирования
<i>животное, которое / которого (приручить)</i>	20	80	0,20
<i>(приручить) это животное / этого животного</i>	2	98	0,02

2.3. Зародыш

При существительных мужского рода, демонстрирующих вариативность по одушевленности, тенденция к одушевленному маркированию относительного местоимения является скорее количественной. Так, например, существительное *зародыш* редко выступает в одушевленной форме аккузатива (*зародыша*), тогда как соотносимое с этим словом относительное местоимение встречается в одушевленной форме сравнительно часто, см. данные в Таблице 3. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

Таблица 3

Одушевленное маркирование слова *зародыш* и соотносимого с ним относительного местоимения (Яндекс)⁶

	одушевленное маркирование	неодушевленное маркирование	доля одушевленного маркирования
<i>зародыш, который / которого (АСС)</i>	13	7	0,7
<i>зародыш / зародыша</i>	1	19	0,1

⁶ В Таблице 3 приводятся данные по слову *зародыш* только в позиции прямого дополнения и только при референции к зародышам живых существ.

3. Интерпретация и параллели

3.1. Не семантическое согласование

Различие между относительным местоимением и вершиной по той или иной согласовательной категории часто может объясняться семантическим согласованием. Так, в (10) при вершине *народ* используется относительное местоимение в одушевленной форме множественного числа, которая, по всей видимости, соотносима с референтом существительного *народ*, который является множеством одушевленных объектов.

(10) *Где-то, примерно, чуть западнее центра Сибири, живет маленький народ, которых называют кетами, наверно слышали сто раз.* (Яндекс)⁷

Семантическое согласование в высокой степени характерно для относительных местоимений: в соответствии с иерархией согласования (11) относительные местоимения склонны к семантическому согласованию менее, чем личные местоимения, но более, чем атрибутивные зависимые и (глагольные) предикаты.

(11) Иерархия согласования [Corbett 2006: 207]
атрибутивное зависимое > предикат > **относительное местоимение** > личное местоимение

В то же время, обсуждаемые в настоящей статье явления, в особенности согласование с вершинами типа *народ* и *животное*, не могут рассматриваться в качестве семантического согласования.

В случае с существительным *народ* при семантическом согласовании естественно ожидать множественного числа местоимения, как в (10), при единственном же числе едва ли можно говорить о соотносительности формы местоимения с множеством людей.

В случае с существительными типа *животное* можно было бы предположить, что относительное местоимение отсылает к полу живого существа, демонстрируя таким образом семантическое согласование. В этом случае форму *которого* можно было бы трактовать как форму мужского рода. Однако такому анализу противоречат следующие факты. Во-первых, согласование по мужскому роду невозможно в других падежах, ср. (5) и (12). По всей видимости, нет причин ожидать, что семантическое согласование будет более характерно для аккумулятива, чем для остальных падежей.

(12) *...ваши десять или пятнадцать рублей пойдут на питание животного, которое / *который вам понравится.*

Во-вторых, форма *которого* встречается и при референтах женского пола, для которых при семантическом согласовании естественно было бы ожидать формы *которую* — в данном контексте неграмматичной (13).

(13) *Она [о собаке. — М.Х.] — единственное существо, которого не волнует, какую отметку принес мальчишка из школы!* (Яндекс)

⁷ Здесь и ниже сохраняется пунктуация оригинала.

3.2. Параллели: относительные местоимения в других славянских языках

Явления, во многом близкие к рассматриваемым, отмечаются в некоторых южнославянских языках, см. прежде всего [van Tilburg 1988].

В хорватском и сербском языках относительное местоимение *koji* может стоять в «одушевленной» форме при вершинах мужского и среднего рода, вне зависимости от их одушевленности⁸ [van Tilburg 1988; Kordić 1993, 1995; Stefanović 2000: 146–163].

(14) ХОРВАТСКИЙ [Franks 2013: 75, глоссы мои. — М. Х.]

stol kojega / *koji*
стол который.ACC.SG.M.ANIM который.ACC.SG.M.INAN
sam prevrnuo
быть.PRS.1SG перевернуть. PTCP.PST
'стол, который я перевернул...'

В словенском языке, согласно [Franks 2013], относительное местоимение (как и прилагательное при эллипсисе) обязательно выступает в одушевленной форме при существительных мужского рода, факультативно — при существительных среднего рода.

(15) СЛОВЕНСКИЙ [Franks 2013: 57, глоссы мои. — М. Х.]

princip v katerega / **kateri* *verjamem...*
принцип в который.ACC.SG.M.ANIM который.ACC.SG.M.INAN верю
'принцип, в который я верю'

Некоторые близкие примеры отмечаются и для старославянского [van Tilburg 1988: 575].

По всей видимости, близко к русскому ведут себя другие восточнославянские языки, ср. белорусский (16) и украинский (17) примеры с одушевленным маркированием местоимения при вершине среднего рода.

(16) БЕЛОРУССКИЙ

Гадавалася малое парасё, якога вырашылі
готовилось маленькое поросенок(Н) который.ACC.SG.N.ANIM решили
прырэзаць з нагоды госьця.
прирезать по.случаю гостя
'Готовился маленький поросенок, которого решили зарезать из-за гостя'.
[В. Быкаў. Пункціры жыцця] (Беларускі N-корпус⁹)

(17) УКРАИНСКИЙ

...крихітне порося, якого звали П'ятачок
крохотное поросенок(Н) который.ACC.SG.N.ANIM звали Пятачок

⁸ Как отмечается в [van Tilburg 1988; Kordić 1993, 1995], такие примеры противоречат многим нормативным описаниям, однако крайне широко распространены как в диалектах, так и в литературном языке.

⁹ <http://bnkorporus.info>.

‘...крошечный поросенок, которого звали Пятачок’ [Борис Заходер, переказ повісті А. А. Мілна. Вінні-Пух та всі-всі-всі (А. Костецький, 2004)] (НКРЯ, параллельный корпус)

Может показаться, что рассматриваемые явления в южнославянских и восточнославянских языках имеют разную природу. Так, в восточнославянских языках одушевленное маркирование очевидно семантически мотивировано и ограничено сравнительно небольшим классом лексем, тогда как в отмеченных случаях в сербском, хорватском и словенском одушевленное маркирование возможно при всех вершинах мужского рода или, по крайней мере, при значительно более широком классе существительных.

Оказывается, однако, что и в хорватском языке для выбора маркирования местоимения имеет значение семантика вершины. Так, при вершине *narod* ‘народ’ одушевленное маркирование относительного местоимения встречается чаще, чем при вершине *dom* ‘дом’, см. данные в Таблице 4¹⁰. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,05$).

Таблица 4

Связь одушевленного и неодушевленного маркирования *koji* ‘который’ в хорватском языке с семантикой антецедента (Intercorp)

	<i>kojeg / kojega</i> (который.acc.sg.m.anim)	<i>koi</i> (который.acc. sg.m.inan)	доля <i>kojeg / kojega</i>
<i>narod</i> ‘народ’	4	6	0,4
<i>dom</i> ‘дом’	2	22	0,1

Еще одним общим фактором, имеющим значение как для хорватской и словенской, так и для русской системы морфологического оформления относительных местоимений, является род. В русском языке маркирование относительного местоимения, реферирующего к очевидно одушевленным объектам, зависит от рода: в мужском роде одушевленная форма аккузатива обязательна, а в среднем необязательна и сравнительно редка. По всей видимости, влияет род и на маркирование относительного местоимения при собирательном существительном: если при существительном мужского рода *narod* одушевленная форма фиксируется в XVIII–XIX вв. сравнительно часто, то при существительном среднего рода *общество* такие примеры более редки или не существуют, см. данные в Таблице 5. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

В словенском языке, как указывалось выше, одушевленное маркирование относительного местоимения обязательно при мужском роде и факультативно при среднем роде вершины [Franks 2013]. Для хорватского отмечается, что одушевленное маркирование предпочтительней при вершине мужского рода [van Tilburg 1988], что подтверждается количественными данными в Таблице 6. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

¹⁰ В [Stefanović 2000: 150] отмечается, однако не доказывается количественно склонность к одушевленному маркированию относительного местоимения при существительных, обозначающих группы людей.

**Одушевленное маркирование слова *народ*
и относящегося к нему относительного местоимения (НКРЯ, 1701–1900)**

	одушевленное маркирование	неодушевленное маркирование	доля одушевленного маркирования
<i>народ, который / которого</i> (асс)	8	26	0,2
<i>общество, которое / которого</i> (асс)	0	29	0,0

Таблица 6

**Связь одушевленного и неодушевленного маркирование *koji* ‘который’
в хорватском с родом антецедента (Хорватский национальный корпус)¹¹**

	<i>kojeg / kojega</i> (который. ACC.ANIM)	<i>koji</i> (который.ACC.M.INAN) или <i>koje</i> (который.ACC.N.INAN)	доля <i>kojeg / kojega</i>
мужской род	15	35	0,3
средний род	2	48	0,0

3.3. Параллели: другие местоимения русского языка

Как неоднократно отмечалось, личные местоимения *он* и *оно* морфологически маркируются по одушевленной модели, вне зависимости от одушевленности референта, см., например, [Корбетт 1985]¹². То же верно для местоимений *себя* и *друг друга* [Евтюхин 2005: 114], ср. следующие примеры:

(18) *Существительное, впрочем, включает в себя часто и эпитет.* [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)] (НКРЯ)

(19) *Формы переправы сливаются, ассимилируются, переходят друг в друга.* [В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки (1946)] (НКРЯ)

Наиболее близко по маркированию одушевленности к местоимению *который* местоимение *один другого*. В обычном случае при неодушевленной вершине для него также возможно только неодушевленное маркирование (20)–(21).

(20) *И оба впечатления смешивались и усиливали одно другое.* [Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)] (НКРЯ)

(21) *Оба впечатления смешивались и усиливали одно другого.*

Однако в тех же двух классах случаев — при собирательном существительном мужского рода (22) и при существительном единственного числа среднего рода

¹¹ <http://www.hnk.ffzg.hr/cnc.htm>.

¹² В настоящей статье я не обсуждаю подробно более сложный вопрос о синтаксической одушевленности личных местоимений, о которой см. [Блажев 1962; Корбетт 1985; Холодилова 2013: 60–62]. Случаи одушевленного согласования с личным местоимением при неодушевленном референте встречаются (i), однако более обычно неодушевленное согласование, как в (ii).

(i) *Чрезвычайно соблазнял первый: кинуться на эти лампы и замысловатые вещицы, и всех их к чёртовой бабушке перебить и таким образом выразить свой протест за то, что он задержан зря.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть I (1929–1940)] (НКРЯ)

(ii) *Дома я делала записи, он все их потом читал.* [Зоя Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001)] (НКРЯ)

с референцией к одушевленному объекту (23) — возможно и одушевленное маркирование.

(22) *Классы могут лишь подчинять один другого.* [С.М. Эйзенштейн. Интернациональный театр (1928)] (НКРЯ)

(23) *Вьючные животные бестолково дергают одно другого...* (Яндекс)

Таким образом, маркирование одушевленности у местоимений в единственном числе образует систему, представленную в Таблице 7.

Таблица 7

Морфологическое маркирование аккузатива, совпадающее с генитивом и не совпадающее с номинативом, у местоимений в единственном числе

	антецедент	обязательно	окказионально	никогда
мужской род	собираательные с референцией к лицам	<i>он, себя, друг друга</i>	<i>который, один другой</i>	
	прочее	<i>он, себя, друг друга</i>		<i>который, один другой</i>
средний род	одушевленный референт	<i>оно</i>	<i>который, один другой</i>	<i>всё, это, то, многое, что, что-нибудь...</i>
	прочее	<i>оно</i>		<i>который, один другой, всё, это, то, многое, что, что-нибудь...</i>

3.4. Иерархия одушевленности

Предположительно, свойства местоимения *который*, отличающие его от существительных, хотя бы частично объяснимы иерархией одушевленности, восходящей к [Silverstein 1976], ср., например, следующее ее представление:

(24) «расширенная иерархия одушевленности» в версии [Croft 1990]

Лицо: первое, второе < третье

Тип референции: местоимение < имя собственное < имя нарицательное

Одушевленность: лицо < одушевленное < неодушевленное

Как видно из иерархии, для местоимений ожидается, что по своим свойствам они могут оказываться «более одушевленными», чем существительные.

При обсуждении иерархии одушевленности, в частности в самой работе [Silverstein 1976], из местоимений, как правило, рассматриваются только личные. Данные настоящего исследования позволяют предположить, что приведенная иерархия релевантна и для относительных местоимений. Для южнославянских (прежде всего, хорватских и сербских) данных сходное объяснение предлагалось в [van Tilburg 1988; Kordić 1995].

Важно отметить, что во всех обсуждавшихся случаях относительное местоимение по свойствам приближается к личным, однако оказывается «менее одушевленным»: как для русского, так и для хорватского и словенского существуют контексты, в которых одушевленное маркирование личного местоимения обязательно, тогда как для относительного местоимения оно факультативно или невозможно.

Связь личных местоимений и местоимения *который* с одушевленностью подтверждается их частотными характеристиками и синтаксическими свойствами.

Для личных местоимений отмечалось, что они реферируют к одушевленным объектам чаще, чем существительные [Макарова, Сай 2007]. Как видно из Таблицы 8, то же верно для местоимения *который*.

Таблица 8

Грамматическая одушевленность существительных и местоимения *который* в аккузативе мужского рода, единственного числа (НКРЯ, снятая омонимия)

	одушевленные	неодушевленные	доля одушевленных
<i>который</i>	503	860	0,4
существительные	22 918	80 803	0,2

На сходство местоимений с одушевленными существительными указывает также их поведение в конструкции с внешним посессором.

В русском языке вступают в конкуренцию внешний посессор в дативе и внешний посессор, выраженный предложной группой с предлогом *у*. Как известно, одним из факторов, влияющих на распределение этих стратегий является одушевленность: при неодушевленном посессоре конструкция с дательным падежом, как в примере (25), почти невозможна и предпочитается конструкция с предлогом *у* (26) [Леонтьев 2008: 105]. Недопустимость дативного оформления неодушевленного посессора соответствует и общей тенденции в языках Европы [Haspelmath 1999: 113–114].

(25) *Но они уже увлеклись другим, отбили бутылке горлышко и кидали туда с расстояния в пять шагов маленькие гловые шишки.* (Яндекс)

(26) *Если ты отбиваешь у бутылки горлышко — это не «открыл», а «разбил».* (Яндекс)

В то же время, с местоимениями (как личными, так и с относительным местоимением *который*) дативный посессор, как в (27), оказывается сравнительно частотен, см. данные в Таблице 9. Различие между существительным *бутылка* и местоимением *она* в близком контексте, а также между существительными и местоимением *который* (в формах женского рода) статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,05$).

(27) *«Стакан» представляет собой половину бутылки из-под шампанского, которой отбивают горлышко...* (Яндекс)

Таблица 9

Частотность двух различных конструкций с внешним посессором в зависимости от способа выражения посессора (Яндекс)

	<i>отбить X-у горлышко</i>	<i>отбить у X-а горлышко</i>	доля датива
<i>бутылка</i>	6	38	0,1
<i>которая</i>	5	7	0,4
<i>она</i>	27	32	0,5

4. Выводы

1. Рассмотренные данные позволяют с уверенностью утверждать, что в современном русском языке существует форма одушевленного аккузатива среднего рода единственного числа, сравнительно часто фиксируемая для местоимений *который* и *один другого*.

2. Русские данные, а также данные других славянских языков, позволяют предположить, что относительное местоимение занимает высокое положение на иерархии одушевленности, уступая, однако, личным местоимениям третьего лица.

Литература

Блажнев Б. Случаи трансформирования форм одушевленности у некоторых определительных местоимений и числительных в русском языке // Русский язык в национальной школе. 1962. №3. С. 29–34.

Грищенко А. А. Ономастический статус этнонимов и категория одушевленности / неодушевленности // Русский язык в школе. 2011. №9. С. 61–67.

Евтюхин В. Б. Грамматика местоимений // Мысли о русском языке: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей к 155-летию кафедры русского языка (1849–2004) / ред. П. А. Клубков. СПб., 2005. С. 113–119.

Ицкович В. А. Существительные одушевленные и неодушевленные в современном русском языке (норма и тенденция) // Вопросы языкознания. 1980. №4. С. 84–96.

Корбетт Г. Одушевленность в русском и других славянских языках: пример расхождения между синтаксисом и семантикой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика / ред. Т. В. Булыгина, А. Е. Кибрик. М., 1985. С. 388–406.

Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Леонтьев А. П. Формальный анализ атрибутивных именных групп в перспективе конструкций с внешним посессором: дисс. ... канд. филол. наук / МГУ, 2008.

Макарова А. Б., Сай С. С. Взаимодействие некоторых характеристик русских именных групп (статистический аспект) // Четвертая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы / ред. Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, С. С. Сай. СПб., 2007. С. 119–124.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., 2013.

Холодилова М. А. Позиционные свойства местоимений в русском языке. Магистерская работа, СПб., СПбГУ, 2013.

Corbett G. G. Agreement. Cambridge, 2006.

Croft W. Typology and universals. Cambridge, 1990.

Franks S. Orphans, doubling, coordination, and phases: On nominal structure in Slovenian // Slovenski jezik. 2013. №9. P. 55–92.

Haspelmath M. External possession in a European areal perspective // External Possession / ed. by D. L. Payne, I. Barshi. Amsterdam — Philadelphia, 1999. P. 109–136.

Kordić S. Genitiv / Akkusativ-Synkretismus beim kroatisch-serbischen Relativpronomen // Zeitschrift für Slawistik. 1995. №40 (2). S. 202–213.

Kordić S. *Koji i kojega* // Jezik. 1993. №40. S. 103–108.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // Grammatical Categories in Australian Languages / ed. by R. M. W. Dixon. New Jersey, 1976. P. 112–171.

Stefanovic M. The category of animacy: A semantic feature hierarchy? PhD Thesis, University of Toronto, 2000.

Van Tilburg J. Inanimate genitive-accusatives in Serbo-Croatian (especially in adnominal relative clauses) // Studies in Slavic and General Linguistics. 1988. №11. P. 535–620.

Maria A. Kholodilova
Institute for Linguistic Studies, RAS
National Research University
Higher School of Economics
(Russia, Saint Petersburg)
hol_m@mail.ru

THE ANIMATE ACCUSATIVE FORM OF THE PRONOUN *KOTORYJ* ‘WHICH’

The Russian relative pronoun *kotoryj* ‘which’ sometimes appears in the animate accusative form, even though the head noun would receive the inanimate morphological marking in the same context. This kind of animacy mismatch is observed in relative clauses headed by masculine collective nouns with reference to people, such as *narod* ‘nation’, and neuter nouns with reference to animates, such as *životnoe* ‘animal’. This phenomenon cannot be subsumed under the notion of semantic agreement. The expected semantic agreement pattern with collective nouns implies plural animate forms, while the examples in question include singular forms. The animate accusative form after neuter nouns could be treated as a masculine form corresponding to a masculine referent, however this kind of semantic agreement is ungrammatical in non-accusative forms, and the masculine forms are used even if the referent is feminine. This animacy mismatch in Russian is closely paralleled by the better studied data of other Slavic languages, especially Croatian, where the relative pronoun can take animate marking after masculine or neuter nouns, irrespective of their semantics. Another parallel is provided by other Russian pronouns, especially the reciprocal pronoun *odin drugogo* ‘one another’, which receives animate marking in the same range of contexts as the relative pronoun *kotoryj* ‘which’. The data suggests that relative pronouns are higher on the animacy hierarchy than nouns, but lower than personal pronouns.

Keywords: relativization, relative pronoun, Russian, Serbian, Croatian.

References

Blazhev B. Sluchai transformirovaniya form odushevlenosti u nekotorykh opredelitel'nykh mestoimenii i chislitel'nykh v russkom yazyke. *Russkii yazyk v natsional'noi shkole*, 1962, no. 3, pp. 29–34.

Corbett G. Odushevlenost' v russkom i drugikh slavyanskikh yazykakh: primer raskhozhdeniya mezhdru sintaksisom i simantikoi. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Issue 15. *Sovremennaya zarubezhnaya rusistika*. Moscow, 1985, pp. 388–406.

Corbett G. G. *Agreement*. Cambridge, 2006.

Croft W. *Typology and universals*. Cambridge, 1990.

Evyukhin V. B. Grammatika mestoimenii. *Mysli o russkom yazyke: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Sbornik statei k 155 letiyu kafedry russkogo yazyka (1849–2004)*. St. Petersburg, 2005, pp. 113–119.

Franks S. Orphans, doubling, coordination, and phases: On nominal structure in Slovenian. *Slovenski jezik*, 2013, no. 9, pp. 55–92.

Grishchenko A. A. Onomasticheskiy status etnonimov i kategoriya odushevlenosti/neodushevlenosti. *Russkii yazyk v shkole*, 2011, no. 9, pp. 61–67.

Haspelmath M. External possession in a European areal perspective. *External Possession*. Amsterdam — Philadelphia, 1999, pp. 109–136.

Itskovich V. A. Sushchestvitel'nye odushevlenye i neodushevlenye v sovremenном russkom yazyke (norma i tendentsiya). *Voprosy yazykoznaniiya*, 1980, no. 4, pp. 84–96.

Kholodilova M. A. *Pozitsionnye svoistva mestoimenii v russkom yazyke*. MA. St. Petersburg, 2013.

Kordić S. Genitiv / Akkusativ-Synkretismus beim kroatisch-serbischen Relativpronomen. *Zeitschrift für Slawistik*, 1995, no. 40 (2), pp. 202–213.

Kordić S. *Koji i kojega. Jezik*, 1993, no. 40, pp. 103–108.

Krys'ko V. B. *Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo yazyka*. Moscow, 1994.

Leont'ev A. P. *Formal'nyi analiz atributivnykh imennykh grupp v perspektive konstruktivnoy s vneshnim possessorom*. Diss. kand. filol. nauk. Moscow, 2008.

Makarova A. B., Say S. S. Vzaimodeistvie nekotorykh kharakteristik russkikh imennykh grupp (statisticheskii aspekt). *Chetvertaya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Materialy*. St. Petersburg, 2007, pp. 119–124.

Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka*. Moscow, 2013.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages*. New Jersey, 1976, pp. 112–171.

Stefanovic M. *The category of animacy: A semantic feature hierarchy?* PhD Thesis, University of Toronto, 2000.

Van Tilburg J. Inanimate genitive-accusatives in Serbo-Croatian (especially in adnominal relative clauses). *Studies in Slavic and General Linguistics*, 1988, no. 11, pp. 535–620.

А. В. Циммерлинг

Московский педагогический государственный университет:

Институт современных лингвистических исследований

Институт языкознания РАН

(Россия, Москва)

fagraey64@hotmail.com

ПРЕДИКАТИВЫ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

В статье рассматриваются семантические и синтаксические особенности русских предикативов, имеющих валентность на дательный падеж лица и одновременно обозначающих параметризуемые свойства внешней ситуации и интенциональное состояние, квантифицируемое по одушевленному субъекту: ср. *X-у тяжело/легко носить сумку, X-у светло/темно*. Валентность на дательный падеж лица является в русском языке диагностическим признаком семантического класса несогласуемых предикативов, формирующих Дативно-Предикативную Структуру. Показано, что предикативы и адъективные вершины Дативно-Номинативной Структуры — элементы с разными синтаксическими свойствами в плане согласования, выбора подлежащего, селективных ограничений на одушевленность и условий вставки количественных групп вида [_{DP} D [_{QP} Q N]]. Предикативы, принимающие дативные субъекты, не сочетаются с каноническими подлежащими в именительном падеже. Доказывается, что несогласуемые предикативы типа *по силам₁, по карману₁, по пояс₁* и предикативные вершины дативно-номинативной конструкции *X-у Y-и были по силам₂, по карману₂, по пояс₂* — грамматические омонимы, а не реализации одного и того же синтаксического элемента. Запрет на визуализацию облигаторных семантически актантов у предикативов типа *по колено, малО, великО* — частное следствие ограничений, накладываемых на построение русских предложений с дативным субъектом.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 16–18–02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ. Я благодарю Л. Л.Иомдина и М.Ухлика за обсуждение ранних версий представленного анализа. Ответственность за все недочеты лежит на авторе.

Ключевые слова: предикативы, дативно-предикативная структура, дативно-номинативная структура, подлежащее, номинативный объект, составляющие, группа количественного слова, семантические актанты, падеж, согласование.

В статье рассматриваются семантические и синтаксические особенности русских предикативов, имеющих валентность на дат.п. лица и одновременно обозначающих параметризуемые свойства внешней ситуации и интенциональное состояние, квантифицируемое по одушевленному субъекту: ср. *X-у тяжело/легко носить сумку, X-у светло/темно*. Вначале мы рассмотрим общие грамматические характеристики того разряда слов, к которому относятся предикативы данной группы.

1. Предикативы ДПС и характеристики семантического субъекта. Как известно, валентность на дат. п. лица является в русском языке диагностическим признаком обширного семантического класса несогласуемых предикативов, формирующих Дативно-Предикативную-Структуру (далее — предикативы ДПС) и хотя бы в части употреблений выражающих значения актуализованного признака, соотношенного с конкретным референтным субъектом в конкретной ситуации, локализованной во времени и пространстве, ср. [Поспелов 1955; Циммерлинг 2014; 2016ab]¹. Значение актуализованного признака (Stage-Level Predication) можно считать семантическим инвариантом класса более широкого класса русских предикативов, включающих как предикативы ДПС, строящиеся по схеме $N_{\text{DAT}} — V_{\text{AUX}} — \text{Pred}$ и требующих оформления приоритетного актанта беспредложным дат. п.: *X-у стыдно, приятно, не по силам сделать P*, так и предикативы, строящиеся по схеме $N_{\text{NOM}} — V_{\text{AUX}} — \text{Pred}$ и требующих оформления приоритетного актанта имен.п.: *X навеселе, не в своей тарелке, не в форме*.

Почти не нуждается в доказательстве тот факт, что в современном русском языке предикативы, требующие оформления приоритетного актанта дат.п. и имен.п., находятся в дополнительной дистрибуции. Переход из одного класса в другой крайне затруднен или невозможен: **ему было сильно навеселе, *он был(о) стыдно за допущенные ошибки* и т.п.² При обращении к русскому языку XIX в. обнаруживаются отдельные колебания, так, часть говорящих, включая Н.А.Полевого

¹ Споры о том, правильно ли отождествлять значение ‘актуализованного признака’ (Stage-Level Predicate, SLP) с постулированным Л.В.Щербой значением ‘состояния’, отчасти носят терминологический характер, тем более что ни сам Л.В.Щерба, ни его последователи В.В.Виноградов, Н.С.Поспелов, А.В.Исаченко не определили данный таксономический тип предикатов формально.

² Л.Л.Июмдин (устное сообщение) обратил наше внимание на то, что некоторые предикативы общей оценки, ср. *хорошо, прекрасно, плохо* ориентированные на структуру ДПС (*X-у было хорошо*), могут употребляться и предложениях типа *<a как Вася?> А Вася хорошо/прекрасно/плохо*. По-видимому, речь все же идет не о свободных синтаксических употреблениях, а о фразеосхеме, так как подстановка форм связки в прош. и буд. времени затруднена: *?А Вася был хорошо, *А Вася будет хорошо*.

и Ф. М. Достоевского, употребляла предикатив *не по себе* с номинативным подлежащим, а не с дативным субъектом.

(1) а. Поэтому я и была так не по себе, когда вы приехали. (Ф. М. Достоевский, 1875).

б. Что это, погляжу я на тебя, Дунюшка, ровно ты не по себе? (П. И. Мельников-Печерский, 1875–1881).

с. — Давно, родимый, давно; да, вот я все тебя добудиться не смогла. Видно ты что-нибудь не по себе? (Н. А. Полевой, 1832).

Еще одно свойство предикативов ДПС, объединяющее их с предикативами, ориентированными на схему $N_{\text{НОМ}} — V_{\text{АUX}} — \text{Pred}$, — одушевленность семантического субъекта. Исключения, при которых в позицию $N_{\text{ДАТ}}$ попадает неодушевленное существительное, референт которого не уподобляется живому организму на основе функционального переноса³, единичны и связаны с 2–4 модальными предикативами, ср. *надо, не надо, положено, не положено*. В предложении (2а) имеется стандартный дативный субъект с признаком {+ одушевленность}. В предложении (2б) ИГ *пирог* с признаком {- одушевленность} тоже выглядит как приоритетный актанта (в терминах грамматики зависимостей, является валентностью вершинного предиката *надо*), в то время как во внешне аналогичном предложении (2в) ИГ *пирог* является валентностью инфинитива *дать*, а позиция приоритетного актанта при *надо* не заполнена никаким ненулевым выражением. Это отражает нотация примера, где вводится помета \emptyset , т. е. ‘нулевое подлежащее’. Тем самым, (2в) — структура с нулевым подлежащим и дативным дополнением, а (2б) — структура с неодушевленным дативным субъектом⁴.

(2) а. $V_{\text{PredP}} \{+ \text{Anim}\} [_{\text{PredP}} \text{ надо } [_{\text{InFP}} \text{ испечь пирог}]]$.

б. $P_{\text{InFP}} \{- \text{Anim}\} [_{\text{PredP}} \text{ надо } [_{\text{InFP}} \text{ остыть}]]$.

в. $P_{\text{InFP}} \{- \text{Anim}\} \emptyset \{+ \text{Anim}\} [_{\text{PredP}} \text{ надо } [_{\text{InFP}} \text{ дать } t_1 [_{\text{InFP}} \text{ остыть}]]]$.

Употребления типа (2б) свойственны также модальному предикативу (*не*) *положено*.

(3) $M_{\text{PredP}} \{- \text{Anim}\} [_{\text{PredP}} \text{ не положено } [_{\text{InFP}} \text{ стоять на обеденном столе}]]$.

Прочие модальные предикативы, ср. *недостаточно, нужно*, не допускают неодушевленных существительных в позиции $N_{\text{ДАТ}}$ в схеме $N_{\text{ДАТ}} — V_{\text{АUX}} — \text{Pred}$.

³ Ср. маргинальные употребления типа *Автомобилю полезно участвовать в гонках*, по аналогии с *Начинающему гонщику полезно участвовать в соревнованиях*.

⁴ Контраст между (2б) и (2в) объясняется тем, что глагол *остыть*, в отличие от глагола *дать*, не проецирует события с агентивным участником. Трудностью для предложенного анализа является то, что *дать остыть* — аналитический каузатив от непереходного глагола *остыть*, который в финитном предложении не имеет валентности на дат. п. (**Пирог остыло*). Такая валентность появляется в Дативно-Инфинитивной-Структуре (ДИС), ср. прагматически неуместное, но грамматически правильное предложение *Пирог — остыть*.

(4) ^{??} *Принтеру недостаточно быть новым.*

(5) **Пирогу нужно остыть.*

Такое распределение наводит на мысль о том, что либо мы имеем дело с идиосинкратическими свойствами предикативов *надо* и *положено*, которые допускают как одушевленные, так и неодушевленные дативные субъекты, либо предложения (2б-в) и (3) не являются структурами ДПС. Если дативный аргумент вложенной инфинитивной клаузы поднимается в главную клаузу в (2б) и (3), это свидетельствует против признания (2б) и (3) структурами ДПС, поскольку в предложениях ДПС, где валентность на дат. п. лица заполнена канонически, т. е. одушевленной ИГ или местоимением, действует запрет на подъем дативного аргумента из вставленной клаузы в позицию субъекта главной клаузы, ср. (6а) и (6б). Так, глагол *угодить* имеет валентность на ИГ в дат.п, но пример (6б) может иметь лишь значение ‘X-у было приятно угодить Пете’, а не ‘Пете было приятно угодить Z-и’.

- (6) а. *Васе* было [_{PredP} приятно [_{InfP} угодить Пете]].
 б. *Пете*_i ∅ было [_{PredP} приятно [_{InfP} угодить t_i]].

2. ‘Гипотеза Поспелова’ и параметр номинативного объекта. Дискуссионным является вопрос о сочетаемости предикативов ДПС с аргументами в имен.п. в позиции подлежащего и дополнений. Н.С.Поспелов в 1955 г. ответил на этот вопрос отрицательно, определив предикативы ДПС как ‘безлично-предикативные слова’ [Поспелов 1955]. В корректности этого обобщения усомнился Ю.Д.Апресян, указавший на то, что некоторые предикативы ДПС, ср. *по силам, некстати*, могут параллельно сочетаться с подлежащими ИГ в имен.п. [Апресян 1985: 304]. С нашей точки зрения, ‘гипотеза Поспелова’ о несовместимости предикативов ДПС с группами в имен.п. доказуема, но для этого нужно рассмотреть два класса дативных конструкций. Важный для грамматической теории вопрос о том, как реализуется аргументная структура предикатива ДПС в отсутствие внешне выраженного дативного субъекта, и заполняется ли при этом позиция подлежащего, непосредственно не связан с темой нашей статьи. Варианты ответа на него, обсуждаемые в работах [Летучий 2014; Циммерлинг, Трубицина 2015] мало влияют на последующие рассуждения.

2.1. Несогласуемые предикативы и дативно-номинативные структуры. Часть морфологически неизменяемых элементов, используемых в ДПС, ср. (7а), параллельно употребляется в дативно-номинативных структурах (далее — ДНС) с подлежащим в имен.п., ср. (7б).

- (7) а. *Яну* было_{3SG.N.PST} *по силам* [_{InfP} *решить* [_{DP} *эти задачи*]_{ACC} *за доской*].
 б. *Яну* [_{DP} *эти задачи*]_{NOM.PL} *были*_{3PL.PST} *по силам*.

Если в парах типа (7а-б) употребляется один и тот же синтаксический элемент (*X-у по силам*, гипотеза Поспелова очевидно неверна для тех единиц, которые могут параллельно формировать структуру ДНС и принимать подлежащее

в имен.п. Однако есть основания считать, что в парах типа (7а-б) реализуются грамматические омонимы — несогласуемый предикатив *по силам*₁, который не сочетается ни с какими ИГ в имен.п., и аналитическое предикативное прилагательное *по силам*₂, которое выражает согласование на синтаксическом уровне (при помощи связки) и требует подлежащего в имен.п.⁵ Плюсом данного решения является то, что синтаксис и семантика предложений (7а-б) совершенно аналогичны синтаксису и семантике в паре примеров (8а-б), где используется деадъективный предикатив *интересно* vs согласуемые формы прилагательного *интересный*.

- (8) а. Яну было_{3SG.N.PST} **интересно**_{PRED} [_{Inp} решить [_{DP} эти задачи]_{ACC} за доской].
 б. Яну [_{DP} эти задачи]_{NOM.PL} были_{3PL.PST} **интересны**_{ADJ.NOM.PL}.

Таблица 1

Предикативы ДПС и адъективные вершины ДНС.

	ДПС	ДНС
Пары предикатив/аналитическое прилагательное	X-у по силам _{PRED} [сделать Y].	X-у [Y-и] _{NOM} по силам _{ADJ} .
Пары предикатив/морфологическое прилагательное	X-у интересно _{PRED} [сделать Y].	X-у интересны _{ADJ} [Y-и] _{NOM} .

2.2. Деадъективные и неадъективные предикативы ДПС. Предикативы ДПС по своему морфологическому/словообразовательному типу делятся на две неравные группы — а) имеющие деадъективную морфологию, т. е. соотносенные с существующими (*прият-н-ый, груст-н-ый*) или существовавшими ранее (*стыд-н-ый, тошн-ый, совест-н-ый*) основами прилагательных, б) имеющие неадъективную морфологию и восходящие к обособившимся употреблениям существительных, местоимений, причастий, наречий, инфинитивов, предложных групп и словосочетаний иной структуры, ср. X-у *лень, надо, пора, положено, наплевать, негде, некогда, неважно, впору, влом, не по себе, так себе*. Корреляции между морфологическим типом предикатива ДПС и наличием у него синтаксического омонима, способного выступать в качестве вершины ДНС, нет. Часть деадъективных предикативов (ср. X-у *грустно, тревожно*) не коррелирует с ДНС, употребления типа *X-у *грустны/тревожны Y-и* невозможны. То же самое касается части неадъективных предикативов, ср. запрет на употребления типа *X-у *Y-и недосуг, не по себе, наплевать* и т. п. Кроме того, ДНС поддерживается и такими элементами, которые вообще не коррелируют с предикативами ДПС. Так, конструкция ДНС X-у *родственны Y-и* не свидетельствует о наличии конструкции ДПС *X-у *родственно, что P*. В настоящей статье обсуждаются те предикативы ДПС,

⁵ Против признания элементов типа *по силам*, выражающих согласование на синтаксическом уровне, аналитическими прилагательными, может быть выдвинуто то соображение, что под рубрику ‘прилагательные’ обычно подводят атрибутивные слова или слова, имеющие атрибутивное употребление.

которые имеют синтаксические омонимы в качестве вершин ДНС, о других типах предикативов см. [Циммерлинг 2014]. О происхождении дативной валентности в парах ДПС ~ ДНС см. [Say 2013].

2.3. Количественные группы и невозможность дополнений в имен.п. В ряде языков, в том числе, в древнерусском языке и диалектах русского севера, возможны дополнения в имен.п., т. н. номинативные объекты, ср. [Ронько, Циммерлинг 2015; Лютикова, Ронько, Циммерлинг 2016]. В предложениях ДНС, как показано выше в разделе 2.1., ИГ в имен.п. являются подлежащими и контролируют форму числа связки. Чтобы понять, соблюдается ли запрет на дополнения в имен.п. в литературном русском языке, необходимо рассмотреть другой класс дативных конструкций, где в позиции дополнения при предикативе или безличном глаголе возможны количественные группы, вершина которых маркируется имен.п. Рассмотрим пример (9), где используется числительное *два*, имеющее неомонимичную форму имен.п.

(9) *Яну было*_{3SG.N.PST} *нужно*_{PRED} /*понадобилось*_{3SG.N.PST} [_{QP} *два тренера*].

Связка/ глагол в (9) стоит в 3 л. ед.ч. ср.р. Если отбросить явно ложную гипотезу о том, что дополнение в русском языке контролирует согласование, остаются два объяснения:

- (i) Количественная группа в (9) является подлежащим, в (9) реализуется дефолтное согласование предикатной вершины в 3 л. ед.ч.
- (ii) Количественная группа в (9) является дополнением, в (9) согласования нет.

Гипотеза (i) противоречит тому факту, что за пределами данной дативной конструкции никакого дефолтного согласования количественные группы не показывают, ср. (10а-б).

(10) а. [_{QP} *Два тренера*] *пришли*_{3.PL.PST} /*пришло*_{3SG.N.PST} в зал.

б. [_{QP} *Два тренера*] *были*_{3PL.PST} *найжены*_{PRT.3PL} / *было*_{3SG.PST} *найжено*_{PRT.3SG.N} быстро.

В пользу гипотезы (ii) говорит то, что субституция количественной группы [_{QP} *два тренера*] группой детерминатора [_{DP} *эти* [_{QP} *два тренера*]], однозначно контролирующей согласовательную форму предиката и требующей мн.ч., в предложениях ДПС (а также в дативных предложениях с безличным глаголом) не проходит, ср. (11а-б).

(11) а. **Яну было*_{3SG.N.PST} *нужно*_{PRED} [_{DP} *эти*_{D.NOM.PL} [_{QP} *два тренера*]]_{PL}.

б. **Яну понадобилось*_{3SG.N.PST} [_{DP} *эти*_{D.NOM.PL} [_{QP} *два тренера*]]_{PL}.

Таким образом, предложения типа (9) действительно являются структурами без согласования, где количественные группы занимают позицию дополнения. Называть ли такие группы ‘номинативными объектами’ — вопрос терминологии, существенно, что в русском языке группы подобного типа синтаксически дефектны, не могут расширяться детерминатором и не контролируют согласование.

В структуре ДНС с подлежащим в имен.п. и согласуемым предикатом ограничения на вставку группы детерминатора $[_{DP} D [_{QP} Q N]]$ нет ни при каком морфологическом типе предиката.

- (12) а. Яну были_{3PL.PST} **нужны**_{ADJ.PL} $[_{DP}$ эти_{D.NOM.PL} $[_{QP}$ два тренера $]]_{PL}$.
 б. Яну были_{3PL.PST} **не по карману**_{ADJ} $[_{DP}$ эти_{D.NOM.PL} $[_{QP}$ два тренера $]]_{PL}$.
 в. Яну **понадобились**_{3PL.PST} $[_{DP}$ эти_{D.NOM.PL} $[_{QP}$ два тренера $]]_{PL}$.

2.4. Выводы. Мы показали, что предикативы ДПС и адъективные вершины дативно-номинативной конструкции (ДНС) — элементы с разными синтаксическими свойствами в плане согласования, выбора подлежащего, селективных ограничений на одушевленность и условий вставки количественных групп вида $[_{DP} D [_{QP} Q N]]$.

Таблица. 2

Диагностика предикативов ДПС и адъективов ДНС.

	Предикативы ДПС	Адъективы ДНС
1. Морфологически выраженное согласование	–	+ (для морфологически полных прилагательных), – (для аналитических прилагательных)
2. Синтаксическое согласование	–	+
3. Тип приоритетного актанта	дативный субъект	подлежащее в имен.п.
4. Одушевленность приоритетного актанта	+	нерелевантно
5. Максимально допустимый вид количественной группы	$[_{QP} Q N]]$, $*[_{DP} D [_{QP} Q N]]$	$[_{DP} D [_{QP} Q N]]$
6. Позиция количественной группы в имен.п.	дополнение	подлежащее

3. Лексико-семантическая классификация предикативов ДПС. В рамках работ по определению количественного состава группировки предикативов ДПС в русском языке предикативы ДПС были поделены на 15 тематических классов, при помощи методов социолингвистики и корпусной лингвистики была оценена емкость данных классов и возможности их пополнения, ср. [Циммерлинг 2016b]. Общий словник использованной социолингвистической анкеты составил 432 предикатива ДПС, подтвержденный объем словаря активно используемых предикативов ДПС в идиолектах отдельных информантов превысил 300 единиц.

Данная классификация носит лексико-семантический характер, ее цель — определить области значений, покрываемых употреблением конструкции ДПС в современном русском языке и типологически близких языках. Синтаксическая диагностика не играет решающей роли для разбивки на классы. В некоторых случаях имеются синтаксические тесты для целых тематических классов, так, предикативы классов 1 и 2 не принимают сентенциальные аргументы вида *что P*: **мне холодно, что P*, **мне нужно, что P*. Но чаще подобные тесты выделяют общие

	Тематический класс	Примеры
КЛАСС 1	Физические состояния	<i>X-у холодно, жарко, тошно, НЕ ПО СЕБЕ*</i> .
КЛАСС 2	Модальности	<i>X-у НАДО, ПОЛОЖЕНО, нужно, неприлично, ПОРА, НЕЛЬЗЯ.</i>
КЛАСС 3	Эмоциональные состояния	<i>X-у грустно, одиноко, тревожно, НЕ ПО ДУШЕ, НЕ ПО ВКУСУ.</i>
КЛАСС 4	Моральные оценки	<i>X-у стыдно, неловко, ГРЕХ, ТАК И НАДО.</i>
КЛАСС 5	Удобство исполнения	<i>X-у удобно, неудобно, сподручно, ПО ПУТИ.</i>
КЛАСС 6	Уместность/неуместность	<i>X-у уместно, неуместно, В САМЫЙ РАЗ.</i>
КЛАСС 7	Внутренняя потребность	<i>X-у НЕВМОГОТУ, НЕВМОЧЬ, нужно.</i>
КЛАСС 8	(Не)соответствие задаче	<i>X-у ВПОРУ, жирно, слаб'о, ЛЕНЬ.</i>
КЛАСС 9	Трудность выполнения	<i>X-у сложно, трудно, нелегко.</i>
КЛАСС 10	(Не)желание выполнять	<i>X-у ОХОТА, НЕОХОТА, ВЛОМ.</i>
КЛАСС 11	Общая оценка	<i>X-у хорошо, плохо, комфортно, некомфортно, ТАК СЕБЕ.</i>
КЛАСС 12	(Не)релевантность	<i>X-у важно, не важно, ВСЕ РАВНО, НАПЛЕВАТЬ.</i>
КЛАСС 13	Эффективность	<i>X-у вредно, полезно, выгодно, БЕЗ ТОЛКУ.</i>
КЛАСС 14	Сенсорные и интеллектуальные реакции	<i>X-у видно, слышно, понятно, ясно, любопытно.</i>
КЛАСС 15	Параметризуемый признак	<i>X-у светло, темно, мал'о, велик'о, ПО КОЛЕНУ, ПО ПОЯС.</i>

Рис. 3. Тематические классы предикативов ДПС в современном русском языке.

* Заглавными буквами выделены предикативы ДПС неадъективного происхождения.

синтаксические свойства предикативов ДПС, принадлежащих разным тематическим классам.

4. Предикаты параметризуемого признака. Часть предикатов класса 15 (параметризуемый признак, имеющий экстенциональное измерение) обнаруживают нетривиальные синтаксические и семантические свойства. Попытаемся показать, что эти свойства объяснимы на основе предложенной выше гипотезы о разграничении предикативов ДПС (*X-у было по силам_{PRED} [inP решить эти задачи]*) и омонимичных им адъективов ДНС (*X-у [DP эти задачи] были по силам_{ADJ}*).

4.1. Синтаксически невыразимый семантический актанта. Предикативы ПО ЩИКОЛОТКУ, ПО КОЛЕНУ, ПО ПОЯС, ПО ГРУДЬ, ПО ПЛЕЧО, ПО ШЕЮ, обозначающие глубину погружения X-а в жидкостную или сыпучую среду (вода, снег, песок, т. п.), не допускают выражения облигаторного семантического актанта Y 'вещественная среда' беспредложным дополнением в предложениях с ДПС. Актант Y не может выражаться не только ИГ в имен.п., что предсказывается гипотезой Поспелова о том, что структура ДПС несовместима с подлежащим в имен.п. и рассмотренными выше в разделе 2 ограничениями на вставку дополнений в имен.п., но и ИГ в косвенном падеже.

- (13) а. **Кате (X) было по пояс_{PRED} воды_{GEN} (Y) в ручье.*
 б. **Кате (X) было по пояс_{PRED} ручья_{GEN} (Y).*

В параллельно употребляемой дативно-номинативной структуре (ДНС), где Y занимает позицию подлежащего, это ограничение отсутствует:

(14) [_{DP} Ручей] (Y) был взрослым (X₁) по поясу_{ADJ}, а детям (X₂) по шее_{ADJ}.

Такое распределение позволяет считать предикаты типа ПО ПОЯС₁, ориентированные на конструкцию ДПС, и предикаты типа ПО ПОЯС₂, ориентированные на конструкцию ДНС и принимающие подлежащие в имен.п., грамматическими омонимами.

Ограничение на визуализацию дополнений характерно и для нескольких deadjectивных предикативов. Так, предикативы X-у МАЛО/ВЕЛИКО имеют облигаторные семантические актаны Y 'предмет одежды' и Z 'мера отклонения', которые не могут быть выражены в конструкции ДПС: фраза #мне мало на два размера не может интерпретироваться как полное безличное предложение. В конструкции ДНС, где Y занимает позицию подлежащего, ограничений на визуализацию Z нет:

(15) [_{DP} Платье_{NOM.N.SG}] (Y) было_{3SG.N.PST} мало_{ADJ.NOM.N.SG} мне (X) на два размера (Z).

4.2. Отсутствие sentенциальных аргументов и структура группы предикатива. Большинство предикативов ДПС, в том числе такие предикативы класса 15, как *светло, темно, далеко, высоко, глубоко, достаточно, недостаточно* и т. д., имеют валентность на sentенциальный аргумент, ср. X-у было [_{PredP} высоко [_{Inp} прыгать за этим мячом]], а иногда и валентности на sentенциальные дополнения в косвенном падеже, ср. X-у было [_{PredP} máло [_{DP} этих объяснений]]. В этом случае группа предикатива (PredP) обладает стандартными свойствами синтаксических групп, т. е. представляет собой рекурсивную структуру, которая может достраиваться за счет внутренних аргументов предикатива. При предикативах параметризуемого признака ПО ЩИКОЛОТКУ, ПО КОЛЕНУ, ПО ПОЯС, ПО ГРУДЬ, ПО ПЛЕЧО, ПО ШЕЮ, МАЛО, ВЕЛИКО sentенциальные и несентенциальные аргументы невозможны, ср. *X-у было великó носить это платье, *X-у было по колену стоять в воде. Тем самым, группа предикатива при данных единицах обладает свойствами редуцированной синтаксической группы без возможности вложения подеревьев. Такое ограничение несвойственно большинству предикативов ДПС, но типично для несогласуемых предикативов типа *навеселе, не в своей тарелке*, которые реализуются в схеме с подлежащим в имен.п. N_{NOM} — V_{AUX} — Pred: *X был слишком навеселе ходить по улице, *X был не в своей тарелке делать комплименты дамам за ужином.⁶

5. Выводы. Материал подтвердил гипотезу о том, что в современном русском языке предикативы, принимающие дативные субъекты, не сочетаются с каноническими подлежащими в имен.п. Синтаксис рассмотренных предикативов параметризуемого признака объясняется на основе гипотезы о том, что несогласуемые предикативы типа ПО СИЛАМ₁, ПО КАРМАНУ₁, ПО ПОЯС₁ и предикатные вершины дативно-номинативной конструкции X-у Y-и были ПО СИЛАМ₂, ПО КАРМАНУ₂, ПО ПОЯС₂ — грамматические омонимы, а не реализации одного и того же

⁶ Отметим, что у согласуемых предикативных слов, принимающих подлежащее в имен.п., такого ограничения нет. Ср. *Он еще* [_{PredP} молод [_{Inp} меня учить]], *Вася* [_{PredP} здоров [_{Inp} таскать мешки]], также формы императива неглагольного предикатива *хорош* 'хватит!': [_{PredP} Хорош [_{Inp} плевать на пол]]!

синтаксического элемента. Запрет на визуализацию облигаторных семантически актантов у предикативов типа ПО КОЛЕНУ, МАЛЮ, ВЕЛИКО — следствие ограничений, накладываемых на построение русских предложений с дативным субъектом. Отсутствие у данных предикативов сентенциальных аргументов — следствие противопоставления стандартных и редуцированных групп, которое не совпадает с различием дативной $N_{\text{DAT}} - V_{\text{AUX}} - \text{Pred}$ и номинативной $N_{\text{NOM}} - V_{\text{AUX}} - \text{Pred}$ схем, по которым оформляются несогласуемые предикативы. Ключевую роль для синтаксиса предикативов играет последовательное разграничение дативно-предикативных и дативно-номинативных структур как конструкций с разными синтаксическими свойствами и вытекающий отсюда вывод об отсутствии у предикативов ДПС согласовательной морфологии и сочетаемости с группами в имен.п. Что же касается самого противопоставления данных конструкций, оно лучше всего объясняется на основе гипотезы о том, что дативные субъекты обладают в русском языке некоторыми свойствами грамматических подлежащих.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Синтаксические признаки лексем // *Russian linguistics*. 1985. Vol. 9. № 2–3. С. 289–317.
- Летучий А.Б.* Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах // *Вестник МГГУ имени М.А.Шолохова. Сер. Филологические науки*. 2014. №.1. С. 62–84.
- Лютикова Е.А., Ронько Р.В., Циммерлинг А.В.* Дифференцированное маркирование аргументов: семантика, морфология, синтаксис // *Вопросы языкознания*. 2016. № 6. С. 113–127.
- Поспелов Н.С.* В защиту категории состояния // *Вопросы языкознания*. 1955. № 2. С. 55–65.
- Ронько Р.В.* Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // *Русский язык в научном освещении*. 2016. № 1 (31). С. 158–181.
- Ронько Р.В., Циммерлинг А.В.* Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах русского Севера и в древнерусском языке // *Вестник МГГУ имени М.А.Шолохова. Сер. Филологические науки*. 2015. №.1. С. 57–66.
- Циммерлинг А.В.* Предикаты состояния и фактивность // *Вопросы филологии*. 2014. No. 3–4. С.52–60.
- Циммерлинг А.В.* Внутри и снаружи. К типологии предикатов состояния // *Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке* / Н.Д. Арутюнова, С.Ю. Бочавер, М.Л. Ковшова, Т.Е. Янко (ред.). М., 2016а. В печати.
- Циммерлинг А.В.* Предикаты состояния и именные предикативы в славянских и германских языках. Спб., 24.03.2016б. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/24177853> [Accessed 15.09.2016].

Циммерлинг А. В., Трубицина М. В. Дативные и сентенциальные подлежащие в русском языке: от внутренних состояний к общим суждениям // *Rhema*, 2015. No. 4. С. 71–104.

Say S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives” // *Current studies in Slavic linguistics* / I. Kor Chahine (ed.). Amsterdam, Philadelphia, 2013. P. 225–246.

Anton V. Zimmerling

Institute for modern linguistic research, Moscow State University of Education

Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

fagraey64@hotmail.com

PARAMETRIC PREDICATIVES IN RUSSIAN

The paper discusses the semantics and syntax of a class of Russian predicatives which select a dative subject and at once denote parametric features of spatio-temporal situations and an intentional state, quantified on the experiential subject, cf. *X-y тяжело/легко носить сумку* ‘It is difficult/easy for X to carry the bag’, *X-y светло/темно* lit. ‘It is illuminated/dark to X’. The valency of a dative experiencer serves as a diagnostic for a semantic class of indeclinable nominal predicatives, which license Dative-Predicative Structures in Russian. I prove that predicatives and adjectival elements licensing Dative-Nominative Structures are syntactic homonyms with different features regarding agreement control, selection of priority argument, conditions on its animacy and conditions on merging extended Quantifier Phrases of the type [_{DP} D [_{QP} Q N]]. Those Russian predicatives which select dative subjects do not take standard _{DP} _{QP} nominative subjects. I argue that indeclinable predicatives, like *по силам*₁ ‘in the reach of X’, *по карману*₁ ‘X can afford’, *по поясу*₁ ‘belt-high’ vs predicate heads licensing Dative-Nominative Structures *X-y Y-и были по силам*₂, *по карману*₂, *по поясу*₂ are not realizations of the same underlying elements, but homonyms. The constraint of the spell-out of mandatory semantic arguments with parametric predicatives *по колено* ‘knee-high’, *мало* ‘<the coat or shoes are> not enough for X’, *велико* ‘<the coat or shoes are> large for X’ is predicted by the general conditions of the build-up of dative sentence patterns in Russian.

Key words: predicatives, dative-predicative structures, dative-nominative structures, subject, nominative object, constituents, quantifier phrases, semantic actants, case, agreement.

References

Apresian Ju. D. Sintaksicheskie priznaki leksem. *Russian linguistics*, 1985, Vol. 9, №2–3, pp. 289–317.

Letuchiy A. B. Sintaksicheskie svojstva sentencial'nyx aktantov pri predikativax. *Vestnik MGGU imeni M. A. Sholokhova. Serija Filologicheskie nauki*, 2014, №.1, pp. 62–84.

Lyutikova E. A., Ronko R. V., Zimmerling A. V. Differencirovannoje markirovanie argumentov: semantika, morfologija, sintaksis. *Voprosy jazykoznanija*, 2016, №6, pp. 113–127.

Pospelov N. S. V zaschitu kategorii sostojanija. *Voprosy jazykoznanija*, 1955, №2, pp. 55–65.

Ronko R. V. Differencirovannoe markirovanie prjamogo dopolnenija v infinitivnyx klauzax v drevnerusskom yazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveschenii*, 2016, №1 (31), pp. 158–181.

Ronko R. V., Zimmerling A. V. Parametr nominativnogo ob'ekta i sintaksis infinitivnyx oborotov v dialektax russkogo Severa i v drevnerusskom jazyke. *Vestnik MGGU imeni M. A. Sholokhova. Serija Filologicheskie nauki*, 2015, №.1, pp. 57–66.

Say S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives”. *Current studies in Slavic linguistics* / I. Kor Chahine (ed.). Amsterdam, Philadelphia, 2013, pp. 225–246.

Zimmerling A. V. Predikaty sostojanija i faktivnost'. *Voprosy filologii*, 2014, No. 3–4, pp. 52–60.

Zimmerling A. V. Vnutri i snaruzhi. K tipologii predikatov sostojanija. *Logicheskij analiz jazyka. Chelovek v interjere. Vnutrenn'aja i vneshn'aja zhizn' cheloveka v jazyke* / N. D. Arutyunova, S. Yu. Bochaver, M. L. Kovshova, T. E. Yanko (eds.). Moscow, 2016a, in press. [Logical analysis of language. A human being in the interior. Inner and outer life of a human being in a language / N. D. Arutyunova, S. Yu. Bochaver, M. L. Kovshova, T. E. Yanko (eds.). Moscow, 2016a, in press].

Zimmerling A. V. *Predikavy sostojanija i imennye predikativy v slav'anskix i germanskix jazykax*. St. Petersburg, 24.03.2016b. Available at. URL: <https://www.academia.edu/24177853> [Accessed 15.09.2016].

Zimmerling A. V., Trubitsina M. V. Dativnye i sentencial'nye podlezhascie v russkom jazyke: ot vnutrennix sostojanij k obschim suzhdenijam. *Rhema*, 2015, No. 4, pp. 71–104.

О. В. Чагина

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
aichagin@ mail.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОНСТРУКЦИЙ СТАТАЛЬНОГО ПАССИВА В АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

В статье рассматриваются конструкции стательного пассива как одна из смежных языковых зон, соотносящаяся с категорией пассива. Эти конструкции рассматривались многими лингвистами (Л. Л. Буланин, В. И. Гаврилова, Ю. П. Князев, Е. М. Лазуткина, В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов и др.) Здесь же данные конструкции анализируются с позиций описания русского языка как иностранного (РКИ), что позволяет исследовать языковые факты под углом особого видения их изучающими русский язык как неродной. Необходимость углубленного описания структур стательного пассива обусловлена тем, что они трудны для иностранцев по причине совпадения в ряде языков конструкций стательного и акционального пассива, что часто приводит к ошибкам: **Горы у нас в стране круглый год покрываются снегом*. В сообщении уточняются дифференциальные семантические признаки, разграничивающие конструкции акционального пассива, значение которых сводится к семантической формуле 'деятель и действие' (*Фасад здания украшен известным художником*) и стательного пассива, передающего значение 'что находится где' (*Фасад здания украшен мозаикой*). Обращается внимание на различия категориальных признаков имен в составе структур стательного и акционального пассива. Учитываются видовременные характеристики глагола в номинативно-аккузативных конструкциях и в их конверсных коррелятах. Определяются типы текстов, для которых структуры стательного пассива наиболее органичны. Анализируются наиболее распространенные типы ошибок иностранных учащихся при употреблении этой языковой формы.

Ключевые слова: стательный пассив, языковые ошибки, русский язык как иностранный, типы текстов.

Конструкции стательного пассива как одна из смежных языковых зон, соотносящаяся с категорией пассива, рассматриваются многими лингвистами (Л. Л. Буланин,

В. И. Гаврилова, Ю. П. Князев, Е. М. Лазуткина, В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов и др.). По мере разработки теоретических аспектов описания стального пассива (статива, пассива состояния, стальных конструкций) результаты исследования этого языкового материала используются в прикладной отрасли лингвистической науки — преподавании русского языка как иностранного (РКИ). Будучи связанной с академической грамматикой, опираясь на нее, грамматика РКИ описывает язык с учетом его видения глазами человека, изучающего русский язык как неродной.

Грамматика РКИ — «это такое лингвистическое описание русского языка, его грамматического строя, которое имеет целью раскрыть структурные и семантические особенности единиц языка и правила его функционирования для коммуникативных целей, для целей обучения иностранных учащихся владению языком» [Величко 2009: 7]. Именно с этих позиций конструкции стального пассива рассматриваются в соответствующих разделах учебников и учебных пособий по русскому языку для иностранцев [Чагина 1987; 1987; 2009; 2010].

Важно принять во внимание, что конструкции стального пассива есть не во всех языках. В некоторых языках они совпадают по форме с трехчленным акциональным пассивом. Все это создает известные трудности для иностранных учащихся и побуждает преподавателя четко выявить наиболее ощутимые признаки стального пассива, установить своего рода маркеры, которые могли бы помочь студенту однозначно определить характер предложения, понять его специфику и правильно употреблять его в речи.

Конструкции стального пассива чаще всего употребляются для передачи значений, связанных с описанием разного рода статичных объектов. Это может быть значение естественного природного состояния (*Луг усеян цветами; Город окружён горами; Яблоня увешана яблоками*); описание внешнего вида человека (*На картине мы видим девушку. Её глаза открыты, руки протянуты вперед*) или предмета (*Скатерть залита вином; Рукав испачкан краской*); указание на материал, из которого сделан предмет (*Игрушка вылеплена из глины; Дом сделан из кирпича*), а также на местоположение объекта (*Сергиев Посад расположен на северо-востоке Московской области; Территория Крайнего Севера занята тундрой*).

В данных структурах подлежащее, имеющее значение описываемого объекта и являющееся носителем предикативного признака, выступает в форме именительного падежа; сказуемое, выражающее этот признак, — краткого страдательного причастия.

Конструкции стального пассива нередко бывают омонимичны структурам акционального пассива: *Книга напечатана мелким шрифтом. — Книга напечатана издательством «Диалог»*. Однако если конструкции акционального пассива регулярно соотносятся с активными структурами (*Книгу напечатало издательство «Диалог»*), то далеко не каждая конструкция стального пассива имеет регулярную соотносительность с определёнными типами синтаксических структур.

Значение стального пассива может быть передано самыми разнообразными синонимичными средствами: *Здание построено в современном стиле. — Это здание*

современного стиля; Остров окружён водой. — Вокруг острова вода; Комната залита светом. — В комнате светло; Кольцо сделано из серебра. — Кольцо серебряное; Книжная полка покрыта пылью. — На книжной полке пыль; Стена украшена резьбой. — Стену украшает резьба.

О регулярной соотносительности структур статального пассива с номинативно-аккузативными предложениями (*Лицо девушки обрамлено локонами. — Лицо девушки обрамляют локоны*) можно говорить применительно к одной, чётко ограниченной группе структур с краткими страдательными причастиями, образованными от глаголов следующих лексико-семантических групп [Гаврилова 1973: 23–25]:

— ‘покрывать поверхность’ (*покрывать, устилать, усеивать, усыпать, затягивать* и т. п.);

— ‘окружать’ (*окружать, обрамлять, окаймлять, опоясывать, обвивать, обтягивать*);

— ‘заполнять’ (*заполнять, окутывать, опутывать, охватывать, пронизывать, заливать*);

— ‘находиться внутри чего-то, но заполнять это что-то не целиком’ (*занимать, наполнять, засыпать* и т. п.);

‘ограничивать — разграничивать’ (*ограничивать, разграничивать, разъединять, разделять, отделять, пересекать, разрезать*);

— ‘соединять’ (*соединять, объединять, связывать*);

— ‘украшать или как-то по-другому изменять объект’ (*украшать, венчать, укреплять, защищать, освещать*).

В этих значениях используется более ста глаголов. Они имеют широкую употребительность в речи и поэтому требуют специальной отработки в иностранной аудитории.

Конструкции статального пассива с краткими причастиями, образованными от этих глаголов, как правило, передают идею естественного природного состояния (*Территория Крайнего Севера занята тундрой*) или идею контактирования двух неподвижных физических объектов (*Доска покрыта резьбой; Башня увенчана шпилем*). Структура смысла этих конструкций обычно сводится к значению ‘что находится где’, поэтому содержание многих из них легко может быть передано с помощью конструкций с глаголами местоположения — ***быть, находиться, располагаться, лежать, стоять, висеть*** и т. п.: *На территории Крайнего Севера находится тундра; На доске — резьба; На башне — шпиль.*

Важно подчеркнуть, что в составе номинативно-аккузативных структур того же значения перечисленные глаголы всегда выступают в форме несовершенного вида: *Доску покрывает резьба; Башню венчает шпиль; Территорию Крайнего Севера занимает тундра.* (При невозможности: **Доску покрыла резьба; *Территорию Крайнего Севера заняла тундра*).

В процессе обучения иностранцев употреблению структур статального пассива, соотносительных с номинативно-аккузативными, необходимо ориентировать их на определение семантики номинативно-аккузативной структуры, устанавливаемой путём анализа всех её компонентов — глагола и имён. Семантизация

структуры типа *Стена украшена фресками* наиболее наглядно устанавливается сопоставлением её со структурой акционального пассива типа *Стена украшена известным художником*. Их лексико-грамматический состав частично совпадает и различается только наличием имени со значением 'деятель'.

Различия в смысловой устроенности предложений типа *Колонны спортсменов стремительно заполняют площадь* ('кто делает что') и *Площадь заполняют торговые ряды* ('что находится где') определяют и их трансформационные возможности.

Номинативно-аккузативные конструкции со значением 'что находится где' имеют только одну форму конверсного коррелята, где сказуемое всегда выступает в форме краткого страдательного причастия: *Первый зал музея занимает выставка деревянной игрушки*. — *Первый зал музея занят выставкой деревянной игрушки*; *Комнату заливают яркий солнечный свет*. — *Комната залита ярким солнечным светом*.

Отсюда становится понятна природа ошибок, связанных с употреблением конструкций стального пассива: **Главная улица моего родного города заполняется старинными торговыми рядами*; **Средневековая крепость защищается рвом*. Такие ошибочные построения обусловлены аналогией форм традиционного акционального пассива, специализирующегося на передаче значения не состояния, а действия. Ср.: *Крепость защищает вооруженный отряд*. — *Крепость защищается вооружённым отрядом*.

О необходимости обучения иностранцев использованию конструкций стального пассива свидетельствует и тот факт, что эти структуры стилистически нейтральны, а потому и универсальны, так как могут быть использованы в любой коммуникативной сфере. В этом заключается их существенное отличие от традиционных акциональных пассивных структур, отчётливо тяготеющих к книжной разновидности речи.

Однако далеко не все конструкции стального пассива имеют соотносительный номинативно-аккузативный коррелят. Сравним, например, предложения:

- а) *Окна дворца украшены оригинальными лепными венками*;
- б) *Рукоятка сабли инкрустирована драгоценными камнями*;
- в) *Фасад здания богато орнаментирован изразцами*;
- г) *Стены особняка декорированы диковинными изображениями птиц и растений*;
- д) *Окна в зале задрапированы шелковыми гардинами*.

Несмотря на то, что все краткие причастия в этих предложениях образованы от глаголов, входящих в лексико-грамматическую группу 'украшать' и имеющих одинаковую модель управления, конверсное преобразование возможно только для структуры а) *Окна дворца украшают оригинальные лепные венки*. Для остальных такие преобразования некорректны, но они встречаются в речи иностранцев:

- б) **Рукоятку сабли инкрустируют драгоценные камни*;
- в) **Фасад здания богато орнаментируют изразцы*;
- г) **Стены особняка декорируют диковинные изображения птиц и растений*;
- д) **Окна в зале драпируют шелковые гардины*.

Для объяснения этого явления в иностранной аудитории полезным представляется обращение к предложенной Е. М. Лазуткиной классификации глаголов «локально направленного действия» и моделей предложений, в которых они функционируют. Среди этих моделей выделяются предложения с субъектом — существом одушевленным, способным к целенаправленному действию; и структуры «с существительным с предметным значением в позиции подлежащего и с глаголом, потерявшим сему акциональности и перешедшим в разряд реляторов» [Лазуткина 2015: 369]. Согласно этой классификации, к разряду реляторов относятся глаголы обобщенных значений, а среди приводимых выше структур с ЛСГ глаголов ‘украшения’ только *украшать* имеет обобщенное значение и способен выступать в составе номинативно-аккузативной структуры, остальные же глаголы предполагают действие, выполняемое агенсом, и не могут выступать в номинативно-аккузативных структурах. Такая трактовка делает понятным для иностранцев механизм конвертирования предложений с глаголами других ЛСГ.

Изучение конструкций стального пассива в иностранной аудитории предусматривает обращение к некоторым аспектам словообразования. Одна из системных ошибок изучающих русский язык как неродной — нарушение правил образования кратких страдательных причастий: **Поляна устилана желтой листвой; *Пол покрыван паркетом; *Крепость защищена рвом*. Зоной ошибок иностранцев является также выбор нужного префикса из ряда приставочных однокоренных глаголов (*заполнен, наполнен*; или *усеян, засеян*). Ср.: *Воздух наполнен ароматом цветов — *Воздух заполнен ароматом цветов; *Нос мальчика засеян веснушками; *Участок усейн яровыми культурами*.

Грамматическая тема «стальный пассив» демонстрируется в иностранной аудитории на учебных текстах. Отбор текстов осуществляется с учетом их различий в темарематической организации и характера рематической доминанты в том понимании, как они предлагаются Г. А. Золотовой [Золотова 1979: 120]. Это может быть тип последовательной организации, когда темой следующего предложения становится рема предыдущего. См. фрагмент текста о соборе Василия Блаженного:

Собор представляет собой гармоническое соединение девяти церквей. Храмы увенчаны яркими куполами. Каждый купол украшен неповторимыми узорами. [Чагина 2010: 47].

Другой тип описания предмета — параллельное соподчинение, когда темами служат обозначения частей целого, так что движение тем составляет как бы план описания [Золотова 1979: 122]. См. фрагмент текста о московском метро:

Величава колоннада «Кропоткинской». Она облицована кремоватым мрамором. Верх колонн увенчан скрытыми светильниками... Эти колонны напоминают фантастические растения, выросшие под землей [Чагина 2010: 49].

Наиболее часто встречается комбинация обоих типов:

Вот мы выходим на станции «Маяковская». Вся она залита светом. Все пространство станции покрыто полосами нержавеющей стали, которые окаймлены темно-серым и красным мрамором [Чагина 2010: 49].

Поскольку структуры стального пассива входят в систему средств, характерных для текста-описания, наиболее пригодного для характеристики объекта с точки зрения его признака, передачи зрительной информации, важно обратить внимание учащихся на эти языковые средства. В качестве организующих элементов такого текста часто выступают структуры с лексическими единицами со значением зрительного восприятия, сигнализирующие о наличии в ситуации наблюдателя: *красив, великолепен, посмотрим, взгляните, стоит посмотреть* и т. п. Например, **Великолепен** большой круглый колт: многоцветное изображение фигуры святого украшено по сторонам фантастическими растениями (Е. Смирнова); **Посмотрим** на Успенский собор: мощные стены прорезаны узкими вертикалями окон (М. Милова, В. Резвин).

Визуализация информации часто поддерживается в структуре наличием цветowych определений:

*Ранней весной степь усыпана **красными** и **желтыми** тюльпанами; Солончаки покрыты **белым** налетом* (А. Михайлов).

Часто встречаются количественные и качественные определения:

*Северный Ледовитый океан расчленен **тремя** трансокеанскими хребтами* (В. Сизов); *Центральная часть здания акцентирована **монументальной** аркой* (Ю. Александров).

Для описания объекта с помощью конструкций стального пассива используются не только структуры с краткими страдательными причастиями, но и причастные обороты с полными страдательными причастиями прошедшего времени. Такие обороты активно употребляются в книжно-письменной литературной речи, в описательном монологическом тексте. При этом они не только обладают изобразительной коннотацией, но и выступают как средство межфразовой связи. В качестве примера приведем фрагмент из географического очерка:

На стыке трех хребтов

*Наконец нам удалось выбраться к скалам. Перед нами заснеженные **отроги** Джугдырского хребта, **прочерченные** причудливыми **линиями** ущелий... Далеко внизу виднеется тайга. Странное впечатление оставляет она. Обычно при этом слове перед глазами встают могучие **леса** Приенисейской Сибири, высокоствольные, замшелые, **заваленные буреломом**... Другая тайга виднеется сейчас внизу... Лес очень бедный, почти без подлеска... В лучшем случае — **почва, затянута ерником или багульником**... (По Г. Федосееву).*

Лингвистическое описание стального пассива в преподавании РКИ связано с работой над коммуникативной темой «Выражение состояния». Уяснение грамматических особенностей этой структуры позволяет студенту строить высказывания, связанные с описанием разного рода объектов — природных и артефактов. Полезно предложить студенту описать какой-либо объект (здание, памятник архитектуры, музейный экспонат), рассказать о планировке какого-либо района, об особенностях того или иного географического региона. Задания такого типа воспринимаются студентами с интересом, открывают возможности для интерактивного общения в аудитории, часто с использованием компьютерной техники, позволяющей сопровожать высказывания соответствующим иллюстративным рядом.

Литература

Буланин Л. Л. К соотношению пассива и статива в русском языке // Проблемы теории грамматического залога / отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1978. С. 197–202.

Величко А. В. Функционально-коммуникативная грамматика РКИ. Концепция и принципы описания // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / под ред. А. В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 5–18.

Гаврилова В. И. Особенности активных и пассивных конструкций в абстрактно-логических научных текстах // Научно-техническая информация. Серия 2, 1973, № 12. С. 20–26.

Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста / отв. ред. Г. А. Золотова. М., 1979. С. 113–133.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. С. 477–579.

Лазуткина Е. М. Словообразовательная семантика глагола и дискурсные проекции предложения // Осемь десять. Сборник научных статей к 80-летию И. С. Улуханова / отв. ред. М. А. Малыгина. М., 2015. С. 359–374.

Недялков В. П., Яхонтов В. М. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) / отв. ред. В. П. Недялков. Л., 1983. С. 5–41.

Чагина О. В. Выражение значения действия и состояния // Величко А. В., Чагина О. В. Система работы над русским предложением в иноязычной аудитории (на материале некоторых семантических классов структур). М., 1987. С. 55–66.

Чагина О. В. Некоторые способы обозначения состояния // Учебник русского языка для иностранных студентов гуманитарных вузов и факультетов. I курс. М., 1987. С. 171–175.

Чагина О. В. Пассивные структуры // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / под ред. А. В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 89–101.

Чагина О. В. Как сказать иначе? Синтаксическая синонимия в обучении иностранцев русскому языку. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010.

Olga V. Chagina

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

aichagin@mail.ru

CONSTRUCTIONS OF A STATAL PASSIVE IN A LINGUISTIC DESCRIPTION OF RUSSIAN FOR FOREIGNERS

The article describes the constructions of the statal passive as one of adjacent linguistic topics correlating with the category of a passive. Many linguists have examined these constructions (L. L. Bulanin, V. I. Gavrilova, V. P. Nedialkov, S. E. Jakhontov, E. M. Lazutkina,

J. P. Kniazev etc.). The author of the article analyses these constructions from the position of the description of Russian for foreigners, and thus has the opportunity to analyse linguistic facts as they are seen by those who study Russian as a foreign language. It is necessary to deeply describe the structure of the statal passive, because it is difficult for foreigners: the constructions of a statal and actional passive coincide in many languages; that is why mistakes are possible. The study defines more precisely differential semantic signs delimiting constructions of an actional passive, whose meaning is defined by the formula ‘actioner and action’; and of a statal passive, which means ‘what is situated where’. The study directs attention to differences in categorical signs in structures of statal and actional passive; it defines types of texts in which the structures of a statal passive are most natural and analyses the most typical mistakes by foreign students while using this linguistic form.

Keywords: statal passive, lingual mistakes, Russian for foreigners, types of texts.

References

Bulanin L. L. K sootnosheniju passiva i staviva v russkom jazike. *Problemi teorii grammaticheskogo zaloga*. Ed. by V. S. Khrakovskiy. Leningrad, 1978, pp. 197–202.

Velichko A. V. Funrtzional’no-kommunikativnaja grammatika RKI. Kontseptzija i printzipi opisaniya. *Kniga o grammatike. Russkii jazik kak inostrannyi*. Ed. by A. V. Velichko. Moscow, 2009, pp. 5–18.

Gavrilova V. I. Osobennosti aktivnikh i passivnikh konstruktzyi v abstraktno-logicheskikh nauchnikh textakh. *Nauchno-tekhnicheskaya informatzija*. Ser. 2, 1973, no. 12, pp. 20–26.

Zolotova G. A. Rol’ remi v organizatzii i tipologii teksta. *Syntaksis teksta*. Ed. by G. A. Zolotova. Moscow, 1979, pp. 113–133.

Kniazev J. P. Grammaticheskaya semantika. Russkii jazik v typologicheskoi perspektive. Moscow, 2007, pp. 477–579.

Lazutkina E. M. Slovoobrazovatel’naya semantika glagola i diskursnije proektzii predlozheniya. *Osm’ desiat’*. *Sbornik nauchnikh statei k 80-letiju I. S. Ulukhanova*. Ed. by M. A. Maligna. Moscow, 2015, pp. 359–374.

Nedialkov V. P., Yakhontov V. M. Typologija rezul’tativnikh konstruktzyi. *Typologija rezul’tativnikh konstruktzyi (rezul’tativ, stativ, passiv, perfect)*. Ed. by V. P. Nedialkov. Leningrad, 1983, pp. 5–41.

Chagina O. V. Virazhenije znachenija deistvija I sostojaniya. *Velichko A. V., Chagina O. V. Sistema raboti nad russkim predlozhenijem v inozajichnoi auditorii (na materiale nekotorykh semanticheskikh klassov struktur)*. Moscow, 1987, pp. 55–66.

Chagina O. V. Nekotorije sposobi oboznachenija sostojaniya. *Uchebnik russkogo jazika dlia inostrannikh studentov gumanitarnikh vuzov i fakul’tetov. I kurs*. Moscow, 1987, pp. 171–175.

Chagina O. V. Passivnije strukturi. *Kniga o grammatike. Russkii jazik kak inostrannyi*. Ed. by A. V. Velichko. Moscow, 2009, pp. 89–101.

Chagina O. V. Kak skazat’ inache? Syntaksicheskaya sinonimija v obuchenii inostrantzev russkomu jaziku. Moscow, 2010.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В ДИАХРОНИИ

Оливье Азам

Высшая Нормальная школа / Институт лингвистики при Сорбонне

(Париж, Франция)

azamoam@club-internet.fr

ДИАХРОНИЯ В ПОМОЩЬ СИНХРОНИИ. О ПОЛЬЗЕ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ПОДХОДА ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛОЖНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

До начала XX века наука о языке ещё рассматривалась как единое целое: история языка не противопоставлялась изучению языка в определённый момент его развития. Установленное Соссюром различие между синхронией и диахронией резко изменило ситуацию, поставив синхронию в центр внимания лингвистов. Но от обоснованного различения обоих подходов к языку незаметно перешли к их противопоставлению.

Тем не менее, когда в синхронии встречается диахрония в виде хаоса, производимого микросистемой в процессе перестройки, экскурс в диахронию представляется вполне легитимным. Примеров полезности диахронического подхода для освещения некоторых особенно зыбких областей грамматики современного русского языка много. В данной статье приводится один из них — анализ выбора формы прилагательного в сочетании с числительными *два/две, три, четыре* в именительном падеже. Предлагая рассматривать формы существительного после *два/две, три, четыре* не как родительный падеж, а как особое «паукальное число», исторически происходящее от «расширенного двойственного», мы показываем, что структура предложений типа *Продаются два больших стола*, не подвергающаяся никакому удовлетворительному анализу в синхронии, вполне объяснима в диахронии, если допустить, что такие предложения восходят к двум разным синтаксическим структурам — личному предложению и безличному количественному предложению. Эти структуры когда-то употреблялись в разных прагматических целях, а впоследствии слились воедино и подверглись перестройке, что и привело к современному колебанию между родительным и именительным падежами имени прилагательного.

Этим примером употребления диахронии во вспомогательной роли для наведения системности и логичности в неустойчивых, еще меняющихся областях языка настоящая статья ставит себе целью показать, что давно пора воспринимать оба лингвистических подхода как взаимодополняющие, а не как взаимоисключающие.

Ключевые слова: диахрония, синхрония, полисинхрония, числительные, расширенное двойственное, паукальное число, прилагательное, прагматика, личные и безличные количественные предложения, актуальное членение.

0. Введение

0.1. Диахрония и синхрония. От различия к противопоставлению

До начала XX века наука о языке ещё рассматривалась как единое целое: история языка не противопоставлялась изучению языка в определённый момент его развития. Установленное Соссюром в «Курсе общей лингвистики» чёткое различие между синхронией и диахронией резко изменило ситуацию: наконец, синхрония оказалась в центре внимания лингвистов. В период становления лингвистической науки специалисты смотрели на языки скорее с внешней точки зрения сравнительной грамматики. Поставив синхронию на первое место, они сменили фокус и поставили себе целью рассматривать язык с внутренней точки зрения, с точки зрения носителя. Но от вполне оправданного различия обоих подходов к языку они незаметно перешли к их противопоставлению. Совершился логический скачок: чёткое различие Соссюра его наследники превратили в оппозицию, и аксиома структурализма, будто диахронические «объяснения» должны быть полностью изгнаны из синхронического «описания», превратилась в догму.

Но вернёмся к основанию того коперниковского переворота, которым оказалось провозглашение Соссюром первенства синхронического системного подхода: системное представление ставит синхронию выше диахронии именно потому, что оно позволяет навести порядок, обнаружить системность и преодолеть хаотичность диахронии, которая, по Соссюру, представляет собой лишь собрание отдельных разрозненных, последовательных во времени фактов.

Несомненно, в истории языка встречаются стабильные моменты, и системные взаимоотношения, связывающие подавляющее большинство языковых явлений, прекрасно поддаются синхроническому описанию и вовсе не нуждаются в диахроническом освещении. Но если диахрония есть постоянный переход от одной синхронической системы к другой, то не надо забывать, что далеко не все области языка развиваются в одном темпе. Система, изучаемая синхронией, не монолитна: она состоит из многочисленных микросистем, большинство которых уже стабильны в изучаемый синхронический момент. Эти вместе взятые микросистемы и составляют ту самую большую систему, которой интересуется синхрония. Но в тот самый момент, когда синхрония запечатлевает состояние языка, другие микросистемы как раз разрушаются или перестраиваются, и синхрония, застав их в процессе ускоренной эволюции, может увидеть в них только хаос. Что делать с этим хаосом?

Сторонники «фундаменталистского», так сказать, синхронического подхода, во имя догмы об абсолютизированной оппозиции между диахронией и синхронией как между двумя взаимоисключающими и несовместимыми началами, принимают этот хаос как должное или хуже — могут обойти его молчанием, раз синхрония, пользуясь своим методом, видит в нём только анархию. Ограничиваясь чисто синхроническим подходом, приходится довольствоваться весьма сложными описаниями того хаоса, который не удастся вписать во всеобщую систему.

Мы предлагаем более гибкий, беспристрастный, весьма прагматичный подход, подсказанный опытом преподавания русского языка французским студентам и собственным опытом освоения русского. Ведь иностранец, который должен освоить неродной язык или преподавать русскую грамматику, не может позволить себе такую роскошь, как описание хаоса: он должен сознательно освоить ещё и всю синхроническую систему, уже интуитивно известную носителю языка. Даже если иностранец ставит перед собой идеальную цель говорить и мыслить как носитель языка, он всё равно не вырос в этой системе и не сможет освоить её с чисто внутренней точки зрения. Поэтому ему просто необходимо свести хаос до минимума. Он должен без предрассудков руководствоваться принципом наибольшей эффективности и пускать в ход все средства, включая те, которые предоставляет ему диахрония.

Разумеется, в синхронии подавляющее большинство фактов должно быть описано чисто синхронически: их диахроническая судьба, не имея никакой конкретной пользы, не представляет практического интереса. Она может заинтересовать только эрудитов. (Хотя опыт доказывает, что знание исторических процессов, приведших даже к стабильной синхронической закономерности, часто помогает студентам запомнить синхронические правила.) Зато в тех случаях, когда в синхронии встречается диахрония в виде хаоса, производимого микросистемой в процессе перестройки, в виде перемен, происходящих на глазах, нам представляется вполне оправданным заглянуть в историю языка, не лишая себя права использовать диахронические данные. Тогда можно осторожно говорить, как Поль Гард, о «бисинхронии» или даже о «полисинхронии» ради структуралистской политкорректности. Суть не меняется.

0.2. Беспомощность синхронии. Пример синтаксиса имен числительных

Существует несколько примеров пользы диахронического подхода для освещения некоторых особенно зыбких областей грамматики современного русского языка, но мы ограничимся здесь анализом вопроса **о выборе в современном русском языке формы имени прилагательного в числительной синтагме, содержащей числительные *два/две, три, четыре* в именительном падеже.**

Предлагаем поставить себя на место иностранца, изучающего русский язык. Действующие правила, мягко говоря, сбивают с толку иностранных студентов и в своем общепринятом синхроническом изложении представляют собой настоящий вызов здравому смыслу. (Впрочем, ещё до введения в синтагму имени прилагательного.)

1. Родительный падеж единственного числа или именительный падеж нового числа, возникшего от расширения употребления древнерусского двойственного?

Посмотрим, что говорится во всех учебниках и грамматиках? Числительные *два, три и четыре*, стоящие в именительном падеже, управляют родительным падежом единственного числа считаемого существительного. Вот первое сбивающее с толку сведение для иностранца: как может какая-то форма *единственного* числа выразить множество исчисляемых предметов? Правда, как заметил Андрей Анастольевич Зализняк [1967: 46]:

«допустимо и иное истолкование, согласно которому значение множественности заключено в этих случаях только в числительном, а существительное лишь называет вид считаемых предметов. С типологической точки зрения такое решение находит поддержку в фактах, например, финно-угорских или тюркских языков».

Хорошо. Но тогда при чём тут родительный падеж? Допустим, существительное употребляется в единственном числе потому, что оно «лишь называет вид считаемых предметов». Но разве не должно оно стоять в именительном падеже, то есть в самом нейтральном? При чём здесь родительный? Да и ещё необычный родительный, так как у некоторых всем известных существительных (*час, ряд, шаг, шар* и др.) обычный родительный отличается по ударению от того «родительного», которым управляет числительное: говорят *в половине первого часа, после первого шага, с той стороны*, но: *два часа́, два шага́, на все четыре сто́роны*.

Как известно, в вышеупомянутой работе А. А. Зализняк предлагает оригинальное решение вопроса: форму существительного при *два, три и четыре* он считает «девятым падежом», а граммему «девятый падеж» он — вслед за В. В. Виноградовым — называет **счётной формой**, предлагая «условиться считать, что все счётные словоформы относятся к множественному числу», впрочем, прибавляя, что вопрос о том, к какому числу отнести счётные словоформы, «носит по существу лишь формальный характер» [Там же: 48]. Это, конечно, вполне приемлемая точка зрения, в отличие от традиционного истолкования этих форм как формы родительного падежа единственного числа.

Но не экономнее ли просто другое объяснение, притом в соответствии с диакронической действительностью? Не проще ли считать счётные формы всего лишь расширением употребления двойственного числа на 3 и 4, то есть на совсем небольшие количества? Ведь в когнитивном плане у таких небольших чисел, как 2, 3 и 4, есть общая особенность: обозначаемые ими количества предметов воспринимаются сразу. Если, допустим, говорящий заметит на каком-нибудь столе два, три или четыре карандаша, то одним взглядом он мгновенно определит, сколько их, для этого нет необходимости подсчитывать предметы. А если таких предметов больше — то их количество надо подсчитать.

В древнерусском форма *не-единственного* числа, когда предметов всего два, отличалась от формы *не-единственного* числа, когда предметов больше, чем два.

В современном же языке граница просто сдвинулась, ныне охватывая те небольшие числа, восприятие которых интуитивно и не требует подсчёта.

В таких синтагмах, как *два часа́* или *три кни́ги*, представляется экономнее считать *часа́* и *кни́ги* словоформами, стоящими в именительном падеже особого числа — такого числа, в котором можно увидеть либо промежуточное число между единственным и множественным, требующим подсчёта, либо разновидность множественного числа, а именно расширенное на 3 и 4 двойственное число. Название «расширенное двойственное число» правильно подчёркивает историческое происхождение этой формы, но оно может вызвать непонимание: раз двойственное число как таковое утрачено, говорить о расширении его употребления после его утраты может показаться усложнением, а не упрощением картины. Но это всего лишь вопрос терминологии. Цитируя все возможные интерпретации рассматриваемых фактов, А. А. Зализняк говорит о «множественном числе малого количества (*plurale paucitatis*)» [Зализняк 1967: 48]. Можно говорить и о паукальном числе (от лат. *pauci* ‘немногие’). Последний термин имеет то преимущество, что он не обязательно превращает это число в разновидность множественного числа¹.

В современном русском языке почти у всех существительных окончания именительного падежа этого промежуточного числа просто омонимичны морфам родительного падежа единственного числа.

Но само по себе почти полное совпадение морфов родительного падежа единственного числа с морфами именительного падежа паукального числа не доказывает, что паукальное и есть единственное число родительного падежа, а словоформы *рядá*, *часá*, *шагá*, *шарá*, на все четыре *стóроны* — всего лишь единичные исключения с вариативным ударением, употребление которого обусловлено присутствием в синтагме числительных 2, 3 и 4. Например, в первом склонении существительных на *-а* типа *жена* морфы дательного и местного падежей единственного числа идентичны (*жене*), но вряд ли кто-нибудь подумает, что у этих существительных в единственном числе дательный и местный слились в один падеж. Кроме того, тот факт, что в современном языке все существительные, образующие формы единственного числа и формы множественного числа от разных основ, образуют формы паукального числа от основы единственного числа, также не доказывает, что «две *курицы*, два *гражданина*» являются просто обычными формами родительного падежа единственного числа.

Зато образование паукального числа от основы единственного может послужить аргументом в пользу того, что паукальное — число, более близкое к единственному, чем к множественному. Также и в этом отношении паукальное число является продолжением двойственного, которое тоже образовывалось от основы единственного числа². Ещё в самом начале XIX века слово *день* часто встречалось после *два*, *три*, *четыре* со своим историческим окончанием именительного падежа двойственного числа:

¹ Есть основание считать, что как современное паукальное, так и древнерусское двойственное число были ближе к единственному числу (см. ниже).

² Ср.: *никыиже рабъ не можеть двѣма господинома работати* (Архангельское евангелие 1092 г.) [Жолобов, Крысько 2001: 54].

1. Через два **дни** Барон поехал к Принцу [Н. М. Карамзин. Всегдашний маскарад // «Вестник Европы», 1802]³;
2. жил четыре **дни** и скончался 19 ноября в ужасной Слободе Александровской... [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 9 (1816–1820)];
3. Платье сшитое, по заказу вашему, на Руслана и Людмилу прекрасно; и вот уже четыре **дни** какъ печатные стихи, Виньета, и переплеть дѣтски утѣшаютъ меня [А. С. Пушкин. Письмо Н. И. Гнедичу (1821.03.24)].

Особая словоформа *дни* на *-и* после *три* или *четыре* не может быть истолкована иначе, как бесспорный пример распространения употребления двойственного числа на сочетании с *три* и *четыре*. Впрочем, эта словоформа уже выходит за рамки нормативного литературного языка: приобретает сильную стилистическую окраску, она еще может встретиться в художественной литературе второй половины конца XX века:

4. —...держит два-**дни** и три-**дни**, так что ни встать, ни подать я вам не приспею [Александр Солженицын. Матренин двор (1960)].

Часто объясняют омонимичность форм родительного падежа единственного числа и именительного падежа только на основе совпадения окончаний родительного падежа единственного числа с окончаниями именительного падежа двойственного числа у большинства существительных мужского рода второго склонения на *-ѡ-* в древнерусском языке. Но на самом деле в древнерусском эта омонимичность была намного более распространена. Она охватывала и существительные мужского и женского родов третьего склонения на *-ѣ-* (*пути, кости*). Существительные мужского и женского родов пятого склонения основ на согласные тоже имели окончание на *-и-* (при родительном падеже на *-е*, перешедшем впоследствии в *-и*): *матери, свекрѣви, дѣни, камени, десяти*). У существительных среднего рода этого склонения колебание между окончаниями *-ѣ* и *-и* в именительном падеже двойственного числа — явление очень древнее. Как в старославянском, так и в древнерусском они по аналогии приняли окончания *-ѣ* существительных среднего рода второго склонения. Но в общеславянском праязыке у существительных среднего рода с основой на согласный тоже было окончание *-и*.

В какой-то момент в синхронии стали путать эти две омонимические морфемы, что по аналогии повлекло за собой замену исконных морфов именительного падежа двойственного числа существительных женского и среднего родов их окончаниями родительного падежа единственного числа. Не удивительно, что существительные среднего рода и существительные женского рода наиболее продуктивных склонений пошли по одному пути: за исключением вышеупомянутых случаев, распределение родов в древнерусском языке отличало мужской род (*дѣва стола; яже; та...*) от женского и среднего (*дѣвѣ женѣ, дѣвѣ сътѣ; ѣже, тѣ...*).

³ Здесь и ниже, если не оговорено особо, примеры цитируются по Национальному корпусу русского языка (www.ruscorpora.ru).

Представляется совершенно произвольным считать существующие в современном русском языке формы *два пути*, *две кости*, *две свекрови*, *три дочери* формами родительного падежа единственного числа. Это просто формы двойственного числа, сохранившиеся от древнерусского без изменений и получившие более широкое употребление.

Истолкование словоформ *кни́ги* и *часá* в синтагмах *три книги*, *три часа* как формы именительного падежа паукального числа, возникшего вследствие расширения на 3 и 4 бывшего двойственного числа, окончания которого были синхронически перепутаны с окончаниями родительного падежа единственного числа, соответствует истории языка. Между несколькими приемлемыми синхроническими интерпретациями, одна из которых проверена историей языка, а другие — нет, нам представляется предпочтительным придерживаться первой. Если без ущерба для синхронического описания можно сохранить связь между последовательными синхроническими периодами, зачем лишать себя этой возможности? Но допустим, что в синхронии это соответствие как таковое нерелевантно. Даже если оставить в стороне исторический аспект, паукальная трактовка имеет два больших преимущества. Во-первых — экономность. Проще считать, что существительное и числительное стоят в одном падеже. Во-вторых, исчезает «вызов здравому смыслу»: уже не утверждается, что *множественность* выражается единственным числом существительного. Если в финно-угорских или тюркских языках встречается употребление существительного в единственном числе для названия «лишь вида считаемых предметов»⁴, то среди индоевропейских языков такое явление представляло бы собой скорее типологическую аномалию.

3. Употребление имени прилагательного в синтагме, содержащей числительные *два*, *три*, *четыре* в именительном падеже

Но вернёмся к традиционному толкованию и введём в синтагму имя прилагательное. В современном литературном языке, если считаемое существительное — мужского или среднего рода, то определяющее его прилагательное употребляется в родительном падеже множественного числа: *Два новых стола́*; *два больших окна́*. Если же считаемое существительное — женского рода, то определяющее его прилагательное употребляется либо также в родительном падеже множественного числа (*две интересных книги*), либо в именительном падеже множественного числа (*две интересные книги*). Впрочем, если прилагательное находится не между числительным и существительным, а *перед* числительным, то вышеупомянутые правила не соблюдаются и прилагательное перед числительным употребляется только в именительном падеже множественного числа, независимо от рода существительного: *последние два больших стола́*, *первые два больших окна́*, *последние две интересные (интересных) книги...*

Но и это исключение не без исключений: употребляемые для подчёркивания фокусировки на количестве прилагательные *целых*, *полных*, *добрых* употребляются

⁴ См. примеры, приведённые А. А. Зализняком [1967: 46].

в современном языке почти всегда в родительном падеже множественного числа, даже если они предшествуют числительному! *Прошло целых два часа.*

Возможно, носителю русского трудно представить себе всю растерянность бедного иностранца, когда иностранец начинает изучать синтаксис русских числительных... Получается, два прилагательных, относящихся к одному и тому же существительному, могут употребляться в разных падежах, при том, что число этих прилагательных не соответствует числу того существительного, к которому они относятся. Что же это за синтаксическая связь? Неужели в синтагме *последние два месяца* можно еще говорить о согласовании между прилагательным в *именительном* падеже *множественного* числа и существительным, якобы употребляемым в *родительном* падеже *единственного* числа? Разве можно здесь уловить некую чисто синхроническую системность? Конечно, нет. Синхронический подход может только описывать этот хаос, он не позволяет навести в нем порядок, уж не потому ли, что в этой области современной русской грамматики выходит на поверхность диакрония?

Откроем академическую «Граматику русского языка» 1960 года. В параграфе § 612 ещё читаем:

«Употребление именительного-винительного падежа прилагательного делает в словосочетании преобладающим *качественный* оттенок. Сочетания с родительным падежом прилагательного, напротив, делают преобладающим *количественный* оттенок. Поэтому при необходимости привлечь внимание к количественному признаку употребляется родительный падеж прилагательного» [Грамматика русского языка 1960: 370].

4. Две гипотезы

Кажется, этот нюанс утрачен — он уже не упоминается в «Русской грамматике» 1980 года, но, если взглянуть в микродиакронию, опираясь на замечание грамматики 1960 года, мы можем сформулировать две гипотезы о конкуренции форм имени прилагательного в синтагмах с числительными *два, три, четыре*:

1) Пока выбор той или иной формы соответствует нюансу, еще уловимому в живом языке, этот выбор обусловлен прагматическими соображениями. Иными словами, выбор между именительным и родительным зависит от **коммуникативной задачи** говорящего.

2) Вторая наша гипотеза, тесно связанная с первой, заключается в том, что в начальный период современного русского языка, приблизительно до первой четверти XIX века, предложения с прилагательным в именительном и предложения с прилагательным в родительном падеже отличаются также по синтаксической структуре. Именительный падеж тогда употреблялся в личных предложениях, а родительный — только в количественно-бытийных безличных предложениях. Эти две вышеупомянутые разные синтаксические конструкции соответствовали

двум разным коммуникативным задачам: личная конструкция — подчёркиванию качества, а безличная конструкция — подчёркиванию количества. Эти структуры впоследствии **перестроились** и **слились**.

5. Свидетельство А. Х. Востокова

Свидетельство Александра Христофоровича Востокова позволяет проверить обоснованность этих гипотез. В своей «Грамматике» 1831 года он пишет:

«Числительные *два, три, четыре*, в падеже именительном или винительном, когда сочинены с глаголом безличным и предшествуют существительному, при котором находится еще прилагательное, управляют родительным падежом прилагательного только имени, на вопрос, *сколько? каких?* А существительное остается в одном падеже с числительным; например *Ехало два Донских казака. Поставлено два больших стола*». (Далее следуют только примеры с глаголами «в безличной форме».) «Но с глаголом личным, на вопрос *кто? что? какие?* прилагательное согласуется в падеже с существительным и с числительным; напр. *Ехали два Донские казака. Поставлены два большие стола*» [Востоков 1874: 138, § 127].

Иными словами, в предложениях, отвечающих на имплицитный вопрос «кто?», то есть в предложениях, в которых акцент делается на подлежащее и его признаки, употребляется прилагательное в именительном падеже и личный глагол во множественном числе, согласованный с подлежащим. А когда ремой высказывания является сама количественность, то, по Востокову, систематически употребляется прилагательное в родительном падеже множественного числа и глагол в той форме, которую Востоков называет «безличной».

Кажется, звучит слишком красиво, чтобы быть правдой. Существовало ли ещё при Востокове такое чёткое распределение? Соблазнительно считать, что автор нормативной грамматики первой половины XIX века принял желаемое за действительное и сам выдумал закономерность там, где её не было в языке... Но после анализа корпуса, состоящего из произведений Карамзина и Пушкина, приходится констатировать, что факты не противоречат замечанию Востокова.

В счетных синтагмах, в которых числительное *два, три* или *четыре* стоит в именительном падеже, у Карамзина и Пушкина преобладает употребление формы именительного падежа множественного числа имени прилагательного. Примеров много, приведём лишь некоторые с существительными разных родов:

Сии два великие мужа, столь **различные** умом, особливо душою, оба **знали** то, что принадлежит Франции [[Н. М. Карамзин]. О посредстве России и Франции в делах Германии // «Вестник Европы», 1802];

Два светлые метеора блистают над их головами, и лучи их сливаются в ярком свете [[Н. М. Карамзин]. Описание примечания достойной картины Французского живописца Жироде // «Вестник Европы», 1802];

Между тем **два рода знаменитейшие имели право** везде косить хлеб и жечь селения, в знак и в память того, что древние славяне выбрали первого властелина для защиты их от насилия и злодейства [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 1 (1803–1818)];

Два вола впряженные в арбу подымались на крутую дорогу [А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года (1835)];

У него **проявились два новья лица** въ числѣ челядинцевъ [А. С. Пушкин. Письмо Н. Н. Пушкиной (1832.09.25)];

Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю [А. С. Пушкин. Дубровский (1833)];

Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой **изображены были два пылающие сердца** с приличною надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно ее пробуждали [А. С. Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина/Метель (1830)];

Две молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)].

Зато в тех редчайших случаях, когда при *два, три, четыре* в именительном падеже употребляется форма родительного падежа множественного числа прилагательного, сказуемое имеет форму третьего лица среднего рода единственного числа, то есть «безличную форму» Востокова:

Два, три надгробных памятника стояло на краю дороги [А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года (1835)]⁵.

По крайней мере у двух крупнейших писателей рассматриваемой эпохи факты подтверждают свидетельство Востокова. По всей видимости, Востоков пытается фиксировать уже исчезающую закономерность: обе структуры — личное предложение и безличное предложение количественно-бытийного типа — уже начинали сливаться. Во всяком случае через несколько лет у Достоевского, например, часто встречается прилагательное в родительном падеже множественного числа при «личном» (согласованном) сказуемом во множественном числе.

По обеим сторонам широкого внутреннего двора **тянутся два длинных** одноэтажных сруба [Ф. М. Достоевский. Записки из мертвого дома (1862)].

⁵ У Карамзина встречаются только прилагательные в именительном падеже множественного числа в личной конструкции со сказуемым во множественном числе. Низкая частота употребления имени прилагательного в родительном падеже множественного числа в самом начале XIX века легко объясняется прагматической обусловленностью употребления безличной структуры: она выбиралась только в том случае, когда ремой высказывания являлось именно выражение количественности. Ведь при любом другом актуальном членении — а не только когда ремой является качественность или считаемое существительное — в первые годы XIX века употреблялась личная конструкция со сказуемым в множественном числе и прилагательным в именительном падеже множественного числа.

Но анализ Востоковым высказываний типа «*Поставлено два больших стола*» как безличных предложений вызывает другой вопрос: идёт ли речь действительно о «безличных» предложениях генитивного, количественно-бытийного типа или просто об особом виде согласования в третьем лице единственного числа среднего рода?

Как показали Г. А. Золотова и вслед за ней Маргерит Гиро-Вебер, безличные предложения только на поверхности могут показаться односоставными. На самом деле они по сути двусоставные и состоят из двух главных членов: из сказуемого в безличной форме и из субъекта, то есть из именной или местоименной части в каком-то падеже, в зависимости от типа безличного предложения. В количественно-бытийном типе субъект ставится в родительном падеже. Вторая часть предложения содержит само сказуемое и какое-нибудь определение количества, не обязательно выражаемого числительным.

Если приведённые примеры *Ехало два Донских казака. Поставлено два больших стола* воспринимаются Востоковым как безличные предложения — разумеется, количественно-бытийные, — то где же субъект? Отвечает сам Александр Христофорович:

«В ответ на вопрос «сколько» имена количественные два, три, четыре (...) имеют всегда при себе дополнительное слово родительного падежа, *явное или подразумеваемое*, и требуют глагола безличного» [Востоков 1874: 123, § 115].

Кажется, этим всё сказано. Остаётся только подвести итоги.

6. Интерпретация свидетельства А. Х. Востокова

То «дополнительное слово родительного падежа», о котором говорит Востоков, и есть субъект в родительном падеже безличного предложения количественно-бытийного типа. Вспомним, что, по Востокову, этот дополнительный родительный может быть «явным или подразумеваемым». Но разве субъект — один из главных членов количественно-бытийного безличного предложения — может быть подразумеваемым? Конечно, может, если только этот второй родительный либо является повтором первого (тавтологией), либо это родовое название, сема которого всегда наличествует в понятии, выражаемом вторым, эксплицитным словом в родительном падеже, как в предложении *Денег осталось три рубля*. Сема «деньги» заключена в понятии «рубль».

Итак, если мы возвращаемся к примерам Востокова, отвечающим на вопрос *сколько?*, то по свидетельству Александра Христофоровича в языковой системе его эпохи мы должны интерпретировать предложения типа *ехало два Донских казака* как эллиптические количественно-бытийные безличные предложения с опущением субъекта с нулевой информационной нагрузкой при наличии считаемого существительного во второй части предложения.

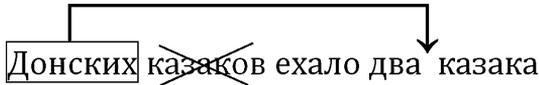
Из свидетельства Востокова можно заключить, что

Ехало два Донских казака

является всего лишь эллиптическим вариантом высказывания

Донских (казаков) ехало два казака.

Слово «казаков», то есть существительное-субъект (то самое слово, которое Востоков называет «дополнительным» родительным) несёт нулевую информативную нагрузку. Существительное «казаков» может быть опущено без ущерба. Осиротевшее после этого опущения прилагательное «Донских» можно переместить, приблизив его к оставшемуся второму существительному «казака».

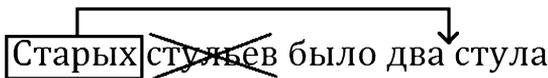
Получается: *Ехало два Донских казака.*

Перемещение не совсем удовлетворительно с точки зрения грамматики: с опущением существительного субъекта в новой поверхностной структуре причина употребления множественного числа прилагательного уже неясна. Но постановка прилагательного рядом с сохранившимся существительным семантически вполне удовлетворительна, так как опущенное и сохранившееся существительные идентичны или обозначаемое опущенного родового названия всегда заключено в обозначаемом сохранившегося существительного. Следовательно, прилагательное, которое определяет первое существительное, может определять и второе.

Разумеется, пример Востокова выдуман *ad hoc*. Но вышеизложенный анализ можно применять к аутентичным высказываниям. Пример из «Преступления и наказания»

Мебель соответствовала помещению: было три старых стула [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

можно интерпретировать точно так же, как пример, приведённый Востоковым:

Замечательно, что идея Востокова о влиянии наличия дополнительного слова в родительном на выбор родительного падежа множественного числа имени прилагательного нашла отклик в «Русской грамматике» 1982 года:

«Если позиция подлежащего занята количественным сочетанием, осложненным вторым род. падежом⁶, причём этим сочетанием называется неодоушев. предмет, то глагол-сказуемое ставится в форме ед. ч.: *Накопилось сто рублей долгу; Осталось два часа времени; Сохранилось четыреста листов рукописей; Набралось двадцать копеек мелочи*» [Русская грамматика 1982, § 2245].

⁶ Курсив наш.

A contrario гипотеза об эллипсисе лишнего второго слова в родительном падеже как о причине появления в синтагме прилагательного в множественном числе родительного падежа обретает ещё большую правдоподобность.

7. Почему говорят «целых два часа» и «две целых и две десятых»?

Итак, заглянув в диахронию, можно разрешить разом несколько синхронически необъяснимых загадок:

— употребление прилагательного в родительном падеже множественного числа в синтагме *два больших стола*,

— совместное употребление двух падежей в синтагме *первые два больших стола*

— и, наконец, колебания типа *две интересные (интересных) книги*.

Кроме того, некогда систематическое употребление безличной структуры количественно-бытийного типа, когда ремой высказывания является количественность, также объясняет такое «исключение из исключений», как употребление в родительном падеже прилагательных *целых, битых, полных* и т. п., предшествующих числительному в таких предложениях, как *Прошло целых два часа*. Акцент делается именно на количественность, что и подчёркивается самим лексическим значением этих прилагательных.

Таким же образом объясняется исключительное употребление родительного падежа множественного числа имени прилагательного в десятичных дробях (*две целых и две десятых*). Даже в XIX веке не встречаются варианты **двѣ целыя и двѣ десятыя*, хотя опущенным существительным после *целых, десятых, сотых, тысячных* и т. п. является слово *доля* или слово *часть*, во всяком случае — существительное женского рода, а с существительным женского рода до сих пор возможно употребление именительного падежа множественного числа. Исключительное употребление родительного падежа опять же объясняется тем, что и здесь количественность — главная информация в высказывании.

8. Заключение

Еще при Востокове существовали две различные синтаксические конструкции, и они соответствовали разным актуальным членениям. Впоследствии обе структуры слились, так что прилагательные в именительном падеже множественного числа стали появляться и в безличных количественных предложениях, а прилагательные в родительном падеже множественного числа — не только в безличных предложениях, но и в согласуемых предложениях со сказуемым во множественном числе (ср. в современном языке: *Продаются два больших стола. Из этой библиотеки продано две интересные книги*).

Синтаксическое различие утратилось первым, от него остались только разные формы прилагательного, но ещё некоторое время продержалось прагматическое (информативное) различие. В течение XIX века утратилось и оно, и на этом

пешле появилось другое различие, чисто формальное, по роду считаемого существительного.

Стоит только напомнить эту историю, и описанный синхронический хаос вдруг обретает смысл. Допустим, Александр-Вольдемар Остенек (Востоков), русский подданный балто-немецкого происхождения, редактирующий строго нормативную грамматику, «придумал» излагаемую в его труде закономерность. Допустим, уже при нём обе синтаксические структуры начали сливаться в одну и оставалась только прагматическая разница. Тем не менее вытекающая из замечаний Востокова трактовка колебания относительно формы имени прилагательного при *два*, *три* и *четыре* как последствия слияния двух сначала различных синтаксических конструкций представляется единственным объяснением, способным оправдать употребление в числительной синтагме прилагательного в *родительном* падеже множественного числа.

Безусловно, причины употребления некоторых форм могут быть забыты в синхронии. Остаётся только хаос, и можно решить довольствоваться им. Но этот хаос состоит из определённых форм. А язык — не Бог: он не создает из ничего. Язык всего лишь демиург, повторно использующий уже существующий материал. Имеет смысл задуматься о происхождении этого переработанного материала для освещения его нового употребления.

Надеемся, что этим примером использования диахронии во вспомогательной роли для наведения системности и логичности в зыбких, еще меняющихся областях языка, где чистая синхрония не способна разобраться с хаосом, мы показали, что давно пора перестать воспринимать оба лингвистических подхода, диахронию и синхронию, как взаимоисключающие. Ни в коем случае не отрицая их различие, мы должны вспомнить, что они взаимодополняющие.

И пусть лингвистика свободно дышит двумя лёгкими.

Литература

Востоков А. Х. Грамматика по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. Спб., 1831. 12-е издание. Спб., 1874.

Грамматика русского языка. М.: Институт русского языка АН СССР, 1960.

О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II. Двойственное число. М., 2001.

А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Г. А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва: Наука, 1982 (6-е изд. М.: УРСС, 2009).

Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Русская грамматика. М.: Институт русского языка АН СССР, 1982.

Azam O. Structure métainformative de l'énoncé et choix de la forme de l'adjectif qualificatif // *Revue des études slaves*. LXXXII/4. 2011. P. 691–707.

Garde P. Pour une méthode bisynchrone // *Travaux du Cercle linguistique d'Aix-en-Provence*. 6. 1966. P. 151–167.

Guiraud-Weber M. Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris: Institut d'Études Slaves, 1984.

Saussur F. de Cours de linguistique générale. Paris: Payot, 1916 (rééd. 1995).

Olivier Azam

*École normale supérieure / Centre de Linguistique en Sorbonne
(Paris, France)*

**PRODAJUTSJA DVA BOL'SIX STOLA. SYNCHRONY ASSISTED BY
DIACHRONY. ABOUT THE USEFULNESS OF THE DIACHRONIC
APPROACH TO EXPLAIN SOME DIFFICULT GRAMMATICAL PROCESSES
IN CONTEMPORARY RUSSIAN**

Until the beginning of the 20th century the study of language was considered just one thing: the history of a language was not opposed to the study of a language at one particular moment. The difference between synchrony and diachrony established by Saussure radically changed the situation, putting synchrony at the center of linguistics. However, the legitimate distinction between the two linguistic approaches imperceptibly became opposed.

Meanwhile, when we do encounter diachrony in synchrony, diachrony appears as chaos produced by a microsystem in transformation process. This then justifies the introduction of the diachronic approach. There are many examples of the benefits of the diachronic approach when it comes to clarifying some of the more dubious grammatical fields of contemporary Russian. This paper introduces one of those examples: the analysis of the choice of the form of the adjective in numeral syntagma, containing the numerals *dva/dve, tri, četyre* in the nominative case in contemporary Russian. By proposing to consider the forms of the noun after *dva/dve, tri, četyre* not as a genitive but rather as a “paucal”, historically originating from the extended dual, this article demonstrates that the structure of phrases like *Prodajutsja dva bol'six stola* which cannot be successfully analyzed in terms of synchrony could really be explained in terms of diachrony, if we suppose that those phrases stem from two different syntactic structures. These structures — personal or impersonal numeral clauses — formerly used for distinct pragmatic purposes, fused afterwards and were then structurally transformed, which has led to the current hesitation between the genitive and the nominative case of adjectives.

With the examples of the usefulness of diachrony as a support to establish order and logic in the changing fields of language which are still in transformation, this paper aims to show that it is high time to perceive both linguistic approaches as complementary.

Key words: diachrony, synchrony, polysynchrony, numerals, extended dual, paucal, adjective, pragmatics, personal and impersonal numeral sentences, topic and comment.

References

- Azam Olivier. Structure métainformative de l'énoncé et choix de la forme de l'adjectif qualificatif, *Revue des études slaves*, Paris, LXXXII/4, 2011, pp.691–707.
- Garde Paul. Pour une méthode bisynchrone, *Travaux du Cercle linguistique d'Aix-en-Provence*, 6, 1966, pp. 151–167.
- Grammatika russkogo jazyka*. Moscow, Institut russkogo jazyka ANSSSR, 1960.
- Guiraud-Weber Marguerite, *Les propositions sans nominatif en russe moderne*, Paris, Institut d'Études Slaves, 1984.
- Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* (www.ruscorpora.ru).
- Russkaja grammatika*. Moscow, Institut russkogo jazyka ANSSSR, 1982.
- de Saussure Ferdinand. *Cours de linguistique générale*, Paris, Payot, 1916, rééd. 1995.
- Vostokov A. H. *Grammatika po nachertaniju ego zhe sokrashhennoj grammatiki polnee izlozhennaja*. St Petersburg, 1831. 12-e izdanie. St Petersburg, 1874.
- Zaliznjak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow, 1967.
- Zholobov O. F., Krys'ko V. B. *Istoricheskaja grammatika drevnerusskogo jazyka. T. II. Dvojstvennoe chislo*. Moscow, 2001.
- Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa*. Moscow, Nauka, 1982 (6-e izd. St Petersburg: URSS, 2009).

И. В. Вернер
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
inna.verner@mail.ru

К ПРЕДЫСТОРИИ КОДИФИКАЦИИ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИКЕ*

В статье рассматривается проблематика, связанная с осмыслением форм творительного падежа в церковнославянской парадигме в период, непосредственно предшествовавший кодификации творительного в «Грамматике словенской» Лаврентия Зизания 1596 г. Выделению творительного в особый падеж при совмещении флексий датива и локатива как вариантных форм дательного падежа у Зизания предшествовали попытки распределения функций творительного между локативом и генетивом с помощью предложно-падежных конструкций. Основанием для этого стало моделирование славянской грамматики по образцу греческой и латинской, представленное в переводе латинского «Доната» Дмитрия Герасимова и в переводе с греческого Псалтыри 1552 г., выполненном Максимом Греком. Две основные функции творительного — логического субъекта в пассивной конструкции и инструмента или средства — были делегированы предложным конструкциям: **отъ** + генетив (в «Донате» Герасимова как эквивалент латинского аблатива) и **въ** + локатив (в грецизированных переводах М. Грека как эквивалент греческого датива). Обе предложно-падежные конструкции имеют свою предысторию в переводной церковнославянской книжности, однако регулярность этих форм в рассматриваемых текстах, а также наличие параллельных конструкций в славянских литературных языках XV–XVI вв. позволяют говорить о несостоявшейся попытке их искусственной грамматикализации еще до появления нормативных грамматик. Дополнительным основанием для такого грамматического осмысления предложно-падежных конструкций — эквивалентов творительного падежа является их экзегетический статус в текстах Св. Писания как маркеров агенса или действующего лица (прежде всего, сакрально отмеченного первого лица).

Ключевые слова: творительный падеж, церковнославянские переводы с греческого и латыни, Максим Грек, Дмитрий Герасимов, Псалтырь, экзегеза грамматики.

* Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00390а.

Творительный падеж, как известно, является самым проблемным в славянской падежной парадигме с точки зрения определения его доминантного грамматического значения и синтаксической функции. В диахронной ретроспективе осмысления и выделения Тв. п. как самостоятельной единицы в процессе грамматической кодификации церковнославянского языка этот падеж вызывает у славянских книжников не меньшие сложности, чем у современных исследователей, ввиду невозможности прямого соотнесения славянского Тв. п. с каким-либо падежом греческой или латинской парадигмы в рамках средневековой «аналогической» грамматики. Учитывая методологический для средневековья характер аналогии с грамматикой классических языков, «дело о кодификации творительного падежа»¹ может и должно включать в себя данные переведенных с греческого и латыни текстов, созданных еще до появления нормативных церковнославянских грамматик, но непосредственно предшествовавших им хронологически и функционально.

Самый ранний переводной славянский грамматический трактат «О восьми частях речи» не содержит никакой информации о Тв. п., отражая лишь пять греческих падежных форм в разной последовательности [Никольский 1995]. Впервые Тв. п. появляется у Лаврентия Зизания в его «Грамматике словенской» 1596 г. В парадигме Зизания Дат.-Мест. представляют собой один падеж (формы локатива приведены в качестве вариантов флексий Дат.п.), а Тв. п. занимает отдельное место в парадигме (за исключением дв. ч., в котором Дат. и Тв. совпадают и потому представлены одной формой). Зизаний никак не определяет значения того или иного падежа [Грамматики 2000: 51]:

Єдинствѣннаго Числа	Двойствѣннаго Числа
да ^т . члкъ ѿ члцѣ.	д.т. члкома снѣгома
тв. члкомѣ.	снѣго ^м

Следующий шаг был сделан М. Смотрицким, дифференцировавшим в Грамматике 1619 г. Дат. и Мест. (Сказательный): Да^т: томѣ дрѣгѣ, Твор: тѣмѣ дрѣгомѣ, Ска^з: ѿ том дрѣзѣ [Грамматики 2000: 190]. Семантика каждого падежа (кроме Род.) была обозначена «этимологическим» образом: Творѣтѣный єсть ѿм же творимѣ: ѿкѣ, члвкомѣ [Там же: 170].

На первый взгляд, Тв. п. в связи с этой схемой не вызывает особых проблем. Закрепление за Тв. и Сказ. отдельных локусов в падежной парадигме было усвоено и позднейшими многочисленными грамматиками церковнославянского и русского языков. Однако обращение к терминологии этих грамматик наглядно демонстрирует, что в большинстве случаев и творительный, и сказательный падежи мыслились грамматистами XVII–XVIII вв. как производные латинского аблатива: так, у Генриха Лудольфа и Жана Соје это Ablativus Instrumentalis и просто Ablativus, у Йоахима Шталя Ablativus 1 и Ablativus 2; есть и некоторые другие вариации, ср. ниже выборку из сравнительной таблицы, составленной С. Менгель [2015: 456]:

¹ Формулировка является отсылкой к известной работе А. Вежбицкой «Дело о поверхностном падеже», предметом рассмотрения которой выступает семантика русского творительного падежа [Вежбицка 1985].

Русские грамматики XVII — начала XVIII вв.	«Творительный» по Смотрицкому (1619)	«Сказательный» по Смотрицкому (1619)
Г. Лудольф (1696)	Ablativus Instrumentalis	Ablativus
Э. Глюк (1704)	der andere Ablativo	Ablativus
Ж. Сойе (1724)	Ablatif Instrumental	Ablatif
Grammatica Russica Hamburgensis (1705–1728)	Instrumental	Ablativ
Й. Шталь (1720–1727)	Ablativus 1. Instrumentalis	Ablativus 2. Narrativus

Таким образом, вплоть до XVIII в. славянская грамматика воспринимается европейскими филологами как слепок с моделей классических языков, и в случае с падежами латинская парадигма, разумеется, оказывается предпочтительнее греческой именно из-за аблатива. Для опытов грамматической рефлексии докодификационной эпохи матрица классических языков является еще более значимой. В дальнейшем изложении эта значимость будет продемонстрирована на материале грамматических сочинений Дмитрия Герасимова и библейских переводов Максима Грека. Оба автора, работая в 20-е гг. XVI в. вместе в Чудовом монастыре как переводчики Толковой Псалтыри, а позднее параллельно, впервые привнесли сам «концепт» грамматики в церковнославянскую практику и соединили в ней западную латинскую грамматическую традицию (благодаря усилиям Дмитрия Герасимова) и византийскую греческую (отраженную в трудах Максима Грека)².

У Д. Герасимова в его переводе латинского Доната Тв. п. нет вообще: латинскому аблативу всегда соответствует Род. п. с предлогом **отъ**. Предлог **отъ** выступает эквивалентом латинского a(b), формального маркера аблатива [Захарьин 1991]. Тв. п. в славянском тексте игнорируется и представлен лишь маргинально³. Он уходит в область так называемых личных наречий (**прѣлогъ словныи** в терминологии Герасимова) *tecum, tecum, secum, nobiscum, vobiscum* и в область composita — сложных с частицей местоимений, в число которых входят и формы типа *egomet, tuimet, suimet, sibimet*. В обоих случаях латинским формам соответствуют сочетания Тв. п. с предлогом **съ**: **со мно^ю, с товою^ю, с совою^ю, с нами и с мон^а, с твоимъ^ь, с свон^а, с совою^ю** [Tomelleri 2002: 306, 336]. В разделе, посвященном латинским предлогам, Тв. п. появляется не только после **съ**: **прѣ село^а, прѣ сѣ^алице^а, за верего^а, на небо^а, прѣ сведѣтели**.

Единичные случаи появления падежной формы Тв. в парадигмах имеют отношение к причастиям наст. вр., где в Дат. мн. стоит форма **сима чтѣщима** (*hiis legentibus*), и местоимениям женского рода **сѣа ista, сѣа hes, сѣа ea**, которые в Дат.

² Имело место не только сосуществование представленных в разных грамматических сочинениях двух традиций, но и попытки их синтеза в рамках одного и того же текста. Наиболее известным примером являются «Простословия» старца Евдокима [Ягич 1896: 912–949].

³ Речь идет об основном тексте грамматики. Примечательно, что в метатекстах, т. е. не имеющих латинского соответствия славянских вставках, Тв. п. также присутствует в весьма незначительном количестве [Tomelleri 2002: 219–220, 256–259, 260–261, 264–65, 269–270, 274, 277, 280, 308, 327–331, 363–365, 386–387].

мн. имеют форму **сѣма** (istis et hiis) и **ѿма** (eis). В обоих случаях мы видим, на самом деле, формы двойственного числа, в котором Дат.-Тв. совпадают, и Тв. п., таким образом, попадает в парадигму по праву омонимии. Перечисленные примеры исчерпывают собою весь список форм Тв. п. в переводе Герасимова.

Конструкция **отъ** + Род. в Донате de facto заменяет собою Тв. п. в пассивных конструкциях⁴. Поскольку в *Ars minor* синтаксис как раздел отсутствует, зафиксированы эти пассивные конструкции в первом церковнославянском синтаксическом трактате «Правила грамматичные», также переведенном с латыни и приблизительно в то же время, что и Донат⁵: **сїе причастїе цѣлѹющїисѧ пасе҃т то҃кмо ѿрицѣтелнаго, ꙗко целѹющїисѧ ѿ тебе <...> цѣлѹющїисѧ, ѿма҃т разо҃мъ страдалныи.** hoc participium *osculandus* regit tantum ablativum, ut «*Osculandus a te*» <...> *osculandus* habet sensum passivum [Tomelleri 1999: 105–106]. В тексте трактата разные глагольные формы пассива, представленные в Донате, дополнены до пассивных конструкций, ср.: **стоитѣ ѿ мене. течетсѧ ѿ тебе. четсѧ ѿ того** (*Statur a me, Curritur a te, Legitur ab illo*), **целѹе҃ ѿ сѧ ѿ тебе, ѿ сѧ целованѣ ѿ тебе** (*Osculor a te, Sum osculatus a te*) [Tomelleri 1999: 100, 105].

Это единственное прескриптивное указание на выражение агенса пассивной конструкции, предшествующее Грамматике М. Смотрицкого. В нем, так же как и в именных парадигмах Д. Герасимова, полностью отсутствует Тв. п.. Тот факт, что Род. с предлогом **отъ** как эквивалент латинского аблатива удачно совпадает с хорошо освоенным в церковнославянских текстах способом перевода греческого пассива с *ὄλο*, упрощает и облегчает задачу переводчика: под углом зрения латыни Тв. п. оказывается неактуален и в грамматике, и в синтаксисе.

Конкуренция Тв. п. и Род. п. с предлогом **отъ**⁶ в пассивных конструкциях характерна уже для самых ранних старославянских памятников: есть параллельные чтения, где разные евангельские тексты используют варианты оформления агенса при одном и том же глаголе: М 16:11 **видѣнѣ бѣистѣ отъ нея // видѣнѣ выстѣ кѣ**, Лк 21:17 **бѣдете ненавидими отъ всѣхъ // всѣми** [Večerka 1993: 258]. Экспансия предложных форм Род. п. в русской церковнославянской книжности связывается с периодом второго южнославянского влияния: в XII–XIV вв. аналитические конструкции вытесняют формы беспредложного Тв. п. в болгарских текстах [Творительный 1958: 133]. В церковнославянских текстах XV–XVI вв. неко-

⁴ Пассив в соответствующих разделах Доната представлен исключительно набором глагольных парадигм, пассивные обороты не являются объектом грамматики, встречаясь лишь в мета-языке описания, ср. **два причастїа вземлютсѧ ѿ слова страда҃на** duo participia trahuntur a verbo passivo [Tomelleri 2002: 413, 485].

⁵ Славянский текст, сохранившийся в двух списках второй половины — конца XVI в., является переводом латинского трактата *Regulae congruitatum, constructiones et regimina*, неоднократно издававшегося в Германии в к. XV — середине XVI в. [Tomelleri 1999; Ягич 1896]. Очевидно происхождение славянского текста из новгородского Геннадиевского круга, принадлежность перевода Д. Герасимову лишь предположительна [Tomelleri 1999: 73–74].

⁶ Вопрос о происхождении и генезисе конструкции **отъ** + Род. п., обозначающей логический субъект пассива, не имеет до сих пор однозначного решения и не входит в рамки нашего рассмотрения; резюме существующих точек зрения см. в [Večerka 1993: 258].

торый перевес будет на стороне Род. п. с предлогом (к примеру, в первом послании И. Грозного к А. Курбскому его в 4,5 раза больше, чем Тв. п.) [Творительный 1958: 139], что совсем нехарактерно для летописей и тем более памятников деловой письменности, где Тв. п. удерживает за собой первенство [Борковский 1949: 360].

В книжных текстах некоторую конкуренцию предложно-падежным конструкциям Тв. п. составляет только в случаях, когда логический субъект пассива представляет собой не лицо, а предмет. Это полностью соответствует положению дел и в латыни, и в греческом, где *ab* с аблативом и *ὄτις* с генетивом употребляются только с лицом, а беспредложные греческий *dativus instrumenti* и латинский *ablativus instrumenti* — с агенсом-не лицом. Периферийно эту дистрибуцию падежей отражают «Правила грамматичные», в которых представлены примеры *содръжѣса тою вещью, но отхожю от тебе, навыкаю от тебе: слово прехоное. роженое. ѿ пасти неправого. клоненіа <...> родственомъ ѿли дателномъ ѿли виновномъ ѿли ѡрицателномъ совокъпліуютса <...> іако содръжюса тою вещью. ѡхожю ѡ тебе. навыкаю ѡ тебе* (*verbum transitivum natum est regere obliquum <...> genetivo vel dativo vel accusativo vel ablativo iunguntur <...> ut «Fruor illa re», «Recedo a te», «Disco a te»*) [Tomelleri 1999: 97].

Пассивная конструкция присутствует здесь только в первом примере, тогда как другие два иллюстрируют глагольное управление, о котором, собственно, и идет речь в данном фрагменте «Правил грамматичных». Это единственный момент в переводных с латыни грамматиках, который указывает на пока еще только потенциальную связь аблатива с Творительным через агенс-не лицо в пассиве.

Иначе грамматическая нелегитимность славянского Тв. п. отражена в переводе Псалтыри 1552 г.⁷, выполненном Максимом Греком уже в конце жизни, когда Максим уже отлично владел церковнославянским. Сравнение текста, представленного в самых ранних Соловецких списках и интерлинейных Троицких списках, с предшествующей церковнославянской редакцией, с одной стороны, и с поздними списками XVII в. Псалтыри 1552 г. — с другой, наглядно показывает «поражение в правах» Тв. п.. Количество его форм у М. Грека ощутимо редуцировано по сравнению как с Киприановской редакцией, отраженной в Троицкой Псалтыри к. XV в. (РГБ, ф. 304.1, № 315), так и с позднейшим Троицким списком Псалтыри 1552 г. (РГБ, ф. 304.1, № 62), относящимся к сер. XVII в.⁸

И старший, и младший текст совпадают в том, что в них используется Тв. п., тогда как Максим Грек предпочитает Мест. п. с предлогом **въ** на месте Тв. п. Речь идет о двух основных значениях Тв. п.: инструментальном (орудийном)

⁷ Псалтырь 1552 г. не вполне корректно называть собственно переводом: совершенно очевидно, что Максим Грек имел перед собой старший церковнославянский текст Псалтыри (так называемой Киприановской редакции) [Вернер 2013]. Правкой эту работу назвать тоже нельзя, поскольку текст подвергался не точечным исправлениям, не конъектурам, а последовательно сверялся с греческим. Несмотря на неупотребительность термина, правильнее было бы говорить о ревизии текста (в этом случае нетерминологичность оправданна, так как подобная практика до Максима Грека русским книжникам была недоступна).

⁸ Сведения о списках Псалтыри 1552 г. см. [Вернер 2013: 104–107].

и причинном. Тв. п. инструмента или орудия представлен не только отвлеченными, абстрактными именами (контекстов такого типа много в Псалтыри), но и конкретными, предметными существительными, для которых Тв. п. и в современном русском языке остается единственным способом выражения этого значения, ср. соответствующие конструкции *направить рукой, возгласить гортанью, говорить устами, завладеть оружием, обуздать челюсти уздой и удилами, воскликнуть голосом*:

	Троицкая Псалтырь №315 (РГБ, ф.304.1)	Псалтырь 1552 г. (РГБ, ф. 173.1, №8)	Троицкая Псалтырь №62 (РГБ, ф. 304.1)
21:8	оустнами	гласа во оустнах	оустнами
31:9	броздами ѿ оуздой	въ броздахъ ѿ оуздѣ, челюсти ихъ встагнешн	броздами ѿ оуздой
113:15	гортанемъ своимъ	не возгласѣ в гортани своеѣ	гортанемъ своимъ
76:21	рѣкою мѡисеевою, и дароною	наставилѣ еси ѿкоже овцы люди твоѣ, в рѣцѣ мѡисеевѣ и дароновѣ	рѣкою мѡисеевою, и дароною
43:4	не оружїемъ бо своимъ	не во оружїи во своемъ, наслѣднша землю	оружїемъ своимъ
46:2	гласомъ радости	воскланкните гл҃го. въ гласѣ радованїѣ	гласомъ радости
2:9	палицею желѣзною	упасешн ихъ, въ палицы желѣзней	жезло желѣзныѣ

Так же последовательно на предложно-падежные сочетания заменяется Тв. п. отвлеченного орудия, намного чаще представленный в псалтырных контекстах (*возвеселить радостью, смести гневом, избавить правдой, навести ветер силой* и т. д.):

	Троицкая Псалтырь №315 (РГБ, ф.304.1)	Псалтырь 1552 г. (РГБ, ф. 173.1, №8)	Троицкая Псалтырь №62 (РГБ, ф. 304.1)
20:7	радостїю	възвеселиши егѡ, въ радости	радостїю
20:10	гнѣвомъ своимъ	гдѣ въ гнѣвѣ егѡ, сматѣтъ ихъ	гнѣвомъ своимъ
70:2	правдою твоєю	въ правдѣ твоѣи, избави мѣ	правдою твоєю
64:7	крѣпостїю своєю <...> силою	готовѣа горы въ крѣпости своѣи. преподсанъ в силѣ	крѣпостїю своєю <...> силою
77:26	силою своєю	наведѣ въ силѣ своѣи ливов	силою своєю
89:7	гнѣвомъ твоимъ. и ѿростїю твоєю	ѿко оскѡдѣхо въ гнѣвѣ твоѣмъ, и въ ѿростн твоѣи смѣтихомѣ	гнѣвомъ твоимъ, и ѿростїю твоєю
82:16	вѣрєю твоєю. и гнѣвомъ твоимъ	поженешн ихъ. вѣрєю твоєю. и въ гнѣвѣ твоѣмъ. смѣтиши ихъ	вѣрєю твоєю. и гнѣвомъ твоимъ

Во всех случаях Максим Грек устраняет Тв. п., присутствовавший в старшем тексте, а переписчик Максимовой псалтыри в XVII в. считает необходимым эти формы восстановить. Речь идет не о единичных случаях замен у Максима, а об очень последовательной правке, отступления от которой являются единичными исключениями.

То же самое происходит и с Тв. п. причины — еще одним из основных значений этого падежа:

	Троицкая Псалтырь № 315 (РГБ, ф. 304.1)	Псалтырь 1552 г. (РГБ, ф. 173.1, № 8)	Троицкая Псалтырь № 62 (РГБ, ф. 304.1)
77:64	орѹжїемь	въ ѡрѹжїи падоша	орѹжїемь
17:9	гнѣвомь	взыде дымъ въ гнѣве его	гнѣвомь
20:8	мѣтїю	и въ мѣти вышна, неподвижна	мѣтїю
89:7	гнѣво ^м твоимь <...> я́ростїю твоею	оскѹдѣхо ^м во гневѣ твоёмъ, и въ я́рости твоей смѣтихомся	гнѣво ^м твои ^м <...> я́ростїю твоею
54:3	печалїю моюю	возвъскорѣхъ въ печали мои	печалїю моюю
5:8	множество ^м	а́же во мно́жествѣ мѣти твоеѣ, внидо ^х въ до́мъ твои	множество ^м
67:11	бл҃гостїю твоею	о́готовалъ еси въ бл҃гѣти твоеи о́вогомѣ бже	бл҃гостїю твоею
30:11	нищетою	изнеможе въ нищетѣ	о́во́жество ^м

В современном русском переводе значение причины выражается также предложно-падежными конструкциями (как и в других славянских языках, в русском творительный причины за небольшими исключениями утратился), однако они не соответствуют варианту Псалтыри 1552 г. (*от гнева, по милости, от ярости* и т. д.).

Вообще говоря, выделение разных значений Тв. п. в данном случае можно считать избыточным: очевидно, что М. Грек исходил из греческой предложно-падежной конструкции *ἐν* + датив, которая обслуживает и локативные, и в широком смысле разные обстоятельственные значения. В русских церковнославянских текстах подобные грецизированные формы встречаются единично, большее их распространение характерно для южнославянских переводов существенно более раннего времени. Наиболее полно аналогичные предложно-падежные формы представлены в Норовской псалтыри (ГИМ, Увар. № 285) первой половины XIV в., отличающейся максимальным (граничащим с избыточным) приближением славянского текста к греческому [Норовская Псалтырь 1989: 73; Чешко 1982: 82]. Для Норовской Псалтыри в рамках соблюдения пословного принципа характерна передача любых греческих предложно-падежных конструкций. Чрезмерный буквализм этого перевода выгодно оттеняет формально-семантическое соответствие форм М. Грека греческим: в стремлении следовать оригиналу южнославянские переводчики не всегда различают разные значения греческого предлога и безосновательно заменяют беспредложные славянские формы предложными, ср. 36:1 *не прѣревноуїи въ лжкавноуѣщи* *ἐν* *πονηρευμένοις* (цит. по Чешко 1982:70).⁹

⁹ Норовская Псалтырь, предположительно возникшая ранее Афонской редакции Псалтыри и использованная при создании последней [Чешко 1982: 86], содержит не вполне совпадающие с Псалтырью 1552 г. чтения, в которых представлена предложно-падежная конструкция на месте *ἐν* с дативом. Издатели текста также отмечают наличие позднейшей правки предложно-падежных конструкций на Тв. п. без предлога [Норовская Псалтырь 1989: 74]. Сравнение этого текста

Обстоятельственные значения в греческом тексте могут быть выражены и беспредложным дативом, и в этом случае эквивалент греческого датива — славянский беспредложный Тв. п. — сохраняется в Псалтыри 1552 г. в неприкосновенности: 23:4 **неповѣине** рѣкама, ѿ чистѣ срѣцемѣ (ἀθῶρος χερσὶν καὶ καθαρὸς τῆ καρδίᾳ), 50:9 **окропиши мѧ иссопом** (ῥαντίζεις με ὑσσώπῳ), 50:14 **дѣхомъ вѣчни** оутверди мѧ (πνεύματι ἡγεμονικῷ στήρισόν με), 68:14 **азъ***, **мѣтвоею моею** к тебѣ (τῆ προσευχῆ μου), 44:4 **препоаши орѣжѣ свое, по бедре твоей силне** красотою твоею, ѿ **доброю твоею** (τῆ ωραιότητί σου καὶ τῷ κάλλει σου), 67:12 **гъ** **подастѣ глѣ**, **блговѣствѣюци** **силою мною** (δυνάμει πολλῇ). Лишь считанное количество Тв. падежа без предлога в Псалтыри 1552 г. является соответствием греческого датива с предлогом, совпадая с чтениями старшей редакции славянского текста. Таким образом, подавляющее большинство форм Тв. п. в тексте Псалтыри 1552 г. соответствует беспредложному дативу в греческом. Так же как и в грамматических сочинениях Д. Герасимова, беспредложный Тв. п. у М. Грека имеет относительное право на существование, теперь уже под углом зрения греческой грамматики, но преимущественно как эквивалент греческого беспредложного датива.

Подобный взгляд извне на славянскую падежную парадигму (сквозь призму латыни и греческого) de facto приводит к тому, что в период, когда Тв. п. еще не узаконен в славянских грамматиках, его основные функции делегируются предложным конструкциям с генетивом и локативом. Регулярность этих форм в рассматриваемых текстах, а также наличие параллельных конструкций в славянских литературных языках XV–XVI вв.¹⁰ позволяют говорить о несостоявшейся попытке их искусственной грамматикализации до появления нормативных грамматик. Если сравнить эту ситуацию с живым языком, где история Тв. п. — это история его постоянного взаимодействия и борьбы с предложно-падежными конструкциями [Творительный 1958:127], то налицо некоторые параллели (но не пересечения).

Таков грамматический статус рассмотренных предложно-падежных конструкций в книжном языке, однако их объяснение (равно как и многих других грамматических конструкций и синтаксических форм, зависящих от языка-источника) буквализмом перевода, соблюдением пословного принципа, грецизацией/латинизацией является хотя и очевидным, но не достаточным, поскольку апеллирует лишь к формальной стороне дела. Мотивация подобного буквализма в той или иной степени

с Псалтырью 1552 г. позволяет говорить, по нашему мнению, исключительно о типологических параллелях переводческой практики, но не о текстологических связях.

¹⁰ В книжных чешских и польских текстах XV–XVI вв., оригинальных и в особенности переведенных с латыни, широко представлен аналог церковнославянского **отъ** — соответствующий латинскому *ab* предлог *od* [Творительный падеж 1958: 143–148]. Соотношение *od* + Род. п. и Тв. п. как средств указания на агенса пассива в западнославянских литературных языках также позволяет провести аналогии с церковнославянской ситуацией; в качестве параллельных вариантов следует рассматривать и чешское *skrze*, польское *przez* в сочетании с Вин. п. лица (последнее актуализировало значимость **чрезъ** в церковнославянском узусе XVII в.). Мест. п. с предлогом **въ** также имеет свое западнославянское соответствие: в чешских библейских переводах XVI в. латинский аблатив с предлогом *in* так же, как *ἐν* с дативом у М. Грека, переводится предложно-падежной конструкцией [Вернер 2015: 397].

связана и с теологической соотнесенностью грамматики: уподобленные греческим/латинским моделям формы служат выражению универсальных в представлении книжников категорий (необязательно грамматических, а скорее функционально-семантических категорий), которые, в конечном счете, суть отражение сугубо экзегетических отношений. Тв. п. и все его синтаксические эквиваленты в книжных текстах, рассмотренные выше, имеют прямое отношение к лингво-экзегетической категории агенса или действующего лица (прежде всего, сакрально отмеченного первого лица) — одной из важнейших для средневековой грамматики. Если глагольные флексии, указательные и личные местоимения являются «грамматически эксплицированными» маркерами лица [Захарьин 1995: 11–12], то предложно-падежные конструкции имеют не меньшую значимость вне парадигматического представления грамматики — для истолкования грамматики в тексте Св. Писания.

В отличие от Тв. п., предлог **отъ** с Род. п. агенса-лица (как в пассивной конструкции, так и в рамках глагольного управления вообще¹¹) был «сильным» вариантом уже исходя из его наличия в первых стихах Евангелия от Иоанна: **искони бѣаше слово. ꙗко слово бѣ ꙗко бѣ. и бѣ бѣ слово. се бѣ искони ꙗко бѣ.**¹² В XVII в. соотнесенность **ꙗко** как эквивалента **ꙗко** с главным действующим лицом, а **чрезъ**, соответствующего **διὰ**, — с посредником действия¹³ станет аргументом в спорах о *filioque*, в которых участвовали Стефан и Лаврентий Зизаний, Симеон Полоцкий и Евфимий Чудовский. Речь идет о допущении предлога **чрезъ** в формулировке исхождения Св. Духа «от Отца через Сына», обсуждаемой в «Изложении о православной вере» Стефана Зизания, «Беседе о Святом Духе» Симеона Полоцкого и его печатном катехизисе 1679 г., а также в трактате «О исправлении в прежде печатных книгах Минеях неких бывших погрешений в речениях» Евфимия Чудовского. Ср. в тексте «Беседы о Святом Духе» С. Полоцкого: «Чрезъ его же д(у)хъ с(вя)тый исходитъ, о(т) того исходи(т). [ибо, чрезъ и о(т) в роде вины деющія, тожде знаменуютъ, яко чрезъ с(ы)на мѣръ создася. Оубо о(т) с(ы)на мѣръ создася] но д(у)хъ с(вя)тый исходитъ чрезъ с(ы)на. Оубо и о(т) с(ы)на. О(т)ветъ. О(т)рицаю болшее. И ко оутверженію о(т)вещаю: чрезъ и о(т), тожде знаменуютъ в б(о)ж(е)стве ко еже внутрь, о(т)рицаю, ко еже вне соизволяю. Къ тому во Гречестемъ писаніи предлогъ Діа вземлется за синъ, сиречь за со, и купно. Купно бо со с(ы)номъ д(у)хъ с(вя)тый исходитъ о(т) о(т)ца» (ГИМ, Син. 289, л. 7об), цит. по [Корзо 2011: 94].

¹¹ В XVII в. Евфимий Чудовский, рассуждая о предлоге **отъ**, уже четко разделяет его «обстоятельствоное» и «агентивное» употребление при неодушевленных и одушевленных именах соответственно: **ꙗко ꙗко прѣло знаменуетъ ꙗко мѣста движеніе при бездѣшныхъ: ꙗко ꙗко града до вѣси пѣтъ близкій** [Никольский 1896: 109].

¹² Обеим славянским конструкциям с **ꙗко** в древнейшем славянском переводе соответствует греческое *πρός*, альтернативное чтение **оу ꙗко** представлено в меньшей части рукописных славянских евангельских текстов [Евангелие от Иоанна 1998: 3].

¹³ Иллюстрацией дополнительного распределения этих греческих предлогов, релевантного для толкования, могут служить чтения Евангелия от Матфея (Мф.1:22, 2:15) *ὑπό κυρίου διὰ τοῦ προφῆτου*. В славянском переводе представлен «лично-маркированный» предлог, ср. в тексте Геннадиевской библии 1499 г.: **да съвѣдетса реченое ꙗко га прѣкомъ** [Библия 1992: 15–16].

Грамматическая и теологическая маркированность предложно-падежного способа оформления агенса в пассивных конструкциях, по-видимому, была релевантна и для М. Смотрицкого, обозначившего Тв. п. лишь в качестве допустимого варианта: **Творительный Страдательнымъ Глѣмъ свойственный падежь есть: ѡакъ, Гловесемъ Гднимъ небеса оутвердишася. и Дхѡмъ оустъ егѡ всѧ сила ихъ. или Родительный со Прелогомъ Ѡ: ѡакъ Оупиѡса Ѡ ѡбилѧ домъ твоегѡ: Ѡвержень есмь Ѡ лица ѡчию твоєю: Ѡ тѣка и масти испочнися дша моа** [Грамматики 2000: 421]. Примеры Смотрицкого иллюстрируют уже вполне независимый от греческого статус церковнославянских вариативных форм агенса: в приведенных в грамматике чтениях из Псалтыри беспредложный греческий датив соотносится как с Тв. п. (первый пример, цитата из 32:6), так и с предложным Род. п. (последний пример, цитата из 62:6). Предложно-падежный способ оформления агенса пассивной конструкции оказался довольно устойчивым как в церковнославянском, так и позже в русском литературном языке. М. Ломоносов в своей «Российской грамматике» зафиксировал такую же вариативность форм, как и у М. Смотрицкого: «Страдательный глаголь требует родительнаго съ предлогомъ *отъ*, или творительнаго безъ предлога: книга твоя прочтена мною со вниманіемъ; *Дарій побѣжденъ отъ Александра; но убитъ отъ своихъ рабовъ*» [Ломоносов 1755: 193]. Окончательно предложно-падежный вариант уступит свои позиции Тв. п. лишь в середине XIX в. [Творительный 1958: 139].

Все принципиальные, последовательные грамматические исправления Максима Грека также носят лингво-эзегетический характер и сосредоточены вокруг трех основных категорий: определенного лица, принадлежности этому лицу и его высказывания [Вернер 2017]. Связь Мест. п. с предлогом **въ** с этими категориями, а именно с категорией агенса, не очевидна, и потому сам характер правки, на первый взгляд, не согласуется с этой точки зрения со всеми прочими исправлениями [Вернер 2013]. Однако в данном случае актуален «внешний» взгляд не только на церковнославянскую грамматику, но и ее теологическое толкование с отсылкой к греческому.

Конструкция $\acute{\epsilon}\nu$ с дативом, передающая инструментальное и близкое к нему значение причины, в греческом койне была распространена намного шире, нежели в классическом греческом; в греческих библейских переводах она представляла собой гебраизм — эквивалент древнееврейского слитного предлога עִם בֶּאֱ - [Десницкий, Степанцов, Грилихес 2007]. В традиции историко-грамматического толкования $\acute{\epsilon}\nu$ с дативом примыкает к конструкциям с $\acute{\upsilon}\lambda\omicron$ и $\delta\acute{\iota}\alpha$ как еще один способ указания на внешнее действующее лицо: если $\acute{\upsilon}\lambda\omicron$ с генетивом указывает на непосредственное действие лица, $\delta\acute{\iota}\alpha$ с генетивом — на личное опосредованное действие, то $\acute{\epsilon}\nu$ с дативом (реже — беспредложный датив) передает «безличное действующее лицо», представленное как инструмент. При этом само действующее лицо не названо, но подразумевается как пользователь инструмента [Wallace 2000: 75–76, 167]. В новозаветных текстах эта функция предложного датива часто обсуждается комментаторами в связи с лексемой πνεῦμα (ср., например, Мф. 3:11 $\alphaὐτὸς ὑμᾶς βαπτίσει ἐν πνεύματι ἁγίῳ καὶ ὑδάτι$), в псалтырном тексте конструкции типа 105:4 $\acute{\epsilon}\lambda\theta\kappa\epsilon\psi\alpha\iota \eta\mu\acute{\alpha}\varsigma \acute{\epsilon}\nu \tau\omicron\upsilon \sigma\omega\tau\eta\rho\acute{\iota}\omega \sigma\omicron\upsilon$ — **посети насъ в спѣшии твоѣ** (см.

выше в таблице формы Тв. п. причины) представлены намного чаще. Рассуждения по поводу предлога *ѣв*, в частности, содержатся в сочинениях Иоанна Златоуста, любимого автора Максима Грека¹⁴. Златоуст указывает на соотношенность в разных текстах Св. Писания *ѣв* с деятельностью Св. Духа, Сына и, реже, Отца, отмечая семантическую тождественность *ѣв* с *ѹбо* и *диѹ* [Chase 1887: 84–85]. Подобные толкования приложимы и к контекстам с вполне конкретными, предметными именами, ср., например, в «Беседах на Псалмы» комментарий Иоанна Златоуста к приведенному выше в таблице чтению 43:4 **не во ѡръжїи бѡ своеѣ^а, наслѣдиша зѣмлю**: «они были вооружены, — но это было делом не оружия, а Бога, который предводительствовал ими» [Иоанн Златоуст 1899: 173].

Таким образом, семантическая смежность славянского Тв. п. логического субъекта и орудия оказывается подкрепленной лингво-эксегетическим толкованием категории сакрального действующего лица. Средневековая экзегеза, апеллирующая не к грамматической системе как таковой, а к грамматике текста или грамматике в тексте, может объединять лингвистически разнородные средства, относящиеся к разным языковым уровням, что объясняет особое внимание книжников к отдельным и не связанным друг с другом, с точки зрения современной лингвистической парадигмы, формам.

Литература

Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 7. М., 1992.

Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949.

Вежбицка А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 303–341.

Вернер И. В. Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации. М., 2013. С. 104–127

Вернер И. В. Грамматическая справка Бенеша Оптата и Максима Грека как славянские реплики западноевропейских лингвистических идей *ad fontes* // Славяне и Центральная Европа: языки, культура, история. Ред. Е. Н. Ковтун, С. С. Скорвид, Д. К. Поляков, К. Н. Цимбаев. М., 2015. С. 392–403.

Вернер И. В. *Locī commūnes* европейской гуманистической филологии: справка библейских текстов Эразма Роттердамского и Максима Грека // *Latinitas in the Slavonic World.* Leipzig, 2017. P. 207–235 (= *Specimina Philologiae Slavicae.* Bd. 192).

Грамматики Л. Зизания и М. Смотрицкого. Составитель Е. А. Кузьминова. М., 2000.

Десницкий С. А., Степанцов А. С., Грилихес Л. Язык Евангелий // Православная энциклопедия. Т. 16. М., 2007. С. 634–645.

¹⁴ «Беседы на Псалмы» Иоанна Златоуста, считающиеся его лучшим экзегетическим сочинением, были использованы М. Греком при переводе Толковой Псалтыри 1522 г.

Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева. М., 1998.

Захарьин Д. Б. О немецком влиянии на русскую грамматическую мысль. Книга глаголемая Донатус меньшеи // *Russian Linguistics*. Vol. 15. 1991. No. 3. С. 1–29.

Захарьин Д. Б. Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV — сер. XVIII в.) (= *Specimina philologiae slavicae*. Bd.40). München, 1995.

Иоанн Златоуст. Беседы на Псалмы // Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 5, кн. 1. СПб., 1899.

Корзо М. А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М., 2011.

Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755.

Менгель С. К дискурсу формирования русского литературного языка нового типа в первой трети XVIII века: грамматические произведения Й. Х. Штала // *Осьмьдесятъ: Сборник научных статей к юбилею И. С. Улуханова* / Отв. ред. М. А. Малыгина. М., 2015. С. 453–463.

Никольский Б. М. Истоки славянской грамматической теории (трактат «О восьми частях слова» и греческие грамматики). Автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.03. М., 1995.

Никольский К. Т. Материалы для истории исправления богослужебных книг: Об исправлении Устава церковного в 1682 году и месячных Миней в 1689–1691 гг. СПб., 1896.

Норовская Псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века в двух частях. Ч. 1 / Изд. подгот. Е. В. Чешко, И. К. Бунина, В. А. Дыбо, О. А. Князевская, Л. А. Науменко. София, 1989.

Творительный падеж в славянских языках / Под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1958.

Чешко Е. В. Об Афонской редакции славянского перевода Псалтыри в ее отношении к другим редакциям // *Язык и письменность среднеболгарского периода* / Отв. ред. Е. В. Чешко. М., 1982. С. 60–93.

Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896.

Chase F. H. Chrysostom, a study in the history of biblical interpretation. Cambridge, 1887.

Tomelleri V. S. Die Правила граматичные, der erste syntaktische Traktat in Rußland. München, 1999.

Tomelleri V. S. Der russische Donat: Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik. Köln, Weimar, Wien, 2002.

Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*. II. Die innere Satzstruktur. Von Radoslav Večerka unter Mitarbeit von Felix Keller und Eckhard Weiher. Freiburg, 1993.

Wallace D. B. *The Basics of New Testament Syntax*. Michigan, 2000.

Inna V. Verner

*The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

ON PREHISTORY OF THE INSTRUMENTAL CASE CODIFICATION IN CHURCH SLAVONIC

The article discusses the problems connected with the comprehension of the Instrumental case in the Church Slavonic paradigm, in the period immediately preceding the "Grammatika Slovenska" by Lavrentius Zizaniij (1596), which codified the Instrumental case. Zizaniij's definition of the Instrumental as a special case, while the Dative and Locative forms were indicated as variant flexions of the Dative, is preceded by attempts to distribute the instrumental functions between the Locative and Genitive with prepositions. The reason for that was the modelling of Slavic grammar based on Greek and Latin, as represented in the translation of the Latin "Donat" by Dmitry Gerasimov and of the Psalter 1552, by Maximus the Greek. The two main functions of the Instrumental — logical subject in passive construction and tool or means — have been delegated to prepositional constructions: *ot* + Genitive (as the equivalent of the Latin Ablative in Gerasimov's Donat) and *v* + the Locative (as the equivalent of the Greek Dative in Maximus the Greek's translation). Both prepositional constructions have their own prehistory in translated Church Slavonic literacy, but the regularity of these forms in these texts, as well as the existence of parallel structures in the Slavic literary languages of XV–XVI centuries, allow one to speak about the failed attempt of artificial grammaticalization, even before normative grammar. An additional reason for such a grammatical interpretation of prepositional constructions—equivalents of the instrumental case—is their exegetical status in Scripture texts as the Agent or Person (especially the sacrally marked first person).

Key words: Instrumental case, Church Slavonic translations from Greek and Latin, Dmitriij Gerasimov, Maximus the Greek, Psalter, exegesis of grammar.

References and sources

Bibliya 1499 goda i Bibliya v sinodal'nom perevode. T. 7. Moscow, 1992.

Borkovskii V. I. *Sintaksis drevnerusskikh gramot.* L'vov, 1949.

Chase F. H. *Chrysostom, a study in the history of biblical interpretation.* Cambridge, 1887.

Cheshko E. V. Ob Afonskoi redaktsii slavyanskogo perevoda Psaltyri v ee otnoshenii k drugim redaktsiyam. *Yazyk i pis'mennost' srednebolgarskogo perioda.* Otv. red. E. V. Cheshko. Moscow, 1982, pp. 60–93.

Desnitskii S. A., Stepantsov A. S., Grilikhes L. *Yazyk Evangelii. Pravoslavnyaya entsiklopediya.* T. 16. Moscow, 2007, pp. 634–645.

Evangelie ot Ioanna v slavyanskoi traditsii. Izd. podgotovili A.A. Alekseev, A.A. Pichkhadze, M.B. Babitskaya, I.V. Azarova, E.L. Alekseeva, E.I. Vaneeva, A.M. Pentkovskii, V.A. Romodanovskaya, T.V. Tkacheva. Moscow, 1998.

Grammatiki L. Zizaniya i M. Smotritskogo. Sostavitel' E.A. Kuz'minova. Moscow, 2000.

Tvoreniya sv. ottsa nashego Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russskom perevode. T. 5, kn. 1. St Petersburg, 1899.

Jagić I.V. *Rassuzhdeniya juzhnoslavjanskoj i russskoj stariny o cerkovnoslavjanskom jazyke.* St Petersburg, 1896.

Korzo M.A. *Nravstvennoe bogoslovie Simeona Polotskogo: osvoenie katolicheskoi traditsii moskovskimi knizhnikami vtoroi poloviny XVII veka.* Moscow, 2011.

Lomonosov M.V. *Rossiiskaya grammatika.* St Petersburg, 1755.

Mengel' S. K. diskursu formirovaniya russskogo literaturnogo jazyka novogo tipa v pervoi treti XVIII veka: grammaticheskie proizvedeniya I.Kh. Shtalya. *Osm' desyat': Sbornik nauchnykh statei k yubileyu I.S. Ulukhanova. Otv. red. M.A. Malygina.* Moscow, 2015, pp. 453–463.

Nicol'skii B.M. *Istoki slavyanskoi grammaticheskoi teorii (traktat «O vos'mi chastyakh slova» i grecheskie grammatiki).* Avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.03. Moscow, 1995.

Nicol'skii K. T. *Materialy dlya istorii ispravleniya bogoslužebnykh knig: Ob ispravlenii Ustava tserkovnogo v 1682 godu i mesyachnykh Minei v 1689–1691 gg.* St Petersburg, 1896.

Norovskaya Psal'tyr'. Srednebolgarskaya rukopis' XIV veka v dvukh chastyakh. Ch. 1. Izd. podgotovili E. V. Cheshko, I. K. Bunina, V. A. Dybo, O. A. Knyazevskaya, L. A. Naumenko. Sofiya, 1989.

Tomelleri V. S. *Die Pravila gramatichnye, der erste syntaktische Traktat in Rußland.* München, 1999.

Tomelleri V. S. *Der russische Donat: Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik.* Köln, Weimar, Wien, 2002.

Tvoritel'nyi padezh v slavyanskikh yazykakh. Pod red. S. B. Bernshteina. Moscow, 1958.

Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax II. Die innere Satzstruktur.* Von Radoslav Večerka unter Mitarbeit von Felix Keller und Eckhard Weiher. Freiburg, 1993.

Verner I. V. Grammaticheskaya sprava Maksima Greka v Psal'tyri 1552 g. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istoriya slavistiki. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.). Doklady rossiiskoi delegatsii.* Moscow, 2013, pp. 104–127

Verner I. V. *Grammaticheskaya sprava Benesha Optata i Maksima Greka kak slavyanskije repliki zapadnoevropejskikh lingvisticheskikh idei ad fontes. Slavyane i Tsentral'naya Evropa: yazyki, kul'tura, istoriya.* Red. E. N. Kovtun, S. S. Skorvid, D. K. Polyakov, K. N. Tsimbaev. Moscow, 2015, pp. 392–403.

Verner I. V. *Loci communes evropeiskoi gumanisticheskoi filologii: sprava bibleiskikh tekstov Erazma Rotterdamskogo i Maksima Greka*. (Specimina Philologiae Slavicae 2016) (in print).

Vezhbitska A. Delo o poverkhnostnom padezhe. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XV: Sovremennaya zarubezhnaya rusistika*. Moscow, 1985, pp. 303–341.

Wallace D. B. *The Basics of New Testament Syntax*. Michigan, 2000.

Zakhar'in D. B. O nemetskom vliyanii na russkuyu grammaticheskuyu mysl'. *Kniga glagolemaya Donatus men'shei. Russian Linguistics*. Vol. 15, 1991, no 3, pp. 1–29.

Zakhar'in D. B. *Evropeiskie nauchnye metody v traditsii starinnykh russkikh grammatik (XV — ser. XVIII v.)* (Specimina philologiae slavicae. Bd.40). München, 1995.

Е. А. Галинская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
eagalinsk@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ XIV–XV ВЕКОВ

В некоторых древнерусских текстах XIV–XV веков, в частности в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей, встречаются формы род. пад. ед. ч. жен. р. местоимений «мой», «твой», «свой», «нашъ», «вашъ»: *моиѣ/моие, твоиѣ/твое, своиѣ/свое, нашиѣ/нашие, вашиѣ/вашие*. А. А. Шахматов говорит о том, что они появились «под влиянием *синиѣ, добрыѣ, тыѣ*», однако против каждой из этих возможностей находятся возражения. Можно предположить, что произошло влияние род. пад. мн. ч. притяжательных местоимений на род. пад. ед. ч.: *моиѣ, твоиѣ, своиѣ, нашиѣ, вашиѣ*, как *моихъ, твоихъ, своихъ, нашихъ, вашихъ*. Что касается порядка утраты из говоров великорусского центра форм типа *своиѣ, нашиѣ*, то первыми утрачивались формы *моиѣ, твоиѣ, своиѣ*, а формы *нашиѣ, вашиѣ* держались дольше. Возможно, это связано с ударением — ненормативность ударного окончания *-иѣ* с *и́*, которое должно было получиться из-за дефинализации ударения, ощущалась сильнее, чем безударного.

Ключевые слова: древнерусский язык, притяжательные местоимения, грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв.

В ряде древнерусских текстов XIV–XV веков обнаруживаются нетривиальные формы родительного падежа единственного числа женского рода притяжательных местоимений «мой», «твой», «свой», «нашъ», «вашъ»: *моиѣ/моие, твоиѣ/твое, своиѣ/свое, нашиѣ/нашие, вашиѣ/вашие*. Часть этих форм перечисляет А. А. Шахматов: *моие грамоты* Гр. 1447 г., *моие* Гр. 1471 г., *с твоие данные* Гр. 1485–1505 г., *из свое волости* Погод. сп. Псков. 1-й лет, *свое братие, свое братье* Рижск. гр. ок. 1300 г., *оу свое жены* Гр. 1229 г. (С)¹, *твое правды* Коп. с Догов. 1368 г., *вашиѣ вотчины* Коп. с Догов. 1381 г., *нашиѣ* Указ. ев. чт. XIII в., *радости вашиѣ* Ев.

¹ Список С Смоленской грамоты 1229 года датируется, скорее всего, первой половиной XIV в. [Смоленские грамоты 1963: 58].

1339 г., *нашише правды* Коп. с Догов. 1368 г. [Шахматов 1957: 173–174]. Как видим, бо́льшая часть примеров найдена в текстах делового содержания; при этом из текстов, написанных на церковнославянском языке, А. А. Шахматов выписал лишь два случая с книжной финалью окончания — *нашиша* и *вашиша*.

В более ранних древнерусских текстах делового характера такие формы не обнаруживаются. В списках Смоленской грамоты 1229 года — А и В² той же голландской редакции, что и список С, в соответствии с фрагментом из списка С «аже застанеть русинь латинского члв́ка **оу своие** жены за то платити .i. серебра» [Смоленские грамоты 1963: 29] находим фрагмент с творительным падежом с предложением *съ*: «аже застанете роусинь латинеского члв́ка **своєю** женью за то платити гривнь .i. серебра» (список А: [Там же: 39–40]), «аже застанеть роусинь немьчина **съ своєю** женою за то платити .i. гри^в серебра» (список В: [Там же: 68–69]), и других форм родительного падежа женского рода интересующих нас местоимений там не употребляется. В списках D и E рижской редакции³ в той же статье договора употреблены формы родительного падежа, но они имеют такие окончания: *-ee* с нормальной для смоленских грамот заменой *ѣ* на *e* в списке E (*аже иметь роусинь немчича оу своѣѣ жены за соромъ .i. гривнь серебра* [Там же: 54–55]) и *-еѣ* в списке D (*а иже иметь роусинь немчича оу своѣѣ жоны за соромъ .i. грѣнь серебра* [Там же: 59–60]). Окончание *-еѣ*, должно быть, можно объяснить церковнославянским влиянием, хотя церковнославянизмов в списке D почти нет: имеется только несколько раз употребленный союз *аще* и использованная два раза причастная форма *ходящимь*.

Отсутствуют формы типа *своиѣ*, *нашиѣ* и в подлинниках пергаменных новгородских грамот XII–XIII вв. Впрочем, надо заметить, что формы родительного падежа единственного числа женского рода от притяжательных местоимений в текстах делового содержания вообще являются крайне редкими. Так, из двенадцати новгородских пергаменных грамот, опубликованных в издании [Гр. Новг. и Пск. 1949], единственную такую форму демонстрирует только «Договорная грамота с Ригою и Любеком о предоставлении немецким купцам сухопутных и водного путей» (№ 32, 1269 г.), и это форма *своеи*: *от своеи братии*.

Казалось бы, можно предположить, что в раннедревнерусский период форм типа *своиѣ*, *нашиѣ* еще не было, однако материала настолько мало, что делать такой вывод, конечно же, нельзя. К сожалению, не помогает и наиболее информативный источник, отражающий живую диалектную речь, — берестяные грамоты, так как форм родительного падежа единственного числа женского рода притяжательных местоимений в них пока не встретилось вообще.

² Список А, возможно, является оригиналом торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 года [Смоленские грамоты 1963: 54], но есть и мнение о том, что это одна из более поздних редакций, вернее, подлинник договора, заключенного при князе Федоре Ростиславиче (1280–1297) [Петрухин 2013: 173]. Список В датируется 1297–1300 гг. [Смоленские грамоты 1963: 56].

³ Список D, вероятнее всего, написан между 1270 и 1277 гг. [Там же: 59], а список E датируется широко — второй половиной XIII в. [Там же: 61].

Интересно было бы понять, каким путем возникли формы типа *своиѣ*, *нашиѣ*. А. А. Шахматов говорит о том, что они появились «под влиянием *синиѣ*, *добрыѣ*, *тыѣ*» [Шахматов 1957: 173]. Л. Г. Чапаева в своей диссертации, посвященной формам неличных местоимений в говорах великорусского центра XIV–XVI вв, приводит некоторое количество случаев употребления форм *моиѣ*, *твоиѣ*, *своиѣ*, *нашиѣ*, *вашиѣ* из духовных и договорных грамот великих и удельных князей, сопровождая их замечанием о том, что «происходит влияние форм прилагательных на форму неличных местоимений» [Чапаева 1984: 68]. Рассмотрим все возможности, упоминаемые А. А. Шахматовым.

Влияние формы типа *синиѣ* в определенной степени сомнительно, в первую очередь, потому, что в древнерусском языке такой исконной формы не было, так как прилагательные в соответствии с окончанием твердого варианта склонения *-ыѣ* в мягком варианте имели окончание *-ѣѣ*, то есть форму типа *синѣѣ* (в книжном варианте — *син.а.а*). С исконным окончанием родительного падежа ед. числа женского рода *-ыѣ* рано стало сосуществовать новое окончание, пришедшее из парадигмы неличных местоимений, — *-оѣ*: уже в XI в. формы с этим окончанием отмечаются в древнерусской письменности. Ср. примеры из Архангельского евангелия 1092 г. и из надписей со стен Софии Киевской, приводимые в [Ист. грам. др.-р. яз. 2006: 100]: *спѣоѣ мѣнцѣ еудимиѣ* Арх. ев., 169, *ѡведи ма ѡ [м]оук[и] вѣчьноѣ* Надп. № 104. В мягком же варианте флексии *-оѣ* местоименного происхождения соответствовала флексия *-еѣ*, то есть род. ед. ж. имел форму типа *синеѣ*. Формы мягкого варианта с окончанием *-иѣ*, такие, как упоминаемая А. А. Шахматовым форма *синиѣ*, могли появиться несколько позже. Дело в том, что исконные формы прилагательных твердого варианта с окончанием *-ыѣ* из употребления не вышли, а продолжали функционировать наряду с новыми формами на *-оѣ*, о чем свидетельствуют продолжающие встречаться в русских диалектах формы родительного падежа единственного числа женского рода типа *молодые*, *глухие*, *большие*, *красные*, *добрые*, *маленькие* [ДАРЯ II, карта 42]. Поэтому при унификации твердого и мягкого вариантов склонения прилагательных в мягком варианте возникла флексия *-иѣ*. Ср.: *тое же зимы даша Изаславу Туровъ. и Пинескъ. к Мѣньску. то бо и башеть юго осталоса передънииѣ волости юго* Суздальская летопись⁴, л. 100 об., под 1132 г.; *в монастыри великыѣ княгини Всеволожиѣ* Там же, л. 156 об., под 1230 г. Впрочем, непонятно, были ли эти формы уже в оригинале Суздальской летописи или они внесены переписчиком в XIV веке.

Если говорить вслед за А. А. Шахматовым о влиянии на притяжательные местоимения форм типа *тыѣ*, то нужно доказать их наличие в том диалектном регионе, где были написаны тексты, отражающие формы типа *своиѣ/своиѣ*.

И, наконец, если предположить влияние прилагательных типа *добрыѣ*, то надо понять, каков мог быть механизм влияния твердого варианта прилагательных на мягкий вариант неличных местоимений, причем только притяжательных. Это небезынтересный вопрос, поскольку известен пример из истории

⁴ Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку 1377 г. цитируется по [ПСРЛ I].

древненовгородского диалекта, когда в XIV–XV вв. склонение прилагательных повлияло на склонение неличных местоимений и появились формы типа *тыхъ*, но там влияние шло в пределах твердого варианта и охватило местоимения этого варианта, относящиеся к разным разрядам. Ср. формы, зафиксированные в новгородских берестяных грамотах: *на тыхъ* № 353, *на вхыхъ* № 359, *у ныхъ* ‘у иных’ № 242, *с кымъ* № 21 [см. Зализняк 2004: 129].

В довольно больших количествах формы притяжательных местоимений с окончанием *-иѣ/-ие* обнаруживаются в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей [Дух. и дог. гр. 1950] (часть этих форм, как было сказано выше, упоминала Л. Г. Чапаева). Поэтому есть смысл проанализировать эти тексты, причем, поскольку тексты большие, можно посмотреть, каково соотношение форм разных притяжательных местоимений и прилагательных в пределах отдельных текстов. Далее будет приведен материал, касающийся употребления форм типа *своиѣ*, *нашиѣ*, в хронологическом порядке. Сразу оговоримся, что подавляющее большинство интересующих нас форм оканчивается не на *-иѣ*, а на *-ие*, что может быть связано с ранним переходом <ѣ> в <е> после [j]. На ранний характер этого перехода, кстати, как раз и указывают формы родительного падежа единственного числа неличных местоимений в грамотах XIV в., где *ѣ* употребляется в соответствии с этимологией всюду, кроме финали этих форм: тут он часто заменяется на *е*, например: *зол(о)то княгини моужь*; *село Павловскож бабы нашее купла* Духовная гр. Ивана Калиты 1339 г.; *слушайте свое м(а)т(е)ри во все^н* Духовная гр. вел. кн. Дмитрия Ивановича 1389 г. А в соответствующей форме местоимения *еѣ* всегда пишется *е*, например: *из ее воли не выступайте сани в че^н* Духовная гр. вел. кн. Дмитрия Ивановича 1389 г., *велѣлъ есмь у нее быти своему дядѣ Василью* Духовная гр. вел. кн. Семена Ивановича 1353 г.

Итак, материал грамот, где встречаются формы типа *своиѣ*, *нашиѣ*, таков.

№ 20, 1406 г. (подлинник). Духовная грамота (первая) вел. кн. Василия Дмитриевича: *матери моие* (2 раза), *казны моие*, *оу своие матери*. Местоимения *нашь*, *вашь* и прилагательные в род. пад. ед. ч. жен. р. не встречены.

№ 21, ок. 1417 г. (подлинник). Духовная грамота (вторая) вел. кн. Василия Дмитриевича: *своие матери*, *оу моие княгини*. Местоимения *нашь*, *вашь* в род. пад. ед. ч. жен. р. не встречены. Адъективное склонение: *треть тамги московские*. В этой грамоте есть форма *всиа* в формуле, которой начинается текст: *Во има отца и с(ы)на и свѣтаго духа, по бла(го)словленью отца нашего Фотиа, митрополита киевскаго и всиа Руси, се азъ грѣшныи худыи рабъ божиу Василеи, при своемъ здоровьѣ, пишу грамоту душевную*. Но ввиду стремления к славянизации было бы неосторожно считать, что *-и-* в этой форме отражает живое произношение.

№ 40, 1445 г. (подлинник). Докончание кн. Галицкого с кн. суздальскими Василием Юрьевичем и Федором Юрьевичем: *н(а)ише ѡтчины* (3 раза), *н(а)ише брат(ь)и*. При этом: *своеѣ ѡтч(и)ны*. Адъективное склонение: *пр(е)ч(и)стое его бог(о)м(а)т(е)ри*.

№ 59, ок. 1456 г. (подлинник). Докончание вел. кн. московского Василия Васильевича с вел. кн. тверским Борисом Александровичем:

а) Гр. вел. кн. Бориса Александровича вел. кн. Василию Васильевичу: ѡ нашии Ѡчины. При этом: из <...> моее брат(ъ)и. Адъективное склонение: пр(е)ч(и)стые ег(о) б(о)г(о)м(а)т(е)ри, из мениши моее брат(ъ)и.

б) Гр. вел. кн. Василия Васильевича вел. кн. Борису Александровичу: ѡ нашии ѡчины. При этом: из <...> твоеи брат(ъ)и. Адъективное склонение: пр(е)ч(и)стые ег(о) б(о)гом(а)т(е)ри, из меньшие твоеи брат(ъ)и.

№ 63, 1462–1464 гг. (подлинник). Докончание вел. кн. Ивана Васильевича с вел. кн. тверским Михаилом Борисовичем:

а) Гр. вел. кн. Михаила Борисовича вел. кн. Ивану Васильевичу: ѡ нашиѡ Ѡчины. При этом: из <...> моеѡ брат(ъ)и. Адъективное склонение: пр(е)ч(и)стыѡ его м(а)т(е)ри, из мениѡ моеѡ брат(ъ)и.

б) Гр. вел. кн. Ивана Васильевича вел. кн. Михаилу Борисовичу: ѡ нашиѡ Ѡчины. При этом: из <...> твоеи брат(ъ)и. Адъективное склонение: пречистоѡ его матери, из мениѡ твоеи брат(ъ)и.

№ 66, ранее 1472 г. (список XV в.). Докончание вел. кн. Ивана Васильевича с кн. углицким Андреем Васильевичем: *по слову м(а)т(е)ри нашии*, из *нашии брат(ъ)и*. При этом: ис твоее Ѡчины. Адъективное склонение: *по слову <...> великие кн(а)г(и)ни*.

№ 76, 1483 г. (подлинник). Докончание вел. кн. Ивана Васильевича с вел. кн. рязанским Иваном Васильевичем:

а) Гр. вел. кн. Ивана Васильевича вел. кн. рязанскому Ивану Васильевичу: из *нашии земли*, Ѡчины ... нашии, с *вашии земли*. При этом: из твоее Ѡчины, твоеи Ѡчины, с своее земли. Адъективное склонение: пр(е)ч(и)стые его м(а)т(е)ри, твоеи земли <...> Рязанские.

б) Гр. вел. кн. рязанского Ивана Васильевича вел. кн. Ивану Васильевичу: из *вашии земли*. При этом: *вотчины ... моее, моеи земли (2 раза)*, вашоѡ вотчины, с своеѡ земли, с нашоѡ земли. Адъективное склонение: пречистоѡ его матери, моѡи земли <...> Рязанские.

№ 79, 1484–1485 гг. (подлинник). Докончание вел. кн. Ивана Васильевича с вел. кн. тверским Михаилом Борисовичем:

а) Гр. вел. кн. Ивана Васильевича вел. кн. Михаилу Борисовичу: *без нашии думы (2 раза)*, *а без нашии ти думы*, ѡ нашии Ѡчины, из нашии брат(ъ)и. При этом: из твоеѡ брат(ъ)и. Адъективное склонение: пр(е)ч(и)стыѡ ег(о) м(а)т(е)ри, из твоеѡ брат(ъ)и молодшие.

б) Гр. вел. кн. Михаила Борисовича вел. кн. Ивану Васильевичу (первая часть грамоты утеряна): ѡ нашии Ѡчины. При этом: из <...> твоеѡ брат(ъ)и.

№ 82, 1486 г. (подлинник). Докончание вел. кн. Ивана Васильевича с кн. углециким Андреем Васильевичем:

а) Гр. вел. кн. Ивана Васильевича кн. Андрею Васильевичу: *нашиѣ Ѡчины, вотчины нашиѣ*. При этом: *всеѣ твоѣѣ Ѡчины, со всеѣ съ своеѣѣ вотчины*. Адъективное склонение: *пр(е)ч(и)стыѣ ег(о) м(а)т(е)ри, безъ всакиѣ хитрости*.

б) Гр. кн. Андрея Васильевича вел. кн. Ивану Васильевичу: *вашиѣ вотчины, вотчины вашиѣ*. При этом: *всеѣ моеѣѣ вотчины, со всеѣ с моеѣѣ вотчины*. Адъективное склонение: *пр(е)ч(и)стыѣ его матери, безоъ всакиѣ хитрости*.

№ 84, 1496 г. Докончание великого князя рязанского Ивана Васильевича с князем Федором Васильевичем:

а) Гр. вел. кн. рязанского Ивана Васильевича кн. Федору Васильевичу (список XV в.): *нашиѣ земли*. При этом: *ис твоѣѣ трети, своеѣѣ Ѡчины, м(а)т(е)ри нашиѣ, м(а)т(е)ри нашиѣ*. Адъективное склонение: *пр(е)ч(и)стыѣ ег(о) б(о)г(о)м(а)т(е)ри, великиѣ кн(а)г(и)нѣ*

б) Гр. кн. Федора Васильевича вел. кн. рязанскому Ивану Васильевичу (подлинник): *м(а)т(е)ри нашиѣ, нашиѣ земли*. При этом: *из моеѣѣ трети, своеѣѣ Ѡчины, м(а)т(е)ри нашиѣ*. Адъективное склонение: *пр(е)ч(и)стыѣ ег(о) б(о)г(о)м(а)т(е)ри, великиѣ кн(а)г(и)ни*.

№ 85, 1497 г. (подлинник). Жалованная меновная и отводная грамота вел. кн. Ивана Васильевича князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам: *Ѡ нашиѣ Ѡчины*. При этом: *своеѣѣ Ѡчины*. Адъективное склонение: *поперекъ Молотцкоѣѣ дороги, до Черныѣѣ рѣки, Тѣерьскіѣ земли, Ѡ Тѣерьскіѣ земли, Ѡ Тѣерьскіѣ земли, Ѡ Тѣерьскіѣ волости, Ѡ Василковскіѣ слободки, поперекъ Буггородскіѣѣ дороги, ме^ж Ламскіѣѣ деревни, ме^ж Колпскіѣѣ деревни, межи Ламскіѣѣ деревни (4 раза), межи Колпскіѣѣ деревни (4 раза), мо^х Зинов(ь)евскіѣѣ слободки Тѣерьскіѣѣ, межи Зинов(ь)евскіѣѣ слободки Тѣерьскіѣѣ, Зинов(ь)евскіѣѣ слободки деревнѣ Игумново, межи Зинов(ь)евскіѣѣ слободки (3 раза)*.

Интересующие нас формы встречаются также в грамотах XIV в., дошедших до нас в списках XV века.

№ 9, 1375 г. Докончание вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. тверским Михаилом Александровичем: *твоѣѣ правды, а вотчины <...> нашиѣ Москвы (2 раза)*. Адъективное склонение: *безоъ всакиѣ хитрости*.

№ 10, 1382 г. Докончание вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. рязанским Олегом Ивановичем: *вашиѣѣ вотчины*. При этом: *а вотчины <...> моеѣѣ*.

№ 15, ок. 1396 г. Докончание вел. кн. Василия Дмитриевича с вел. кн. тверским Михаилом Александровичем: *безъ нашиѣ брат(ь)и*. Адъективное склонение: *пр(е)ч(и)стыѣ ег(о) б(о)г(о)м(а)т(е)ри*.

Этот материал позволяет сделать некоторые выводы относительно локализации новообразований типа *своиѣѣ, нашиѣѣ* и порядка их утраты⁵.

⁵ Заметим, что формы типа **своиѣѣ, нашиѣѣ* не могут быть объяснены фонетически, поскольку других случаев замены *е* на *и* ни в ударной, ни в безударной позиции не наблюдается, а что

Грамоты написаны от имени московских, тверских, угличских, рязанских и суздальских князей. Место написания грамот указывается крайне редко. Но возможно, что оба противня договорных грамот между московскими и немосковскими князьями писались в Москве, ср. подпись *смиреньи Ѡеуд(о)сѣи архіен(и)с(ко)нѣ всеа Роусѣи* на обоих противнях грамоты № 63 (Докончание вел. кн. Ивана Васильевича с вел. кн. тверским Михаилом Борисовичем). Однако при этом орфографические особенности говорят о том, что противни создавались разными писцами, причем грамоту московского князя мог писать московский писец, а грамоту тверского князя — тверской. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в грамоте № 63 б, написанной от имени московского князя Ивана Васильевича, свободно отражается отверждение шипящих [ш], [ж]: *нашыми, сважывати, межы нас* и т. д., а в грамоте № 63 а, написанной от имени тверского князя Михаила Борисовича, подобных написаний нет, тут встречаются только сочетания *ши, жи*. И это хорошо согласуется с тем, что, судя по показаниям Тверской отказной книги 1627–1643 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 16061), шипящие согласные даже еще в XVII веке в тверском диалекте сохраняли мягкость [Галинская 2002: 159]. Точно такая же картина наблюдается в грамоте № 59, один из противней которой — московский, а второй — тверской. А в обоих противнях грамоты № 76 (Докончание вел. кн. Ивана Васильевича с вел. кн. рязанским Иваном Васильевичем) указано, что каждый из них писан в Москве, но в рязанской грамоте (№ 76 б) явно видно стремление писца не отражать яканье, в связи с чем он допускает гиперкоррекцию, нередко заменяя *л/лѣ* на *е* в безударных слогах: *без примышлен(ь)е, без ослушан(ь)е, есачныхъ людеи, съ Ерославич(а) с(ы)н(о)мь, Ерославич(а) с(ы)нѣ, при Иване Ерославичѣ, Ѡнети* (в московской грамоте во всех этих случаях орфографически правильно употреблены буквы *л/лѣ*). Это значит, что грамоты немосковских князей, видимо, писались их собственными писцами, так что можно заключить, что формы типа *своиѣ, нашиѣ* были свойственны московскому, тверскому, угличскому, рязанскому и суздальскому говорам. Как было сказано выше, смоленскому диалекту XIV в. была также свойственна форма *своие*. Среди примеров, приведенных А. А. Шахматовым, есть форма *своие* из грамоты рижан в Витебск ок. 1300 г.

Изучение новгородских (в широком смысле слова, т. е. в том числе двинских) грамот XIV–XV вв. (подлинников и более поздних списков), изданных в [Гр. Новг. и Пск. 1949], показало, что в них встречаются, хотя и нечасто (ввиду упоминавшейся уже редкости форм род. пад. ед. ч. женского рода неличных местоимений и прилагательных), только формы *моеи, своеи, нашеи* и в единичных случаях *моее, нашее, своеа*. Поэтому можно предположить, что для новгородской зоны формы типа *своиѣ, нашиѣ* были в целом нехарактерны. Нет ясности с псковским диалектом, тут материала деловых текстов мало. Только в одной псковской грамоте, изданной в [Гр. Новг. и Пск. 1949], есть формы родительного падежа единственного

касается безударной позиции, надо помнить, что иканье — это явление позднее и очень мало распространенное в русских диалектах даже сейчас, а в литературном языке оно появилось сравнительно недавно — еще в старшей орфоэпической норме его не было.

числа притяжательных местоимений, и это формы *моее* и *нашее* (гр. № 335 1440 г., список XVII в.). В списках же с псковских грамот XIV–XV вв. и в подлинной грамоте 1417–1421 г. (Духовная Акулины, жены князя Федора), опубликованных в [Марасинова 1966], насчитывается четыре формы *своеи*, две формы *своеа* и одна форма *моєи*. При этом А. А. Шахматов фиксирует форму *своєи* в Погодинском списке I Псковской летописи.

Что касается порядка утраты в говорах великорусского центра форм на *-иѣ*, то приведенный материал показывает, что первыми утрачивались формы *моиѣ*, *твоиѣ*, *своиѣ*, а формы *нашиѣ*, *вашиѣ* держались дольше. Возможно, это связано с ударением: ненормативность ударного окончания *-иѣ* с *и́*, которое должно было получиться из-за дефинализации ударения, ощущалась сильнее, чем безударного.

Рассмотрим теперь возможные причины появления форм типа *своиѣ*, *нашиѣ*, предложенные А. А. Шахматовым. Начнем с влияния родительного падежа местоимения твердого варианта склонения, выработавшего вторичное окончание *-ыѣ* в результате взаимодействия с прилагательными, то есть с формы *тыѣ*. Сейчас формы *тыѣ*, *тыѣ*, *тыѣ*, *одныѣ*, *одныѣ*, *одныѣ* и др. фиксируются на северо-востоке и частично в крайних юго-западных говорах [ДАРЯ II, карта 73]. Грамоты, в которых есть формы типа *своиѣ*, *нашиѣ*, отражают диалект великорусского центра, и в этих грамотах (как, впрочем, и в других княжеских грамотах XV в., где формы типа *своиѣ*, *нашиѣ* не встречены), полностью отсутствует форма *тыѣ*. Ср. грамоту № 76, где сосуществуют формы *нашиє*, *вашиє* и форма *тоє* (*тоє купли*). В грамоте рижан в Витебск ок. 1300 г., примеры из которой приводит А. А. Шахматов (*ѿ своєи братьє, своєи брат(ь)и*), также имеется форма *тоє* (*тоє обиды*) (см. публикацию грамоты в [Срезневский 1863: 633–636]). То есть с этой стороны влияния, скорее всего, не было.

Второе предположение А. А. Шахматова касается влияния форм типа *синиѣ*. В рассмотренных грамотах имеется родительный падеж сравнительной степени: из *менишии моеє брат(ь)и* № 59а, из *менишыє твоєи брат(ь)и* № 59б, из *менишиѣ моеѣ брат(ь)и* № 63а, из *твоєи брат(ь)и молодшиє* № 79а. Это формы мягкого варианта склонения со вторичным [и] (или [ы] для тех говоров великорусского центра, в которых отвердение шипящих уже произошло). Как было сказано, формы типа *молодшиѣ* могут быть более позднего происхождения, нежели формы типа *своиѣ*, *нашиѣ*, и поэтому с уверенностью полагать, что именно они стали источником нетривиального окончания притяжательных местоимений, нельзя.

Третье предположение А. А. Шахматова — о влиянии форм прилагательных твердого варианта склонения с исконным окончанием *-ыѣ* (*добрыѣ*). Это более правдоподобная возможность, но думается, что если такое влияние твердого варианта склонения прилагательных на мягкий вариант склонения неличных местоимений имело место, то оно должно было идти со стороны прилагательных с основой на заднеязычный согласный, смягчившийся после перехода *кы*, *гы*, *хы* в *ки*, *ги*, *хи* (типа *великиѣ*). Как можно видеть из приведенного выше материала, слова адъективного склонения (прилагательные и местоимение *всакии*) с основой

на заднеязычный согласный в грамотах, знающих формы типа *своиѣ, нашиѣ*, употребляются практически только с окончанием *-иѣ*, форма на *-ои* после заднеязычных лишь одна: *поперек Молотцкои дороги* №85. Колебание *-ыѣ/-ыиѣ/-ои* есть только у слова «пречистая», то есть новая флексия бывает присуща, как ни странно, церковнославянизму.

Однако примечательно, что в Смоленской грамоте 1229 г. (списке С) картина иная: при наличии формы *своие* употребляются прилагательные с окончанием *-ое* *оу латинское цркви, стое бце*.

И, наконец, главный вопрос, который ставит под сомнение влияние со стороны прилагательных твердого варианта склонения: почему, если такое воздействие и было, оно оказалось избирательным — только на притяжательные местоимения? Форм **сиѣ, *всиѣ, *иѣ, *ниѣ* не встретилось. Так что, возможно, дело все же не во влиянии на склонение неличных местоимений твердого варианта склонения прилагательных, пусть даже с реально мягкой основой в родительном падеже единственного числа женского рода (типа *великиѣ*), а в чем-то другом. Можно предположить, что произошло влияние родительного падежа множественного числа на родительный падеж единственного числа: *моиѣ, твоиѣ, своиѣ, нашиѣ, вашиѣ*, как *моихъ, твоихъ, своихъ, нашихъ, вашихъ*. А форм **всиѣ, *сиѣ, *иѣ, *ниѣ* не получилось, так как у местоимения *всь* родительный падеж множественного числа — *всѣхъ*, местоимение *сь* попало под влияние твердого варианта (отмечены формы *сѣхъ, сѣмь*), а у местоимения 3 л. родительный множественного числа *ихъ* не мог повлиять на *еѣ*. Форм родительного падежа единственного числа женского рода от других местоимений мягкого варианта (*сиць, чии, кьи, никьи, нѣкьи*) в рассмотренных текстах делового содержания не встретилось.

Если действительно произошло взаимодействие разных числовых форм одного и того же падежа, это следует признать нетривиальным явлением для истории русского языка. Но возникает вопрос: почему форма родительного падежа множественного числа не повлияла на форму того же падежа мужского и среднего рода единственного числа (форм типа **моиго* нет)? Думается, ответ состоит в том, что формы *моего, твоего, своего, нашего, вашего*, будучи, в отличие от форм женского рода, высокочастотными, являлись более стабильными.

Литература

Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Гр. Новг. и Пск. 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М., 1949.

ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. М., 1989.

Дух. и дог. гр. 1950 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. / Подг. к печ. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Ист. грам. др.-р. яз. 2006 — Историческая грамматика древнерусского языка. Прилагательные / Авторы: А. М. Кузнецов, С. М. Иорданиди, В. Б. Крысько. М., 2006.

Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.

Петрухин П. В. О датировке списка А договора Смоленска с Ригой и Готским берегом // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. (2012–2013). М., 2013.

ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

Смоленские грамоты 1963 — Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подготовка текста Т. А. Сумниковой и В. В. Лопатина. М., 1963.

Срезневский И. И. Дополнения к общему повременному обозрению древних памятников русского письма и языка <2> // Известия Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Т. X. Вып. VI. 1863. С. 593–704.

Чанаева Л. Г. История форм неличных местоимений в говорах великорусского центра (XIV–XVI вв.). Дисс. ... канд. филол. наук, М., 1984.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Elena A. Galinskaya
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)

SOME FORMS OF POSSESSIVE PRONOUNS IN OLD RUSSIAN TEXTS IN THE 14TH AND 15TH CENTURIES

In some Old Russian texts from the 14th and 15th centuries, especially in the testaments and treaties of grand and feudal princes, the following genitive singular feminine forms of possessive pronouns *mojъ* ‘my’, *tvojъ* ‘your (= thine)’, *svojъ* ‘one’s own’, *našъ* ‘our’, and *vašъ* ‘your’ are attested: *moiě* / *moie*, *tvoiě* / *tvoie*, *svoiě* / *svoie*, *našiě* / *našie*, *vašiě* / *vašie*. Šaxmatov [Šaxmatov 1957] claims that they arose under the influence of adjectival and pronominal forms like *siniě* ‘blue.GEN.SG.F’, *dobryě* ‘good.GEN.SG.F’, *tyě* ‘that.GEN.SG.F’, but there are objections to any of these proposals.

I argue that genitive singular feminine was influenced by genitive plural: *moiě*, *tvoiě*, *svoiě*, *našiě*, and *vašiě* were modelled after *moixъ*, *tvoixъ*, *svoixъ*, *našixъ*, and *vašixъ*. As for the loss of these genitive singular forms from the dialects of Central Russia, it first affected the forms *moiě*, *tvoiě*, *svoiě*, whereas *našiě* and *vašiě* were retained longer. This is probably connected to stress placement—namely, the forms in *-iě* with new stressed *i* were more likely to be perceived as non-standard than the forms with an unstressed ending.

Key words: Old Russian, possessive pronouns, testaments and treaties of grand and feudal princes of the 14th and 15th centuries.

References

Chapaeva L. G. *Istoriya form nelichnykh mestoimenii v govorakh velikorusskogo tsentra (XIV–XVI vv.)*. Diss. ... kand. filol. nauk, Moscow, 1984.

Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR. Vyp. II. Morfologiya. Moscow, 1989.

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XV vv. / Podg. k pech. L. V. Cherepnin. Moscow, Leningrad, 1950.

Galinskaya E. A. *Istoricheskaya fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow, 2002.

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova. Pod red. S. N. Valka. Moscow, 1949.

Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. Prilagatel'nye. By: A. M. Kuznetsov, S. M. Iordanidi, V. B. Kry's'ko. Moscow, 2006.

Marasinova L. M. *Novye pskovskie gramoty XIV–XV vekov*. Moscow, 1966.

Petrukhin P. V. O datirovke spiska A dogovora Smolenska s Rigoj i Gotskim beregom. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka. (2012–2013)*. Moscow, 2013, pp. 161–178.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. I. Lavrent'evskaya letopis'. Moscow, 1997.

Shakhmatov A. A. *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka*. Moscow, 1957.

Smolenskie gramoty XIII–XIV vekov. Podgotovka teksta T. A. Sumnikovoi i V. V. Lopatina. Moscow, 1963.

Sreznevskii I. I. Dopolneniya k obshchemu povremennomu obozreniyu drevnikh pamyatnikov russkogo pis'ma i yazyka <2> // *Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti*. T. X. Vyp. VI. St Petersburg, 1863. S. 593–704.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow, 2004.

Е. А. Мишина

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
kmishina@mail.ru*

ОБ ОСОБЫХ УПОТРЕБЛЕНИЯХ ФОРМ АОРИСТА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ*

Как известно, аорист употребляется в старославянских и древнерусских памятниках в качестве основного повествовательного времени. Потенциально аорист может образовываться от глаголов обоих видов, так как семантически он нейтрален в отношении характера протекания действия. Однако в действительности в древнерусских (как и старославянских) памятниках аорист преимущественно встречается от глаголов совершенного вида, в то время как аористы от глаголов несовершенного вида редки и, как правило, их употребление связано с разными контекстуальными ограничениями. В статье рассматривается одно из таких ограничений, засвидетельствованное в древнерусских памятниках. От ряда бесприставочных глаголов (выражающих семантику несовершенного вида) формы аориста, а также действительные причастия прошедшего времени встречаются в том случае, когда в контексте есть эксплицитное указание на то, как долго длилось действие (*долго, много, весь день, малъ часъ, до замороза* и др.). В древнерусских летописях подобные употребления встречаются достаточно регулярно. В статье проанализировано, каким образом функционирование временных форм, вступающих в противоречие с видовым значением основы, мотивировано и поддерживается семантико-грамматическими факторами (особенностями видовой, временной и лексической семантики). Поднимается также вопрос о необходимости более тонкого дифференцированного подхода к контекстам, которые могут быть показательными для определения видового значения глагольной основы. Так, показано, что возможность для глагола образовывать действительные причастия прошедшего времени — обычно рассматриваемая как достаточно сильный морфологический критерий, указывающий на совершенный вид, — не всегда может быть показательной.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Ключевые слова: аорист, причастие, глагольный вид, древнерусский язык, древнерусские летописи.

Как известно, категория вида тесно связана, с одной стороны, с лексической семантикой глагола, а с другой — с категорией времени. Так, семантика несовершенного вида (фокус внимания на действии в процессе протекания) хорошо сочетается с семантикой имперфекта (обозначение фоновых состояний, длящихся и повторяющихся действий), а такие семантические компоненты совершенного вида, как фокус внимания на достижении действием своего внутреннего предела, ретроспективность, событийность хорошо сочетаются с семантикой аориста, обозначающего событие в прошлом. В соответствии с этим в старославянском и древнерусском, как и в современных славянских языках, сохранивших формы имперфекта и аориста (болгарском и македонском), имперфект образуется преимущественно от глаголов несовершенного вида (вторичных имперфективов или бесприставочных глаголов), а аорист — от глаголов совершенного вида (приставочных или бесприставочных)¹. Однако следует подчеркнуть, что ни в древнерусском, ни в старославянском языках оппозиция *аорист* : *имперфект* не может быть сведена к аспектуальной оппозиции²: это было бы упрощением языковой ситуации, наблюдаемой в письменных памятниках, так как в определенных ситуациях от глаголов совершенного вида в древнейших текстах встречаются имперфекты, а от глаголов несовершенного вида — аористы [Вайан 2002/1948: 379; Lunt 2001: 155–156; Хабургаев 1974: 268, 276, 278 и др.]. Несмотря на то, что формы имперфектов совершенного вида и аористов несовершенного редки, они не случайны и хаотичны, а представляют собой определенные типы употреблений. Функционирование в древнерусских памятниках имперфектов от глаголов совершенного вида описано в научной литературе довольно подробно [Маслов 2004/1954: 141–175; Зализняк 2008: 94–105; Мишина 2012; 2015; 2017; Жолотов 2016]. В данной работе речь пойдет о нестандартных в древнерусском языке употреблениях форм аориста (а также действительных причастий прошедшего времени), образованных от глаголов несовершенного вида.

Форма аориста употребляется в старославянском и древнерусском в качестве основного повествовательного времени для обозначения единичных событий в прошлом, не соотносимых с настоящим. Говоря о семантике славянского аориста, обычно отмечают его немаркированность и нейтральность в отношении характера протекания действия: аорист никак не указывает на то, было ли действие длительным или нет, что определяет такое свойство аориста, как «фактичность» — чистое

¹ Как известно, в старославянском и древнерусском основная часть бесприставочных глаголов не была охарактеризована по виду и, соответственно, от этих основ могли свободно образовываться как аористы, так и имперфекты. Тем не менее очевидно, что уже в древнейший период отдельные бесприставочные глаголы были втянуты в видовое противопоставление.

² Такая точка зрения, имевшая распространение в работах первой половины XX в., получила новый резонанс в настоящее время, см., например, [Eckhoff, Naug 2015]. Однако такой взгляд ошибочно приводит к смешению грамматических категорий вида и времени. См., например, работу [Milliaressi 2015], где последовательно разграничиваются видовые и таксисные характеристики.

обозначение факта в прошлом. Соответственно, потенциально — как немаркированное время — аорист может образовываться от глаголов обоих видов. Однако в действительности в старославянских и древнерусских памятниках аорист преимущественно встречается от глаголов совершенного вида, что объясняется, как уже было сказано, хорошей сочетаемостью семантики аориста с семантическими компонентами совершенного вида. Аорист может обозначать отдельное единичное событие, но чаще аористы образуют цепочку, обозначая последовательно сменявшие друг друга события в повествовании:

(1) *идѹщю же емѹ шпать. приде къ дѹнаевѹ и възлюбѹ мѣсто. и сруби городкъ малъ* (ПВЛ по Лавр., л. 4) — «Возвращаясь назад, он (Кий) пришел к Дунаю, и понравилось ему место, и он построил небольшое укрепление».

В отличие от аористов от глаголов совершенного вида, аористы от глаголов несовершенного вида редки, и их употребление, как правило, связано с определенными контекстуальными ограничениями. Следует сразу оговориться, что от вторичных имперфективов, в древнерусский период образующих ядро глаголов несовершенного вида, аористы не засвидетельствованы. И это вполне объяснимо, поскольку, как известно, вторичные имперфективы в ранний период имели подчеркнуто процессуальное значение, которое сильно противоречило фактичности аориста [Силина 1982: 162; Шевелева 1986а: 16–17; Кукушкина, Шевелева 1991: 44–45]. Что касается симплексов, то традиционно считается, что в древнейший период, будучи неохарактеризованными по виду, они находились на периферии исходной видовой системы древнерусского языка, а видовое противопоставление охватывало только приставочные глаголы [Силина 1982: 163; Кукушкина, Шевелева 1991: 47]. Однако представляется, что в действительности картина была более сложной и класс бесприставочных глаголов не был однородным. Анализ языка древнерусских (и старославянских) памятников показывает, что уже в самую раннюю письменную эпоху некоторые симплексы были охарактеризованы по виду, то есть свободно употреблялись в контекстах, типичных только для одного из видов. Соответственно, они втягивались в видовое противопоставление, некоторые из них, по-видимому, уже в ранний период образовывали видовые пары (например, *дати* — *даяти*, *пустити* — *пуцати*)³. Иными словами, уже применительно к древнерусскому периоду у нас есть основания говорить о бесприставочных глаголах как совершенного, так и несовершенного видов. В дальнейшем речь пойдет именно о таких бесприставочных глаголах. Одним из достаточно заметных классов бесприставочных глаголов является семантический класс глаголов пространственного положения.

³ Факторы, способствующие процессу ранней охарактеризованности тех или иных симплексов, могли быть самые разные: лексическая семантика глаголов; наличие в системе двух симплексов с одинаковой лексической семантикой, но разной аспектуальной, приводящее к раннему формированию отдельных видовых пар, и др. Однако анализ этих факторов выходит за пределы данной статьи.

Аспектуальное поведение глаголов пространственного положения (**лежати, сѣдѣти, стоати**) в древнерусских памятниках соответствует поведению глаголов несовершенного вида: от данных основ свободно и регулярно образуются формы презенса и имперфекта (в том числе в актуально-длительном значении) и действительного причастия настоящего времени, в то время как формы аориста и действительного причастия прошедшего времени возможны только в определенных контекстуально обусловленных ситуациях, где снимается возникающее противоречие между семантикой вида и времени.

В соответствии с аспектуальной семантикой несовершенного вида от глаголов пространственного положения часто образуются формы имперфекта, как правило, выполняющие фоновую функцию в тексте: имперфект обозначает длящееся состояние, на фоне которого происходят другие события (2)–(7). Довольно часто имперфекты сочетаются с обстоятельствами, тем или иным образом характеризующими действие или состояние субъекта действия (наречиями, прилагательными и причастиями, см. примеры (3)–(6)), а также сравнительным оборотом с союзом **так/акы** (2), (4), (7):

(2) **ѡна же поклонивши главу стоаше. акы губа напитаема. внимающи оученья. [и] поклонившисѧ пѣрѣрху глѣци** (ПВЛ по Лавр., л. 17об.) — «Она же (Ольга), приклонивши голову, стояла, как губка напитанная, внимая учению, и, поклонившись патриарху, говорила...»;

(3) **ннии же корабли ихъ и галѣи ихъ стоахуѡ назаде болше съ зажжения** (НПЛ, л. 69) — «Некоторые же из их кораблей и лодок стояли сзади, боясь воспламенения»;

(4) **мьстиславъ же съ дружиною сѣдѣ на кони. и нача бѣдити оугры. оугре же лежахуть пьани так мртви** (Киев., л. 159об.) — «Мстислав же с дружиною, сев на коней, начал будить угров. Угры же лежали пьяны, как мертвые»;

(5) **изяславъ же лежаше раненъ. и тако въсхотисѧ. и ту хотѣша и кнгане пѣшци оубити. мнѡше ратного. не знающе его** (Киев., л. 158об.) — «Изяслав же лежал ранен и привстал, и тут хотели пешие воины из киевлян убить его, не узнавая и принимая за врага»;

(6) **и понесоша ѧ в лоды. они же сѣдаху в перегьбѣхъ. въ великихъ сѣстѣгахъ. гордащесѧ** (ПВЛ по Лавр., л. 15 об.) — «И понесли их в ладье. Они же сидели в плащах и больших нагрудных бляхах, гордались»;

(7) **посредѣ насада стоаща мѣнкѣ Бориса и Глѣба. въ одежа^х червленѣхъ и вѣста рѣцѣ держаста на рамѣ. гревци же сѣдаху акы мглою одѣни** (Сузд., л. 169) — «Посреди корабля стояли мученики Борис и Глеб. Были они в красных одеждах и держали руки на плечах (друг друга). Гребцы же сидели, как будто мглою одетые».

Однако наряду с формами имперфекта (в целом более частотными) от глаголов пространственного положения встречаются также формы аориста. В старославянских памятниках примеры аористов от данных глаголов единичны,

в восточнославянских же памятниках их достаточно много (см. Таблицу 1⁴), что позволяет характеризовать данную особенность как древнерусскую.

Таблица 1

	НКРЯ древнерусский подкорпус		TOROT старославянский подкорпус	
	аорист	имперфект	аорист	имперфект
СТОЯТИ	91 ≈42%	124 ≈58%	2 ≈5%	36 ≈95%
СЪДѢТИ	15 ≈24%	47 ≈76%	1 ≈3%	29 ≈97%
ЛЕЖАТИ	11 ≈24%	35 ≈76%	3 ≈16%	17 ≈84%

Отличительная особенность в употреблении аористов от глаголов пространственного положения состоит в том, что их подавляющее большинство употребляется тогда, когда в контексте есть эксплицитное указание на то, как долго длилось действие (дълго, мѣного, все лѣто, весь днь, ночь, малъ часть, три дни, недѣлю, до вечернии, до замороза, доньдеже..., от .а.го часа до .г.го, ѿ смена днѣ до велика днѣ и т. д.)⁵:

(8) **сѣпопѣкъ же оступѣи градъ и стоѣ сѣпопѣкъ ѡколо города .ѡ. недѣ** (ПВЛ по Лавр., л. 90об.) — «Святополк же обступил город, и стоял Святополк вокруг города 7 недель»;

(9) **и встаса по слѣдоу его знаменне въ образѣ змыа великаго. и стоѣ по небоу съ ча днѣвнѣи. и разидеса** (Киев., л. 116–116об.) — «И осталось по следу его (огненного круга) знамение в образе большого змея и стояло на небе около часа и рассеялось»;

(10) **и се рекъша разметаста храмѣноу. тоу. женоу же тоу акты мрътвоу сътворѣста. и лежа мѣць не могоуци ничьсо же** (ЖФП, 21г) — «И сказав это, (святые) разрушили тот дом, а жену ту сделали неподвижной (букв.: как мертвую), и лежала она месяц и не могла пошевелиться»;

(11) **томъ лѣ. вода баше велика. въ волховѣ. а снѣгъ лежа до такова днѣ** (НПЛ, 11об.) — «В тот же год воды было много в Волхове, а снег лежал до Яковлева дня»;

(12) **он же приде к стръквѣ своку гарополку кыкву. и да кмѣ въшегородъ и тѣ сѣдѣ. лѣ. ѡдино** (Сузд., л. 101) — «Он же (Всеволод Мстиславич) пришел к дяде своему Ярополку в Киев, и тот дал ему Вышегород, и тут (Ярополк) седел один год»;

⁴ Статистика, приведенная в таблицах (здесь и далее), базируется на данных древнерусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и старославянского подкорпуса Tromsø Old Church Slavonic and Old Russian Treebank (TOROT).

⁵ Наличие в контексте временных ограничителей — не единственное условие для появления формы аориста, но эта особенность самая заметная. Среди других можно назвать, например, наличие отрицания, употребление в придаточном предложении, но анализ этих условий выходит за рамки данной статьи.

(13) въ то^ж лѣ^тѣ изгонниша нѣмци кюри^а синкинница · въ тѣ^бвѣ · и вѣдоша и въ мѣдвѣжю голову · и сѣде^а окованъ ѿ гна^а дни · до великаго говѣнниа (НПЛ, л. 117) — «В тот же год изгнали немцы Кирилла Синкиннича из Тесва и привели его в Медвежью голову, и он сидел там закован от Успения до Великого поста».

Большинство подобных употреблений зафиксировано в древнерусских летописях, где такие аористы можно назвать достаточно регулярными (в других памятниках они встречаются гораздо реже), поэтому в данной статье мы сосредоточимся на анализе материала древнейших летописей (Повесть временных лет по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам, Киевская, Новгородская Первая по Синодальному списку, Суздальская, Галицкая и Волынская летописи). Статистика по отдельным летописям представлена в Таблице 2. Из таблицы видно, что в летописях количество зафиксированных форм аориста сопоставимо с имперфектами и в отдельных памятниках может даже превышать количество имперфектов. Однако в отличие от имперфектов, употребление форм аориста от глаголов положения в пространстве, как правило, требует поддержки контекста и, следовательно, является особым контекстуально обусловленным типом (подробнее об этом ниже).

Таблица 2

	стояти		сѣдѣти		лежати	
	аорист	имперфект	аорист	имперфект	аорист	имперфект
всего по летописям	83 (56 %)	65 (44 %)	13 (35 %)	24 (65 %)	8 (50 %)	8 (50 %)
ПВЛ по Лавр./Ипат.	8	18	–	17	3	1
Сузд.	21	10	2	1	2	1
Киев.	30	26	2	5	1	3
НПЛ	18	4	9	1	1	–
Гал.	3	3	–	–	–	–
Вол.	3	4	–	–	1	3

Выбор формы аориста в сочетании с обстоятельствами, ограничивающими протекание действия, по-видимому, обусловлен такими семантическими свойствами аориста, как непроцессность и фактичность. Как уже было сказано выше, аорист, в отличие от имперфекта, изображает действие не в самом процессе его протекания, а просто как факт. Протяженное действие, о котором идет речь, изображается как этап в последовательном развертывании рассказа. Форма аориста от указанных глаголов часто оказывается включенной в цепочку других аористов в повествовании, таким образом, аорист указывает на факт в последовательном ряду других фактов⁶:

(14) Того же лѣта. приде всеводъ (sic!) съ всею бра^тю. к перетаславию. и стояша подъ городомъ три дни и вишася оу еп^исх^у воротъ. (Киев., л.

⁶ Ю. С. Маслов отмечал эту особенность аориста в современном болгарском языке, где возможно употребление аориста от глаголов несовершенного вида в сочетании с обстоятельствами длительности [Маслов 2004/1954: 191–192].

110об.) — «В тот же год пришел Всеволод со всеми братьями к Переяславлю, и стояли под городом три дня, и бились у епископских ворот»;

(15) и повелѣ Лазарь взати Игоря · и понести и в цркъвѣ ста ^ГМихаила в Новгородскую Божицю · и ту положивша и в гробъ ѣхаста на Гору · и лежаша нощ ту суботѣ же свитаючи · посла митрополитъ игумена · Ананью ста ^ГФедора · и приѣхавъ игумень видѣ и нагого · и шлече и · и ѡпѣ (Сузд., л. 106) — «И повелел Лазарь взять (тело) Игоря и понести его в церковь св. Михаила, в Новгородскую церковь, и положив его там в гроб, поехали на Гору. И лежал (там) эту ночь. В субботу же на рассвете послал митрополит игумена Ананью (из монастыря) св. Федора. И, приехав, игумен увидел его нагого, и облачил его, и отпел»;

(16) и затвориша сѧ новоторжци въ граде съ кнѣзем ярополкомъ и осѣдоша городъ и сѣдѣша · ѣ · не · и изнемогаша въ градѣ (НПЛ, л. 44об.) — «И заперлись новоторжцы в городе с князем Ярополком. И (пришедшие князя) осадили город. И сидели (новоторжцы) пять недель и изнемогли в городе».

Формы имперфектов также возможны в контексте с указанием временного интервала, но в этом случае форма имперфекта, в отличие от формы аориста, фокусирует внимание на процессе протекания действия, подчеркивает его длительность. Действие, обозначенное имперфектом, может быть представлено как фоновое для других событий (17)–(20) или же как многократное (21):

(17) и прогнаша к ис кыква · и стояше подъ вышегородѣмъ · ѣ · не · и придоша сторови вси новогородоу · а ярославъ сѣде кыквѣ изяславницѣ (НПЛ, л. 38об.) — «И прогнали их (Ростиславичей) из Киева. И стоял (князь Юрий Андреевич) под Вышгородом 7 недель. И вернулись все невредимы в Новгород, а Ярослав Изяславич сел (княжить) в Киеве»;

(18) всхотѣ ити в Переяславль и пришедъ ста по Стрѣкви · и много пакости створиша · села пожгоша · и жита попасоша · и стояше · ѣ · мѣ (Сузд., л. 103) — «Захотел (Игорь Олегович) пойти на Переяславль, и, придя, встал вдоль (реки) Стреквы и много зла сделал: села пожег и жито потравил. И стоял два месяца»;

(19) Въ лѣ · ѣ · х · на · стояше всѧ осенина дѣждева ѡ гѣина днѣ до корочюна на тепло дѣжгѣ и бѣ вода велика вельми въ волхове (НПЛ, л. 23) — «В лето 6650 вся осень стояла дождливая от Успения Богородицы до Карачуна (Рождественского поста). Тепло. Дождь. И поднялась (букв.: стала) очень большая вода в Волхове»;

(20) Володимѣръ же приѣха из Рая · в Любомль · тоу же и лежаше всю зиму · в волести · своен · росылаа слуги своѣ на ловы (Вол., л. 299об.) — «Владимир (Волынский) же приехал из Рая в Любомль. И там лежал всю зиму в болезни, посылая слуг своих на охоту»;

(21) **аще ли вержаше на другаго · и не прилпаше к нему цвѣтокъ · стоиаше крѣпко въ пѣньи · дондеже ѿпогаху · оутреню · и тогда изидаше в кѣлюю свою** (ПВЛ по Лавр., л. 64об.) — «Если же бросал (бес) на другого, и не прилипал к нему цветок, (тот) стоял крепко на службе, пока не отпоют утреню, и тогда уходил в келью свою».

Принципиальное же отличие в функционировании форм имперфекта от форм аориста состоит в том, что формы имперфекта от глаголов положения в пространстве употребляются свободно: для имперфекта наличие обстоятельства времени в контексте факультативно, имперфекты легко могут употребляться и без них, в то время как употребление аориста требует поддержки контекста.

Необходимость сочетания с временными ограничителями, контекстуально поддерживающими употребление формы аориста от глаголов положения в пространстве, по-видимому, вытекает также из семантики самих глаголов. Еще Ю. С. Маслов отмечал, что глаголы *imperfectiva tantum* (включающие класс пространственного положения) обозначают процессы, которые, с одной стороны, «не могут мыслиться как мгновенные или очень кратковременные», а с другой — «объективно не заключают в себе необходимости своего прекращения» даже в отдаленной перспективе [Маслов 2004/1948: 80]. Хорошо известно, что обозначенные семантические свойства (невозможность моментализации и внутренняя беспредельность) препятствуют перфективации глаголов этой группы⁷, однако она становится возможной при условии «внешнего» ограничения длительности обозначаемого процесса. Так, например, *посидеть, лежать, постоять* значит производить соответствующее действие в течение какого-то ограниченного времени. По-видимому, именно этими особенностями семантики глаголов пространственного положения можно объяснить необходимость временных ограничителей в контексте. Семантический компонент событийности, который имеется в аористе, плохо сочетается с компонентом беспредельности в семантике данных глаголов, но это противоречие снимается при указании временного интервала.

С точки зрения аспектуального поведения к глаголам положения в пространстве примыкают и некоторые другие бесприставочные глаголы (в основном относящиеся к семантическим классам состояний и процессов), которые, на наш взгляд, в древнерусском языке ведут себя уже практически как глаголы несовершенного вида (употребляются в контекстах, типичных для несовершенного вида, преимущественно образуют формы имперфекта и действ. прич. наст. времени, и избегают образования аористов и действ. прич. прош. времени). В древнерусских летописях от таких симплексов формы аориста также встречаются преимущественно в сочетании с временными ограничителями, например: **горѣти** — 3 раза (Сузд.); **държати** — 10 раз (НПЛ, Киев., Сузд.); **ждати** — 3 раза (ПВЛ, Киев., Сузд.); **искати** — 2 раза (Киев., Сузд.); **капати** — 1 раз (Киев.); **работати** — 3 раза (ПВЛИ):

⁷ Глаголы пространственного положения, а также многие стивы плохо перфективировались и в древнерусском [Кузнецов 1953: 246; Кукушкина, Шевелева 1991: 44; Мишина 2001: 202].

(22) **В лѣтѣ ѿ ѿ а Бѣи** пожаръ в Володимери городѣ мѣца юнѣа въ кѣг днѣ в канунѣ стою мѣкѣ Бориса и Глѣба в четвѣ в полѣ ночи зажжеса и горѣ мало не до вечера цркви изгорѣша дѣа города половина погорѣ (Сузд., л. 138об.) —

«В лето 6701 был пожар во Владимире, месяца июня в 23-й день в канун праздника св. мучеников Бориса и Глеба. В четверг загорелся (город) в середине ночи и горело почти до вечера. 14 церквей сгорело, и половина города сгорела»;

(23) и рѣ гаросла^в тѣо не ѿстоупаю а крѣ не цѣлоюу въ себе а та себе и държа послы все лѣтѣ (НПЛ, л. 109об.) — «И сказал Ярослав: “От этого не отступаю и крест не целую. Вы себе, а я себе”, и держал послов весь год»;

(24) и рѣ имѣ волѣмерѣ пождѣте· даже въ кунѣ сверѣтѣ за мѣцѣ· ждаша за мѣсѣцѣ и не дасть имѣ (ПВЛ по Лавр., л. 25) — «И сказал Владимир: “Подождите, пока вам соберут деньги за месяц”. И ждали месяц, и не дал им»;

(25) галичани же почаша тоужити велми. и много каашасѣ. прогнавшѣ князѣа своего (Киев., л. 231) — «Галичане же начали сильно горевать и много каялись, прогнавав князя своего»;

(26) и въ плѣнь ведени бѣша во усѣрию грѣхѣ ихѣ ради· и работаша тамо· лѣтѣо. и по семь възвратиша^{сѣ} в землю свою (ПВЛ по Лавр., л. 34об.) — «И были выведены в плен в Ассирию за грехи свои. И работали там 70 лет и после этого возвратились в землю свою».

В пользу трактовки форм аориста от рассматриваемых глаголов как особого типа употреблений от глаголов несовершенного вида, на наш взгляд, свидетельствуют также данные современного болгарского языка, где в качестве типичного употребления для несовершенного аориста засвидетельствовано аналогичное употребление с обстоятельствами продолжительности. Ю. С. Маслов называл этот тип «значением подчеркнутой длительности действия» [Маслов 2004/1954: 187–199], см. также [Деянова 1966; Guentchéva 1990: 112–113; Friedman 1993; Фридман 1996: 117–118].

(27) Зачо ни държа цял час на пътя, керата? — «Зачем ты держал нас целый час на улице, негодник?» (цит. по [Маслов 2004/1954: 188]);

(28) Доктор Харалампи <...> игра до късно на карти <...>, прибра се в два часа през ношта и спа до десет сутринта. Той се излежава дълго в крѣвата, стана бавно — «Доктор Харалампий играл допоздна в карты, пришел домой в 2 часа ночи и спал до 10 часа утра. Он долго лежал (букв. вылеживался) в кровати, встал медленно» (цит. по [Маслов 2004/1954: 188]);

(29) Работих аз тия десет години и ден, и нош. Печелех добре и живеехме неazole от хората. — «Работал я эти десять лет и день и ночь. Зарабатывал хорошо, и жили мы не хуже людей» (цит. по [Фридман 1966: 117]).

Описанная особенность в употреблении форм аориста от рассмотренных выше бесприставочных глаголов — сочетание с эксплицитно выраженными в контексте

временными ограничителями — распространяется также на употребление форм действительного причастия прошедшего времени от этих же глаголов, см. примеры (30)–(37). Однако, как видно из Таблицы 3, формы причастий употребляются реже аористов, практически никогда не встречаются в текстах чаще причастий настоящего времени (за исключением формы действ. прич. прош. времени от глагола **сѣдѣти** в НПЛ), а процентное соотношение причастий прошедшего времени к причастиям настоящего времени меньше, чем процентное соотношение форм аориста к формам имперфекта.

Таблица 3

	стояти		сѣдѣти		лежати		държати		жьдати	
	д. прич. пр. вр.	д. прич. н. вр.	д. прич. пр. вр.	д. прич. н. вр.	д. прич. пр. вр.	д. прич. н. вр.	д. прич. пр. вр.	д. прич. н. вр.	д. прич. пр. вр.	д. прич. н. вр.
всего по лет.	20 (20%)	78 (80%)	13 (19%)	55 (81%)	1 (4%)	22 (96%)	3 (9%)	32 (91%)	3 (21%)	14 (79%)
ПВЛ	2	15	1	26	–	12	–	9	–	2
Сузд.	6	15	1	6	–	4	1	5	–	1
Киев.	6	24	1	14	1	3	1	3	2	5
НПЛ	5	3	10	1	–	1	1	4	1	3
Гал.	–	17	–	8	–	–	–	8	–	2

Приведем примеры из летописей:

(30) в **лѣтѣ** **ѡ.ф.ѡ.з.** **изслава** и **сѣтослава**. и **всеволода**. **высадиша** **стрыпа** **своего** **ис поруба** **сѣдѣвши** **к. н. д.** **лѣтѣ** (ПВЛ по Ипат., л. 60) — «В год 60567 Изяслав, и Святослав, и Всеволод освободили своего дядю (Судислава) из поруба, (где он) сидел (букв.: сидевшего) 24 года»;

(31) и **сѣдев** **кыквѣ** **вѣ. дннн**. **възвратиса** **вспа** (Сузд., л. 123об.) — «И просидев (букв.: сидев) в Киеве 12 дней, возвратился назад»;

(32) и **разболе** **са**. **лежавъ** **е. не** и **прѣстави** **са**. **марта**. **въ** **еи**. **въ соу** **предъ** **оведнею** (НПЛ, л. 113) — «И разболелся, (и) пролежав (букв.: лежав) 6 дней, преставился 15 марта, в субботу перед обедней»;

(33) **и стоявше** **мѣ**. **приступиша**. **и не взяша** **его** (НПЛ, л. 162) — «И стояв месяц, приступили (к осаде) и не взяли его (Выборг)»;

(34) **стоявшим** **же** **имъ** **до вечера**. **перешед** **же** **Гюрги** **за Рутъ** **ста** (Сузд., л. 111) — «И стояли (букв.: стоявше) они (так) до вечера, Юрий же перешел (реку) Руту и встал»;

(35) **и пришедъ** **сѣде** **в кыевѣ** **на столѣ**. **и державъ** **новгородцевъ** **и новоторжцевъ** **одиноу** **не**. **и одаривъ** **а ѿпусти** **прочее** (НПЛ, л. 120) — «И придя в Киев, (Ярослав) занял (букв.: сел) престол. И продержав (букв.: держав) новгородцев и новоторжцев одну неделю и одарив их, отпустил прочь»;

(36) **тѣсть же его державъ оу себе зиму всю. и ударивъ даръми многими. и со чѣтью великою. злата своего и дчерь свою и ѿпусти во своя си** (Киев., л. 234об.) — «Тесть же его (Ростислава) продержав (букв. держав) у себя всю зиму зятя своего и дочь свою, одарив многими дарами и с великой честью, отпустил их к себе домой»;

(37) **стѣслав же ждавъ многы дни. оублюдъса теплыни. понде вборзѣ** (Киев., л. 217об.) — «Святослав же ждав много дней, испугавшись жары, поехал скоро».

Особо следует остановиться на вопросе интерпретации аспектуальной семантики рассматриваемых форм, поскольку возможность образовывать действ. прич. прош. времени считается одним из довольно сильных морфологических критериев, как правило, указывающим на то, что глагол, от которого образуются причастия прошедшего времени, является глаголом совершенного вида или же неохарактеризованным по виду (если от глагола также образуются причастия настоящего времени). В [Шевелева 1986а: 18–19; 1986б: 130–134] анализируются те же бесприставочные глаголы, что и в настоящей статье, однако они интерпретируются как неохарактеризованные по виду (способные выступать в контекстах, типичных как для совершенного, так и несовершенного видов) даже применительно к языку XV–XVI вв. Контексты, в которых образованные от них формы аориста или действ. прич. прош. времени употребляются в сочетании с обстоятельствами, выражающими ограниченную длительность, приводятся в качестве доказательства их немаркированности: «Подтверждением немаркированности видового значения рассматриваемых неопределенных основ является возможность приобретения ими контекстуально обусловленного значения ограниченности действия внешним пределом» [Шевелева 1986б: 133]. Однако, на наш взгляд, показательным для определения видового статуса глагольных основ может быть только свободное, контекстно не обусловленное функционирование тех или иных временных форм. Иными словами, если какая-либо временная форма, образуемая от определенной глагольной основы, регулярно встречается в разных значениях (в том числе в основном значении данной формы) и её употребление не требует каких-то особых ограничений или специальной поддержки в контексте, то такое употребление следует признать свободным. Если же мы имеем дело с употреблением временной формы только в каком-то определенном значении, которое не является основным, или же требуется специальная поддержка контекста (как в случае с аористами и действ. прич. прош. времени от глаголов положения в пространстве), то такое употребление следует признать контекстуально обусловленным. Контекстуально обусловленные значения (обычно являющиеся периферийными значениями той или иной видо-временной формы), как правило, не показательны для определения видового значения основы, поскольку в таких случаях противоречия, возникающие между формами вида и времени, нивелируются как раз за счет контекста, делая возможным употребление той или иной «маргинальной» формы. Кроме того, в этой зоне, как правило, бывает возможна конкуренция видо-временных форм. Представляется, что именно так обстоит дело с формами действ. прич. прош. времени от рассмотренных выше симплексов. На наш взгляд,

их функционирование следует признать особыми контекстуально обусловленными употреблениями, поскольку практически все зафиксированные причастия, как и в случае с формами аориста, употребляются в сочетании с обстоятельствами, выражающими ограниченную длительность, то есть не являются свободными. А формы презенса, имперфекта и действ. прич. наст. времени от этих же глаголов, напротив, функционируют свободно, без каких-либо контекстных ограничений⁸. В совокупности имеющиеся данные, по-видимому, свидетельствуют о том, что проанализированные бесприставочные глаголы уже в древнейший период примыкали к классу глаголов несовершенного вида.

Как уже отмечалось выше, класс бесприставочных глаголов, по всей видимости, не был однородным в древнерусский период. Так, достаточно обязательная сочетаемость форм аориста и действ. прич. прош. времени с обстоятельствами, ограничивающими временной интервал, или наличие каких-либо других контекстуальных ограничений (как, например, отрицание) отличают рассмотренные выше бесприставочные глаголы от тех симплексов, у которых данные формы также иногда встречаются с временными ограничителями, но для которых эта сочетаемость не является обязательным условием их функционирования, то есть формы аориста и действ. прич. прош. времени могут функционировать и без них. Такие симплексы, как **доумати**, **искати**, **гънати(сѧ)**, **плакати(сѧ)** и некоторые др., впоследствии примкнувшие к глаголам несовершенного вида, по-видимому, в древнерусский период еще оставались неохарактеризованными по виду (или еще не до конца охарактеризованными). Например, образованные от глагола **искати** аористы употребляются в летописях в сочетании с временными ограничителями, в то время как формы действ. прич. прош. времени их не имеют, ср.:

(38) и тоу перебродисѧ на ратьноую сторону днѣпра и ѣ днѣ искаша ихъ (Киев., л. 221) — «И здесь переправился на вражескую сторону Днепра, и 5 дней искали их»;

(39) на оутрѣи же днѣ поѣхаше к нему. искаше двѣда и не шербѣтоша его (Киев., л. 216об.) — «На следующий же день поехали к нему. Искали (букв.: ис-кав) Давида, и не нашли его».

Образованные от глагола **доумати** формы аориста и действ. прич. прош. времени употребляются в летописях как с обстоятельствами длительности, так и без них, ср.:

⁸ В качестве аналогичных примеров контекстуально обусловленных употреблений можно привести функционирование форм *перфективного имперфекта*, возможное только в определенных типах контекстов (в кратном-перфективном значении и значении «напрасного ожидания») [Маслов 2004: 141–175; Мишина 2012; 2015; 2017], а также *перфективного презенса* (в значении «напрасного ожидания») [Зализняк 1993; 2004: 178]. Данные видо-временные формы представляют собой редкие периферийные (в определенном смысле «маргинальные») образования, в которых за счет контекста снимается противоречие между семантикой совершенного вида и семантикой имперфекта (или семантикой настоящего времени), и соответственно они не являются показательными для определения видовой характеристики основы.

(40) Левъ же оусмотриѣвъ лествь ихъ. и доума много с боярты своими. посларать свою к Воротьславоу. воевати Индрихъвы земан (Вол., л. 307) — «Лев же, заметив их хитрость, долго советовался (букв.: думал много) с боярами своими и послал рать свою к Воротиславу, чтобы пойти войной на Генриховы земли»;

(41) и рѣша много ихъ есть. тако ·џ· тысячь. наши же слышавше думаша. вже ... (Киев, л. 199) — «И сказали, что много их, 7 тысяч. Наши же, слышав (об этом), думали, что ...»;

(42) и та^к доумавъше много о собе. таша са по поуть (НПЛ, л. 97) — «И так (князья) долго размышляв (букв.: много думав), пустились в путь»;

(43) изаславъ же приѣха къ ѡцю своему Вячеславу. и ту думавше начаста ѡбѣдати (Киев., л. 146) — «Изяслав же приехал к отцу своему Вячеславу, и тут посовещавшись (букв.: думав), начали обедать».

От глагола гнати аористы в большинстве случаев употребляются без обстоятельств длительности (хотя и не всегда), в то время как в контекстах с действ. прич. прош. времени внешняя граница протекания действия довольно часто выражена, причем в качестве обстоятельств, обозначающих эту внешнюю границу, выступают не ограничители времени, а ограничители пространства, ср. (46)–(48):

(44) ише^д бо изъ киева гна по зѡри в лѣсѣ (ПВЛ по Лавр., л. 23) — «Выехав из Киева (на охоту) (Свенельдич) гнал зверя в лесу»;

(45) и гнаша по нихъ ·в· дни сѣкци (ПВЛ по Лавр., л. 91об.) — «И гнали их (венгров) два дня, рубя (их)»;

(46) види же и половци стогаще назадѣ. и к тѣмъ гнавъ и оукрѣпле ѣ на брань. и ѡтуда въѣха въ полкъ свои (Киев., л. 158) — «(Андрей) увидел и половцев, стоящих сзади, и поскакав (букв.: гнав) к ним и укрепив их на битву, и оттуда въехал в свои полки»;

(47) гнавъ же Даниль ко мостоу и озрѣвъ. тако конѣчь мостоу. оугаслъ есть и въ^с радость велика (Гал., л. 257об.) — «Гнав же Данил к мосту, увидел, что конец моста (горевшего) погас. И была радость большая»;

(48) андрѣеви же гнавшю ратнѣгѣ малы не до полковъ ихъ (Сузд., л. 111) — «Андрей же гнал врагов чуть не до полков их».

От глагола плакати(сѧ) в летописях формы действ. прич. прош. времени — редкость (от плакати — 1 раз (в сочетании с обстоятельством длительности), от плакатисѧ — 3 раза), в то время как формы аориста более регулярны и употребляются свободно без временных ограничителей (от плакати — 3 раза, от плакатисѧ — 47 раз):

(49) и тако плакашеть над ни^м акы и по братѣ свое^м и долго плакавъ и рѣ изаславу двѣвичю (Киев., л. 158об.) — «И так оплакивал его (букв.: плакал над ним), как по брату своему. И долго плавав, сказал Изяславу Давидовичу»;

(50) **володимер же плакавсѧ с ростиславомъ братомъ своѣмъ· спрятаста тѣло его** (ПВЛ по Лавр., л. 72об.) — «Владимир же с Ростиславом, братом своим, оплавав (букв.: плакав), спрятали тело его (Всеволода)»;

(51) **и по трѣднѣхъ оумре олга· и плакаса по неи снѣ ея** (ПВЛ по Лавр., л. 20) — «И через три дня умерла Ольга. И оплакивал её (букв.: плакал по ней) сын её»;

(52) **принесоша и кыеву· ї плакаса по нѣмъ· мѣи его· ї всі людье плакаша по немъ** (ПВЛ по Ипат., л. 81об.) — «Принесли его (Ростислава) в Киев и оплакивала его (букв.: плакала по нем) мать его и все люди оплакивали (букв.: плакали по нем)».

Специфические употребления видо-временных форм часто приближаются к своего рода клише и могут довольно долго сохраняться в языке. Так, показательно, что формы действ. прич. прош. времени в сочетании с обстоятельствами длительности от глаголов положения в пространстве и некоторых других глаголов несовершенного вида сохранялись в языке вплоть до XVIII–XIX вв. (53)–(57)⁹, а изредка, как кажется на основании анализа примеров, встречающихся в Интернете (*долго работав, долго сидев, долго ждав*), проскакивают и в современном просторечном русском языке:

(53) Между тем великий князь, несколько времени лежав на земле, собрал силы, встал и едва не был изрублен собственными воинами, которые, в жару битвы, не узнали его (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 2. 1806–1818);

(54) Сидев с ним четыре года в Комитете министров и десять лет в Государственном Совете, я ни единожды не слышал его голоса ни по одному делу. <...> Я сам, долго сидев с ним в Комитете призрения заслуженных гражданских чиновников, которого он был председателем, могу засвидетельствовать, что имя свое он всегда подписывал «Юрья». (М. А. Корф. Записки. 1838–1852);

(55) Искав долго между мертвыми и не находя ни одного человека в живых, люди с великой трудностью возвратились на маяк (В. М. Головин. Описание примечательных кораблекрушений, претерпенных русскими-мореплавателями. 1822);

(56) Вчера, работавши целый день, я часу в 11-м вечера пошел прогуляться по валу (И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856);

(57) Но графиня Антониды, долго ждав бабушкиного визита, вдруг возымела побуждение смирить себя пред невежливой родственницей до уничтожения (Н. С. Лесков. Захудалый род. 1874).

В [Абдулхакова 2007: 33–34, 52, 76] высказывается предположение о том, что длительному сохранению действительных причастий (со временем получивших статус деепричастий) прошедшего времени от глаголов несовершенного вида способствовала возможность семантической дифференциации форм настоящего

⁹ Все приведенные ниже примеры взяты из НКРЯ и цитируются по Корпусу.

и прошедшего времени, обозначавших второстепенное действие. Как известно, форма действ. прич. наст. времени обозначала второстепенное действие, одновременное с основным (сопутствующее ему), в то время как форма действ. прич. прош. времени обозначала действие, предшествующее основному. При этом второстепенное действие, как правило, представлялось завершённым ко времени осуществления основного, чему способствовали и специальные временные ограничители, наличие которых подчеркивало окончание второстепенного действия к моменту выполнения основного, делая обоснованным употребление причастий прош. времени, ср. (58а) и (58б) (примеры взяты из [Абдулхакова 2007: 33]):

(58а) *Они же стояще велику пакость створиша* (МЛС, л. 82);

(58б) *Юрьи же стоявь у Володимеря 10 днec и не створи мира взратися* (МЛС, л. 75).

Таким образом, по мнению Л. Д. Абдулхаковой, необходимость выразить временные соотношения между основным и второстепенным действиями была наряду с видом производящего глагола одним из важных факторов, влияющих на выбор формы настоящего или прошедшего времени. Данное утверждение представляется весьма справедливым; по-видимому, этот фактор действительно играл не последнюю роль в преодолении противоречия между значением временной формы и аспектуальным значением глагольной основы.

Итак, зафиксированные в древнерусских летописях аористы и действительные причастия прошедшего времени от ряда бесприставочных глаголов (по-видимому, уже в древнерусский период выражавших семантику несовершенного вида) в сочетании с обстоятельствами, указывающими на продолжительность действия, следует рассматривать как особый контекстуально обусловленный тип употребления. Функционирование таких нестандартных форм, вступающих в противоречие с видовым значением основы, было мотивировано семантико-грамматическими факторами (особенностями видовой, временной и лексической семантики), позволяющими этим формам занять особое место на периферии видо-временной системы древнерусского языка. В связи с наличием таких нестандартных видо-временных форм в древнерусском языке, необходим более тонкий дифференцированный подход к контекстам, которые могут быть показательными для определения видового значения глагольной основы. Так, возможность для глагола образовывать действ. прич. прошед. времени — считающаяся довольно сильным морфологическим критерием — не всегда может быть показательной.

Источники

Вол. — Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001.

Гал. — Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001.

ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Киев. — Киевская Летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001.

МЛС — Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.; Л., 1949.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

НПЛ — Новгородская Первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

ПВЛ по Лавр. — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001.

ПВЛ по Ипат. — Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001.

Сузд. — Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001.

TOROT — Tromsø Old Church Slavonic and Old Russian Treebank. URL: <https://nestor.uit.no>

Литература

Абдулхакова Н. Р. Из истории русского деепричастия. Казань, 2007.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 2002 (репринт изд. 1948 г.).

Деянова М. Имперфект и аорист в славянските езици. София, 1966.

Живов В. М. История языка русской письменности. М., 2016 (в печати).

Жолобов О. Ф. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. 2016. №3. С. 64–80.

Зализняк А. А. Презенс совершенного вида в значении «презенса напрасного ожидания» // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 275–279.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк А. А. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008.

Кузнецов П. С. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка. // Труды института языкознания. Т. 2. М., 1953. С. 220–253.

Кукушкина О. В., Шевелёва М. Н. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1991. №6. С. 38–49.

Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // *Маслов Ю. С.* Избранные труды. М., 2004 (репринт статьи 1948 г.). С. 71–89.

Маслов Ю. С. Имперфект и аорист в славянских языках // *Маслов Ю. С.* Избранные труды. М., 2004 (переработка статьи 1954 г.). С. 141–248.

Мишина Е. А. Настоящее узуальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2001. С. 199–228.

Мишина Е. А. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2012. №2 (24). С. 219–241.

Мишина Е. А. Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой) // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 2015. С. 174–180.

Мишина Е. А. К изучению перфективного имперфекта в древнерусском языке (в сопоставлении со старославянским) // *Russian Linguistics*. 2017. No. 41(1), (в печати).

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М., 2010 (переизд. кн. 1941 года).

Сирина В. Б. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 158–279.

Фридман В. А. О дифференциации темпоральности и аспектуальности в болгарском и македонском языках // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 116–124.

Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974.

Шевелева М. Н. Состояние грамматической нормы употребления видо-временных форм глагола в книжно-литературном языке северо-восточной и северо-западной Руси XV–XVI вв. АКД. М., 1986а.

Шевелева М. Н. Состояние грамматической нормы употребления видо-временных форм глагола в книжно-литературном языке северо-восточной и северо-западной Руси XV–XVI вв. КД. М., 1986б.

Eckhoff H. M., Haug D. T. T. Aspect and prefixation in Old Church Slavonic // *Diachronica*. Vol. 32:2, 2015. P. 186–230.

Friedman V. A. The loss of the Imperfective aorist in Macedonian. Structural significance and Balcan context // *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists*, ed. by Robert A. Maguire and Alan Timberlake. Columbus, 1993. P. 285–302.

Guentchéva Z. Temps et aspect: L'Exemple du bulgare contemporain. Paris, 1990.

Lunt H. G. Old Church Slavonic. The 7th ed. Berlin-New York, 2001.

Milliaressi T. Aspects et temporalité. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2015.

Ekaterina A. Mishina

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

ON THE SPECIAL USAGES OF THE FORMS OF AORIST AND ACTIVE PAST PARTICIPLE IN OLD RUSSIAN CHRONICLES

As it is known, the aorist is used in Old Church Slavonic and Old Russian writings as the main narrative tense. Potentially, the aorist might be formed from both perfective and imperfective verbs, as it is semantically neutral with regard to the character of the action.

However, in reality, in Old Russian (as in Old Church Slavonic) writings, the aorist is mainly found with perfective verbs, while aorists of imperfective verbs are rare and, usually, need some contextual support or restrictions. The paper deals with one of these restrictions, attested in Old Russian manuscripts. The forms of the aorist (as well as the active past participles), formed from some simplexes (with imperfective meaning), occur in the contexts where the explicit reference to how long the action lasted is expressed (*dolgo, mnogo, ves' den', mal chas*, etc.). In Old Russian chronicles these forms are attested quite regularly. The article analyzes the manner in which such marginal tense forms, being in conflict with the aspectual meaning of the verb, were motivated and supported by certain lexical, grammatical and contextual factors. The paper also raises the question of the need for a more subtle approach to the contexts that might be demonstrative for the aspectual meaning of a verb. Thus, it was shown that the ability to form an active past participle, often regarded as a quite strong morphological criterion pointing to the perfective aspect, may not always be significant.

Key words: aorist, participle, verb aspect, Old Russian language, Old Russian chronicles.

References and sources

- Abdulkhakova N. R. *Iz istorii russkogo deeprichastiya*. Kazan', 2007.
- Deyanova M. *Imperfekt i aorist v slavyanskite ezitsi*. Sofiya, 1966.
- Eckhoff H. M., Haug D. T. T. Aspect and prefixation in Old Church Slavonic. *Diachronica*. Vol. 32:2, 2015, pp. 186–230.
- Fridman V. A. O differentsiatsii temporal'nosti i aspektual'nosti v bolgarskom i makedonskom yazykakh. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1996, no. 1, pp. 116–124.
- Friedman V. A. The loss of the Imperfective aorist in Macedonian. Structural significance and Balcan context. *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists*, ed. by Robert A. Maguire and Alan Timberlake. Columbus: Slavica Publishers, 1993, pp. 285–302.
- Guentchéva Z. *Temps et aspect: L'Exemple du bulgare contemporain*. Paris, 1990.
- Khaburgaev G. A. *Staroslavnyankii yazyk*. Moscow, 1974.
- Kukushkina O. V., Sheveleva M. N. O formirovanii sovremennoi kategorii glagol'nogo vida. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 1991, no. 6, pp. 38–49.
- Kuznetsov P. S. K voprosu o genezise vido-vremennykh otnoshenii drevnerusskogo yazyka. *Trudy instituta yazykoznaniiya*. T. 2. Moscow, 1953, pp. 220–253.
- Lunt H. G. *Old Church Slavonic*. The 7th ed. Berlin-New York, 2001.
- Maslov Yu. S. Imperfekt i aorist v slavyanskikh yazykakh. Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy*. Moscow, 2004 (pererabotka stat'i 1954 g.), pp. 141–248.
- Maslov Yu. S. Vid i leksicheskoe znachenie glagola v sovremennom russkom literaturnom yazyke. Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy*. Moscow, 2004 (reprint stat'i 1948 g.), pp. 71–89.
- Mishina E. A. «Situatsiya naprasnogo ozhidaniya» i otritsanie. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2012, no. 2 (24), pp. 219–241.

Mishina E. A. K izucheniyu perfektivnogo imperfekta v drevnerusskom yazyke (v so-postavlenii so staroslavjanskim) // *Russian Linguistics*. 2017. Vol. 41(1) (in print).

Mishina E. A. Nastoyashchee uzual'noe i potentsial'noe v vostochnoslavjanskikh pamyatnikakh XI–XV vv. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka*. Moscow, 2001, pp. 199–228.

Mishina E. A. Semantika glagolov i semantika vremen v drevnerusskom i staroslavjanskom yazykakh (v svete vzaimodeistviya s aspektual'noi semantikoi). *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i tsenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov*. Kioto, 2015, pp. 174–180.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1. Lavrent'evskaya letopis'. Moscow, 2001.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 2. Ipat'evskaya letopis'. Moscow, 2001.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 25. Moscow, Leningrad, 1949.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshogo i mladshogo izvodov. Moscow, 2000.

Potebnya A. A. Iz zapisok po russkoi grammatike: Glagol. Mestoimenie. Chislitel'noe. Predlog. Moscow, 2010 (pereizd. kn. 1941 goda).

Sheveleva M. N. *Costoyanie grammaticheskoi normy upotrebleniya vido-vremennykh form glagola v knizhno-literaturnom yazyke severo-vostochnoi i severo-zapadnoi Rusi XV–XVI vv. AKD*. Moscow, 1986a.

Sheveleva M. N. *Costoyanie grammaticheskoi normy upotrebleniya vido-vremennykh form glagola v knizhno-literaturnom yazyke severo-vostochnoi i severo-zapadnoi Rusi XV–XVI vv. KD*. Moscow, 1986b.

Silina V. B. *Istoriya kategorii glagol'nogo vida. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol*. Moscow, 1982, pp. 158–279.

Tromsø Old Church Slavonic and Old Russian Treebank. URL: <https://nestor.uit.no>
Uspenskii sbornik XII–XIII vv. Pod red. S. I. Kotkova. Moscow, 1971.

Vaian A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku*. Moscow, 2002 (reprint izd. 1948 g.).

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A. Prezens sovershennogo vida v znachenii «prezensa naprasnogo ozhidaniya». Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 1984–1989 gg.)*. Moscow, 1993, pp. 275–279.

Zaliznyak A. A. *Slovo o polku Igoreve. Vzglyad lingvista*. 3-e izd. Moscow, 2008.

Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti*. Moscow, 2016 (in print).

Zholobov O. F. Ot praslavyanskogo yazyka k staroslavjanskomu: o perfektivnom imperfekte. *Voprosy yazykoznaniya*. 2016, no. 3, pp. 64–80.

А. М. Молдован
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
alexandr.moldovan@gmail.com

ГРАММАТИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ В СИНОДАЛЬНОМ СПИСКЕ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА*

Основной список «Слова о законе и благодати» Илариона (рукопись ГИМ, Син. 591, 2-я пол. XV в.) уникален не только тем, что представляет полную редакцию памятника, но и тем, что сохраняет древнейшие особенности текста XI в. Чтения этого списка оказываются более правильными практически во всех случаях расхождений с остальными списками, варианты которых отражают изменения в древнем тексте под влиянием лингвистических и иных факторов. Наряду с собственно текстологическими данными (пропуски, вставки, перестановки слов и словосочетаний), в которых первичность чтений Син. 591 обнаруживается средствами филологической критики, об исключительности этого списка свидетельствуют лингвистические архаизмы, сохранившиеся в нем вопреки позднейшим изменениям языковой нормы.

Ключевые слова: церковнославянский язык, язык древнерусской письменности, история русского языка.

Особенностью рукописной традиции «Слова о законе и благодати» Илариона (СЗБ) является уникальная степень сохранности текста XI в. в основном списке полной редакции ГИМ, Син. 591, 2-й пол. XV в. (С-591). Чтения этого списка оказываются более правильными в абсолютно преобладающем числе случаев расхождений с остальными списками (более 50-ти), варианты которых несравненно чаще оказываются ошибочными, появившимися на разных стадиях изменения текста. Значение этого списка «не уступает значению всех остальных рукописей, вместе взятых» [Мюллер 1976: 374].

Наряду с собственно текстологическими различиями (пропуски, вставки, замены и перестановки слов и словосочетаний), в которых первичность чтений С-591

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 160–18–02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

обнаруживается средствами филологической критики [Молдован 2002–2003], об исключительности этого списка свидетельствуют многочисленные лингвистические данные.

Нужно заметить, что, поскольку С-591 создавался в эпоху, отдаленную от времени создания СЗБ четырьмя столетиями, на древние лингвистические черты антиграфа в нем наложились особенности, характерные для орфографии и языка писца и его предшественников, — в частности некоторые орфографические нормы, связанные со «вторым южнославянским влиянием». Писец, например, последовательно пишет нейотированное **а** вместо **ѡ** или **ѡа** после букв гласных (**всѡа, нашѡа, апльскаа** и т. п.), регулярно использует **ї** «десятиричное» перед буквами гласных (**бждоуѣимъ, тѣщеславїе** и т. п.), весьма часто пользуется юсом большим для обозначения [у] (**слѡга, лѡны** и др.) и т. д. Разумеется, С-591 не свободен и от описок и ошибок, свойственных любому списку (**въ всемь** 173,10 вместо **въ семь, расподиса** 174,10 вместо **расподиса, приаша** 175об.18 вместо **приаша, нвдествѣ** 180,14 вместо **нвденствѣ, дадѣдва** 192,3 вместо **дѣдва** и др.); местами в нем встречаются незначительные пропуски и повторные написания слов и словосочетаний.

При этом, однако, С-591 сохраняет целый ряд орфографических и лингвистических особенностей архетипа этого текста, созданного в XI в. В частности, в нем обращает на себя внимание большое количество характерных для древнейших рукописей полных написаний словоформ, которые в XV в. обычно сокращались: **благодѣти** 170,4¹, **благовѣрныи** 192об.6, **благословимъ** 182об.6, **благословенїемъ** 173об.16, **благословенъ** 168,13, **благын** 181,18, **благааго** 193об.2, **благыимъ** 194об.5, **благыими** 175об.15, **блаженъ** 188об.1, 188об.4, **блажени** 188,18, **блажениче** 188,21, 189,5, 191об.9, **божьскаа** 176об.3, **божьства** 194,5, **благодатъное** 172,17, **владычествоваша** 185,5, **владычествоюще** 184об.21, **глаголющ** 171,18, **небесный** 182,14, **небесы** 184,3, **небесѣх** 194об.7, **пророчствѣж** 174,17, **спасенъ** 180,4, **сынъ** 172,9, **сыномъ** 172,4, 172,8, 172об.15, **сынове** 172об.4, **сыновъ** 172об.8, **сыны** 172об.3, **тронцѣ** 176,20, **троници** 186об.6, **тронцж** 194,9, **христомъ** 168,3, **христосомъ** 170,5, **христовы** 181,15, **христовѣ** 169об.5, **хрѣстїани** 173,15, **хрѣстїаныи** 172об.6, **хрѣстїанескъ** 168,14, **христолюбиви** 185об.14, **человѣкъ** 176об.2, 176об.21, **человѣкомъ** 168об.19, **человѣкы** 190об.13, **человѣчьскаа** 176об.4, **отъцю** 181,13 и др. В других списках СЗБ такие написания редки. Характерно, что к концу списка число подобных написаний уменьшается.

Эта особенность С-591 хорошо соотносится с тем, что именно в начальной части текста сохранилось семь уникальных для XV в. двубуквенных написаний **шт**

¹ Приметой глубокой древности является абсолютное преобладание в С-591 форм **благодѣтъ** и **благодѣтъныи** с **ѣ**, а не **а**. Слово **благодѣтъ** представлено шестью написаниями с **ѣ**: **благодѣтъ** 172об.6, **блѡдѣти** ед. род. 168,19, **блѡдѣтїю** 173об.18, **благодѣти** 168,2, 173,7, **блѡдѣти** ед. местн. 168,2; сюда же, по-видимому, нужно отнести ошибочные написания форм род. и дат. падежа ед. числа **блѡтѣ** 170об.18 и 170,19 вместо **блѡдѣти**. Написаний с **а** всего два: **блѡдѡти** 180,9, **блѡдѡтїю** 173,16. Прилагательное **благодѣтъныи** представлено пятью написаниями с **ѣ**: **блѡдѣтъныи** 175,8, **блѡдѣтъныа** 176об.15, **блѡдѣтъномж** 169об.2, **блѡдѣтъныи** 173,11, **блѡдѣтънаа** 172об.20 и лишь одним — с **а**: **благодатъное** 172,17.

на месте *tj: **насыштьшемса** 169об.19, **робичишть** 170об.20, **коуштоу** 171,11, **равичишти** 172об.2, **свѣшти** 173, 9, **вдержашти** 174об.15, **вѣроуаштнимь** 175об.20 и, возможно, его следы в написаниях с одним только **ш** или **т** вместо **шт**: **творашеса** 172,22 вместо **твораштеса**; **крешеніе** 176об.19 вместо **крештеніе**; **молаше** 182,3 вместо **молаште**; **вбьшааго** 192об.11 вместо **вбьштааго**², а также **простираются** 197об.20 вместо **простираюштьса** в примыкающей в этом списке к СЗБ «Молитве» Илариона. Следует заметить, что двубуквенные написания **шт** устранялись из рукописей уже в XI в. Например, в рукописи 13 Слов Григория Богослова XI в. (РНБ, Q. р. I. 16) на начальных листах двубуквенные написания **шт** абсолютно преобладают (в первом Слове двубуквенные написания **шт** представлены 142 примерами, а **щ** — всего 28), потом постепенно вытесняются буквой **щ**, и к концу рукописи двубуквенные написания полностью исчезают. В то же время написание **шт** использовалось в оригинальной древнерусской письменности XI — начала XII в., судя по некоторым эпиграфическим данным³.

В морфологии этого списка тоже наблюдается целый ряд явлений, архаических для XV в. и в основном утраченных в других списках СЗБ: преобладание восточнославянской флексии **-ѣ** при основах мягкой разновидности в род. ед. и им.-вин. мн. (**землѣ** 171а10, **кжшкѣ** 171а6, **дѣвицѣ**, 176а16, **тронцѣ** 176а20 **десницѣ** 182а12, **шюницѣ** 182а12; **распрѣ** 172б4, **зарѣ** 179а21, **зорѣ** 186б22, **юношѣ** 184а13, **дшѣ** 177б1); высокая степень сохранности нечленных прилагательных в атрибутивной функции и архаических форм их склонения; преобладание нестяженных форм имперфекта; последовательное сохранение причастий архаического типа, образованных присоединением суффикса ***-ѣс-** к основам инфинитива на **-і** (**насыштьшемса** 169б19; **тавлишиса** 174а9; **ѡложьше** 174а14; **врѣжѣ** 176б7; **вѣкжшъ** 177а19; **сѣхранъ** 177б4; **рожьса** 185а9 и др.); сохранение согласованных с определяемым словом форм причастий и др. [Молдован 1984: 38–65].

Этот перечень архаизмов С-591 может быть продолжен рядом примеров, на которые ранее не обращалось внимания.

1. Всеми издателями СЗБ [Горский 1844; Müller 1962; Розов 1963; Молдован 1982; Сумникова 1986] одинаковым образом прочитывалось предложение: **еще не оу^с блг^дтъ оукрѣпила бѣаше. нѣ дояшеса** 171об. 10–12⁴. Предполагалось, что **оу^с** — это форма аориста ед. 3 л. **оуспѣ**, а **оукрѣпила** — это искаженное **оукрѣпѣла**. Конъектура **оукрѣпѣла** как будто подтверждается чтением некоторых списков 2–й

² В равной степени причиной этих ошибочных написаний можно считать графическое смешение **ш** и **щ**.

³ Ср. например, написание **припадаюштааго** в надписи XI — начала XII в. на северной стене новгородского Софийского собора [Медынцева 1977: 110].

⁴ В издании А.В. Горского [Горский 1844], перепечатанном Л. Мюллером [Müller 1962], текст С-591 сильно искажен конъектурной правкой [Розов 1963]. В частности, указанное место представлено в нем так: и еще благодать не укрѣпѣла бѣаше, но дояшеса еще [Горский 1844: 25–26]. Перевод Л.Мюллера: "Da war die Gnade [zunächst] noch immer nicht kräftig geworden, sondern wurde noch mit Milch genährt" [Müller 1971: 26]. Перевод на английский язык в этом месте более свободен: "Grace had not yet grown strong, but was suckled..." [Franklin 1991: 6].

редакции: **и еше блгѣть не оукрѣпѣла бѣаше**, — хотя в других списках 2-й редакции представлен как совпадающий с чтением С-591 вариант **оукрѣпила бѣше** (Рг-658⁵, Сф-1360, Кв-319, Мк-323), так и другие: **оукрѣпиласѣ бѣаше** (Пг-645, Фл-884) и **оукрѣплена бѣше** (Об-95). Списки 3-й редакции, за исключением ее архаической ветви, содержат почти такое же чтение: **и еше блгѣть не оукрѣпиласѣ бѣаше**. Все это, казалось, свидетельствует о том, что более предпочтительное чтение содержит списки 2-й и 3-й редакций, тем более, что в Синодальном списке аорист **оуспѣ** невозможно было соединить с плюсквамперфектом **оукрѣпила бѣаше**. Фраза считалась испорченной; впрочем, это не мешало пониманию ее общего смысла. Между тем при правильном словоделении проблемы с чтением этой фразы в С-591 отпадают: **еше не оу блгѣть оукрѣпила бѣаше**. Оказывается, что **оу** + — это не аорист **оуспѣ**, а сочетание наречия времени **оу** с энклитикой **сѣ**, находящейся в дистантной препозиции к глаголу **оукрѣпила**: **сѣ... оукрѣпила**. Наречие **оу** в сочетании с **не** (**не оу**) имело значение ‘еще не, до сих пор не’; в переводных текстах оно обычно употреблялось в соответствии с греч. οὔτω, οὐδέτω, οὐ εὐθέως и др. [Miklosich 1862–1865: 1029; Срезневский 3: 1107; СС 719], ср.: **не ү бѣ дхѣ сты данѣ тако нисѣ не ү бѣ прославленѣ**, οὔτω... οὐδέτω Ин. 7, 39 [Остр. ев. 54в]; **оному не оу кше гавивѣшо еүангѣна, гла томѣ блаженыи: пьрѣвѣк брате клименте изнеси сток еүангѣне** (Нест. Жит. Феод.) [Усп. сб. 486]; А князь Ингварь Игоревич... **не үспѣ принти къ нимѣ на пирѣ тон злыи, не ү бо еше приспѣло время** (Никон. лет.) [Срезневский 3: 1107] и др. [СлРЯ XI–XVII вв. 30: 301]. Текстологические данные указывают на то, что наречие **оу** сохранялось еще в архетипе 3-й редакции [Молдован 1984: 33]. В дошедших до нас полных списках 3-й редакции его нет, но оно представлено в фрагментарных списках архаической ветви этой редакции: Кир134: **не оу блгѣть оукрѣпиласѣ бѣше**; Муз-9091 и Увр157: **не оу же блгѣть оукрѣпила** (Увр-157 **оукрѣпиласѣ**) **бѣше**.

При таком прочтении отпадает необходимость в конъектуре **оукрѣпѣла**, поскольку сохраненная в С591 словоформа — это не **оукрѣпила**, а **оукрѣпиласѣ**. В целом фраза переводится следующим образом: «Тогда еще благодать не окрепла, но младенчествовала». Перед нами, следовательно, древняя конструкция с препозицией **сѣ**, постепенное исчезновение которой из языка отражено в других списках СЗБ. Чтение Кир134: **не оу блгѣть оукрѣпиласѣ** представляет один из редких примеров дублирования энклитики **сѣ**, образующих, по выражению А. А. Зализняка, «своеобразный “мостик” между древними и новыми конструкциями с **сѣ**» [НГБ 1993: 293]. Таким образом, выясняется, что и в этом месте список С-591 не испорчен, а, напротив, сохранил архаическое чтение архетипа.

II. В предложении **милость хвалитсѣ на соудѣ** 190,5–6 всем издателям СЗБ казалась испорченной форма **на соудѣ**. Это место представляет собой цитату из Послания Иакова 2, 13 (ср. *катакауχῆται ἔλεος κρίσεως*, в русском синодальном

⁵ Здесь и далее используются условные обозначения списков СЗБ, принятые в [Молдован 1984].

переводе "милость превозносится над судом". Имеется в виду, что милосердие, благотворительная любовь как бы заранее торжествует свою победу над Страшным судом [Толк. Библия 10: 233]).

Во всех остальных списках СЗБ здесь читается: **на соудѣ**. Написанная на основе СЗБ летописная «Похвала Владимиру Васильковичу» в Ипатьевском списке тоже представляет вариант **на соудѣ**, но в Хлебниковском ее списке обнаруживается более раннее написание **на сж^а**, в котором к выносному (^а) позднее было приписано (^б); отсюда и в Погодинской копии читается: **на сж^{аб}** [Ипат.: 915]. В издании Горского чтение С-591 исправлено по синодальному церковнославянскому тексту: **милость хвалитса на соудѣ** [Горский 1844: 43], в таком виде перепечатано Мюллером [Müller 1962: 114]. Точное чтение синодального церковнославянского текста Библии [Библия: 1484] — **хвалитса милость на сдѣ** — восходит к Острожской библии [Остр. библ., Послания апостолов, л. 17об.], в свою очередь воспроизводящей Геннадиевскую библию 1499 г. В Геннадиевской библии находим: **хвалитса милость на сдѣ** [Библия 1499: 114]. Однако форма **на соудѣ** обнаруживается в этой цитате в древнейшей редакции славянского Апостола: **хвалитсе млсть на соудѣ** в Шишатовском апостоле [Šiš.: 92], **хвалитса млсть на соудѣ** — в Христинопольском апостоле [Kałużniacki 1896: 75]. Таким образом, С-591 представляет не испорченное, а древнейшее чтение, в котором при глаголе **хвалитса** выступает не местный, а винительный падеж в предложном сочетании. Аналогичный пример такого управления можно обнаружить в Послании к римлянам апостола Павла, который сохранился не только в Геннадиевской и Острожской библии, но и в современном церковнославянском тексте Библии: **не хвалиса на вѣтви. аще ли же хвалишса, не ты корень носиши, но корень тебе** Рим. 11, 18 (ср. *μη κατακαυῶ τῶν κλάδων*, в рус. переводе «не превозносишь перед ветвями»). Упрекая новокрещеных христиан в презрении к христианам из иудеев, апостол прибегает к аллегории дичка, привившегося на обломок ветки маслины).

III. В предложении **Еже во въ ниб^х книга^х писано. и вами вѣдомо ти сде полжити. то дрѣзости вбразѣ есть и славохотню** 169б15 конструкция **вами вѣдомо** представлена, помимо С-591, во всех списках 3 редакции и в архаической ветви списков 2-й редакции; в остальных списках 2-й редакции — **вамъ вѣдомо**. Употребление при страдательном причастии **вѣдомо** дополнения **вамъ** в дательном падеже было широко распространенной нормой; словосочетание **вамъ вѣдомо** засвидетельствовано в различных письменных памятниках сотнями примеров. И напротив, словосочетание **вами вѣдомо** (с творительным падежом **вами**) в других источниках обнаружить не удалось, хотя сама по себе страдательная конструкция с логическим субъектом в творительном падеже вполне обычна в славянских языках — как древних, так и современных (ср. *власть, избираемая народом*). При этом страдательные причастия, при которых фиксируется творительный логического субъекта, могут быть образованы от глаголов разнообразной семантики, в том числе ментальных, ср.: **любѣмъ ксть богомъ. чьтомъ же ксть кънази. покланяемъ же чистители** [Супр. I: 457]. Подобные примеры встречаются в ряде памятников: **свѣтъники имѣи. иже не вса глѣмага** тобою хвалѣть (Изборник 1076 г.); **бы же**

тогда събота чтима ими паче всѣхъ; генисаръ есть земля, тѣмъ именемъ зовема; не възбранѣми никимъже; не браними никимъже; црѣ. имъже съдръжи-ма воудеть вса вселенаа (История Иудейской войны Иосифа Флавия); вѣ бо сълюбимъ борисомъ; вѣ бо любимъ щѣмъ; книгами бо кажеми и оуч(м)и есми пѣти покаянию; они бо своими моужьми любими соуше; злѣ стражеть ствонми стрѣтми моучи и свѣстѣми, иже кого швидѣлъ; нѣкоего моужа лоукава и всѣми гражаны ненавидима; оудовъ бо имъ своя свѣсть моучима злобою (Пчела). Аналогичные примеры можно найти в белорусской четвѣй минее 1489 г.: мѣтва твоя приатна быс вгомъ [ГСБМ 29: 97], старопольской Библии королевы Софьи (пер. 1453–1455 гг.): *abi offuwerowano bilo wami* [Тв. падеж 1958: 146] и др.

На принадлежность формы тв. пад. **вами** оригинальному тексту Илариона указывает следующее. Во-первых, **вами вѣдомо** — это редкая конструкция в отличие от **вамъ вѣдомо**, а писцы, как известно, не заменяли стандартные и понятные элементы текста на редкие и малопонятные. Во-вторых, эта конструкция засвидетельствована списками разных редакций СЗБ — следовательно, ее наличие в С-591 не может быть случайностью.

IV. В евангельской цитате **Иерусалимъ. иерусалимъ. извивающѣа прркъы. каменѣмъ побивающѣи посланыа к тобѣ** 179, 8–9 (Мт. 23, 37) только в С-591 причастия **извивающѣа** и **побивающѣи** сохраняют древнюю форму ж. рода. Аналогичное согласование по ж. роду в этой цитате имеют причастия в Остромировом евангелии: **иерсѣлмъ. иерсѣлмъ. извивѣшиа прркъы и каменѣмъ побивающѣи посыланыа къ тебѣ** л. 215г (ср. *Ἱερουσαλήμ Ἱερουσαλήμ, ἡ ἀλοκτείνουσα τοὺς προφῆτας καὶ λίθοβολοῦσα τοὺς ἀπεσταλμένους πρὸς αὐτήν*), а также в Архангельском евангелии, где эти формы сохраняются вопреки форме м. рода основного слова: **иерсѣлме. иерсѣлме. извивѣшиа прркъы.** и **каменѣмъ побивающѣи. посыланыа къ тебе** л.125об. и др. Как известно, слово **иерусалимъ** в старославянских памятниках нередко выступало как существительное ж. рода под влиянием исходного греч. *ἡ Ἱερουσαλήμ*, ср. в Синайской псалтыри: **иѣлмъ зиждема ѣко градъ** Пс. 121, 3 *Ἱερουσαλήμ οἰκουμένη ὡς πόλις* [SJS 2: 852]. В более поздних редакциях и списках Евангелия устанавливаются в качестве нормы причастные формы **извивыи** и **побивааи**, согласованные со словом **иерусалимъ** по м. роду. И во всех списках СЗБ 2-й и 3-й редакций представлены аналогичные формы м. рода: **извиваан** (вар. **извиваа**) и **побиваа** (варианты: **извивыи... побиваа** Ах-26, Фн-37; **извиваа... побиваан** Тр-678; **извиваа... побивахоу** Пг-645; **извиваа... побѣа** Ув-350).

V. В предложении **не тридесѣти сребра възнимаемъ на немъ. нѣ држгъ држга и всъ животъ нашъ томъ прѣдаемъ** 182об. 13–16 только С-591 сохранил исходную форму глагола наст. времени **прѣдаемъ**. Все списки 2-й и 3-й редакций СЗБ в этом месте содержат ошибочную причастную форму **прѣдающе** (**придающе** Ув-351), вследствие чего предложение остается без личного предиката.

VI. При описании церковного строительства на Руси, начавшегося после ее крещения Владимиром, Иларион использует ряд однородных предикатов, выраженных формами имперфекта в древнем нестяженном варианте: **тогда... капища разрѣшаахсѣ. и цркви поставлаахсѣ. идоли съкрѣшаахсѣ. и иконы**

с̄тъи^х павлаахжса 186об.21–187,7. Наречие **тогда** устанавливает временную отнесенность описываемых событий (после и вследствие крещения, но тоже в прошлом), а грамматическое значение имперфекта позволяет сосредоточить внимание на самих процессах в их протяженности, безотносительно к их результатам. Характерно, что описываемые процессы представлены как противонаправленные, но протекавшие одновременно, как бы на глазах наблюдателя: **разрѣшаахжса** — **поставлаахжса, с̄крѣшаахжса** — **павлаахжса**. Этот риторический прием лучшим образом подходил для изображения событий недавнего прошлого, очевидцем и участником которых мог быть и сам Иларион. Исходный стилистически выразительный ряд однородных форм имперфекта сохранился, помимо С-591, в тексте компилятивного произведения «**Ѡ кр̄щенїи рѣсска̄ земла. и Ѡ житїа въкратцѣ, и похвала. и въ с̄тъи^х <...> кн̄зѣ владимира <...>**», содержащего обширные фрагменты из СЗБ [Молдован 1981]. Однако довольно рано — по-видимому, при создании архетипа 2-й редакции СЗБ — эти глагольные формы были изменены, образовав бессмысленный ряд словоформ, состоящий из аориста, презенса (2 р.) и имперфекта: **раздрѣшишаса... поставлаютса... с̄кроушаютса... павлаахжса** [Молдован 1984: 123, 152]⁶. Далее в архетипе 3-й редакции первое слово в этом ряду было заменено на **разрѣшишаса**, остальные формы сохранены: **разрѣшишаса... поставлаютса... с̄кроушаютса... павлаахжса** [Там же: 176]. Хиландарский иеромонах Доментиан, использовавший СЗБ 2-й редакции для написания Жития Симеона (1264 г.), исправил этот ряд на однородные формы аориста: **раздрѣшишесе... поставишесе... с̄кроушишесе... павишесе** [Петровский 1909: 113].

VII. В предложении **Тебе же како похвалимъ ѡ честныи. и славныи въ земленый^х вл̄ка^х. прѣмжжственныи василїе** 187об.,7–9 только С-591 сохраняет эффатическую конструкцию с междометием **ѡ**⁷. Во всех остальных списках СЗБ междометию **ѡ** соответствует **ѡчѣ**, которое появилось явно под влиянием начального слога следующего слова: **ѡ честныи > ѡчѣ честныи**. То, что конструкция с междометием **ѡ** является исходной, документально удостоверяет только написанное на основе СЗБ Житие Симеона: **кою похвалоу възможемъ тебѣ принести, о вогонесе... о прѣбогатѣ благодѣтию христовою и прѣславныи въ владыкахъ земельныихъ** [Петровский 1909: 34]. Но в данном случае дополнительные текстологические свидетельства, подтверждающие ошибочность написания **ѡчѣ**, не требуются. Иларион просто не мог использовать в обращении к князю слово **отъче** в его переносном значении, так как этим словом именовались только священнослужители.

VIII. В приведенной Иларионом библейской цитате из Дан. 4, 24 **с̄въѣтъ мой да боудеть ти годѣ цр̄ю наоучодоносоре** 189об.5–7 только список С-591 представляет

⁶ Л. Мюллер замечает по поводу презенсных форм в этом ряду, что они «создают трудности, в особенности вторая, так как разрушение языческих идолов происходило в том же прошлом, что и уничтожение языческих капищ» [Müller 1962: 105].

⁷ Ср. подобное обращение в «Слове надгробном Василию Великому» Григория Богослова, риторика которого оказала заметное влияние на СЗБ: **Се тебѣ отъ насъ о василїи: отъ сладкааго тебѣ азъзыка: и единчѣстна и с̄вьръстна: аще близъ достоаниа бждетъ тебѣ благодѣтъ: товож бо п̄вал: тебѣ слово с̄ставихъ** [Будилович 1875: 73].

архаическую форму наречия **годѣ** в предикативной функции, в остальных списках СЗБ ему соответствует слово **оугоденъ**, а в летописной Похвале Владимиру Васильковичу, написанной на основе СЗБ, — **вгоденъ**. Слово **годѣ** принадлежит древнейшей эпохе [Срезневский 1: 540; СДРЯ XI–XIV вв. 2: 347–348; СлРЯ XI–XVII вв. 4: 56], оно характерно для произведений, близких СЗБ по времени написания, таких как, например, «Сказание о святых страстотерпцах Борисе и Глебе» Иакова Черноризца, ср.: **годѣ вы князю съвѣтътѣ юго** [Усп. сб. 20а7–8]. Косвенное указание на то, что в древнейшем славянском переводе пророчеств Даниила было именно **годѣ**, содержится в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку под 1206 г., где приведена эта цитата: **данилъ рече свѣтъ мой годѣ ти буди црю** [Сузд. 425]. Другим косвенным указанием является использование этого слова в аналогичном контексте древнего перевода книги пророка Малахии (Малах. 3, 4): **и годѣ бждетъ гоу жрѣтва юудина** [Старобългарският превод I: 246]. В дальнейшем при редактировании книги Даниила в составе библейского свода **годѣ** заменялось на **вгоденъ** и **оугоденъ**, ср.: **съвѣтътѣ мой да ти бѣдетъ вгоденъ** (ГИМ, Син. №915, л. 603); **совѣтътѣ мой да ти бѣдетъ оугоденъ** [Остр. библ., л. 153]. Вполне очевидно, что варианты **оугоденъ** и **вгоденъ** появились в списках СЗБ под влиянием современного писцам библейского текста.

IX. В предложении **ниже недоконьчанаа твоя наконьча** 192,1–2 форме аориста **наконьча** в архетипе 2-й редакции соответствует причастие **наконьчаваа**, а в архетипе 3-й редакции — **докончеваа**. Ни одному из этих причастий нельзя отдать предпочтение перед чтением С-591, поскольку в этом случае, как заметил Л. Мюллер, придаточное предложение остается без личного предиката [Müller 1962: 121]. Причастная форма появилась в этих списках под влиянием однородных форм причастий предшествующего предложения: **добръ же зѣло и вѣренъ послѣхъ снѣ твои георгѣи. его сътвори гъ <...> не рѣшаща твои оуставъ. нѣ оутвержающа. ни оумалюща твоємѣ блговѣрїю положенїа. но паче прилагоюща. не сказаща** [вар. др. сп.: **казаща**] **нѣ оучинающа** 191об.16–192,1.

X. Уникальность С-591 обнаруживается также в сохранении им реликтовых слов и форм из древнего протографа СЗБ, утраченных во всех остальных списках. В этом ряду особое внимание обращает на себя форма им. падежа вопросительного местоимения **къ** ‘кто’ наряду с **къто**: **тѣмже къто | не прославить. къ не похвали|ть. къ не поклонитъса вели|чествѣ славы его. и къто не по|дивитъса бесъномуу чѣлоуби|ю его** 176, 5–10.

тѣмъ и сътвори · тѣмъ же не
не прославить · къ не похвали
тъ · къ не поклонитъса вели
чествѣ славы его · и къ то не по
дивитъса бесъномуу чѣлоуби
ю его · прѣвѣдъство бо тѣмъ царю

Существенно, что эта форма представлена в рукописи двумя примерами, которые практически исключают вероятность описки.

В старославянских и древнерусских памятниках местоимение **къ** зафиксировано, как правило, с различными присоединенными элементами, чаще всего **-то**: **къто** [SJS 2: 95–96; Срезневский 1: 1415; СДРЯ XI–XIV вв. 4: 375–379]. От **къто**, в свою очередь, образовались местоимения **нѣкъто** и **никъто**, **никътоже**. Присоединением постпозитивного **-ждо** к основе **къ-** образовано местоимение м. р. **къждо**. Местоимение **кыи**, **каа**, **ко** представляет йотовые адъективные образования от **къ**, **ка**, **ко**. Единственный случай написания «чистого» **къ** отмечен А. Вайаном в Ассеманиевом евангелии: **въ къ часть** ποία ὄρη (Лк. 12, 39) [Вайан 1952: 172]. Тем не менее не кажется невероятным использование этого местоимения Иларионом в его древнем виде без форманта **-то**.

XI. Представляет интерес сохранившийся только в С-591 гапакс **вѣссолоуганик** в предложении **тогда тма вѣссолоуганиа погыбе. и слово еуагальское земаю нашу** **wċta** 187,1–3. Это обойденное вниманием лексикографов слово, являющееся, несомненно, калькой греч. *δακτυλοατρεία* [Δημητράκου 4: 1740], интересно тем, что оно образовано при помощи суффикса **-ани(е)**, а не **-ени(е)**. Сама необычность такого словообразования свидетельствует об аутентичности этого слова, явно не соответствовавшего более поздним представлениям писцов о норме. Текстологические данные показывают, что **вѣссолоуганик** было заменено на **вѣссолоуженик** уже в архетипе 2-й редакции, судя по тому, что чтение **вѣссолоужениа** содержится в архаической ветви списков 2-й редакции и представлено в списках созданной на ее основе 3-й редакции (вар. **вѣсѣслуженїа**, **вѣзслужениа**). Остальные дошедшие до нас списки 2-й редакции восходят к несколько более поздней ветви этой редакции, в которой вторичная словоформа **вѣссолоужениа** в свою очередь была заменена на словосочетание **вѣссовьскаго служениа** (вар. **вѣссовьскаа служениа**).

Совокупность этих данных заставляет с особым вниманием относиться к написаниям С-591 даже тогда, когда альтернативные варианты других списков при поверхностном взгляде могут показаться более предпочтительными. Один из таких примеров, довольно показательный для методологии анализа ошибок писцов, находится в следующей фразе: **се во оуже и мы съ всѣми хртїаными. славимъ стѣою трїцѣ. а иудеа молчитъ. хс̄ славимъ вываеть. а иуден кленоми. языци приведени. а иуден ѿрновени** 180об.8–12. Слову **кленоми** в списках 3-й редакции соответствует **проклинаеми**, а в списках 2-й редакции — **мноми**. Именно этот последний вариант Н. Н. Розов предлагал относить к протографу СЗБ, считая, что это «очень редкая форма причастия страдательного залога от глагола **мьнити**» [Розов 1961: 46]. Возражая ему, Л. Мюллер справедливо указал, что страдательным причастием наст. времени от глагола **мьнити** (правильно **мьнѣти** — А. М.) было бы **мьними** [Müller 1962: 88]. Но дело даже не в этом, а в том, что, приписывая варианту **мноми** статус исходного, Розов оставлял без объяснения вариант **проклинаеми** в списках 3-й редакции. Анализ данных всех списков показывает, что и в этом месте С-591 отражает исходный текст СЗБ. Весь этот пассаж построен на антитезах (**мы... славимъ** — **иудеа молчитъ**, **хс̄ славимъ** — **иуден кленоми**, **языци**

приведени — **иудеи Ѡриновени**), причем антитезы выражаются здесь ясными антонимами: гл. наст. мн. 1 л. **славимъ** — **молчитъ**, прич. стр. **славимъ** — **кльноми**, **приведени** — **Ѡриновени**. В списках 3-й редакции редкая форма страдательного причастия наст. ед. **кльноми** была заменена на более распространенную форму **проклинаеми**, с сохранением исходной антонимии. Такое чтение содержат все списки 3-й редакции, что позволяет возводить замену **кльноми** на **проклинаеми** к архетипу 3-й редакции. Из этого следует, что в том списке 2-й редакции, на основе которого был создан архетип 3-й редакции [Müller 1975: 14; Мюллер 1976: 378; Молдован 1984: 33–34], еще сохранялось исходное чтение **кльноми**. Но в списке 2-й редакции, который оказался исходным для всех дошедших до нас списков 2-й редакции, на месте **кльноми** возникло **мьноми**: **х̄с̄ славимъ бываѣ. а иудеи мьноми. азъци приведени. а иудеи Ѡриновени** (Чд-262, л. 411). Причиной появления написания **мьноми** была, очевидно, графическая невыразительность начального **к** в слове **кльноми** (слишком маленький или недописанный «флажок»), вследствие чего буквосочетание **кл** в антиграфе было ошибочно прочтено переписчиком как **м**⁸.

Характерно, что в этом месте списки 2-й редакции демонстрируют «текстологическую нестабильность», которая выражается в широкой вариативности написаний: вместо фрагмента **иудеи мьноми. азъци приведени** в списках Ак-95, Ах-26, Ув-351, Фл-884 читается: **иудеи многыми (мноземи Фл-884) тазыки приведени и Ѡриновени** (и **Ѡриновени** нет Ах-26); в Пг-645 — **иудеи многыми азъики приведени, иудеи же Ѡриновени**; в списках архаической ветви Мк-207 и Вл-105 — **мнози тазыци праведни. а иудѣи Ѡрѣчени (Ѡрѣнени Вл-105)**; в Ов-264 — **иудеи Ѡриновени и многими азъцы во многих страны пленени и разведенни**; в Ол-109 — **иудеи во многих различнах тазыцы разточени быша и Ѡриновени в кнечнѣю^х и погнѣель**; в Рг-658 на месте слов **иудеи мьноми** написано **идеминьноми**. Очевидно, что писцы не понимали написания **мьноми**⁹ и, принимая его за испорченное **мнози** или **многыми**, вынуждены были далее перестраивать синтаксическую структуру предложения.

Если отвлечься от совокупности текстологических данных (пропусков, вставок, перестановок и замен), со всей очевидностью указывающих на вторичность 2-й редакции по отношению к С-591, и если пренебречь тем, что средневековые писцы испытывали трудности с пониманием слова **мьноми**, можно было бы попытаться интерпретировать это слово как форму страдательного причастия от **млати** в значении ‘попирать’ («Христос славим бывает, а иудеи попираемы»). Однако форма страдательного причастия **мьноми** в значении ‘попираемы’ древними письменными источниками не засвидетельствована: в старославянских памятниках глагол **млати** случайным образом вообще отсутствует, а примеры его употребления в древнерусских текстах иллюстрируют лишь прямое значение этого

⁸ Вероятно, того же мнения был и А. В. Багрий, сделавший в своей публикации списка Вн-170 примечание к написанию **мьноми**: «Следует читать **кльноми**» [Багрий 1911].

⁹ Показателен в этом отношении список Ег-602, в котором после **мно..** оставлено место для двух букв. Писец воспринимал имеющееся в антиграфе написание **мноми** как ошибочное, но не решился на его исправление.

слова: ‘разминать, обрабатывать с целью размягчения различные материалы (глину, кожу, стебли растений, и т. п.) [СДРЯ XI–XIV вв. 5: 119]. Даже такие тривиальные переносные значения, как ‘сминать, вытаптывать’ и ‘сжимать, тискать’, у этого слова фиксируются в древнерусских памятниках лишь с XVII в., тогда же у слова **млати** появляется и значение ‘притеснять’ [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 352]. Кроме того, в приведенной фразе причастие со значением говорения (**славимъ**) и причастие со значением физического или морального воздействия (**мьномн**) только с натяжкой можно было бы признать антонимами, в отличие от идеальной антонимической пары **славимъ** — **кльномн**. Помимо приведенных текстологических данных, весомым аргументом в пользу принадлежности чтения **кльномн** протографу СЗБ является наличие аналогичной антонимической пары **славитсѧ** — **кленетсѧ** в заключающей СЗБ Похвале Ярославу: **да славитсѧ въ не^м правовѣрїе. и да кленетсѧ всѧко еретичество** 194об.

Литература

Багрий А. В. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир. V. Занятия студ. А. В. Багрия // Киевские университетские известия. 1911. № 10. С. 268–281.

Библия — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М.: Российское Библейское общество, 1997 (репринт 2-го издания Синодальной типографии в Санкт-Петербурге, 1900 г.).

Библия 1499 — Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе: В 10 т. Т. 8. М., 1992.

Будилович А. XIII слов Григория Богослова по рукописи Императорской Публичной Библиотеки XI века. СПб., 1875.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

[*Горский А. В.*] Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. Ч. 2. М., 1844.

ГСБМ 1–32- — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–32-. Мінск, 1982–2012-.

Ипат. — Полное собрание русских летописей, Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2. СПб., 1908.

Лихачев Д. С. Текстология. М.;Л., 1962.

Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М., 1978.

Молдован А. М. К истории составления троицкой минеи № 678 (Значение ее для текстологического исследования произведений митрополита Илариона) // Записки Отдела рукописей (ГБЛ). Вып. 42. М. 1981. С. 64–76.

Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» (Сопоставление списков) // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 227–261.

Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.

Молдован А. М. Об «испорченных» написаниях Синодального списка «Слова о законе и благодати» Илариона // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Vol. 44–45. Columbus (Ohio), 2002–2003. P. 441–452.

Мюллер Л. Взаимоотношения между опубликованными списками «Слова о законе и благодати» и «Похвалы Владимиру» митрополита Илариона // *Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции)*. М., 1976. С. 372–379.

НГБ 1993 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.), М., 1993.

Остр. библ. — *Библіа, сирѣчь книги ветхаго и новаго завьѣта по газыкѹ словенскѹ*. Фототипическое воспроизведение издания 1581 г. М.–Л., 1988.

Остр. ев. — *Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А. Х. Востокова*. М., 2007.

П[етровс]кий М. Н. Иларион, митрополит Киевский, и Доментиан, иеромонах Хиландарский // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1908 г.* Т. 13. Кн. 4. СПб., 1909. С. 81–133.

Розов Н. Н. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 17. М.–Л., 1961. С. 42–53.

Розов Н. Н. Из истории лингвистических публикаций литературных памятников XI в. (Издание А. В. Горским «Слова о законе и благодати») // *Вопросы теории и истории языка*. Л., 1963.

Розов Н. Н. Из наблюдений над историей текста «Слова о законе и благодати» // *Slavia, Roč. XXXV*. 1966. Seš. 3. S. 365–379.

СДРЯ XI–XIV вв. 1–10- — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. М., 1988–2013-.

СлРЯ XI–XVII вв. 1–30- — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–30-. М., 1975–2015-.

Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.

СС — *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. М., 1994.

Старобългарският превод I–III — *Старобългарският превод на Стария Завет / Под общата редакция от С. Николова*. София, 1998–2013.

Сузд. — *Полное собрание русских летописей*. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2. Л., 1927.

Сумникова 1986 — *Идейно–философское наследие Илариона Киевского*. Ч. 1 (Публикация текста и перевод Т. А. Сумниковой). М., 1986.

Супр. I–II — *Супрасълски или Ретков сборник*. В два тома. Изд. Й. Заимов, М. Капалдо. София, 1982–1983.

Тв. падеж 1958 — *Творительный падеж в славянских языках*. М., 1958.

Толк. Библия, 1–11 — *Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Под ред. А. П. Лопухина*. СПб., 1904–1913 [репринт: Стокгольм, 1987].

Усп. сб. — *Успенский сборник XII–XIII вв.* / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

Δημητράκου Δ. Μέγα Λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης, 15 τόμοι. Ἀθήναι, 1936–1950.

Franklin S. Sermons and Rhetoric of Kievan Rus'. Translated and with an Introduction by Simon Franklin (= Harvard Library of Early Ukrainian Literature. English Translations. V. 5). Harvard, 1991.

Kalužniacki Aem. Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice: Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti. Vindobonae, 1896.

Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.

Müller L. Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962.

Müller L. Die Werke des Metropolitens Ilarion. München, 1975.

Müller L. Neue Untersuchungen zum Text der Werke des Metropolitens Ilarion // Russia Mediaevalis. T. 2. München, 1975. S. 3–91.

SJS 1–4 — Slovník jazyka staroslovenskeho. T. 1–4. Praha, 1958–1997 (Репринт: Словарь старославянского языка. Т. 1–4. СПб., 2006).

Šiš. — Apostolus Šišatovacensis anni 1324. Ed. D. E. Stefanović. Wien, 1989.

Alexandr M. Moldovan

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

GRAMMATICAL ARCHAISMS IN THE SYNODAL MANUSCRIPT OF HILARION'S *SERMON ON LAW AND GRACE*

The main copy of Hilarion's *Sermon on Law and Grace* (the manuscript GIM, Sin. 591, 2nd half of the fifteenth century) is unique not only because it is the only complete original version of the work, but because it retains ancient characteristics of the eleventh-century text. In the majority of discrepancies between the manuscripts, variant readings of Sin. 591 are more correct, while other manuscripts reflect changes in the ancient text under the influence of linguistic and other factors. Alongside properly textual differences (omissions, insertions, rearrangement of words and phrases) in which primacy of the readings of Sin. 591 is detected by means of philological criticism, the uniqueness of this copy manifests itself in linguistic archaisms which it preserved despite the scribe's efforts to follow certain language norms of his time.

Key words: Old Church Slavonic, Old Russian, history of the Russian language.

References

Apostolus Šišatovacensis anni 1324. Ed. D. E. Stefanović. Wien, 1929.

Biblia. Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta na cerkovnoslavjanskom jazyke s parallel'nymi mestami. Moscow, Rossijskoe Biblejskoe obshchestvo, 1997.

- Biblia 1499 goda i Biblia v sinodal'nom perevode*. V 10 t. T. 8. M., 1992.
- Biblia, sirěch' knigi vethago i novago zavěta. Fototipicheskoe vosproizvedenie izdani-ja 1581 g.* Moscow, Leningrad, 1988.
- Budilovich A. *XIII slov Grigorija Bogoslova po rukopisi Imperatorskoj Publichnoj Biblioteki XI veka*. St.Petersburg, 1875.
- Δημητράκου Δ. *Μέγα Λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης*, 15 τόμοι. Ἀθήναι, 1936–1950.
- Gistarychny sloŭnik belaruskaj movy*. Vyp. 1–32–. Minsk, 1982–2012–.
- [Gorskij A. V.] *Pamjatniki duhovnoj literatury vremen velikogo knjazja Jaroslava I. Pribavlenija k tvorenijam svjatyh otcov v russkom perevode*. Ch. 2. Moscow, 1844.
- Idejno-filosofskoe nasledie Ilariona Kievskogo*. Ch. 1 (Publikacija teksta i perevod T. A. Sumnikovoj). Moscow, 1986.
- Janin V. L., Zaliznjak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)*. Moscow, 1993.
- Kaŭžniacki Aem. *Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice: Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti*. Vindobonae, 1896.
- Lihachev D. S. *Tekstologija*. Moscow, Leningrad, 1962.
- Medynceva A. A. *Drevnerusskie nadpisi novgorodskogo Sofijskogo sobora*. Moscow, 1978.
- Miklosich F. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Vindobonae, 1862–1865.
- Moldovan A. M. K istorii sostavlenija troickoj minei № 678 (Znachenie ee dlja tekstologicheskogo issledovanija proizvedenij mitropolita Ilariona). *Zapiski Otdela rukopisej (GBL)*. Vyp. 42. Moscow, 1981, pp. 64–76.
- Moldovan. A. M. «Slovo o zakone i blagodati» (Sopostavlenie spiskov). *Istorija russkogo jazyka. Issledovanija i teksty*. Moscow, 1982, pp. 227–261.
- Moldovan A. M. «Slovo o zakone i blagodati» Ilariona. *Kiev, 1984*.
- Moldovan A. M. Ob «isporchennyh» napisanijah Sinodal'nogo spiska «Slova o zakone i blagodati» Ilariona. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Vol. 44–45. Columbus, Ohio, 2002–2003. P. 441–452.
- Müller L. Vzaimootnoshenija mezhdou opublikovannymi spiskami «Slova o zakone i blagodati» i «Pohvaly Vladimiru» mitropolita Ilariona. *Kul'turnoe nasledie Drevnej Rusi*. Moscow, 1976, pp. 372–379.
- Müller L. *Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis*. Wiesbaden, 1962.
- Müller L. *Die Werke des Metropolitens Ilarion*. München, 1975.
- Müller L. Neue Untersuchungen zum Text der Werke des Metropolitens Ilarion. *Russia Mediaevalis*. T. 2. München, 1975, pp. 3–91.
- Ostromirovo evangelie 1056–1057 goda po izdaniju A. H. Vostokova*. Moscow, 2007.
- Otchet ob ekskursii seminarija ruskoj filologii v Zhitomir. V. Zanjatija stud. A. V. Bagrija. *Kievskie universitetskie izvestija*. 1911, no. 10, pp. 268–281.
- P[etrovskij] M. N. Ilarion, mitropolit Kievskij, i Domentian, ieromonah Hilandarskij. *Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk za 1908 g.* T. 13. Kn. 4. St Petersburg, 1909, pp. 81–133.

Polnoe sobranie russkikh letopisej. T.1. Lavrent'evskaja letopis'. Vyp.2. Suzdal'skaja letopis' po Lavrent'evskomu spisku. Izd. 2. Leningrad, 1927.

Polnoe sobranie russkikh letopisej, T. 2. Ipat'evskaja letopis'. Izd. 2. St Petersburg, 1908.

Rozov N.N. Rukopisnaja tradicija «Slova o zakone i blagodati». *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury.* T. 17. Moscow, Leningrad, 1961, pp. 42–53.

Rozov N.N. Iz istorii lingvističeskikh publikacij literaturnyh pamjatnikov XI v. (Izdanie A. V. Gorskim «Slova o zakone i blagodati»). *Voprosy teorii i istorii jazyka.* Leningrad, 1963.

Rozov N.N. Iz nabljudenij nad istoriej teksta «Slova o zakone i blagodati». *Slavia,* Roč. XXXV. 1966. Seš. 3, pp. 365–379.

Sermons and Rhetoric of Kievan Rus'. Translated and with an Introduction by Simon Franklin. Harvard, 1991 (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. English Translations. V. 5).

Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.). Vyp. 1–10—. Moscow, 1988–2013—.

Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–30—. Moscow, 1975–2015—.

Slovník jazyka staroslovenskeho. T. 1–4. Praha, 1958–1997.

Sreznevskij I. I. *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka.* T. 1–3. St Petersburg, 1893–1912.

Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X–XI vekov). Moscow, 1994.

Starobulgarskijat prevod na Starija Zavet. Pod obščata redakcija ot S.Nikolova. Sofija, 1998–2013.

Suprasulski ili Retkov sbornik. V dva toma. Izd. J. Zaimov, M. Kapaldo. Sofija, 1982–1983.

Tolkovaja Biblija, ili kommentarij na vse knigi Sv. Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta. Pod redakciej A. P. Lopuhina. T. 1–11. St Petersburg, 1904–1913 [reprint: Stokgol'm, 1987].

Tvoritel'nyj padezh v slavjanskikh jazykah. Moscow, 1958.

Uspenskij sbornik XII–XIII vv. Izdanie podgotovili O. A. Knjazevskaja, V. G. Dem'janov, M. V. Ljapon. Moscow, 1971.

Vaillant A. *Manuel du vieux slave.* Paris, 1948.

Г. А. Мольков
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
georgiytolkov@gmail.com

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЧАСТИЦЫ *БЫЛО* В ПЕРЕВОДЕ «МЕТАМОРФОЗ» ОВИДИЯ НАЧАЛА XVIII В.

Частица *было* в рассматриваемом переводе под влиянием польского оригинала, с которого был выполнен перевод Овидия, в большинстве случаев используется в значениях, не свойственных русскому языку XVIII в. Сопоставление двух списков «Метаморфоз» показывает, что в более поздней версии текста частица в несвойственных русскому языку значениях устраняется, хотя и не до конца последовательно. В более ранней редакции текста, представленной списком БАН, частица *было* имеет ряд специфических особенностей употребления, устраненных при правке: она еще полностью не утрачивает способностей согласования со сказуемым, может применяться в составе формы условного наклонения. Но особое внимание привлекают единичные формы употребления частицы, не поддержанные польским оригиналом. Они свидетельствуют об усвоении переводчиком и самостоятельном применении частицы с заимствованным из польского языка значением.

Ключевые слова: русский язык XVIII века; переводы с польского; частица *было*.

«Метаморфозы» Овидия в петровскую эпоху переводились несколько раз. Мы обратимся к одному из переводов, который, судя по дошедшим сведениям [Пекарский 1862: 647], готовился к публикации, прошёл через правку Ф. Поликарпова и И. Туробойского (в одном из списков есть их замечания и текстовые исправления), но так и не был напечатан. До настоящего момента этот перевод какому-либо лингвистическому описанию не подвергался; не установлено также, насколько стабилен текст поэмы по разным спискам. По данным С.И. Николаева [2008: 189], перевод известен в пяти списках¹, из которых подробно нами были рассмотрены

¹ Поэма Овидия была переведена целиком, однако не все списки имеют её полный текст. С.И. Николаев указывает, что список БАН содержит книги 1–8, а список ГИМ (ОПИ. Ф. 96. Инв. №21059/3287) — книги 13–15. В дополнение к этим сведениям можно сказать, что рассмотренный нами список РНБ содержит только первые 4 книги «Метаморфоз», а в списке ГИМ Син. 809,

два из хранилищ Санкт-Петербурга — РНБ, Q.XVIII.4 и БАН, П. I. Б. 101. С. И. Николаев также установил [Николаев 1988: 163], что перевод был сделан с польского комментированного перевода поэмы, выполненного Валерианом Отвиновским и изданного в 1638 г. в Кракове².

Рассматриваемые списки имеют совпадающую часть — первые 4 книги поэмы Овидия. Это позволяет заметить, что текст в них не идентичен. Различия могут ограничиваться несовпадением отдельных слов, например: кадьмъ великого смія убиль, зубы его выбитые изъ челюстей **поповелънїю минервину** поземли разсъяль. РНБ, л. 142 об. — **по словам минервиным**. БАН, л. 207 об.; **противниковъ** своихъ. РНБ, л. 209 — **спорников**. БАН, л. 316 об.; встречаются видоизменения в формах слов: наказывали за блудъ **чадь**. РНБ, л. 200 об. — **в чадъхъ**. БАН, л. 299 об.; **в колоколцы** брячая. РНБ, л. 202 об. — **колоколцами**. БАН, л. 304 об. Но различия списков могут быть и более значительными (см., в частности, пример 10 ниже). Всё это свидетельствует о том, что редактирование перевода не ограничилось исправлениями и вклейками, которые можно видеть в списке БАН, но проходило в несколько этапов.

При наличии в тексте перевода правки продуктивным оказывается выявление в нём отдельных языковых элементов, которые систематически ей подвергаются. По нашим наблюдениям, одним из таких элементов, привлекавших внимание справщика, являлась частица *было*. Кроме того, эта частица в рассматриваемом переводе выделяется ещё одной особенностью: функционально её употребление здесь выходит за рамки как современного употребления, так и узуса XVIII в. Для языка XVIII в., как показывают наблюдения Д. В. Сичинавы, был характерен ряд отличий в функционировании частицы *было* от её современного круга значений, хотя отмечается, что в общих чертах частица «уже демонстрирует современную семантику («нарушение нормального хода ситуации»)» [Сичинава 2013: 231]. В [Сл. XVIII] выделен круг значений этой частицы, специфических для русского языка данной эпохи [Сл. XVIII: 179–180], однако он может быть соотнесён лишь с частью примеров её использования в тексте «Метаморфоз».

В рассмотренном переводе контексты употребления частицы *было*, связанные с семантикой нарушения нормального хода ситуации, составляют меньшинство. В основной массе примеров частица может передавать как некоторые другие антирезультативные значения³, так и (чаще) результативные. Данная ситуация достаточно сложна для анализа и оценки роли такого употребления в истории собственно русского языка. С одной стороны, перевод сделан с польского, которому свойственны результативные значения плюсквамперфекта, генетически родствен-

по которому была произведена сверка контекстов, представлен полный текст перевода (книги 1–15). Кроме того, списки БАН и ГИМ Син. 809 содержат предисловие В. Отвиновского к поэме.

² Księgi Metamorphoseon to iest, Przemian, od Publiusa Owidyusza Nasona wierszami opisane, a przez Waleryana Otfinowskiego, podczążego Ziemie Sędomirskiey, na polskie przetłumaczone (W Krakowie, w drukárnicy Andrzeiá Piotrowczyka, 1638). Мы пользовались экземпляром этого издания, хранящимся в ОРК БАН.

³ Круг антирезультативных значений и их особенности описаны В. А. Плунгяном [Плунгян 2001].

ного русским сочетаниям глаголов с частицей *было*; несвойственное русскому языку (как в предшествующий, так и в последующий период) значение появляется под непосредственным влиянием оригинала. Но, с другой стороны, в контексте языковой ситуации Петровской эпохи, при сильной полонизированности литературного языка на разных уровнях, важно оценить степень влияния польского языка на данном участке и определить, не вызвало ли оно изменений в семантике независимого от оригинала употребления частицы *было* в узусе переводчика. Перевод «Метаморфоз» предоставляет для этого показательные данные.

Перейдём к анализу материала. В более полном списке БАН (1–8 кн.) встретилось более 80 примеров использования частицы *было*, из них на совпадающий в двух списках текст первых четырёх книг приходится 39. Из этих 39 примеров только 8 передают значение нарушения нормального хода ситуации. Совпадают в обоих списках, например, такие контексты:

(1) намѣрился было <Зевс> повсеи земли горячіе грóмы бросать, толко боялся, чтобъ о'многихъ огнѣи всвятое небо пламени незапустіти, <...> бросиль самострѣлы о'исполіна здѣланные; їзайную кáзнь прїнялся. РНБ, л. 19 об. (кн. 1, пов. 9),

У iuz był postanowił / że powbystkicy ziemi Miał wolą piorunami ćiskać gorącemi (с. 17);

(2) теб паденія ради таето^{та} сына своего сѣло печалась, игнѣваясь службу свѣтлости солнечной на извѣстное время оставиль было. однако небесожителми попрощенію, аоть зевеса грозою приведенъ. кони <...> вколесницу <...> впрягъ. РНБ, л. 99 (кн. 2, пов. 6), posługi do dawania światu światłości Słoneczney, przez pewny czas zaniechał był (с. 73);

(3) внѣкое время егда Французы **осадили** римскій городокъ капиталіумъ реченный, ночнымъ промысломъ уже его їзняли было, естли **бы** негуси своимъ крикомъ сторожей **возбудили**. РНБ, л. 111 (кн. 2, пов. 10, толк. К); польск.: Bo gdy czasu iednego <...> Francuzowie, **oblegli byli** Rzymski Zamek, Capitolium rzeczony, nocnym fortelem iuzby go **byli wzięli**, gdyby **były** геши krzykiem swoim straży nie **przebudzily** (с. 82).

В последнем примере можно обратить внимание на то, что из трёх плюсквам-перфектных форм в польском передана с частицей *было* только вторая из них, связанная с проксимативным значением («чуть не»); в остальных двух польская граммема (выделено жирным шрифтом) имеет несвойственные русскому языку функции и передана средствами, специфическими для русского языка.

Но, тем не менее, в несколько раз чаще в совпадающей части двух списков частица *было* используется в значениях, не свойственных русскому языку XVIII в.

Во-первых, это может быть значение из сферы антирезультативности — передача событий отдалённого прошлого [Плунгян 2001: 85]; в «Метаморфозах» это значение часто реализуется при рассказе о легендарных временах, генеалогии богов и т. п.:

(4) стихотворецъ, позаблужденію своему, поворотилъ встарой общей потопъ, после котораго осмеро людѣи осталось было, а не двое. РНБ, л. 25 (кн. 1, пов. 10, толк. Б),

Poetà z błędu obrocił do onego dawnego u powbzechnego Potopu, po którym ósmioro ludzi było zostáło, nie dwoie (с. 21);

(5) родопе, Гора во θρακίи, и лѣтомъ насебѣ снѣги имѣеть. такъ речена отъ родопы дѣвицы дщери стримоновы, скоторою нешту^и родиль было аθона исполина. РНБ, л. 86 (кн. 2, пов. 2, толк. \bar{w}),

z którą był Neptunus spłodził Athon Olbrzymá (с. 66);

(6) неправедно^и аммонъ нарицае^ся зевесъ [аммонской їлі песочной,] иже своимъ провѣщаніе^и приказаль было дщерь андромеду наказать загордость матери ея кассіопеи. РНБ, л. 228 об. (кн. 4, пов. 14, толк. Д),

ktory swoią odpowiedzia, był nakazał corkę andromedę kárác, zá pyche mátki iey Kássyopeie (с. 173).

Значение дистанцированного от настоящего прошедшего было, хотя и в меньшей степени, чем значение отмены действия, свойственно «русскому» плюсквамперфекту в предшествующий период; оно встречается в летописном материале [Шевелева 2009: 31], поэтому в приведённых примерах 4–6 формы оригинала могли быть поддержаны сохранением у частицы этого плюсквамперфектного значения.

Однако, помимо перечисленных, частица *было* в переводе «Метаморфоз» передаёт также результивную семантику — сообщение «одновременно о состоянии и о предшествующем ему действии, результатом которого явилось это состояние» [Недялков, Яхонтов 1983: 7]:

(7) зевесъ отягчиль было плодо^и калисту ликаонову дщерь, и то видѣ^и юнона гнѣвалася сѣло и наказывала ю. по рожденіи же дѣтища претворила ея в медвѣдицу, однако зевесъ по старой добротѣ ту медвѣдицу и сына ея аркаса премѣни^и всвѣзды, и нанебо взнеслъ. РНБ, л. 82 об. (кн. 2, пов. 2, толк. Ж),

Iupiter obciążył był płodem Kálisto Likaonowę corkę, co gdy obaczyła Iuno, gniewała się bárzo, y karála ią (с. 62);

(8) юно соверша рѣчь у акияна въѣхала на <не>бѡ колесницею тянutoю, двѣма птицами любимы <так> ея павлинами, которымъ недавно было перья украсила очьми выѣранными їз головы аргуса убитого. БАН, л. 171 (кн. 2, пов. 10, толк. І),

Iuno odpráwiwby rzecz v Oceáná, wiecháá ná niebo wozem ciąguionym ode dwu ptakow kocháných sobie pawow: ktorym niedawno piorá vmálowála byá oczymá wybrány-mi z głowy Argusá zabitego (с. 81).

Все приведённые выше примеры (1–8) — из числа совпадающих в обоих списках. Однако не все 39 примеров использования частицы *было* в первых четырёх книгах «Метаморфоз» совпадают в рукописях: в полном объёме они есть в списке БАН⁴, во втором же списке присутствуют только 18 из них. Таким образом, употребление данной частицы входит в число различий двух списков, что в достаточной степени характеризует направление правки. Исправление должно было

⁴ Проведённая сверка контекстов употребления частицы по списку ГИМ, Син. 809 показала, что список ГИМ содержит ту же редакцию «Метаморфоз», что и список БАН. Расхождение текста этих двух списков связано только с явными описками в тексте одного из них. Ср., например, описку в Син. 809: дикти^ина была дочь зевесова на острове критцкомъ. которая дианнѣ дѣвство свое обѣщала было иśnieю только велику дружбу имѣла, что люди їсамую дианну диктиною звали. — БАН, л. 163 об. (кн. 2, пов. 8, толк. Г); ГИМ, л. 64об., ошибочно: которая дїаннѣ дѣйство свое обѣщала было (ориг.: byá poślubiá. с. 76). Пример описки в БАН см. в сноске 5.

идти в сторону уменьшения нетипичных для русского языка элементов — следовательно, список РНБ содержит более позднюю редакцию текста. Это соображение подтверждается тем, что среди устранённых употреблений частицы *было* она только в двух случаях обозначала нарушение нормального хода ситуации, ср.:

(9) коронісь двѣца полюбила^с было апо^нлину: который дружбы ея упо^ре^бля^н | однако^ж она ему влю^бви была непра^вдива. БАН, л. 171 об. — 172 (кн. 2, пов. 11, переч.), но РНБ, л. 111: коронісь двѣвица полюбилась апо^нлину. той аполлинъ дружбы ея съло употреблялъ. однако^ж она ему влюбви была неправдивá,

Koronis pánná, spodobála się była Apollinowi, który przyiązni iey záżywał. Oná iednak nie była iemu wierna w miłości (с. 82);

(10) тонкою | щелиною роспалася была стѣна, которая дома и^х <Пирама и Физбы> оба о^тдѣлила часть <вм. *часть⁵> еще исперва какъ ю созидали, а чрезъ многія лѣта щели невидали никакой. БАН, л. 277–277 об. (кн. 4, пов. 2); но РНБ, л. 189 об.: тамо между домами ихъ обоихъ, на стѣне была малая сква^жня, ꙗ никто тое скважни, какъ тотъ ꙗ состроень, не знали,

Subtelną skąłubiną rozpádła się była Ściáná / tá ktora domy obádwa dźielełá: U iešcze pewnie od tąd iak ią budowano / Y przez długie / tey skazy / czásy nie widziano (с. 141).

В последнем примере, как можно видеть, текст значительно переработан. Показательно, что характер текста в примере 10 подтверждает сделанное предположение о направлении правки. Легко заметить, что текст списка БАН с небольшими отклонениями слово в слово повторяет структуру оригинала, а редакция РНБ устраняет неудобства, связанные с восприятием такого пословного перевода. В ходе правки была устранена и исследуемая частица.

Во всех остальных 19 контекстах, в которых два списка различаются, при правке закономерно устраняется *было* в несвойственных русскому языку значениях. Например:

(11) кионъ флегіасовъ былъ сынъ, то^т тѣстю своему у когѡ дѡчь взятъ хотѣ^н: яму огненну здѣлалъ было, в которую онъ впа^н небережно, згорѣлъ; за то^т грѣхъ никто его ни о^т бого^в ни о^т людей очисти^т не похотѣ^н. БАН, л. 323 (кн. 4, пов. 9, толк. У); но РНБ, л. 213 об.: иژیонъ флегиасовъ былъ сынъ, тотъ тестю свое^{му}, укого дочь взятъ хотѣлъ, яму огненную здѣлалъ, в которую тесть его впалъ, љзгорѣлъ,

Ixyon Phlegiásow był syn, ten ná swiekrá swego, ktorego corke poiąć miał, doł zdrádlivy u ognisty był nieznácznie vrobił, w ktory on nieostrożnie wpadły, zgorzał (с. 162);

(12) ки^нле^нскій меркурій, такъ рече^н о^тки^нлены горы аркадійско^н. на которой родился было. БАН, л. 98 (кн. 1, пов. 19, толк. А); но РНБ, л. 50–50 об.: ки^нленій љли ки^нленскій меркурій нарѣца^нся | о^т ки^нлены горы аркадійской, на которой родился,

Cillenius, abo Cylleniski, Merkuryus; ták názwany od Cylleny gory Arkadyiskiey, ná ktorey się był vrodził (с. 42) и др.

Остановимся подробнее на материале списка БАН, где частица используется активнее. Как уже говорилось, всего в тексте 1–8 глав поэмы Овидия по данному списку встретилось более 80 интересующих нас примеров; при этом увеличение

⁵ Так читается в списке ГИМ, Син. 809, л. 109.

количества примеров даёт и качественное приращение к рассмотренному выше материалу. Такое заметное количество полонизмов, по всей видимости, не привлекло внимания справщиков И. Туробойского и Ф. Поликарпова, которые работали со списком БАН; по их мнению, перевод сделан «добре, но в малых некоторых местех что надлежит поправить» [Николаев 1988: 163]. Устранение лишних *было* при дальнейшей редакции, продемонстрированное выше, говорило скорее в пользу их полной обусловленности текстом оригинала, однако некоторые примеры использования этой частицы в ранней редакции делают картину менее однозначной.

Из особенностей списка БАН нужно отметить следующее. Во-первых, в нём частица в отдельных примерах сохраняет способность к согласованию с эловым причастием (ср. также выше пример 10):

(13) пла́кали <...> онемъ <сатире Марсии> и боги лесные, і братія сатировы, та́кожде алимпусъ свѣтлый, і всѣ нимфы, <...> | и скоті́на рогáтая, та́къ что тѣ^м вгрязь обраті́лась, плодородная зѣмля, а тѣ слѣзы имиже пáче мѣры насы́тилась бы́ла скóроу восвои внутреннія жѣлы побрала, і скороу і^н ни^х вкúпу воды собра^в і и^м на поро*нїи возду^х выходіть велѣ́ла, о^ттоле*к ме^жду земля^мі похило брежи^{ст}ыми проводящїмї вмóре своі чїстыя воды. л. 101 об. — 102 (пов. 5, кн. 6),

á te Lzy / ktorych się nad miárę nasycićá bełá / Skoro z nich w gromadę wody pobieráłá (с. 233);

(14) авинеанка орифїя <...> вдругъ дво^нчиковъ или близнятъ родила, и они ѡцовския <отец — Борей> перия насебѣ носили хотя іные сôставы всѣ матерни были: сказываю^т некоторые, что перие о^т ни^х невдругъ выросли зане они сами еще, были непо^росли і блистающимися волосами бороды непокрыли ка^тла^сь і зеѳе^с | дѣти. л. 136—136 об. (пов. 12, кн. 6),

Twierdzą jednak / że piorá nie współ rosły z cíáły: Bo kiedy ięszce były nie poobrastáły Y łskniącymi się włosmi brody nie okreły. (с. 249)⁶.

Во-вторых, встретилось 2 примера употребления частицы *было* в контексте не-реального условия, вместо формы условного наклонения:

⁶ Сохранение согласования у формы *было* в рамках перевода «Метаморфоз» можно было бы расценивать как полностью зависимое от оригинала явление, поскольку «XVIII век — первый период, когда из письменных текстов <...> уже полностью исчез согласуемый плюсквамперфект с *был-*» [Сичинава 2013: 205]. Однако Сл. XVIII в качестве одной из функций вспомогального *быть* (раздел II.5. словарной статьи *быть*, составленной А. А. Алексеевым) выделяет его применение в составе плюсквамперфекта [Сл. XVIII: 187]. Помимо представленных в [Сл. XVIII] примеров, из материалов картотеки словаря можно привести контекст из перевода сочинения С. Пуффендорфа «Введение в историю европейскую», выполненного в 1718 г. Г. Бужинским с латинского оригинала, где плюсквамперфектная форма использована со значением отменённого действия: На брани тои Санктии желѣзное уже, которымъ Мауры полки свои **о́кружили были**, разорвалъ, и послѣ щит свои онымъ украсилъ, въ срединѣ Смарагдъ поставивши. Пуфф. Ист. 1718 36. Кроме того, ср. согласованный такисный плюсквамперфект в проповеди Г. Бужинского 1717 г.: Волк, с ями избѣжавши, в ноже **впáль былъ**, отдадече ю обходить. Буж. Пропов. 22 (шифры источников Сл. XVIII доступны в электронном виде: <http://iling.spb.ru/vocabula/xviii/sources.html>). Таким образом, в первые десятилетия XVIII в. «русский» плюсквамперфект всё ещё был допустим в книжном языке.

(15) юже <Андромеду> какъ абантовичъ увидѣ^л, а она привязана стояла к горѣ за рамена, и когда^б волосами вѣтрикъ ма^л нетрога^л, и теплы^м плаче^м очи ея не ѿб^мочали^с, чая^л было что образъ из мрамора ³дѣланъ, ѿднако же красотою поиманъ | усумнився ра³палаецца, и кры^лми по во³дху метать забываетъ. БАН, л. 339 об. — 340 (кн. 4, пов. 14),

Ktorą gdy Abántowicz obaczył / á oná Przywiązána do skáły stała / zá rámioná: Y gdyby włosini wiátrek nie ruśał był mály / Y ciepłym pláczem / oczy iey / nie wilgotniály: Mniemalby był / by obraz z mármoru robiony (с. 172);

(16) Естлибы тебѣ оная <Андромеда> | любезна была, тогда надлежало было еѣ оборонить, когда она накаменной горѣ привязана висѣла. л. 6–6 об. (кн. 5, пов. 1),

Ktora / kiedyby tobie wielką się bydź zdála / Prosiłbyś był o nią / gdy ná skále wiśiála. (с. 180)⁷.

И наконец, особый интерес представляют примеры использования частицы, не поддержанные плюсквамперфектом в оригинале. Их всего четыре. Два из них употреблены с антирезультативной семантикой:

(17) <Актеон> бѣжить чрезъ мѣста, покоторымъ часто самъ заелеными бѣгиваль сслугами своими. и хотѣль было изрещи гонящимся, припомяните вы алкеонъ <вм. *актеон> азъ есмь, господина своего неубійте. | но сего изрещи не возможе. л. 150–150 об. (кн. 3, пов. 5); в БАН, л. 217 об. также: хотѣ^л было изрещи...

Wielkie zá Akteonem mnostwo się wáleło. On ućieka przez miescá / przez ktore zá niemi Czéstokróć sam biegiwał: Niestetyż / przed swemi Slugami Pan ućieka. Chćiał rzec: Pámiętaycie / Akteon iestem / Páná swojego poznaycie. Ale slow zamyslowi iego nie dostało. (с. 111);

(18) дитя малое, сколь скорою кматери прибѣжало и малымі руками еѣ шею ѿб^ня^л. непрестанно еѣ цѣлуя вмѣшива^л дѣчи свои пестова^лныя утѣхи, которыми ист^лно мать в любовь пришла было, но непреломны^л гнѣвъ, о^лнако* в цѣлости у ней оста^лся. л. 128 об. (пов. 11, кн. 6),

Skoro się iednak chłopiec do mátki pok wápieł / Y Byię iey málymi rękámi obłápieł / Y cáłowánia dawał nieustanowione / Mieźaiąc w nie dziecinskie pochlebstwá pieżczone. Porużyłá poprawdźcie mátkę tá rzecz / ále Nie przełomiony przecię gniew zostáwał w cale. (с. 246).

В примере (18) текст переведён не буквально, синтаксис фразы перестроен, и в том числе переводчик воспользовался для передачи смысла частицей *было* в нормальном для русского языка значении прерванного состояния. Из оставшихся двух примеров в (19) текст передан не вполне точно, но в отличие от польского текста в русском переводе появляется частица *было*, притом в примерах (19–20) она употреблена в результативном значении:

(19) недалеко подороге | ѿѣхавъ с^лнце зашло, ибѣ лошади тако* бегши устали было: какъ кушенье корѣлевское на столъ поставлено, ѿ встаканъ золотые <так!>

⁷ Ср. аналогичное употребление в другом источнике, 1709 г.: Ихже <славных героев> время убо забвению предало было аще бы не стихотворцевъ историковъ писания сихъ намъ напamятствовали. Апофеосис 170.

наливаню было вино пото^m король одризііскіі тереу^c і филоме^{ла}; тѣлеса свои о^т-да^m на покой. л. 112–112 об. (кн. 6, пов. 7),

Nie daleka już drogą zostawiał słońcu / Wo konie dobiegaly już ku niebá końcu: Gdy potrawy krolewskie ná stoly stáwiano / Y hoynie / w kubki złote / winá nálewano. (с. 239);

(20) проти^a себя очи свои ослѣплены <дочери Пелея> о^твращали, і страшные раны о^тцу чинили, о^нако онъ пытался подняться хотя кровью | и^ишелъ было, и быть аки полумертвый. л. 183–183 об. (кн. 7, пов. 5),

Lecz stojąc przeciw sobie / oczy odwracały / A oślepi / srogie rány oycu zádawały. Który/ kuśił się przecie wznieść / choć krwią zbroczony / Y chciał wstáć z loża / lubo w poły zámorzony (с. 269).

В примере (19) переводчик, по всей видимости, не понял, что речь идёт о конях Феба, и переосмыслил контекст: *«по причине усталости коней герои остановились и стали расставлять кушанья» (а на самом деле Терей с Филомелой ещё не выехали в путь, т. к. стемнело). В такой ситуации употребление частицы *было* — явная инициатива переводчика (хотя в связи с переосмыслением контекста нет полной уверенности в том, что он хотел выразить). Тем не менее, в примере (20) с независимым от оригинала результативным *было* контекст переведён адекватно (букв. «кровью истекший» > «изошёл кровью»).

Последняя группа примеров показывает, что языку переводчика было свойственно самостоятельное применение частицы *было*, и в том числе в значении, заимствованном из польского языка. В совокупности рассмотренные данные говорят о том, что в двух списках перевода, отражающих разные стадии редактирования, частица имеет разный статус. В более раннем варианте текста частица используется в основном в несвойственных русскому языку значениях (в том числе возможна и по инициативе переводчика, независимо от текста оригинала)⁸, тогда как в позднейшем варианте подобная многозначность частицы устраняется. Можно сделать предположения о причинах этого.

По нашим наблюдениям, текст списка БАН также не содержит первоначальный вариант перевода. По мнению А. И. Соболевского [1903: 183] и С. И. Николаева [1988: 163; 2008: 189] перевод, представленный в этих списках, сделан прозой. Однако при прочтении текста по списку БАН нельзя не заметить, что этот перевод, по крайней мере частично, стихотворный. В списке стиховая упорядоченность чаще всего проявляется в некоторых повестях отдельными двустушиями или более длинными стихотворными кусками. Но удалось обнаружить в том числе и целую повесть (кн. 4, пов. 9,

⁸ Кроме того, в материалах картотеки Сл. XVIII есть пример использования частицы *было* в результативном контексте в переводе с французского 1730 г.: Нужно убо было отъважитья не зная образъ жителей планетныхъ, и доволствоваться тѣмъ однимъ, чего можно намъ будеть догадаться, продолжая во всѣ миры путешествие свое, въ которое **было** мы **вступили**. Мы уже въ Венерѣ тогда находилися. Мн. миров 104. А также в непереводном источнике: Тѣмъ де всѣмъ она, Дунка, ее, Авдотью, клеплетъ, отбывая воровства своего, что она, Дунка, будучи въ домѣ ея Авдотьи^н портила дворовыхъ мужиковъ и дѣвокъ, а и ее де Авдотью она, Дунка, **испортила было** зельемъ, и въ томъ она, Дунка, ей, Авдотѣ, винилась. СД 21 [1700 г.] (хотя здесь, возможно, присутствует и значение отмены действия: испортила, но повинилась).

Ino et Melicertes), изложенную стихами, но записанную без разделения на строки. Так с разбивкой на стихи выглядит её начало (жирным шрифтом выделены оригинальные рифмы русского перевода, а курсивом — нерифмованные концовки стихов):

БАН, повесть 9, кн. 4, л. 316 об.:

ниѣ честность божества бахова возстала
по всеи ѳиве: которое тетка ево прославляла
рекши. что велики силы нового
суть, хотя что невидала одна ѳз сестрѣ слаго,
сверхѣ того неудачею ихъ озлобляла;
видя ктому что всебя мѣсль высокоу брала
для сыновѣ и супружества атамантава,
идля бога тшаниемъ своимъ воспитанного
острымъ окомъ взирая. юно нестерпѣла:
но сама ссобою врѣчь такую вступила:
могли то от блудницы рождении сотворити;
и лице караблниковъ меонскихъ лишити,
и в море ихъ пометать; могли ли *возмущение*
здѣлавъ дати матери сына на *терзанье*;
содѣлати и то что минеовы дщери
невиданнымъ прежде одѣлися перьемъ:
юнѣнѣ бѣдной во всемъ малая **удача**
толко за неѣмщение премножество **плача**,
но и то нам довольно что плачь намъ вмѣсто *пищи*:
бахус научитъ что тѣмъ дѣломъ начнемъ *спорнымъ*:
временемъ и супостатъ примѣръ дастъ здравый
и нам могут быть в прилогъ муки пентеовы:
за чтожбы намъ | несошлось нудитъ инѣино:
в примѣръ взявъ неложень сестрѣ имать свою:
есть путь немалъ печальнымъ зѣло тисомъ засланъ,
текущій смирениемъ, даже до адскихъ странъ
гдѣ недвижимыи стижь мглами **отдувается**,
ивсѣ свѣжие души тамо **преселяются**:
и лица тѣ которые из гробовъ **востаютъ**,
бледость и мразъ широко тѣмъ мѣстомъ **владѣютъ**

оригинал (с. 159–161)

Dopieroż zácność Bostwá Bachowego wstáá
Po wbech Thebách / ktore y ćiotká rozslawiaá;
Twierdząc / potężne siły byđż Bogá nowego /
Choć tylko tá sámá z siostr nie vznáá złego:
Oprocz / że się niebżećciem ich trapić musiaá.
(Ná teź / wiedząc że w sobie wysoká myśl miáá /
Dla synow / y małżeństwá Athámántowego /
Y dla Bogá / stáraniem swym wychowanego)
Oстрымъ wzrokiem pátrzaiąc / Luno nie zćierpiaá /
Ale owbeem tak sámá w rzecz się zsobá wdáá:
Y mogli z / z Nierządnicze zrodzony / to spráwić;
Własney twarzy Meonskie żeglarze rozbáwić;
Y w morze ie nieprzyaciátć; Mogłże / zamieśáanie
Spráwiwby / mátcze syná dáć ná rozbárpánie;
Y zrobić to / iże y Mineowe cory /
Niewidánymi przedtym odziały się piory;
A lunonie ni ná co nie stránie możności /
Tylko ná niezemśczone płákáć dolegkości.
Lecz y to ná mię dosyc / płácz iest náßá stráwa:
Bachus náuczy / co y z tá poczniemy spráwa.
Czásem y nieprzyaciátć przykład poda zdrowy:
Y nam może byđż wzorem / mord Pentheusowy.
Czemużby się nie miáło zeyść / trapić Inoiey /
Aby błá przykładem siostr / y rodziny swoiey.
Iest gośćiniec / zálobnym císем záciemniony /
Bieżący wielka ćißá / aź w piekielne strony.
Rędy nieruchomy Styx / mgłámi dmucha wbeđy /
A wbystkie świeże duße przechodzą támtędy:
Y postáći te / ktore z grobow powstawaia.
Błádość / y Mroz / Beroko te mieysćá trzymáia

Можно предположить, что переводчик Метаморфоз считал допустимым в поэтическом тексте использование частицы *было* в широком круге значений и относил их к числу поэтических вольностей. Сравнение списков БАН и РНБ показывает, что при позднейшем редактировании силлабический 13-сложник перевода (вероятно, до конца не упорядоченный) целенаправленно переделывался в прозу, для которой допустимым было применение частицы только в свойственных русскому языку того времени антирезультативных значениях.

Вывод

Перевод поэмы Овидия в двух рассмотренных списках представлен в разных редакциях — ранней и поздней. Язык этих редакций в рассмотренном аспекте — употреблении частицы *было* — в значительной мере различается. В ранней версии этого перевода функциональность частицы шире. Её активность, устранённая при последующей редакции, достигается за счёт проницаемости языка переводчика для польского влияния. Можно говорить не только о дословной передаче форм польского

плюсквамперфекта с помощью русской неизменяемой формы *было* с несвойственными ей значениями, но и об адаптации иноязычной семантики. Степень освоения заимствованного результативного значения такова, что переводчик в отдельных случаях пользуется русской частицей с нетипичной для неё семантикой независимо от оригинала. В поздней редакции перевода активность частицы *было* снижается в целом, но особенно резко — сокращается её использование в результативных контекстах.

Рассмотрение перевода на разных стадиях редактирования позволяет сделать наблюдения относительно первоначального вида русского текста. Вероятно, планировалось сделать стихотворный перевод «Метаморфоз», но этот замысел остался не осуществлённым до конца. В ранней редакции списка БАН (с которым, по-видимому, идентичен также список ГИМ, Син. 809) стихотворная природа текста ещё достаточно ощутима: отдельные повести поэмы с небольшими искажениями всё ещё сохраняют регулярную римфовку и, в меньшей степени, силлабическую упорядоченность, а небольшие по объёму стихотворные «вставки» можно найти почти в любой из повестей. В поздней версии перевода по списку РНБ текст видоизменился в целом достаточно сильно. Показательно значительное лексическое расхождение редакций: в совпадающих в обоих списках четырёх книгах «Метаморфоз» в списке БАН отмечается более 800 лексем, устранённых или подвергнутых замене в поздней редакции. Кроме того, изменялся порядок слов, отдельные грамматические формы и др. Возможно, подобное масштабное исправление потребовалось с целью устранения признаков стихотворной организации текста.

Литература

Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) / Ред. В. П. Недялков. Л., 1983. С. 5–41.

Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 162–172.

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008.

Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. СПб., 1862.

Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 50–88.

Сичинава Д. В. Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013. С. 204–231.

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903.

Сл. XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 2 (*Безпристрастный* — *Вейэр*). Л., 1985.

Шевелева М. Н. Плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 5–43.

G. A. Molkov

*Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(St Petersburg, Russia)*

THE USE OF THE PARTICLE *БЫЛО* IN THE TRANSLATION OF OVID'S *METAMORPHOSES* AT THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY

The particle *было* in the analyzed translation is mostly used in meanings uncommon to Russian language in the 18th century, under the influence of the Polish original of the text. Comparing two copies of the Metamorphosestranslation shows that the later version of the text contains fewer examples of this particle in meanings specific to Polish. In the earlier version, the particle *было* has a number of features eliminated during the later corrections: it can agree with the predicate and be used instead of the conditional form. The most interesting feature of *было* is its use without correspondence to the Polish original in some contexts. This can be evidence of the assimilation of the borrowed meanings of the particle in the use of the translator.

Key words: Russian language of the 18th century; translations from Polish; particle *было*.

References

Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E. Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Red. V. P. Nedyalkov. Leningrad, 1983, pp. 5–41.

Nikolaev S. I. Ob atributsii perevodnykh pamyatnikov Petrovskoi epokhi. *Russkaya literatura*. 1988, no. 1, pp. 162–172.

Nikolaev S. I. *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv.: Bibliograficheskie materialy*. St Petersburg, 2008.

Pekarskii P. P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*. T. 2. St Petersburg, 1862.

Plungyan V. A. Antirezul'tativ: do i posle rezul'tata. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 1: Grammaticheskie kategorii*. Moscow, 2001, pp. 50–88.

Sheveleva M. N. Plyuskvamperfekt v pamyatnikakh XV–XVI vv. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2009, no. 1 (17), pp. 5–43.

Sichinava D. V. Chastitsy bylo i byvalo v russkom yazyke XVIII veka. In: Sichinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt*. Moscow, 2013, pp. 204–231.

Sl. XVIII — *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vypusk 2 (Bezpristrastnyi — Veier)*. Leningrad, 1985.

Sobolevskii A. I. *Perevodnaya literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vekov: Bibliograficheskie materialy*. St Petersburg, 1903.

М. О. Новак

Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Россия)
mariaonovak@gmail.com

О ФОРМАХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТОЛСТОВСКОМ АПОСТОЛЕ XIV В. (РНБ, Q.П.1.5)

В статье представлен опыт описания морфологии имен существительных в малоизученном Толстовском Апостоле конца XIV в. (РНБ, Q. п. I. 5). Рассмотрены архаизмы и инновации, проявляющиеся в категориях рода, числа, одушевленности / неодушевленности, падежа. Выявлено наличие архаизмов в категории рода (согласование определений к слову *старѣишина* по женскому роду в единственном числе) и категории одушевленности / неодушевленности (случаи омонимии винительного и именительного падежа у существительных мужского рода со значением лица). Для категории числа отмечена конкуренция исконных форм двойственного числа у существительных всех трех родов с новыми формами, появляющимися по аналогии, а также с плюральными формами. Среди падежных форм зафиксировано употребление архаичных форм существительных мужского рода (*сыну* — родительный падеж единственного числа; *камы* — именительный падеж единственного числа) и неупорядоченный параллелизм падежных форм существительных *s-склонения (типа *небеси* — *небесѣ*, *тѣлеси* — *телесѣ* в родительном и местном падежах, *небомь* — *небесѣмь*, *тѣломь* — *телесѣмь* в творительном падеже). Присутствие архаизмов объясняется по преимуществу текстологическими факторами, тогда как инновационные формы получают более достоверную интерпретацию исходя из языковых причин (среди которых — фактор аналогии). Более полный анализ морфологии рукописи станет возможным после завершения электронной публикации рукописи, которая ведется на портале «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=64>).

Ключевые слова: Толстовский Апостол, морфология, текстология, существительное, архаизмы, инновации.

В статье представлены наблюдения над морфологией имен существительных в Толстовском Апостоле XIV в. (РНБ, Q.п.1.5, далее ТА). Рукопись, содержащая последовательный текст (с необычным порядком следования частей: послания ап. Павла — соборные послания — Деяния апостолов), изучается в рамках проекта

по исследованию и электронной публикации древнерусских списков Апостола XII–XIV вв.¹

Данный манускрипт, получивший свое название по давней принадлежности к собранию графа Ф. А. Толстого, впервые был упомянут в [Обстоятельное описание 1825: 211–212]. Г. А. Воскресенский в своих масштабных трудах по текстологии Апостола [Воскресенский 1879; 1892–1908] представил ТА в качестве главного свидетеля «второй редакции» (которая в настоящее время рассматривается как преславская текстовая группа [Алексеев 2013; Христова-Шомова 2004]). Архим. Амфилохий (Сергиевский) использовал данные ТА при подборе разночтений к Карпинскому списку Апостола [Амфилохий 1885–1888]. Современные исследователи также обращаются к материалу рукописи [Клеминсон 2013; Христова-Шомова 2004], однако до сих пор отсутствует детальное описание ее языка (краткую характеристику можно найти в [Христова-Шомова 2004: 39]). Ранее нам уже приходилось обсуждать лексический уровень ТА в его зависимости от греческого первоисточника [Новак 2013]; ниже будут рассмотрены некоторые морфологические явления, связанные с узловыми сюжетами эволюции субстантивов. «Тотальное» обследование морфологии рукописи — дело будущего, поскольку электронная публикация на портале «Манускрипт», которая позволила бы проанализировать полную выборку словоформ, только начата².

Для аналитического описания рукописи важна фиксация соотношения архаизмов и инноваций, которая может представлять интерес как для исторической грамматики, так и для текстологии памятника в целом (см. об этом [Кривко 2015: 195]). ТА, по палеографическим данным датируемый концом XIV века [Апостол 2009], представляет целый ряд небезыntenесных морфологических феноменов, которые можно объяснить факторами разного порядка. Для сопоставления привлекается материал Христинопольского толкового апостола XII в. (Львовский ист. музей, ОР, № 37 — далее ХА³) и Чудовского Нового Завета XIV в. ([Новый Завет] — далее ЧНЗ), а также данные лексикографии.

1. Категория рода

В ТА отмечено архаичное согласование слова **старѣшина** с прилагательным по женскому роду в ед. ч., при отчетливом контекстуальном значении лица мужского пола — **имѣще оубо старѣшии҃нѣ великѣ сватителемѣ** (ВП ед. ч.; л. 45в, Евр.4:14, греч. ἀρχιερέα), **ре(че) же старѣшина жречьска** (ИП ед. ч.; л. 66в,

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15–04–00213, «Древнерусские списки Апостола XII–XIV вв.: лингвистическое исследование и электронная публикация»).

² <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=64>.

³ Электронная публикация «львовской части» ХА на портале «Манускрипт», доступная в настоящее время по ссылке <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=61>, осуществлена по цифровой копии ХА, представленной на сайте Львовского исторического музея: http://www.lhm.lviv.ua/proekty/krystynopolskyu_apostol.html.

Деян.7:1, греч. ἀρχιερεύς). Обычно отмечается, что существительные на -а такого типа (также *воевода, слоуга, владыка* и т.п.) уже в раннюю эпоху славянской письменности обозначают лиц мужского пола и в единственном числе дают согласование по мужскому роду, однако в плюралных формах могут вести себя как существительные женского рода [Вайан 2007: 195]. В лексикографии, отразившей данные гораздо более ранних славянских памятников, нежели ТА, также не отмечено согласование по женскому роду в единственном числе. Ср.: **сво_кго старѣшиноу** (Номоканон Мефодия, по Устюжской кормчей XIII в.), **твон старѣшина**; **старѣшингы изаштѣничѣска** (Супр 400 6sq; 545 29sq, XI в.), **павльшемоу сѧ старѣшинѣ** (ХА XII в.) и т.п. [SJS IV: 161–162; I: 759]. Эти формы ТА можно объяснить только воздействием антиграфа / антиграфов (и, через антиграф(ы), протографа), которое позволило донести столь глубокий архаизм до конца XIV века. Наряду с последним в ТА присутствует и более регулярная для церковнославянского узуса форма: **въставъ же старѣшина жьречьскыи** (Деян.5:17, л. 65в). Интересно при этом, что существительное *слоуга* в ТА выступает в контексте, упоминающем лицо женского пола — диаконису Фиву: **фонвинь сестру нашу сүцю слугу цркви** (л. 10б, Рим.16:1).

2. Категория одушевленности / неодушевленности

Феномен, связанный с репрезентацией категории одушевленности, продолжает тему архаизмов. В ТА отмечена омонимия винительного (ВП) и именительного (ИП) падежа в ед. ч. существительных со значением лица мужского пола:

въ мѹжь свершенъ (Еф.4:13, л. 28г) vs. **въ моужа съвършена** в ХА (л. 216об.; в ЧНЗ неясная ситуация из-за выносных букв — л. 126б);

съвраша во сѧ истинною на стѣин отрокъ твон ісѣ (Деян.4:27, л. 65а) vs. **на стѣго отрока твоег іса** в ЧНЗ (л. 61а; в ХА нет);

да оба съзижеть собою въ єдинъ новъ члвкъ (Еф.2:15, л. 28а) vs. **въ кди_ного нова члвка** в ХА (л. 213; в ЧНЗ нет);

облѣцѣте сѧ въ новыи члвкъ (Еф.4:24, л. 29а) vs. **облѣци сѧ въ новаго члвка** в ХА (л. 217об.) и ЧНЗ (л. 126в);

сѣволакѣше сѧ ветѣхаго члвка. сѣ делесы єго. и облєкѣше сѧ въ новы. понавлаемѣи въ разумъ (Кол.3:10, л. 33в) vs. **обѣлакѣше сѧ въ новаго. обнавлающаго сѧ въ разоумъ** в ХА (л. 238об.), **в нова понавлаемаго в разоумъ** в ЧНЗ (л. 131б).

Комментируя приведенные фрагменты, подчеркнем, что старшие списки, ХА и ЧНЗ, устойчиво демонстрируют омонимию ВП и ИП, тогда как ТА сохраняет более древнее состояние. Впрочем, следует принять во внимание, что ситуация ВП = ИП в целом еще актуальна для целого ряда древнерусских церковно-книжных и летописных текстов, включая памятники XIV в. (соответствующий материал см. в [Крысько 1994: 26–27]). Кроме того, как указывает В.Б. Крысько, формы ВП с предлогом наиболее склонны к сохранению омонимии с ИП [Там же: 21].

Поэтому наличие ситуации ВП = ИП может объясняться и текстологически (влиянием древнего архетипа), и лингвистически (возможностью сохранения ВП = ИП в живой речи восточных славян вплоть до XIV века [там же: 25]). Интересен фрагмент Кол.3:10, демонстрирующий омонимию ВП = ИП у прилагательного и причастия при эллипсисе опорного существительного.

3. Категория числа

Динамика категории числа проявляется ярче всего в дуальных формах. Особый интерес при этом представляют существительные — наименования парных частей тела. В ТА фиксируются контексты как со свободным, так и с дистрибутивным двойственным, при этом в обоих случаях однотипные чтения демонстрируют конкуренцию старого и нового.

а) **колѣно:**

Свободное двойственное:

преклоню колѣнѣ своѣ (ап. Павел о себе; Еф.3:14, л. 28в) vs. **колѣнѣ мои** в ХА (л. 214об.-215), **колѣни мои** в ЧНЗ (л. 126а);

преклонивъ же колѣни (об ап. Стефане; Деян.7:60, л. 67г) vs. **положь же колѣни** в ЧНЗ (л. 63в);

преклонивъ колѣнѣ (об ап. Петре; Деян.9:40, л. 69в) vs. **положь колѣни** в ЧНЗ (л. 64г);

преклонивъ колѣни свои (об ап. Павле; Деян.20:36, л. 78а) vs. **поклонь колѣнѣ свои** в ХА (л. 22), **положь колѣни свои** в ЧНЗ (л. 73г).

Дистрибутивное двойственное:

преклонивъше колѣна (о группе лиц, провожающих ап. Павла; Деян.21:5, л. 78б) vs. **поклоньше колѣна** в ХА (л. 22об.), **положьше колѣни** в ЧНЗ (л. 74а).

б) **нога:**

Свободное двойственное:

подъножье ногама твоима (о Христе, в цитате из Псалтири — Пс.109:5–6; Деян.2:35, л. 63г) — то же в ЧНЗ (л. 60а);

паде же авьє предъ ногами его (об ап. Петре; Деян.5:10, л. 65в) vs. **при ногоу** в ЧНЗ (л. 61б).

Дистрибутивное двойственное:

полагаху предъ ногами апѣльскими (Деян.4:35, л. 65б) vs. **при нога^х** в ЧНЗ (л. 61б);

положи предъ ногама апѣльскыма (Деян.4:37, л. 65б) vs. **при нога^х** в ЧНЗ (л. 61б);

предъ ногама апѣльскыма положи (Деян.5:2, л. 65б) vs. **при ногоу** в ЧНЗ (л. 61б).

в) **роука:**

Свободное двойственное:

оукраи к тому да не крадетъ но паче да трѹжаеть сѧ дѣлаа блгоє роукама своимѧ (Еф.4:28, л. 29а) vs. **дѣлаа своимѧ роукама блгоє** в ХА (л. 217об.), **дѣлаа блгоє роуками** в ЧНЗ (л. 126в).

Дистрибутивное двойственное:

и́мѣше рѹками беззаконнѣхъ (Деян.2:23, л. 63в) vs. **рѹкама беззаконнѣхъ** в ЧНЗ (л. 59г);

Рѹками же апѣльскими бѣша знаменѣа (Деян.5:12, л. 65в) — то же в ЧНЗ (л. 61в);

не въ рѹками творенахъ црква[хъ] живеть (Деян.17:24, л. 74в — греч. ἀχειροποίητον) vs. **не въ роукотворенахъ** в ХА (л. 15) и ЧНЗ (л. 71а);

яко не сѹтъ бзи створени рѹками (Деян.19:26, л. 76г-77а) vs. **яко не соѹтъ бзи творени роѹками** в ХА (л. 18об.), **яко не соѹтъ вози роѹками бѣваѣмни** ЧНЗ (л. 72в);

и́маѣ ѿ ба храмнѹ не рѹкама творенѹ (2Кор.5:1, л. 20г — греч. ἀχειροποίητον) vs. **нероукотвореноѹ** в ХА (л. 179) и в ЧНЗ (л. 118а).

Приведенные контексты демонстрируют неоднозначную картину, в которой, впрочем, ожидаемо просматривается большая стабильность употребления в ТА (как и в старших списках) «правильных» дуальных форм в позициях свободного двойственного по сравнению с позициями дистрибутивного двойственного (где указание на группу лиц дает прямую ассоциацию с множественным числом). При этом у каждой лексемы — свои «обстоятельства»: так, слово *колѣно* в свободном двойственном представлено новыми формами, возникшими по аналогии в рамках одного лексико-грамматического класса (субстантивов типа *брѣви*, *голѣни*, *гърсти*, *длани* и т. п.) [Жолобов, Крысько 2001: 122; Шульга 2003: 144–145]. В контексте, предполагающем наличие дистрибутивного двойственного (Деян.21:5), фигурирует плюральная форма *колѣна*, причем не только в ТА, но уже и в раннем ХА. Взаимную поддержку формы ДП=ТП дв. ч. *ногама* и *роѹкама* оказывают, возможно, близстоящим формам прилагательных и местоимений на *-ма*. Во всяком случае, отсутствие таких определений каждый раз сопровождается и отсутствием исконных дуальных форм, вытесняемых плюральными. Ср. *ногама твоима* (Деян.2:35) и *ногамн его* (Деян.5:10). Вместе с тем, в словосочетаниях, отвечающих греческому композиту, возможны оба решения: **не рѹкама творенѹ** (2Кор.5:1) и **не въ рѹками творенахъ црква[хъ] живеть** (Деян.17:24).

Особого комментария заслуживает контекст, предполагающий свободное двойственное, Деян.3:7: **оутвердистеса ему плеснѣ и глезнове** ‘щиколотки’ (л. 64а; то же в ЧНЗ), где второе существительное имеет окончание мн. ч. мужского рода, исконное для **й*-основ⁴. Данный факт поддерживает утверждение о том, что «флексия *-ове* в письменности XII–XIII вв. не является специализированным средством выражения значения лица» [Древнерусская грамматика 1995: 183]. Как видим, это безразличие к категории лица сохраняется до конца древнерусского периода.

⁴ Среди зафиксированных лексикографией вариаций по роду и типам склонения (*глезьна*, *глезьно*, *глезьнь*) твердая разновидность мужского рода отсутствует [SJS I: 403].

4. Категория падежа

4.1. Среди падежных форм существительных мужского рода в ТА обращают на себя внимание единичные редкие архаизмы.

Деян.4:11: **се естъ камы** (ИП ед. ч., л. 64г) vs. **камѣ(нь)** в ЧНЗ (л. 60г). Напомним, что для XII–XIII вв. был в свое время отмечен лишь ИП ед. ч. **пламъ** [Древнерусская грамматика 1995: 202].

Деян.7:21: **и въскорми совѣ въ снѣ мѣсто** (РП ед. ч., л. 67а) vs. **и воспита кго совѣ въ сна** (ЧНЗ, л. 62в) — греч. καὶ ἀνεθρέψατο αὐτὸν ἑαυτῆ εἰς υἱόν.. ЧНЗ гораздо точнее передает синтаксис греческого первоисточника, где фигурирует форма ВП. В ТА конструкция усложнена за счет введения дополнительной аккузативной формы с инверсией: **въ снѣ мѣсто** = «вместо (кого?) сына». Слово *сынъ*, таким образом, оказывается в позиции РП и сохраняет при этом исконную форму **й*-основ. Данный факт также расширяет представления о продолжительности сохранения исконной формы РП у существительного *сынъ* (для более раннего периода был известен лишь один такой случай [Древнерусская грамматика 1995: 174]).

4.2. Достаточно подробно были рассмотрены контекстные репрезентации частотных в Апостоле существительных среднего рода консонантного **s*-склонени — а именно *тѣло* (выборка из 45 контекстов) и *небо* (выборка из 22 контекстов), поскольку этот тип, с его ранней «отзывчивостью» на аналогию со стороны **ѡ*-основ, хорошо показывает динамику именного словоизменения. Последняя может проявляться, во-первых, в вариантности основ с показателем *-ес-* и без него (по преимуществу в формах ед. ч.), и во-вторых, в употреблении падежных окончаний.

Для существительного *тѣло* О. Ф. Жолобов предполагает семантизацию грамматических форм, существующую в церковно-книжных памятниках, при которой «не-ес-формы» стабильно выступают в значении ‘тело как целое’, а также в специализированных значениях ‘Тело Христа как жертва’, ‘Церковь как Тело Христово’, ‘Св. Дары, хлеб Евхаристии’, тогда как «ес-формы» выражают значения ‘тело как составное, имеющее структуру; уязвимое, смертное’ [Жолобов 1988]. Если для раннего ХА это утверждение релевантно [Новак, Полозкова 2016], то в ТА указанная семантизация нередко размывается. Ср.:

1Кор.12:15: **лице речеть нога нѣсмь рука нѣ||смь ѿ тѣлеси. но того дѣла нѣсть ѿ тѣла. и лице речеть оухо нѣсмь ѿ тѣла не того дѣла нѣсть ѿ тѣла** (лл. 166-16в; ХА в данном чтении (лл. 159об.-160) везде ѿ тѣла);

2Кор.5, resp. 1, 4, 6, 8: **храмина телесѣ разорить сѧ... сущи во въ телесѣ сѧ... ходѧще въ тѣлѣ... паче ѿити ѿ телеси** (л. 20г; ХА в данном чтении (лл. 179–179об.) везде «не-ес-формы» РП, ДП и МП: **храмина тѣлоу, соущи въ тѣлѣ, ходѧще въ тѣлѣ, ѿити ѿ тѣла**);

Иуд.1:9: **Миѧилъ же архнглъ егда съ неприязню расѡжатасѧ. глѧше о моуѡсинѣ телеси о моуѡсинѣ тѣлѣ** (л. 60в) vs. в ХА **ѡ мосѣовѣ тѣлѣ** (л. 82об.).

В приведенных фрагментах ТА падежные формы варьируются, несмотря на то, что в каждом по нескольку раз упоминается «одно и то же» тело — безотносительно к тому, имеется ли в виду его целостность или сложносоставность. Особенно интересен последний контекст, в котором присутствует повтор синтагмы, обусловленный, на наш взгляд, желанием писца ввести более корректное с его точки зрения (вероятно, в соответствии с антиграфом) написание. Нельзя исключать, что в распоряжении писца был не один, а несколько антиграфов, предлагавших в контексте различные формы существительного.

Что касается «ес-форм» рассмотренных существительных, в окончаниях ед. и мн. ч. косвенных падежей привлекает внимание факт обобщения гласного *ѣ*.

РП ед. ч.:

Деян.2:2 *сѣ нѣсѣѣ* (л. 63а), Деян.11:9 *сѣ нѣсѣѣ* (л. 70в), Деян.14:17 *сѣ нѣсѣѣ* (л. 73а), 2Кор.12:2 *до третѣяго нѣсѣѣ* (л. 23г), 2Фесс.1:7 *Ѡ нѣсѣѣ* (л. 36б), Рим.7:4 *закономъ телесѣѣ хѣва* (л. 6а), Рим.7:24 *Ѡ смѣрти телесѣѣ его* (л. 6б), Рим.8:23 *избавлениа телесѣѣ нашего* (л. 6г) и т. п.

ТП ед. ч.:

Деян.4:12 *подѣ нѣсѣѣмѣ* (л. 64в), 2Кор.5:10 *каждо такоже есть сдѣлалѣ телесѣѣмѣ* (так! л. 21а).

МП ед. ч.:

Деян.2:19 *и дамѣ чюдеса на нѣсѣѣ* (л. 63б), 1Кор.6:20 *прославите оубо ба въ телесѣѣ вашемѣ* (л. 13б), *дондеже есмѣ в семѣ телесѣѣ* (2Пет.1:13, 5ба), *въ единомѣ телесѣѣ* (8г, Рим.12:4) и т. п.

ДП мн. ч.:

Рим.1:24 *нечествовати тѣлесѣѣмѣ нхѣ* (л. 3б).

Как видим, наиболее часто *-ѣ* возникает в РП и МП ед.ч. (так, из 17 употреблений РП ед. ч. у существительного *небо* 13 представляют именно это окончание и всего четыре — форму *небеси*). В принципе, возможны две причины появления *ѣ*. Первая связана с возможным неразличением *е* и *ѣ*, поскольку последний не всегда отражается в ТА этимологически корректно. Ср. *целованне* (1Кор.16:21, л. 19а — впрочем, наряду с более многочисленными *цѣлованне*, *цѣлуеть*, *цѣлуитѣ* на л. 34а, 37а и др.), *мѣньшемѣ* (л. 28в), *млека* (лл. 12а, 14в), *млекѣ*, *млецѣ* (л. 45г). Вместе с тем, число случаев этимологически безупречного употребления *я* в основах и окончаниях слов в ТА гораздо больше. Поэтому более вероятным представляется действие морфологической аналогии. Именно для форм РП и МП характерно схождение внутри парадигмы единственного числа *s-основ, отмеченное еще в старославянском корпусе [Вайан 2007: 131]. Поэтому мы не исключаем, что *-ѣ* мог появиться сначала в МП как результат влияния парадигмы среднего рода типа *село* и распространиться затем в РП. С осторожностью можно предположить, что следующим этапом обобщения стало проникновение *-ѣ* в ТП ед. ч., а затем — и в паронимичную ТП ед. ч. форму ДП мн. ч. Слабости разграничения этих паронимов способствовало фонетически обусловленное смешение еров в окончаниях (ср. в вышеприведенных фрагментах *также есть сдѣлалѣ телесѣѣмѣ* (ТП ед. ч.) и *нечествовати тѣлесѣѣмѣ нхѣ* (ДП мн. ч.).

Подводя итоги, можно заключить, что ТА содержит редкие для рукописи конца XIV в. архаизмы, присутствие которых объясняется с наибольшей вероятностью историей текста. Новые формы, напротив, могут отражать влияние как текстологических, так и различных языковых факторов, представляя, таким образом, определенный интерес для исторической грамматики русского языка.

Литература

Алексеев А. А. Соображения о критическом издании славянского Апостола // Славянский Апостол: История текста и язык / Сост. М. Бобрик. München — Berlin — Washington, D. C., 2013. С. 197–206.

Амфилохий [Сергиевский], архим. Древнеславянский Карпинский апостол XIII в. М., 1885–1888.

Апостол // Православная энциклопедия. Т. 3. 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravenc.ru/text/75708.html#part_2.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Изд. 4-е. М., 2007.

Воскресенский Г. А. Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в.: Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII–XV вв. М., 1879.

Воскресенский Г. А. Древнеславянский Апостол. Вып. 1–5. Сергиев Посад, 1892–1908. 3 т.

Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.

Жолобов О. Ф. Лексико-семантические и грамматические факторы в истории слова (на материале имен существительных): Автореферат дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1988.

Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Том II: Двойственное число. М., 2001.

Клеминсон Р. Количественный метод в текстологии (на материале Соборных посланий) // Славянский Апостол: История текста и язык / Сост. М. Бобрик. München — Berlin — Washington, D. C. 2013. С. 31–61.

Кривко Р. Н. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М., 2015.

Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Новак М. О. К характеристике языковой специфики Толстовского Апостола XIV в. (РНБ. Q.п. I.5) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. № 1(51). 2013. С. 85–88.

Новак М. О., Полозкова Я. А. Имена существительные консонантного склонения в Христинопольском апостоле XII века // E1'Manuscript-2016. Материалы междунауч. конф. Вильнюс, 22–28 августа 2016 (в печати).

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского. М., 1892.

Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке <...> графа Федора Андреевича Толстого / Изд. К. Калайдович и П. Строев. М., 1925.

Христова-Шомова И. Служебният Апостол и славянската ръкописна традиция. Том I. Изследване на библейския текст. София, 2004.

Шульга М. В. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М., 2003.

SJS I–IV — Kurz J., Hauptová Z. (ed.). Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae palaeoslovenicae. T. I–IV. Praha, 1966–1997.

Maria O. Novak

Kazan (Volga Region) Federal University
(Kazan, Russia)

ON NOUN FORMS IN TOLSTOVSKII APOSTOLUS FROM THE 14TH CENTURY (NLR, Q.N.I.5)

This paper focuses on noun forms found in the insufficiently explored Old Russian manuscript *Tolstovskii Apostolus* from the 14th century. The author examines the correlation of archaic and newer forms in following grammatical categories: gender, number, animacy, case. The gender archaism manifests the full concord of the noun *starěišina* and its adjectives in the feminine, while a male person is mentioned in the context. The category of animacy does not cover all cases of noun usage, for there is an archaic homonymy of nominative and accusative forms in masculine nouns which also point to a male person. A certain competition of ancestral and newer dual forms is manifested in number. Sometimes plural forms displace the old duals. In the case category, the author observes some archaisms in the masculine (*synu* in genitive singular, *kamy* in nominative singular), while neuter nouns of *s-stems demonstrate unordered parallelism of case form usage: *nebesi* — *nebesě*, *tělesi* — *telesě* in genitive and locative, *nebotь* — *nebesěmь*, *tělotь* — *telesěmь*, in the instrumental case.

The presence of archaisms can be explained mainly by textual factors whereas the innovative forms obtain a more reliable interpretation, due to linguistic reasons. More thorough analysis and more precise results will be possible after completing the digital publication of the manuscript in the “Manuscript” portal (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=64>).

Key words: Tolstovskii Apostolus, morphology, textology, noun, archaisms, innovations.

References

Alekseev A. A. Soobrazheniya o kriticheskom izdanii slavyanskogo Apostola. *Slavyanskii Apostol: Istorija teksta i yazyk*. Ed. by M. Bobrik. München — Berlin — Washington, D. C., 2013, pp. 197–206.

Amfilokhii [Sergievskii], arkhim. *Drevneslavyanskii Karpinskii apostol XIII v.* Moscow, 1885–1888.

Apostol. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 3. 2009. (In Russ.) Available at http://www.pravenc.ru/text/75708.html#part_2 (accessed 15.07.2016).

Cleminson R. Kolichestvennyi metod v tekstologii (na materiale Sobornykh poslanii). *Slavyanskii Apostol: Istoriya teksta i yazyk*. Ed. by M. Bobrik. München — Berlin — Washington, D. C. 2013. Pp. 31–61.

Drevnerusskaya grammatika XII–XIII vv. Moscow, 1995.

Khristova-Shomova I. *Sluzhebnyiat Apostol i slavyanskata rĕkopisna traditsiya. Vol. I. Izsledvane na bibleiskiia tekst.* Sofiya, 2004.

Krivko R. N. *Ocherki yazyka drevnikh tserkovnoslavyanskikh rukopisei.* Moscow, 2015.

Krys'ko V. B. *Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo yazyka.* Moscow, 1994.

Novak M. O. K kharakteristike yazykovoi spetsifiki Tolstovskogo Apostola XIV v. (RNB. Q.p. I.5). *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* №1 (51), 2013, pp. 85–88.

Novak M. O., Polozkova Ya. A. Imena sushchestvitel'nye konsonantnogo skloneniya v Khristinopol'skom apostole XII veka. *El'Manuscript-2016. Materialy mezhd. nauch. konf. Vil'nyus, 22–28 avgusta 2016* [Proc. Int. Symp. "El'Manuscript-2016", Vilnius, August 22–28 2016] (in print).

Novyi Zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista. Fototipicheskoe izdanie Leontiya, mitropolita Moskovskogo. Moscow, 1892.

Obstoyatel'noe opisanie slavyano-rossiiskikh rukopisei, khranyashchikhsya v Moskve v biblioteke ... grafa Fedora Andreevicha Tolstogo. Ed. K. Kalaidovich, P. Stroeve. Moscow, 1825.

Shul'ga M. V. *Razvitie morfologicheskoi sistemy imeni v russkom yazyke.* Moscow, 2003.

Slovník jazyka staroslověnského / Lexicon linguae palaeoslovenicae. Vols. I–IV. Eds. Z. Hauptová, J. Kurz. Praha, 1966–1997.

Vaillant A. *Manuel de vieux-slave.* Institut d'études slaves, 1964. 369 p. (Russ. ed.: Байан А. *Rukovodstvo po staroslavyanskomu yazyku.* 4th ed. Moscow, LKI, 2007).

Voskresenskii G. A. *Drevnii slavyanskii perevod Apostola i ego sud'by do XV v.: Opyt issledovaniya yazyka i teksta slavyanskogo perevoda Apostola po rukopisyam XII–XV vv.* Moscow, 1879.

Voskresenskii G. A. *Drevneslavyanskii Apostol.* Vol. 1–5. Sergiev Posad, 1892–1908. 3 vols.

Zholobov O. F. *Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie faktory v istorii slova (na materiale imen sushchestvitel'nykh).* Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Lexical, semantic, and grammatical factors in word history (on material of nouns). Abstract of PhD Thesis]. Leningrad, 1988.

Zholobov O. F., Krys'ko V. B. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. Vol. II: Dvoistvennoe chislo.* Moscow, 2001.

Я. А. Пенькова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

penkovajanine@gmail.com

СЕМАНТИКА СЛАВЯНСКОГО ВТОРОГО БУДУЩЕГО И НЕКОТОРЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ*

В статье на материале древних и современных славянских языков рассматриваются основные темпоральные и модальные функции славянского второго будущего, выявляются причины и направления семантической эволюции перифразы в славянских языках на фоне типологически сходных явлений в других европейских языках. Славянское второе будущее полифункционально. *Предшествование в будущем* является не инвариантным значением перифразы, но лишь одной из ее темпоральных функций. Выделяется три основных функции: предшествование в будущем, следование в будущем, предположение о событии в прошлом, а также отмечаются единичные случаи, в которых перифраза может вступать в семантическую зону ирреальной модальности. Ключевая роль в семантике и в эволюции второго будущего принадлежит импликатурам, конвенционализация которых служит источником полифункциональности перифразы и определяет различные направления эволюции второго будущего в истории славянских языков. Выделяются два основных пути семантической эволюции второго будущего. Первый путь предполагает размывание результирующей семантики и переосмысление второго будущего как обычного аналитического будущего. Этот путь характерен для западнославянских языков и западной части южнославянских языков и диалектов: древнечешского, некоторых говоров словацкого языка, словенского, северо-западных диалектов сербохорватского, и, вероятно, польского языка. Напротив, для восточной части южнославянских и, отчасти, восточнославянских языков характерно развитие модально-эвиденциальных значений, в дальнейшем возможно переосмысление вспомогательного глагола как маркера предположительности и его распространение на другие темпоральные формы (болг. *ще (да)*, рус. *буде*). Русский язык впоследствии утрачивает как саму граммему второго будущего, так и ее реликты.

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 15-04-00283).

Ключевые слова: второе будущее время, будущее время перфекта, результативность, модальность, потенциальность, ирреальность, грамматическая семантика, история славянских языков.

Возникновение на славянской почве перифразы со значением результативности в будущем, структурно и семантически устроенной подобно перфекту и плюсквам-перфекту, восходит еще к праславянскому периоду. Семантика славянского второго будущего всегда вызывала большой интерес, однако до сих пор не существует исследования, в котором были бы учтены данные всех славянских языков в синхронии и диахронии. В монографии Х. Кржижковой второе будущее рассматривается только на материале западнославянских языков, старославянского и древнерусского [Křížková 1960: 76–108, 156–173]. Ценные данные о географии распространения и структурных разновидностях второго будущего в славянских языках и диалектах содержит обзорная статья К. Рёслера, не затрагивающая, однако, семантики данной структуры [Rösler 1952: 103–149]. Существенный вклад в изучение данного вопроса должно внести еще не завершённое диссертационное исследование соотрудницы Кильского университета Яны Мовчан [Movchan (manuscript)]².

Типологические исследования второго будущего также отсутствуют, несмотря на то, что футурум экзактум есть во многих европейских языках, а также существовало в латыни и древнегреческом. Однако авторы монографий «Future Times, Future Tenses» [De Brabanter, Kissine, Sharifzadeh 2014] и «The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world» [Bybee et al. 1994] обошли вниманием данную структуру; в [Bybee et al. 1994: 54] указывается только, что будущее время перфекта рассматривается в одном ряду с перфектом. Тем самым авторами обеих монографий один из источников возникновения футурума остался незамеченным.

Уже вторую сотню лет в лингвистической литературе не умолкает спор о том, следует ли считать славянское второе будущее формой наклонения или времени (ср. также дискуссию и обзор библиографии по более широкой проблеме — особого статуса футурума в системе времен в [De Brabanter, Kissine, Sharifzadeh 2014: 1–18]). Фактически эта же проблема лежит в основе разногласий по поводу грамматической семантики славянского второго будущего. Здесь можно выделить два основных подхода, которые условно назовем *темпоральным* и *модальным*. В рамках *темпорального* подхода модальность исключается из грамматического значения перифразы. В рамках *модальной* концепции в грамматическую семантику второго будущего включают модальный компонент или — шире — рассматривают структуру как одно из наклонений. К сторонникам первой концепции можно отнести А. Вайана [Vaillant 1957], Х. Кржижкову [Křížková 1960: 76–108, 156–173], Р. Вечерку [Večerka 1993: 180], Х. Андерсена [Andersen 2006a], З. Хауптову [Hauptová 2008: 100], к сторонникам второй — П. Выскочила [Vyskočil 1956], Г. А. Хабургаева [Горшкова, Хабургаев 1997: 316–319], А. А. Зализняка [Зализняк 1995: 159; 2004: 134, 177] (см. также

² Автор благодарит Яну Мовчан за ценную информацию об употреблении второго будущего в современном литературном сербохорватском языке.

обзор отечественной библиографии по теме в [Пенькова 2014: 150–184]). При этом Х. Кржижкова, З. Хауптова и Р. Вечерка склонны рассматривать перифразу не как грамматикализованное второе будущее, а как синтаксическое сочетание.

В настоящей работе предлагается функциональный подход к описанию семантики славянского второго будущего (ср. работу Ж. Леписье, выделявшего у второго будущего три типа употребления, которые можно условно назвать *темпоральным*, *модальным* и *эвентуальным* [Lépissier 1960: 90–100]). Функциональный подход позволяет не только избежать одностороннего взгляда на грамматическую семантику перифразы, но и предложить вероятные пути возникновения переносных значений у славянского второго будущего.

Сторонники *темпоральной* концепции, очевидно, не без оснований полагают, что модальный компонент во многих употреблениях (далеко не во всех) следует признать контекстуальным, однако важность этого модального компонента справедливо подчеркивают приверженцы *модальной* концепции, поскольку без учета этого контекстуального наращения оказывается невозможным объяснить дальнейшую эволюцию структуры. В этом отношении еще более показательна ситуация в некоторых романских языках, в особенности — в латыни и современном французском. Так, в средневековой латыни формы *futurum exactum* стали смешиваться с формами конъюнктива, поскольку совпадали семантически и структурно во всех формах, кроме 1 л. ед.ч. [Бурсье 1952: 191; Дынников, Лопатина 1975: 62]. Отчасти сходная ситуация формируется и в современном французском, в котором *futur antérieur* начинает смешиваться с кондиционалом в первом лице единственного числа³.

В современном языкознании второе будущее принято рассматривать и описывать в одном ряду с другими относительными временами, ориентированными не на момент речи, а на другой дейктический центр, задаваемый контекстом. Х. Рейхенбах называет этот дейктический центр моментом референции (*point of reference*), который у второго будущего всегда находится в будущем, тогда как само событие может следовать, предшествовать или быть одновременным моменту речи [Reichenbach 1947: 287–298]. Эту же особенность второго будущего описывает и Б. Комри в разделе, посвященном абсолютно-относительным временам, показывая, что информация о том, когда имеет место событие (до момента, речи, после или одновременно) не входит в темпоральное значение второго будущего, а принадлежит области имплицатур [Comrie 1985: 69–72]. На подобное свойство плюсквамперфекта — «дискурсивной категории *par excellence*» — указывает П. В. Петрухин [2008: 213–240]. Второе будущее в этом отношении сходно с плюсквамперфектом, поскольку значение обеих структур невозможно установить без учета широкого контекста. Имплицатурам в семантике второго будущего, очевидно, принадлежит ключевая роль, именно их конвенционализация является источником полифункциональности перифразы и определяет различные направления эволюции второго будущего в истории славянских языков. Рассмотрим основные темпоральные и модальные функции славянского второго будущего.

³ На смешение форм 1 л. ед. ч. кондиционала и второго будущего в современной французской разговорной речи автору указал в устном сообщении Оливье Азам.

1. Предшествование в будущем (предбудущее). Классическое определение семантики второго будущего, которым начинается, как правило, любой раздел грамматики, посвященный данной структуре, — предшествование одного действия в будущем другому (ср.: [Večerka 1993: 180]). Эта функция в иерархии функций второго будущего занимает в грамматических описаниях первое или вовсе единственное место и может быть проиллюстрирована примерами (1)–(3) из старославянских, древнерусских и древнечешских памятников:

(1) **ТОЛИ ПОТОМЪ ДА ПРИАТЪ БЪДЕТЪ ВЪ СВОЕ ОТЕЧЕСТВО АШТЕ БЪДЕТЪ ПРАВЕДНО ПОКААЛЪС<А>** ‘так что потом пусть будет принят в свое отечество, если окажется, что он праведно покался (букв.: будет праведно покаявшимся)’ [Sin. Euch. 102a–11] — ср. в лат. форма *futurum exactum*: si bene *egerit* penitentiam [Зап. св. отец, 173];

(2) **И МЛТВА ВЪРНА СПСЕТЪ БОЛЪЩАГО, И ИСЦЪЛИТЬ И ГЪ, И АЩЕ ГРЪХУ БУДЕТЬ СЪТВОРИЛЪ, УТДАДАТЬСЯ ЕМОУ** ‘и молитва веры спасет больного, и исцелит его Господь, и если окажется, что он совершил грехи (будет совершившим грехи), то они будут отпущены’ (Иак. 5, 15) [Апост. Христ.: 79], ср. греч.: *kān āmartias ἡ πελοπικῶς ἀφεθήσεται αὐτῷ*;

(3) **аč zrno žitné v zemi umrlo nebude, to samo ostane, pak-li umrlo bude, mnohý plod přinese** ‘если зерно пшеничное в земле не умрет (станет умершим), то останется одно, если же умрет, принесет большой урожай’ (Jan. 12, 24) EvZimn. [Gebauer 1958: 426] — в лат. также *futurum exactum*: nisi granum frumenti cadens in terram *mortuum fuerit* ipsum solum manet, si autem *mortuum fuerit* multum fructum adfert.

2. Следование в будущем. Довольно широко представлена в славянских языках и функция следования в будущем. Второе будущее здесь выступает в роли аналога перфекта (т. н. *ослабленного результата* [Плунгян 2011: 389]), отнесенного в план будущего, ср. примеры (4)–(6) из старославянских, древнерусских и древнечешских памятников:

(4) **АШТЕ НА ТО СТВОРИМЪ, ВЛАДЫКЫ ПОДРАЖАЛИ БЪДЪМЪ** ‘если мы это совершим, то тем самым мы подражали (окажется, что мы подражали) Владыке’ [Супр.: 379, 11], в греч.: *Kān mēn toūto chrīswmeθα, tōn Deσlōtḗn ἐξῆλώσαμεν*;

(5) **СНОУ, АЩЕ ПРЕ(Д) ЦРМЪ ДРУГА СВОЕГО РАДИ ПОМОЩНО СЛОВО РЕЧЕШИ, И БЪДЕШИ АКО Ш ОУСТЪ ЛВОВЪ ИЗЪТЛАЪ ВЪЧА НОСИМО** ‘сын, если перед царем ради своего друга произнесешь слово в защиту, то окажется, что ты как бы из пасти львов отбил овцу’ [Пов. об Акире: 77];

(6) **shřěši-li v tobě bratr tvój, jdi a treskci jej, uposlúchá-li tebe, získal budeš** (лат.: *lucratus eris*) bratra tvého ‘согрешит ли против тебя брат твой, иди и обличи его, послушает ли тебя, значит, тем самым окажется, что ты приобрел брата своего’ (Mat. 18, 15) EvZimn. [Gebauer 1958: 426].

Очевидно, что в примерах (4)–(6), в отличие от (1)–(3), в фокусе лишь результативность, отнесенная в план будущего. Рассматриваемая перифраза употреблена не в протазисе, как в (1)–(3), а в аподозисе и используется для обозначения следствия или вывода (ср. франц. *futur de conclusion*). Благодаря употреблению второго будущего в подобных контекстах, следствие или вывод могут быть переосмыслены как то, что следует не только логически, но и хронологически: ‘вывод,

следствие' → 'следование в будущем' → 'футуральность'. В таком употреблении второе будущее обнаруживается уже в древнерусских, древнечешских и древнехорватских памятниках:

(7) **аще ли хоцеши да предамъ кго дѹхови нечистѹ бѹдетъ ходилъ бѣсѣса** 'если хочешь, я предам его нечистому духу, и он будет ходить (букв. станет ходивший), бесясь', в греч. *ἔσται περιάγων δαιμονιζόμενος*, букв. 'будет ходящий кругом, будучи одержимым' [ЖАЮ, 3410–3411];

(8) **máš umřieti, i budeš pykal** *Hod. 84b* 'ты должен будешь умереть и будешь страдать' [Gebauer 1958: 427];

(9) **Vuci budu polak jancev bivati i leopardi z kozliči ležali** 'волки будут рядом с ягнятами жить и леопарды с козлятами лежать' (*Is. XI, 6*) *Vet. Test.* [Jagić 1897 : 19] — в лат.: *habitabit lupus cum agno et pardus cum hedo accubabit vitulus.*

В древнечешской письменности второе будущее преобладает именно в таком употреблении, синонимичном более частотной перифразе *budu + Inf.*, постепенно вытесняющей конструкцию с *l*-причастием [Křížkova 1960: 92–100]. В памятниках словенского языка рассматриваемая перифраза уже с XVI в. функционирует исключительно как аналитическое будущее для глаголов несовершенного и совершенного вида [Rösler 1952: 120; Дуличенко 2005: 214].

Несколько иначе обстоит дело в польском. Здесь, как и в древнечешском, уже с XIV века сосуществуют две перифразы: с инфинитивом и с *l*-причастием [Słoiński 1953: 108]. В древнепольском, в отличие от древнечешского, обе структуры употребляются только с глаголами несовершенного вида. Этот факт, а также некоторые другие особенности употребления *będzie* с *l*-причастием в древнепольских памятниках (к примеру, более позднее вовлечение причастных форм женского и среднего рода [Whaley 2000: 50]), заставляют некоторых исследователей склониться к предположению, что польское будущее *będzie* с *l*-причастием не является прямым потомком праславянского второго будущего, а представляет собой более позднюю инновацию [Błaszczak, Jabłońska, Klimek-Jankowska, Migdalski 2014: 186]. Однако в этом случае мы вынуждены будем признать, что в древнепольском языке, в отличие от других славянских языков, имеющих раннюю письменную традицию, структура, восходящая к праславянскому второму будущему, утратилась чрезвычайно рано, не оставив никаких следов. Напротив, в случае признания ее родства с праславянским вторым будущим, перифраза *będzie + -l* окажется в одном ряду с аналогичными структурами в других западно- и юго-западнославянских языках, в которых праславянское второе будущее эволюционировало в аналитическое будущее на том или ином этапе истории языка (см. также ниже).

Неясным является происхождение перифразы *budu + -l* в восточнословацких говорах и юго-западных говорах украинского языка [Rösler 1952: 123; Andersen 2006b: 18]. Вероятнее всего, следует признать структуру заимствованием из польского, однако не исключено и параллельное независимое развитие перифразы в данных идиомах: так, на существование второго будущего в среднесловацких говорах указывает Ф. Травничек [Trávníček 1935: 422].

В чакавском диалекте сербохорватского перифраза также употребляется в функции будущего времени [Rösler 1952: 118]. Значительно реже употребления второго будущего в данной функции встречаются в современном литературном сербохорватском и болгарском, ср. примеры (10) и (11):

(10) Pre nego što budem pošla, javiću vam se ‘прежде чем уйти, я зайду к вам’ [Kunzmann-Müller 1994: 54];

(11) Тъкмо ще съм си починал, когато ратниците на брат ми ме открият и ми прережат гърлото ‘только я буду отдыхать [тогда], когда воины моего брата меня найдут и мне перережут горло’ [Krum Bachvarov. Pridvorniyat ubiets. Kniga 1. Tronat 2001].⁴

Типологически сходна эволюция структуры, восходящей к латинскому *futurum exactum*, но впоследствии утратившей перфектную семантику, в далматинском языке [Бурсье 1952: 191]; по этому же пути, по-видимому, пошло и древнегреческое *завершенное будущее* (ὁ συντελεσμένος μέλλοντας), употреблявшееся для обозначения события, следующего за другим событием в будущем [Matthiae 1837: 835; Caragounis 2004: 272], ср.:

(12) ἄμα ταῦτα ποιούτων ἡμῶν εὐθὺς Ἀριαῖος ἀφεστήξει ‘как только мы это сделаем, Ариэй сразу же отложится’ (Ксенофонт. «Анабасис», II.4.5) [Caragounis 2004: 272].

3. Предположительность в прошлом. Болгарский *презумптив*, употребляющийся для обозначения предположения говорящего о событиях в прошлом и образующийся с помощью частиц *ще (да)* в соединении с презенсом или перфектом, восходит соответственно к модальным употреблениям будущего первого и будущего второго, т. е. современный болгарский демонстрирует более продвинутый этап эволюции второго будущего, на котором происходит *расщепление* структуры в соответствии с разными функциями: второе будущее продолжает употребляться в функции предбудущего, тогда как для контекстов со значением предположительности в прошлом в языке формируется новая структура, омонимичная первой (об употреблении болгарского презумптива см. [Ницолова 2008: 329]), ср.:

(13) [*ще* + перфект]: Някой влашки циганин ще е бил — помисли си той, като си спомни, че цигани-катунари бяха минали през селото ‘вероятно, это был какой-нибудь румынский цыганин, — подумал он, когда вспомнил, что цыгане ранее проезжали через село’.

Впоследствии же *ще (да)* начинает переосмысляться как маркер предположительности и распространяется на другие темпоральные формы [Там же]. Аналогичным образом ведет себя и вспомогательный глагол *буду* из перифразы *буду* + *л*-форма в среднерусском языке, утрачивая предикативность (подробно об утрате предикативности вспомогательным *будет* и его переходе в разряд служебных слов см. [Пенькова 2012: 10–11; 2010: 208–215]) и эволюционируя в дальнейшем в говорах в модальную частицу со значением предположительности *буде* (ср. пример 14 из северных говоров):

(14) *вот там одна женщина купила дом и вторые... там две семьи... третьей буде дом купил* [Пожарицкая 2010: 122].

⁴ Контекст взят из Болгарского национального корпуса <http://search.dcl.bas.bg/>

Типологически сходно с данным употребление второго будущего в некоторых других европейских языках (о модальном употреблении немецкого второго будущего см. [Шендельс 1970: 77], французского — [Шишова 2014: 4]), не имеющих, однако, модальных частиц, которые восходили бы к вспомогательным глаголам, участвующим в образовании второго будущего; ср. примеры (15)–(16):

(15) Er ist eine recht eigenartige Erscheinung, das werden Sie ja selbst gemerkt haben ‘поистине он уникальное явление, это Вы, вероятно, и сами заметили’ (пример из работы [Шендельс 1970: 77]);

(16) Pour atteindre son objectif, il aura dépensé pas moins de deux milliards d'euros en neuf ans... ‘Для достижения своей цели, он, наверное, потратил не менее двух миллиардов евро за девять лет’⁵.

В старославянских текстах данная функция второго будущего представлена единственным примером (17), в древнерусских — бóльшим числом контекстов, однако также нечастых, ср. пример (18). Для древнечешских текстов эта функция второго будущего, по-видимому, не была характерна вовсе:

(17) ѣда бѣдетъ сльггаль приходивыи. почто ми гнѣвити ѡзыкѣ старцу ‘вдруг окажется, что приходивший солгал, зачем же мне гневить старика’ [Супр.: 239, 25], ср. греч.: Εἰ γὰρ ἄρα ἐψεύσατο ὁ ἐλθὼν, τί τέως καθ’ ἑαυτῆς ἐρετίζω τῆν γλῶτταν τοῦ γέροντος;

(18) Снѣ, аще члѣк въ оубожествѣ оукрадетъ, то прочее помилѡи его, зане не онъ то створилъ: оубожество принѡдило и бѣдетъ ‘сын, если человек в бедности украдет, то помилуй его: должно быть, нищета вынудила его’ [Пов. об Акире: 83].

Употребления второго будущего для маркирования предполагаемых событий в прошлом могут быть также объяснены конвенционализацией одной из импликатур: ‘в будущем окажется, что имеет/ имел место (результат) P’ → ‘в момент речи неизвестно, имеет/имело ли место P’ → ‘предположительно, имело/имеет место P’. Отсюда остается всего один шаг до семантической зоны ирреальной модальности.

4. Ирреальная модальность. Самой редкой функцией второго будущего в древнеславянских текстах (единичные примеры в древнерусских оригинальных текстах и в древнерусских списках церковнославянских текстов) является обозначение ирреальной модальности, а точнее т. н. «отрицательной» ирреальности («невозможной возможности»), противопоставленной «положительной» ирреальности («возможной возможности») [Князев 2007: 145–148], или потенциальности, которую иногда рассматривают в рамках индикатива [Бондарко 1990] и маркирование которой как раз и является одной из основных функций второго будущего (ср. выше, а также ср. эвентуальную функцию, выделенную Ж. Леписье у старославянского второго будущего). Данный тип употребления может быть рассмотрен самостоятельно или же как частный случай более общей функции предполагаемого действия в прошлом, ср. (19) и (20):

(19) ты еси молодъ а поѣди прочь и нас позорѹи како ны бѣдетъ ѡць твон кормилъ и любилъ а хочемъ за ѡца твоего чсть и за твою головы своа сложити ‘ты

⁵ В примерах 15–16 приведен перевод А. Шишовой [2014: 10–11].

молод, так что поезжай прочь и наблюдай за нами, так как твой отец нас кормил бы и любил, то мы сложим свои головы за честь твоего отца и за твою' [КЛ, 167 об. — 168, 1153 г.] — речь идет об уже умершем отце юного князя Ярослава Владимировича Галицкого;

(20) ...и не вышю прокуженію акы прокоуженіе сътвори(въ) по правдѣ соудит сѧ. в немже оуже и та ѡ блудѣ не въ кривиноу оклеветаемѧ с нимъ ѡбращеть сѧ. Како бо въроуемъ еи како втриноула боуде прокоуженіѧ ѡт блуднаго того приносимоу язвѡу, не пришедшю вроужню? 'и если не было осквернения, [он] судится, как если бы он действительно его сотворил, и в этом и та [женщина] окажется с ним не несправедливо обвиняемой, ибо как мы можем верить ей, что она бы отвергла вызываемую тем блудным язву скверны, если [тогда] не было средств [к совершению греха]?' [De Virg.: 76–77], ср. греч. πῶς γὰρ πιστεύσομεν αὐτῇ, ὅτι ἄλωσατο ἄν τὴν τῆς φθοράς... πληγῆν.

В данном случае перед нами контексты, в которых представлена синонимия второго будущего с кондиционалом. Такое же размывание четкой системы однозначного соответствия временных форм и наклонений их прототипическим функциям характерно и для плюсквамперфекта в современных славянских языках; о плюсквамперфекте, способном выступать в роли функционального аналога перфекта, имперфекта и кондиционала в украинском и болгарском, см. в работе [Movchan 2015: 130].

Некоторые выводы

Славянское второе будущее полифункционально и благодаря различным импликатурам, порождаемым в контексте, имеет различную судьбу в славянских языках. Выделяется два основных пути семантической эволюции второго будущего. Первый путь связан с утратой результативной семантики и изменением второго будущего в обычное перифрастическое будущее на основе семантического перехода 'результативность в будущем' → 'вывод, следствие' → 'следование в будущем' → 'футуральность'. По этому пути пошли западнославянские языки и западная часть южнославянских языков и диалектов: древнечешский, некоторые говоры словацкого языка, словенский, северо-западные диалекты сербохорватского (современные кайкавские говоры), а возможно, и польский язык.

Иное направление эволюции второго будущего, характерное прежде всего для восточной части южнославянских и восточнославянских языков, — развитие модально-эвиденциальных значений на основе импликатуры 'результат в будущем' → 'неизвестность в момент речи' → 'предположительность'. Это, прежде всего, болгарский *презумтив*, а также особая конструкция «футурум от *biti* + перфект» в сербохорватском языке, выражающая предположение по поводу событий в прошлом. Впоследствии вспомогательный глагол в употреблении подобного рода может переосмысляться как маркер предположительности и распространяться на другие темпоральные формы, ср. *ще (да)* в болгарском и возникновение из вспомогательного глагола второго будущего модальной частицы со значением предположительности *буде* в истории русского литературного языка и в диалектах.

Русский язык семантически оказывается сходен, с одной стороны, с южнославянскими, поскольку в нем вспомогательный глагол *будет* становится источником модальной частицы *буде*, употребляемой в говорах. Однако со структурной точки зрения русский язык подобно западнославянским языкам утрачивает граммему второго будущего в системе времен глагола.

Литература

Апост. Христ. — "Христинопольский" (или "Городисский") апостол // *Kalužniacki Aem. Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christianopolitani saeculo XII-o scripti. Vindobonae, 1896.*

Болгарский национальный корпус [электронный ресурс]

URL: <http://search.dcl.bas.bg/>

Бондарко А. В. Реальность/ирреальность и потенциальность. // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 72–79.

Бурсье Э. Основы романского языкознания / Перевод с четвертого французского издания Т. В. и Е. В. Вентцель. Под ред. Михальчи Д. Е. М., 1952.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

Дуличенко А. Д. Словенский язык // Языки мира: Славянские языки. М., 2005. С. 198–233.

Дынников А. Н., Лопатина М. Г. Народная латынь. М., 1975.

ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Зап. св. отец — Максимович К. А. Заповѣди святыхъ отецъ. Латинский пенитенциал VIII века в церковнославянском переводе. М., 2008.

КЛ — Киевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Кречмер А. Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) // Языки мира: Славянские языки. М., 2005. С. 139–197.

Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008.

Пенькова Я. А. Будеть как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII–XV веков) // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой. М., 2010. С. 208–215.

Пенькова Я. А. Финитные образования от основы *буд-* в языке памятников русской письменности XII — первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Пенькова Я. А. К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 150–184.

Петрухин П. В. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Под ред. Гусева В. Ю., Плунгяна В. А., Урманчиевой А. Ю., М., 2008. С. 213–240.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Пов. об Акире — Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. М., 1913.

Пожарицкая С. К. Модальные слова, производные от глаголов БЫТЬ, БЫВАТЬ, в севернорусской диалектной речи // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 103–131.

ПОС 1973 — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 2. Л., 1973.

Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Т. II. Београд, 1986.

Супр. — Заимов Й., Капалдо М.. Супраслјски или ретков сборник. Т. I–II. Софија, 1982.

Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.

Шишова А. Д. Дискурсивный анализ функционирования глагольных форм в современном французском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

Andersen H. Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // Change in verbal systems. Issues in explanation / Ed. by Kerstin Eksell and Thora Vinther. Bern, 2006.

Błaszczak J., Jabłońska P., Klimek-Jankowska D., Migdałski K. The riddle of ‘future tense’ in Polish // Future times, future tenses / Ed. by De Brabanter Ph., Kissine M. and Sharifzadeh S.. Oxford, 2014. p. 165–204.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago and London, 1994.

Caragounis C. C. The Development of Greek and the New Testament. Tübingen, 2004.

Comrie B. Tense. Cambridge, 1985.

De Brabanter Ph., Kissine M., Sharifzadeh S. Future tense vs. future time: An introduction // Future times, future tenses / Ed. by De Brabanter Ph., Kissine M. and Sharifzadeh S. Oxford, 2014. P. 1–25.

De Virg. — De Virginitate de saint Basile. Texte vieux-slave et traduction française par A. Vaillant. Paris, 1943.

Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. II. Časování. Praha, 1958.

Hauptová Z. Tak zvané futurum exactum v staroslověnském překladu Besěd Řehoře Velikého // Varia Slavica. Sborník příspěvků k 80. narozeninám Radoslava Večerky. Praha, 2008. P. 95–101.

Jagić V. Veteris Testamenti prophetarum interpretatio istro-croatica saeculi XVI. Wien, 1897.

Křížková H. Ještě k staroslověnskému сътвориць бѣдѣ // Slavia. Roč. 26. 1957. P. 500–505.

Křížková H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvl. ruštině. Praha, 1960.

Kunzmann-Müller B. Grammatikhandbuch des Kroatischen und Serbischen. Frankfurt am Main, 1994.

Lépissier J. Le futur antérieur en vieux slave // Revue des études slaves. T. 37. 1960. P. 90–100.

Matthiae A. A Copious Greek Grammar transl. from the German by E. W. Blomfield, M. A. Vol. II. London, 1837.

Movchan Ya. Das Plusquamperfekt im Ukrainischen im Vergleich zum Bulgarischen // Anzeiger für slavische Philologie. 41. 2015. S. 109–131.

Movchan Ya. Vergleichende Analyse der Verbalsysteme in den slawischen Sprachen. [manuscript].

Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. New York, 1947.

Rösler K. Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slawischen // Wiener slawistisches Jahrbuch. Bd. 2. 1952. S. 103–149.

Sin. Euch. — J. Frček. Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française // Patrologia Orientalis. T. 24. Paris, 1933; T. 25. Paris, 1943.

Słoński S. Historia języka polskiego w zarysie. Warszawa, 1953.

Trávníček F. Historická mluvnice československá. Praha, 1935.

Vaillant A. Chronique: Généralités // Revue des études slaves. T. 34. 1957. P. 173.

Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Freiburg i. Br., 1993.

Vyskočil P. Staroslověnské сътвориць бѣдѣ // Slavia. Roč. 25. 1956. S. 260–261.

Whaley M. L. The Evolution of the Slavic 'BE(COME)'-Type Compound Future. PhD Dissertation / The Ohio State University, 2000.

Yana A. Pen'kova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

SEMANTICS OF THE SLAVIC FUTURE PERFECT AND SEVERAL TYPOLOGICAL PARALLELS

The article deals with the main temporal and modal functions of the Slavic future perfect, and reveals the evolutionary routes and their reasons, based on the material of old and modern Slavic languages, involving some similar typological phenomena of other European languages. The Slavic future perfect is polyfunctional. *Anteriority in the future* appears not as its invariant meaning, but only as one of its temporal functions. The author distinguishes three main functions: 'anteriority in the future', 'posteriority in the future' and 'assumption about an event in the past', as well as some isolated cases which show that the

periphrasis can even enter the semantic area of irreality. The key role in the semantics and in the evolutionary routes of the Slavic future perfect belongs to conventionalized implicatures, which serve as a source for its polyfunctional character and determine its different routes of change in the history of Slavic languages. Two main evolutionary routes can be established. The first one is determined by the loss of the resultative function and by the interpretation of the future perfect as a non-resultative periphrastic future. This change is typical of the West Slavic languages and the western part of the South Slavic languages and dialects: Old Czech, some Slovak dialects, Slovenian, north-western dialects of Serbo-Croatian and probably Polish. On the contrary, the eastern parts of the South Slavic languages and, to some extent, the East Slavic Languages, share the evolutionary route that leads to the development of modal and evidential meanings. It may subsequently cause the interpretation of the future perfect auxiliary as a presumptive marker and its expansion to other temporal structures (Bulg. *shte(da)*, Russ. *bude*). The Russian language, in the later course of its history, loses the future perfect grammeme, as well as its relicts.

Keywords: future perfect, resultativity, modality, potentiality, irreality, grammatical semantics, Slavic languages history.

References

Andersen H. Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence. *Change in verbal systems. Issues in explanation*, ed. by Eksell K. and Vinther T. Bern, 2006.

Błaszczak J., Jabłońska P., Klimek-Jankowska D., Migdalski K. The riddle of 'future tense' in Polish. *Future times, future tenses*. Ed. by De Brabanter Ph., Kissine M. and Sharifzadeh S. Oxford, 2014. pp. 165–204.

Bolgarskii natsional'nyi korpus [Bulgarian national corpus] available at: http://www.ibl.bg/BGNC_bg.htm

Bondarko A. V. Real'nost'/irreal'nost' i potencial'nost'. *Teorija funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of the functional grammar. Temporality. Modality]. Ed. by Bondarko A. V. Leningrad, 1990, pp. 72–79 (in Russ.).

Burs'e E. *Osnovy romanskogo yazykoznaniya*. Moscow, 1952. (Russ. ed. Mikhal'chi D. E. *Perevod s chetvertogo frantsuzskogo izdaniya T. V. i E. V. Venttsel'*).

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago and London, 1994.

Caragounis C. C. *The Development of Greek and the New Testament*. Tübingen, 2004.

Comrie B. *Tense*. Cambridge, 1985.

De Brabanter Ph., Kissine M. and Sharifzadeh S. Future tense vs. future time: An introduction. *Future times, future tenses*. Ed. by De Brabanter Ph., Kissine M. and Sharifzadeh S. Oxford, 2014, pp. 1–25.

De Virg. — *De Virginitate de saint Basile*. Texte vieux-slave et traduction française par A. Vaillant. Paris, 1943.

Dulichenko A. D. Slovenskii yazyk. *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the World: Slavic Languages]. Moscow, 2005, pp. 198–233.

Dynnikov A. N., Lopatina M. G. *Narodnaya latyn'*. Moscow, 1975.

Frček J. *Euchologium Sinaiticum*. Texte slave avec sources grecques et traduction française. *Patrologia Orientalis*, V. 24. Paris, 1933; V. 25. Paris, 1943.

Gebauer J. *Historická mluvnice jazyka českého*. V. III, Tvarosloví. II. Časování. Praha, 1958.

Gorshkova K. V., Haburgaev G. A. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka*. Moscow, 1997.

Grigor'ev A. D. *Povest' ob Akire Premudrom. Issledovanie i teksty*. Moscow, 1913.

Hauptová Z. Tak zvané futurum exactum v staroslověnském překladu Beséd Řehoře Velikého. *Varia Slavica. Sborník příspěvků k 80. narozeninám Radoslava Večerky*. Praha, 2008, pp. 95–101.

Jagić V. *Veteris Testamenti prophetarum interpretatio istro-croatica saeculi XVI*. Wien, 1897.

Kalužniacki Aem. *Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII-o scripti*. Vindobonae, 1896.

Knjazev Ju. P. *Grammaticheskaja semantika. Russkij jazyk v tipologicheskoy perspektive*. Moscow, 2007.

Krechmer A. G., Neveklowski G. *Serbokhorvatskii jazyk (serbskii, khorvatskii, bosniiskii jazyki). Yazyki mira: Slavyanskije jazyki* [Languages of the World: Slavic Languages]. Moscow, 2005, pp. 139–197.

Křížková H. Ještě k staroslověnskému сътворилъ бждж. *Slavia*, no. 26. 1957, pp. 500–505. (in Czech).

Křížková H. *Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvl. ruštině*. Praha, 1960.

Kunzmann-Müller B. *Grammatikhandbuch des Kroatischen und Serbischen*. Frankfurt am Main, 1994.

J. Lépissier. Le futur antérieur en vieux slave. *Revue des études slaves*. 1960, V. 37, pp. 90–100. (in French).

Maksimovich K. A. *Zapovědi svyatykh" ot'st'. Latinskii penitentsial VIII veka v tserkovnoslavyanskom perevode*. Moscow, 2008.

Matthiae A. *A Copious Greek Grammar*, transl. from the German by Blomfield E. W., M. A. V. 2. London, 1837.

Moldovan A. M. *Zhitie Andrey a Yurodivogo v slavyanskoj pis'mennosti*. Moscow, 2000.

Movchan Ya. Das Plusquamperfekt im Ukrainischen im Vergleich zum Bulgarischen. *Anzeiger für slavische Philologie*, no 41. 2015, p. 109–131 (in Germ.).

Movchan Ya. *Vergleichende Analyse der Verbalsysteme in den slawischen Sprachen* [Comparative analysis of the verbal systems in Slavic languages] [manuscript].

Nitsolova R. *Bulgarska gramatika. Morfologiya*. Sofiya, 2008.

Pen'kova Ya. A. Budet' kak istochnik formirovaniya sluzhebnykh slov (na materiale delovykh pamyatnikov XII–XV vekov). *Voprosy russkogo yazykoznanija* [Questions of the Russian linguistics], no. 13. Fonetika i grammatika: nastoyashchee, proshedshee, budushchee. K 50-letiyu nauchnoi deyatel'nosti Sofii Konstantinovny Pozharitskoi. Moscow, 2010, pp. 208–215. (in Russ.)

Pen'kova Ya. A. *Finitnye obrazovaniya ot osnovy bud- v yazyke pamyatnikov russkoi pis'mennosti XII — pervoi poloviny XVI vv. (morfologiya, semantika, sintaksis)*: avtoref.

diss. kand. filol. nauk [Finite forms from the stem bud- in the language of the XIIth — second part of the XVIth century Russian writing (morphology, semantics, syntax): avtoref. PhD diss.]. Moscow, 2012.

Pen'kova Ya.A. K voprosu o semantike t.n. budushchego slozhnogo II v drevnerusskom yazyke (na materiale «Zhitiya Andreyu Yurodivogo»). *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2014, no. 1 (27). S. 150–184. (in Russ.)

Petrukhin P. V. Diskursivnye funktsii drevnerusskogo plyuskvamperfekta (na materiale Kievskoi i Galitsko-Volynskoi letopisei), *Issledovaniya po teorii grammatiki. Issue 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Studies in the Theory of Grammar. Issue 4. Grammatical Categories in Discourse]. Ed. by Gusev V. Yu., Plungyan V. A., Urmanchieva A. Yu.. Moscow, 2008. S. 213–240. (in Russ.)

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira*. Moscow, 2011.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. II. Ipat'evskaya letopis'. Moscow, 2001.

Pozharitskaya S. K. Modal'nye slova, proizvodnye ot glagolov BYT", BYVAT", v severnorusskoi dialektnoi rechi. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2010, no. 1 (19), pp. 103–131 (in Russ.).

Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi. No. 2. Leningrad, 1973.

Reichenbach H. *Elements of Symbolic Logic*. New York, 1947.

Rösler, K. Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slawischen. *Wiener slawistisches Jahrbuch*. V. 2. 1952, S. 103–149. (in Germ.).

Shendel's E. I. *Mnogoznachnost' i sinonimiya v grammatike (na materiale glagol'nykh form sovremennogo nemetskogo yazyka)*. Moscow, 1970.

Shishova A. D. *Diskursivnyi analiz funkcionirovaniya glagol'nykh form v sovremennom frantsuzskom yazyke*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The discourse analysis of the functions of the verbal forms in the modern French language: avtoref. PhD diss.]. Moscow, 2014.

Słoński S. *Historia języka polskiego w zarysie*. Warszawa, 1953.

Stevanovich M. *Savremeni srpskokhrvatski jezik*. T. II. Beograd, 1986.

Supr. — Zaimov I, Kapaldo M.. *Suprasl' 'ski ili retkov sbornik*. V. 1–2. Sofiya, 1982.

Trávníček F. *Historická mluvnice československá*. Praha, 1935.

Vaillant A. Chronique: Généralités. *Revue des études slaves*. V. 34. 1957, pp. 173 (in French).

Večerka R. *Altikirchenslavische (altbulgarische) Syntax*. V. II. Freiburg i. Br., 1993.

Vyskočil P. Staroslověnské сътворилъ бждж. *Slavia*, no. 25. 1956, pp. 260–261 (in Czech).

Whaley, M. L. *The Evolution of the Slavic 'BE(COME)''-Type Compound Future*. PhD Diss. The Ohio State University, 2000.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow, 1995.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. 2-e izdanie, pererabotannoe s uchedom materiala nakhodok 1995–2003 gg. Moscow, 2004.

П. В. Петрухин
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
ppetrukhin@gmail.com

**КОНСТРУКЦИЯ ‘БЫТИ С ПРИЧАСТИЕМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ’
В ЖИТИЯХ БОРИСА И ГЛЕБА
(к вопросу о соотношении «Сказания» и «Чтения»)***

Житие Бориса и Глеба было написано дважды — неизвестным книжником, описавшим гибель братьев в «Сказании о Борисе и Глебе» (позднее к нему добавилось «Сказание чудес», совершенных князьями после смерти), и монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, которому принадлежит «Чтение о житии и погублении блаженных страсотерпцев Бориса и Глеба». Исследователи расходятся в вопросе о том, какое из житий написано раньше, однако несомненно, что они связаны между собой: либо один текст лег в основу другого, либо оба восходят к одному источнику. Анализ употребления конструкции типа *блише хода* может пролить некоторый свет на соотношение двух текстов.

Ключевые слова: древнерусский язык, жития святых, причастные конструкции, глагольная семантика, дискурсивная семантика, текстология.

Одна из особенностей древнерусского цикла произведений, посвященных князьям Борису и Глебу¹, — наличие двух житийных текстов: Сказания страсти и чудес свв. Бориса и Глеба (далее: «Сказание») и Чтения о житии и о погублении блаженных страсотерпцев Бориса и Глеба (далее: «Чтение»). Достоверно известно, что «Чтение» принадлежит перу монаха Киево-Печерского монастыря Нестора.

Хотя два жития порой значительно расходятся в описании обстоятельств гибели князей и совершенных ими чудес, совпадение множества сюжетных и языковых деталей не оставляет сомнений в том, что оба произведения текстологически

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16–18–02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

¹ Борисоглебский цикл включает в себя, помимо «Сказания» и «Чтения», проложные жития, паремийные чтения, похвальные слова и церковные службы.

связаны между собой. Часть из этих совпадений может объясняться тем, что оба текста заимствовали сведения из одного летописного источника (по мнению большинства исследователей, летописный рассказ о гибели Бориса и Глеба древнее житий), однако А. А. Шахматов [1908: 38–40] указал на присутствие в житиях параллельных мест, не имеющих соответствия в летописи.

Следовательно, теоретически возможны три варианта: а) «Чтение» послужило источником для «Сказания»; б) «Сказание» послужило источником для Несторова «Чтения»; в) оба текста восходят к общему не сохранившемуся источнику. При рассмотрении вариантов а) и б) нужно учитывать, что создатели «новых» текстов могли иметь перед глазами не те варианты «Чтения» и «Сказания», которые дошли до нас, а их более ранние редакции.

Спор о том, какой из трех вариантов верен, продолжается в науке уже более ста лет. Исходные гипотезы были сформулированы А. А. Шахматовым [1908: 38–40] и С. А. Бугославским [1914а; 1914б; 2007 (1940)]: первый отстаивал вариант а), второй — вариант б). Позднее, согласившись с рядом аргументов Бугославского, Шахматов [2003 (1916): LXXVII—LXXVIII] отверг идею о зависимости «Сказания» от «Чтения», однако не принял и гипотезу Бугославского, в итоге склонившись к варианту в).

Современные исследователи в основном разделились на сторонников Шахматова и Бугославского. Так, по мнению С. М. Михеева [2009: 115], «автор “Сказания” использовал кроме летописи либо Несторово “Чтение”, либо текст, сходный с “Чтением” <...> Теоретически нельзя исключать, что существовало какое-то раннее житие Бориса и Глеба, ставшее общим источником “Чтения” и “Сказания”». Напротив, А. Тимберлейк полагает, что источником «Чтения» послужило «Сказание», причем в окончательной редакции 1115 г. [Timberlake 2006]. Согласно Н. И. Милютенко [2006: 257], «Нестор опирался на “Сказание страсти” в соединении с ранней редакцией “Сказания чудес”»².

Для сравнительного анализа двух житий существенно, что автор «Чтения» Нестор является также автором Жития Феодосия Печерского (далее: ЖФП). Дело в том, что язык и стиль Нестора отличается множеством ярких индивидуальных особенностей [Бугославский 1914а: 186]. В силу этого сравнение параллельных мест «Сказания» и «Чтения» на фоне текста ЖФП позволяет судить о том, какие отличительные черты «Чтения» можно отнести на счет самого Нестора, а не гипотетического источника.

Одной из характерных особенностей языка Нестора является довольно активное использование сочетания глагола *быти* с причастием (например, *блише хода*).

Конструкция эта исключительно книжная. В качестве калки с греческого она широко представлена в церковнославянских переводах Библии (как Ветхого, так

² «Сказание страсти» — рассказ об убийстве князей, «Сказание чудес» — рассказ о чудесах, совершенных ими после смерти. Созданные независимо друг от друга, эти два рассказа впоследствии были соединены в рамках анонимного «Сказания» [Бугославский 1914а; 1914б; Порпе 1969а; 1969б].

и Нового Завета). Восточнославянские книжники, усвоившие данную конструкцию из переводной письменности, применяли ее в оригинальных произведениях. Конструкция включает вспомогательный глагол *быти* в форме настоящего, прошедшего (обычно имперфекта или имперфективного аориста, реже — обычного аориста) или будущего времени и активное причастие настоящего времени (обычно краткое, реже членное). В большинстве случаев она передает значение хабитуалиса или прогрессива. Поскольку рассматриваемое сочетание не имеет устойчивого терминологического обозначения, я предлагаю называть его *перифрастической причастной конструкцией* [Петрухин (в печати)]³.

К перифрастической конструкции формально и семантически близки два типа сочетаний: 1) глагол *быти* с п а с с и в н ы м причастием настоящего времени; 2) глагол *пребыти/ пребывати* с активным (реже пассивным) причастием настоящего времени. Эти сочетания встречаются в текстах реже, чем перифрастическая конструкция.

Подробный анализ употребления перифрастической конструкции в ЖФП дан в [Петрухин (в печати)]. Его основные результаты таковы. В ЖФП конструкция используется очень активно — например, в 2,5 раза чаще, чем в Повести временных лет (далее: ПВЛ)⁴. Образцом для употребления служил Новый Завет (прежде всего, Евангелие от Луки и Деяния Апостолов, где конструкция наиболее частотна). Как в греческом, так и в древнерусском перифрастическая конструкция с аспектуальной точки зрения, как правило, синонимична имперфекту. Предпочтение перифрастической конструкции перед имперфектом отдается в тех случаях, когда требуется подчеркнуть значительность некоторого события; при этом перифрастическая конструкция либо непосредственно обозначает данное событие, либо указывает на его приближение (в последнем случае, по формулировке К. Джонсона, “the presence of the periphrastics brings a sense of expectation that the stage is being set for an important event” [Johnson 2010: 56]).

В ЖФП перифрастическая конструкция используется в тех же типах контекстов, что и новозаветная форма. В большинстве случаев речь идет о чуде (ср. примеры 1, 2) или о приближении чуда (ср. примеры 3, 4):

(1) и видѣша свѣтъ пречюднѣ въ цркви соущѣ и блгооуханиѣ исхожаше отъ цркви. анѣли бо бѣша поюще въ неи (46г);

(2) и се видѣша множество чърноризць исходащѣ. отъ ветъхыа цркви. и блхѣтъ градоще на нареченоѣ мѣсто. носахоу же прѣди иконоу стѣга бѣа (56в);

(3) и бѣша прѣдъ враты сѣдѣше и ожидающе дондеже блаженааго изнесоуть Блговѣрныи же кнѣзь стѣславъ бѣ не далече ѿ монастырѣа блаженааго стога и се видѣ стѣльпъ огнѣнь до нѣсе соущѣ надъ монастырьмъ тѣмъ. сего же инъ никътоже (не) видѣ нъ тѣкъмо кнѣзь юдинъ (64б-в);

³ Там же дан подробный разбор формальных и семантических характеристик конструкции.

⁴ С учетом конструкции с *пребыти/ пребывати* — в 3,3 раза.

(4) Братии же врата затворивъшемъ. и никого же поуѣлащемъ по повелѣнью блаженаго. и бѣша присѣдаше надъ нимъ. и ожидающе донѣдеже разидоуть сѧ людиѣ. и тако того погребоуть. такоже самъ повелѣ бѣша же и болгаре мнози пришьли. и ти прѣдъ враты стогаще⁵ (ЖФП, 64в).

Перейдем к материалу житий Бориса и Глеба.

В «Чтении» Нестора 13 перифрастический конструкций⁶: *блше... мѣтныю творѧ* (93б), *бѣ... любѧ* (95а), *бѣша идущѣ* (98г), *бѣ сѣдше* (вм.: *сѣдѧ*)⁷ (101а), *бѣ... ходи в заповѣдехъ бийхъ* (102б), *бѣста⁸ акы снѣгъ бѣлѣющасѧ* (105г), *оужасень сы бы^с* (107а), *бѣ невѣрствуѧ* (111а), *бѣ бо моцими лежашѧ* (111б), *бѣ бо нога ѣго исходше* (вм.: *исходши*) *ис колена* (112б), *бѣша мнози людиѣ стогаще окрѣсть ѣго и зрациши нань* (112в), *суть... не покоряющесѧ старѣшимъ* (так!) *и супротивашесѧ имъ* (115б), *имуше сы* (116б). Здесь же 3 примера с *прѣбыти/прѣбывати*: *прѣбываше днѣ и ноць молашесѧ* (вм.: *моласѧ*) (116а), *прѣбы не гды* (112а), *прѣбываше* (в др. списках: *прѣбываше*) *въ храмѣ своѣмъ дѣлающи* (113а), а также 3 примера с пассивным причастием: *ѡгонима бывають силою ѣнею* (103в), *бѣ пиръ творимъ* (112а), *оубиваеми суть* (115б).

В «Сказании» 4 перифрастических конструкций⁹: *бѣ... всѣхъ милоуѧ и въсѧ набѣдѧ* (10б), *блше бо и не твърдо вѣроуѧ* (20г), *и прозьрѣ и бысть видѧ* (22в), *спѣсаяща и застоупаяща и пособьствоующа быста* (23б); 3 примера с *прѣбывати*: *прѣбываше не могуощи^с* (так!) *страдати* (21г), *сѣблюдаѧ сѧ прѣбываи* (23г), *прѣбываше билѧ сѧ и припадаѧ прѣдъ стѣма и въпиѧ* (24а); одна пассивная конструкция: *оумьрцвѣаемъ ѣсмъ* (12б).

Таким образом, в «Чтении» перифрастическая конструкция и близкие к ней сочетания употребляются примерно в три раза чаще, чем в «Сказании» (размеры обоих текстов сопоставимы). Как и в ЖФП, причастная конструкция в большинстве случаев либо описывает некоторое значительное событие (чаще всего чудо), либо сигнализирует о его приближении.

С текстологической точки зрения наиболее интересны параллельные места двух житий, содержащие перифрастическую конструкцию хотя бы в одном из вариантов. Таковы, в частности, фрагменты рассказа о гибели князей, представленного

⁵ В данном случае причастие настоящего времени присоединено к плюсквамперфекту и, по-видимому, имеет с ним один вспомогательный глагол. Подобные употребления встречаются в текстах и, вероятно, являются допустимым вариантом перифрастической конструкции [Петрухин (в печати)].

⁶ Здесь и ниже «Чтение» цитируется по списку Сильвестровского сборника 2-ой пол. XIV в., фотокопия которого доступна на интернет-сайте РГАДА (<http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=30&page=2>); указываются рукописный лист и столбец.

⁷ В цитируемом списке отдельные формы явно расходятся с первоначальным текстом. В частности, речь идет о типичном для поздних рукописей прибавлении окончания имперфекта к причастию м. р. ед. ч. в составе перифрастической конструкции.

⁸ В издании [Бугославский 2007 (1940): 197] ошибочно: *быста*.

⁹ Здесь и ниже «Сказание» цитируется по Успенскому сборнику кон. XII — нач. XIII в., с указанием рукописного листа и столбца.

также в летописи (цитируется по Комиссионному списку Новгородской первой летописи [Н1Л]):

Летопись	«Сказание»	«Чтение»
	<i>Убийство Бориса</i>	
Послании же <u>придоша</u> на Алто поле ночью, и подступиша (же) ближе (л. 76)	посълании же <u>придоша</u> отъ стѣпка на лѣто ночь и подъстоупиша близъ (11б)	И се они послании <u>бѣша</u> . <u>идуше</u> рикающе акы звѣриѣ дивии поглотити хоташе правѣднаго (98г)
	<i>Убийство Глеба</i>	
Поварь же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, иземъ ножъ, зарѣза Глѣба вборзѣ, яко агня незлобиво (л. 78)	поварь же Глѣбовъ именемъ Търчинъ иземъ ножъ. и имъ блѣженааго и закла и тако агня непорочно и безлобиво (14г)	<u>Бѣ</u> же за стѣмъ <u>сѣдаше</u> (вм. сѣда) старѣшина (поваромъ) ¹⁰ . и повелѣша тому нечѣтивии заклати Глѣба стѣго. возми ножъ свои зарѣжи гна своего (101а-б)

Как можно видеть, «Сказание» почти дословно воспроизводит летопись, текст же Нестора отличается от двух левых столбцов — в частности, наличием перифрастической конструкции.

Любопытно, что конструкция появляется в рассказах о гибели обоих братьев, причем оба раза примерно в одинаковой точке развития событий — в момент, когда убийцы уже приблизились (или приближаются) к своим жертвам. В столь хорошо продуманном с композиционной и языковой точки зрения произведении, как «Чтение», эта повторяющаяся деталь не случайна: в своем рассказе Нестор проводит явную аналогию между мученической смертью братьев и страстями Христовыми [Lenhoff 1989: 94–95], причастная же конструкция подкрепляет эту идею на языковом уровне, придавая повествованию евангельские черты и подчеркивая сакральный смысл происходящего.

Фрагменты рассказа о переносе мощей Бориса и Глеба при Ярославе Мудром совпадают в двух житиях почти дословно, но характерным образом расходятся в интересующем нас пункте:

«Сказание»	«Чтение»
и пристопивъ митрополитъ Ивѣнь. съ презвутеры съ страхъмъ и любвьию отъкры гроба стѣю. ти видѣша чудо преславно. телеси стѣю никако же ѣзвы имоущи. нъ присно все цѣло и лица <u>баста свѣтълѣ</u> акы англа. тако дивитиса и архиепѣпоу зѣло. и всѣмъ людъмъ (19б-в)	По том же приступи архиепѣ съ прозвутеры. и ѡкрыша рацѣ стѣю. ти видѣша тѣло блѣжноу. ни понѣ кдиноаго струпа ѡ тазвѣ иму ^м на собѣ. и <u>бѣста</u> акы снѣгъ <u>бѣлѣющася</u> . лице же юю <u>свѣтася</u> ¹¹ акы англома. такоже на много ча ^ч чюдитиса. архиепѣпу и всѣмъ людемъ (105в-г)

¹⁰ Написано над строкой.

¹¹ Данную форму, по-видимому, можно рассматривать как вариант той же конструкции с эллипсисом вспомогательного глагола.

Аналогично разнятся варианты рассказа, посвященного чуду «о хромѣ и нѣмѣ»:

«Сказание»	«Чтение»
и въшьдѣ въ домъ тѣ сѣдѣше предѣ храминоу. по приключоаю же не подаша ѣмоу ни кести ни пити. <u>пробысть алчнь и жаднь</u> (21б)	и вшедѣ в домъ сѣдѣше предѣ храмомъ. в немъже бѣ пирь <u>творимъ</u> . слугы же мимо ходаше не даша ѣму ничтоже. и тѣ <u>пробы не гды</u> (111г-112а)
и мнози людие <u>стоахоу</u> около ѣго. <u>зраше</u> и дивашеся (21в)	и бѣша мнози людие <u>стоаше</u> окрѣсть ѣго и <u>зраши</u> на нь (112в)
и бѣ видѣти чюдо преславно <u>тако</u> <u>ависа</u> ис колена нога мала акы младоу дѣтицю. и начатъ расти дондеже бысть <u>тако</u> и другога (21в)	и бѣ бо нога ѣго <u>исходаше</u> (вм. исходаши) ис колѣна <...> и всѣмъ зрашимъ и чюдащимся. въ ѣдинъ чѣ възрасте нога ѣго и бѣ <u>тако</u> и другога. (112б-в)

«Чтение» демонстрирует здесь, между прочим, довольно характерное поведение конструкций с причастием настоящего времени: будучи в целом относительно редкими (например, по сравнению с простыми претеритами), они часто «скапливаются» в небольших фрагментах соответствующего содержания. Характерно также, что в приведенном отрывке «Чтения» перифрастическая конструкция не только описывает чудо, но указывает на его свидетелей, ср. приведенные выше примеры из ЖФП, рассказывающие о свидетелях знамений, сопровождавших погребение Феодосия; подобные употребления свойственны и Новому Завету.

В Несторовом описании чуда «о женѣ сохороуцѣ» сочетание *пробывати* с причастием типичным образом предваряет сообщение о чуде:

«Сказание»	«Чтение»
Въ градѣ дорогобоужи нѣкаѣ жена раба соущи <u>дѣлаше</u> въ вежи повелѣниѣмъ гѣжа своѣѣ. въ днѣ стго николаы. и вънезапоу <u>гависта</u> ѣи <u>стага</u> страстотръпца (21г)	она же <...> <u>пробываше</u> (вм. пребываше) въ храмѣ своѣмъ <u>дѣлаючи</u> . и се внезапу възвѣхаша триѣ мужи. на дворѣ <u>ѣга</u> в бѣлахъ ризахъ (113а)

Во всех приведенных выше параллелях интересующая нас конструкция присутствует лишь в «Чтении».

Имеется лишь один противоположный случай:

«Сказание»	«Чтение»
и пришедѣ <u>пробываше</u> оу црѣкве стго мѣкоу днии нѣколиво. <u>припадага</u> и молася стѣма дондеже бысть ѣмоу посѣщение и прозрьѣ. и <u>бысть видѣ</u> (22в)	пришедѣ <u>пробы</u> оу црѣкви ѣю мало днии молася има. и въ ѣдину ношь <u>гавлешася</u> ѣму <u>стага</u> . и три крѣты <u>прекрѣтивша</u> очи ѣго. прозрьѣти ѣго створица (115а)

Очевидно, что Нестор просто исправил здесь бессмысленную тавтологию «прозрел и стал видеть»¹².

¹² Ср. здесь же другие различия: 1) Нестор «разъясняет» невнятный намек «Сказания» о некоем «посещении»; 2) имперфекту *пробываше* соответствует у Нестора аорист *пробысть*, более

В одном случае перифрастическая конструкция присутствует в обоих текстах (рассказ о перенесении мощей в 1072 г.):

«Сказание»	«Чтение»
и митрополита обиде оужась <u>бгаше</u> бо и <u>не тврдо вѣрота</u> къ стѣма (20г) ¹³	митрополить же <u>бѣ невѣръствуа</u> тако ста блжната (111а)

Приведенными примерами исчерпываются сочетания с причастием настоящего времени в параллельных местах двух житий. Остальные примеры находятся во фрагментах, принадлежащих лишь одному из текстов. В целом, как уже говорилось, «Чтение» содержит примерно в три раза больше сочетаний с причастием настоящего времени, чем «Сказание» (при сопоставимых объемах обоих текстов). Учитывая то, что употребление перифрастической конструкции в «Чтении» — как в количественном, так и в функциональном отношении — сходно с ее употреблением в ЖФП, есть все основания полагать, что большинство причастных конструкций внесено в текст «Чтения» самим Нестором, а не заимствовано им из «Сказания» или какого-то иного источника.

Последовательное использование Нестором перифрастической конструкции — следствие его ориентации на язык Св. Писания и византийских житий (в рамках основной задачи приблизить житие к византийскому агиографическому канону¹⁴). Напротив, анонимный автор «Сказания», для которого излагаемые события — прежде всего ключевой момент в династической истории русских князей (ср. [Lephoff 1989: 82–87]), в большей степени ориентируется на летописный язык. Зримое подтверждение тому — статистическая корреляция между употреблением перифрастической конструкции в «Чтении» и «Сказании», с одной стороны, и в ЖФП и ПВЛ — с другой: в «Чтении» конструкция используется примерно в три раза чаще, чем в «Сказании»; приблизительно таково же соотношение по данному параметру между ЖФП и ПВЛ [Живов 2012: 238; Петрухин (в печати)].

уместный (с точки зрения стандартного книжного древнерусского узуса) в контексте обстоятельства длительности типа «несколько дней».

¹³ Существенно, что здесь дословно воспроизведен летописный текст, ср.: *и митрополита оужась вбиде. бгаше бо не тврдо вѣрота к нима* (Ипатьевская летопись, л. 67). Вариант Лаврентьевского списка *бѣ бо нетвердѣ вѣрота* (л. 61) несомненно вторичен, на что указывает грамматичное чтение Радзивиловского и Академического списков *бѣ нетвердо вѣрота* — типичный пример искажения перифрастической конструкции путем подстановки претерита вместо причастия. Отсюда следует важный для дальнейших рассуждений вывод: в тех случаях, когда составитель «Сказания» находил в своем источнике перифрастическую конструкцию, он не удалял ее, а, напротив, аккуратно воспроизводил во вновь создаваемом тексте. Тем самым, употребление конструкции в «Сказании» должно в целом отражать ситуацию в источниках, которыми пользовался его составитель.

¹⁴ Ср.: «главной и основной задачей его (Нестора — П. П.) труда являлось желание создать из своего более исторического, чем житийного источника — Сказания настоящее житие, литературное произведение, о форме которого он составил себе представление из чтения переводных житий (жж. Евстафия Планиды, Романа Сладкопевца, Саввы Освященного, Антония Великого, Патериков)» [Бугославский 1914а: 174].

Возвращаясь к вопросу о текстологической связи двух житий, отмечу, что в свете изложенного кажется довольно маловероятным, чтобы анонимный автор «Сказания» использовал в качестве источника «Чтение». Ведь это означало бы, что он последовательно «вычищал» из текста перифрастические конструкции, что, во-первых, труднообъяснимо, поскольку данные конструкции вполне уместны в повествовании подобного рода, во-вторых, не подтверждается текстологическими наблюдениями (ср. выше примечание 13). Остаются, следовательно, два других варианта: либо наши наблюдения — следы редактирования Нестором «Сказания» (возможно, его ранней редакции), либо Нестор вставлял причастные конструкции в некий текст, послуживший источником для обоих житий. В принципе первое предположение вполне удовлетворительно объясняет отмеченные расхождения между текстами, будучи при этом более простым. Однако мы рассматривали здесь лишь одно частное явление, а решение непростого вопроса о соотношении памятников требует разностороннего анализа. Тем не менее, представляется, что любые дальнейшие рассуждения на эту тему должны наряду с прочим учитывать и приведенные здесь наблюдения.

Литература

Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора // Известия Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Т. XIX. Кн. 1. СПб., 1914а. С. 131–186.

Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора // Известия Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Т. XIX. Кн. 3. Пг., 1914б. С. 153–191.

Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. II: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. М., 2007. (Публикация диссертации 1940 года.)

Живов В. М. Об употреблении одной книжной конструкции в памятниках восточнославянской письменности (глагол *быти* с причастием настоящего времени) // I. Podtergera (Hg.), Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 3. Bonn, 2012. С. 235–249.

ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 71–135.

Милютенко Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб: исследование и тексты. СПб., 2006.

Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках (= Славяно-германские исследования / Отв. ред. серии Ф. Б. Успенский. Т. 4). М., 2009.

Н1Л — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова). 2-е изд. М., 2000.

Петрухин П. В. Конструкция ‘*быти* с причастием настоящего времени’: древнерусский узус и библейская традиция // История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова / Отв. ред. Ю. В. Кагарлицкий, А. А. Пичхадзе. М., 2016 (в печати).

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов А. А. Повесть временных лет // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003. С. 527–977. (Первое издание: Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I: Вводная часть. Текст. Примечания.)

Johnson Carl E. A Discourse Analysis of the Periphrastic Imperfect in the Greek New Testament Writings of Luke. The University of Texas at Arlington, 2010.

Lenhoff G. The Martyred Princes Boris and Gleb: A Socio-Cultural Study of the Cult and the Texts. UCLA Slavic Studies. Vol. 19. Columbus: Slavica Publishers, 1989.

Poppe A. Opowieść o męczeństwie i cudach Borysa i Gleba: Okoliczności i czas powstania utworu // Slavia Orientalis. Rocznik XVIII. N 3. 1969a. S. 267–292.

Poppe A. Opowieść o męczeństwie i cudach Borysa i Gleba: Okoliczności i czas powstania utworu // Slavia Orientalis. Rocznik XVIII. N 4. 1969b. S. 359–382.

Timberlake A. The Origins of Anonymous's *Skazanie* and Nestor's *Chtenie o svv. muchenikakh Borise i Glebe* // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1 (11). P. 156–194.

Pavel V. Petrukhin

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

**THE CONSTRUCTION 'BYTI WITH THE PRESENT PARTICIPLE'
IN THE *VITAE* OF BORIS AND GLEB
(on the problem of the relationship between the *Narration* and the *Lectio*)**

The *Vita* of Boris and Gleb was written twice: by an anonymous scribe who composed *The Narration and Passion and Eulogy of the holy martyrs Boris and Gleb* (followed by the *Narration of the Miracles* performed by the brothers post mortem) and by the monk of the Kiev Cave Monastery Nestor, who wrote *The Lectio on the Life and Death* of the princes. There is no scholarly agreement as to which of the *Vitae* was written earlier. However, it is clear that the texts are related to each other: either one of them is based on the other or both go back to the same source. The analysis of the construction 'byti with the present participle' in these texts may shed light on the relationship between them.

Key words: Old Russian language, vitae, participial constructions, verb semantics, discourse semantics, textology.

References

Bugoslavskij S. A. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора. *Izvestiya Imp. Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti*. Т. XIX. Кн. 1. St Petersburg, 1914a, pp. 131–186.

Bugoslavskij S. A. K voprosu o kharaktere i objeme literaturnoj dejatel'nosti prepodobnogo Nestora. *Izvestiya Imp. Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti*. T. XIX. Kn. 3. Petrograd, 1914b, pp. 153–191.

Bugoslavskij S. A. *Tekstologija Drevnej Rusi. T. II: Drevnerusskie literaturnye proizvedenija o Borise i Glebe*. Moscow, 2007. (Publikacija dissertacii 1940 goda.)

Johnson Carl E. *A Discourse Analysis of the Periphrastic Imperfect in the Greek New Testament Writings of Luke*. The University of Texas at Arlington, 2010.

Lenhoff G. *The Martyred Princes Boris and Gleb: A Socio-Cultural Study of the Cult and the Texts*. UCLA Slavic Studies. Vol. 19. Columbus: Slavica Publishers, 1989.

Miheev S. M. «Svjatopolkъ sъbde v Kievъ po otcі»: *Usobica 1015–1019 godov v drevnerusskikh i skandinavskih istochnikah* (= Slavjano-germanskie issledovanija / Otv. red. serii F. B. Uspenskij. T. 4). Moscow, 2009.

Miljutenko N. I. *Svjatye knjaz'ja-mucheniki Boris i Gleb: issledovanie i teksty*. St Petersburg, 2006.

Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov (pod redakciej i s predislovijem A. N. Nasonova). 2-e izd. Moscow, 2000.

Petrukhin P. V. Konstrukcija 'byti s prichastiem nastojashhego vremeni': drevnerusskij uzus i biblejskaja tradicija. *Istorija russkogo jazyka i kul'tury. Pamjati Viktora Markoviča Zhivova* / Otv. red. Ju. V. Kagarlickij, A. A. Pichkhadze. Moscow, 2016 (in print).

Poppe A. Opoweść o męczeństwie i cudach Borysa i Gleba: Okoliczności i czas powstania utworu. *Slavia Orientalis. Rocznik XVIII*. N 3. 1969a. S. 267–292.

Poppe A. Opoweść o męczeństwie i cudach Borysa i Gleba: Okoliczności i czas powstania utworu. *Slavia Orientalis. Rocznik XVIII*. N 4. 1969b. S. 359–382.

Shakhmatov A. A. Povest' vremennyh let. In: Shakhmatov A. A. *Istorija russkogo letopisanija. T. I: Povest' vremennyh let i drevnejšie russkie letopisnye svody. Kn. 2: Rannee russkoe letopisanie XI–XII vv.* St Petersburg, 2003, pp. 527–977. (Pervoe izdanie: Shakhmatov A. A. Povest' vremennyh let. T. I: Vvodnaja chast'. Tekst. Primechanija. Petrograd, 1916.)

Shakhmatov A. A. *Razyskanija o drevnejših russkikh letopisnyh svodah*. St Petersburg, 1908.

Timberlake A. The Origins of Anonymous's *Skazanie* and Nestor's *Chtenie o svv. muchenikakh Borise i Glebe*. *Russkii jazyk v nauchnom osveshčenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2006. № 1 (11). P. 156–194.

Uspenskij sbornik XII–XIII vv. Izd. podgot. O. A. Knjazevszkaja, V. G. Dem'janov, M. V. Ljapon. Moscow, 1971, pp. 71–135.

Zhivov V. M. Ob upotreblenii odnoj knizhnoj konstrukcii v pamjatnikah vostochnoslavjanskoj pis'mennosti (glagol byti s prichastiem nastojashhego vremeni). In: I. Podtergera (Hg.), *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag*. Teil 3. Bonn, 2012, pp. 235–249.

А. А. Пичхадзе
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
rusyaz@yandex.ru

О ПРЕДИКАТИВНОМ VS. АТРИБУТИВНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРИЧАСТИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ: НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ПРИЧАСТИЯ*

В статье показывается, что в древнерусском и в других славянских языках, включая старославянский, предикативные причастия, в отличие от атрибутивных, теряли согласование с субъектом в падеже. Четыре синтаксические конструкции особенно благоприятствовали утрате падежного согласования: инфинитивные конструкции с причастиями, кореферентными субъекту в дательном или винительном падеже, *accusativus cum participio*, абсолютные обороты с имплицитным субъектом и дательный самостоятельный. Все эти конструкции имеют общую черту: субъект причастия отличается от субъекта главной предикации. Таким образом, в разносубъектных конструкциях предикативные причастия легче всего утрачивали способность склоняться. Кроме того, в абсолютных оборотах с имплицитным субъектом, инфинитивных конструкциях и *accusativus cum participio* субъект не был выражен фонологически, что также провоцировало утрату согласования. Неизменяемые действительные причастия в инфинитивных конструкциях и *accusativus cum participio* мы находим уже в старославянских памятниках, где формы косвенных падежей кратких (именных) причастий правильно согласуются с соответствующими субъектами. Утрата согласования по падежу в абсолютных оборотах с имплицитным субъектом отмечается в древнерусском уже в XII в., а в дательном самостоятельном — в XIII в. Ранняя фиксация неизменяемых форм свидетельствует о том, что их появление было вызвано противопоставленностью предикативных и атрибутивных причастий, а не утратой кратких (именных) форм в адъективном склонении.

Ключевые слова: древнерусский язык, предикативные причастия, неизменяемые причастия, разносубъектные конструкции.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 160–18–02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Я чрезвычайно благодарна П. М. Аркадьеву за замечания и соображения, высказанные по поводу предварительной версии этой статьи.

Начиная с глубокой древности в славянских языках наблюдается различие в употреблении причастий, выполняющих атрибутивную функцию, т. е. зависящих от имени, и причастий, зависящих преимущественно от глагола и выполняющих функцию второстепенного предиката. Причастия в функции второстепенного сказуемого в именной (краткой) форме теряют согласование с субъектом в роде, числе и падеже и превращаются в универсальную неизменяемую форму — будущее деепричастие.

Утрата согласования с субъектом в разных категориях происходила разными темпами. Противопоставление по роду у древнерусских кратких причастий было выражено довольно слабо. Причастия среднего рода в функции предиката крайне редки, поскольку их субъектом является активно действующий субъект, а имена среднего рода в этой роли обычно не выступают. Что касается остальных родов, то в древнерусском языке уже на самой ранней стадии во множественном числе причастия женского рода усвоили окончания мужского рода: *-ще/-щи* (*-че/-чи*) в настоящем времени и *-(в)ше/-(в)ши* в прошедшем [Кузьмина, Немченко 1982: 316]. В единственном числе родовые различия у кратких причастий сохранялись, однако формы женского рода были гораздо менее частотными: по приблизительным подсчетам, они встречаются в памятниках письменности в 10 раз реже, чем формы причастий мужского рода [Там же: 327].

Гораздо ярче были выражены числовые различия — правда, только у причастий мужского рода: формы множественного числа м. р. отличались от форм единственного числа наличием конечного *-ще/-щи* (*-че/-чи*) в настоящем времени и *-ше/-ши* в прошедшем. У причастий женского рода формы единственного и множественного числа практически не различались уже с древнейших памятников. Согласование по числу у причастий в предикативной функции утрачивается уже в XII в.¹ Возможно, этот процесс раньше начался в южных диалектах. Наиболее ранние примеры смешения единственного и множественного числа у кратких причастий зафиксированы в Житии Феодосия Печерского (по списку Успенского сборника к. XII в.), где в парах однородных причастий одно принимает форму множественного числа, а другое — единственного, причем субъект причастия может совпадать с субъектом главного предиката или отличаться от него: **сѡварнѣше пшеницу. ти тоу сѡмлатъ съ медѣмь прѣдѣставиши на трапезѣ братии** ‘сварив пшеницу и смешав её с медом, положишь на трапезе братии’ (506); то же при причастии в роли предикативного атрибута: **и тако ѿпоуцааше га радующаа и слава бога** ‘и так отпускал их радующихся и славящих Бога’ 446. Ср. в Киевской летописи под 1185 г. по Ипатьевскому списку ок. 1425 г. при совпадающем субъекте: **мышлашеть бо. еше муржь и бѣжати в роуць** ‘думал, взяв [с собой] челове-

¹ Особо нужно отметить случаи употребления форм *рекше* или *(а)рkouчи* в качестве вводного слова или в составе вводных выражений. Они фиксируются в старославянском [Večerka 1996: 194] и в древнерусском отмечены уже с XI в., например в приписке писца Мичка в Архангельском евангелии 1092 г. (л. 175): **помышлала... клеветы свары пьянство просто рекше вса зла** ‘думая о... клевете, сварях, пьянстве, попросту говоря, о всём зле’. Вводные слова часто представляют собой застывшие формы разных частей речи.

ка, бежать в Русь' 226в27. Но в новгородских берестяных грамотах согласование по роду и числу в XII в. еще сохранялось — по крайней мере в случаях, когда субъект причастия являлся подлежащим главного предложения (для XIII в. здесь практически нет материала) [Зализняк 2004: 184].

Нарушение согласования по падежу у кратких причастий зафиксировано гораздо раньше. По-видимому, именно утрата согласования по падежу сыграла ключевую роль в возникновении неизменяемой формы причастия.

Субъект причастия, выполняющего функцию второстепенного сказуемого, обычно является агенсом главной предикации и выражен формой именительного падежа. Поэтому для того, чтобы установить, является ли форма именительного падежа причастия уже несклоняемой, нужно обнаружить её в таких контекстах, где субъект выражен формой косвенного падежа — например дательного: **уже ти бра(ѣ) не досити волости всю землю русскою. держачи. а хоцещи сеа волости. а оубивъ мене а тобѣ волость** 'если тебе, брат, не достаточно волости, при том что ты владеешь всей Русской землей, а хочешь эту волость, а если убьешь меня, то [достанется] тебе волость' [ПСРЛ II: 305]. Самой частотной позицией такого рода являются инфинитивные конструкции, в которых субъект обозначается дательным падежом.

Инфинитивные конструкции

В старославянских памятниках в инфинитивных конструкциях причастие, выполняющее роль второстепенного сказуемого и относящееся к субъекту, выраженному формой дательного падежа, обычно стоит в именительном падеже: Мф. 15.31: **такo народоу (Д. ед.) дивитиса. видаще (И. мн.) нѣмы глѣшѣ** 'так что народ удивлялся, видя, что немые говорят' (так во всех древнейших списках Евангелия, только в поздних правленных редакциях именительный падеж причастия исправляется на дательный в соответствии с греческим оригиналом) [Večerka 1993: 324–326]. Особенно много таких конструкций в Саввиной книге: **повелѣ вонномъ своимъ шьдъше... рещти** 'повелел воинам своим, отправившись... сказать' 358.19–20; **подоба ми ксть сѣдѣти мльчаште** 'подобаает мне сидеть молча' 387.18–19 и т. п. Отмечено около трех десятков подобных примеров с глаголом **повелѣти** [Večerka 1996: 192; Bjørnflaten 2014: 19–23]. По наблюдениям Р. Вечерки, примеры с согласованным дательным причастий в инфинитивных конструкциях в старославянских памятниках фиксируются гораздо реже [Večerka 1993: 325; 1996: 193–194]. Другими словами, именительный падеж действительного причастия, относящегося к субъекту в дательном падеже при инфинитиве, является нормой для старославянских текстов².

² Если в инфинитивную конструкцию, помимо причастия, входят однородные с ним прилагательные, причастие вместе с прилагательными согласуется в дательном падеже: Мф. XVIII 8 **добрѣа ти естъ вѣннѣти въ животъ хроумоу (так!) ли вѣдѣноу. неже дьвѣ рѣцѣ имжшю въврженоу вѣгнѣти въ огнь вѣчнны** Мар. и др. евангелия [Večerka 1993: 325]. По-видимому, в таких контекстах у причастия ощутима атрибутивная семантика и оно сходно в этом отношении

Р. Вечерка замечает, что такие же несогласованные причастия в инфинитивных конструкциях употребляются и в других славянских языках — в древнерусском и древнечешском, ср.: *netřeba jest nižádnému dremné ani přielišné řeči, ale, zdihnúce jedno ruce, i řéci* ‘не подобают никому пустые (?) или лишние речи, но сложив вместе руки, [нужно] говорить’ ОтсВ97b [Večerka 1993: 326]. Конструкции с причастиями на **-штѣ, -ше** при инфинитиве, по его мнению, являются синтаксическим архаизмом. Поскольку в греческом полное согласование причастия с субъектом обязательно, в рассогласовании субъекта и причастия по падежу нужно видеть специфическую особенность славянского синтаксиса, а в тех случаях, где причастие согласуется с субъектом в падеже, — калькирование греческих образцов. Учитывая, что отсутствие согласования в инфинитивных конструкциях свойственно как старославянским, так и древнерусским и древнечешским памятникам, можно предположить, что оно возникло еще в праславянскую эпоху.

Как объяснить эту особенность славянского синтаксиса? Р. Вечерка предполагал, что абсолютные причастия в инфинитивных конструкциях могли первоначально появиться в контекстах, где дательный субъекта не был эксплицирован, ср. в Синайском Евхологии 11b17–19: **и тако пѣти весь псалмъ сен по стиху до конца. припѣваѣште стих сен** ‘и так [подобает] петь весь этот псалом, каждый стих, до конца, добавляя этот стих’. В таких контекстах имплицитный субъект не имеет конкретной референции, это некий генерический субъект, с которым причастие согласуется по смыслу. Поскольку субъект не назван, причастие приобретает форму именительного падежа. Несогласованное причастие в Синайском Евхологии встречается также при слове **молитва** в заголовках молитв: **мол възнимаѣште трапезж** ‘молитва, когда принимают пищу’ 17a 1 и т. п., также с союзом: **мол егда хоташте виноградъ садити** εὐχὴ εἰς τὸ φυτεῖσθαι ἀμπέλωνα, ‘молитва, когда собираются сажать виноград’ 13b 19–20; в таких употреблениях хорошо выражено обстоятельственное значение оборота [Večerka 1996: 194]. Для конструкций с глаголом **повелѣти**, после которого всегда употребляется инфинитивная конструкция, Р. Вечерка предлагает реконструировать развитие ***повелѣ (имъ): влачаште ведѣте и > повелѣ (имъ) влачаште вести и** — хотя детали такого развития неясны, поскольку остается необъясненным сохранение именительного падежа причастия при трансформации из прямой речи в инфинитивную конструкцию [Večerka 1993: 326].

Р. Вечерка [Večerka 1996: 192] предположил также, что именительный падеж причастия мог возникнуть благодаря стремлению избежать смешения конструкций с дательным субъекта при инфинитиве с оборотом «дательный самостоятельный»: ***повелѣ воиномъ своимъ шьдъшемъ въ цркъвѣ и рѣшти пискүпу**

с прилагательным. Но если причастие не однородно прилагательному в дательном падеже и имеет ярко выраженную обстоятельственную семантику, оно выступает в именительном падеже: **кѣно отъ двою прѣдълежитъ вамъ. или жьрьше богомъ въ санъ и въ чьсти достоинномъ бѣгги. или не покориѣше са отъяти живота** Супр. 70.1–5 — здесь прилагательное **достоинномъ** вместе со связкой **бѣгги** передает греч. пассивный инфинитив ἀξιωθῆναι (пример см. [Там же: 324–325]). Пассивные причастия всегда согласуются в дательном падеже [Там же: 325].

могло быть неверно понято как ‘приказал, когда его воины пошли в церковь, сказать епископу...’, в то время как конструкция с именительным причастия **повелѣ воиномъ своимъ шьдъше въ црѣкъѣѣ и рещти пискѣпѣ** давала недвусмысленное правильное прочтение ‘приказал своим воином пойти в церковь и сказать епископу...’ (в греческом оригинале здесь два однородных инфинитива). Это объяснение недавно поддержал Ян Ивар Бьёрнфлатен [Bjørnflaten 2014: 24–25]. Однако оно не выглядит убедительным. Во-первых, опасность смешения преувеличена, потому что контекст очевидным образом подсказывает правильное понимание высказывания, а во-вторых, это объяснение не годится для древнерусского материала, потому что в древнерусском языке не было дательного самостоятельного (он функционировал как сугубо книжная церковнославянская конструкция) и для древнерусских авторов проблемы смешения дательного субъекта при инфинитиве с дательным самостоятельным не существовало. Тем не менее в древнерусских текстах конструкция с именительным причастия при инфинитиве употребляется вполне регулярно, в том числе в таких текстах, где дательный самостоятельный не используется (письмах на бересте, грамотах, юридических документах).

Употребление причастия в именительном падеже при кореферентном субъекте, выраженном дательным или винительным падежом³ (часто имплицитном), в инфинитивных конструкциях наблюдается в восточнославянских оригинальных текстах уже с древнейшего периода:

Русская Правда (Пространная редакция по сп. XIV в., статья 90): **закладающе горждню. кѣну възати. а кѣнчавше ногата** ‘закладывая укрепительное сооружение, [следует] взять куну, а закончив — ногату’ [Тихомиров 1953: 67]. Таких конструкций много как в Краткой, так и в Пространной редакции Русской Правды [Живов 2016: 375–376];

Повесть временных лет под 1036 г.: **въ црѣви стѣго спса. юже создалъ самъ. бѣ бо въздано ея при немъ. възвыше тако и на конѣ стоащи рѣкою досащи** ‘в церкви св. Спаса, которую он построил сам, ибо при нем она была построена до высоты, до которой можно достать рукою, стоя на коне’ Ипатьевская летопись ок. 1425 г., 56630 [ПСРЛ II: 138] — то же в Лаврентьевской летописи 1377 г. [ПСРЛ I: 150]: **възвыше тако и на кони стоаще (стоячи рѣкою РА) досащи**. Это единственный надежный пример употребления несогласованного причастия в Повести временных лет, засвидетельствованный обеими ветвями текстуальной традиции; в остальных случаях списки Повести временных лет расходятся.

В Киевской летописи XII в. по Ипатьевскому списку ок. 1425 г.⁴ имеются три примера с зависимым инфинитивом: **и повелѣ андрѣѣва посла емше построи-**

³ Винительный падеж в инфинитивных конструкциях (см. [Живов 2016: 416]) встречается гораздо реже.

⁴ Здесь и ниже Киевская, Галицкая и Волынская летописи цитируются по [ПСРЛ II], Суздальская летопись — по [ПСРЛ I], Новгородская I летопись — по электронному набору, подготовленному А. А. Гиппиусом. Для Киевской летописи указываются листы и строки рукописи, для Новгородской I летописи — листы, для остальных летописей — страницы издания.

чи голову передъ собою. и бороду 'и приказал [своим людям], схватив Андреева посла, остричь ему голову и бороду у себя на глазах' 203629; **восла люди своа в полонъ-и ѿтолѣ повѣлѣ имъ ездати воевати** 'послал люди свои в Полоный и велел им, оттуда выезжая, воевать' 239г20; вероятно, причастие в форме именительного (а не винительного) мн. числа представлено в следующем примере: **и посласта подвоискѣи и биричѣ по оулицамъ кликати зовучи къ князю на шѣдѣ. ѿ мала и до велика** 'и послали подвойских и биричей по улицам возвещать, призывая к князю на обед от мала до велика' 135а9. С независимым инфинитивом в Киевской летописи имеется 10 примеров: **и шномоу было въѣхавши в киевъ. и домъ твои взати и брата твоего яти и женоу твою. и сѣна твоего** 'и он собирался, въехав в Киев, и дом твой захватить, и брата твоего схватить, и жену твою, и сына твоего' 135г11; **и тобѣ было въѣхавши в киевъ. бра(т) моего яти и сѣна мое(г) и жена моя и домъ мой взати** 'и ты собирался, въехав в Киев, брата моего схватить, и сына моего, и жену мою, и дом мой захватить' 136а22; **что ли кому бѣдетъ. свое познавши. поимати. же по лицу** 'и у кого что будет, опознав своё, забирать наличностью' 143б14; **на томъ есмъ хр(с)тъ целовали. кому свое познаваючи имати** 'на том крест целовали, что каждый, опознав своё, будет забирать' 143б33; **а шнъ понде(т) передъ тобою ко рси. а тобѣ боуде(т) уставише свое пѣшцыѣ поѣхати же по не(м)** 'а он пойдет перед тобой ко Рси, а тебе нужно будет, оставив свих пехотинцев, поехать вслед за ним' 154в19; **злое невѣръствие <...> в нихъ вкоренилося. кр(с)тъ къ княземъ преступати <...> а кр(с)тъ ч(с)тныи к нимъ цѣловавъши переступати** 'злое неверие в них укоренилось: преступать к князем крест <...> а целуя к ним честный крест, преступать' 200б6; **агъ ми бѣдетъ тѣ сѣдаци добро слати в галичъ** 'чтобы мне было удобно, сидя тут, посылать в Галичъ' 201а9; **уже ны боудеть не бившися возвратитиса. то соромъ ны боудеть** 'если нам случится вернуться не бившись, то будет нам срам' 223в19; **да не дивно есть разоумѣюци. братья оумрети** 'да не дивно, братия, умереть, понимая [происходящее]' 224а23; **а оумови с нимъ. моужемъ своемъ. а переже весны доспѣвъ сѣдѣти и воеватиса [с нимъ] со олгови(ч).** **а вѣсти ѿ тебе ждати правотѣ** 'а договорись с ним через своего человека, чтобы он до весны, приговорившись, расположился и воевал с Ольговичами, а от тебя ждал достоверного известия' 240в1.

В летописях XIII в. зафиксированы следующие примеры:

Новгородская I летопись: **то (ж) бы намъ все видѣше предъ очима лучышимъ быти** 'следовало нам, видя всё это перед глазами, стать лучше' 114, сп. XIII в.; **оли княже тобѣ с нами оувѣдавъшеся. то(ж) ѣхати въ Пльсковъ** 'тебе, князь, следует, сперва договорившись с нами, потом ехать в Псков' 142 об., сп. XIV в.;

Галицкая летопись по Ипатьевскому списку ок. 1425 г.: **не погнетши пчелъ медоу не ѣдаты** 'не подавив пчел, меду не едаты (т. е. не удастся отведать)' 763; **сицю же пламени бывшоу. такоже со всее земли зарѣ видити. такоже и со Львова зраце видити по поле(м) Белзскимъ. ѿ горенна силнаго пламени** 'и пламя было такое, что со всей земли были видны всполохи, так что и глядя из Львова можно было видеть по полям вокруг Белза [всполохи] от горения сильного пламени' 841;

Волынская летопись по Ипатьевскому списку ок. 1425 г.: **уже бы имъ вси мѣ въземше Новъ городокъ. тоже потомъ понти. в землю Литовскую** ‘чтобы им всем, захватив Новый городок, потом пойти в землю Литовскую’ 873; **зане бы(с) жалостно зрѣти на нь. выдачи его бола соуца** ‘ибо жалко было смотреть на него, видя его больным’ 899; **мнѣ не воставши смотрити что кто иметь чинити. по моему животѣ** ‘мне не придется, воскреснув, смотреть на то, что кто станет делать после моей смерти’ 904;

Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку 1377 г.: **аще бы тако было то велѣли ли имъ преднии князи кр(с)тѣ преступити · или внуцы · или правнуцы · соромлати · а кр(с)тѣ ч(с)тнчи цѣловавше ко внуко(м) ихъ · и к правнукомъ · то преступати** ‘если бы так было, то велели ли им прежние князи преступать крестное целование или срамить внуков или правнуков, целовав честный крест к внукам и правнукам, а потом преступать’ 362; **повелѣша Ярополку ити противу с полкомъ своим · оусрѣтше и битиса с нимъ · не пустаще и сѣмо Володимерю** ‘повелели Ярополку идти навстречу со своим полком и, встретив его, биться с ним, не пуская его сюда во Владимир’ 375; **а трупы бояръ тѣ(х) повелѣ по деревью извѣшати · ѿимаа голову и правую руку** ‘а трупы тех бояр повелел вешать на деревьях, отрубая голову и правую руку’ 481; по Радзивиловскому списку 1480-х гг.: **мнѣти (ж) всѣ(м) члѣмъ зрѣче · аки кровь пролыана на снегѣ** ‘казалось же всем людям, глядя [на это], будто кровь пролита на снегу’ 419.

Данные о выборе падежа причастий в инфинитивных конструкциях в древнерусских летописях представлены в следующей таблице:

	Именительный	Дательный
Повесть временных лет	1	1(+1?)
Киевская летопись	13	1
Новгородская I летопись	2	0
Галицкая летопись	2	1
Суздальская летопись	3	0
Волынская летопись	3	1

По этим данным видно, что в древнерусских летописях, как и в старославянском, именительный падеж причастия в инфинитивных конструкциях преобладает (особенно показательны данные Киевской летописи).

Чем обусловлен выбор между согласованным и несогласованным причастием в этих конструкциях? Существует ли здесь семантическое различие? Чтобы это установить, нужно рассмотреть контексты с согласованными причастиями. Вот контекст из Повести временных лет по Ипатьевскому списку ок. 1425 г.: **в то же время. приключиса прити ѿ свѣтослава дань емлющу ганеви снѣ вышати** ‘в то же время случилось прийти от Святослава Яню, сыну Вышаты, собирающему дань’ 6562, то же в Лаврентьевском списке 1377 г. [ПСРЛ I: 175] — причастие имеет здесь, по-видимому, преимущественно атрибутивную семантику, обозначая свойство субъекта: Вышата является сборщиком дани. Второй пример ненадежен: **невола ми было пристати свѣтѣ ихъ · ходящу в рукахъ ихъ** ‘я был вынужден

присоединиться к их заговору, завися от них' Ипат. лет., 91г1 — возможно, и здесь атрибутивная семантика преобладает: говорящий определяет себя как человека зависимого; однако в Лаврентьевской летописи в этом месте читается *ходяче в руку*, в Радзивиловском и Академическом списке — *ходя*, так что чтение Ипатьевской летописи может быть вторичным.

В Киевской летописи согласованное причастие в инфинитивной конструкции, возможно, субстантивировано и является дополнением: **не вѣшеть во азѣ ни вѣгающимъ оутечи** 225а28 'невозможно было убежать даже тем, кто бежал'. В Галицкой летописи согласованное причастие, несомненно, имеет обстоятельственное значение, но, вероятно, входит в дательный самостоятельный — излюбленный оборот составителя летописи: **добывшоу емоу землѣ Немѣцкога. дати емоу всю Романови** 'добыв землю немецкую, всю её отдать Роману' 836. Наконец, в Волынской летописи имеется пассаж: **востани ниси во вѣмрѣлѣ. нѣ(с) бо ти оумерети лѣпо вѣровавшоу во Х(с)а всемоу мироу живодавча** 923, представляющий собой цитату из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона: **въстани. нѣси оумерѣлѣ. нѣ(с) бо ти лѣпо оумрѣти. вѣровавшѣ въ х(с)а живота всемоу мироу** 'Воскресни, ты не умер! Не должно тебе умереть, уверовавшему в Христа' [Молдован 1984: 98]. Здесь хорошо видна семантическая разница между конструкциями с согласованным и несогласованным причастием: в согласованном причастии преобладает атрибутивная семантика, указание на свойство, качество субъекта. Если бы причастие было несогласованным, оно указывало бы на актуализованное обстоятельство: 'не должно тебе умереть после того, как ты уверовал в Христа'. Но в этом контексте причастие обозначает неотъемлемый признак, постоянную характеристику праведного христианина.

Итак, в инфинитивных конструкциях причастие, не согласованное с субъектом по падежу, утрачивает связь с именем, демонстрируя непосредственную зависимость только от глагола. Как показывают многочисленные примеры из Киевской летописи и других памятников, в этих конструкциях причастие перестает согласовываться с субъектом и по числу. Вероятно, именно инфинитивные конструкции с несогласованным по падежу причастием послужили исходной точкой, отправным пунктом в развитии несклоняемой универсальной формы причастия, превратившейся впоследствии в деепричастие [Vjørnflaten 2014: 15–30].

Accusativus cum participio

Конструкция «винительный с причастием» представляет собой вложенную предикацию: её субъект становится объектом, непосредственно зависящим от глагола главной предикации, а предикат выражается причастием в винительном падеже (ср. [Arkadiev 2013: 402, 404]). Структура оборота *accusativus cum participio* сходна со структурой инфинитивных конструкций, рассмотренных выше, хотя в первой представлено причастие, а во второй — инфинитив. В обеих конструкциях у главного и нефинитного предиката разные субъекты, субъект причастия и инфинитива не выражен при причастии и инфинитиве, но выражен при главном предикате

в форме косвенного падежа — винительного в *accusativus cum participio* и дательного в инфинитивной конструкции.

Несогласованная по падежу форма причастия зафиксирована в этой конструкции уже в Супрасльской рукописи: **да не оклебештеши оучителя немощь. кгда видиши оученика прѣдажшѣ** ὅταν ἴδῃς τὸν μαθητὴν προδιδόντα, ‘не клевети на слабость учителя, когда видишь ученика, предающего [его]’ 408 [Večerka 1996: 198]. В оригинальных древнерусских памятниках этот оборот встречается не так часто, как инфинитивная конструкция. Тем не менее он обнаружился в недавно найденной новгородской берестяной грамоте вт. пол. XII в. № 1020, причем причастие имеет несогласованную форму: **оу Хотъслава ми было гривн[а] възъати: а творать и пе[ре]ставивъше** ‘У Хотослава мне следовало взять гривну; а говорят, что он преставился’ [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 117]. Этот пример особенно показателен, поскольку в новгородских берестяных грамотах, как отмечалось выше, у причастий, относящихся к субъекту, выраженному формой именительного падежа, согласование по роду и числу в XII в. еще сохранялось. Еще один пример отмечен в Вопросании Кирика, написанном в середине XII в. и сохранившемся в Новгородской Кормчей 1285–1291 гг.: **ако застанешъ въ силцѣ. оуже оудавивъшесѧ. тѹ зарѣжи не вынимага** ‘как застанешь [зверя] в силке уже удавившимся, здесь и зарежь, не вынимая’ [Зализняк 2004: 182]; однако в этом памятнике нарушения согласования по числу наблюдаются и у причастий, чей субъект представлен в главной предикации номинативным подлежащим [Там же: 185].

Аналогичные несклоняемые формы в конструкции *accusativus cum participio* нередко фиксируются в хорватских глаголических текстах XV–XVI вв., причем неизменяемая форма причастия и здесь представляет собой застывшую форму именительного падежа м. мн.: *i vidah’ č(lově)ka ležeći* ‘и я увидел лежащего человека’; *i vidi nokie idući v pus’tinū raz’boi činiti* ‘и увидел неких, идущих в пустыню разбойничать’; *uzre orla idući k sebe* ‘увидел орла, приближающегося к себе’; *vide ženu v’dovicu беруći dr’va* ‘увидел женщину-вдовицу, собирающую дрова’ и т. п. [Sudec 2008: 517–518]. Можно предположить, что в *accusativus cum participio*, как и в инфинитивных конструкциях, в славянских языках уже в эпоху древнейших памятников предикативное причастие утрачивало согласование с субъектом, выраженным формой винительного падежа.

Несогласованные причастия в *accusativus cum participio* хорошо представлены в балтийских языках, где эта конструкция употребительна до сих пор [Аркадьев 2011]. В отличие от славянских, неизменяемые причастия в балтийских языках не совпадают по форме ни с именительным, ни с каким-либо другим падежом. Они имеют в этом обороте неизменяемую форму, оканчивающуюся на *-nt* в настоящем и будущем времени и на *-us* в прошедшем, которая была заимствована из конструкции «дательный самостоятельный» (см. ниже) и вытеснила первоначальную форму винительного падежа [Амбразас 1990: 154]:

Mačiau tėvą (В. ед.) *pareinant* (неизменяемое причастие) ‘Я видел отца возвращающимся’ (хотя при глаголе *matyti* ‘видеть’ и некоторых других глаголах зрительного восприятия даже в современном литовском языке еще допускается

употребление согласованного причастия в винительном падеже [Аркадьев 2014а: 83–85]);

Sakia*u* *těva* (В. ед.) *parejus* (неизменяемое причастие) ‘Я сказал, что отец пришел’ (примеры из [Аркадьев 2011: 60]).

К сожалению, применительно к славянским формам мы не располагаем данными, которые позволили бы определить, была ли неизменяемая форма причастия в *accusativus cum participio* заимствована как уже устоявшаяся форма, например, из частотных инфинитивных конструкций или же развилась независимо в результате утраты склонения причастием в предикативной функции.

Абсолютные обороты с имплицитным субъектом

В древнерусских памятниках встречается особый тип оборотов с причастиями, в которых субъект не выражен на поверхностном уровне, при этом субъекты главной и зависимой предикации не совпадают, т. е. причастный оборот является абсолютным. Вот пример из Поучения Владимира Мономаха конца XII в., в котором ни в главной предикации, ни в причастном обороте субъект не обозначен: **аще и на кони ѿздаче не будеть ни с кы(м) ворудьа. аще инѣ(х) мѣтвѣ не оумѣете молвити. а г(с)и помилуй зовѣте бес престани втаниѣ. та бо ксть мѣтва всѣ(х) лѣпши. нежели мыслити безлѣпницю ѿзда** ‘если же, во время езды на коне, не будет ни с кем никакого дела, если вы не умеете читать других молитв, то «Господи, помилуй» призывайте беспрестанно про себя. Ибо эта молитва лучше всех, [это лучше,] чем думать о нелепостях во время езды’ (финальное **ѿзда** представляет собой неизменяемую форму при инфинитиве) Лаврентьевская летопись 1377 г., 245. Субъектом причастия **ѿздаче** являются сыновья Владимира Мономаха, которым он адресует свое увещание. В контексте из Киевской летописи по Ипатьевскому списку ок. 1425 г. субъектом является собеседник, к которому говорящий обращается непосредственно в прямой речи: **уже ти бра(т) не досити волости всю землю роускоюю. держачи. а хощеши сея волости. а оумивѣ мене а тобѣ волость. а живѣ не идоу изъ своен волости** ‘если тебе, брат, не достаточно волости, при том что ты владеешь всей Русской землей, а хочешь эту волость, а если убьешь меня, то [достанется] тебе волость, а живым не уйду из своей волости’ 11368. В примере из Новгородской I летописи под 1231 г. говорящий подразумевает генерический субъект, причисляя к нему и самого себя: **не бѣ(с) мл(с)ти межн нами · нѣ вѣше тоуга и печаль · на оуличи скѣрвь дроугѣ съ дроугомѣ · дома тѣска · зраше дѣтии плачюше хлѣва · а дроугага оумирающа** ‘не было милости между нами, но была туга и печаль, на улице скорбь [в общении] друг с другом, дома тоска, когда мы видели детей, плачущих из-за [недостатка] хлеба, а других умирающих’ 114, сп. XIII в. В приписке к псковскому Апостолу 1309–1311 гг. (ГИМ, Син. 15, 128б-в) писец Максим сам является субъектом причастной предикации: **а чи где боудеть поматено. или криво написано. или съ дроугомѣ бѣсѣдоуа. или въ младаоуми своемь...** ‘если где-то будет перепутано или ошибочно написано, или из-за беседы с другом, или из-за моего незрелого ума...’ [СК XIV: 128].

Раньше всего и чаще всего такие употребления фиксируются с глаголами *ити*, *ѣхати*, *ѣздити*, *сѣдѣти*, *лежати*, ср. в Поучении Владимира Мономаха: **и ходи-хо(м) за Супои. и ѣдучи к Прилуку городу. и срѣтоша ны внезапно полоческыѣ князи** ‘И ходили мы за Супой. И, когда ехали к городу Прилуку, появились нам навстречу внезапно полоческие князи’ Лаврентьевская летопись 1377 г., 248; **зажьжеса пожаръ · новгородѣ въ не(д) · на всѣхъ стѣхъ · въ говѣникъ идоуче · въ заоугрънюю** ‘загорелся пожар в Новгороде, в Воскресенье всех святых, в пост, когда шли на заутреню’ Новг I лет. 53 об.⁵

Абсолютные причастные обороты с невыраженным (имплицитным) субъектом встречаются как в новых европейских языках, так и за пределами Европы. Типологический анализ [Haspelmath 1995: 32–37; Nedjalkov 1998: 426] показывает, что их употребление связано с наличием определенных семантических и прагматических условий:

— имплицитный субъект — участник ситуации, с точки зрения которого она описывается и по отношению к которому слушатель или читатель испытывает эмпатию, при этом субъект часто выражен дательным падежом, являясь экспериенцером;

— имплицитный субъект — посессор участника главного предложения, при этом ситуация воспринимается с позиции посессора;

— имплицитный субъект является генерическим;

— имплицитный субъект может вообще отсутствовать в предложении, но быть участником предшествующего или ситуационного контекста;

— имплицитный субъект — говорящий в иллокутивном контексте;

— причастие выражает условие или причину, причем у причастной и главной предикации есть общие участники.

Как показывают приведенные выше примеры, древнерусские абсолютные причастные обороты с имплицитным субъектом удовлетворяют перечисленным условиям. Поскольку их употребление в значительной степени прагматически обусловлено, они редко встречаются в книжных жанрах.

Именительный падеж причастия в абсолютных оборотах, видимо, появляется как дефолтный, поскольку субъект на поверхностном уровне не выражен⁶.

В балтийских языках в абсолютных оборотах с имплицитным субъектом употребляется та же неизменяемая форма причастия, что и в обороте *accusativus cum*

⁵ Обороты указанного типа, поддержанные французским влиянием, нередко употреблялись в XVIII–XIX вв., хотя грамматики строго их запрещали, ср.: *Подъезжая к Болдину, у меня были самые мрачные предчувствия* (А. С. Пушкин, из письма к Н. Н. Пушкиной 2 октября 1833 г.) и др. Они и сейчас не редкость: см. статью Е. А. Лютиковой в настоящем сборнике.

⁶ Чисто умозрительно можно было бы предположить, что славянские абсолютные обороты с имплицитным субъектом возникли из дательного самостоятельного с причастием, которое еще в дописьменный период утратило согласование с субъектом. Дательный самостоятельный с невыраженным субъектом встречается в балтийских языках, ср. лтш. *Uz māju braukdamiem* (Д. мн.), *salūza rati* ‘Когда ехали домой (букв.: ехавшим домой), сломался воз’ [Амбразас 1990: 164]. Однако надежных свидетельств существования дательного самостоятельного в древнерусском узусе нет.

participio. Считается, что она проникла в абсолютные обороты из «дательного самостоятельного» задолго до начала письменности [Амбразас 1990: 172]. Примеры, приведенные В. Амбразасом, также вполне удовлетворяют условиям, способствующим появлению абсолютных оборотов: ср. лит. *dalgiùs galándant* (неизменяемое причастие), *pėmpės lėkia į būriùs* ‘когда точат косы, чибисы слетаются в стаи’; *aĩtra vėrtus* (неизменяемое причастие), *nereikėjo taip daryti* ‘с другой стороны (букв.: в другую сторону перевернув), не следовало так делать’, лтш. *patiesību sakot* (неизменяемое причастие), *drīzāk atpūta nekā darbs* ‘правду говоря, скорее отдых, нежели работа’.

Дательный самостоятельный

В функции второстепенного предиката краткое причастие выступает также в обороте «дательный самостоятельный». Эта конструкция принципиально отличается от рассмотренных выше: она тоже разносубъектна, но субъект причастия здесь эксплицирован. В этом обороте неизменяемая форма фиксируется позже, чем в рассмотренных выше конструкциях, — с XIII в.: **кнзю же очютивъше · попадъ мечь и ста оу двьрини · борася с нимі** ‘когда же князь услышал, схватив меч, он стал у дверей, принимая бой с ними’ Новг. I лет. 39. В Повести временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. не меньше 11-ти примеров такого рода, однако они не показательны, потому что во всех 11-ти случаях в некоторых других списках причастие имеет форму дательного падежа: **идучи ми сѣмо** (в ТРА — **идучи**) 8, **словѣнскую же яззыкѹ <...> жноуше на Дунаи** (в Т — **живучю**, в РА — **живоучии**) 11, **ловѣ дѣюще Свѣнадичю** (в РА — **дѣючи**, в Ипат. лет. — **дѣуюцю**, в ХП **дѣюще**) 74 и др.

Дательный самостоятельный такого рода имеет точный аналог в балтийских языках, прежде всего в литовском, где исконные формы дательного падежа причастий с основой на *-nt- и *-us- утратили окончание и, тем самым, согласование с именем или местоимением [Амбразас 1990: 163–179]:

Kodėl nepadarei savo darbo man (Д.ед.) *miegant* (неизменяемое причастие)? ‘Почему ты не сделал свою работу, пока я спал (букв.: мне спя)?’ [Аркадьев 2014б: 22];

Rūtai (Д.ед.) *išėjus* (неизменяемое причастие) *iš miško, patekėjo saulė* ‘Когда Рута вышла (букв.: Руте выйдя) из леса, взошло солнце’ [Неделяков 1990: 46].

С XV в. дательный самостоятельный с причастием в неизменяемой форме получает широкое распространение в оригинальной старорусской письменности [ИГРЯ 1978: 427]. Если бы дательный самостоятельный в русском языке был живой конструкцией, он, по всей вероятности, принял бы тот же вид, что и балтийский дательный самостоятельный с неизменяемым причастием.

Отсутствие согласования в атрибутивных vs. предикативных причастных оборотах

Нарушения согласования по падежу встречается у древнерусских причастий и в атрибутивной функции. Самый ранний пример зафиксирован в приписке Наслава в Мстиславовом евангелии, написанном до 1117 г. (л. 213б): **дан бѣ ꙗко млтвочѹ**

въсѣмъ хръстианомъ. и мьнѣ хоудомоу на славоу. правъци кго ороудна въ правдоу 'дай Богъ его [князя] молитву всем христианам и мне, недостойному Наславу, выполняющему его поручения честно'. Едва ли причастный оборот здесь содержит второстепенное сказуемое; форма правъци, по-видимому, является атрибутом и свидетельствует об утрате склонения краткими причастиями. Этот процесс в восточнославянских говорах начался, возможно, еще в дописьменную эпоху. В бытовых и деловых документах — новгородских берестяных грамотах, в Русской Правде — формы косвенных падежей кратких причастий вообще не отмечены. В книжных памятниках XIII–XIV вв. несогласованные по падежу атрибутивные формы встречаются всё чаще, ср., например, в Новгородской I летописи: въсаженъ въ(ѣ) въ бочкоу · имоуци · г̃ · дна 65, в Лаврентьевской летописи 1377 г.: рѣку Тигру текущи (в Троицком, Радзивиловском, Академическом списках — *текущую*). Такие формы представляют собой ошибки, возникавшие из-за того, что в узусе писцов краткие причастия уже не имели форм косвенных падежей.

В отличие от приименных причастий, неизменяемые формы причастий, выступающих в роли второстепенного или вложенного предиката, представляют собой не ошибки, а регулярные образования. А. А. Зализняк указывает, что в живой речи уже в раннедревнерусский период причастия утратили согласование «во фразах, где их агенс входил в состав главного предложения, но не в качестве подлежащего, а в качестве второстепенного члена» [Зализняк 2004: 184], — это наблюдение он иллюстрирует примерами инфинитивных конструкций с субъектом в дательном падеже. Теперь к ним можно добавить и пример с конструкцией «винительный с причастием». Неизменяемые причастия в инфинитивных конструкциях и *accusativus cum participio* мы находим уже в старославянских памятниках, где формы косвенных падежей кратких причастий склоняются правильно. Это заставляет предполагать, что причина утраты ими согласования в рассматриваемых конструкциях состояла не в утрате именных форм причастий. В пользу такого предположения свидетельствуют и данные балтийских языков, в которых неизменяемые причастия появляются в тех же конструкциях, что и в славянских средневековых текстах.

Вероятно, в древнерусском — как, по-видимому, и в других славянских языках — отразилась тенденция к противопоставлению атрибутивных и предикативных причастий, которая выражалась в использовании неизменяемой формы именительного падежа у причастий в предикативной функции. Адъективы в составе предиката, как известно, склонны утрачивать согласование. Наиболее очевидным образом эта функция выражена в абсолютных оборотах, где причастие выступало в роли самостоятельного предиката и имело обстоятельственное значение, — «дательном самостоятельном» и обороте с имплицитным субъектом. Предикативная функция очевидна и в обороте «винительный с причастием». В инфинитивных конструкциях причастие употребляется в неизменяемой форме в тех контекстах, где оно является не атрибутом, а второстепенным сказуемым с обстоятельственным значением.

Все четыре рассмотренные конструкции объединяет общая черта: субъект причастия в них не совпадает с номинативным субъектом главной предикации. Такая ситуация способствовала образованию неизменяемых причастных форм: так, в литовском языке при совпадении субъекта причастия с номинативным субъектом главной предикации допустимы только согласованные причастия, а в разносубъектных конструкциях употребляются несогласованные причастия [Аркадьев 20014а: 80–85]⁷.

Вероятно, раннему возникновению несогласованных форм причастий в абсолютных оборотах с имплицитным субъектом, инфинитивных конструкциях и *accusativus cum participio* способствовала также невыраженность субъекта инфинитивной формы.

В свете сказанного выше кажется упрощением попытка объяснить неизменяемые формы русских деепричастий аналогично литовским формам неизменяемого причастия, образовавшегося в результате утраты падежных окончаний [Greenberg, Lavine 2006]. Если в литовском к появлению неизменяемой формы привел морфологический процесс утраты окончаний, то в славянском причиной грамматикализации неизменяемой формы стало скорее синтаксическое явление — специализация неизменяемой формы на обслуживании приглагольных причастий. Это явление, возможно, послужило стимулом для морфологического процесса — утраты краткими причастиями форм косвенных падежей. Очевидно, что и в балтийских языках образование неизменяемого причастия было связано с его функционированием в роли предиката — в абсолютных оборотах и *accusativus cum participio*; в атрибутивных оборотах причастия неизменно сохраняют согласование.

Литература

Амбразас В. Сравнительный синтаксис причастий в балтийских языках. Вильнюс, 1990.

Аркадьев П. М. Проблемы синтаксиса конструкций «*accusativus cum participio*» в литовском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 44–75.

Аркадьев П. М. Критерии финитности и морфосинтаксис литовских причастий // Вопросы языкознания. 2014а. № 5. С. 68–96.

Аркадьев П. М. Неканоническое падежное маркирование субъекта литовских причастий: типология и диахрония // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. Филологические науки. 2014б. № 4. С. 21–46.

Живов В. М. История языка русской письменности. М., 2016.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Ред. Л. Е. Лопатина. М., 1978.

⁷ В других балтийских языках — латышском, латгальском — это ограничение действует уже не так строго: несогласованные причастия могут использоваться и в односубъектных конструкциях, если причастная конструкция имеет обстоятельственную семантику (т. е. является сирконстантом) и обозначает действие, одновременное с действием главного предиката [Arkadiev 2013: 405–406].

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. История причастий // Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол / Ред. Р. И. Аванесов, В. В. Иванов. М., 1982.

Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. М., 1984.

Недялков В. П. Основные типы деепричастий // Типология и грамматика. М., 1990. С. 36–59.

ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

СК XIV — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская) / Отв. ред. А. А. Турилов. М., 2002.

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953 (Репринт. изд.: Slavica-Reprint Nr. 35. Düsseldorf; Vaduz. 1970).

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гунтуис А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015.

Arkadiev P. M. Marking of subjects and objects in Lithuanian non-finite clauses: A typological and diachronic perspective // Linguistic Typology. 17. 2013. P. 397–437.

Bjørnflaten Jan I. Agreement Loss and Decategorialization of Predicative Participles in Old Church Slavic // Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages. Proceedings from the 36th Meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists / Ed. by M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper. München — Berlin — Washington/D. C.: Verlag Otto Sagner, 2014. P. 15–30.

Greenberg G. R., Lavine J. E. New syntax in Russian and Lithuanian: The case of the adverbial participle // Studies in Slavic Linguistics and Folklore / Ed. by R. Rothstein, E. Scatton, Ch. Townsend. Bloomington (IN), 2006. P. 143–170.

Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category // Converbs in Cross-Linguistic Perspective (= Empirical Approaches to Language Typology 13) / Ed. by M. Haspelmath, E. König. Berlin; New York, 1995. P. 1–55.

Nedjalkov I. V. Converbs in the languages of Europe // Adverbial Constructions in the Languages of Europe (= Empirical Approaches to Language Typology. EURO TYP 20-3) / Johan van der Auwera, Dónall P. Ó Baoill (eds.). Berlin; New York, 1998. P. 421–455.

Sudec S. Deklinacija aktivnoga participa prezenta u hrvatskome crkvenoslavenskom jeziku // Slovo. 56–57. 2008. S. 517–529.

Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur (= Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris, XXXIV (XXVII, 2)) / Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher. Frankfurt i Br., 1993.

Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. III. Die Satztypen: der einfache Satz (= Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris, XXXVI (XXVII, 3)) / Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher. Frankfurt i Br., 1996.

Anna A. Pichkhadze

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

ON PREDICATIVE VS. ATTRIBUTIVE PARTICIPLES IN OLD RUSSIAN: INDECLINABLE PARTICIPLES

This paper argues that in Old Russian and other Slavic languages, including Old Church Slavonic, predicative participles, unlike attributive ones, tended to lose agreement for case with their subject. Four syntactical constructions were especially favourable for the loss of case agreement: infinitival constructions with participles, coreferential with dative or accusative agents, *accusativus cum participio*, absolute constructions with implicit subject, and the dative absolute construction. The feature common to all these constructions is that the subject of the participle is different from that of the main clause. Thus, in different-subject constructions predicative participles most easily became indeclinable. Besides, in the absolute constructions with an implicit subject, infinitival constructions and *accusativus cum participio*, the subject was not expressed phonologically and its absence was yet another trigger of the loss of agreement. Indeclinable active participles in infinitival constructions and *accusativus cum participio* are already attested in Old Church Slavonic, where short (nominal) participial forms, used attributively, still agree fully with their subjects. The loss of agreement for case in the absolute construction with an implicit subject is attested in Old Russian as early as in the 12th century and in the dative absolute construction — in the 13th century. The early dating of the indeclinable forms shows that their emergence was caused by the opposition of predicative and attributive participles and not by the loss of the short (nominal) form adjectival declension.

Key words: Old Russian, predicative participles, indeclinable participles, different-subject constructions.

References

- Ambrazas V. *Sravnitel'nyi sintaksis prichastii v baltiiskikh yazykakh*. Vilnius, 1990.
- Arkadiev P.M. Problemy sintaksisa konstruktssii «accusativus cum participio» v litovskom yazyke. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2011, no. 5, pp. 44–75.
- Arkadiev P.M. Marking of subjects and objects in Lithuanian non-finite clauses: A typological and diachronic perspective. *Linguistic Typology*. 17. 2013, pp. 397–437.
- Arkadiev P.M. Kriterii finitnosti i morfosintaksis litovskikh prichastii. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2014a, no. 5, pp. 68–96.
- Arkadiev P.M. Nekanonicheskoe padezhnoe markirovanie sub"ekta litovskikh prichastii: tipologiya i diakhroniya. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Ser. Filologicheskie nauki*. 2014b, no. 4, pp. 21–46.
- Bjørnflaten Jan I. Agreement Loss and Decategorialization of Predicative Participles in Old Church Slavic. *Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages*.

Proceedings from the 36th Meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists. Ed. by M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper. München — Berlin — Washington/D. C.: Verlag Otto Sagner, 2014, pp. 15–30.

Greenberg G. R., Lavine J. E. New syntax in Russian and Lithuanian: The case of the adverbial participle. *Studies in Slavic Linguistics and Folklore*. Ed. by R. Rothstein, E. Scatton, Ch. Townsend. Bloomington (IN), 2006, pp. 143–170.

Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category. *Converbs in Cross-Linguistic Perspective* (= Empirical Approaches to Language Typology 13). Ed. by M. Haspelmath, E. König. Berlin; New York, 1995, pp. 1–55.

Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Sintaksis. Prostoe predlozhenie. Red. L. E. Lopatina. Moscow, 1978.

Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. Istorija prichastii. In: *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Morfologiya. Glagol*. Red. R. I. Avanesov, V. V. Ivanov. Moscow, 1982.

Moldovan A. M. «Slovo o zakone i blagodati» Ilariona. Moscow, 1984.

Nedjalkov I. V. Converbs in the languages of Europe. *Adverbial Constructions in the Languages of Europe* (= Empirical Approaches to Language Typology. EURO TYP 20–3). Johan van der Auwera, Dónall P. Ó Baoill (eds.). Berlin; New York, 1998, pp. 421–455.

Nedyalkov V. P. *Osnovnye tipy deeprichastii. Tipologiya i grammatika*. Moscow, 1990. S. 36–59.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. I. Lavrent'evskaya letopis'. Moscow, 1997.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. II. Ipat'evskaya letopis'. Moscow, 1998.

Sudec S. Deklinacija aktivnoga participa prezenta u hrvatskome crkvenoslavenskome jeziku. *Slovo*. 56–57. 2008, pp. 517–529.

Svodnyi katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v Rossii, stranakh SNG i Baltii. XIV v. Vyp. 1 (Apokalipsis — Letopis' Lavrent'evskaya). Otv. red. A. A. Turilov. Moscow, 2002.

Tikhomirov M. N. *Posobie dlya izucheniya Russkoi Pravdy*. Moscow, 1953 (Reprint. izd.: Slavica-Reprint Nr. 35. Düsseldorf; Vaduz. 1970).

Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur* (= Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris, XXXIV (XXVII, 2)). Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher. Frankfurt i Br., 1993.

Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. III. Die Satztypen: der einfache Satz* (= Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris, XXXVI (XXVII, 3)). Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher. Frankfurt i Br., 1996.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz ras-kopok 2001–2014 gg.)*. Moscow, 2015.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow, 2004.

Zhivov V. M. *Istorija yazyka russkoi pis'mennosti*. Moscow, 2016.

Е. Г. Сосновцева
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
e.sosnovtseva@gmail.com

**«БЫВАЕТ + СТРАДАТЕЛЬНОЕ ПРИЧАСТИЕ»:
СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИИ И ЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ
В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ**

В статье рассматривается употребление конструкции «*бывает* + страдательное причастие» в памятниках восточнославянской письменности. Основной материал почерпнут из текстов русских житий XVI–XVIII вв. Описаны случаи употребления исследуемого сочетания для обозначения повторяющихся действий различной степени обобщенности. Помимо высказываний с итеративной семантикой, обнаружены редкие случаи употребления конструкции для обозначения однократных, единичных действий в прошлом. Описаны контексты, в которых указанное сочетание обозначает состояние или процесс. Применительно к архаичным употреблениям «*бывает* + страдательное причастие» для обозначения актуального действия в прошлом можно выделить несколько типовых ситуаций, например: наступление нового состояния объекта высказывания, побуждение / приказ отправиться в путь, торжественная встреча. Такие контексты встречаются в житиях вплоть до XVIII в. При анализе высказываний с «*бывает* + страдательное причастие» учитывается не только их семантика и контекст, но и место фрагмента в композиции жития. Показано, что некоторые употребления напрямую связаны с определенными агиографическими топосами и воспроизводятся в житиях благодаря ориентации на предшествующую традицию.

Ключевые слова: жития святых, церковнославянский, итеративность, настоящее историческое, страдательные причастия.

I. Одним из обязательных элементов поэтики житий, поддерживавших единообразие их оформления на протяжении всего времени существования, является использование устойчивых агиографических топосов. Под топосами, вслед за Т. Р. Руди, понимается использование «любых повторяющихся элементов текста — от отдельной устойчивой формулы до мотива, сюжета или идеи» [Руди 2005:

61].¹ Фрагменты из ранее созданных житий заимствовались в новые тексты в готовом виде, вместе с лексикой и, что важно в данном случае, вместе с конкретными грамматическими формами. Это, с одной стороны, поддерживало сохранность церковнославянского языка в памятниках поздней агиографии, а с другой стороны — создавало ситуацию, при которой определенные (архаичные) грамматические формы и конструкции оказывались закрепленными за определенным контекстами (топосами) с конкретным лексическим наполнением.

В статье рассматривается сочетание «*бывает* + страдательное причастие», которое, как и многие другие словесные формулы, также может участвовать в реализации житийных топосов. Например:

(1) Таже **посылаем бывает** въ магерницу, сиречь в поварню, и тамо болми въздержашеся, в памяти всегда имѣа огня неугасимаго и вѣчнаго мучения, ядовиатаго червиа (Житие Кирилла Белозерского);

(2) Таже **посылаемъ бываетъ** в поварню, и тамо болми подвизаяся на невидими врагы ополчашеся (Житие Антония Сийского).

В обоих случаях описывается повторяющееся действие в прошлом, при этом итеративный глагол *бывати* употреблен в форме настоящего исторического, хотя другие личные глаголы в этом контексте употреблены в прошедшем времени.

Глагол *бывати* в формах *бывает/-ют* в сочетании со страдательным причастием встречается как в агиографических текстах, так и в произведениях самых разнообразных жанров уже самых ранних памятников восточнославянской письменности.

Материал для исследования почерпнут из памятников поздней русской агиографии XVI–XVII вв.; несколько примеров взято из более ранних и более поздних источников. Поиск контекстов с рассматриваемыми конструкциями осуществлялся по Санкт-Петербургскому корпусу агиографических текстов (<http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=list>, дата обращения 21.07.2016), а также по текстам, опубликованным на сайте ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН (<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2070>, дата обращения 21.07.2016).

Конструкции, о которых пойдет речь, нельзя назвать частотными: в 21 тексте (разновременные жития и повести) обнаружен 61 пример, притом что здесь учтены и те случаи, когда *бывати* стоит в прошедшем времени. В процессе отбора материала не было выявлено зависимости от времени создания текста: интересующие нас примеры встречаются в произведениях и XII, и XVIII в. Кроме того, среди обследованных текстов есть жития, в которых таких употреблений нет. Выборка примеров дополнена данными Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). Поиск осуществлялся в старорусском корпусе (словоформы *бывает* и *бывают* в орфографических вариантах; отбор сочетаний со страдательными причастиями осуществлялся вручную)².

¹ Ср. также: «...топосом может быть любой повторяющийся элемент текста, закрепленный за определенным местом сюжетной схемы, — будь то устойчивая литературная формула, цитата, образ, мотив, сюжет или идея» [Руди 2006: 432].

² Примеры из НКРЯ паспортизируются в квадратных скобках, указания на другие источники даны в круглых скобках.

Граматики и словари древнерусского языка трактуют *бывает* в анализируемых высказываниях как связку. В [Срезневский 1958, I: 202] указано, что *бывати* в качестве вспомогательного глагола "образует настоящее и прошедшее страдательного зал.: Всяко убо древо. еже не творить плода добра. посѣкаемо бываеъ. Остр. ев. Иже посылаемы бывають от нихъ послы и гостье. да приносятъ грамоту. Дог. Иг. 945 г.". В иллюстративном материале к словарной статье представлены высказывания, передающие семантику вневременности (цитата из Священного Писания) и узуальности в кратко-соотнесительной конструкции (летописный пример)³.

Все обнаруженные контексты можно разделить на три основные группы. Наиболее часто встречаются случаи, когда «*бывати* + страдательное причастие» передает повторяющееся действие разной степени обобщенности. Идея повторяемости задана суффиксом *-ва-*, который является морфологическим показателем итеративного, или многократного, способа действия, "выражающего повторяемость действия исходного глагола, как правило, по отношению к одному периоду времени" [Шелякин 2011: 83–84]⁴.

II. В примере (3) многократность действия подчеркивается наречием *многашды*, которое таким образом участвует в реализации ситуации узуального типа временной нелокализованности (см. об этом: [Бондарко 2005: 275; Смирнов 2008: 40–44]):

(3) Якоже *многашды* всхотѣ тако сътворити, нѣ *умоленъ бывааше* о томъ от князя и от вельможъ, братии о томъ паче молящися (Житие Феодосия Печерского).

Представление о регулярной повторяемости, реализованное в примере (4), связано с цикличностью церковного календаря, когда поминовение святого происходит ежегодно в день его памяти, и во многих других житиях дается соответствующее уточнение (указание дня, на который приходится память святого). Без такого уточнения высказывание может прочитываться двояко: и в узуальном, и в актуальном значении, когда действие связывается с моментом произнесения / прочтения текста.

(4) Се же мужь многу челядь бѣ имѣя, послѣди же купи и ины многы, в нихже бѣаше и съ, иже ныня *поминаемъ бываеъ* нашимъ смиренъемъ (Житие Андрея Юродивого).

Случай употребления рассматриваемого сочетания в узуальном значении (глагольная форма обозначает обобщенный ряд периодически повторяющихся

³ О кратко-соотнесительных конструкциях, в которых два предиката передают повторяемость связанных друг с другом действий, см. подробно [Бондарко 1968: 5].

⁴ Ср. также: "Многократный (= итеративный, фреквентативный) способ действия образуется при помощи суффиксов *-ыва-/-ива-*, *-ва-*, *-á-* — тех же, которые используются при имперфективизации, но присоединяемых к глаголам несовершенного вида: *ходить* — *хаживать*, *сидеть* — *сиживать*, *говорить* — *говаривать*, *слышать* — *слыхать* и *слыхивать*, *видеть* — *видать* и *видывать*, *есть* — *едать*, *пить* — *пивать*, *жить* — *живать*, *знать* — *знавать*, *быть* — *бывать*" [Зализняк Анна А.].

действий [Бондарко 2011: 217; Смирнов 2008: 39–40]) представлен в примере (5). Итеративный характер ситуации подчеркивается множественностью бенефициантов (*с питающими мя*):

(5) Всѣм молюся, дабы мя кто накърмил, и **бываетъ дѣлим** мой бѣднѣйшій укрух с питающими мя (из «Слов» Кирилла Туровского).

Следующие примеры, как кажется, передают бóльшую степень обобщенности действия, поэтому контексты (6–10) выстроены в порядке возрастания степени отвлеченности описываемой ситуации:

(6) И **молимъ бываетъ ими**, да возвратився въ своемъ монастыри безмолвствовати (Житие Корнилия Комельского) — ряд однородных повторяющихся действий в прошлом;

(7) Ныня **младенци** радостно **хвалимъ бываетъ**, егоже серафими в вышнихъ страхомъ славятъ (из «Слов» Кирилла Туровского) — повторяющееся типизированное действие, характеризующее объект;

(8) И тайнаа зря, и тайныхъ испытатель, и неявиенная пред очима имѣя, тѣмъ еже безмълвнаго и **безмятежнаго житиа желаниа лишаемъ бываетъ** (Житие Сергия Радонежского);

(9) Овча бо, пребываа въ стадѣ, невреждено *пребываетъ*, и отлучившеся — въскорѣ погыбаеть и волкомъ **изъядено бываетъ** (Киево-Печерский патерик);

(10) И яко пищею тѣло, тако и словомъ **укрѣпляема бываетъ** душа (Житие Сергия Радонежского).

Последние примеры (9), (10) дают представление об общих закономерностях и процессах. В них глагол *бывати* в настоящем времени участвует в реализации ситуации вневременности (гномичности), обозначающей максимальную степень обобщенности повторяющихся действий и процессов⁵.

Таким образом, в примерах (5–10) представлены разные семантические варианты реализации настоящего неактуального. Однако итеративная семантика в рассматриваемых сочетаниях может передаваться и формами прошедшего времени. Так, в примерах (11–13) семантика повторяющегося действия передается при помощи связочного глагола в форме имперфекта:

(11) И уже оттолѣ пища матерня въздрѣжаніе и постѣ бяше, и оттолѣ младенець **повсегда** по обычаю **питаемъ бываше** (Житие Сергия Радонежского);

(12) О семь убо **многo бранимъ бываше** от родителю своему, болѣ же от учителя **томимъ**, а от дружины **укараемъ** (Житие Сергия Радонежского);

(13) И от того дни пребысть молча безъ страсти молитвами святого Сергия; аще бо **нѣкогда** хотяше и с тихостию каково рещи, но **възбранимъ бываше** святого молитвами (Житие Сергия Радонежского).

⁵ Вневременность (гномичность) понимается как «наивысшая степень генерализации ситуаций в высказываниях типа сентенций, пословицах, суждениях о постоянных закономерностях... В таких случаях... говорящий становится выразителем опыта „людей вообще“ (в его представлении)» [Бондарко 2011: 217–218], например: *От тепла вещи раздаются* (Л. Н. Толстой), *Цыплят по осени считают* (В. И. Даль).

III. Во второй группе представлены случаи, когда рассматриваемое сочетание служит для обозначения состояния или процесса:

(15) И сиа рекши, невидима бысть. Святый же въ иступлении ума **страхомъ и трепетом** велиимъ **одръжимъ бываше**. И помалѣ в себѣ пришед, обрѣте ученика своего лежаща от страха, яко мертва, и въздвиже его (Житие Сергия Радонежского);

(16) Устрабившу же ся отроку и божественому Писанию извыкшу, прочее растушу ему въ всякомъ благовѣиствѣ и чистотѣ и просвѣщенемъ разумѣ, и сего ради от всѣхъ **любимъ бывает** и **почитаемъ** [Житие Кирилла Белозерского (1450–1455)];

(17) яко ныне царствующий Константинъград неверными обладаем и благочестивая вѣра ими **нѣнавидима бываетъ**, и многие брани на благочестие повсюду устрояютъ (настоящее расширенное, Повесть о житии царя Федора Иоановича).

Употребления такого рода немногочисленны. Семантика оборота здесь обусловлена характером протекания действия, обозначенного причастием. Во всех трех контекстах (15–17) речь идет определенно о дящемся состоянии субъекта и объекта. В примере (17) обозначаемая ситуация имеет значение настоящего расширенного (она наступила до момента описания и не заканчивается в момент речи). Длительность состояния подчеркивается выбором в качестве связки глагола *бывати* (а не *быти*).

IV. Наконец, третья группа примеров иллюстрирует те случаи, в которых итеративный глагол *бывает* в сочетании со страдательным причастием обозначает однократное единичное действие в прошлом. Неитеративное употребление глагола *бывати* не ограничивается конструкциями со страдательными причастиями, хотя и признается архаичным. Как отмечалось и исследователями [Шевелева 2012: 144–155], и словарями древнерусского языка, глагол *бывати* уже в ранних памятниках древнерусской письменности встречается в основном в итеративном употреблении.⁶ При этом словари древнерусского языка, помимо итеративных употреблений, фиксируют статальные контексты:

«1. существовать, иметься: И быс(ть) егда начаша члѣцы мнози бывати на земли и дщеря родишас(я) имъ. (Быт. VI, 1) Библия. Генн. 1499 г. <...>

4. Становиться, делаться: И скоро приходит в монастырь и бываетъ инокъ. ВМЧ, XVI в.» [Словарь русского языка XI–XVII вв., 1: 362–363].

Нейтрализация значения многократности глагола *бывати* является признаком древнейшего периода истории языка и не сохраняется в современном русском языке. Как отмечает М. Н. Шевелева, «самые яркие случаи употребления *бывати* без значения многократности принадлежат очень книжным контекстам. <...> Эту древнюю особенность аспектуальной семантики лучше всего <...> сохраняли церк.-слав. тексты...» [Шевелева 2012: 147].

В дальнейшем внимание будет уделено основным агиографическим контекстам, в которых встречается конструкция «*бывает/-юм* + страдательное причастие» в неитеративном употреблении.

⁶ О семантике частицы *бывало* см. [Сичинава 2013: 292].

Рассматриваемые ниже примеры даются с широким контекстом, который позволяет заключить, что речь идет именно об однократном действии / событии:

(18) Потомъ же в келии безмолствовати начать. Но повелѣниемъ великаго князя и благословениемъ митрополита и всего церковнаго събора **избранъ быва-ет** архимандрить Феодоръ на Ростовское архиепископство, блаженаго же Кириила поставиша вмѣсто Феодора архимандритомъ (Житие Кирилла Белозерского);

(19) И великимъ княземъ от владыки ростовскаго святаго Кирилла архиепископа **благословен и именуемъ бываетъ** (Житие Романа Угличского);

(20) Бяше же тогда имѣа житие в монастыри томъ нѣкто Михайль, иже послѣди бысть Смоленску епископъ, мужъ велико житие по Бозѣ преходя въ молитвахъ и въ постѣ и бдѣннихъ и въ всякомъ въздержании. **Сему бо Кириилъ ученикъ Феодоромъ врученъ бывает.** Сего видѣвъ, Кирииль възревнова добродѣтельному его житию и всѣмъ умомъ повиновашеся ему (Житие Кирилла Белозерского);

(21) Прилучи же ся в то время священнику не быти во обители той скудости ради мѣста. **Понуждаемъ бываетъ преподобный Антоние игуменомъ и братиею священства санъ пріятии** (Житие Антония Сийского).

Итак, пассивные конструкции со связочным глаголом *бывати* могут в определенных контекстах обозначать однократное конкретное действие. Такое употребление оборота возможно преимущественно для обозначения нескольких типовых ситуаций.

Первая из них связана с наступлением нового состояния, как правило с обретением объектом высказывания нового (социального) статуса. Значимая ситуация актуализируется за счет употребления связочного глагола в форме настоящего исторического. Сказуемыми могут являться сочетания *возведен / возводим* или *избранъ бывает*, а также синонимичные им *именуем / благословен / призванъ бывает*. См., например, контексты (18–19), а также фрагмент агиографического текста XVIII в.:

(22) Божиимъ всяко за умножение грѣховъ нашихъ попущениемъ, чрезъ похвалу увѣщаннаго Никономъ простонавнаго духовника царева портопопа Стефана **возведенъ бываетъ** на патриаршеский матере российскимъ городомъ преславныя Москвы престоль <...> **потаенный всего древлеотческаго благочестия лютый потребитель** Никонъ (В. Д. Шапошников, Повесть об Исакии Богомолове, текст опубликован в [Юхименко 2008]).

Обращает на себя внимание, что в этом позднем примере представлен редкий случай негативной оценки автором описываемой с помощью рассматриваемой конструкции ситуации.

Вторая группа контекстов связана с побуждением / принуждением объекта отправиться в путь. Эти ситуации как правило обозначаются при помощи страдательных причастий *отпущен / послан + бывает*, например:

(23) Василий убо **посланъ бываетъ** игуменомъ на нѣкое дѣло, и врѣмя покосно врагъ обреть своего зломудриа, преобразився в того брата подобие и входитъ к пещернику, преже полѣзнаа глаголя: «Феодоре, како нынѣ пребываеши?..» (Киево-Печерский патерик).

Среди рассматриваемых контекстов выделяются высказывания с оборотом *приемлем/приемлемы бывает /-ют*. Значение основы глагола допускает широкое толкование от ‘принимать, давать приют’ (*приимати* [Срезневский 1958, II: 1404]) до ‘принять, встретить’ (*приятти* [Там же: 1504]). Выбор основы несовершенного вида при образовании причастия может быть связан с нейтрализацией вида при употреблении настоящего исторического. Вместе с тем высказывание, как правило, описывает конкретное событие, локализованное в прошлом, одно из нескольких в нарративной цепочке. В примере (24) это дополнительно подчеркивается наречием *радостно*:

(24) И приидоша в Царьград и тамо от греческаго царя **радостно приемлемы бывают** и любочестно учрежаеми; и четыре грады, иже по Дунаю, и прочая власти во одержание приемлют, идѣже доволству своему всяку потребу исполняху (Степенная книга);

(25) И приходит во Святую гору, и тамо любезно **приемлемъ бывает** от игумена Иоанна Святыя горы и от брати [Житие Арсения Коневского (1500–1600)].

Редкий случай неитеративного употребления рассматриваемого сочетания в негативном контексте представлен в примере (26):

(26) И достизает и до царствующаго града Москвы, но **не приемлемъ бываетъ** [Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря (1620)].

Отрицание здесь обуславливает интерпретацию действия как конкретного, локализованного в прошлом.

Аналогичная ситуация описывается синонимичным выражением *усрѣтаемъ бываетъ* в летописном примере (27). Речь в нем также идет о конкретной ситуации:

(27) И прииде въ землю отечества своего, и **усрѣтаемъ бываетъ** сродники и всѣми людми; Стефанъ же братъ его боленъ зѣло [Никоновская летопись (1176–1362 гг.) (1526–1530)].

Не поддаются однозначной интерпретации контексты (28) и (29). Оба относятся к разделу, в котором описываются чудеса святого:

(28) И отиде в дом свой хваля Бога и благодать велию въздая святому. Иже бо не восхотѣ волею своима ногама приити и абие неволею **приводима бывает**. Тако Богъ прослави угодника своего (Житие Александра Свирского);

(29) Человѣкъ нѣкий именемъ Данило Текутовъ от града Бѣла-езера, от многого пиянства изступившу ему ума, и тако начат несмыслити, яко и люди бияше. И егда же много томлень бываше, связанъ **приводимъ бываетъ** в монастырь блаженнаго Кирила (Житие Кирилла Новоезерского).

В первом случае (28) подразумевается однократность действия (описывается конкретный эпизод), во втором (29), как кажется, имеет место обобщенное описание типичных ситуаций. Аналогичный примеру (29) контекст из НКРЯ (Старорусский корпус):

(30) Едва же многими утомлень бывъ, связанъ **приводимъ бываетъ** ко гробу блаженнаго Сидора [Великие Минеи Четыи митрополита Макария. 14 мая. Память святого Сидора, юродивого Христа ради, по прозвищу Твердислов, ростовского чудотворца (1530–1554)].

В данном случае примеры объединяет не только употребление архаичной конструкции, но и одинаковое лексическое наполнение, а также место в композиции житий. Таким образом, рассматриваемый оборот реализуется здесь в рамках агиографического топоса.

Как видно, неитеративные употребления конструкции «*бывает* + страдательное причастие» обладают воспроизводимостью, композиционной закрепленностью за определенными частями житий (житийными топосами). Они противопоставлены употреблениям «*бывает* + страдательное причастие», описанным в разделах II и III, которые в меньшей степени характеризуются композиционной закрепленностью и в которых *бывает* передает значение многократности.

Особенностью языка житий является повторение в каждом следующем памятнике стандартных фрагментов содержания из предшествующих текстов. Агиографы на протяжении веков использовали при создании житий готовые фрагменты текста — житийные топосы, что приводило, помимо прочего, к регулярному воспроизведению архаичных языковых элементов. Таким образом, часть таких грамматических архаизмов воспроизводилась традиционно, формы не конструировались в процессе создания текста. Как представляется, это касается конструкций «*бывает* + страдательное причастие» с неитеративной семантикой. Это объясняет и их редкое употребление, и сохранение архаичной семантики глаголом-связкой *бывает* вплоть до XVIII в., и композиционную закрепленность за определенными структурными фрагментами житий.

Источники

1. Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов [Электронный ресурс]. URL <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=list>.
2. Электронная библиотека ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН [Электронный ресурс]. URL <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070>.
3. Е. М. Юхименко. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: В 2 т. Т. I. М., 2008.
4. Национальный корпус русского языка. Старорусской корпус. 4 779 документов, 339 204 предложения, 7 051 048 слов [Электронный ресурс]. URL http://www.ruscorpora.ru/search-mid_rus.html.

Литература

- Бондарко А. В.* О настоящем-будущем совершенном в современном русском языке (Грамматическая форма и контекст) // Филологические науки. 1968. № 1. С. 3–13.
- Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
- Бондарко А. В.* Временная локализованность // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 2011. С. 210–233.

Зализняк Анна А. Способ действия // Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. URL http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/SPOSOB_DESTVIYA.html?page=0,4.

Руди Т. Р. Толика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Polemika / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб., 2005. С. 59–101.

Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 57. 2006. С. 431–500.

Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.

Смирнов И. Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. СПб., 2008.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. М., 1958.

Шевелева М. Н. Еще раз о бесприставочных итеративах на *-ыва-/-ива-* типа хаживать в истории русского языка // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 140–178.

Шелякин М. А. Способы действия в поле лимитативности // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 2011. С. 73–85.

Elizaveta G. Sosnovtseva

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(St Petersburg, Russia)

THE GRAMMATICAL ANALYSIS OF CONSTRUCTIONS *BYVAET* WITH PASSIVE PARTICIPLES IN RUSSIAN HAGIOGRAPHY

The article examines the use of the construction *byvaet* with passive participles in East Slavonic hagiography. The research is based on the texts of Lives of Saints of the 16–17th centuries. It was found that this construction is used for marking repeated actions of different generalization. Besides the iterative semantics, it can denote momentary past actions. Some contexts with this construction describe a state or a process. Referring to the archaic use of *byvaet* with passive participles to describe the momentary action in the past, one may list several typical cases, such as the transformation of the object of a statement to a new state, motivation/order to take a trip, an official meeting. Such contexts are found in the Lives up to the XVIII century. During the analysis of *byvaet* constructions with passive participles, we take into account not only their semantics and context, but also their role in the composition of the Lives. The study indicated that some cases of the use of this construction are directly associated with a specific place and appear in the Lives because of following an earlier tradition.

Key words: hagiography of saints, Old Slavonic, iterativity, historical present, passive.

References

Bondarko A. V. O nastoyashchem-budushchem sovershenno v sovremennom russkom yazyke (Grammaticheskaya forma i kontekst). *Filologicheskie nauki*. 1968, no. 1, pp. 3–13.

Bondarko A. V. *Teoriya morfologicheskikh kategorii i aspektologicheskie issledovaniya*. Moscow, 2005.

Bondarko A. V. *Vremennaya lokalizovannost' // A. V. Bondarko (red.). Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'*. Taksis. Moscow, 2011, pp. 210–233.

Zaliznyak Anna A. Sposob deistviya. *Entsiklopediya Krugosvet* [Elektronnyi resurs]. URL http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/SPOSOB_DESTVIYA.html?page=0,4

Rudi T. R. Topika russkikh zhitii (voprosy tipologii). *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Publikatsii. Polemika*. Otv. red. S. A. Semyachko. St Petersburg, 2005, pp. 59–101.

Rudi T. R. O kompozicii i topike zhitij prepodobnyh. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. T. 57. 2006, pp. 431--500.

Sichinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt*. Moscow, 2013.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–28. Moscow, 1975–2008.

Smirnov I. N. *Vyrazhenie povtoryaemosti i obobshchennosti deistviya v sovremennom russkom yazyke*. St Petersburg, 2008. 159 s.

Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam*: V III t. Moscow, 1958.

Sheveleva M. N. Eshche raz o bespristavochnykh iterativakh na –yva-/iva- tipa khazhivat' v istorii russkogo yazyka. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2012, no. 1 (23), pp. 140–178.

Shelyakin M. A. Sposoby deistviya v pole limitativnosti. In: A. V. Bondarko (red.). *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'*. Taksis. Moscow, 2011, pp. 73–85.

М. Н. Шевелева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
mnsheveleva@mail.ru

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГЛАГОЛА БЫВАТИ (аспектуальная семантика)

В статье рассматривается история аспектуальной семантики глагола *бывати* от раннедревнерусской эпохи до нового времени. Особые свойства *бывать* в современном русском языке, отличающие его от поздних итеративов типа *хаживать*, производных от основ НСВ, обусловлены тем, что исконно этот восходящий к праславянской эпохе глагол был нормальным имперфективом от неохарактеризованного по виду глагола *быти*. В раннюю эпоху *бывати* мог употребляться как в итеративном, так и в неитеративном значении, в том числе в актуально-длительном, однако в живом древнерусском языке исконная способность *бывати* употребляться в процессуальном контексте была рано утрачена, сохранившись в книжной церковнославянской традиции; в прочих неитеративных контекстах, прежде всего в общефактических, *бывати* остается возможным. Уже в XII в. складывается характерное для *бывати* употребление в контексте общефактического отрицания. С возникновением на рубеже XIV–XV вв. итеративов типа *хаживать* старое *бывать* подстраивается под их употребление: формируется единый аспектуальный тип, последующая судьба форм прошедшего времени всех этих глаголов сходна. При этом до нового времени, а в северных говорах и до сих пор, сохраняется возможность неитеративного употребления *бывать* в общефактических контекстах, поддержанная возможностью новых итеративов выступать в общефактических контекстах неитеративной интерпретации.

Сходную судьбу имел др.-рус. глагол *видати*, исконно также бывший имперфективом от неохарактеризованного по виду *видѣти*. В старорусскую эпоху фиксируется *слыхать*, типы употребления которого определяются аналогией с *видать*. При этом *видать* и *слыхать*, в отличие от *бывать*, сохранили неитеративное употребление до сих пор.

Ключевые слова: глагол *бывать*, имперфектив, итеративы, неитеративное употребление, глаголы *видать* и *слыхать*.

1. Современный русский глагол *бывать* обычно рассматривают в одном ряду с бесприставочными итеративами типа *хаживать, сиживать, живать, едать* и под., отмечая при этом его некоторые особые свойства, прежде всего способность употребляться в настоящем и будущем времени, см. [Исаченко 1960: 276–277; Маслов 2004/1965: 392; Зализняк Анна, Шмелев 2015: 128–129 и др.]. С *бывать* по особенностям употребления отчасти сходны сейчас глаголы *видать* и *слыхать*, при этом *видать* еще сохраняет, хоть и устаревшие, формы презенса типа *видаю*, у *слыхать* же в литературном языке презенс невозможен [Исаченко 1960: 277; Маслов 2004/1961: 465; Зализняк Анна, Шмелев 2015: 129].

При этом еще в XVIII в. семантика глагола *бывать* отличалась от современной литературной тем, что он мог употребляться и в неитеративных контекстах (см. об этом [Сичинава 2012: 277–278; 2013: 227–228]). Неитеративное употребление *бывать* известно и в севернорусских былинах и других фольклорных текстах (типа: *жив бывал; хотелось бы мне да живу бывать* Онеж.был.: 301, 361, см. [Новикова 2016: 260, 294 и др.]), подобные примеры отмечал А. А. Потебня в русских и украинских диалектных и фольклорных записях (типа укр. *бувай здоров; здорові бували* и под.) [Потебня 1941: 84], встречается оно и в современных северных говорах (ср. *Я когда маленькая бывала...; Она с Попчевской бывала родиной* [Бегунц, в печати]*).

В неитеративном употреблении до сих пор возможны *видать* и *слыхать*: хотя для современного литературного языка такие контексты могут показаться несколько устаревшими, они вполне допустимы, а в фольклоре примеры с *видать* и *слыхать* в значении единичного действия вообще представлены широко (ср. в сказках: *И в это время видала мышь, как она клала перстень себе в рот* СкАз, II, 297, Иркутская обл.; *Прислуги это слыхали, как оно похвалился...* СкПушк.мест, 179, Нижегородская обл. и под., см. [Новикова 2016: 267]).

Все эти особенности глагола *бывать*, как и *видать* и *слыхать*, отличающие их от прочих бесприставочных итеративов типа *хаживать, едать* и под., объясняются иным происхождением этих глаголов и исконными отличиями аспектуальной семантики сравнительно с «нормальными» итеративами.

Итеративы типа *хаживать, едать, бирать* и под. — это поздние образования, они возникают не ранее конца XIV в. как производные с помощью суффиксов имперфективации от простых бесприставочных основ, утративших к этому времени видовую неохарактеризованность и ставших глаголами НСВ (*ходить*→*хаживать*, *косить*→*кашивать*, *жить*→*живать*, *брать*→*бирать* и под.), см. [Шевелева 2012; 2016]. Специфика их семантики обусловлена именно производностью (с помощью суффиксов имперфективации) от основ НСВ: очевидно, при таком дублировании значения НСВ суффикс имперфективации актуализирует семантику кратности [Там же].

В отличие от этих глаголов, *бывати* — древнее образование, восходящее к праславянской эпохе. Он хорошо известен и в старославянских, и в раннедревнерусских источниках, да и во всех славянских языках, причем не только в итеративном значении. Справедлива характеристика его в ЭССЯ под ред. О. Н. Трубачева

* Благодарю И.В. Бегунц за предоставленные мне материалы диалектных записей.

как «итеративно-дуративн<ого>» глагола на *-ati*, производного от *byti* [ЭССЯ, 3: 158], ср. указание неитеративных значений по славянским языкам: ст.-сл. **БЫВАТИ** 'наставать, становиться, возникать, совершаться', болг. *bǐvam* 'становиться', сербохорв. диал. *bǐvāt* 'проживать, находиться', словен. *bívati* 'пребывать, проживать', 'становиться', чеш. диал. *bývat* 'жить, проживать', словц. *bývat* 'пребывать', 'проживать, обитать', в.-луж. *bywać* и н.-луж. *bywaś* 'становиться', 'жить', польск. *bywać* 'пребывать', укр. диал. *бувати* 'проживать, жить' и т. д. [Там же: 157–158] — значения типа 'становиться' и 'пребывать, находиться, жить' фиксируются во всех славянских диалектных зонах.

Эти значения отмечают и в ранних вост.-слав. памятниках, ср. русск.-цслав. *бывати* 'существовать, становиться', 'совершаться', 'находиться' [Там же: 158; Срезневский, I: 202]; 'совершаться, происходить', 'становиться кем-л. или каким-л.', 'находиться, пребывать' [СДРЯ XI–XIV, 1: 332–335; СРЯ XI–XVII, 1: 362–363].

Специфика аспектуальной семантики *бывати* в древнерусскую эпоху определяется тем, что это был нормальный глагол НСВ — имперфектив, производный от неохарактеризованного по виду глагола *быти*.

Глагол *быти* — древний и.-е. бытийный глагол (**bhū-*) — исконно, естественно, был вне вида, на славянской почве от становится неохарактеризованным по виду, т. е. может употребляться в значении и несовершенного, и совершенного вида; при этом отличие его от прочих неохарактеризованных по виду простых бесприставочных основ состоит в том (отчасти сохраняется и до сих пор), что значения СВ//НСВ у него частично распределены по основам и морфологическим формам. Так, формы аориста от основы *бы-* (*бысть* и под.) имели значение СВ 'случился, произошел, возник', 'стал', впоследствии формы прошедшего на *-л-* от основы *бы-* могут иметь и значение НСВ 'был, существовал, находился', и значение СВ 'появился, пришел' или 'случился, произошел' (ср. пример Е. В. Падучевой: *Врач был ровно в шесть/ближе к вечеру* = 'прибыл' [Падучева, в печати]; ср. в значении СВ в старорусских памятниках: *Того же лѣта бои был на нашем поле...* ПскЗлет., 1555 г., л. 216 — исконно в таких контекстах нормально *бысть*, ср.: *И бысть създа зла и люта* НПЛст, 1224 г., л. 98об.; *И придоша изборяне ратию на Псков, и бысть с ними бои велик на Ригине горѣ* ПскЗлет., Арх.сп., 1607 г., л. 210; *Того же лѣта были на веснѣ литовские люди под Ригою городом...* ПскЗлет., 1567 г., л. 238 и под. — см. подробнее [Шевелева 2012: 146], о современном русском *быть* см. [Падучева, в печати]); образования от основы *буд-* имеют значение СВ [см. Пенькова 2012]¹.

¹ Показательно, что исторические словари прямо или косвенно отражают эту способность глагола *быти* выступать и в значении НСВ, и в значении СВ. Так, СтСл прямо квалифицирует первую группу значений *быти* как НСВ («1. несов.»), вторую — как СВ («2. сов.», куда входит 'случиться, совершиться, возникнуть') [СтСл 1994: 103–104]; в СРЯ XI–XVII вв. и СДРЯ XI–XIV вв. нет грамматического указания видового значения, однако ряд значений *быти* трактуется через СВ или указание возможной видовой двойственности: 'становиться (стать), возникнуть (возникнуть)', 'прибыть, приехать, прийти' [СРЯ XI–XVII, 1: 366–367]; 'произойти, совершиться, состояться; исполниться, осуществиться; случиться' — весь этот ряд значений дается в рамках одного значения 3, определяющим параметром выделения которого явно стала семантика СВ [СДРЯ XI–XIV, I: 341].

Однако сейчас нам важно даже не это специфическое для глагола *быти* распределение видовых значений по формам, а тот факт, что это был неохарактеризованный по виду глагол, производный же от него с помощью суффикса имперфективации *бывати* был глаголом НСВ — имперфективом, который — как всякий древнерусский (древнеславянский) имперфектив — мог выражать и итеративное, и неитеративное значение.

Так, отмечаемые словарями значения *бывати* 'совершаться, происходить, случаться', 'становиться' явно соотносимы с отмечаемыми у *быти* значениями СВ 'случиться, произойти, возникнуть', 'стать'; в большинстве своем они могут реализоваться как в итеративно-зуальных контекстах, так и в неитеративных. Ср., например, некоторые примеры неитеративного употребления *бывати*, приводимые в словарях:

Видѣвъ же Пилатъ тако ничесо же оуспѣють, нъ паче мълва бывають (Остр. Ев., Мф.27, 24) [Срезневский, I: 202] 'происходить, распространяться' — ср. современный перевод «смтение увеличивается»;

Иванъ надъ водами столаше и оумолчениѹ водамъ бываше (Сб. Яр. XIII в., 211) [СДРЯ XI–XIV, 1: 332] 'совершаться, происходить';

Азь ѿселъ оуже бываю мнихъ 'становлюсь' (Пат. Киево-Печ. 1406 г., 167в-г [Там же: 334] и др.

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению специфики семантики *бывати* в древнерусскую эпоху, обратим внимание на то, что особенности аспектуального поведения в современном русском языке глагола *видать*, объединяющие его с *бывать* и отличающие его от поздних итеративов типа *хаживать*, *едать* и под. (см. выше), исторически объясняются тем же самым: это тоже был старый глагол НСВ, производный от неохарактеризованного по виду глагола *видѣти*. *Видати* также фиксируется уже в раннедревнерусских памятниках XI-начала XII вв.², причем как в книжных, так и в некнижных, он выступает в разных морфологических формах, в том числе в презенсе. Ср. ранние примеры из книжных текстов:

И на земли живы нбснаѧ видаеть (Панд. Ант. XI в., 103) [Срезневский, I: 254];

Поцениемъ видажиш боуджцаѧ (Мин. Пут. XI в., 124 [Там же]).

Древнейший некнижный пример зафиксирован в новгородской берестяной грамоте нач. XII в.: *Не възале есмь ни вѣкъшѣ ни ви[д]аль его* 'я не взял ни векши и (даже) не видал его' (НБГ № 7366, не позднее 10-х гг. XII в.) [Зализняк 2004: 264]. Ср. также в записях НПЛст за XIII в.: *И бысть золь путь, акы же не видали ни дни ни ночи, и многымъ шестникомъ бысть пагуба, а новгородцевъ бѣ соблюде* (НПЛст, 1256 г., л. 135об.); *И яко съступишася, бысть страшно побоище, яко не видали ни отци ни дѣди* (НПЛст, 1269 г., л. 144об.).

Правда, обращает на себя внимание то, что во всех этих старейших некнижных примерах *видати* употребляется в форме прошедшего на -л- с отрицанием

² Правда, в отличие от *бывати*, в старославянских памятниках *видати*, кажется, не засвидетельствован — в СтСл фиксируется *видовати* *несов.* со ссылкой на *видѣти* *сов./несов.* (т.е., очевидно, как производный имперфектив от неохарактеризованного по виду *видѣти*), но не *видати* [СтСл 1994: 114].

в значении 'ни разу не', — этот тип употребления рано стал характерен и для *бывати* в не книжных контекстах, а впоследствии станет очень типичным и для поздних итеративов типа *хаживал* (к проблеме развития этого значения мы обратимся ниже).

Оба эти производные от неохарактеризованных по виду основ глагола исконно были имперфективами, известными уже в раннедревнерусскую эпоху, — этим и объясняются их особые свойства.

Так же, как *видать*, сейчас употребляется и *слыхать* (хотя, в отличие от *бывать* и *видать*, не имеет презенса — см. выше)³. Н. Ван-Вейк считал и *видать*, и *слыхать* старыми образованиями — на это ссылается и Ю. С. Маслов, также склонный возводить эти два глагола к праславянской эпохе [Маслов 2004/ 1961: 465]. Однако в раннедревнерусских памятниках *слыхати* не засвидетельствован — регулярно он встречается с XV в. (см. ниже); есть летописный пример под 1323 г. из Послания архиепископа новгородского Василия к тверскому владыке Федору (*тое есмь погибели не слыхали, ни в Писании гдѣ обрели* ВПЛ, 1323 г., л. 191), однако этот вставной текст, очевидно, восходит к более позднему времени — как и сам летописный свод. Скорее всего, *слыхать* — все-таки позднейшее образование, подстроившееся под *видать* (см. об этом подробнее ниже), однако не исключено, что он появился несколько раньше итеративов типа *хаживать* и, как *видать*, был производным от еще бывшего неохарактеризованным по виду *слышати*.

Таким образом, специфика *бывать*, *видать*, *слыхать* обусловлена их производностью от неохарактеризованных по виду основ, а не от основ НСВ, как у поздних итеративов типа *хаживать*.

2. Вернемся к семантике *бывати* в древнерусскую эпоху.

Бывати в вост.-слав. памятниках встречается и в итеративном, и в неитеративном употреблении. Итеративные контексты (чаще с узуальным значением), безусловно, преобладают. Ср., например, в Повести временных лет (ПВЛ): *ѡ грѣховнаго бо корени золь плодъ **бываеть*** (ПВЛ, 980 г., Лавр., л. 25 = Ипат., л. 31 = НПЛмл, л. 44); *оусобнаѧ же рать **бываеть** ѡ соблажненьѧ дѣтволѧ* (ПВЛ, 1068 г., Лавр., л. 56об. = Ипат., л. 62об. = НПЛмл, л. 87); *крѣтомъ бо побѣжени **бываютъ** силы бѣсовьскыѧ* (ПВЛ, 1068 г., Лавр., л. 58 = Ипат., л. 64 = НПЛмл, л. 89об.); *Все лѣто ведро блше **яко** изгараше землѧ и мнози борове възгарахуса сами и болота. [и] многа знаменьѧ **бываху** по мѣстомъ* (ПВЛ, 1092 г., Лавр., л. 71об.-72 = Ипат., л. 79об.) и др.; ср. в Житии Андрея Юродивого: *да тако **яки**жду сѧ ѡверзѧть скровище водокропно. служба **бывають** и громове гремять. громъ бо прѣдиходить предъ водою. множицею же безъ грома дождь **бывають*** (ЖАЮ, 53в, 4268–4274); *да **бывають** змии великъ звѣрь лютъ и горекъ... и **бывають** злоба его дѣвѣгубь* (ЖАЮ, 55в, 4380–4382) и под.

³ Впрочем, в севернорусских говорах в презенсе возможен и *слыхать* — как и *видать*, ср. примеры из записей И. В. Бегунц: *Я не люблю, когда меня во сне видают: Вот вы учились много и слыхаете много* [Бегунц, в печати].

Особый интерес представляют примеры неитеративного употребления *бывати* — они встречаются и у образований от основы презенса, и в прошедшем времени. При этом обращает на себя внимание то, что такое употребление характерно прежде всего для книжных текстов.

Встречаются контексты актуально-длительного значения, часто с *бывати* в роли связки при именном сказуемом, ср. в ЖАЮ:

*Горѣ мнѣ мильи мои бра^Т. ꙗко дѣла вса дхвѣнаѣа разьграбиша дѣмони. ꙗко по-гружаемъ **бываю** огнемь* (ЖАЮ, 47в, 3857);

ср. сходное значение в причастии наст. времени:

*Юсифанъ же вельми оу^Гзвѣнь **бываѣа** невидимо и не могъи что створити* (ЖАЮ, 616, 4886).

Ср. в имперфекте в конкретно-процессном значении:

*воплъ великъ и крикъ страшенъ **бываше*** (ТЛ, О Моск. взятии от царя Тахтамыша, 1382 г., л. 215об.); в рассказе ПВЛ о загадочном бедствии в Полотъске под 1092 г.: *Предивно бы^С [чудо] Полотъскѣ въ мечтѣ ны **бываше** в ноци тутѣнь станаше по Шлицу. ꙗко члѣвци рищюще бѣси* (ПВЛ, 1092 г., Лавр., л. 71об.) — ср. выше сходные евангельские примеры из Остромирова евангелия 1056–1057 г. (*паче же мълѣва бывають*) и из Сб. Яр. XIII в. (*и оумольчение водамъ бываше* 'происходило, совершалось').

В значении 'являться, существовать' *бывати* также обозначает неповторяющуюся ситуацию: *Азь же Никифоръ. млтѣю вседержителя ба иерѣи **бываѣа** великыѣа цркви црѣва града... написахъ дивное се житие чтѣнаго и стго оца нашего Андреа* (ЖАЮ, С175об., 6168);

ср. то же в имперфекте: *Оканныи же Кавгадыи нечестивыи самъ бѣ соудіа и соутяжаи, тои же и лживыи послуохъ **бываше** и покрываше лжею истинная словеса князя Михаила 'лжесвидетельствовал, был лживым свидетелем'* (ТЛ, Пов. о убиении Мих. Тверского, 1318 г., л. 155об.); *Быть же во Ордѣ Мамаевѣ царь и ничтоже владѣаше предѣ Мамаемъ, точію имя царево **бываше*** (НЛ, 1379 г., 44 — в одном из списков *бяше*);

ср. в причастии презенса в завершающих строках договора с греками 912 г. (ПВЛ): *и таково написание дахомъ цртѣа вашего на оутвѣржение ꙗбосму пребывати. такому свѣщаницю на оутвѣржение и извѣщение межѣ вами **бывающаго** мира* (ПВЛ, 912 г., Ипат., л. 15 = Радз., л. 18).

Есть примеры неитеративного *бывати* в составе Дательного самостоятельно-го — специфически книжной конструкции, ср.: *И сему тако **бывающу** и потомъ наборзѣ отъ царя во Орду позванъ бысть царевичъ Моматъ Хожса* (НЛ, 1358 г., 230); *Симъ тако **бывающимъ** достиже гнѣвъ Божіи и до самого великого Варади-на града Оугорскаго* (ТЛ, 1247 г., л. 137) и под.

Встречаются примеры употребления *бывати* в настоящем историческом событийном, число которых в XV–XVI вв. — со вторым южнославянским влиянием — растет. Такое употребление в презенсе, замещающем прошедшее конкретно-событийное типа 'бысть' ('случился, произошел', 'стал'), еще раз подтверждает, что *бывати* здесь является имперфективной парой к *быти* в значении

СВ. Ср. в рассказе о поставлении митрополита Алексея по Типографской летописи:

И немного время по поставленіи пребысть, отпоущенъ бываетъ отъ Царяграда благословеніемъ патриарха Фелофеа... И тако приемлемъ бываетъ честно отъ великого князя Ивана Ивановича и отъ всѣхъ князей Роусскихъ... и возводимъ бываетъ на великыи степень святѣишая митрополіа Русская... (ТЛ, 1354 г., л.192); в Повести о Темир-Аксаке по Никоновской летописи:

И сраженію бывшу побѣждаетъ Темиръ и ухващенъ бываетъ Турскіи царь Баозитъ, егоже въ желѣзныи клѣтцѣ съ собою возяше (НЛ, О Темир-Аксаке, 1392 г., 151).

Подобные контексты нередки и в собственно агиографических текстах XV–XVI вв., ср.: *И съ ѿтати^е оубо власны^и и всако моудрование съ^и ѿрѣзу^е плотское и бываетъ съвершенъ въ все^и послушни^и (ЖМП, л. 152об.)* ‘становится’ — и под. (ср. выше в том же значении собственно наст. время: *азъ оуже ѿселѣ бываю мнихъ Пат. Киев.-Печ. 1406 г.*).

Однако еще раз подчеркнем: все это очень книжные контексты. По-видимому, подобное употребление *бывати* в процессуальном и экзистенциальном значениях единичного действия представляет собой архаизм, связанный прежде всего с книжной традицией. Некнижных контекстов среди имеющихся примеров такого рода не зафиксировано.

При этом в некнижных контекстах уже в ранних летописях появляется употребление перфекта от глагола *бывати* с отрицанием: *не бывало* (-ль, -ла) в контексте противопоставления последующему положению дел — ‘до указанного момента (или: до сих пор) не было (не имело места) ни разу’ — значение, возникающее на базе многократного. Старейший пример встретился в ПВЛ по Лавр. списку (в рассказе об ослеплении Василька Тербовльского), здесь перфект еще со связкой, при этом *не бывало е^с* читается только в Лавр. списке — нельзя исключать здесь подновления позднейшего переписчика, тем более что вообще в подобных контекстах в ПВЛ еще преобладает *не было*, ср.:

*Сего не бывало е^с в Руськѣи земли ни при дѣдѣ^х наши^х ни при ѿцехъ наши^х сакого зла (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 88об. — Р. А. не было е^с Ипат. сего не было есть оу Русьскои земли, л.90) — ср. в ПВЛ подобные контексты с *не было*:*

*Не хотимъ ти дати стола Володимерьскаго зане ввергль ѿси ножь в ны. егоже не было в Руськѣи земли (ПВЛ, 1100 г., Лавр., л. 92–92об. = Ипат., л.94); ...и плакастася рекуще. тако сего не было в родѣ нашемъ (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 88об. = Ипат., л. 91об.); Бы^с сѣча зла. така же не была в Руси (ПВЛ, 1019 г., Лавр., л. 49 = Ипат., л. 54об., но в Р.А.Х.П. списках *не бывала*).*

Однако уже в Киевской летописи XII в. *не бывало* (-ль, -ла) в таких контекстах преобладает, а впоследствии оно становится практически формулой (ср. выше в последнем приведенном примере в поздних списках ПВЛ), ср. в КЛ:

...король зать твои пустиль ти помочь акаже николиже не бывала многое множество (КЛ, 1151 г., л. 157); Брате, намъ с тобою не бывало николиже лиха (КЛ, 1195 г., л. 237об.); И бы^с скорбь и тоуга люта. такоже николиже не бывала

во всемъ Посемьи и в Новъгородѣ Сѣверьскомъ (КЛ, 1185 г., л. 225–225об.) и др. — ср. *не была* в сходном контексте: *В то же лѣто бы^с боурѣ велика акаже не была николиже вколо Котелничѣ* (КЛ, 1143 г., л. 116).

Аналогичные примеры из поздних летописей:

Таковъ пожаръ не бывалъ на Москвѣ, как и Москва стала именоватися (НЛ, 1547 г., 154); *Не бывала на нихъ такова война, как и земля ихъ стала* (ВПЛ, 1471 г., л. 403об.); *и за много лѣт не бывало такового побоища в Литовьской земли* (ПскЗлет., 1435 г., л. 76); *И то ему отмольно, что напередъ того такъ не бывало* (НЛ, 1536 г., 114); *а напередъ того, какъ и земля ихъ стала, того не бывало: некоторого великого князя господаремъ не зывали, но господиномъ* (НЛ, 1477 г., 170) и под. — примеров много.

Такой тип употребления станет очень характерным и для новых итеративов типа *хаживать*, *едать* и под. (см. об этом ниже) — ср. в последнем приведенном примере *не бывало* — *не зывали* в одном контексте в том же значении.

3. С возникновением на рубеже XIV–XV вв. итеративов типа *хаживать* и ростом их продуктивности старое *бывать* втягивается в их «орбиту» — формируется единый тип употребления всех этих глаголов в прошедшем времени.

Самым типичным употреблением для итеративов типа *хаживать*, *бирать* и под. является общефактическое прошедшее — утверждение или отрицание факта наличия / отсутствия данного действия, при этом признак повторяемости действия может быть нейтрализован (о возможности нейтрализации признака единичности / кратности в общефактическом значении, поскольку здесь «часто это просто неизвестно или неважно», — главное, что потенциальная повторяемость ситуации есть всегда, см. [Шатуновский 2009: 144 и др.]).

Ср., например, контексты общефактического прошедшего из деловых памятников с итеративами типа *хаживать*, где действие не интерпретируется как повторяющееся:

Яз гдне Богдан Микулин служивал у Троицы при игумене при Спиридоне (АСЭИ, 1, 506; 1496–97 г., С. с. № 607, Сергиев Посад) ‘служил, имел такое занятие’;

ср. в вопросе: *а твои пак, государь, Васьян архиепископ в Кирилов монастырь приставов своих сылывал ли, а игумена и братью сам служивал ли, и десятильник его въезжал ли и пошлины свои имывал ли?* (АСЭИ, II, 281; 1478/79 гг., С.с. № 315, Белозерск) ‘хотя бы раз’ (сколько раз имели место данные факты — несущественно);

ср. при отрицании: *Был ли тот Наська у князя у Ивана в думе, что ему бежати, и бежать ли было ему со князем с Иваном?* — *Тот, господине, Наська со князем не бегивал и думы княжие не ведал...* (АСЭИ, III, 406; 1521 г., Роз. дел. № 391, Рязань) — как следует из широкого контекста, речь идет о единичном действии⁴ (примеры из работы [Курмачев 1996]).

⁴ Об употреблении итеративов типа *хаживать* в контексте единичного действия см. подробнее [Шевелева 2016].

С другой стороны, общефактическое значение хорошо сочетается с идеей противопоставления данной ситуации последующему положению дел — и легко возникает значение так наз. «давнопрошедшего» («неактуального прошедшего» — см. об этом значении [Сичинава 2013: 30–33]). У *бывати* в контекстах с отрицанием это значение, как мы видели, появилось раньше, «предвосхищая» соответствующее употребление поздних итеративов, ср. в приведенном выше примере из НЛ под 1477 г. *не бывало — не зывали* в одном контексте, ср. также сходный пример: *и отъ того святаго и великого князя Владимира даже и до сего господина нашего великого князя Ивана Васильевича за Латыною есмы не бывали и архіепископа отъ нихъ не ставливали себѣ, якоже вы нынѣ хотите ставити...* (НЛ, 1471 г., 126).

Ср. *бывать* в подобных контекстах «давнопрошедшего» без отрицания, причем здесь также в сходном употреблении возможен и новый итератив: *По старинѣ бывало, что вси дворы и дворцовы и великие кнеини и удѣльных князеи, всихъ суживалъ намѣстник* (АСЭИ, III, 28; 1456–61 гг., Уст. зап. № 12, Москва — пример из [Курмачев 1996]).

Бывать и новые итеративы здесь оказываются в одном контексте и в одном аспектуальном значении. И это касается не только значения «давнопрошедшего»: теперь в прошедшем времени (и в инфинитиве с модальным значением) употребление *бывать* и новых форм типа *хаживать* оказывается аналогичным — они представляют единый с точки зрения аспектуальной семантики тип.

Это единство проявляется и в других типах употребления, прежде всего в собственно общефактическом значении без противопоставления последующему положению дел; ср. в контексте общефактического отрицания в ряду многочисленных форм типа *хаживал* оказывается *не бывали* — все формы со значением отрицания самого факта существования названного действия ('не было такого факта — ни разу, следовательно никогда'):

У таможенных и у замытных денег не сиживали, и у зелейного анбара в цевальниках не бывали, и сору и дров не важивали, и ямского двора не дельвали, и с подводами не ставвали, и наместнича корму не плачивали, и посошных служб не служивали, и лесу и камени не важивали, и нашего хлеба не молачивали (АИ, 1, 366 — пример из: [Успенский 1993: 121])⁵.

Ср. употребление *бывати* и новых итеративов в инфинитиве с одним и тем же аспектуально-модальным значением 'не следует осуществлять данное действие (ни разу, т. е. никогда)': *а владѣють царя государя воеводы Вышегородомъ и Ругодивомъ и всѣми землями Ругодивскими, какъ маистръ и князець у васъ владѣть,*

⁵ О семантике общефактического отрицания см. подробнее [Шатуновский 2009: 217–223], в связи с употреблением итеративов в памятниках XV–XVI вв. см. [Шевелева 2012: 149–151; Успенский 1993: 124–126]. Б. А. Успенский, правда, трактует этот и подобные контексты как примеры перфектного значения итеративных форм [Там же: 121–126], однако результативный компонент, как хорошо показано в современной аспектологии, характерен и для большинства типов общефактического значения [Падучева 1996: 33–47; Шатуновский 2009: 150–152, 218 и др.], которое такие контексты и представляют.

а инако тому дѣлу не бывати (НЛ, 1558 г., 294) — ср. ...*а велѣлъ то отмолыти, что государю старины никакъ не рушивати* (НЛ, 1557 г., 279); *И нам тебе о том ответу никакова не давыватьъ* (РИБ, т. 22, 51 [Никифоров 1952: 118]) и под.

В не книжном языке XV–XVII вв. *бывати* в прошедшем времени и инфинитиве сближается в своем употреблении с поздними итеративами, сохраняя при этом исконную способность употребляться и в презенсе.

Как и *бывати*, подстраивается под употребление новых итеративов древнерусский глагол *видати* — в не книжных текстах XV–XVII вв. для него характерно употребление в тех же типах контекстов. В эту же эпоху регулярно фиксируется в памятниках (причем также в памятниках не книжных) и глагол *слыхати*, решающую роль в типах употребления которого, по всей видимости, играет аналогия с *видати*. Ср. примеры *слыхать* из Посланий Ивана Грозного: *Слыхали есмя еще малы, что такая крепость у вас же была, да и по иным монастырем, где о бозе жительство имели* (Посл. Ив. Грозн. в Кир.-Бел. мон. (Андр.), 191, 1573 г.); *И ты извести намъ с послы имянно, хто былъ на королевстве и которого роду, и с кѣмъ в братствѣ былъ, мы того не слыхали, нѣшто будетъ ты ново гдѣ нашолъ королей тѣхъ* (Посл. Ив. Грозн. королю швед., 1573 г.) (примеры их Картотеки СРЯ XI–XVII вв.).

Все эти три глагола (из которых *бывати* и *видати*, несомненно, старые) употребляются в прошедшем времени (и модальном инфинитиве) теперь так же, как новые итеративы типа *хаживать*. Нередко они встречаются вместе в контекстах рассмотренных типов, ср.: *и отъ тѣхъ мѣсть у царя еси во Ордѣ не бывалъ, царя еси во очи не видалъ... И мы прежде сего улуса твоего сами своими очима не видали, толко есми слухомъ слыхали* (НЛ, 1409 г., 210); ...*а старые мое Татарове, которые на многихъ дѣлехъ бывали, то же сказываютъ, что столко многихъ людей нарядныхъ в одномъ мѣстѣ нигдѣ не видали* (НЛ, Шум. сп., 1541 г., 109) и др.

В то же время эти три глагола сохраняют возможность и неитеративного употребления.

Обратим в связи с этим особое внимание на *бывати* (о *видати* и *слыхати* см. ниже). В не книжных текстах XV–XVII вв. встречаются употребления *бывалъ* (-ла, -ло, -ли) и в неитеративном значении общефактического прошедшего, повторяемость которого, как следует из контекста, маловероятна или исключена:

а сами есмя гсне вzero Волган неводом волачивали и в том истоке рыбу давливали и бобры бивали и замища занимали и до вки реки на лговског игумена з братею а есть гсне на том истоке нѣе и замище. а Ѵ тог гсне замища бывала парница на береѣ (Прав. грам. рязанскому Львовскому монастырю, 1530 г., л. 1 — Пам. Ряз., 25) 'была, находилась';

...*а мы гне крстьане влдни црвы и великог кня семли крѣг вилипова кря не пашем не знаемъ не вѣдаем... а пашем гне по вбе стороны у вилипова крѣ землю борисоглѣбскю влдною. а бывал гне наперед тог в том мѣсте дввр влдня лговоцика* (Прав. грам. ряз. писцов, 1555 г., л. 1 — Пам. Ряз., 35) 'был прежде';

...*монастырьские же бывали дрвни, а ннѣчѣ пѣсты. а запусѣли ѿ тотарские воины. а были за детми за болгарскими в наготчине по игуменьскимъ грамотам* (Ряз. писц. кн., 1553 г., л. 2 — Пам. Ряз., 29) — ср. здесь же *были* в том же значении;

А младенцов де у них Матюшки з братьями в церкви и в домех никто не крещивали, потому что у них... в волости младенцов не бывало (АХиУстЕп, 1, 689; Ч. и допр. р., № CLVII, 1686 г., Устюг — пример из [Курмачев 1996]) 'не было — в то время'.

Перед нами сохранение неитеративного употребления *бывать*, но при этом важно обратить внимание на то, что это общефактическое значение, а не древнее актуально-длительное, которое мы видели в книжных текстах. С другой стороны, как уже говорилось выше, в общефактическом контексте признак повторяемости действия может быть нейтрализован, а в ряде случаев речь идет о несомненно единичном действии, повторяемость которого имплицитно только как потенциальная, — в таких контекстах вполне возможны и новые итеративы типа *хаживать*, особенно от стативных глаголов. Ср. приведенные выше примеры с глаголами *служивал, сылывал, суживал, бегивал*, ср. также примеры:

Государь хачивал на поминках помиритца (Оч. по истории опричнины, 537 [Никифоров 1952: 116]); И бывию ему на Святѣ озерѣ своемъ у церкви свягаго Преображенія Господня, яже поставилъ Киприанъ митрополитъ и часто тамо живалъ занеже любилвалъ лѣсныя пустыння мѣста (НЛ, 1411 г., 216) — подробнее об употреблении таких образований от стативных основ см. [Шевелева 2016].

Таким образом, неитеративное употребление *бывать* в общефактическом контексте соответствует возможности подобного употребления и новых итеративов типа *хаживать*. Оказывается, что древняя способность *бывати* иметь неитеративное значение в старорусскую эпоху поддерживается возможностью поздних так называемых многократных глаголов выступать в общефактических контекстах неитеративной интерпретации. При этом исконная способность *бывати* употребляться и в актуально-длительном значении в живом древнерусском языке, видимо, была довольно рано утрачена и сохранялась лишь в книжной церковнославянской традиции.

Обращает на себя внимание еще тот факт, что среди контекстов с неитеративным *бывать* из не книжных памятников XV–XVI вв. преобладают такие, где *бывать* обозначает ситуацию, впоследствии прекратившую существование, — ср. приведенные примеры из рязанских деловых документов XVI в., а также аналогичный не книжный контекст из летописи (о не книжности фрагмента здесь явно свидетельствует и синтаксис, и прошедшее на -л-): *Того же лѣта поставленъ бысть Ростову архіепископъ Іасафъ, бывалъ (Т.- былъ) князь Оболенскіи, а приведоша его з Белоозера из Ферापонтова монастыря, а Коломнѣ поставленъ Герасимъ изъ Боровска изъ Пафнотьева монастыря, а Рязани Семиона, попъ бывалъ мирскыи на Коломнѣ, потомъ в чернецехъ быль оу митрополита (ТЛ, 1481 г., л. 280об.) — интересно, что как и в примере из Ряз. писц. кн. 1553 г., здесь в том же значении встречается и простое *быль*, однако *бывалъ*, скорее всего, эту семантику специально подчеркивает.*

То же значение отмечалось у неитеративного *бывал* и в текстах XVII–XVIII вв. — см. обсуждаемые в [Сичинава 2013] примеры (*бывал солдат* [а теперь уже не солдат], *бывалъ нашъ братъ мужичий сынъ* [а теперь изменил социальный статус, став царем] (1637), *оплечье бывало низано жемчюгом, а жемчуг спорот* [теперь жемчуга нет] (1683) и др. [СРЯ XI–XVII, 1: 363; Сичинава 2013:

227]); просматривается оно, кажется, и в современных севернорусских говорах (ср. в приведенных выше примерах И. В. Бегунц: *Я когда маленькая бывала...* — очевидно, что говорящая уже давно не маленькая). Так же и в наших примерах из старорусских текстов, ср. в приведенных выше контекстах из рязанских документов: *бывала парница на берегу* (1530 г.) — сейчас ее нет, *бывал наперед того в том мѣсте двор влѣдня луговицка* (1555 г.) — впоследствии прекративший существование, *бывали дрвни, а ѿнѣча пѣсты* (1553 г.) и т. д.

Как уже говорилось, подобное значение «давнопрошедшего» (прекращенной ситуации) легко возникает и у форм типа *хаживал* в соответствующих контекстных условиях. Для новых итеративов типа *хаживал* в старорусскую эпоху оно, несомненно, контекстуально обусловлено (см. подробнее [Шевелева 2016]). Видимо, так еще обстояли дела и с *бывати* — семантика прекратившей существование ситуации не была обязательной, хотя была представлена очень часто и, вероятно, даже преобладала. Ср., однако, пример с неитеративным *бывати* в «обычном» общефактическом контексте без противопоставления последующему положению дел из устюжского документа XVII в. (повторим контекст):

А младенцов де у них Матюшки з братьями в церкви и в домех никто не крещивали, потому что у них... в волости младенцов не бывало (АХиУстЕп, 1686 г. — см. выше) 'не было — в то время' — здесь нет ни итеративного значения 'ни разу не (было)', т. е. 'никогда', ни давнопрошедшего — перед нами просто отрицание факта существования данного действия, отнесенное к некоторому заданному прагматически периоду времени ('тогда, в то время'), очевидно недлительному.

Наличие таких употреблений в документах втор. пол. XVII в. показывает, что значение прекращенной ситуации не было обязательным значением неитеративно-го *бывать*, хотя, возможно, тенденция к его грамматикализации была.

4. Таким образом, в XV–XVII вв. употребление *бывать* в прошедшем времени сближается с поздними итеративами, сохраняя при этом возможность неитеративной (но не актуально-длительной!) интерпретации. Такое употребление возможно еще в XVIII в. и до сих пор сохраняется в севернорусских говорах и в фольклорных текстах.

Так же сблизились с новыми итеративами в старорусский период *видать* и *слыхать*, при этом все эти три глагола сохраняли и некоторые отличия аспектуального поведения от итеративов типа *хаживать* — не только в способности *бывать* и *видать* иметь формы непрошедшего времени, но и в возможности выражать конкретное единичное действие, в фольклоре сохраняющейся до сих пор, ср. из сказок: *Наливала ему баушка чарочку бражки; Он чарочку выпивал и пьян не бывал* (СкАз, I, 153. Самарская обл.) [Новикова 2016: 294]; *И в это время видела мышь, как она клала перстень себе в рот...* (СкАз, II, 297. Иркутская обл.) [Там же: 267] и под.⁶; ср. аналогичное употребление *видать* и *слыхать* в памятниках

⁶ В работе [Новикова 2016] предлагается видеть отличие употребления *бывать*, *видать*, *слыхать* от итеративов типа *хаживать*, *едать* и под. именно в этой способности использоваться

XV–XVII вв.: *И царь пришед и силу великого князя прибил, а стражи руския не видали* (УЛ, 1438 г., л.109); *И придоша под Казань в неделю на ранней зоре безвестно, а сторожы тотарские не слыхали* (УЛ, 1469 г., л.122) [Там же: 282]; *А Дари Менденис не слыхал, как царь ис полаты вышел* (Сл. о ц. Мих., 166, XVI–XVII вв.) [СРЯ XI–XVII, 25: 146], ср. у Аввакума: *Да и опять-де проехали, не видали меня* (ЖПА, л.252об.) — допустимо и сейчас.

Для *видать* и *слыхать* такое употребление в значении конкретного единичного действия, как уже говорилось, допустимо до сих пор, причем даже в рамках литературного языка — ср. приведенные примеры из памятников, возможные и в современном употреблении, хоть и с некоторым оттенком архаичности или стилизации под фольклор. Сблизившись в старорусскую эпоху с новыми итеративами, *видать* и *слыхать* так и не утратили в прошедшем времени некоторые отличия от них, не пошли впоследствии по характерному в системе литературного типа для форм типа *хаживал* пути сужения значения до прекращенной хабиутуальности (см. об этом [Шевелева 2016]) и более свободно могут выражать конкретное единичное действие и сейчас. Позднее от них появились новые «нормальные» итеративы *видывать* и *слыхивать*, не отличающиеся по своему аспектуальному поведению от *хаживать*, *едасть* и под. (ср. *Никто его не видывал, А слышать всякий слыхивал* Некр. Кому на Руси. [БАС, 2: 358]).

Бывать же в системе литературного типа пошел по общему с итеративами типа *хаживал* пути сужения значения и закрепил у форм прошедшего времени семантику узуально повторявшейся в дистанцированном прошлом ситуации — и утратил возможность неитеративного употребления, как и употребления не в значении неактуального прошедшего (прекращенной ситуации).

В севернорусских говорах, судя по всему, употребление *бывать* сохраняется близким к тому, что было в представлено в некнижных текстах XV–XVII вв., — неитеративное употребление остается возможным [Бегунц, в печати]. И так же, как у *видать* и *слыхать*, у него есть новый производный итератив *бывывать* [Даль, I: 147; АОС, 2: 205 и др.]⁷. Вопрос о специфике семантики *бывать* и *бывывать* в пределах одной диалектной системы еще требует исследования.

Литература, источники, сокращения

АОС, 1 - — Архангельский областной словарь. Вып.1.- М., 1980.-

АСЭИ, I–III — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. Т. I–III. М., 1953–1966.

в так называемом единично-фактическом значении локализованного действия, тогда как новые итеративы возможны только в собственно общефактическом контексте и не допускают конкретной временной локализации.

⁷ Наличие такого образования «второй ступени», впрочем, еще нельзя считать доказательством особой, отличной от итеративов типа *хаживать* семантики *бывать* в данной диалектной системе — ср. подобные образования и при некоторых «нормальных» итеративах в рамках одного говора, например широко представленное *бирывать*, трактуемое скорее всего как производное от очень частотного *бирать* [см. АОС, 2: 23–24; Пожарицкая 1991: 90; Ровнова 1991: 89–90 и др.].

- АХиУЕ, I–II — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. I–II. М., 1890.
- БАС, 1–17 — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л., 1950–1965.
- Бегуниц И. В.* Об употреблении так называемых многократных глаголов в одном севернорусском говоре (в печати).
- ВПЛ — Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М., 2006.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. 2 изд. СПб.; М., 1880–1882.
- ЖАЮ — *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- ЖМП — Житие митрополита Петра Киприановской редакции по списку ГИМ, Синодальное собрание, № 637; Сборник Житий и слов 1459 г., лл. 149–174 об. (рукопись).
- ЖПА — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1 (Русская историческая библиотека 39). Л., 1927. С. 1–240.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2 изд., доп. М., 2004.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию // *Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д.* Русская аспектология: В защиту видовой пары. М., 2015.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. II. Летопись Ипатьевская. М., 1998.
- Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.
- КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).
- Курмачев А. Ю.* Бесприставочные имперфективы на *-ыва/-ива-* в памятниках деловой письменности XV–XVII вв. Дипломная работа. МГУ, 1996 (рукопись).
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. М., 1997.
- Маслов 2004/ 1961 — *Маслов Ю. С.* Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // *Маслов Ю. С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 445–476.
- Маслов 2004/ 1965 — *Маслов Ю. С.* Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // *Маслов Ю. С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 365–395.
- Никифоров С. Д.* Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.
- НЛ — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XI (1362–1424 гг.). СПб., 1897; Т. XII (1425–1506 гг.). СПб., 1901; Т. XIII (1506–1558 гг.). СПб., 1904 (Репринт: М., 2000).
- Новикова М. В.* Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII–XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук. МГУ. М., 2016.

НПЛмл — Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

НПЛст — Новгородская первая летопись старшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

Падучева Е. В. К аспектуальной характеристике глагола *быть* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Т. IX. История русского языка и культуры: Памяти Виктора Марковича Живова. М., 2016 (в печати).

Пам. Ряз. — Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / Под ред. С. И. Коткова. М., 1978.

ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат., НПЛмл).

Пенькова Я. А. Финитные образования от основы *буд-* в языке памятников русской письменности XII-первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис): дис. ... канд. филол. наук. МГУ. М., 2012.

Пожарицкая С. К. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991. С. 84–93.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.; Л., 1941.

ПскЗлет — Псковская 3-я летопись по Строевскому списку // Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.

Ровнова О. Г. Многократные глаголы в одном вологодском говоре // Современные русские говоры. М., 1991. С. 94–103.

СДРЯ XI–XIV, I- — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I-. М., 1988-.

Сичинава Д. В. Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII в. // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 257–284.

Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта: Славянский плюсквамперфект. М., 2013.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

СРЯ XI–XVII, 1- — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1-. М., 1975- .

СтСл 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

ТЛ — Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Типографская летопись. М., 2000.

УЛ — Устюжская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв. Л., 1982.

Успенский Б. А. «Давнопрошедшее» и «второй родительный» в русском языке // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 118–134.

Шатуновский И. Б. Проблемы русского вида. М., 2009.

Шевелева М. Н. Еще раз о бесприставочных итеративах на *-ыва-/-ива-* типа *хаживать* в истории русского языка // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 140–178.

Шевелева М. Н. К истории грамматической семантики форм типа *хаживал, бивал, бирал* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32) (в печати).

ЭССЯ, 1- — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып.1-. М., 1974 -.

Maria N. Sheveleva

*Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)*

ON THE HISTORY OF THE OLD RUSSIAN VERB *BYVATI* (Aspectual Semantics)

The paper deals with the aspectual semantics of the verb *byvati* in its history from Early Old Russian up to today. The specific features of *byvat'* in Modern Russian, as distinct from the other iterative verbs like *khazhivat'* etc., derived from imperfective verbal stems during the Late Old Russian period, are conditioned by the fact that *byvati* was an ancient Common Slavic imperfective verb, derived from *byti*, which was neutral in its aspect, i.e. could be used both as perfective and imperfective. In Early Old Russian, *byvati* had both iterative and durative meanings, but its usage in progressive contexts was archaic and preserved especially in the Church Slavonic tradition. The meaning of general fact in the Past, especially in negative contexts, was quite possible. From the 15th century, when new iterative verbs appeared, they influenced *byvati*: the use of all these verbs in the Past tense became similar to that of their following history. But, *byvati* preserved its non-iterative usage up to the end of the 18th century, in the Northern Russian dialects and folklore texts up to today.

The history of the verb *vidati* was similar: in Old Russian it was also an imperfective verb derived from dual aspectual *viděti*. The verb *slykhati* emerged later; in its usage, the analogy with *vidati* played the most important role. But, in contrast with *byvat'*, both *vidat'* and *slykhat'* still can indicate a single non-iterative action.

Key words: the verb *byvati*, imperfective verb, iterative verbs, non-iterative usage, verbs *vidati* and *slykhati*.

References

- Akty Kholmogorskoi i Ustyuzhskoi eparkhii*. Ch. I–II. Moscow, 1890.
Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi 14–16 vv. T. I–III. Moscow, 1953–1966.
Arkhangel'skii oblastnoi slovar'. Vyp.1.- Moscow, 1980.-
Begunts I.V. *Ob upotreblenii tak nazyvaemykh mnogokratnykh glagolov v odnom severnorusskom govore* (v pechati).

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. T. I–IV. 2 izd. St Petersburg; Moscow, 1880–1882.

Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskij leksicheskij fond. Vyp.1-. Moscow, 1974 -.

Isachenko A. V. *Grammaticheskij stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya*. Ch. 2. Bratislava, 1960.

Kurmachev A. Yu. *Bespristavochnye imperfektivy na -yva-/-iva- v pamyatnikakh delovoi pis'mennosti 15–17 vv.* Diplomnaya rabota. MGU, 1996 (rukopis').

Maslov Yu. S. Rol' tak nazyvaemoj perfektivatsii i imperfektivatsii v protsesse vznikoveniya slavyanskogo glagol'nogo vida. *Maslov Yu. S. Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie*. Moscow, 2004, pp. 445–476.

Maslov Yu. S. Sistema osnovnykh ponyatii i terminov slavyanskoi aspektologii. *Maslov Yu. S. Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie*. Moscow, 2004, pp. 365–395.

Moldovan A.M. *Zhitie Andreya Yurodivogo v slavyanskoi pis'mennosti*. Moscow, 2000.

Nikiforov S.D. *Glagol, ego kategorii i formy v russkoi pis'mennosti vtoroi poloviny 16 veka*. Moscow, 1952.

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. Moscow; Leningrad, 1950.

Novikova M. V. *Osobennosti narrativnykh funktsii vido-vremennykh form v severnorusskikh bylinakh v sopostavlenii s pamyatnikami russkoi pis'mennosti 12–17 vv.:* dis. ... kand. filol. nauk. MGU. Moscow, 2016.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vida i vremeni v russkom yazyke; Semantika narrativa)*. Moscow, 1996.

Paducheva E. V. K aspektual'noi kharakteristike glagola byt'. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. T. IX. Istoriya russkogo yazyka i kul'tury: Pamyati Viktora Markovicha Zhivova*. Moscow, 2016 (in print).

Pamyatniki istorii staroobryadchestva 17 v. Kn.1. Vyp.1 (Russkaya istoricheskaya biblioteka 39). Leningrad, 1927, pp. 1–240.

Pamyatniki russkoi pis'mennosti 15–16 vv. Ryazanskij kraj. Pod red. S.I. Kotkova. M., 1978.

Pen'kova Ya. A. *Finitnye obrazovaniya ot osnovy bud- v yazyke pamyatnikov russkoi pis'mennosti 12-pervoi poloviny 16 vv. (morfologiya, semantika, sintaksis):* dis. ... kand. filol. nauk. MGU. Moscow, 2012.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. I. Lavrent'evskaya letopis'. Vyp.1–3. Moscow, 1997.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. II. Letopis' Ipat'evskaya. Moscow, 1998.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. XXVI. Vologodsko-Permskaya letopis'. Moscow, 2006.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. XI (1362–1424 gg.). St Petersburg, 1897; *T. XII (1425–1506 gg.)*. St Petersburg, 1901; *T. XIII (1506–1558 gg.)*. St Petersburg, 1904 (Reprint: Moscow, 2000).

- Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. XXIV. Tipografskaya letopis'.* Moscow, 2000.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. XXXVII. Ustyuzhskie i Vologodskie letopisi 16–17 vv.* Leningrad, 1982.
- Potebnya A. A. *Iz zapisek po russkoi grammatike.* T. IV. Moscow; Leningrad, 1941.
- Pozharitskaya S. K. O semantike iterativnykh glagolov v severnorusskikh govorakh. *Sovremennye russkie govory.* Moscow, 1991, pp. 84–93.
- Pskovskie letopisi.* Vyp. 2. Pod red. A. N. Nasonova. Moscow, 1955.
- Rovnova O. G. Mnogokratnye glagoly v odnom vologodskom govore. *Sovremennye russkie govory.* Moscow, 1991, pp. 94–103.
- Shatunovskii I. B. *Problemy russkogo vida.* M., 2009.
- Sheveleva M. N. Eshche raz o bespristavochnykh iterativakh na -yva-/-iva- tipa khazhivat' v istorii russkogo yazyka. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii.* 2012, no. 1 (23), pp. 140–178.
- Sheveleva M. N. K istorii grammaticheskoi semantiki form tipa khazhival, bival, biral v russkom yazyke. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii.* 2016, no. 2 (32) (in print) .
- Sichinava D. V. Chastitsy bylo i byvalo v russkom yazyke 18 v. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii.* 2012, no. 2 (24), pp. 257–284.
- Sichinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta: Slavyanskii plyuskvamperfekt.* Moscow, 2013.
- Slovar' drevnerusskogo yazyka (11–14 vv.).* T. I-. Moscow, 1988-.
- Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv.* Vyp. 1-. Moscow, 1975- .
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka.* V 17 t. Moscow; Leningrad, 1950–1965.
- Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka.* T. I–III. St Petersburg, 1893–1903.
- Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam 10–11 vekov).* Pod red. R. M. Tseitlin, R. Vecherki i E. Blagovoi. Moscow, 1994.
- Uspenskii B. A. «Davnoproshedshee» i «vtoroi roditel'nyi» v russkom yazyke. *Issledovaniya po slavyanskomu istoricheskomu yazykoznaniiyu: Pamyati professora G. A. Khaburgaeva.* Moscow, 1993, pp. 118–134.
- Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt.* 2 izd., dop. Moscow, 2004.
- Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. Vvedenie v russkuyu aspektologiyu. *Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. Russkaya aspektologiya: V zashchitu vidovoi pary.* Moscow, 2015.
- Zhitie mitropolita Petra Kiprianovskoi redaktsii po spisku GIM, Sinodal'noe sobranie, no. 637; Sbornik Zhitii i slov 1459 g., ll. 149–174ob. (rukopis').*

И. С. Юрьева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
iriwonok@yandex.ru

**МЕСТО ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
С НАЧИНАТЕЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ
В СИСТЕМЕ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЁН
ДРЕВНЕРУССКИХ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТОВ***

В статье рассмотрены особенности функционирования инфинитивных конструкций с претеритами глагола **начати (почати)**. В качестве основного материала выбраны ранние древнерусские летописи и некоторые восточнославянские переводные памятники.

Нача-конструкции в восточнославянских текстах употребляются в статистически значимых количествах: в переводных памятниках их употребимость сравнима с формами плюсквамперфекта, в некоторых оригинальных — даже имперфекта. Семантика и сочетаемость древнерусского **начати (почати)** значительно отличались от современной ситуации. Можно предположить, что названные инфинитивные конструкции в древнерусском языке были встроены в систему претеритов и могли выступать, в частности, как аналог старославянского начинательного имперфекта. В связи с особенностями сочетаемости древнерусского **начати** описано также соотношение **начати (почати)** и **-коньчати**.

Ключевые слова: древнерусский язык, церковнославянский язык, глагольная система, формы прошедшего времени.

1. Инфинитивные конструкции с формами прошедшего времени глагола **начати (почати)** (в абсолютном большинстве случаев это аорист) в нарративных текстах используются достаточно активно. В настоящем исследовании рассматриваются особенности значения и употребление таких сочетаний, а также их место в системе претеритов.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова.

2. В качестве основного материала выбраны ранние древнерусские летописи: По-весть временных лет), Киевская, Галицкая и Волынская¹ летописи по Ипатьевско-му списку (далее соответственно ПВЛ, КЛ, ГЛ и ВЛ), Новгородская Первая лето-пись старшего извода по Синодальному списку (далее НПЛ) и Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (далее СЛ), а также некоторые восточнославянские пе-реводные памятники: Александрия (далее Ал.), Житие Андрея Юродивого (далее ЖАЮ), История иудейской войны Иосифа Флавия (далее ИИВ) и Пчела (далее Пч.). Для сравнения приводятся также данные одного памятника южнославянского про-исхождения — Изборника 1076 г. (далее И76), поскольку в южнославянских памят-никах **начьноу**-обороты крайне редки (о малом количестве претеритных форм **нача-ти** с инфинитивом в южнославянских текстах см. [Пичхадзе 2011: 342–346]).

3. В древнерусском языке — в основном в оригинальных памятниках — наряду с **начати** используется синонимичный глагол **почати**. По всей вероятности, его ис-пользование — результат влияния живого древнерусского языка, поскольку в за-висимости от типа памятника распределение **начати**–**почати** различно.

Так, в новгородских берестяных грамотах используется только **почати** (см. ука-затель в [Зализняк 2004]).

В летописных текстах употребляются оба глагола; в целом **почати** обычно встречается реже, чем **начати**: так, например, в КЛ «**нача**+инфинитив» встречает-ся 143 раза, «**поча** + инфинитив» — 88 раз, но частота их употребления различает-ся в разных частях памятника: на лл. 106в–160 **начати** встречается 48 раз (61%), **почати** — 31; на лл. 161–197 **начати** — 82 (88%), **почати** — 11; на лл. 198–212 **начати** — 7 (21%), **почати** — 16; на лл. 213–245 **начати** — 6 (17%), **почати** — 30.

В церковнославянских же памятниках, даже восточнославянского происхожде-ния, вариантов с приставкой **по-** намного меньше, чем с **на-**. Так, в ИИВ инфини-тивных конструкций с **почати** — 11 при 57 с **начати**, в Пч. **почати** с инфинитивом встречается 1 раз, в ЖАЮ и Ал., как и в И76, вообще нет таких сочетаний.

При этом никаких чисто функциональных различий между **начати** и **почати** в инфинитивных конструкциях не наблюдается, поэтому для анализа семантики, сочетаемости и определения места в системе времён оба глагола далее рассматри-ваются как совершенно равноправные, инфинитивная конструкция вне зависимо-сти от приставочного варианта может в тексте данной работы называться «**нача**-конструкция» или «**нача** + инфинитив».

4. Претеритных инфинитивных **нача**-конструкций в текстах восточнославян-ского происхождения значительно больше, чем сочетаний с презенсом, т. е. кон-струкций типа **начьноу творити**. Так, например, в ПВЛ на 20 конструкций с пре-зенсом приходится 171 конструкция с претеритами, в КЛ их 6 и 231, в СЛ — 2 и 70, в НПЛС и ВЛ нет ни одного оборота с презенсом. В ИИВ и Ал. презентные и пре-теритные конструкции соотносятся как 9 и 44 и 8 и 23, в ЖАЮ, где довольно много

¹ Бесспорная лингвистическая граница между ГЛ и ВЛ, традиционно объединяемых в «Га-лицко-Волынскую летопись», — статьи за 1260–1261 гг.; см., например, [Генсьорский 1961; Ворт 2006; Шевелева 2010; Юрьева 2013; 2016].

форм «сложного будущего I» с **начати**, тем не менее значительное преимущество у сочетаний с аористами: их 128 при 60 презентных конструкциях.

В южнославянском И76 ситуация иная: на 13 **начьноу**-оборотов — всего 4 претеритных.

Если представить данные об употреблении всех претеритных форм в рассматриваемых источниках в виде таблицы, получится следующая картина.

Система прошедших времён

	ПВЛ	НПЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ
Аорист	4320 (80%)	3325 (91%)	5933 (75%)	2015 (83%)	1091(67%)	3807 (84%)
Перфект	275 (5%)	109 (3%)	779 (10%)	63 (2,5%)	149 (9%)	222 (5%)
Плюсквамперфект	64 (1%)	56 (1,5%)	263 (3%)	76 (3%)	53 (3%)	127 (3%)
Имперфект	628 (12%)	108 (3%)	769 (10%)	247 (10%)	236 (14%)	292 (6%)
Нача + инфинитив	171 (3%)	48 (1%)	231 (3%)	13 (0,5%)	108 (7%)	70 (2%)

	Ал.	ЖАЮ	НИВ	Пч	И 76
Аорист	1007 (68%)	1407 (47%)	4261 (62%)	933 (73%)	414 (79%)
Перфект	132 (11%)	575 (19%)	764 (11%)	205 (16%)	72 (14%)
Плюсквамперфект	21 (1,4%)	74 (2%)	14 (0,2%)	1 (0,1%)	4 (0,8%)
Имперфект	295 (20%)	782 (26%)	1766 (26%)	139 (11%)	29 (6%)
Нача + инфинитив	23 (1,5%)	128 (4%)	44 (0,6%)	2 (0,2%)	3 (0,6%)

Как видно из таблицы, в процентном соотношении **нача**-конструкции в восточнославянских текстах употребляются в статистически значимых количествах: в переводных памятниках их число соотносится с числом форм плюсквамперфекта, в некоторых оригинальных — даже имперфекта. В оригинальных древнерусских текстах они употребляются значительно чаще, чем в переводных. Исключение среди оригинальных — ГЛ, намеренно отталкивающаяся от древнерусских книжных норм в сторону церковнославянских [ср. Юрьева 2013; 2016]; исключение среди переводных — ЖАЮ с его особым языком, в котором исследователями отмечается множество собственно древнерусских особенностей (см., например, [Молдован 2000: 16–105]).

Приведённые данные позволяют предположить, что в восточнославянских текстах сочетания **начати** с инфинитивом именно в претеритных формах играли особую роль.

Что же позволило **нача**-конструкциям занять такое место?

5. В подавляющем большинстве случаев инфинитивные обороты с **начати** практически не отличаются от современных, ср. **нача кънажити** — *начал княжить* и т. п. Но у древнерусского глагола **начати** (**почати**) по сравнению с современным русским эквивалентом была иначе устроена сочетаемость — в частности, не было большинства ограничений, подобных существующим в современном русском литературном языке².

² За исключением невозможности образовывать конструкции с инфинитивами СВ (об этом ограничении в современном русском литературном языке см., например, [Падучева 2001: 29]). Это

Иногда отличия в сочетаемости можно объяснить некими внешними факторами — например, изменением значений или особенностей употребления соответствующих глаголов. Так, **вѣлѣти** в древнерусском значит ‘выражать свою волю’, а не ‘приказать’, **владѣти** — ‘править’, а не ‘обладать’. Поэтому даже по современным правилам ограничений на *начать*-конструкции с этими глаголами не было бы.

С другой стороны, сокращение числа возможных инфинитивных конструкций с *начать* в истории русского языка может объясняться и вытеснением части сочетаний с **начати** / **почати** оборотами с глаголом **стати**, которые начинают распространяться с XV в. [Молдован 2010: 7], — в результате в ходе развития языка устанавливаются закономерности, согласно которым инфинитивы различной семантики распределяются между *начать* и *стать*, ср. [Зализняк, Шмелев 2002: 219–222].

6. У **начати** в древнерусском языке имеется возможность образовывать конструкции с теми инфинитивами, которые плохо сочетаются с современным *начать*.

Один из самых частотных инфинитивов, входящих в *нача*-обороты, — инфинитив **дати** / **давати**. В части случаев близкие контексты не невозможны и в современном русском языке — например, если речь идёт о начале множества ситуаций: 1) **стѣполкъ же вканыны нача княжити в киевѣ и созва въ люди и нача дати. вѣвѣмъ корьзна. а другимъ кѣнами и раздаа множество** (ПВЛ, под 1015 г., л. 53) — ср. *Святополк начал раздавать кому плащи, кому деньги*.

Гораздо интереснее сочетания **начати** с **дати**, у которых нет параллелей в современном языке, например: 2) **Ростислав же видѣвъ множество половець оубоас. начатъ слатиса къ Изяславу мира проса. поча дати подъ собою Къкъвъ. а подъ Мстиславо^м Переяславль** (СЛ, под 1154 г., л. 115). Русский глагол *давать* (как и его приставочные производные) в таких случаях не допускает процессуализации.

Существование таких контекстов в окружении значительно более многочисленных «обычных» повествовательных форм, наподобие **В то же лѣто. Вячеславъ смолвася съ Всеволодомъ. да Изяславоу Переяславль снѣцу своему** (КЛ, под 1142 г., л. 115об.) может указывать на изменение в ходе развития языка семантики **дати**, а не **начати**.

Но имеются и другие примеры невозможной в современном языке сочетаемости у **начати** / **почати**.

7. Яркой иллюстрацией таких особенностей рассматриваемого глагола являются конструкции со стативами³. Приведём несколько примеров из ЖАЮ — ради возможности сравнения переводов: 3) **он же се слышавъ. боатиса нача** (в греч. аор.

ограничение действует и в исследованных памятниках: во всех случаях, когда можно было бы предположить СВ, имеется порча текста. Например, это инфинитивы **въставити** вм. **въставати** в КЛ (л. 113 об., под 1140 г.), **заклати** вм. **закалати** в ПВЛ по списку Московского свода конца XV в. (л. 21 об., под 1097 г.), инфинитив **сътворити** вм. **творити** в Пч. по сп. РГАДА (Пч. 23.18–22).

³ «Нестандартные» инфинитивы возможны и с презенсом или причастными формами начального глагола, но поскольку именно претеритные конструкции наиболее частотны в повествовательных текстах, ограничимся только сочетаниями «аорист + инфинитив».

ἔφριξεν) ◊ прорицаныи ст҃го. помануѣвъ страшноѣ чюдо (ЖАЮ 1964–1965) — переводчик здесь выбрал именно *нача*-конструкцию, хотя в ЖАЮ та же форма может переводиться иначе, ср.: *разумѣвши же видинага въ снѣ и оубогаѣ* (ἔφριξε). *и себе нача хулити* (ЖАЮ 3501–3502); *видив же двери ѿверзъшася. оужасеса* (в греч. аор. ἔφριξεν) *страхы и нача трепетати...* (ЖАЮ 1869–1870); 4) *ѿтолѣ любви нача* (в греч. имперфект ἦγάλα) *книфанъ хлапа того* (ЖАЮ 1749) — для перевода четырех имперфектов ἦγάλα в ЖАЮ в двух случаях употреблен имперфект *любла(а)ше*, в двух — *начинательная* конструкция, которая в ЖАЮ соответствует *начинательному имперфекту*; 5) *взем же ѿ масла. данаго бѣмъ. помазавса по всему тѣлу своему. стоати нача* (в греч. имперфект ἵστατο). *моласа к заступници всего рода члѣвцска* (ЖАЮ 2095–2097). Медиальный имперфект от ἵστημι в ЖАЮ переводится ещё аористом *стоа* и имперфектом *стоаше* — в процитированном примере инфинитивный оборот явно подчеркивает начало процесса, то есть ‘начал + продолжил’.

Конструкции «*начати / почати* + статив» отмечают и точку возникновения состояния, и само состояние в течение (длительного) времени. Подтверждением этого служат прямые лексические указания на длительность, ср.: б) *по ошествини же сотонинѣ ст҃ць нача мочити слезами лице свое. нача молчати* (ῶσπερ ἐννεός γενόμενος) *на многы часы* (ЖАЮ 5934–5935).

8. При сравнении сходных контекстов, включающих, с одной стороны, инфинитивные *нача*-обороты, с другой стороны, формы аориста от тех же инфинитивов, можно выделить значение ‘начало длительного процесса’ у *нача*-конструкций:

7а) ... *влегъ же мало ѿступивъ ѿ города. нача миръ творити съ црѣма грѣцкыма. съ лешномъ и съ александрѣмъ. посла к нимъ в городѣ карла. фарлофа. велмуда. рѣлава. и стѣмида гл҃имете ми са по дань...* (ПВЛ, под 907 г., л. 12) — 7б) *и приде къ црю граду въ силѣ велицѣ и в горъдости. и створи миръ с романомъ црѣмъ. и възвратисъ въ своа си...* (ПВЛ, под 929 г., л. 17).

8а) *Въ прежереном же лѣтѣ Миндовгова оубитыа. бы свада оу Романа княза. оу Браньского. и нача ѿдавати милоюю свою дочьь именемъ Влгоу. за Володимера княза снѣ Василкова внука великаго княза Рома^н Галничкаго (ВЛ, под 1264 г., л. 287) — 8б) и приѣха во Браньскъ. с повѣдою. и чѣтью великою и не мнѣ раненъ(!). на тѣлеси своемъ. за радость. и ѿда дочьь свою. вѣвахуць бо оу него иныѣ три а се четвертаа. сил же вѣшетъ емоу всиухъ милѣе* (ВЛ, под 1264 г., л. 287).

В контекстах (а) обеих приведенных групп есть дополнительное указание на начало процесса — в отличие от простого сообщения о событии в контекстах (б).

Можно предположить, что, поскольку сочетания «*нача* + инфинитив» могли обозначать начало длительного процесса / нахождения в определенном состоянии, инфинитивные *нача*-конструкции в древнерусском языке выступали как аналог старославянского *начинательного имперфекта*. Этим можно объяснить малое количество таких оборотов в И76 (как показывают сравнительные данные таблиц выше) и в южнославянских текстах в целом, поскольку в южнославянских языках имперфект до сих пор — живая форма.

Количество начинательных конструкций в нарративных текстах в среднем тем больше, чем текст моложе. Так, если в ПВЛ и КЛ соотношение имперфектов (без **быти**) и **нача**-конструкций — примерно 3,5, то в СЛ это соотношение составляет уже 2,5, а в ВЛ на 118 имперфектов (опять же исключая формы глагола **быти**) приходится 108 **нача**-конструкций. Возможно, по мере утраты памяти об имперфектных значениях место имперфектов в древнерусских текстах могли занимать начинательные обороты.

9. Ещё одна особенность сочетаемости, резко отличающей **начати** от современного *начать*, позволяет древнерусскому глаголу оформлять ситуацию не только с точки зрения начала, но и с точки зрения конца её существования. Это возможность постановки отрицания между компонентами инфинитивной конструкции.

В разговорной речи, впрочем, и сейчас периодически возникают такие сочетания, ср.: ... (о тексте летописи в компьютере) *начала не распознаваться* (в личном разговоре); *Как телу впервые чего-то не хватило, а потом уже постоянно начало не хватать*... Александр Терехов. «Каменный мост» (1997–2008) [НКРЯ] и под. Но всё же обороты такого типа достаточно маргинальны в современном русском языке и, возможно, лексикализованы.

Ограничения на конструкции с *не у начать* в русском языке объясняются, во-первых, существованием оборотов с *перестать*, во-вторых, невозможностью для *начать* сочетаться с глаголами состояния [Падучева 2004: 194]. В древнерусском языке не было оборотов с *перестать*, глагол **начати**, как было показано выше, со стативами сочетался, что автоматически снимает и ограничения на обороты с *не*.

Конструкции с отрицанием встречаются как в переводных, так и в оригинальных произведениях, например: 9) *гарславѣ сѣщѣ в новѣхъ городѣхъ и оурокомѣ дающе .Ѡ. гривенѣ. Ѡ года до года. {кыевѣ}. а тыщю новѣхъ городѣхъ гривенѣ раздавахѣ. и тако дахѣ вси посадницѣ новгородьстии. а гарславѣ почѣ сего не дати кыевѣ щю своему* (ПВЛ, под 1014 г., л. 48 об.); 10) *оли же почѣ ходити мнѣлица со стюю бѣю. в ризахѣ по городу. тожѣ почаша не гравити* (*перестали грабить* — КЛ, под 1175 г., л. 209,); 11) *Ѡтолѣ нача не приходити* (*οὐκέτι συνελθεῖν προσέθετο*) *къ кпифанѣ ни на чтоже дѣховнок. нѣ нача ходити на блѣды* (ЖАЮ 3041–3042) — в переводе этого контекста с помощью «положительной» и «отрицательной» параллельных конструкций выражены зеркальные ситуации: юноша ‘начал не (при)ходить’ к Епифану, а напротив, ‘начал ходить’ в блудилища.

10. В связи с особенностями **начати** / **почати** обращает на себя внимание соотношение этих начинательных глаголов с глаголом **коньчати**, поскольку в отличие от современных русских соответствий *начинать* (*начать*) и *кончать* (*кончить*), древнерусские глаголы принципиально различались и по сочетаемости, и, соответственно, по способу обозначения ситуации.

Глагол **коньчати**, по всей видимости, изначально имел только объектную валентность: 12) и *трапезницю кончаша* (*достроили / закончили*) *печерьскаго манастиря* (ПВЛ, под 1108 г., л. 72 об.). Значения этого глагола были первоначально

связаны только с результатом: завершённостью, доведением до конца, ср. данные [Срезн. I: 1275–1276, СДЯ XI–XIV 4: 256–257; СлРЯ XI–XVII 7: 285].

В ранних древнерусских летописях встречаются такие употребления **коньчати**, в которых на первый взгляд можно предполагать эллипсис инфинитива, ср.: 13) *заложи цркъвь камаиу на городьныхъхъ воротѣхъ. бѣлюбивъи архепѣтъ новгородьскыи мартѣринъ въ има сѣтъа бѣа положении ризы и поаса; и начаша дѣлати м(с)ца мая въ ·д· на сѣго нсакиа; а концаша (доделали/завершили) м(с)ца авгоу(с) въ ·б·, на сѣго стефана* (НПЛ, под 1195 г., л. 55) — но поскольку ни в одном раннем тексте не встречается ни одного случая сочетания типа ***коньчаша дѣлати**, предположение об эллипсисе инфинитива крайне маловероятно. При этом сочетания **коньчаша црковь** встречаются во множестве, ср.: *въ тѣмъ лѣтѣ ·концаша цркъвь сѣго въскрѣсенна* (НПЛ, под 1196 г., л. 57), поэтому и наиболее вероятным в контекстах с эллипсисом представляется именно эллипсис имени.

Развитие современного соотношения *начать–кончатъ* можно представить так. Древнерусский глагол **начати** в инфинитивных конструкциях первоначально мог обозначать ситуацию как со стороны начала ее существования / длительного протекания, так и со стороны ее прекращения (с помощью конструкций с **не**) — и, таким образом, выполнял как функцию современного *начать*, так и функцию *кончатъ* (*кончить*). Со временем **начати** утратил свою вторую функцию — в современном русском литературном языке конструкция «*начьноу + не*» не является нормативной и допускается только в специфических разговорных контекстах.

У глагола же **коньчати** исходно существовала только объектная валентность и, соответственно, только результитивное значение — и только со временем **коньчати** приобрёл возможность выступать в инфинитивных конструкциях в роли фазового антонима *начать*.

Источники

Ал. (Александрия) — *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: Исследования и текст. М., 1893.

ВЛ — Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 848–938.

ГЛ — Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 715–848.

ЖАЮ — [Молдован 2000: 159–630].

И76 — Изборник 1076 г. 2-е изд. / Подгот. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Гольщенко. Под ред. А. М. Молдована. М., 2009

ИИВ — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I. М., 2004.

КЛ — Киевская летопись // Ипатьевская летопись (БАН 16.4.4), лл. 106 об.–245.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru

НПЛ — Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 13–100.

ПВЛ — Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 1–285.

Пч. (*Пчела*) — «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I–II. М., 2008.

СЛ — Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. С. 287–540.

Литература

Ворт Дин. К проблеме датировки Галицко-Волынской летописи // *Ворт Дин.* Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 254–268.

Генсьорский А. I. Галицко-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ, 1961.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Семантика ‘начала’ с аспектологической точки зрения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2002. С. 211–224.

Молдован А. М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.

Молдован А. М. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5–17.

Падучева Е. В. Фазовые глаголы и семантика начинательности // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 60. 2001. № 4. С. 29–39.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в Древней Руси лингвистический аспект. М., 2011.

Срезн. I–III — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка в 3-х тт. Т. I–III. СПб., 1901–1903.

СДЯ XI–XIV 1–8 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. 1–8. М., 1988–2008 (Т. 6, 2-е изд. М., 2009).

СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. Вып. 18. М., 1992.

Шевелева М. Н. Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/ива- в летописях XII–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 199–241.

Юрьева И. С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2012–2013>. М., 2013. С. 135–151.

Юрьева И. С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования / Jitka Komendová a kol. (eds). Olomouc, 2016. С. 65–78.

Irina S. Yurjeva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

**THE PLACE OF INFINITIVE CONSTRUCTIONS WIHT INCHOATIVE
VERBS IN THE SYSTEM OF PAST TENSES IN OLD RUSSIAN
AND CHURCH SLAVONIC TEXTS**

This article reviews the characteristics of the functioning of infinitive constructions with preterites of the verb *nachati* (*pochati*). The Old Russian chronicles and some Eastern Slavonic translated annals were chosen as the main material.

In the Eastern Slavonic texts *nacha*-constructions are used in statistically considerable numbers: in translated annals the usage of *nacha*-constructions is comparable to that of pluperfect forms, and in certain texts it is even comparable to that of imperfect forms. The semantics and collocation of the Old Russian *nachati* (*pochati*) were considerably different from the present situation. It may be suggested that the cited infinitive constructions in the Old Russian language were embedded into the system of preterites and could perform, in particular, as the analogue of the Old Slavonic inchoative imperfect. In connection with the characteristics of the collocation of the Old Slavonic *nachati* (*pochati*), the (*na*)*chati* and *-konьchati* correlation is described as well.

Key words: Old Russian language, Church Slavonic language, verb system, forms of the past tenses.

Referenses

Gens'orskii A. I. *Galits'ko-Volins'kii litopis (leksichni, frazeologichni ta stilistichni osoblivosti)*. Kiïv, 1961.

«*Istoriya Iudeiskoi voiny*» *Iosifa Flaviya: Drevnerusskii perevod / Izd. podgot. A. A. Pichkhadze, I. I. Makeeva, G. S. Barankova, A. A. Utkin. T. I. Moscow, 2004.*

Istrin V. M. *Aleksandriya russkikh khronografov: Issledovaniya i tekst*. Moscow, 1893.

Izbornik 1076 g. 2-e izd. / Podgot. M. S. Mushinskaya, E. A. Mishina, V. S. Golyshenko. Pod red. A. M. Moldovana. Moscow, 2009

Kievskaya letopis' // Ipat'evskaya letopis' (BAN 16.4.4), ll. 106 ob.–245.

Moldovan A. M. «*Zhitie Andreya Yurodivogo*» v *slavyanskoi pis'mennosti*. Moscow, 2000.

Moldovan A. M. K istorii fazovogo glagola stat' v russkom yazyke . *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010, no. 1 (19). pp. 5–17.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: www.ruscorpora.ru

Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego izvoda po Sinodal'nomu spisku. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. III. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov*. Moscow, 2000. S. 13–100.

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moscow, 2004.

Paducheva E. V. Fazovye glagoly i semantika nachinatel'nosti. *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. T. 60. 2001. №4. S. 29–39.

«Pchela»: *Drevnerusskii perevod* / Izd. podgot. A. A. Pichkhadze, I. I. Makeeva. T. I–II. Moscow, 2008.

Pichkhadze A. A. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v Drevnei Rusi: lingvisticheski aspekt*. Moscow, 2011.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. I. Lavrent'evskaya letopis'. Moscow, 1997, pp. 287–540.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. II. Ipat'evskaya letopis'. Moscow, 1998, pp. 1–285.

Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) T. 1–8. Moscow, 1988–2008 (T. 6, 2-e izd. Moscow, 2009).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 10. Moscow, 1983. Vyp. 18. Moscow, 1992.

Sheveleva M. N. Vtorichnye imperfektivy s suffiksom -yva-/-iva- v letopisyakh XII–XVI vv. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010, no 2 (20), pp. 199–241.

Sreznevskii I. I. *Materialy dlya Slovarya drevnerusskogo yazyka v 3-kh tt.* T. I–III. St Petersburg, 1901–1903.

Vort Din. K probleme datirovki Galitsko-Volynskoi letopisi. In: Vort Din. *Ocherki po russkoi filologii*. Moscow, 2006, pp. 254–268.

Yurjeva I. S. Lingvisticheskie parametry stilisticheskikh razlichii mezhdru Galitskoi i Volynskoi letopisyami. *Pis'mennost' Galitsko-Volynskogo knyazhestva: istoriko-filologicheskie issledovaniya* / Jitka Komendová a kol. (eds). Olomouc, 2016, pp. 65–78.

Yurjeva I. S. Nekotorye osobennosti sintaksisa, morfologii i leksiki tak nazyvaemoi Galitsko-Volynskoi letopisi. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka <2012–2013>*. Moscow, 2013, pp. 135–151.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow, 2004.

Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. Semantika 'nachala' s aspektologicheskoi tochki zreniya. *Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* / Otv. red. N. D. Arutyunova. Moscow, 2002, pp. 211–224.

Научное издание

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Выпуск 10, 2016 г.**

Материалы международной научной конференции
«Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии»
(30 мая — 1 июня 2016 г.)

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 27.12.2016. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 44,8. Заказ № 814
Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23